

Параг ХАННА

ВТОРОЙ МИР

Москва

Журнал «Свободная мысль»

Центр исследований постиндустриального общества

Издательство «Европа»

2010

УДК 327
ББК 66.2(7Coe)
X 29

Parag Khanna
The Second World
Copyright © 2008 by Parag Khanna

X 29

Ханна П.

Второй мир / Центр исследований постиндустриального общества;
Вступ. статья В.Л. Иноземцева. – М.: Издательство «Европа», 2010. – 616 с.
ISBN 978-5-9739-0195-0

В книге молодого американского политолога и историка, старшего научного сотрудника New America Foundation Парага Ханна предлагается новое видение геополитических реалий XXI века, основанное на предположении о «трехполюсности» формирующегося после завершения «холодной войны» мира. Отказываясь от традиционных подходов, автор переосмысливает понятия «первого» и «второго» миров, относя к «новому первому» миру лишь Соединенные Штаты, Европейский Союз и Китай. Большинство других крупных и влиятельных государств причисляются им к «новому второму» миру. Основываясь на этой логике, автор предлагает новую парадигму для поведения стран второго эшелона на глобальной геополитической сцене.

Представляемая книга Парага Ханна стала его первой крупной работой, но была с восторгом принята публикой и уже переведена на восемь иностранных языков. Она написана в простом стиле и содержит как теоретические рассуждения, так и богатый фактический материал, собранный автором в его поездках по всем описываемым странам. Проблемы, поднятые в книге, делают ее интересной для самого широкого круга читателей.

УДК 327
ББК 66.2(7Coe)

ISBN 978-5-9739-0195-0

© Parag Khanna, 2008
© Иноземцев В.Л., вступительная статья, 2010
© Центр исследований постиндустриального общества,
перевод и оформление, 2010
© Издательство «Европа», издание на русском языке, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Содержание	III-IV
Владислав Иноземцев.	
«Вторые и первые»	V-XL
Предисловие П.Ханны ко второму американскому изданию	XLI-XLVI
Предисловие	3
Введение	8
Часть первая. ВОСТОК ЗАПАДА	27 – 98
Глава 1. Брюссель как новый Рим	29
Глава 2. Российский откат	38
Глава 3. Украина: окраина становится мостом.	44
Глава 4. Балканы и восточные проблемы	56
Глава 5. Турция: путь на Запад – путь на Восток	68
Глава 6. Кавказский коридор	81
Часть вторая.	
ПРОБЛЕМЫ СРЕДИННОЙ ЗЕМЛИ	99 – 163
Глава 7. “Шелковый путь” и “большая игра”	100
Глава 8. Утраченная Россия.	108
Глава 9. Тибет и Синьцзян: новый бамбуковый занавес ...	116
Глава 10. Казахстан: счастье – это когда много трубопроводов	124
Глава 11. Киргизия и Таджикистан: независимые, но бессильные	134
Глава 12. Узбекистан и Туркменистан: “неуд” по поведению.	140

Глава 13. Афганистан и Пакистан: укрощение Южной и Центральной Азии	154
---	-----

Часть третья.

КОНЧИНА «ДОКТРИНЫ МОНРО»	165 – 225
Глава 14. Новые правила игры	167
Глава 15. Мексика: кровная связь	181
Глава 16. Венесуэла: месть Боливара	188
Глава 17. Колумбия: Балканы в Андах	197
Глава 18. Бразилия: Южный полюс	207
Глава 19. Аргентина и Чили: близнецы – братья	216

Часть четвертая. НА ПУТИ К «СРЕДНЕМУ

ВОСТОКУ»	227 – 331
Глава 20. Разорванный пояс	229
Глава 21. Магриб: южный берег Европы	235
Глава 22. Египет: между бюрократией и теократией	254
Глава 23. Машрик: дорожные карты	271
Глава 24. Бывший Ирак: буфер, “черная дыра” и нарушенные границы	292
Глава 25. Иран: добродетели и пороки	301
Глава 26. Течения в Заливе	309

Часть пятая. АЗИЯ – ДЛЯ АЗИАТОВ

Глава 27. Сначала снаружи – вовнутрь, потом изнутри – вовне	335
Глава 28. Китай: соблазнение Первого мира	350
Глава 29. Малайзия и Индонезия: большая китайская сфера сопроцветания	362
Глава 30. Мьянма, Таиланд и Вьетнам: внутренний треугольник	380
Глава 31. Масштаб имеет значение: четыре Китая	391
Заключение	419
Примечания	449
Указатель	519

Вторые и первые

Книга, которую мы сегодня представляем читателю, необычна прежде всего тем, что написана молодым человеком, совсем недавно еще неизвестным научному сообществу. Параг Ханна, ныне занимающий пост руководителя проекта «Глобальное управление» вашингтонского New America Foundation, родился 27 июля 1977 года в индийском Бомбее. После окончания Джорджтаунского университета он начал свою карьеру исследователем-ассистентом при Совете по внешней политике, затем поработал в аппарате Всемирного экономического форума в Женеве и в Институте Брукинга. С середины 2000-х годов П.Ханна начал активную преподавательскую и консалтинговую деятельность — в университетах и исследовательских центрах Берлина, Дели, Сингапура и многих других городов. Свободно владеющий хинди, английским, немецким, французским, испанским и арабским языками, П.Ханна за последние десять лет посетил более 100 стран мира.

Активная общественная деятельность принесла молодому исследователю десятки премий и почетных званий. В 2008 г. журнал Wired включил его в «список умников», журнал Esquire отметил как одного из 75 потенциально наиболее влиятельных людей XXI века, а Всемирный экономический форум в 2009 г. назвал «молодым лидером глобального масштаба». В 2008 г. Параг Ханна принял активное участие в предвыборной кампании Барака Обамы. Наш автор постоянно публикуется в таких известных изданиях, как The New York Times, Washington Post, Financial Times,

Los Angeles Times, The Guardian, International Herald Tribune, Die Zeit, Newsweek, BusinessWeek, Forbes, New Statesman, The New Republic, Prospect, Policy Review, The National Interest, Foreign Policy и многих других, а также состоит в редакционных советах более десяти влиятельных журналов и правлениях ряда научных фондов.

Рассуждение молодого американского исследователя о геополитике нового века во многом провокационно. Он отвергает привычное для воспитанных в советской традиции экспертов раз-

* См.: Sauvy, Alfred. "Trois mondes, une planète" en: *l'Observateur*, 1952, août 14, p. 14.

** См.: Nehru, Jawaharlal. "Speech to Bandung Conference Political Committee" in: Kahin, G.M. (ed.) *The Asian-African Conference*, Ithaca (NY): Cornell Univ. Press, 1956, pp. 64-72.

деление всех стран на «первый», «второй» и «третий» миры, введенное в знаменитой статье, которую французский социолог А.Сови опубликовал в газете *l'Observateur* в 1952 г.* и развитое Дж.Неру в речи на Бандунгской конференции 1955 года**. Сегодня, подчер-

кивает П.Ханна, ситуация в мире изменилась, и прежние понятия должны быть переосмыслены. Он пишет: «понятие "Второй мир" некогда относилось к одной шестой социалистической части земли, а затем в узком смысле — лишь к посткоммунистическим странам с переходной экономикой, а позже упоминание о Втором мире постепенно исчезло» (стр. 4). По мнению автора, пришло время вернуть его в понятийный аппарат. Что стоит за этим «новым старым понятием» в версии П.Ханны? Автор утверждает: «Государства можно группировать подобно химическим элементам периодической системы. Мы будем классифицировать их по размеру, уровню стабильности, благосостоянию и мировоззрению. Стабильные и процветающие страны Первого мира во многом получают выгоду от установившегося в наши дни международного порядка. В отличие от них бедным и нестабильным странам Третьего мира никак не удастся изменить свое плачевное состояние. А вот государства Второго мира оказались между двумя этими группами, причем у большинства из них обнаружился набор свойств, присущих как тем, так и другим. Страны Второго мира можно разделить на победителей и побежденных, богатых и неимущих. Как они поведут себя? Будут ли держаться

особняком, конфронтировать или объединяться, образуя сложные структуры? Поиску ответа на этот вопрос и посвящена представляемая книга» (там же).

Таким образом, предлагается делить мир на державы, обладающие значительной мощностью и выраженной идеологией, которые в книге именуются «империями»; государства, суверенитет которых «представляет собой не более чем посмешище» (стр. 9); и страны, занимающие промежуточную позицию и лавирующие между центрами силы, стремясь не скатиться к статусу «третьесортных». Оригинальна ли такая концепция? В общем и целом да, хотя у нее есть малоизвестные — но знаменитые — предшественники. Именно такой же по сути подход — отнесение к «первому миру» основных сверхдержав — был применен китайскими коммунистами в 1970-е годы. В феврале 1974-го Мао Цзэдун высказал мнение о том, что США и СССР принадлежат к первому миру, Япония, европейские государства и Канада — ко второму, а большая часть Азии, вся Африка и Латинская Америка — к третьему. Вторя ему, Дэн Сяопин, выступая в апреле того же года на 6-й специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, указал: «В контексте перемен, произошедших в последние годы на международной арене, можно говорить о “трех частях мира”, или о “трех мирах”, состоящих в противоречивом взаимодействии.

Соединенные Штаты и Советский Союз относятся к первому миру. Развивающиеся страны Азии, Африки, Латинской Америки и других регионов — к третьему. А

экономически развитые государства, не принадлежащие ни к тем, ни к другим — ко второму»*. Поэтому правильное говорить не столько о том, что П.Ханна заменил прежний методологический подход качественно новым, сколько о том, что он сделал нетрадиционный выбор в пользу одной из двух трактовок, параллельно существовавших (и почти одновременно угасших) во второй половине XX столетия. Изменились в его трактовке в первую очередь списки относящихся к каждому из «миров» — что и неудивительно «в контексте перемен, произошедших в последние годы на международной арене».

* Цит. по официальному интернет-сайту МИД КНР: www.fmprc.gov.cn/eng/ziliao/3602/3604/t18008.htm (посещен 2 апреля 2010 г.).

Сверхдержавы и сверхдержавки

Итак, начнем с Первого мира, каким он видится П.Ханне. К нему он относит те же Соединенные Штаты, которые и в XX веке были в мире доминирующей силой, а также объединенную Европу и Китай. Основным критерий выбора указан достаточно четко — это способность к развитию и расширению, к формулированию системы ценностей и целей и к распространению ее вне собственных границ. Значение Китая, ЕС и США определяется «географическим и демографическим потенциалом для расширения зоны влияния»; именно «статус расширяющихся держав, которым обладают [три сверхдержавы], придает им исключительность» (стр. 9). Автор прав, указывая, что современный мир уже не является пространством, на котором «обкатывает» свою модель некий единый центр — напротив, «уже сейчас очевидно, что в мире параллельно происходят американизация, европеизация и китаизация» (стр. 12). Каждая из новых держав Первого мира обладает своими притягательными чертами — при этом «Соединенные Штаты, Евросоюз и Китай олицетворяют собой три различных дипломатических стиля, соответственно: “коалиционный”, “консенсусный” и “консультативный”, и каждый претендует на то, чтобы стать главным в XXI веке» (стр. 13). Европейский Союз и Китай пока еще не имеют значительного опыта в управлении миром — они всего десять с небольшим лет назад начали оспаривать американское доминирование, — но даже это «способствовало ощутимому сдвигу в мировом масштабе, в результате которого возникли три сравнительно равных центра влияния: Вашингтон, Брюссель и Пекин» (стр. 11).

Автор называет трех ведущих геополитических игроков «империями». Он считает, что «деколонизация покончила с “искусственными империями” — небольшими государствами, с помощью принуждения повелевавшими заморскими колониями, но не с имперской идеей как таковой» (стр. 9), которая вернулась к нам в XXI столетии. Отчасти его последовательное обращение к имперской

тематике можно «списать» на крайнюю популярность этого понятия в последние годы* — однако вряд

* См., напр.: Hardt, Michael and Negri, Antonio. *Empire*, Cambridge (Ma.), London: Harvard Univ. Press, 2000; Todd, Emmanuel. *Après l'empire. Essai sur la décomposition du*

ли на нее одну. Новизна подхода П.Ханны в данном случае состоит в том, что он четко противопоставляет империи цивилизациям — в то время как обычно эти понятия если и не отождествляются, то выставляются достаточно близкими. «Империи, а не цивилизации, — пишет он, — наполняют географию смыслом... [они] не признают цивилизационных границ; по мере распространения своих норм и обычаев они могут изменять людей, к какой бы цивилизации те ни относились» (там же). Они определяют облик современного мира, и автор убежден, что в будущем «принцип многосторонних отношений появится, скорее всего, в ходе межимперского взаимодействия, а не в результате распределения ресурсов через совместные институты» (стр. 444). Новый мир, по П.Ханне — мир великих держав, круг которых уже определен, и среди которых никому больше не найдется места. В этом — основа его видения геополитики XXI века.

Следует отметить, что при всей увлеченности автора понятием империи, данный термин скорее призван придать его теории дополнительную «звучность», чем определяет ее глубинную суть. Так, он достаточно естественно обозначает три субъекта Первого мира и как «сверхдержавы», и как «доминирующие державы», а не только как империи. Он подчеркивает, что никто из них не является империями «в британском смысле слова», отмечая, что время военного доминирования над миром уже прошло, и что сегодня и впредь основой глобального могущества будет экономическая мощь и идеологическая привлекательность (см. стр. 10-11). Он говорит, что в определенной степени даже Россия еще является империей, пока не полностью потеряла контроль над бывшими советскими республиками (см. стр. 49). Соединенные Штаты, по его мнению, тоже упустили возможность стать «подлинной империей» нового времени, переоценив возможность контроля над Латинской Америкой (см. стр. 169) и предав в этом регионе свои

systeme americaine, Paris: Gallimard, 2002; Ferguson, Niall. *Empire. How Britain Made the Modern World*, London: Allen Lane, 2003; Lal, Deepak. *In Praise of Empires. Globalization and Order*, Houndmills, New York: Palgrave, 2004; Pieterse, Jan. *Globalization or Empire?* London, New York: Routledge, 2004; Maier, Charles. *Among Empires: American Ascendancy and Its Predecessors*, Cambridge (Ma.), London: Harvard Univ. Press, 2006; Porter, Bernard. *Empire and Superempire: Britain, America, and the World*, New Haven (Ct.), London: Princeton Univ. Press, 2006; Munkler, Herfried. *Empires. The Logic of World Domination from Ancient Rome to the United States*, Cambridge, Malden (Ma.): Polity, 2007, и др.

основополагающие принципы в период «холодной войны», когда сделали ставку не на освобождение и развитие составляющих его стран, а на сохранение в них лояльных диктаторских режимов (см. стр. 171-172). Таким образом, «имперскость» — это сильный, но все же условный термин, не определяющий, на наш взгляд, духа представляемых идей.

Но если можно забыть о термине «империя», не следует забывать об имперском поведении. Соединенные Штаты отнюдь не намерены отказываться от расширения своего влияния и готовы опровергать слухи о своей потенциальной слабости самыми радикальными мерами. Евросоюз стал «единственной современной империей, которая продолжает расширяться, принимая все новых и новых членов — причем число стран, желающих присоединиться к нему, велико» (стр. 10). Экономическими и политическими методами Европейский Союз устанавливает нормы поведения на гигантских пространствах, выходящих далеко за пределы Западной Европы, которая исторически считалась его «зоной ответственности». Китай «превращает соседние государства в свои полусуверенные провинции, подчиняя их не с помощью военной силы, а путем активной демографической и экономической интеграции» (там же), формируя «большую китайскую сферу сопроцветания». При этом «каждая сверхдержава по-своему подрывает структуру глобальной системы управления, размывая правовой принцип, согласно которому конкуренцию между империями в состоянии сдерживать лишь законы и институты» (стр. 439). Новый мировой порядок, как подчеркивает П.Ханна, строят «все и никто» (см. стр. 439-440), полагаясь кто на свою привлекательность, кто на страх перед собой. В результате «в современном мире нарастает напряженность из-за того, что каждая из сверхдержав стремится извлечь наибольшую выгоду, однако ни одна из них не обладает достаточной мощностью, чтобы поставить под свой контроль всю систему целиком» (стр. 442). Собственно говоря, с этого утверждения и начинается основное содержание книги.

Первый мир, полагает автор, не способен контролировать планету — но и остальные населяющие ее народы не могут ограничить свободу действия сверхдержав. В то же время любое действие несомненно будет рождать (и ежечасно рождает) противодействие.

Каким окажется это противодействие, кто сможет его организовать, как оно будет выстроено и чему сможет поспособствовать? Вот вопросы, более всего волнующие молодого американского исследователя.

«Государства Первого мира — это владыки, принимающие решения, а страны Третьего мира — пассивные объекты политики неомеркантилизма супердержав; — пишет П.Ханна, — между теми и другими находятся страны Второго мира, которые напоминают качели, болтающиеся из стороны в сторону» (стр. 6). В этом мире все неопределенно и двойственно. Здесь нет той власти закона, как в Первом, но и об абсолютном беспределе говорить тоже не приходится. Инфраструктура не идеальна, но в целом находится в работающем состоянии. Экономика неконкурентоспособна, но довольно тесно интегрирована в мировую. Средний класс не занимает центрального положения в обществе, но уже может сказать свое слово практически по всем принципиальным вопросам. Центральная власть не слишком демократична, но в определенной мере подотчетна. Богатство и интеллектуальный капитал чрезмерно сконцентрированы в столицах (мэры которых имеют сравнимую с президентами власть и очень часто становятся такими — см. стр. 24, 182, 304). Неравенство в этих странах в большинстве случаев выглядит практически неискоренимым, а социальные программы призваны скорее убедить народы в заботе правительств о них, чем реально изменить существующее положение вещей. В общем и целом, заключает автор, «Второй мир — это регионы гигантского потенциала, как фактического, так и нереализованного»; входящие в него страны «относятся и к Первому и к Третьему мирам одновременно... [их] можно было бы отнести к глобальному среднему классу, если бы таковой существовал» (стр. 24).

Здесь все неопределенно, а принципам, которые на Западе считают общепринятыми, тут еще предстоит доказать свою значимость. П.Ханна подчеркивает, что государства Второго мира — это своего рода «испытательный полигон» для стратегий экономического развития и теорий демократизации, созданных по западным лекалам. Совершенно неочевидно, что в этом мире, в который традиционно включают государства с так называемыми «форми-

рующимися рынками» (emerging markets), рынки действительно сформируются в будущем. Да, надежды стать со временем полноправными участниками Первого мира уже реализовались у жителей Южной Кореи и Сингапура, и имеют шанс сбыться, к примеру, у малайзийцев и чилийцев — но в то же время они рухнули у жителей многих стран, совсем еще недавно казавшихся лидерами своих регионов — от Египта до Индонезии, от Нигерии до Венесуэлы (см. стр. 25 и сл.). Абсолютно неясно, перерастет ли процесс «демократизации», который в большинстве из них идет или намечается, в торжество демократии — причем самым сильным соперником традиционного либерального порядка оказываются ныне не авторитарные диктатуры, а элитарные меритократии (которые, подчеркивает автор, считались лучшей формой правления и на Западе — правда, в то время, когда Платон писал свою «Республику» [см. стр. 347]). «Азиатский социальный договор, — отмечает П.Ханна, — совмещает открытость общества с закрытостью политики, возвращая тем самым демократию на ее исконное место как средство достижения определенной цели» (т а м ж е), и это способно многое изменить в современном мире (см. стр. 355). Одна из «империй» — Китай — совершенно не намерена следовать западной логике: «Китай не станет прислушиваться к призывам демократизироваться или пойти на какие-то еще крупномасштабные перемены» — и не только потому, что «китайцы с растущей гордостью воспринимают общественный и гражданский порядок в стране» (стр. 417), но и потому, что на практике «авторитарный» Китай — *«более свободная страна, чем демократическая Индия (курсив мой — В.И.)»* (стр. 360). Нельзя даже сказать, распространятся ли на весь мир практика и институты модернизировать; так, автор уверен, что, например, на Ближнем Востоке «именно модернизировать, а вовсе не ислам, проходит испытание: мусульмане решают, как именно следовать своим религиозным традициям в ситуации выбора, перед которым ставит их модернизировать — или же вообще отказаться выбирать» (стр. 318).

Второй мир — это гигантский полигон для политических, экономических и социальных теорий, как приходящих извне, так и формирующихся внутри него самого. Каким будет отдано предпочтение, где будут достигнуты наибольшие успехи — все это во-

просы, ответы на которые даст только время. Однако Второй мир существует не в вакууме; он не только служит проверке рецептов Первого, но и ежечасно с ним конкурирует и соперничает. Могут ли страны Второго мира бросить вызовы Первому? Из всего текста книги следует, что нет. П.Ханна вполне допускает, что их развитие может быть успешным и быстрым, и что, как следствие, они когда-то станут составной частью Первого мира — либо присоединившись к нему политически и подтянувшись экономически несколько позже (как страны Восточной Европы), либо догнав в экономическом отношении и встав на один уровень с лидерами, не оспаривая их доминирующего положения. При этом такие страны не могут и не смогут «подняться» вопреки воле Первого мира. Второй мир надолго останется управляемым, а Первый — главенствующим. Мысль автора выражена предельно четко: «в значительной степени будущее Второго мира зависит от того, как он станет относиться к трем сверхдержавам; и наоборот, будущее любой сверхдержавы зависит от того, сможет ли она управлять Вторым миром» (стр. 24). Более того; П.Ханна четко дает понять: «сегодня в мире имеется меньше доминирующих центров силы, чем когда бы то ни было в предшествующей истории» (стр. 9), и это положение сохранится в обозримом будущем. Любой, кто надеется на существенные изменения геополитического баланса — наивный мечтатель. «Соединенные Штаты, Европейский Союз и Китай, — отмечает автор, — уже обладают большей частью глобального могущества — и сделают все, что только в их силах, чтобы никто более не смог оспорить их положение. Россия, Япония или Индия не смогут утвердить себя в качестве сверхдержав ни военным, ни каким-либо иным методом; они — не сверхдержавы, а скорее балансиры, чья поддержка (или отказ в таковой) способны подкрепить или лишить опоры заявку на доминирование, исходящую от любой из трех сверхдержав, *но не силы, могущие «сформулировать» такую заявку от собственного имени*» (курсив мой — В.И.)» (стр. 15). Они — не сверхдержавы, а в лучшем случае — сверхдержавки, к которым следует относиться «с должным почтением», и не более того.

Итак, можно подвести первые итоги. Геополитическая концепция П.Ханны не выглядит законченной; она скорее при первом приближении кажется *an idea in the making*. Говоря о Первом мире, автор не предлагает единого подхода: к «империям» он относит очень разные страны, объединенные разве что масштабами экономик и присутствием в их политиках «силового», «нравственного» или «экономического» экспансионизма. Рассуждая о Втором, он тоже не определяет четко его границ — и это явственно заметно при чтении книги: в ней, например, довольно подробно описаны близкие к состоянию *failed states* государства Передней и Центральной Азии, а также Боливия и Колумбия, но ничего не говорится о Японии. Следует ли считать относящимися к Второму миру лишь те государства, которые упомянуты в книге, или значительное число стран фигурируют на ее страницах случайно, а некоторые не затронуты вовсе? И, может быть, еще на некоторые просто не хватило времени? При внимательном чтении заметно, что этот подход — при котором предметом анализа становится и собственно Второй мир, и *would be* Второй мир — не вполне удовлетворяет автора, однако он, как может показаться, не готов порвать со своим методом, основывающемся на личном опыте.

П.Ханна неоднократно подчеркивает, что книга стала результатом многочисленных путешествий, в ходе которых он посетил половину существующих в мире стран. Автор исходит из посылки, согласно которой «лишь непосредственный опыт может подтвердить или опровергнуть наши гипотетические построения, позволяя действовать в сложном мире и с уверенностью принимать непростые политические решения, а также учитывать риск вызвать ответную реакцию в виде непредвиденных последствий», и смело заявляет, что «никогда не покидал ту или иную страну, пока не убеждался, что получил представление о ней изнутри, повидав ее города, деревни и ландшафты, подкрепив свои ощущения беседами с широким кругом людей,.. пока не начинал видеть мир их глазами» (стр. 5-6). Он как прямо, так и косвенно проводит параллель с Арнольдом Тойнби, который «лучше всех понимал, как устроен мир» (стр. 1) и тоже был великим и увлеченным путешественником, доказывавшим свои теории практикой. Однако между П.Ханной и А.Тойнби есть очевидная разница: первый отпра-

вился в кругосветное путешествие в 1958 г., когда труд его жизни — знаменитое «Постижение истории» — давно был завершен; второй же пустился в свои скитания до начала работ над представляемой книгой. И эта книга, при всей ее провокативности и глубине показывает: автор — не новый пассажир нового «Бигля»; его концепция скорее иллюстрируется, чем обосновывается, «дорожными зарисовками». Действительно, «непосредственный опыт» «скорее подтверждает, чем опровергает» его «гипотетические построения», но сила эмоционального восприятия реальности порой выглядит в книге излишней, а сам текст — затянутым. Однако, думается, хватит пока критики.

Первая среди первых: новая Европа

Оценка П.Ханной Второго мира не может не проводиться «через призму» и «с позиций» Первого. Показательно, что начинает он не с самой мощной «империи», американской, и не с самой многообещающей, китайской, а с Европейского Союза. При этом он прямо заявляет, что «ЕС можно считать самой популярной и успешной империей в истории человечества, ибо она создает не доминирование, а дисциплину» (стр. 33). Сразу отметим: П.Ханна — один из самых больших еврооптимистов из тех, чьи книги вышли на Западе в последние годы. Даже по сравнению с М.Мандельбаумом, Дж.Рифкиным или М.Леонардом*, возлагающими на Европейский Союз огромные надежды, он выглядит человеком, искренне верящим в то, что новая Европа только и может возродить величие западного мира в наступившем столетии.

Автор акцентирует внимание на двух аспектах.

С одной стороны, он характеризует Европейский Союз как «империю доверия», в рамках которой кристаллизуется самый впечатляющий интеграционный эксперимент, когда-либо предпринимавшийся людьми. Пока некоторые консерваторы пытаются

* См., напр.: Mandelbaum, Michael. *The Case for Goliath: How America Acts as the World's Government in the Twenty-First Century*, New York: Public Affairs, 2005, pp. 198-216; Rifkin, Jeremy. *The European Dream. How Europe's Vision of the Future Is Quietly Eclipsing the American Dream*, New York: Jeremy P. Tarcher/Penguin, 2004; Leonard, Mark. *Why Europe Will Run the 21st Century*, London, New York: Fourth Estate, 2005.

* См., напр.: Madden, Thomas. *Empires of Trust. How Rome Built – and America is Building – a New World*, New York, London: Penguin Press, 2009 (рец.: Иноземцев, Владислав. «Великая ложь» в: *Свободная мысль*, 2010, № 2, сс. 195-200).

ся доказать, что «империей доверия» следовало бы считать Соединенные Штаты*, П.Ханна подробно описывает тот «консенсусный» стиль поведения, который присущ современной Европе. В нашем мире его значение, полагает автор, определяется прежде дефицитом нормативного мышления и нормативных действий – а Европа выстраивает именно предсказуемую и четко управляемую систему. Он не видит ничего необычного в том, что на протяжении последних тридцати лет (и особенно активно в последние десять) соседи Европейского Союза пополняют ряды его членов – ведь, подчеркивает П.Ханна, «законности и порядка внутри Европейской империи гораздо больше, чем за ее пределами» (стр. 54). При этом, в отличие от евроскептиков, он со всей определенностью указывает, что европейский проект – даже если Европа и не собирается становиться военной или политической сверхдержавой образца XIX века – основан на постоянном расширении зоны влияния, и что «расширение необходимо самой Европе, иначе она прекратит свое существование» (стр. 54). Это расширение полезно не только по экономическим или историческим причинам – оно создает новую культуру Европейского Союза и придает ему уверенности в собственных силах (см. стр. 97). Разумеется, на этом пути встречаются свои сложности (П.Ханна закончил оригинал книги задолго до нынешнего финансового кризиса, спровоцированного курсом правительств южноевропейских государств), но автор совершенно справедливо отмечает, что «наиболее недооцениваемый аспект европейского расширения – это его самоподдерживающийся характер», а «Европа добивается наилучших результатов тогда, когда использует принцип взаимодополняемости, делегируя ответственность тем участникам, кто расположен ближе к "передовой"» (стр. 53). Нельзя не признать, что назначение в 2010 г. на пост еврокомиссара по вопросам расширения и политики добрососедства выпускника МГИМО чеха Штефана Фюле выглядит подтверждением этого тезиса. И, разумеется, П.Ханна полагает, что Европе ни в коем случае нельзя регионализироваться, создавать внутри единого Союза какие-то группировки на основа-

нии темпов интеграции, политическо-экономической модели или хозяйственной устойчивости. По его мнению, это чревато фундаментальными проблемами — причем не только экономическими — для всей Евразии. Он пишет: «Европа должна опасаться покоя, который способен породить тенденции к самоуспокоенности и спровоцировать угрозы извне. Логика имперского перенапряжения сил в данном случае переворачивается с ног на голову, так как отказ от расширения — фактическое согласие на продолжительный застой. Если Евросоюз перестанет расширяться, то в западной зоне Евразии появятся четыре автономные силы, контролируемые из Лондона, Брюсселя, Анкары и Москвы, — а четыре колеса не всегда вращаются с одинаковой скоростью. В то же время за пределами коллективного Запада все эти четыре силы — а также Соединенные Штаты — столкнутся с еще большими вызовами в регионе, расположенном за восточными границами Европы, а именно, в Центральной Азии» (стр. 97).

С другой стороны, помимо внутренней мощи объединенной Европы, П.Ханна акцентирует внимание на том, как она воспринимается в мире и какие перемены в глобальной политике могут произойти под влиянием «мирного возвышения» ЕС. В этой части рассуждений автор, однако, в определенной степени, на мой взгляд, выдает желаемое за действительное. На протяжении всей книги можно видеть массу подтверждений того, что влияние Европейского Союза растет во многих регионах: от Украины и Закавказья (где ЕС выступает не только притягательной силой, но и своего рода отдаленной мечтой) через Северную Африку и Переднюю Азию (где во взаимодействии с ним и правящие режимы, и даже оппозиция видят залог своего будущего) и до Индии и Китая, которые рассматривают Европу в качестве одного из самых перспективных торгово-экономических партнеров. Автор безусловно прав в том, что у Евросоюза сегодня сложился крайне позитивный образ; Европа практически ни у кого в мире не вызывает раздражения, она остается крупнейшим экспортером, главным направлением для международного туризма, самым большим донором помощи развивающимся странам и самым притягательным для иммигрантов регионом. В Азии внимательно изучают европейский опыт, размышляя о дальнейшей судьбе таких интегра-

ционных объединений как АСЕАН (см. стр. 341); Украина и Грузия остаются еще слишком бедными для членства в ЕС, но, как отмечает П.Ханна, «уже не слишком советскими» (стр. 50); Турция, постепенно втягиваясь в европейскую орбиту, способна стать самым важным приобретением Евросоюза за всю его шестидесятилетнюю историю, проложив для Европы путь в Азию и окончательно закрепив статус Европейского Союза как одной из трех великих «империй» современности (см. стр. 74, 78). В последнее время, подчеркивается в книге, «и Южная Америка, и Восточная Азия, и другие регионы мира предпочитают воспроизводить в большей степени "европейскую мечту", а не американскую» (стр. 36).

По мнению автора, успешность европейского возвышения будет определяться в первую очередь самими европейцами — а именно тем, сумеют ли они найти в себе достаточно смелости для продолжения своего эксперимента и правильно ли выберут основной вектор экспансии. В первом П.Ханна практически убежден, а что касается второго, то он настоятельно советует Европе обратить основное внимание не на восточное (украинское и российское), а на юго-восточное (турецкое) направление. По его мнению, приверженность европейским принципам и образу жизни в Турции сегодня гораздо более сильна, чем в России, а фундаментализма и «почвенничества» там намного меньше; кроме того, Турция способна открыть Европе путь к пониманию Ближнего Востока и взаимодействию с миром, с которым европейцы так или иначе контактировали на протяжении всей своей истории. Турция необходима Европе, даже несмотря на то, что «эта страна никогда не будет принадлежать исключительно Европе» и на то, что для инкорпорирования ее в себя «европейская сверхдержава должна стать евротурецкой» (стр. 78).

Итак, П.Ханна — убежденный еврооптимист. С ним можно солидаризироваться или не соглашаться, но трудно отрицать, что европейский политико-экономический эксперимент действительно серьезно меняет облик современного мира (особенно учитывая, что это изменение выглядит очень «мягким», осторожным и не вызывающим особого сопротивления ни у кого из других игроков). Сегодня сложно сказать, как сложится судьба европейского проекта в ближайшем будущем и с какими проблемами ему еще предсто-

ит столкнуться — но автор абсолютно убежден, что все эти проблемы будут менее фундаментальными, чем те, с которыми столкнется вторая главная сверхдержава современности, вторая «глобальная империя» — Соединенные Штаты Америки.

Заходящее «солнце»

В последние годы книги о «пост-американском мире» не является редкостью — и помимо давних критиков американской гегемонии* их пишут все более уважаемые авторы**. Однако даже на этом фоне позиция П.Ханны выделяется редкой бескомпромиссностью. Признавая, что Америка имеет славную историю, и что «определяющей чертой Соединенных Штатов является способность к политическому и экономическому самообновлению, а также культурному возрождению и даже склонность к самокритике» (стр. 435), автор подчеркивает, что главную угрозу для страны несет ее мессианская идеология, которая не раз позволяла ей уверенно противостоять мощным врагам, но радикально дезориентирует правительство и народ тогда, когда ситуация не может быть представлена в черно-белых цветах. США сегодня стали державой, которая более всего уверена в том, что главными в мире являются ресурсы, которые она контролирует — военная мощь, финансовые возможности и новейшие технологии. Все остальное: индустриальный потенциал, привлекательность в мире, способность проецировать свою силу и свои интересы на близлежащие территории, кажется Америке ненужным или несущественным. Однако даже последние годы показывают, что это самовосприятие Соединенных Штатов все больше диссонирует с реалиями внутренней и международной политики.

Америка беззаветно верна принципам свободного рынка и ничем не ограниченной финансовой экспансии — однако в последние десятилетия это выливается лишь в стремительное нарастание имущественного и социального неравенства, которое, подчеркивает автор, сегодня угрожает демократической природе

* См., напр.: Wallerstein, Immanuel. *The Decline of American Power. The U.S. in a Chaotic World*, New York: The New Press, 2003.

** См., напр.: Закария, Фарид. *Пост-американский мир*, Москва: Издательство «Европа», 2009.

государства. Страна попадает во власть узкой элиты, контролирующей большую часть национального достояния (см. стр. 433). Партийная жизнь находится в упадке, партии превратились в механизмы сбора денег и лоббирования интересов толстосумов. При этом сама американская экономика находится в плохом состоянии: финансовые пузыри угрожают стабильному развитию реального сектора, страна все больше зависит от финансирования извне через повышение размера государственного долга и гигантского внешнеторгового дефицита. П.Ханна отмечает не только то, что «США расположены в нижней части списка стран Организации экономического сотрудничества и развития по показателям средней заработной платы и неравенства доходов», но и то, что «сверхбогатые граждане живут в условиях экономического пузыря, внося такой же вклад в экономики других стран, как и своей собственной» (стр. 428). Он обращает внимание на то, что доллар — единственная в мировой истории валюта, которая принадлежит государству-должнику с огромными обязательствами перед остальным миром; и эта страна, платя по внешнему долгу больше, чем поступает в нее иностранных инвестиций, живет сегодня за счет богатств, предназначенных для будущих поколений.

Однако американцы твердо верят не только в свободный рынок и глобализацию, но и в свою «твердую силу» — в военную мощь, не имеющую аналогов в мире. Она помогла им победить в «холодной войне» и в 1991 г. показала, насколько беспомощно выглядят на ее фоне регулярные армии даже самых мощных «развивающихся» стран. Но времена меняются, и то, что можно разрушить с помощью военной силы, нельзя укрепить и воссоздать. Кампании в Афганистане и Ираке, по мнению автора, убеждают, что «сегодня война — не столько инструмент политики, сколько признак ее отсутствия» (курсив мой — В.И.)» (стр. 36). Цитируя слова Г.Киссинджера о том, что «сила может покорить весь мир, но она не способна придать себе законный статус», П.Ханна отмечает, что в последние годы «влияние Соединенных Штатов быстрее всего уменьшалось именно там, где их военное присутствие особенно весомо, а именно: в арабском мире и в Восточной Азии» (стр. 420). По мнению автора,

и бездумная опора на военную мощь, и допущение финансовых пузырей, и отсутствие должного внимания к внутренним социальным проблемам — все это суть следствия мессианского подхода американцев к самим себе и к окружающему миру. Америка стремительно становится страной христианского религиозного фундаментализма, не менее опасного, чем фундаментализм исламский, с которым она сегодня воюет (не следует забывать, что слово «фундаментализм» родилось как обозначение радикальных христианских течений в самой Америке*, равно как и то, что в наши дни самые консервативные американские идеологи прямо призывают к прекращению «войны с террором» и объединению сил христианских и мусульманских фундаменталистов для борьбы с либерализмом**). Соединенным Штатам необходимо как можно скорее меняться, формулировать новые приоритеты во внешней политике, вырабатывать новую «дипломатию перемен»; мешает этому, по мнению автора, «сплав из мессианских лидеров, корпоративных кукловодов, культурных войн, страха перед внешним миром и неуверенности в своей силе» (стр. 435).

Важнейшей проблемой для Америки с точки зрения ее позиционирования в мире является, по мнению П.Ханны, растущее распространение того, что можно назвать не антиамериканизмом, а неамериканизмом. Соединенным Штатам сложно понять этот феномен. Столетиями формировавшись как «идеологическая нация», Америка всегда очень четко проводила грань между «своими» и «чужими», полагая, что неприятие американских ценностей делает людей и страны не просто не симпатизирующими США, а не больше и не меньше, чем «антиамериканистами». В той или иной мере это было правильным допущением в условиях расколотого мира эпохи Второй мировой или «холодной» войн, но сейчас ситуация изменилась. Во многих частях мира никто не испытывает к Америке ненависти —

* См.: Ruthven, Malise. *Fundamentalism. The Search for Meaning*, Oxford, New York: Oxford Univ. Press, 2004, p. 4; подпр. см.: Marsden, George M. *Fundamentalism and American Culture. The Shaping of Twentieth-Century Evangelicalism 1870-1925*, Oxford, New York: Oxford Univ. Press, 1982.

** См.: D'Souza, Dinesh. *The Enemy at Home: The Cultural Left and Its Responsibility for 9/11*, New York, London: Doubleday, 2007, pp. 276, 286.

просто все хорошо научились решать свои проблемы без ее участия. Автор пишет: «Ошибочные допущения о якобы существующем у США потенциале доминирования разбиваются о реалии практически любого региона Второго мира: Европейский Союз может принести процветание в страны, находящиеся к востоку от его границ; возглавляемая Китаем ШОС способна стабилизировать центральноазиатский регион; латиноамериканские страны могут обойтись без Соединенных Штатов; арабы могут отвергнуть американские претензии на гегемонию, а продвижение Китая в Восточной Азии Америка не способна сдержать имеющимися у нее военными средствами <и поэтому> ни демократический идеализм, ни гегемонистское мессианство не сулят восстановления доверия к Америке, ведь в наше время доверие перешло от одной “невидимой руки” к нескольким державам-конкурентам, мерно ступающим перед нами эдакой вереницей авторитетов» (стр. 421).

В этой новой ситуации Соединенным Штатам нужен новый курс, который сделал бы эту страну в очередной раз нужной миру. То время, когда Америка была на пике прогресса и была востребована не только как военная сверхдержава, но также и как центр создания культурных и социальных образцов, как ведущая экономическая сила и крупнейший на планете мире экспортер и нетто-инвестор, осталось в прошлом. По многим позициям восстановить американское влияние больше никогда не удастся. Но сегодня не нужно контролировать больше половины ядерного оружия и иметь самый большой в мире военный бюджет, чтобы обладать авторитетом и весом в международных делах. Основа для дипломатии XXI века — экономическая, а не военная мощь; а основа этой мощи — не финансовый сектор, а промышленное производство и сфера услуг (см. стр. 20). Именно их и нужно задействовать как основу возрождения Америки, параллельно совершенствуя свой подход к партнерам, вовлекаясь в большее число международных соглашений и договоров и прекращая быть самым могущественным «изгоем» в глобальной системе. Но это пока мечты — ведь, констатирует автор, «у Соединенных Штатов отсутствует политика, которая бы помогла стране остаться среди государств Первого мира» (стр. 436).

Настоящий Восток

«О “холодной войне” — пишет П.Ханна — часто говорят как о конфликте между Востоком и Западом. Однако “глубоко въевшийся покровительственный тон” Запада помешал ему оценить подъем настоящего Востока, который теперь бросает ему реальный вызов. Азиаты восприняли американскую гегемонию в период, начавшийся после “холодной войны”, как попытку удержать в руках Запада основные технологические и финансовые инструменты. Они ответили на это, постаравшись быстрее всех в мире овладеть этими воплощениями силы. Сегодня на их стороне глобализация, которую уже нельзя остановить» (стр. 342). И во главе этого «настоящего Востока» — крупнейшая по населению и пока еще только вторая по экономической мощи держава современного мира, Китай. За последние тридцать лет эта страна совершила немыслимый экономический рывок, увеличив ВВП более чем в 15 раз, создав современную инфраструктуру и системы сообщения, став крупнейшим в мире экспортером (2008), самым крупным автомобильным рынком (2009) и самым большим производителем промышленной продукции (2010). Теперь 11 из 20 крупнейших морских портов находятся в Китае, как и 3 из 10 крупнейших по капитализации глобальных компаний. В начале XXI века Соединенные Штаты — уже не гегемон в Азии, так как все государства региона, с одной стороны, не видят возможности получить у них защиты, и не понимают, какие особые экономические выгоды может принести сотрудничество с Америкой, если рядом есть Китай (см. стр. 339).

Китай — третья великая «империя» современности, — формируется отнюдь не только как «экономическая сверхдержава», заваливающая мир своими дешевыми товарами. Хозяйственное развитие для страны не выглядит самоцелью и не обеспечивается одной только неконтролируемой игрой рыночных сил. Китай поднимается не только к славному будущему — он во многом еще и возвращает себе отнятое у него прошлое, чем не может похвастаться ни одна держава Запада. «Для китайского руководства, хорошо осведомленного о прежних периодах триумфа, — подчеркивает П.Ханна, — прогресс является технической необходимостью...

Империи начинаются с убежденности в своем праве на властвование — так что восстановление Китая как Срединного царства означает переход от изоляции к безграничной цивилизации (курсив мой — В.И.)» (стр. 393).

В наши дни Китай активно мифологизирует свою историю, проецируя во внешний мир образ мирного и дружелюбного царства, но при этом воспитывая в собственном народе националистическую сплоченность и убеждая граждан в том, что Китай никогда ни на кого не нападал, но многократно страдал от алчности и предательства соседей (см. стр. 395). Он превратил Коммунистическую партию — некогда отряд фанатичных приверженцев упрощенческих идей Мао Цзэдуна — в корпоративное руководство, которое уже стало «влиятельнее, изощреннее и сложнее любой династии из китайской истории» (стр. 415). Китайцам удалось резко изменить звучание проблемы меньшинств: «новая мифология китайского национализма основана не на вычеркивании меньшинств, а на предоставлении им общего со всеми остальными гражданами статуса под охраной китайского государства: уйгуры и тибетцы называют себя китайцами, хотя не являются этническими ханьцами» (стр. 118); теперь Китай воспринимает себя как масштабную полиэтническую империю, что дает ему дополнительные основания для высокой самооценки (см. стр. 122). И не случайно, что именно в Тибет ведут сегодня самые высокогорные в мире железная и автомобильная дороги, а на совершенствование инфраструктуры одного только Синьцзян-Уйгурского автономного района на 2010-2015 г. выделены средства, превышающие совокупные годовые расходы бюджета всей Российской Федерации в текущем году. И все это происходит в условиях конфуцианского общества, опирающегося не на религиозный фанатизм, а на принципы меритократии и указание пути собственным примером (см. стр. 415).

Экспансия Китая рассматривается П.Ханной как сложный и многоплановый процесс, которому практически невозможно найти аналог в истории. Он видит его как «возврат Pax Sinica», «причем модель китайской дипломатии — это гибрид древних принципов и современных институтов... <ведь> за сотни лет до того, как в Европе сформировалась Вестфальская система национальных государств, в Азии господствовала имперская иерархия, в ко-

торой Китай был сердцевиной, а окраинные королевства платили ему дань» (стр. 336). Поэтому сегодня Китай «расширяется» вовне, практически не осознавая грани между внутренней и внешней политикой, между хозяйственной экспансией и выстраиванием новой архитектуры полувассальных отношений со своими ближайшими соседями (см. стр. 401). Автор подчеркивает, что в Азии уже практически нет непримиримых противоречий — и даже отношения между Китаем и Японией отнюдь не являются соперническими (см. стр. 345); он указывает и на то, что за последнее десятилетие Китай стал главным торговым партнером всех стран в этой части мира — от Южной Кореи до Австралии (см. стр. 353). В итоге возникает «китайский треугольник» — территория, «вершинами которой выступают Индия, Япония и Австралия, и ни одна из стран которой, будь то из Первого, Второго или Третьего мира, не в состоянии противостоять экономическому, демографическому, политическому и культурному наступлению Пекина»; при этом, как отмечает П.Ханна, «наиболее крупное юридическое изменение по сравнению со <старыми> податными временами — государственный суверенитет — не более чем инструмент, позволяющий <соседним странам> сохранять видимость автономии от китайского господства» (стр. 336).

Не желая предвзвешивать чтение книги, не буду детально повторять рассуждения автора о масштабах китайской экспансии в Юго-Восточной Азии. Он красочно описывает, насколько укрепилось за последние годы присутствие КНР во Вьетнаме и Лаосе (см. стр. 380-381); показывает масштабы «приватизации» (а на деле разграбления китайскими компаниями) природных богатств соседней Мьянмы (см. стр. 380-381); рассказывает о военном, экономическом и политическом присутствии Поднебесной в Пакистане (см. стр. 158, 160); уничижительно называет Индонезию «китайским рифом», а Филиппины — «рисовой плантацией» Китая (см. стр. 389).

Особое внимание П.Ханна уделяет росту китайского влияния и в других регионах. В Центральной Азии проникновение Китая приводит к «сжатию пространства», так как он с огромным энтузиазмом финансирует инфраструктурные — и прежде всего дорожные и трубопроводные — проекты, все сильнее привязывая к се-

бе бывшие советские республики. Пока Россия и США гадали, кто будет доминировать в этой части мира, ответ был дан без их участия: сейчас мало кто сомневается в том, насколько серьезно китайское присутствие здесь (см. стр. 123). По мнению автора, название «Шанхайская организация сотрудничества» в той же мере указывает на ее основного участника, в какой и название положившего начало блоку НАТО Вашингтонского договора 1949 г. (см. стр. 123). На Центральной Азии Пекин отработывает свою новую стратегию «сопрощетания»: китайцы готовы вкладывать деньги в экономику нужных им, стран руководствуясь одной лишь коммерческой выгодой и не ставя никаких политических или идеологических условий. Аналогичным путем КНР удастся создать систему преференциальных отношений с многими странами Африки и Латинской Америки. В Африке Китай списал сотни миллионов долларов прежних долгов и предоставил многомиллионные кредиты самым одиозным режимам от Зимбабве до Судана, в обмен на концессии и доступ к разработке природных ресурсов (см. стр. 252). В Латинской Америке он активно покупает сырье по выгодным ценам и участвует в капитале местных компаний, не занимаясь, в отличие от Соединенных Штатов, морализаторством и попыткой навязать собственные стандарты (см. стр. 175). С усилением трений между арабскими странами и США после войны в Ираке у Китая появился новый центр интересов — страны южного Средиземноморья, где китайские предприниматели массово скупают производственные мощности, позволяющие им беспешинно экспортировать выпускаемые (а часто лишь упаковываемые) там товары в Европу (см. стр. 295-296).

Китай, конечно, не лишен внутренних противоречий. За блестящим фасадом новой глобальной сверхдержавы скрывается очень фрагментированная страна, в которой, по словам автора, «сошлись феодализм Третьего мира, мощная индустриальная база Второго и элита Первого» (стр. 391). Китай использует западные стандарты и нормы, если это ему нужно (в том числе и пробиваясь на рынки развитых стран, пользуясь правилами ВТО), и игнорирует их там, где соблюдение правил ему невыгодно (как в случае с пиратским использованием компьютерных программ, фильмов или музыки) (см. стр. 404). Причина такого видимого пренебре-

жения «правилами этикета» вполне понятна автору: китайский рынок настолько масштабен, а возможности экспортоориентированного производства здесь настолько велики, что западные компании — от «Сименса» до «Уол-Марта», от «Фольксвагена» до «Найк» — ранее пришли в эту страну, «...не имея никакой стратегии вывода оттуда своих производств» (стр. 403). Сегодня Западу нечем угрожать Поднебесной: его крупнейшие и влиятельнейшие корпорации прочно увязли в «китайском болоте». В то же время Америка хотела бы «вовлечь» Китай в орбиту своей политики, но и шансы на успех такой политики невелики — КНР сосредоточена на «обустройстве» своего жизненного пространства в Юго-Восточной Азии и индифферентна к американским глобальным проектам (см. стр. 399). Итог прост: Запад получил в качестве своего контрагента «настоящий Восток» — державу, без которой он уже не может обходиться и которой он совершенно не умеет управлять.

И что же дальше ?

Может показаться, что предложенное П.Ханной описание нынешней ситуации в мире не оставляет сомнений в том, что основные события ближайшего будущего выглядят predetermined. Три сверхдержавы либо активно усиливаются, либо не слишком быстро слабеют — и пока они вполне способны диктовать остальным свою волю. Единственное, что отличает подобный мир от прежнего биполярного устройства — это то, что планета постепенно регионализируется, и Соединенные Штаты, не утрачивая статус важного игрока, становятся, как и прочие гиганты, игроком скорее региональным. Однако автор подчеркивает, что все не так просто. Он склонен полагать, что нынешняя глобальная конфигурация — это продукт крайне непростых двух десятилетий, прошедших со времени завершения «холодной войны». П.Ханна пишет: «Трудно переоценить неустойчивость ситуации начала XXI века. Соединенные Штаты то держатся особняком от международного сообщества, то, наоборот, бросаются к нему с распростертыми объятиями, пекинское Политбюро все еще остается “черным ящиком”, а Европейский Союз осторожно включает свои стратегические рычаги. Поэтому нужно рассмотреть альтернативные

сценарии мира, в котором доминируют эти три силы. Скорее всего, Америка не сможет сохранить чрезмерный уровень потребления, Европа – продолжить расширение, а Китай – нести экологическое и социальное бремя. Все они будут вынуждены отступить, оказавшись не в состоянии выполнять взятые на себя обязательства, или *если слияние со своей периферией окажется для них слишком обременительным*» (курсив мой – В.И.)» (стр. 418).

Этот сценарий представляется весьма и весьма вероятным. Мы уже увидели, что в Европейском Союзе есть существенные противоречия, требующие ускоренной экономической интеграции, на которую не все европейцы сейчас готовы идти. Китай пока продолжает свой восходящий тренд, но возможности опоры на экспортноориентированный рост уже поставлены под сомнение глобальным кризисом. Соединенные Штаты начинают поворот «влево», к большей социальной ориентированности экономики – и совсем не ясно, какие последствия это будет иметь как для финансовой системы страны, так и для политических судеб инициировавшей «перестройку» партии. Не исключено, что после двух десятилетий «вселенского беспорядка» роль «опор стабильности» уже достигла предела.

Собственно говоря, на это втуне надеется и сам П.Ханна, так как именно в случае, если три основные сверхдержавы останутся относительно разобщенными; если их интересы будут простираться не на весь мир, а на его отдельные части; и если относительное замедление их роста и экспансии создаст альтернативным игрокам пространство для маневра, Второй мир сможет реально выйти на авансцену глобальной политики. А книга автора написана именно с позиций вероятности такого выхода.

Поднимающаяся с колен ?!

Российским читателям П.Ханна посылает два «месседжа» – как всегда, хороший и плохой. Начнем с хорошего. России, которая безусловно относится им ко Второму миру, в книге уделено, пожалуй, даже больше внимания, чем иным странам Первого. Она оценивается под самыми разными ракурсами и в самых разных контекстах. Это, конечно, приятно. Плохая новость заключена в том, что

автор показывает себя... как бы сказать помягче... очень объективным наблюдателем — настолько объективным, что у многих отечественных экспертов наверняка появится желание назвать его типичным русофобом, злобно клеветующим на их встающую с колен Родину.

Итак, основной тезис П.Ханны — время России прошло. Посвященная ей 8-я глава так и называется: «Утраченная Россия» (см. стр. 108). Большой пессимизм навеивает лишь название 24-й главы — «Бывший Ирак» (см. стр. 292). Неоднократно посещавший Россию автор «вспоминает все»: безумную бедность провинциальных городов и нувориштво Москвы, разгул бюрократии и беззащитность граждан, бесконечные пробки на улицах и рассекающие их мигалки, сверхвысокие цены и очевидную некомфортность жизни представителей среднего класса, бросающуюся в глаза несвободу средств массовой информации, и т.д. (см. стр. 40-41). По мнению П.Ханны, «Россия стала типичным петрогосударством с чрезмерными затратами, перекосами в развитии, элитой, которая борется за контроль над богатыми природными ресурсами, в то время как подлинные общественные потребности игнорируются»* (стр. 41). Автор однозначно отмечает, что Россия при этом остается гигантской страной с огромными богатствами и большим потенциалом — и потому ни Соединенные Штаты, ни объединенная Европа, ни Китай не желают ей укрепления и восстановления утраченных позиций (см. стр. 38). Чтобы в таких условиях закрепить даже в нынешнем своем статусе, России нужна образованная и искушенная в глобальной политике элита — а российская дипломатия, по мнению автора, практически умерла, переродившись в «дипломатию “Газпрома”», который стал своего рода «государством в государстве», чья корпоративная логика угрожает российским внешнеполитическим интересам (подр. см. стр. 38-40). Несырьевые сектора российской экономики пребывают в глубоком упадке («если что-то здесь еще работает, — саркастически замечает П.Ханна, — так оно, как правило, сделано в Европе, на

* П.Ханна назвал Россию «петрогосударством» практически одновременно с тем, как то же сделал авторитетный американский советолог Маршалл Голдман (см.: Goldman, Marshall. *Petrostate. Putin, Power, and the New Russia*, Oxford, New York: Oxford Univ. Press, 2008).

чиная от автомобилей и кончая сферой строительства» (стр. 43). Россияне же, *de facto* обменявшие в годы правления В.Путина политические свободы и гражданские права на участие в дележе нефтяных доходов, представляются автору «потребителями, а не гражданами» (стр. 40).

«Дни России как сверхдержавы ушли в прошлое; — указывает автор, — и в статусе крупнейшего петрогосударства ее экономика не превосходит по размерам французскую, — и даже если на бумаге страна становится богаче, ее политика свидетельствует лишь о том, что это богатство не сохранится на долгие годы» (стр. 43). И это, по мнению П.Ханны, чревато ростом геополитического соперничества вокруг России. С одной стороны, «нигде в мире не найти другого примера, когда страна с вымирающим населением (Россия) так провокационно соседствовала бы с перенаселенным государством (КНР)» (стр. 109); Китай ни при каких обстоятельствах «не оставит в покое» столь богатую и объективно слабую страну — небезосновательно предупреждает американский исследователь (см. стр. 110). С другой стороны, Европейский Союз мало-помалу будет укреплять свои позиции на западных рубежах постсоветского пространства, вытесняя Россию их этой традиционной для нее зоны влияния. Россия в ее нынешнем виде представляется П.Ханне зоной соперничества Китая и Европы, и вряд ли чем-то большим. Вокруг страны сегодня идет сложная игра — в чем-то подобная той, которую сто с небольшим лет тому назад русские и англичане вели вокруг Центральной Азии.

При этом автор имеет специфический взгляд на взаимоотношения Европейского Союза и России. Повторяя хорошо известные аргументы о масштабах инвестиционного и торгового взаимодействия между Россией и ЕС, он, с одной стороны, подчеркивает, что «только ЕС может помочь России инкорпорироваться в Запад — и таким образом *спасти ее от себя самой* (курсив мой — В.И.)» (стр. 43); и, с другой стороны, признает, что «для европейских амбиций не существует большего препятствия, чем Россия» (стр. 35). Оба этих утверждения, на мой взгляд, правильно схватывают суть происходящего. С одной стороны, возможности стратегического союза России как с Китаем, так и с США ограничены — причем не столько небольшими объемами торгово-экономических связей,

сколько особенностями американской и китайской политики, не предполагающей равноправных отношений с партнерами (стр. 112). Европейский выбор для России предпочтителен исходя хотя бы из того места, которое Россия заняла бы в подлинно объединенной Европе. Европе выгодно иметь на своей восточной границе предсказуемого партнера, так как экономики России и ЕС сейчас практически идеально дополняют друг друга. России же крайне важен доступ к европейским технологиям и инвестициям, равно как и возможности поставки своих товаров на европейский рынок. Иначе говоря, России было бы выгодно занять место главного партнера и союзника ЕС на Востоке, своего рода «евразийского моста» (см. стр. 78), которое пока занято Турцией.

Роль такого «моста», по мнению П.Ханны, сегодня сложно переоценить. В наши дни «в Центральной Азии разворачиваются наиболее фундаментальные процессы, формирующие глобальный порядок» (стр. 101), и Европа несомненно будет принимать в них участие. Уже сейчас Турция и закавказские страны служат началом большого транзитного пути из этого региона в Европу, Таджикистан и Киргизия активно переориентируются на Китай, Казахстан давно считает Россию «одним из игроков» на центральноазиатской геополитической шахматной доске (см. стр. 106, 126). Сегодня стало ясно, что «потерявшая свою империю Россия лучше умеет расчлнять бывшие братские республики, чем восстанавливать Содружество Независимых Государств» (стр. 82) — а именно интеграция и позитивное взаимодействие больше всего нужны сегодня в регионе. Россия могла — и, наверное, еще может — выполнить эту связующую роль, но ее политическая элита больше делает вид, что она намерена превратить страну в связующее звено между Западом и Востоком, чем предпринимает в этом направлении какие-то усилия: иначе как объяснить, что под убаюкивающие рассуждения о евразийстве России поток грузов, проходящих через ее территорию из Европы в Азию и обратно, только в 2002-2009 гг. снизился в 6(!) раз?! Если она не готова будет стать союзником Европы в экстраполяции ее силы в Азию и не воспользуется возможностями сотрудничества с ЕС, то останется, по мнению автора, «северной Нигерией», вытесняемой на геополитическую периферию.

Подытоживая массу оценок России, приводимых автором в разных разделах книги, можно констатировать, что проблемы России вытекают из двух обстоятельств. С одной стороны, по объективным геополитическим причинам страна находится в такой непосредственной близости от двух гигантов Первого мира, как никакая другая из стран Второго. Потеряв собственную империю, Россия оказалась в зоне влияния – и соперничества – двух других, что является серьезным испытанием на прочность. С другой стороны, по причинам субъективного характера, Россия не имеет политической элиты, способной осознать стоящие перед страной вызовы и сделать болезненный, но необходимый для державы Второго мира выбор: ответить на вопрос «С кем мы?» вместо того, чтобы поставками дешевых ресурсов выбивать из соседей лукавые ответы на вопрос «Кто с нами?». И в комбинации этих двух проблем – трагедия современной России.

Второй мир «в деталях»

Отметим еще раз: России, несмотря на весь скептицизм отношения к ней, П.Ханна уделяет в своей книге очень большое внимание. Все остальные страны Второго мира описаны намного более бегло, причем особое внимание уделяется странам, которые находятся в непосредственной близости от рубежей «новых империй» (к примеру, той же Турции). Кроме того, трудно отделаться от мысли о том, что автор описывает ту или иную страну более или менее подробно исходя из определенных симпатий или антипатий, и не всегда понятно, почему ее следует относить к Второму (а не к Третьему – или даже к Первому) миру.

Так, например, автор дает близкую к восторженной оценку Бразилии (подр. см. стр. 211-214 и сл.), называя ее «южным полюсом» (см. стр. 207) и подчеркивая, что она представляет собой не больше и не меньше, чем «Соединенные Штаты Южной Америки». Во многом он прав – и главный вопрос, который не может не возникнуть у читателя (и на который в книге не дается ответа), состоит в том, почему Бразилия не отнесена П.Ханной к Первому миру. Ее подушевой ВВП выше, чем у Китая, образовательный уровень граждан также более высок, технологический прогресс идет

семимильными шагами, страна становится одним из крупнейших в мире экспортеров промышленной продукции — и, что самое важное, — Бразилия абсолютно доминирует в Южной Америке, что потенциально позволяет ей построить здесь не менее масштабную «зону сопроцветания», чем та, которую Китай создает в Юго-Восточной Азии. Описание Бразилии — да и факты ее развития в последние десятилетия — позволяют усомниться в том, что Второй мир не может превратиться в Первый.

Напротив, Индии дается, на мой взгляд, достаточно уничижительная оценка; ее перспективы в основном оцениваются через призму взаимоотношений с Китаем и в контексте позиционирования к арабскому миру. Автор отмечает, что «Индия велика, но пока еще не столь влиятельна... за исключением нескольких изолированных оазисов развития, она почти полностью относится к Третьему миру, а большая часть ее населения численностью свыше миллиарда человек живет в нищете» (стр. 359); что ее демократичная система управления и относительно децентрализованное федеративное устройство не служат целям развития («связь между торговлей и развитием, которую демонстрирует Китай, в Индии почти отсутствует... на фоне географических размеров и численности населения Индии ее власти, располагающие федеральным бюджетом, равным норвежскому, крайне слабы» — стр. 360), и делает вывод: «разница между Индией и КНР вызвана не только временным лагом между моментами начала экономических реформ, но и связана с принципиальной способностью к общенациональной организации... если Индия и воспрянет, то произойдет это по китайским правилам» (там же).

Оценка остальных стран Второго мира дается в книге довольно подробно, однако во многом остается описательной — а в некоторых случаях очень сложно преодолеть ощущение ее явной поверхностности. Единственный важный вывод, который можно сделать из проведенного автором анализа, состоит, на наш взгляд, в том, что основное отличие Второго мира от Первого заключено в откровенной персонификации власти и решений. «Наличие сильных лидеров, — пишет П.Ханна, — всегда оборачивалось здесь ослаблением институтов» (стр. 189), и это очень важное замечание, которое созвучно знаменитому высказыванию сингапурского рефор-

матора Ли Куань Ю о том, что важнейшая проблема авторитарных модернизаций — это качество самого главного модернизатора. Поэтому содержащееся в книге повествование о Втором мире можно представить как постоянное сопоставление позитивных и негативных примеров из истории и современности составляющих его стран.

С одной стороны, отмечает П.Ханна, существует масса положительных примеров, которые объединены стремлением лидеров и элит этих стран модернизировать экономику и по мере возможностей интегрироваться в мировое хозяйство, получив выгоды от взрорачивающейся глобализации. Вопрос о том, какое внимание уделяют в этих странах реализации демократических реформ или обеспечению прав человека, вообще не интересует автора. Он восхищается Турцией, где и гражданские, и военные выступают за активную модернизацию экономики, укрепление хозяйственных и политических связей с Европейским Союзом, инкорпорирование европейских норм в турецкое законодательство и при этом жестко стоят на позициях светской государственности (см. стр. 171-172); он высоко оценивает опыт властей Малайзии — в том числе и в том, насколько умело был выпестован в этой стране т.н. «правильный ислам», совершенно не являющийся препятствием для активной модернизации экономики и общества (см. стр. 366); отмечает выдающиеся успехи дирижистской модели в Сингапуре; посвящает многие страницы своей книги успехам Объединенных Арабских Эмиратов, развитие которых как современного государства началось лишь четверть века тому назад, но которые уже стали средоточием наиболее современных в мире портов истроек, формируются как новый глобальный финансовый центр и привлекают сотни тысяч инвесторов и туристов (подр. см. стр. 322-328).

Ключом к авторской трактовке успешности режимов Второго мира может служить фраза, оброненная именно при описании Дубая: этот эмират, отмечает П.Ханна, «*управляется как современная корпорация*; он реагирует не на политическое давление, а только на угрозу своим прибылям (курсив мой — В.И.)» (стр. 330). Не будет большим преувеличением утверждение о том, что идеальным образом страны Второго мира для автора выступает именно образ корпоративного государства с отлаженной системой управле-

ния, оперативно реагирующей на внешние вызовы, ускоряющей встраивание страны в систему мирового хозяйства и уверенно повышающей ее конкурентоспособность. «Корпоративное государство» по Ханне — это не государство, власть в котором узурпирована представителями какого-то клана или группы, принимающими решения в узком «междусобойчике», а страна, внутренняя и внешняя политика которой подчинена единственной цели: повышению своей конкурентоспособности в мире. Именно поэтому, на мой взгляд, положительных оценок в книге удостаиваются такие существенно отличающиеся друг от друга страны, как Казахстан (здесь, «несмотря на быстрый рост нефтедобычи и прибылей от нее, а также ужасающий уровень коррупции, идет диверсификация экономики, страхующая ее от волатильности мирового энергетического рынка», «новые региональные аэропорты и широкие дороги восстанавливают связи на просторах континентальной степи», а «государственная помощь малым предприятиям и приватизированным землевладениям, аграрные субсидии и высокие оклады в госсекторе... способствуют повышению уровня жизни как в городах, так и в сельских районах») (стр. 130) и Мексика, где за последние пятнадцать лет иностранные инвестиции выросли практически вчетверо, преодолевается извечная опора на нефть как основной экспортный товар, доля промышленности в экспорте превысила 80%, а ВВП на душу населения достиг 9 тыс. долларов (см. стр. 182-183). Там, где сильны рационализм и ответственность, страны Второго мира могут добиться многого даже без опоры на демократию и западные ценности — таков неявный вывод П.Ханны.

С другой стороны, Второй мир изобилует неудачниками, общая черта которых — политический авторитаризм в сочетании с идеологическим доктринерством. В этой части Второго мира «главной заботой лидеров, не уверенных в том, проснутся ли они следующим утром, является сохранение своего режима» (стр. 240), и ничего более. Подобные системы наиболее часто встречаются в Северной Африке, на Ближнем и Среднем Востоке, в Центральной Азии, а в последнее время — и в Латинской Америке. Общая их черта — умеренные перемены, блокирующиеся диктаторскими режимами, опасющимися за свою власть. Даже Тунис и Египет, ко-

торые казались в свое время пионерами модернизации в регионе, сейчас практически остановились в развитии (см. там же). Во многих случаях ситуация еще более драматична: автор упоминает Узбекистан, авторитарный лидер которого за последние годы продемонстрировал, что готов дружить с кем угодно и против кого угодно, лишь бы у него оставалась возможность жестко подавить общественные выступления, если они вновь станут угрозой его режиму (см. стр. 148 и сл.), Киргизию с тотально коррумпированной и никому неподотчетной олигархической кликой [бывшего президента К.Бакиева] во главе (см. стр. 135-136), и ряд других государств. По его мнению, власти в этих странах живут в постоянной неуверенности, что постепенно отравляет их сознание и в конечном счете ведет к утрате чувства реальности; комментируя ситуацию в Азербайджане, например, П.Ханна совершенно верно подмечает, что «только у пропитанных паранойей режимов численность ОМОНа на митингах превосходит количество протестующих» (стр. 95).

Во многих случаях неуверенность выливается в то, что автор называет идеологическим умопомешательством. Последнее проявляется в самых разных формах — от возвеличивания тирана как полубога, отца нации или великого гения (как это было в Туркмении — см. стр. 150-151), до изобретения новой исторической формы государства, как это сделал М.Каддафи в Ливии, лишив эту страну вполне реальной возможности стать «средиземноморской Норвегией» (см. стр. 247), или проповеди «социализма XXI века». Очень часто важным элементом построения политической идентичности этих экономически и социально несостоятельных стран выступают антизападничество и антиамериканизм — которые не отражают реального отношения их граждан к западному миру, но при этом крайне важны для их руководителей (см. стр. 193), так как отсутствие врага — главная угроза для стабильности любой диктатуры.

Двумя вопиющими примерами таких несостоятельных стран Второго мира автор называет Венесуэлу и Иран. Если вспомнить отношение П.Ханны к США, их политике и перспективам в меняющемся мире, сложно заподозрить его в желании очернить образ этих государств, чтобы потрафить американскому империализму.

Автор лишь констатирует, что в Венесуэле, например, «правительство одновременно нарастило в четыре раза как внутренний, так и внешний долг,.. несмотря на более чем 20 млрд. долларов ежегодных доходов от экспорта нефти, ВВП на душу населения в лучшем случае составляет половину от уровня 1954 года,.. при "суррогатных" руководителях из числа военных компания PDVSA более чем на миллион баррелей нефти не дотягивает до пиковых показателей производства, <a> показатели смертности от огнестрельных ранений <в Каракасе> — самые высокие в мире» (стр. 191, 192-193). Отсутствие профессионализма компенсируется масштабными социальными подачками, волонтаристским регулированием цен, постоянной мобилизацией послушных сторонников режима и бесконечными мифотворчеством и антиамериканской пропагандой. Националистическая левацкая идеология оказывается достаточно популярной, чтобы привлечь значительные массы граждан даже сопредельных стран — что воплотилось в появлении близких по духу лидеров в Эквадоре и Боливии. В другом конце планеты «Иран является практически образцовым примером второмировской шизофрении» (стр. 303). Страна, «сидящая» на одних из крупнейших запасов нефти, импортирует бензин из-за границы; провозглашающая демократию и даже проводившая до поры до времени президентские выборы, не собирается отказываться от диктатуры «корпуса стражей исламской революции». Кроме того, автор еще пару лет назад был уверен, что внешнеполитический курс правительства и его скорее декларируемые, чем реальные успехи в создании ядерного оружия приведут к его полной международной изоляции и к разрыву связей даже с прежде надежными партнерами — и оказался прав. П.Ханна уверен: подобные эксперименты в мощных, обладающих богатыми историей и культурой и способных серьезно влиять на мировую политику стран не могут продолжаться долго. Второй мир во многом и отличается от Третьего тем, что его субъекты, какую бы экзотическую политику они ни вели, остаются значимыми международными акторами, что не оставляет им возможности тихо «замкнуться в себе» и уподобиться никого не интересующим африканским диктатурам.

Подробное описание автором реалий отдельных государств Второго мира отчасти затушевывает главную концептуальную ли-

нию книги — оценку взаимоотношений Первого и Второго миров. Во введении П.Ханна пишет: «в значительной степени будущее Второго мира зависит от того, как он станет относиться к трем сверхдержавам; и наоборот, будущее любой сверхдержавы зависит от того, сможет ли она управлять Вторым миром» (стр. 24). Однако большинство изложенных в книге фактов не свидетельствуют ни о том, что будущее стран Второго мира критически зависит от их отношения к «сверхдержавам», ни о том, что сами «сверхдержавы» готовы продвигать свои ценности и принципы в отношениях с потенциальными «вассалами». Скорее наоборот: все описанное приводит к выводу о том, что сотрудничество между Первым и Вторым миром выйдет ценностно-нейтральным. США, демократическое государство, на протяжении десятилетий поддерживали в Латинской Америке диктаторские режимы, чем очень сильно дискредитировали себя в регионе (см. стр. 171-172); страны Европейского Союза и та же Америка выстраивают прагматичные отношения с Казахстаном, государствами Северной Африки и Персидского Залива; Китай «работает» на всех направлениях, также не принуждая местные правительства менять привычные политические и социальные режимы. Можно конечно, утверждать, что в данном случае мы имеем дело с типичной *Realpolitik* — но следует вернуться к ключевому слову, употребленному автором при описании того, что следует делать сверхдержавам в отношении стран Второго мира: управлять. Сегодня же можно с уверенностью констатировать: подобного управления не прослеживается. Скорее страны Второго мира ведут с государствами Первого умелый и часто беспринципный торг, в котором в большинстве случаев выигрывают. И даже если согласиться с П.Ханной в том, что будущее мирового порядка — в межимперских отношениях, а не в системе международных организаций (см. стр. 444), пока остается неясным, какая именно роль отведена Второму миру в этой сложной геополитической игре.

* * * * *

Книга П.Ханны — замечательный «снимок» современного мира со всеми присущими ему неопределенностями. Он показывает, что

сегодня мир более подвижен и разнороден, чем когда-либо прежде. Основная заслуга автора, на мой взгляд, состоит в том, что он попытался решительно порвать с прежним делением мира на «развитый» и «развивающийся» — делением, устаревшим как потому, что некоторые развитые страны утратили влияние на мировую политику, так и потому, что многие государства, остающиеся развивающимися, обрели такие масштаб и возможности, что игнорировать их стало невозможно. Мировая политика XXI века будет определяться совокупной мощью — причем прежде всего экономической и социально-культурной — того или иного государства или региона, а не уровнем его подушевого ВВП или военной силой. Главная задача каждого правительства в наступившем столетии — обеспечение конкурентоспособности своей страны в глобальном мире.

Страны Второго мира также выделены П.Ханной на этом же основании. Это не те государства, которые будут определять мировую конфигурацию, но те, которые пока невозможно сбросить со счетов при создании «карты будущего». Именно поэтому Венесуэла отнесена к их числу вместе с Малайзией, а Узбекистан — наряду с Мексикой. При этом, рассуждая о том, что Первому миру придется бороться за внимание и благосклонность Второго, автор все же не приводит доказательств того, что вокруг каждой из держав Первого мира складывается некая глобальная «группа поддержки» (исключениями выступает региональная интеграция — прямая, как в случае с Европейским Союзом или НАФТА, или замаскированная, как в китайской «зоне сопроцветания»). Никаких новых прочных альянсов глобального масштаба, которые создавались бы ради более эффективного управления Вторым миром со стороны Первого, пока не прослеживается. Это несколько обесценивает пафос книги, позволяя либо предположить, что ее основной прогноз относится к более отдаленному будущему или же вообще может оказаться ошибочным.

Несомненно одно: мир XXI века — это разобщенный и сложный мир. Конфигурации и союзы прошлого разрушены, а новые еще не сложились. Зато определились те центры, вокруг которых они могут формироваться — и в чем П.Ханна прав, так это в том, что новых «полосов» больше не появится. В этом, видимо, и состо-

ит главный вызов для России: ей надлежит забыть о биполярном мире, в котором она была одним из полюсов, и научиться жить в трехполюсном, где ни одним из полюсов она не станет. Книга показывает, что в этом мире можно успешно развиваться и добиваться многого, даже не обладая статусом «полюса». Нужно менять то, что мы в силах изменить, и не пытаться достичь невозможного. Собственно, в этом, на мой взгляд, и состоит главная рекомендация автора странам Второго мира — рекомендация, может быть, не слишком располагающая к оптимизму, но зато очень реалистичная.

*Владислав Иноземцев
Прага – Пекин – Москва – Чебоксары
апрель и июль 2010 года*

Предисловие ко второму американскому изданию

Мир одновременно становится и большим, и маленьким: больше людей, больше стран, больше денег, большие скорости но и сократившиеся расстояния и меньшее время, необходимое для их преодоления. Очевидно, что ничто в этом мире не находится ныне под постоянным контролем. И я не верю, что в нем над ним может появиться некий единый центр власти.

При написании этой книги моя цель состояла в том, чтобы передать непреходящую динамику жизни современного мира через свидетельства очевидца, рассуждающего в планетарном масштабе. Даже Латинская Америка, долго находившаяся на вторых ролях, стала ключевым элементом в новой глобальной геополитической системе, сердцевина которой, как и прежде, соотносится с ресурсами, властью, стабильностью и конфликтами. Вне всякого сомнения, уже сама по себе широкая и плотная сеть, наброшенная на мир глобализированными рынками, чрезвычайно важна для понимания его как единого организма. Не существует ни изолированной «окружающей среды», ни «отдельных месторождений нефти», ни обособленных экономик, да и проблема здравоохранения уже не стоит особняком от других. Сокращение населения в России, истощение первичных лесов Амазонии, разливы нефти на Каспии и процветающие фонды арабских шейхов – все это части постоянно меняющейся геополитической картины XXI века. И все они имеют глобальное отражение – и в географическом, и в идеологическом плане.

Для внешней политики огромное значение имеет уровень взаимодействия между США, Европейским Союзом и Китаем. Новый Средиземноморский Союз свидетельствует о готовности Европы распространить свое влияние от Марокко до Сирии, вкладывая деньги и используя трудовые ресурсы для создания рабочих мест, новых нефте- и газопроводов и для сохранения экологии. Похожим образом нарастает тенденция к примирению Китая с Тайванем, в то время как его жесткая политика по умиротворению Тибета продолжается, а потребление ресурсов не знает пределов. В то же время глобальная военная активность США остается ключевым элементом обеспечения баланса сил на Ближнем Востоке и в Восточной Азии, а, кроме того, Америка остается инкубатором промышленных инноваций и новых информационных технологий. На три могущественных центра приходится по 20 % мировой экономики и немногим большая доля инвестиций и торговли с ключевыми странами Второго мира.

События последних лет подчеркнули, что Второй мир находится там, где развиваются события: Уолл-Стрит устремляется к Абу-Даби для помощи в выходе из трудностей, связанных с излишней задолженностью, ОПЕК вновь стал заслуживающим доверия картелем, Турция посредничает в арабо-израильских отношениях, Казахстан в 2010 году будет председательствовать в ОБСЕ. Обратим внимание: Второй мир организует глобальный порядок в большей степени, чем это делают три могущественных центра.

Пока что психоанализ амбиций и неуверенности «второго мира» показывает всю нестабильность и непредсказуемость возникающих сегодня рынков: всемирный подъем цен на продовольствие, акты национализации и референдумы в Венесуэле, непредсказуемость преемственности власти в Египте, обуздание ядерных амбиций Ирана, ожесточенные конституционные кризисы на Украине, резкость малазийской политики — на веса брошены не только миллионы жизней, но также и триллионы долларов инвестиций и сделок.

Интересно, что за прошедшие годы стало понятнее, что подъем Второго мира способен принести облегчение миру Третьему; его возвышение предоставляет последнему те шансы, которых не дал ему Первый мир в постколониальную эру. Поднимающийся

Второй мир предъявляет спрос потребительские товары Третьего; инвестиции Второго мира в Африке и иных хронически неразвитых странах и быстрый рост объема торговли «Юг-Юг» являются вкладом во всемирную экономическую экспансию. А ведь темпы экономического роста стран Третьего мира превышают аналогичные темпы развитой части планеты.

Пока еще каждому усилию компании Dubai Ports World в Джибути по внедрению мер, облегчающих международную торговлю, или строительства Китаем инфраструктурных объектов в Замбии противостоят действия режимов Чада, Анголы и Экваториальной Гвинеи, правительства которых проматывают национальные богатства своих стран путем коррупции и бессмысленных трат. Однако в целом Африка — это скорее место для китайского, европейского и американского неомеркантилизма, чем пример какого-либо варианта коллективного возрождения. Как я пишу, «колонии были завоеваны, а современные страны — скуплены на корню».

Неоднократно утверждалось, что Второй мир объединенными силами мог бы бросить вызов миру Первому, однако он никогда не был единым, хотя и обладал общим духом антиимпериализма. В оппортунистах в его рядах нет недостатка: Ливия арендовала земли на Украине для выращивания пшеницы, Иран строит нефтеперегонный завод для Индонезии, а Россия готова обеспечить ядерными реакторами почти каждого желающего. Большинство стран Второго мира на деле не являются таковыми; они участвуют в сложных многосторонних союзах, стремясь вытеснить могущественных игроков и приобрести региональное лидерство. Россия, Саудовская Аравия и Турция — воплощение этого мудрого курса, и они предпочитают установить в прилегающих к ним регионам свой контроль, а не уступить их гегемонии США, ЕС или Китая.

В противоположность этой возрастающей сложности, внешняя политика Америки в ущербные годы администрации Буша-мл. достигла очень немногого на пути просвещенного искупления ошибок прошлого. Новый американский президент обнаружил, что часть стран Второго мира пребывает в раздражении, тратя лишь небольшую часть своего драгоценного времени на ожидание возвращения американского лидерства, а в основном же создавая

альянсы и размещая инвестиции с участием друг друга, а также Европы и Китая. Влияние в многополярном мире тесно связано с финансовыми вложениями — а это область, где явно выделяется модель капиталистического государства европейского и китайского образца. Именно эти структурные изменения, а не присоединение к вечеринке нового американского президента и есть то, что закладывает основы дипломатии XXI века.

Изменение геополитических реалий сможет благоприятствовать США, если они сумеют быть более активными стратегически и еще более гибкими. Я предлагаю пять шагов к более смелой, логичной и эффективной великодержавной стратегии Америки. Первый — риторический: следует больше говорить о глобальных, а не о собственно американских, интересах и ценностях. То, к чему следует стремиться, — это ставить универсальное выше американского. То, чего хотят для себя другие, важнее того, чего хочет для них администрация США, и так должно быть всегда. Сложно даже выразить, сколь малый вес имеют сегодня американские наставления, пусть даже и сопровождающиеся — или их пытаются сопроводить — локальными приоритетами. Ирак, Афганистан, Пакистан — места, где Америка запуталась больше всего — в достаточной степени иллюстрируют этот фундаментальный факт нового мирового порядка.

Далее, Америке следует резко наращивать — даже «пентагонизировать» — свою дипломатическую деятельность, расширив полномочия заместителей госсекретаря, отвечающих за отдельные регионы мира и прикрепив послов к ключевым региональным организациям. Отдельные акции помощи на двухсторонней основе должны быть вписаны в региональные стратегии, помогающие соседним странам координировать между собой различные меры — от борьбы с бедностью до противостояния терроризму. Африка и складывающийся Африканский Союз показывают пример усилия, начинающегося в правильном направлении, но его вовсе недостаточно для подходящего старта.

Итогом консолидации дипломатических усилий должно стать создание «дипломатическо-индустриального комплекса». Американские интересы слишком важны для того, чтобы предоставить их защиту одному только правительству, и помимо него

для их реализации следует задействовать объединенные возможности американского общества. Уолл-Стрит нуждается в открытых, стабильных формирующихся рынках, и очень желает предоставить средства и ноу-хау, необходимые для стимулирования развития, которые не находятся в распоряжении Конгресса.

То же, что может сделать Конгресс, — это одновременное содержание в порядке государственных финансов и отклонение ответных протекционистских мер, когда это ведет к притоку зарубежных суверенных средств для обновления разваливающейся инфраструктуры Америки и стимулирования инноваций. Следует помнить, что глобальная экономика не замедляет развития одновременно; страны Персидского залива, Бразилия и Китай находятся на подъеме, и запросто обойдутся без американских инвестиций; в то же время зарубежные инвестиции в США не будут вечными даже при сохранении слабого доллара, а Второй мир предлагает инвесторам даже большие доходы. Америка нуждается в восстановлении баланса своих отношений с глобальным миром, или же она сама рискует превратиться во Второй мир.

Наконец, США должны стремиться к созданию «тройки» с ЕС и Китаем, объединению трех могущественных центров, чье внешнеполитическое влияние способно устанавливать правила и условия для всех остальных. Колеблющиеся государства, такие, как Россия, Саудовская Аравия и Индия, также способны влиять на ход дел, но лишь «большая тройка» способна эффективно воздействовать на тех, кто не выполняет правил игры. Кроме того, она является механизмом, способным дать ответы на глобальные вызовы: стабилизировать цены на нефть, сократить выбросы парниковых газов без замедления темпов экономического роста, бороться с бедностью и умело вмешиваться в дела государств-неудачников. Ни одна из этих целей не будет достигнута без стратегического сотрудничества трех мировых суперцентров. И решение этих базовых задач породит сотрудничество, которое способно поддерживать доверие и, в конечном счете, создавать равновесие сил, а не напряжение между ними.

То, что способствует этому новому внешнеполитическому порядку, который является гораздо более сложным (но также и более многообещающим), — это рост влияния частных институтов

и транснациональных корпораций, чьи растущие ресурсы могут быть использованы для достижения целей, к которым стремится весь мир. Организация, управление и развитие этих центров силы — задача не только великих государственных мужей, которых может быть совсем немного, но всех целеустремленных субъектов глобализации, чья численность находится за пределами представлений современных бюрократов. То, что мир может существовать без единого лидера, вовсе не означает, что он должен быть лишен глобального видения основных протекающих в нем процессов.

*Параг Ханна
Нью-Йорк
2008 год*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Арнольд Тойнби лучше всех понимал, как устроен мир. В его двенадцатитомном труде «Постижение истории» наиболее последовательно анализируются человеческие цивилизации (вдобавок, эта работа – самая длинная из написанных на английском языке). Однако Тойнби пришлось дожидаться ухода на пенсию с поста научного руководителя Королевского института международных отношений в Лондоне, чтобы вместе с супругой отправиться на корабле в кругосветное путешествие с целью «встретиться с людьми и воочию увидеть места, информация о которых нам, как исследователям, была известна только из вторых рук». Супруги отплыли из Лондона и за семнадцать месяцев побывали в Южной Америке, Азиатско-Тихоокеанском регионе, Южной Азии и на Ближнем Востоке. Заметки Тойнби, в которых он описал реликты исчезнувших империй, а также дал прогноз «туманного будущего», были опубликованы в 1958 году в книге под названием «От Востока до Запада: кругосветное путешествие».

Полвека спустя облаченное в роскошный кожаный переплет первое издание труда Тойнби послужило для меня самым компетентным путеводителем. В тот момент я как раз отправлялся в путешествие по странам мира, пытаясь изучить взаимодействие двух всемирно-исторических сил, сущность которых Тойнби интуитивно уловил, еще не используя термины «геополитика» и «глобализация». Геополитика отражает взаимоотношения власти и пространства. Глобализация означает расширение и углубление взаимосвязей между народами мира с помощью всевозможных форм обме-

на. В свое время Тойнби первым описал процессы роста и падения, расширения и сжатия империй и цивилизаций в исторической ретроспективе. Ученый имел возможность лично наблюдать за крупными волнами глобальной интеграции, которая началась накануне Первой мировой войны и обрела взрывной характер вследствие роста транснациональных корпораций в 1970-е годы. Со времен Тойнби и по сию пору геополитика и глобализация настолько интенсифицировалась, что фактически соединились, являя собой две стороны одной медали. Тем не менее мне захотелось разделить неразделимое.

Все регионы и государства, рассмотренные в этой книге и причисляемые мной ко Второму миру, ныне выдвинулись на авансцену, формируя мировой порядок будущего. Понятие «Второй мир» некогда относилось к социалистической одной шестой части Земли, а затем в узком смысле – лишь к посткоммунистическим странам с переходной экономикой. Затем упоминание о Втором мире постепенно исчезло. Однако сегодня на карте существует в два раза больше стран, чем в те времена, когда Тойнби пустился в плавание, – и все большее их число относится к сформировавшемуся недавно пространству Второго мира, на котором интересы геополитики и глобализации то сталкиваются, то совпадают.

Государства можно группировать подобно химическим элементам периодической системы. Мы будем классифицировать их по размеру, уровню стабильности, благосостоянию и мировоззрению. Стабильные и процветающие страны Первого мира во многом получают выгоду от установившегося в наши дни международного порядка. В отличие от них бедным и нестабильным странам Третьего мира никак не удастся изменить свое плачевное состояние. А вот государства Второго мира оказались между двумя этими группами, причем у большинства из них обнаружился набор свойств, присущих как тем, так и другим. Государства Второго мира можно разделить на победителей и побежденных, богатых и нищих. Как они поведут себя? Будут ли они держаться особняком, конфронтировать или объединяться, образуя сложные структуры? Поиску ответа на данный вопрос и посвящена предлагаемая книга.

Страдающие болезненной двойственностью государства Второго мира являются тем решающим фактором, который в XXI веке

повлияет на установление баланса сил между тремя глобальными «империями» – Соединенными Штатами, Европейским Союзом и Китаем – по мере того, как каждая из них с помощью глобализации постарается увеличить мощность своего поля притяжения. Каким образом страны выбирают себе сверхдержаву-союзника? Какая модель глобализации станет преобладающей? Будет ли Восток бороться с Западом? Ответы на эти вопросы можно найти лишь во Втором мире – и больше нигде.

Чтобы понять, как именно видоизменяются сферы и направления влияния в пяти регионах Второго мира, следует посмотреть не ситуацию с позиций каждой конкретной страны, влезть, так сказать, в ее шкуру. Как шутят чиновники Всемирного банка, они никогда не берут на себя смелость выступать в качестве экспертов по стране, если не пролетели над ней на самолете. Эксперты подобного типа, оперируя статистическими показателями, берутся вещать нам, что, мол, в этом государстве «положение улучшается». Но, как правило, сказанное значит лишь следующее: столицу подновили, повсюду заметны вновь выстроенные гостиницы, банки, банкоматы, торговые центры, а силы правопорядка побеждают преступность на окраинах и в предместьях. А что происходит в стране в целом? Что можно сказать о городах без аэропортов, о разбитых дорогах и ветхой инфраструктуре в отдаленных районах? Там что-нибудь меняется? Думают ли люди там так же, как в столице? Неудивительно, что когда в таком якобы благополучном государстве неожиданно происходит переворот или его постигает экономический крах, это воспринимается как неожиданность.

Святой Августин заметил, что «мир – это книга, и тот, кто не путешествовал, прочитал всего лишь одну страницу». Лишь непосредственный опыт может подтвердить или опровергнуть наши гипотетические построения, позволяя действовать в сложном мире и с уверенностью принимать непростые политические решения, а также учитывать риск вызвать ответную реакцию в виде непредвиденных последствий. Во время путешествия по Второму миру я никогда не покидал ту или иную страну, пока не убеждался, что получил представление о ней изнутри, повидав ее города, деревни и ландшафты. Я не уезжал, не подкрепив свои ощущения беседами с широким кругом людей, включая должностных лиц,

ученых, журналистов, предпринимателей, таксистов и студентов. Я оставался до тех пор, пока не начинал видеть мир их глазами. Предлагаемая книга целиком посвящена анализу следующего вопроса: какими видят себя народы этих государств в эру глобализации и геополитических перемен?

В поездках ощущения и размышления сводятся воедино. Приходится искать причину возникающих при этом противоречий, а не трактовать их как ничего не значащие исключения. Такая двойственность порождается сложностью реального мира. Реальность, как известно, порой сопротивляется теоретическим построениям, ведь в них мы пытаемся подогнать мир под идеализированные требования, игнорируя то, каков он есть на самом деле. И все же, изучая структуру Второго мира с помощью чувственного познания и придавая большое значение ощущениям, можно выявить те качества, которые одновременно присущи всем входящим в него странам. И различия здесь надо рассматривать как относительные, а не абсолютные. Например, вежливое поведение граждан страны говорит, как правило, о благопристойности правительства, что, в свою очередь, коррелирует с качеством дорог. В Первом мире дороги прекрасны, в то время как запруженные транспортом дороги Третьего мира покрыты пылью и тонут в облаках выхлопных газов. На дорогах Второго мира сочетается и то, и другое. Государства Первого мира могут принимать у себя миллионы туристов, а в странах Третьего мира приходится выбирать между дорогущими отелями и дешевым путешествием с рюкзаком за спиной. Во многих странах Второго мира также попросту отсутствует инфраструктура для массового туризма. В Первом мире мусор перерабатывается целиком, в Третьем – просто сжигается, а во Втором его то собирают, то сваливают в огромные кучи. В Первом мире коррупция незначительна, в Третьем безудержна, во Втором хитро маскируется. Государства Первого мира – это владыки, принимающие решения, а страны Третьего мира – пассивные объекты политики неомеркантилизма сверхдержав; между теми и другими находятся страны Второго мира, которые напоминают качели, болтающиеся из стороны в сторону.

Путешествие вокруг света раскрывает глубинную логику распространения имперских стандартов американской, европейской и

китайской сверхдержав. Значение политических границ неуклонно уменьшается, а экономика, наоборот, все больше интегрируется. Карта планеты в настоящее время непрерывно перекраивается, причем на этот процесс влияют не только США. И по мере того, как мир становится все менее американским, можно заметить следующее: наши представления о странах, которые вдруг упоминаются в заголовках прессы, свидетельствуют об очевидном незнании американцами не только географии, но и истории. Однако моя книга адресована не только жителям Соединенных Штатов. Задача приспособления этой страны к миру, где существуют несколько сверхдержав и углубляется глобализация, слишком важна и не может быть делом только самих американцев. Очень может быть, что война – это поистине тот способ, посредством которого Бог сможет научить их географии. Но существует также и новая география власти в мире, которую должен хорошо усвоить каждый человек. Если мы не сможем найти ничего родственного в наших душах, то нас уже ничто не спасет.

Нью-Йорк, август 2007 года

Введение

Кто восстанавливал истерзанные войной балканские страны после того, как там в 1990-е годы под бомбами рушились здания? Кто спасал Мексику, когда в ней обвалилась валюта и страна объявила дефолт? Кто укреплял границы и помогал обеспечивать рост бывших советских республик Центральной Азии после того, как они устремились к независимости?

Во всех трех случаях ответ один: помогли империи, а именно – Европейский Союз, США и Китай.

В наше время об империях говорить не модно. Сейчас считается, что любая империя – это агрессивный и меркантильный хлам, отправленный на свалку истории, ведь вскоре после окончания Второй мировой войны Великобритания, Франция и Португалия покинули свои африканские и азиатские колонии, а в начале 1990-х годов распался и Советский Союз. В то время многие предрекали, что процесс этнического самоопределения погрузит мир в новую эру политической раздробленности, ведь число государств возрастет. В 1945 году их было меньше пятидесяти, а в XXI веке, возможно, возрастет до нескольких сотен, причем каждое национальное меньшинство получит свое собственное государство, валюту и место в Организации Объединенных Наций.

Тем не менее за тысячелетия империи зарекомендовали себя как самые мощные политические образования. Имперское иго удерживало народы от междоусобиц и тем самым удовлетворяло извечное стремление людей к порядку как необходимому условию обеспечения стабильности¹. Рим, Стамбул, Венеция и Лондон повеле-

вали сотнями разнообразных политических сообществ вплоть до появления национальных государств в XVII веке. К началу Второй мировой войны глобальная власть сосредоточилась всего в полудюжине империй, причем почти все они были европейскими. Деколонизация покончила с «искусственными империями» – небольшими государствами, с помощью принуждения повелевавшими заморскими колониями, но не с имперской идеей как таковой.

Имперская форма правления, видимо, не самая целесообразная, если вспомнить о череде ужасных войн между империями. К тому же психологические стереотипы, бытующие у людей, отнюдь не добавляют империям привлекательных черт. И все же гиганты возвращаются². Именно межимперские – а не международные или междивизилационные – отношения определяют контуры современного мира. Империи, а не цивилизации наполняют географию смыслом. Более того, империи не признают цивилизационных границ; по мере распространения своих норм и обычаев они могут изменять людей, к какой бы цивилизации те ни относились³. Поскольку империи больше озабочены властью и собственным расширением, а не сохранением чьей-либо уникальной культуры, то они, попросту говоря, превосходят по размерам любую из цивилизаций. Никто не спорит, тот факт, что Европа и Китай – древние цивилизации, конечно же, сообщает обеим уникальность и своеобразие, но статус расширяющихся держав, которым они обладают, придает им исключительность.

Сегодня в мире имеется меньше доминирующих центров силы, чем когда бы то ни было в предшествующей истории⁴. Со времен окончания Второй мировой войны мелкие полуфеодалные общины образовали нынешний Китай, а более двадцати национальных государств интегрировались в наднациональный Европейский Союз. Оба они, наряду с Соединенными Штатами, суть три естественные империи современного мира: каждая из них четко определяется географическим и демографическим потенциалом для расширения зоны влияния. Как точно подметил Джордж Кеннан, неравенство сил между государствами всегда превращает суверенитет в посмешище. И чем больше в мире государств, тем легче империям разделять и властвовать⁵.

Все империи до сего дня питались, по выражению Арнольда Тойнби, «иллюзией бессмертия». Скажем, США все еще склонны считать, что они стоят во главе крупнейшей глобальной империи. Однако на деле последней глобальной империей, над которой никогда не заходило солнце, была Великобритания. По сути, большая часть мира входила в ее владения и ей подчинялась⁶. Америка уже не может в одностороннем порядке определять ход событий во всех уголках планеты: колонии получили независимость, а территориальные завоевания стали совершенно неприемлемы. У Соединенных Штатов есть послы, но нет вице-королей. Глобальное военное присутствие Америки не следует путать с господством. Если при определении мощи государства рассматривать только фактор военной силы, то мир действительно можно считать «монополярным»: над всеми главенствуют США, от которых зависят региональные державы. Но, в отличие от прошлых эпох, в наше время военная мощь не имеет решающего значения. Сказанное особенно актуально для эпохи широкого распространения технологий, обеспечивающих действенные средства защиты от чьих-либо посягательств. Сегодня в расчет надо принимать другие, более весомые факторы, а именно: экономическую эффективность, долю на мировом рынке, технологические инновации, запасы природных богатств, численность населения, а также нематериальные факторы, скажем, волю нации и дипломатическую искусственность. В самом деле, в наше время уже все великие державы обладают ядерным оружием, поэтому экономическая власть – фактор куда более важный, нежели военная сила. Если взять КНР, то окажется, что сочетание нескольких факторов – огромного населения, промышленного производства и финансового благосостояния – делает из этой страны сверхдержаву, обладающую беспрецедентным потенциалом. Если взять Евросоюз, то получится, что он экономически благополучнее, чем США и Китай, а по численности населения занимает промежуточное между ними положение. К тому же Евросоюз обладает значительной военной мощью и технологическим потенциалом.

В своей работе «Экономические последствия мира» Джон Мейнард Кейнс писал: «Великие события истории возникают подчас в силу вполне прозаически земных причин – роста численно-

сти населения и других фундаментальных экономических закономерностей, которые воплощаются в жизнь постепенно и незаметно; вот почему причины возникновения великих событий приписывают то прихоти государственных мужей, а то и фанатизму безбожников»⁷. Однако в наше время все процессы и закономерности, которые происходят на микроуровне и способствуют крупным геополитическим сдвигам, можно уловить и зафиксировать подобно тому, как ученые фиксируют симптомы и причины климатических изменений. Сегодня на карте мира между глобальными сверхдержавами устанавливается определенное равновесие, но единый центр отсутствует*. Оспаривая позиции Соединенных Штатов в мировой иерархии, охраняя и приобретая союзников по всему миру, Евросоюз и Китай способствовали ощутимому сдвигу в мировом масштабе, в результате которого возникли три сравнительно равных центра влияния: Вашингтон, Брюссель и Пекин.

* Геополитику всегда приводили в действие державы Северного полушария. Они управляли территориями в южных странах, начиная от Латинской Америки и Африки и кончая Австралией и Океанией. За последние 500 лет северные империи кроили географию планеты, и к концу XIX века водрузили свои флаги на всех участках суши, вообще не оставив белых пятен на карте. Тойнби охарактеризовал процесс завоевания земных просторов следующим образом: «Наше западное "ноу-хау" в буквальном смысле слова объединило весь мир – всю обитаемую поверхность земного шара, в которую только можно проникнуть» (Toynbee, Arnold. *Civilization on Trial*, London: Oxford University Press, 1948, p. 23). На тот момент расширение вовне фактически означало процесс внутренней консолидации, протекавший внутри империй; геополитика превратилась в глобальную внутреннюю политику, и все эти процессы проходили под началом Запада.

Геополитический рынок

Власть не терпит пустоты⁸. Благодаря распаду Советского Союза Соединенные Штаты Америки обрели гипермогущество, получив возможность дислоцировать свои военные базы в любом уголке Земли. И все же распад СССР не упрочил глобальную гегемонию Америки. Так называемый «период однополярности» под властью США на деле оказался всего лишь кратким промежутком времени, в течение которого Европа и Китай, пребывая в спячке под защитой американской системы региональной безопасности, набрались сил и, постепенно завершив внутреннюю консоли-

дацию, стали проецировать свое влияние вовне. В настоящий момент их мощный подъем остановить невозможно. Уже сейчас очевидно, что в мире параллельно происходят американизация, европеизация и китаизация.

На смену монопольной власти одной страны пришел своеобразный «рынок». Все три сверхдержавы используют военную, экономическую и политическую мощь ради формирования сфер влияния по всему миру, а также стремятся конкурировать за право регулировать конфликты, формировать рынки и распространять свои обычаи⁹. Остальные государства выходят на этот рынок как потребители и выбирают себе сверхдержаву-покровителя, а некоторые – даже не одну. Если одна сверхдержава попытается изолировать врага, другая всегда может прийти тому на помощь, кинув спасательный круг и получив союзника. Никогда прежде мир не наблюдал такой глобальной конкуренции в буквальном смысле этого слова, ведь глобальность – невиданное доселе препятствие, поскольку не все сверхдержавы принадлежат Западному миру (например, Китай), и не всех их можно рассматривать как государства в собственном смысле слова (например, Евросоюз).

Американская стратегия национальной безопасности подразумевает влияние на «страны, пребывающие на распутье», чтобы привести в опасные регионы стабильность¹⁰. Однако во многих таких регионах Америку рассматривают уже не как фактор безопасности, а как источник нестабильности. Таким положением, конечно же, могут воспользоваться Китай и Европа, втягивая недовольные государства в собственные сферы влияния. «Великие державы занимаются не своим делом», – посоветовала госсекретарь США Кондолиза Райс. И действительно, падение доверия к Америке вовсе не означает, что недоверие распространится и в отношении других сверхдержав.

На геополитическом рынке легитимность притязаний сверхдержав зависит от того, насколько их эффективность превосходит эффективность остальных. Здесь Америке стоит поучиться у Европы и Китая. Так, после «холодной войны» некоторые американцы полагали, что уменьшение военного присутствия США в Европе приведет к возобновлению соперничества внутри нее – скажем, между Францией и Германией¹¹. Вместо этого

Европейский Союз стал единственной современной империей, которая продолжает расширяться, принимая все новых и новых членов, причем число стран, желающих присоединиться к нему, велико. Примерно в то же время Пентагон объявил о своей стратегии по сдерживанию роста любой великой державы-соперника вроде КНР, последовательно идущей к своей цели – стать главной державой мира и в буквальном смысле слова восстановить свой статус Срединной империи. Как и Европейский Союз, Китай превращает соседние государства в свои полусуверенные провинции, подчиняя их не с помощью военной силы, а путем активной демографической и экономической интеграции. Раньше такой процесс назвали бы империализмом, а сейчас для него подыскали новый термин – «глобализация».

Соединенные Штаты, Евросоюз и Китай олицетворяют собой три различных дипломатических стиля, соответственно: «коалиционный», «консенсусный» и «консультативный». Каждый претендует на то, чтобы стать главным в XXI веке. Во время «холодной войны» Америка в рамках антикоммунистической «доктрины Трумэна» создавала жесткие альянсы веерного типа, схожие с теми, что имелись у Пруссии еще в XIX столетии¹². Нынешний стиль внешней политики Соединенных Штатов с опорой на нежесткие «добровольные коалиции» подразумевает выстраивание союзов на прагматической основе для последовательного решения отдельных вопросов. Америка продолжает демонстрировать готовность вести за собой. Она задает тон в Совете Безопасности ООН и НАТО, ныне проводящей военные операции далеко за пределами своей изначальной зоны ответственности в Европе. Так, блок отправился в Персидский залив и Центральную Азию, а также взялся решать конфликты по всему миру. Но американские свойства – индивидуализм и сосредоточенность на собственных интересах – мало способствуют выстраиванию системы дипломатического доверия. Вместо этого в краткосрочной перспективе происходит путаница в планах по борьбе с терроризмом, демократизации и экономической либерализации, а непрерывное использование угрозы применения силы отдаляет от США даже их союзников. Сегодня для Америки лучше всего подойдет колкое замечание

Шарля де Голля (правда, тот имел в виду Францию): у нее нет друзей, а есть только интересы.

Европейский Союз – поистине революционный институт, имеющий все шансы изменить геополитическую централизацию в западном направлении¹³. Как наиболее развитая форма наднационального управления, Евросоюз объединяет страны способом, больше похожим не на политическое подчинение, а на корпоративное слияние, в результате которого возникает синергетический эффект в виде торговли и территориальных приобретений на пространстве от Северной Африки до Кавказа¹⁴. Законодательство ЕС идет на смену большинству национальных законов, а основная часть европейской торговли осуществляется в рамках Союза. Хотя его участники остаются суверенными национальными государствами, они все чаще сообща вырабатывают концептуальное отношение к внешнему миру. Если не брать военную сферу, то европейский силовой потенциал мощнее американского, поскольку Европа является крупнейшим в мире рынком и *de facto* определяет стандарты технологий и регулирования. Европейская внешняя политика отражает все достоинства и пороки дипломатии, ориентированной на консенсус. Она приводится в действие духом европейской политики благосостояния, хотя процесс переговоров и внедрения стратегий среди более чем двух десятков стран-участниц чрезвычайно долог. Однако, в конечном счете определив свою политику, Евросоюз начал привлекать на европейский путь развития все большее число стран.

Китай на наших с вами глазах превратился в новый глобальный центр тяжести, предлагая третью модель имперской дипломатии. В китайской консультативной модели поведения, опирающейся на древние конфуцианские добродетели, акцент делается на тех вопросах, по которым существует наибольшее согласие; решение тех, по которым оно отсутствует, откладывается на более благоприятные времена; самопожертвование вызывает восхищение и доверие. Большая часть населения земного шара проживает в азиатских странах, которые не только хорошо знакомы с неоднозначным прошлым Китая, но и лучше воспримут его будущую роль. Они не только примирились с неизбежным возвышением этой великой державы, но и приветствуют те выгоды, кото-

рые оно с собой приносит: более дешевые товары, более интегрированные рынки, а также чувство гордости за регион. Полвека назад КНР тратила 5% своего бюджета на поддержку марксистских и маоистских повстанцев в самых разных частях мира. В те времена шутили, что, мол, ее единственным другом была Албания. Но сейчас Пекин стремится создать полный спектр союзов со всеми возможными странами-клиентами, конкурируя за энергоресурсы в Персидском заливе, Центральной Азии и Южной Америке. Китай решительно соревнуется с Западом за дружеское расположение держав среднего эшелона, таких как Россия и Индия, и заигрывает почти что с любым режимом, вызывающим неприятие со стороны США: Кубой, Венесуэлой, Суданом, Зимбабве, Ираном, Узбекистаном, Мьянмой и Северной Кореей.

Многие полагают, что складывающийся мировой порядок полицентричен: Китай и впредь останется в первую очередь региональной державой, Япония будет утверждать себя в более националистическом духе, у ЕС не достанет влияния за пределами своего региона, Индия станет соперничать с КНР, Россия будет вновь усиливаться, а «исламский халифат» станет геополитической силой¹⁵. Однако эти воззрения игнорируют гораздо более суровую реальность: Соединенные Штаты, Европейский Союз и Китай уже обладают большей частью глобального могущества – и сделают все, что только в их силах, для того, чтобы никто более не смог оспорить их положение. Россия, Япония или Индия не смогут утвердить себя в качестве сверхдержав ни военным, ни каким-либо иным методом; они – не сверхдержавы, а скорее балансиры, чья поддержка (или отказ в таковой) способны подкрепить или лишить опоры заявку на доминирование, исходящую от любой из трех сверхдержав, но не «сформулировать» такую заявку от собственного имени. По сути, эти страны терпят поражение на своем же поле, их искусно обыгрывают Соединенные Штаты, ЕС и Китай. То же самое можно сказать и об исламском мире: внутри него отсутствует какая-либо дипломатическая согласованность. Ислам распространен на обширных пространствах, которые тяготеют к главным сверхдержавам, но никак не образуют особой общности. Итак, в мире имеются лишь три «империи», которые будут конкурировать за установление условий взаимодействия друг с другом до тех пор,

пока еще одно могущественное средство формирования мирового порядка – война – не скажет своего слова.

Что такое геополитика

«Память, обращенная только в прошлое, ничтожна и скудна», – считал Льюис Кэрролл. В отличие от истории, геополитика – научная дисциплина, которая анализирует прошлое, дабы предугадать будущее. Если анализ международных отношений можно сравнить с метеорологией, то есть изучением текущих данных, то геополитика – более сложная наука, изучающая мировое развитие; ее можно сравнить с климатологией. Геополитику нельзя обновить путем простого нажатия в интернет-браузере соответствующей клавиши. На рубеже XX века немецкий исследователь политической географии Фридрих Ратцель утверждал: для того, чтобы выжить, империям необходимо расширяться. В результате перемещения людей империи начинают растягиваться как резиновые. Ситуация на местах меняется, возникают институты, распространяющие лояльность к империи по всей ее территории до тех пределов, пока имперская «резина» не начинает рваться¹⁶.

Ученик Ратцеля Рудольф Челлен ввел в оборот термин «геополитика», и им воспользовался нацистский географ Карл Хаусхофер для того, чтобы изложить теорию расширяющихся панрегионов, жаждущих для себя расово однородного жизненного пространства (*Lebensraum*). Отход Хаусхофера от чистой географии скомпрометировал и запятнал геополитику как дисциплину на многие десятилетия¹⁷. Знаменитый британский географ Хэлфорд Макиндер, как и его современники в континентальной Европе, уделял особое внимание жизненному циклу «мирового организма». Сосредоточившись на вопросе о том, как защитить Великобританию от остальных европейских держав, он пришел к идее евразийского «мирового острова», чья «срединная земля» является «величайшей естественной крепостью на земном шаре», поскольку недоступна с моря и, соответственно, недостижима для военно-морских сил Великобритании. Именно по этой причине, полагал Макиндер, в мире будут доминировать сухопутные

державы¹⁸. Однако его главный оппонент – американский военно-морской стратег Альфред Тайер Мэхэн – утверждал, что на самом деле ключ к глобальному господству находится в руках морских держав. Он полагал: «Мировой империей, без сомнений, является империя морская». С тех пор геополитика сочетает несколько разнородных подходов, которые повсеместно применяются к исследованию процессов, разворачивающихся на протяжении длительных промежутков времени («*longue durée*», по Фернану Броделю). Теперь пришел черед Тойнби высказать свое мнение.

Геополитика против глобализации?

В 1990-е годы активно обсуждались противоположные концепции Фрэнсиса Фукуямы («конец истории») и Самюэля Хантингтона («столкновение цивилизаций»), причем в карикатурном виде первую преподносили как утопическую, а вторую – как фаталистическую. Возникновению предложенных двух точек зрения предшествовало великое противостояние между Освальдом Шпенглером и Арнольдом Тойнби. Шпенглер в начале своей книги «Закат Европы»* (1918 год) подчеркивал: «В предложенной книге впервые сделана попытка предсказать историю». Автор утверждал: кончина Запада так же неизбежна, как неизбежен сам ход истории: происходит естественная деградация материальных символов высокой культуры. Этот процесс напоминает старение человека или смену времен года. Вывод Шпенглера был настолько убедителен, что Тойнби, приступая к своему «Постижению истории», думал: а может быть, «Шпенглер уже полностью провел такое исследование еще до того, как я смог сформулировать сами вопросы, не говоря уж о получении на них ответов»²⁰. Но мрачные откровения Шпенглера оказались искрой, которая побудила Тойнби провести собственные исследования и заменить алармизм предсказаниями, а детерминизм – действием. Идейная программа

* На самом деле книга О.Шпенглера получила ее привычное слуху отечественных исследователей название лишь в переводе на русский язык, хотя всегда носила название «Закат Запада» (*des Abendlandes*). – прим. В.Иноземцева.

Тойнби «вызов и ответ» (как на природные, так и на геополитические воздействия) открыла Западу фундаментальную возможность выбора альтернативы: либо компромиссное приспособление, либо негибкий фундаментализм. И даже полвека спустя ему все еще приходится делать между ними выбор.

Геополитический ландшафт непрерывно видоизменяется и на суше, и на море, а теперь еще в космосе и киберпространстве. Однако после того, как все геополитические возможности были испробованы, стали вырисовываться еще более катастрофические угрозы – мировые войны, происходящие примерно раз в столетие и перестраивающие иерархию власти. Наполеоновские войны (1803-1814 годы), а также Первая и Вторая мировые войны (1914-1945 годы) – самые ужасные примеры из не столь далекого прошлого. Почти сто лет назад Первая мировая война вспыхнула из-за ложных предположений и недоразумений, которые возникли среди европейских держав, связанных общими историей, культурой, географическим пространством, экономикой, а также (по большей части) либеральной политической традицией. Однако в наше время между США, Евросоюзом и Китаем общего довольно мало. У них отсутствует культурное родство, они расположены в разных географических пространствах, да и не все они могут считаться демократическими. Каким образом можно предотвратить Третью мировую войну между сверхдержавами, коренным образом расходящимися в плане мировоззрений, мотиваций, а также установившихся форм власти? И если Исайя Берлин назвал XX век «самым ужасным веком западной истории», то как же назовут XXI столетие?

В наше время появилась единственная сила, способная положить конец циклическому возникновению глобальных конфликтов – глобализация²¹. Она, как и геополитика, сама стала мировой системой. Ни одна держава ее не контролирует, и она остановится только тогда, когда остановится все остальное²². В то же время геополитика и глобализация представляют собой диаметрально противоположные концепции и способы осуществления власти*. Дни и ночи грузовые суда и нефтяные танкеры бороздят океаны, самолеты перевозят тысячи и ты-

сячи пассажиров, финансовые рынки распределяют капитал, а в это время бушуют гражданские войны, террористы планируют и осуществляют нападения, разворачиваются системы ядерного оружия. Многие ученые либо переоценивают добродетели глобализации, либо акцентируют внимание на пороках геополитики. Однако появление глобализации как конкурирующей модели можно считать признаком эволюции, происходящей на протяжении столетий.

Вопрос состоит не в том, продолжится ли глобализация или прервется; он в том, каким окажется ее размах. На протяжении всей истории она то шла на спад, то ускорялась, но в настоящее время процесс как никогда ширится и углубляется²³. Так называемое антиглобалистское движение 1990-х годов, объединившее сторонников протекционизма, защитников экологии и прав коренных народов, фактически потерпело крах. На его месте возник серьезный всемирный диалог о том, как придать глобализации человеческое лицо. Глобализация сейчас является частью стратегии выживания и прогресса любого общества. Хотя демонстранты и наводняют время от времени города, где проводятся министерские конференции ВТО, требуя положить конец существующим правилам игры, все равно мелкие производители сахара и хлопка, которых протестующие якобы представляют, ведут коммерческую деятельность в обычном порядке, ведь для них она – вопрос выживания²⁴. Даже террористические акты 11 сентября 2001 года не остановили снижения расходов на транспорт, либерализацию торговли, а также взрывной рост коммуникаций, которые «тянут за собой» глобализацию. Глобализация создала демографически смешанный мир, а это означает, что «враг» находится среди нас в той же степени, как и вовне. Население всех трех империй еще интенсивнее пере-

* В общих чертах геополитика и глобализация различаются так же, как доминирование и интеграция, конфликт и сотрудничество, иерархия и сетевая структура, политика и экономика, пессимизм и оптимизм, фатализм и прогрессизм. На языке теории игр геополитика – это отход от прошлого и его забвение, тогда как глобализация подает надежду на усиление взаимодействия и взаимозависимости. На языке фрейдизма геополитику и глобализацию можно сравнить с человеческими стремлениями к доминированию (танатос, инстинкт смерти) и к миру (эрос, инстинкт любви), сосуществующими друг с другом. Глобализация считается единственной великой и всеобъемлющей теорией, которая выступает на равных с геополитикой. Глобализация – это противоядие, призванное обеззаразить мировой организм, на протяжении веков страдавший от вируса геополитики.

мешивается с населением своих периферий: США – со странами Латинской Америки, Европа – с арабским миром, а Китай – с Юго-Восточной Азией. Фраза «мы – это мир» никогда не была столь точна.

Экономические интересы, порождающие взаимозависимость, предотвратят возникновение геополитической напряженности, преобразуя ее в ненасильственную конкуренцию. Действительно, в условиях напряженности мировая экономика будет еле плестись на одном двигателе, а издержки от конфликта для хозяйств трех сверхдержав резко возрастут, ведь они очень взаимозависимы²⁵. В торговых империях-сверхдержавах нашли приют транснациональные корпорации, которые контролируют глобальные каналы сбыта, расположенные подчас во владениях других империй, а это означает, что имперское благополучие зависит скорее от силы, чем от слабости, партнеров²⁶. 40% торгового оборота США приходится на Восточную Азию, а большая часть остальной торговли – на Европу. С одной стороны, Америка зависит от дешевых китайских товаров и желания КНР приобретать ее казначейские облигации. С другой стороны, Китай тоже зависит от европейских и американских инвестиций, и в настоящее время его экспорт в Европу превышает экспорт туда из Соединенных Штатов. Европа и Америка сэкономили на издержках и увеличили прибыли от переноса производства в Китай. Сверхдержавы выстроили единый организм: теперь если в нем откажет одна артерия, занедужат и остальные органы²⁷. Только такая интеграция, возможно, воспрепятствует возвращению нашей маленькой планеты к всеобъемлющему геополитическому соперничеству между тремя честолюбивыми сверхдержавами.

Однако сама по себе глобализация не может помешать повторению прежних геополитических игр. Она постоянно то надвигается на империи, то отступает по мере того как они продвигают все дальше свои системы и нормы, а затем сжимаются²⁸. Древняя Греция расширялась, пока за счет торговли Афины получали ресурсы, которых нельзя было получить никак иначе. Такая возможность позволяла им финансировать крупные военные силы и подкупать чужеземных вождей с целью защитить афинские богатства в пределах исключительной экономической зоны Делосского со-

юза²⁹. Последовавшие затем волны глобализации имели исключительно торговый характер. Служа империям, европейские державы упрочивали контроль над заграничными ресурсами – природными и людскими. В 1950 году Тойнби писал, что «сейчас вездущая западная цивилизация держит в своих руках судьбы всего человечества»³⁰. Даже если весь мир станет одной (как сказал Томас Фридман: полностью интегрированной) квартирой, то империя не избавит мир ни от экономической и политической иерархии, ни от чувства несправедливости, которое порождает конфликты, ибо геополитика и глобализация в конечном итоге регулируются все теми же двумя силами: страхом и жадностью. В наше время взаимозависимость напоминает паутину, на которой сидят сразу несколько пауков.

Империи играют в продвижении глобализации двоякую роль. Хотя они и могут выступать в качестве силы, распространяющей мир и процветание, им редко удается устоять перед соблазном вторгнуться в зоны влияния друг друга. Глобализация позволяет осуществлять такие вторжения проще, чем когда бы то ни было прежде. Именно потому, что мир становится все более тесным, сосуществование нескольких сверхдержав возвещает о наступлении эпохи самого жесткого соперничества в истории³¹. Если раньше завоевывались колонии, сегодня покупаются государства. До поры до времени глобализация была синонимом американизации – но сегодня она стала силой, подталкивающей Pax Americana к стремительному упадку.

Мыслить как во Втором мире

«Каждому государству, как и человеку, присущ свой индивидуальный характер», – писал Тойнби³². Три современные сверхдержавы пристально наблюдают друг за другом (вместе с остальным миром): они знают о потенциале друг друга, но лишь догадываются о намерениях. В наше время государства чем-то напоминают участников известного аттракциона, в котором игрушечные автомобильчики толкают друг друга резиновыми бамперами. Решающим фактором, определяющим манеру вождения и скорость, здесь ста-

новится психология водителя. Скажем, отнюдь не только холодный расчет побудил лидера Пакистана Зульф리카ра Али Бхутто заявить, что «если Индия разработает свое ядерное оружие, то Пакистан станет питаться травой, листьями и даже голодать» до тех пор, пока не создаст его. Аналоги таких человеческих чувств как доверие, уважение, алчность или месть можно легко отыскать в мировой политике, ведь страны подобно людям стремятся найти равновесие между желаниями и потребностями, целями и средствами*, – однако перечисленные первоэлементы редко пребывают в равновесии. Сказанное означает, что у большинства государств шизофренический характер. Да, Александр Вендт точно заметил: «государства – те же люди»³³.

Между психологией людей и государств можно проводить бес-

* В платоновском «Государстве» утверждалось, что человеческая душа состоит из трех элементов: вожделеющего *эроса*, гордого *фьямоса* (гнева и ярости как мужского начала) и рационального *ноуса* (разума). Нации состоят из тех же элементов, что и душа человека. Фукидид писал, что страх, честь и интерес мотивируют любое общество. Так, Перикл, воодушевляя афинян, напоминал, что они борются за бессмертие. Рассуждая о путях развития собственного стратегического мышления, великий британский военный историк Бэзил Лиддел Гарт размышлял: «Я раньше думал, что войны имеют преимущественно экономические причины. Потом пришел к выводу, что они – во многом психологического происхождения. Сейчас понимаю, что причины войн глубоко “личностные”: они питаются изысками и честолюбием тех, кто властен оказывать влияние на устремления наций».

численные параллели. Гонка вооружений напоминает борьбу между бандами за право обладать лучшим оружием. Историческая память страны, формирующей свою национальную идентичность, передаетя из поколения в поколение вместе с семейными преданиями и фотоальбомами. Истина заключается в том, что и для людей, и для государств хорошо подходит предложенная Абрахамом Маслоу «иерархия потребностей», в соответствии с которой и те, и другие выделяют для себя первичные потребности (физиологические отправления, удовлетворение голода и жажды),

потребность в безопасности (жилье и стабильность) и, наконец, высшие человеческие потребности (чувство принадлежности к социуму, любовь, уважение и признание)³⁴. К последней категории относится демократический способ управления, ибо удовлетворение основных потребностей выживания и экономических нужд лежит в основе активного участия людей в демократической по-

литике³⁵. Чистая демократия подобна дорогой модной одежде: ею можно восторгаться, но вряд ли ее станешь носить каждый день.

Наиболее убедительной идеологией надо признать успех, а отнюдь не демократию, капитализм или какую-либо иную доктрину. Все общества преследуют одну единственную цель, которую Адам Смит определил в книге «Теория нравственных чувств» (1759 год): «улучшение условий существования». Не обладая абсолютным знанием, люди тем не менее настроены релятивистски и стремятся достичь лучшей доли. Когда в 2005 году иракцы пошли к избирательным урнам, многие из них заявили, что просто «желают получить нормальную страну». Сегодня понятие успеха еще ожидает своей конкретизации. Так, три сверхдержавы все чаще и чаще интересуются запросами других стран и их представлениями об успехе – ведь в противном случае меньшие по значению государства всегда смогут найти на «геополитическом рынке» альтернативные способы достичь желаемого. У наций, как и у людей, есть голова, сердце и желудок, причем путь к голове и сердцу зачастую лежит через желудок. Государства будут поддерживать ту державу, которая удовлетворит их стремления при помощи «практической дипломатии», причем тот, кто преподнесет желаемое в самом лучшем виде, возвысится над всеми.

Отношения между людьми направлены на «завоевание друзей и оказание влияния». Аналогичным образом геополитика заключается в том, чтобы заполучить союзников и повлиять на тех, кто ими не является. Страны Второго мира, зажатые между тремя мировыми империями, находятся на переднем крае. Именно здесь можно наблюдать конкуренцию между стратегиями сверхдержав, стремящихся расширить свою глобальную базу и подорвать влияние соперников. Страны Второго мира выглядят ключевыми точками опоры в многополярном мире, поскольку их решения могут изменить глобальный баланс сил³⁶. Некоторые пытаются вести искусную политику многоприсоединения, извлекая выгоды из контактов с возможно большим числом сверхдержав. Другие слишком слабы, чтобы вести игру на противоречиях между ними, и предпочитают вступить в зону влияния одного из крупных игроков. Подобную стратегию подстраховки, избранную странами Второго мира, можно наблюдать на примере таких нефтедобывающих го-

сударств, как Венесуэла, Ливия, Саудовская Аравия и Казахстан. В значительной степени будущее Второго мира зависит от того, как он станет относиться к трем сверхдержавам. И наоборот, будущее любой сверхдержавы зависит от того, сможет ли она управлять Вторым миром.

Второй мир – это регионы гигантского потенциала, как фактического, так и нереализованного. Строго говоря, любая из стран Второго мира живет в условиях переходного периода. Это может быть возвышение из Третьего мира во Второй, а может – и сползание в него из Первого. К государствам Первого мира относятся не более 30 членов Организации экономического сотрудничества и развития (правда Мексика и Турция, безусловно, в Первый мир не входят). И, наоборот, к Третьему миру можно отнести, по крайней мере, 48 наименее развитых стран по классификации Всемирного банка (их иногда называют Четвертым миром или же глобальным Югом), которые демонстрируют самый низкий уровень социально-экономического развития и устойчивости государственной власти. Они в основном расположены в Африке, Южной Азии, Латинской Америке и Азиатско-Тихоокеанском регионе³⁷. Не менее ста стран и большая часть населения мира не попадают под эти две категории, а их будущее туманно.

Страны Второго мира зачастую относятся и к Первому, и к Третьему мирам одновременно. Некоторая часть их граждан живет во вполне современных условиях, включена в глобальные социальные сети и получает доход, которому могли бы позавидовать в богатых государствах; однако ей приходится сосуществовать с немногочисленным средним классом и массами бедняков. Страны Второго мира можно было бы отнести к глобальному среднему классу, если бы таковой существовал. Как и в Первом мире, во Втором растет экономика и наблюдается приток инвестиций, но, подобно государствам Третьего мира, для стран Второго характерны огромный черный рынок и стремление пускать пыль в глаза³⁸. Скажем, Бразилия – гигант Второго мира. Страна привлекает средства с мирового рынка, но миллионы ее граждан не имеют об этом ни малейшего понятия. Если брать фактор географического распределения богатств, то государства Второго мира зачастую пребывают где-то в средневековье – как и в ту эпоху, основ-

ная часть национального дохода производится и потребляется исключительно в столице страны. А если отъехать от нее, можно наблюдать нарастающую бедность. Не удивительно, что в странах вроде Мексики, Турции и Ирана популярность и могущество мэра какого-нибудь крупного города может сопоставляться только с влиянием главы правительства. Вот почему в указанных странах лидерами становились (или чуть было не стали) бывшие мэры.

Второй мир не уменьшается, а, напротив, расширяется. Он включает в себя все многообразие стран с «развивающимися» рынками. А вдруг эти рынки, зажатые между своим мощным потенциалом и долгами, так никогда и не разовьются? У Чили и Малайзии, судя по последним данным, имеется возможность стать государствами Первого мира. А Египет и Индонезия, наоборот, оказались настолько велики и экономически застойны, что вряд ли смогут покинуть Третий. Государства Второго мира управляют своими кораблями в бурных водах современности, но их политические, экономические и социальные показатели движутся подчас разнонаправленно³⁹. Отличие перспектив Третьего и Первого миров зачастую связывается с появлением харизматических лидеров, а также с экспортом ценного сырья, появлением непредсказуемого и агрессивного врага или же великодушной сверхдержавы-покровителя. Почти во всех государствах Первого мира установилась либеральная демократия – но вовсе не потому, что она вознесла их в Первый мир, а потому, что присоединение к Первому миру сделало ее возможной. Многие страны Второго мира находятся, как и прогнозировалось, на пути демократических преобразований, а доход на душу населения здесь варьирует от 3 до 6 тысяч долларов. Эти страны представляют собой испытательный полигон. На примере Второго мира можно будет понять, является ли демократизация естественным (и универсальным) социальным инстинктом или же она присуща только западной культуре⁴⁰. Как ни странно, именно в обществах, где политическая, экономическая и культурная адаптация проходит медленно (в Ливии, Сирии, Узбекистане), революционные изменения вполне в порядке вещей, а это значит, что многие такие государства Второго мира постоянно ходят по лезвию бритвы.

Считается, что мир разделен на три части, в которых имеются глобализированные (Первый мир), частично глобализированные (Второй мир) и не затронутые глобализацией (Третий мир) области. Кроме того, считается, что вся глобализация хороша и что количество богатств непосредственно коррелирует с качеством жизни. Однако само существование стран Второго мира доказывает, что история не отличается целостностью и неразрывностью. Она представляет собой, скорее, непредсказуемое состязание между материальным прогрессом и скудостью ресурсов, между космополитической глобализацией и межплеменной разобщенностью на пару с традиционализмом, между политическим единением и процессом распада на множество локальных поведенческих моделей-миропониманий и, наконец, между автаркией и сравнительными преимуществами⁴¹. Позиция стран по отношению к глобализации зачастую зависит от того, кто находится у руля власти. Скажем, иранский режим пытался предотвратить процесс укрепления оппозиции, в то же время благодаря глобализации прибалтийские страны (Эстония, Латвия и Литва) смогли восстановить свою досоветскую (или даже образи новую) идентичность. Некоторые общества Второго мира (скажем, Мексика или Ливан) выиграли от глобализации, позволившей этим странам получать из-за границы денежные переводы от своих диаспор.

Государства Второго мира должны прежде всего освоить географию. Они могут выбирать себе союзников, но не соседей. До тех пор, пока технологии не породят Матрицу, будет верно изречение Николаса Спайкмена: «География – решающий фактор внешней политики, поскольку она величина постоянная»⁴². В пределах Второго мира границы внутри крупных региональных групп отходят на второй план, формируя, по выражению Тойнби, «коллективный подсознательный дух»⁴³. Однако хотя страны Второго мира и интегрируются в геополитические общности, они продолжают испытывать на себе влияние тектонических плит-сверхдержав. На пространствах Восточной Европы и Центральной Азии, в Южной Америке и в арабском мире, в Юго-Восточной Азии и в остальных уголках Земли продолжается борьба за Второй мир.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВОСТОК ЗАПАДА

1 БРЮССЕЛЬ КАК НОВЫЙ РИМ

В отличие от Лондона, Парижа или Рима, Киев, Тбилиси или Баку не являются, да и не склонны считать себя, великими европейскими столицами. Усеянные нагромождениями архитектурного и духовного хлама, сохранившегося с советских времен, эти города – как и государства, столицами которых они являются, – требуют серьезного ремонта. Однако для этого нужны политическая стабильность, финансовые инвестиции, а главное – некий противовес России, которая все еще умело манипулирует границами, трубопроводами и рынками с целью снова втянуть соседей в свою орбиту.

«Все крайне просто: мы ненавидим Россию», – заявил мне в Таллине эстонский дипломат, вкратце характеризуя проблему эту эмоциональную и стратегическую проблему. Естественно, данный вызов не нов для восточной части Европы, на просторах которой вот уже более десяти веков сталкивались западное католичество, славянское православие и тюркский ислам. Сто лет назад ученые-геополитики Хэлфорд Макиндер и Рудольф Челлен затронули в своих трудах вопрос о сдерживании российского влияния. Первый из них видел решение в образовании Атлантического альянса, второй настаивал на создании жизнеспособной центральноевропейской лиги. Однако происходящее сегодня вышло далеко за пределы воображения обоих. После завершения «холодной войны» Восточная Европа уже не является «зоной разлома» между Германией и Россией, поскольку Европейский Союз одинако-

во подходит к немцам и славянам, интегрируя их в рамках новой Европейской империи¹.

Проследим маршрут имперского расширения Европы на карте. Для этого надо прочертить L-образную кривую от холодных вод Балтики к югу через центральноевропейские страны Вышеградской группы (Польшу, Чехию, Словакию и Венгрию), Украину, Румынию, бывшую Югославию и Южные Балканы, а потом продолжить путь в восточном направлении по Черному морю через Болгарию, Турцию и Кавказ к нефтеносным берегам Каспия. Эта спорная зона – изначальный Второй мир – в свое время была, за исключением Турции, выкрашена в красный цвет, символизируя Варшавский договор. В наше время Европейский Союз весь закрасен синим цветом, а это означает, что регион готов к переходу в Первый мир. Как пророчески писал англо-немецкий ученый Ральф Дарендорф: «Первый и Второй миры воссоединяются, образуя нечто, пока не получившее ни имени, ни числа»². Путь по этому новому Европейскому Востоку ухабист; на нем можно встретить непредвиденные задержки, прыжки в неизведанное и тревоги людей, которые освободились от тоталитаризма лишь в прошлом поколении.

В эпоху посткоммунистической переоценки ценностей, которая неожиданно наступила в этом регионе в 1990-е годы, Европейский Союз мог легко добиваться побед. После развала СССР Евросоюз ежегодно поглощал по одной стране, и теперь их гражданам путешествовать по Европе в западном направлении намного легче, чем в восточном, то есть в направлении бывшей метрополии. Всего за один день 1 мая 2004 года более 100 миллионов граждан десяти государств официально стали европейцами³. Милан Кундера

проницательно назвал эти страны «землями, некогда украденными у Запада», однако и сам Запад, к которому они вернулись, – это уже не слабая и раздираемая противоре-

* Эти десять стран – Венгрия, Кипр, Латвия, Литва, Мальта, Польша, Словакия, Словения, Чехия и Эстония.

чиями пост-Версальская Европа. «Наши паспорта многое рассказывают о новой европейской ментальности: до 1914 года они фактически не были нужны никому», – разглагольствовал один чешский путешественник, гордо потрясая своими новенькими короч-

ками бордового цвета в вагоне поезда, наполненном молодыми западноевропейцами. «Сейчас у нас есть и еще одна классная вещь помимо общеевропейского паспорта – признание также и наших государственных языков». В XVIII и XIX веках европейские элиты неоднократно меняли язык межнационального общения (*lingua franca*). Однако теперь, придав официальный статус языкам всех государств-членов, Евросоюз предпринял профилактические меры против одного из самых распространенных источников шовинизма, создавая многоязыкую и разнородную империю и радикально отходя от бесславной истории Европы начала и середины XX столетия.

На протяжении полувека европейские страны объединяли усилия, предоставив государствам, разрушенным Второй мировой войной, шанс на возрождение. Хотя страны-члены ЕС сохранили национальную самостоятельность, источником их растущей значимости ныне становится принадлежность к единственному в мире сверхгосударству*. Войны между любыми двумя странами Евросоюза теперь уже невозможны, а перспектива повышения безопасности и благосостояния обеспечивает успешное согласование их внешней политики³. «Самые крупные затраты, которые мы осуществили со времен окончания Второй мировой войны, были связаны не с военными приготовлениями, а с введением в обращение евро как общей валюты», – гордо сообщил мне евробюрократ, сидящий в одном из сияющих под лучами солнца постмодернистских зданий штаб-квартиры ЕС.

Экспансия ЕС – более дорогое предприятие, чем война США в Ираке, но, в отличие от нее, оно окупается и приносит ожидаемые результаты. «Мы сознательно идем на то, что при каждом витке расширения Евросоюз становится беднее. Однако стабильность,

* Скептики считают, что усиление механизмов Евросоюза пагубно скажется на его Конституции, определяющей права голоса, размер отчислений в бюджет, а также роль общего президента и министра иностранных дел Союза. Эти внутренние дрязги тормозят европейское объединение, однако не смогут его предотвратить по одной парадоксальной причине: европейская федеративная система уже слишком привыкла эффективно разрешать споры с помощью Суда Европейского союза и других общеевропейских органов. У ЕС, как у гидры, много столиц и центров власти; около 800 членов Европарламента курсируют между Брюсселем, Страсбургом и Люксембургом, а Еврокомиссия уже проводит общеевропейскую политику в более чем двух десятках сфер. Все это означает, что Конституция станет лишь завершающим актом.

которую мы при этом распространяем, гораздо важнее, – объяснял мне бойкий литовский еврочиновник в одном из брюссельских баров, полном разноязычных сторонников интеграции. – Только на развитие материальной инфраструктуры своего нового Востока ЕС ежегодно выделяет более 10 миллиардов долларов, ускоряя тем самым его восстановление после десятилетий коммунистической бесхозяйственности»⁴. Подобная стратегия, оживившая несколько десятилетий тому назад Ирландию – этого «больного человека Европы» – а также поставторитарные Испанию и Португалию,

* Экономическая по своей сути логика, лежащая в основе исключения бедных восточноевропейских стран из Евросоюза (поскольку их трудовые нормы были слишком низкими), оказалась перевернутой с ног на голову, став доводом в пользу их ускоренной интеграции. Став членами ЕС, эти страны вынуждены следовать его высоким трудовым стандартам, что тормозит отток иностранных инвестиций из Западной Европы.

в настоящее время чудесным образом действует и на Востоке*.

Хотя многие говорили, что Венгрии потребуются десятилетия, чтобы догнать Запад, ныне она уже стала региональным центром аутсорсинга, причем 80% промышленной продукции страны производится европейскими транснациональными корпорациями, а 80%

экспорта направляется в другие страны ЕС. Словакия быстро переключилась с выпуска танков на производство «Фольксвагенов». Значение евроинтеграции проявилось и в том, что правительственные скандалы в Польше, Венгрии и Чехии не сильно сказались на экономическом росте. «В новых странах Союза буквально толпятся европейские предприниматели, жаждущие делать там бизнес», – разоткровенничался один консультант по менеджменту из Германии, который регулярно летает в Варшаву и Будапешт все более многочисленными рейсами авиакомпании «Люфтганза».

Расширение Европейского Союза стало чередой успехов в освоении новых рынков и уменьшении тем самым зависимости от экспорта в Соединенные Штаты – что является необходимым шагом на пути к созданию независимой сверхдержавы. Свежая кровь новых членов ЕС способствует формированию конкурентоспособной федеративной модели, подстегивающей экономическое развитие Евросоюза⁵. Модель развития стран Балтии – а она включает в себя свободу предпринимательства, открытость конкуренции и гибкое трудовое законодательство – стала просачиваться обрат-

но через Центральную Европу в «стареющие» страны западной части континента. Вот что сказал один аналитик из штаб-квартиры ЕС в Брюсселе: «Теперь интеграцию возглавляют страны, когда-то располагавшиеся на окраинах Европы, но научившиеся решать сложные задачи, используя возможности глобализации»⁶. Общий рынок Евросоюза уже сегодня является самым крупным в мире и останется таковым независимо от того, какими бы ни были американские успехи.

ЕС смело можно считать самой популярной и успешной империей в истории человечества, ибо она создает не доминирование, а дисциплину. Доводы в пользу европеизации – а это и субсидии общеевропейского бюджета, и свободное пересечение границ, и использование единой европейской валюты – слишком весомы, чтобы от них отмахиваться. Сегодня Брюссель соперничает с Вашингтоном, он использует многочисленных лоббистов, включая несколько десятков подразделений по связям с общественностью, которые работают в балканских и постсоветских государствах, активно жаждущих членства в ЕС. Но для того, чтобы пребывающие в разлуке посткоммунистические страны вроде Молдовы, Албании или Армении могли претендовать на вступление, они должны сделать нечто большее, чем просто навести внешний лоск. От них требуются конкретные шаги в направлении восприятия законов и норм Евросоюза, как это предложено в Европейской политике добрососедства, увязывающей воедино военные, экономические и чисто управленческие вопросы. Понемногу приучая своих будущих подчиненных к языку ЕС, обильно сдобренному канцеляризмами, еврократы превращают недисциплинированных соседей в полезных членов Союза.

Причем речь не идет об улице с односторонним движением. Расширение необходимо самой Европе, иначе она прекратит свое существование. Вот что сказал мне официальный представитель Еврокомиссии, сидя в своем заставленном специальной литературой кабинете: «Хотя мы не желаем этого признавать, расширение притормаживает неблагоприятную демографическую динамику, увеличивая численность рабочей силы». Однако постепенное объединение западной и восточной частей Европы – задача не только политическая и экономическая, но также культур-

ная и психологическая. Растущее многообразие Европы в конечном итоге способствует формированию идеи «европейскости», делая национально монолитные части Европы более пестрыми по составу. Даже несмотря на то, что некоторые западноевропейцы боятся испортить свою элитную породу, поступательное движение придает понятию «европеец» позитивный смысл после десятилетий, когда этот термин подразумевал либо наличие некоего исключительного качества («быть христианином»), либо отрицание («не быть русским»). Фактически Европа уже частично стала исламской вследствие роста мусульманского населения в Англии, Франции и Германии, а также с появлением через посредство Совета Европы и НАТО почти 100 миллионов мусульман Албании, Боснии, Турции и Азербайджана на просторах европейского дипломатического и стратегического пространства. Выражение «новое европейское содружество», введенное в оборот гуру Евросоюза Робертом Купером, есть ни что иное, как воплощение древнего имперского триумфа, понятого римлянами, монголами, османами, но не Советским Союзом: успешная империя не может быть расистской⁷.

«Европеец» – не менее мощная (или слабая) идентичность, чем «американец» или «китаец». Поскольку жизнь часто следует за искусством, все страны, участвующие, например, в чемпионате Европы по футболу или в конкурсе песни «Евровидение», все чаще считают себя европейскими⁸. Самое главное, что целое поколение молодежи, выросшее после «холодной войны» в рамках специальной программы студенческого обмена и соответственно именуемое «поколением ERASMUS», во имя европейского будущего отвергает национальную идентичность, за которую так боролись их отцы и деды. В настоящее время «постнациональная» евромолодежь из почти 30 стран практически без виз путешествует от Белфаста до Баку, владеет несколькими языками, в рамках программ сотрудничества осваивает континент, голосует на выборах в Европарламент и, создавая семьи, строит многообразное европейское общество.

Как и всякая империя, Евросоюз – словно резинка – будет растягиваться и растягиваться – по крайней мере до тех пор, пока полностью не заменит собой демонтированный СССР на всем про-

странстве Восточной Европы, создав из 35 стран топологически единое пространство без границ под именем Pax Eurgorea – эдакое имперское одеяло, накрывающее собой до 600 миллионов человек⁹. Правда, европеизация обрисованной выше L-образной зоны пока еще далека от завершения. Государства на Балканах и на Кавказе все еще являют собой хрупкие постконфликтные регионы, ставшие удобными перевалочными базами для торговли оружием, наркотиками и людьми. У Турции собственная гордость и покорить ее будет не так-то легко. И, конечно же, для европейских амбиций не существует большего препятствия, чем Россия.

Трансатлантический развод

Те, кто видит в Китае вечного соперника Западу на Востоке, полагают, что Соединенным Штатам и Евросоюзу как никогда прежде нужно объединиться. Ричард Розекранц призвал к своего рода трансатлантическому корпоративному слиянию и формированию экономически взаимодополняющей политически надежной сверхструктуры с целью сдерживания Китая¹⁰. Однако Америка и Европа культурно связаны и без всякого китайского вызова, и эта связь углубляется с помощью альянса времен «холодной войны» – НАТО. Маловероятно, чтобы США и ЕС когда-нибудь снова попытались измотать друг друга физически¹¹. Ветеран госдепартамента США Николас Бернс сравнил трансатлантические отношения с «браком без возможности раздельного проживания или развода»¹².

Тем не менее, когда специалист по этим отношениям Роберт Кейган уподобляет американскую стратегическую идеологию Марсу как воплощению воинственного мужского начала, а европейскую идеологию – более мягкой и женственной Венере, такое сравнение надо воспринимать не как точную аналогию, а как указание на их несходную внутреннюю сущность с точки зрения психоанализа¹³. За более чем два века Америка прошла путь от отрицания Европы к представлению о себе как о лидере объединенного Запада, идущем вместе с Европой как своим младшим партнером. Но, по мнению Доминика Муази, «структура времен “холодной

войны» – один Запад и две Европы» меняется на «одну Европу и два Запада». Даже Европа и Америка – эти близнецы-братья единой западной цивилизации – суть две разные империи, дружественные на протяжении большого периода времени, но в конечном счете продолжающие вести борьбу за место в высшем дивизионе геополитики.

У Европы сложилось собственное представление о мировом порядке, и она все чаще старается придерживаться его вне зависимости от мнения Америки. Сегодня в Евросоюзе можно видеть самую уверенную в себе экономическую силу мирового масштаба; в торговых спорах он постоянно налагает санкции на США, а основные коммерческие и экологические стандарты ЕС приобрели глобальное значение¹⁴. Многие европейцы считают американский образ жизни глубоко прогнившим, выстроенным на кредитных деньгах, а также опасным и бездушным, поскольку ему не достает социальной защиты; к тому же он пагубен с экологической точки зрения¹⁵. Тем временем Европа – как и предсказывал Тойнби – избрала «средний путь между свободным предпринимательством и социализмом»¹⁶. Европейский Союз – намного более щедрый донор гуманитарной помощи, чем Соединенные Штаты. Кроме того, и Южная Америка, и Восточная Азия, и другие регионы мира предпочитают воспроизводить в большей степени «европейскую мечту», а не американскую. Сейчас самой читаемой газетой является «Файнэншл таймс», а не «Нью-Йорк таймс».

США и ЕС все больше и больше расходятся в подходах к целям и средствам силовой политики. Участие в иракской кампании под руководством Соединенных Штатов лишь укрепило европейцев во мнении, что война – не столько инструмент политики, сколько признак ее отсутствия. Хула в адрес Америки, вдохновившая «Аль-Каиду» на дерзкие теракты на европейской территории, усилила неприятие европейцами американского способа усмирять беспокойные страны, а также подтолкнула к выработке собственной стратегии устойчивой трансформации. Часто считают, что Америка вместе с Европой составляют одну сильную команду, поскольку «Америка ломает, а ЕС чинит», Америка «устанавливает законы», а Европа «устанавливает верховенство закона», но это клише уже давно набило европейцам оскомину. Европейцам

надо успеть распространить свой вариант стабильности до того, как Америка дестабилизирует страны на европейской периферии, особенно в арабском мире.

Европейцы настаивают, как минимум, на независимости ЕС от Соединенных Штатов и в то же время высказываются в пользу сотрудничества по проведению гуманитарных операций в рамках НАТО. По мере того, как Америка сокращает свои вооруженные силы в Европе, Евросоюз их объединяет: скажем, его силы быстрого реагирования и миротворческие силы уже насчитывают, по оценкам, 200 тысяч человек; ЕС инвестирует средства в создание европейского истребителя «Еврофайтер» и самолета дальнего радиуса действия. Члены ЕС все чаще тратят средства своих оборонных бюджетов на закупки у Европейского оборонного агентства, а не у «Локхид Мартин»¹⁷. Трансатлантические отношения вполне могли бы стать браком, однако Соединенные Штаты и ЕС ведут себя так, как будто находятся в разводе.

2 РОССИЙСКИЙ ОТКАТ

Россия продолжает оставаться самой большой в мире загадкой, лишний раз подтверждая знаменитое высказывание Черчилля о ней как «о вещи в себе, окутанной тайной и покрытой туманом». Поскольку все еще наблюдается несоответствие между сокращением населения России и размером ее территории, целесообразно рассматривать занимаемое Россией огромное пространство не как одну, а как четыре части: Славянско-Европейская, расположенная в бассейне Волги; Кавказская – между Черным и Каспийским морями; Уральско-Сибирская – ворота в Центральную Азию; Тихоокеанская – вдоль границы с Монголией и Китаем. Если Россия хочет остаться собой, она должна скрепить эти части воедино, – в противном случае произойдет радикальная перекройка карты всего евразийского континента.

С тех пор, как в начале XVIII века Петр Великий перенес столицу в Санкт-Петербург, все контакты России с Западом рассматриваются, по сути, как приоритетные, благодаря чему пробудились российское национальное самосознание и ее мазохистская душа¹. Десятилетие «банно-водочной» дипломатии, царившей после распада Советского Союза, сделало российских лидеров беспомощными перед стратегическими вызовами. Так как Россия все еще остается необъятной страной, то ни США, ни Европа, ни Китай не желают ей укрепления. Но в золоченых палатах Кремля новое поколение руководителей тоскует по имперскому наследию и испытывает ярость по поводу ушедшего величия некогда могучей империи². Дипломатическая позиция России являет собой сугу-

бо остаточное явление. И если, скажем, Россия не появится (или вообще не будет участвовать) на ключевых переговорах по арабо-израильскому конфликту, по северокорейской или иранской ядерным программам, это никак не повлияет на результаты: Америка, Европа и Китай – гораздо более влиятельные арбитры.

«В России повторяется спор XIX века между западниками и славянофилами, только в версии XXI века – на этот раз между евразийцами и атлантистами, причем все так же отсутствует ясность по поводу того, является ли Россия частью Запада или нет», – объясняет один из кремленологов, работающий в Берлине. При волевым Владимире Путине, бывшем офицере КГБ, евразийцы, стремящиеся к восстановлению российской славы, сумели вызволить страну из упадка 1990-х годов. Контролируя природные ресурсы – нефть, газ, уголь и древесину – большие, чем Соединенные Штаты, ЕС и Китай вместе взятые, Кремль имеет возможность снова думать и вести себя по-имперски, причем даже на Северном полюсе. Подобно тому, как разрастание «ядерного архипелага» закладывало основу мощи СССР, артерии трубопроводов фактически перекачивают источник жизненной силы сегодняшней России. По мере того, как стоимость энергетического гиганта «Газпрома» выросла с 10 миллиардов долларов в 2000 году до почти 300 миллиардов долларов в 2006-м (а сама компания стала представлять собою треть всей экономики страны), российская дипломатия за короткое время превратилась в синоним дипломатии «Газпрома». Так как «Газпром» контролирует газораспределительную сеть по всей Восточной Европе, государства этого региона можно отнести к двум категориям: те, кто достаточно преуспевает, чтобы избежать энергетического вымогательства со стороны Москвы, и те, кто уязвим перед сетью заговоров русских «бизнесменов» (а также агентов спецслужб, работающих в посольствах), которые ведут дело к дальнейшей скупке ключевых активов на пространстве от Румынии до Грузии и бесстыдно грозят повышать цены. Предлагая новый маршрут трубопровода в Германию прямо по дну Балтийского моря, Путин особенно хочет осадить бывшие республики Советской Прибалтики – этих наглых выскочек. «Наша гордость уязвлена, и это подогревает наш национализм», – объяснял один московский интеллектуал, держа в руке стопку ледяной вод-

ки. Правда, корпоративная логика «Газпрома» угрожает российским дипломатическим интересам: она заставила отвернуться от России главного союзника на территории бывшего Советского Союза – Белоруссию, которая прибегла к отбору из трубопровода нефти, предназначенной для Европы, пытаясь компенсировать удвоение «Газпромом» цены на газ. Из-за своей враждебности по отношению к более мелким соседям Россия превратилась в сибирскую Саудовскую Аравию, пугающую к тому же своим ненадежным ядерным арсеналом.

«Газпром» не только формирует внешнюю политику России, но и сам уже стал государством. В экономике, которая воздвигнута на воровстве и в которой граница между государственными и частными владениями полностью размыта, эта корпорация представляет собой крупнейшего в России владельца собственности; она строит дороги и больницы, выделяет средства на спортивные центры – чем никогда не занимался Кремль³. Недавний председатель Совета директоров компании Дмитрий Медведев – нынешний президент страны. Тандем «Газпром»-Кремль» предпринял популистские меры против так называемых олигархов (являющихся альтернативным полюсом политической власти в России), накапливая ренационализируемые активы во имя восстановления силы «государства»⁴. Неудивительно, что сам В. Путин признал, что любой, кто успешно регистрирует предприятие, заслуживает награды. Каждую зиму правительство уходит на каникулы, неделями гуляя на хмельных пирушках, что побудило бывалого парламентария Ивана Грачева философски изречь: «Чем они меньше работают, тем лучше для страны»⁵.

Русские сейчас – потребители, а не граждане. В разворачиваемом действе гиперкапиталистического переворота внедорожник с тонированными стеклами – вот что выбирает рискованная каста бизнесменов, проживающих каждый день будто последний. Безопасно себя можно почувствовать лишь в сауне, где все наги и проносить оружие не разрешено. Три четверти российской экономики сосредоточено в Москве, одном из самых дорогих городов мира, в котором миллиардеров больше, чем в Нью-Йорке. Мэр Москвы, переназначаемый Путиным, возродил город, нагромодив несурзных зданий, являющих собой жалкое подобие петер-

бургских дворцов. Водители, застрявшие в пробках, вынуждены созерцать это убожество, тогда как чиновники на машинах с сиренами и мигалками прорезают скопления на высокой скорости. К девизу русского капитализма «Россия – свободная страна!» следует прибавить: «Кто заплатит больше, тому все и достанется».

Самая величественная из оставшихся статуй В.И.Ленина находится перед Финляндским вокзалом в Санкт-Петербурге, увековечивая его прибытие туда в 1917 году с целью начать Октябрьскую революцию. Простерший руку вперед Владимир Ильич выглядит непоколебимым, но и трагически самоуверенным. Столетие спустя В.Путин продолжил традицию, руководя слабым российским госаппаратом с помощью скорее чутья, чем институтов*. Андрей Илларионов оставался его доверенным советником до тех пор, пока в 2005 году не подал резкий сигнал, с риском для себя объявив, что Россия «перестала быть политически свободной страной». Независимые средства массовой информации, оппозиция, суды – все выхолощено. Одно время аналитические центры предоставляли кремлевским аппаратчикам результаты своих исследований, но теперь, как с прискорбием заявил один политический аналитик, сидя в своем захудалом московском офисе: «Наш скромный труд мало что значит».

Россия стала типичным петрогосударством с чрезмерными издержками, перекосами в развитии, элитой, которая борется за контроль над богатыми природными ресурсами, в то время как подлинные общественные потребности игнорируются⁶. При этом даже нефтяные доходы не позволяют России похвалиться тем, что она имеет и пушки, и масло. Военная техника остается устаревшей, управление войсками дезорганизовано. Остро стоит вопрос с рабочей силой, поскольку население страны сокращается оше-

* Многие россияне считают, что Путин не хотел чрезмерно централизовывать контроль со стороны Кремля, но был вынужден это сделать из-за слабости ельцинской демократии, которая не смогла предотвратить ни финансовый кризис 1998 года, ни бомбардировки своего союзника Сербии силами НАТО, в результате чего возникла потребность в сильном руководстве и стабильности. Тем не менее сегодня очень актуально мнение Джорджа Кеннана, высказанное в 1947 году: «Процесс политической консолидации так и не был завершен, люди в Кремле по-прежнему преимущественно поглощены борьбой за укрепление своей власти, которую они захватили в октябре 1917 года – и тем, чтобы сделать ее абсолютной» (см.: Kennan, George. "The Sources of Soviet Conduct" in: *Foreign Affairs*, July 1947).

ломляющими темпами – на полмиллиона человек в год. Две трети россиян до сих пор живут на грани бедности и в своих ветхих неотапливаемых домах задаются вопросом: «А куда ушел весь газ?». Если российские энергоресурсы не использовать для поддержки россиян, то Россия перестанет существовать.

Как и во времена «холодной войны», Америка и Россия все еще обладают ядерным оружием, нацеленным друг на друга и поддерживаемым в постоянной боевой готовности. Россия препятствует расширению НАТО и тормозит создание американского противоракетного щита, но не в силах остановить Евросоюз. Более десяти лет европейцы рассматривали Россию как страну «слишком близкую и слишком большую», чтобы с ней ссориться; с Россией пришлось сотрудничать, дабы положить конец балканским войнам. От Украины до Косово и Чечни – везде Россия скорее мешала, нежели способствовала достижению таких европейских целей, как энергетическая безопасность, борьба с терроризмом и обеспечение прав человека. Крошечные независимые государства Балтии мастерски обыграли Россию, задействовав диаспору в качестве лобби, искусно создавая бренды (например, «Estonia») и проводя привлекательную для инвесторов экономическую политику, что побуждало Евросоюз к несвойственным ему решительным действиям. Когда Россия затормозила решение вопроса об урегулировании своих границ с балтийскими странами (а в таком случае согласно принципам ЕС переговоры о членстве должны были быть отложены), Европа все равно приняла эти страны в свой круг. И сегодня Таллин и Рига, прочно связанные историческими узами с либеральной западноевропейской культурой, повсеместно сдают в утиль рассыпающуюся архитектуру советского модернизма и возрождают свои экономические связи с Европой, памятуя о наследии Ганзейского союза. В политике и бизнесе преобладает поколение тридцатилетних, а западноевропейские технари амбициозно стремятся работать в таких эстонских компаниях, как Skure.

В Евросоюзе, замечу, существуют и евразийцы, выступающие за европеизацию России. Считается, что Россия давит на Европу с помощью своей нефти и газа, однако есть предел способности русских кусать кормящую их руку⁷. Большая часть российской торговли и экспорта энергоносителей ориентирована на Европу; по мере диверсификации источников энергии (включая расширение

использования возобновляемых источников энергии и природного газа из Северной Африки), нажим ЕС на Россию будет возрастать. Несмотря на энергетическое богатство, Россия все еще нуждается в европейских инвестициях для поддержания роста. Если что-то здесь еще работает, так оно, как правило, сделано в Европе – начиная от автомобилей и кончая сферой строительства. Вместо того, чтобы подпитывать российский неоавторитаризм, Европейский банк реконструкции и развития инвестирует в модернизацию ветхой инфраструктуры и создание некоррупцированного частного сектора – шаги, которые могут в не слишком отдаленном будущем возродить демократическую Россию «снизу». Путинские вспышки гнева с требованиями уважать «российский путь», поддержка националистических молодежных движений – ничто не смогло закрыть рты множеству россиян, желающих усиления европейского влияния. Богатые русские предпочитают стимулировать экономику Берлина и «Лондонграда» (откуда, кстати, магнат-изгнанник Борис Березовский открыто призывал свергнуть Путина), все больше лишая Кремль талантов и вычерпывая ресурсы. В то же время Евросоюз делает растущую ставку на российскую авиационно-космическую промышленность. «Мы можем подтолкнуть Россию к промышленному и политическому партнерству, как Францию и Германию в 1950-е годы», – самоуверенно заявляет представитель Европейского совета. «Россияне постоянно просят установить для них безвизовый режим с Европой, вот мы и воспользуемся одним из основных дипломатических рычагов и станем выборочно допускать российских бизнесменов, политиков и студентов – таким способом мы заставим их страну играть по правилам».

Дни России как сверхдержавы ушли в прошлое; даже в статусе крупнейшего петрогосударства ее экономика не превосходит по размерам французскую, – и даже если на бумаге страна становится богаче, ее политика свидетельствует лишь о том, что это богатство не сохранится на долгие годы⁸. Сегодня у Европейского Союза имеется достаточная власть, чтобы никогда не дать России возможность наложить вето на действия Запада. И только ЕС может помочь России инкорпорироваться в Запад – и таким образом спасти ее от себя самой.

3 УКРАИНА: ОКРАИНА СТАНОВИТСЯ МОСТОМ

«Хотя Украина и является заходулъем Европы, она находится на переднем крае борьбы с Россией», – заявил мне тридцатилетний редактор одной независимой газеты в ирландском пабе, находящемся в Киеве. Основные стратегии разрабатываются в Вашингтоне, Брюсселе, Москве и Пекине, а реальные победы одерживаются за счет использования всех видов оружия эпохи глобализации: денег, трубопроводов, диаспор и средств массовой информации. Украина – страна, где в эту дипломатическую игру круглосуточно играют политики, генералы, общественные деятели и бизнесмены. Ставки высоки – ослабить Россию и распространить европейскую империю на восток. Как это не парадоксально прозвучит, украинское крестьянство, разделенное на протяжении веков между немецкими и российскими хозяевами, обрело национальную самобытность лишь в 1939 году благодаря германосоветскому пакту, то есть при «советском иге». Для украинцев название их страны означает «родина», а на русском языке – «окраина»¹. В наше время она по-прежнему является практически и тем и другим одновременно.

«Хотя мы и не советская республика, это не значит, что нужно автоматически довериться другой стороне. Идея нашего развития не в том, чтобы заменить одну форму господства на другую», – ворчит один пророссийски настроенный медиамагнат в своем обширном поместье под Киевом. Политика Запада 1990-х годов под лозунгом «Россия прежде всего» оставляла Украину там, где она пребывала на протяжении столетий, испытывая болезненное разде-

ление на европейско- и российско-ориентированные части, проходящее по Днепру, и оставаясь неспособной воспользоваться своим потенциалом – стратегическим положением и людскими ресурсами в 50 миллионов человек. Украина все еще ощущает себя разделенной на две разные страны, причем люди редко перемещаются с католического сельскохозяйственного запада на православный промышленный восток. Находящийся на западе Львов подобен польскому Кракову: люди так же поют и играют в шахматы на площадях, в то время как на востоке в промышленном Донецке более часто слышна русская, чем украинская речь. В Донецке все еще горделиво возвышается В. И. Ленин; во Львове же на месте памятника ему водружен гигантский цветочный горшок.

Справедливости ради надо сказать, что между прошлым и будущим застряли обе части Украины. По всей стране все еще можно чувствовать бурление и побочные эффекты распада империи. Считалось, что модная в постсоветское время «шоковая терапия», при которой в одночасье отменялся контроль над ценами и проводилась ускоренная приватизация, приведет к большей эффективности и благосостоянию – несмотря на отсутствие какого-либо иного механизма перераспределения помимо государства, осуществлявшего контроль над услугами, заработной платой и даже умами. На Украине, как и на всем пространстве бывшего Советского Союза, целые поколения утратили социальные гарантии после того, как доходы стремительно упали, а цены подскочили. В наши дни постройки советских времен рассыпаются, а приступы жестокой инфляции все еще ставят под угрозу существование всех украинцев. Каждый водитель такси в Киеве с ужасом ожидает того дня, когда его «Лада» или «Волга» вдруг сломается где-нибудь в центре города – ведь он не может позволить себе ремонт и не накопил денег на новую машину. Поэтому, к счастью, украинцы могут подвезти вас практически бесплатно. «Мы все вместе достаточно пострадали, вот почему по-прежнему доверяем друг другу», – объяснил мне один таксист-частник, поздно вечером вырливая из центра Киева.

Как и в России, на Украине капитализм упустил свой «первый шанс» и не произвел благоприятного впечатления. Подобно Москве, Киев ныне выглядит потемкинской деревней, за величе-

ственными фасадами которой скрывается нищета, все более очевидная по мере продвижения дальше от центра города. Превратить Украину в еще одну Польшу – значит избавить ее от черт, характерных исключительно для Третьего мира, как, скажем, то, что преобладающая доля иностранных инвестиций направляется исключительно в столицу и что по всей стране распространены вещевые барахолки, торгующие на которых люди не знают, что такое налоги. Нелегальные киевские рынки укроют вас от летних проливных дождей, но они – рай для пиратов, продающих DVD-диски. Украина все еще зависит от денежных переводов, поступающих от почти трехмиллионной диаспоры в странах Западной Европы. Зато как и Москва, Киев может гордиться модными ночными клубами, вроде «Декаданса», в котором накачавшаяся шампанским золотая молодежь шутит, садясь за руль своих «Хаммеров»: «Что случилось с Киевом? Просто он окружен Украиной».

Еще в 2003 году наблюдатели предсказывали, что Украина так и останется «нищей страной, окруженной еще более бедными странами»². Правление президента Леонида Кучмы скорее напоминало центральноазиатский мягкий авторитаризм, чем либеральную демократию, поскольку прозрачность выборов сводилась лишь к тому, что не скрывались даже подтасовки³. Однако, проявив терпение и тонкий подход, европейские и американские разведслужбы запустили свои щупальца в узкий зазор того свободного пространства, которое Кучма предоставил оппозиции в парламенте и гражданском обществе, и объединили плохо скоординированную диаспору и студенческие группы вместе с нарождающимися свободными СМИ с целью открыть настежь окно и выпустить на волю полномасштабное народное недовольство. На выборах 2004 года более предпочтительными выглядели шансы пользовавшегося российской поддержкой назначенца Кучмы Виктора Януковича – но лишь до тех пор, пока лидер оппозиции Виктор Ющенко не пострадал от отравления изрядной дозой диоксида (предположительно от рук российских друзей Кучмы). Благодаря обретенному статусу мученика Ющенко выиграл третий раунд выборов. Для свержения диктатора оказалось достаточно всего лишь предотвратить кровопролитие. В ключевой момент противостояния службы безопасности Кучмы, которые методично возвращали за

падные инструкторы, отказались открыть огонь по толпе демонстрантов, размахивавших оранжевыми флагами.

Правда, между Украиной и оранжевым цветом нет никакой связи. Этот цвет придумали западные консультанты, стремившиеся найти вдохновляющий символ, который бы привлек людей выйти на улицы в ту мрачную и холодную зиму. Как выяснилось, «оранжевая революция» была скорее синюшного цвета. После каждого из подобных радикальных переходов, происходивших в течение последнего десятилетия (в том числе в Сербии и Грузии), всплывали какие-нибудь бесстыдно скандальные политические дела. Буквально через несколько минут после того, как Ющенко сменил на посту своего бывшего патрона Кучму, политики их противоположных лагерей поменялись местами. Неквалифицированные, но лично преданные люди были вознаграждены должностями, конституционная реформа застопорилась. Вся «революция» стала походить, скорее, на переворот в одном городе, в результате которого произошла замена одной клики коррумпированной номенклатуры на другую. По Киеву тогда ходил анекдот: мол, теперь проведение операций на сердце доверяют доктору даже филологических наук – только лишь за то, что он стоял рядом с Ющенко в Киеве на Майдане Незалежности.

Положение Украины на карте не дает ответа на вопрос о том, является ли она европейской страной; об этом можно судить только по ее политике. После «оранжевой революции» В.Ющенко тут же заявил, что украинцы – как единая нация – «выбрали Европу не только по географическому принципу, а за ее духовные и моральные ценности». Но если исходить из европейских стандартов, то по системе государственного управления Украина пока ближе к Пакистану, чем к Польше. Понятия «олигархия» и «парламент» тут почти полностью совпадают: депутатские места продаются тем, кто больше заплатит. Многие члены Рады никогда в буквальном смысле слова не занимали своих кресел; унылым государственным кабинетам они предпочитают корпоративные офисы, обставленные лучшей европейской мебелью. Ключевую должность заняла Юлия Тимошенко, «богиня» с прической принцессы Лейи из киносаги «Звездные войны», премьер-министр «оранжевой революции». Она обладала такой же популистской харизмой,

как Беназир Бхутто, и единолично возглавила собственный блок в Верховной Раде. Как это часто случается во Втором мире, в 2005 году тандем Тимошенко и Ющенко распался. Они так и не смогли договориться о том, какая форма государственного правления нужна Украине – президентская или парламентская. Ющенко обещал перейти к парламентскому правлению, однако и года не прошло, как, отправив в отставку премьер-министра и весь ее кабинет, он продемонстрировал, что больше всего ценит собственные президентские полномочия. Скрытая мания величия Ющенко подпитывалась неоднократно повторяемой им одиннадцатой заповедью: «Не бойся».

«После революции новому правительству было оказано поистине всеобщее доверие, – удовлетворенно обмолвился за чаем один пророссийски настроенный специалист по опросам общественного мнения, – но элиты оказались полностью безразличны к нуждам людей». Из-за растущей инфляции для многих граждан стали недоступными мясо и молоко. Как и в России, доходы от приватизации оказались распределены настолько неравномерно, что и Ющенко, и Тимошенко вынуждены были посвящать немало времени политике ренационализации (мягко называемой «деприватизацией») и сотрудничать с Януковичем, представляющим восточную Украину, в надежде на сохранение единства обеих частей страны. После двух лет застоя и взаимного подсиживания внутри лагеря стражей «оранжевой революции» в 2006 году партия Януковича легко выиграла парламентские выборы. По иронии судьбы лишь Рада, в которой большинство составили сторонники пророссийски настроенного Януковича, в конечном итоге смогла провести в жизнь законы, ограничившие власть Ющенко. Поскольку коррумпированное прозападное правительство опорочило и себя, и зарубежных покровителей, второй раунд боя с Россией Запад явно проиграл, хотя в связи с отдельными политическими мероприятиями все еще продолжают стычки между службами безопасности и полиции, верными различным соперничающим группировкам. Чтобы действительно стать европейской страной, недостаточно выглядеть по-европейски: надо вести себя по-европейски.

Столетие назад шведский геополитик Рудольф Челлен рассматривал Украину и страны Прибалтики в качестве главных форпо-

стов «культурной Европы» против «московского царизма монгольской закваски с его по-азиатски необузданным стремлением к владычеству»⁴. Россия перестанет быть европейской империей без Украины. Это делает последнюю настолько неотъемлемой частью в российской концепции «ближнего зарубежья», что Россия даже никогда не рассматривала Украину в качестве иностранного государства⁵. Поражение в «оранжевой революции» подвигло Россию к использованию «дипломатии гнева», одобренной поношениями в адрес вмешательства Запада на постсоветском пространстве. Как было некогда сказано, «русский либерализм заканчивается там, где начинается украинская независимость». Правда, теперь украинцам предстоит осознать значение дешевых нефти и газа. Немедленной реакцией России на победу Ющенко стало увеличение цены на природный газ в три раза и блокирование поставок казахстанской нефти на Украину. При этом «Газпром» и украинские олигархи учредили некую малопонятную фирму для контроля будущих поставок, но такая тактика отшатнула от России даже русских, живущих на Украине и теперь видящих для себя лучшее будущее в качестве части Запада. Как доверительно сказал мне сотрудник украинского Министерства иностранных дел, сидя в своем просторном офисе: «Русские настолько одержимы манией величия, что не учатся даже на своих ошибках».

Смена поколений на Украине сможет естественным путем положить конец этой российской мании. Сделанная из титана и заметная на горизонте из любой точки Киева ужасающая 60-метровая статуя Родины-матери все еще остается главным элементом Музея Великой отечественной войны. Матери помогают карабкаться на башни советских танков своим маленьким ребятишкам, однако в школе детям внушают, что эти танки символизируют не советский героизм, а иностранную оккупацию. Для большинства жителей Украины, родившихся во время или после перестройки 1980-х годов, советское время ассоциируется лишь с голодом и политическими трагедиями, которые принесли на Украину «иностранная» революция в России и двое из самых страшных диктаторов XX века – Ленин и Сталин. Хотя нынешнее поколение постсоветских аппаратчиков еще не подпускает к власти молодежь, она все равно выражает циничный оптимизм по поводу европейского будущего

своей страны. Как сказала студентка университета, уже освоившаяся в западноевропейской культуре: «Единственное, что нам нужно – это подлинная революция, касающаяся не просто выборов, а политического сознания, в котором не будет места безразличию и страху. Таковой в нашей истории еще не было. Нам нужно получить ее из Европы».

Внутри неуклюжего советских времен здания Министерства иностранных дел украинцы стремятся преподнести свою страну как европейскую, утверждая, что даже сам ее «генетический код» – западный. Должностные лица расхваливают техническую образованность населения и литературных гениев – Гоголя и Булгакова, они даже направили в Брюссель карты, на которых Украина заштрихована синим цветом как европейская страна, принадлежащая Средней Европе (*Mitteleuropa*), а не Восточной Европе (*Osteuropa*). «Это можно сравнить с ситуацией, когда вас постоянно обижает более сильный брат, и поэтому вы пытаетесь бежать в другую семью, – объяснял один высокопоставленный дипломат. – География является проклятием для Украины уже не одно тысячелетие!».

Такое положение дел в конечном итоге может измениться благодаря Евросоюзу, позиция которого может быть выражена формулой «лучше поздно, чем никогда». Даже Кучма поведал о своей надежде на то, что Украина в конечном итоге вступит в ЕС. Правда, ЕС колебался, опасаясь сильной зависимости украинцев от сельского хозяйства, что привело бы к их соперничеству с французскими и испанскими фермерами за субсидии, и значительной доли в украинском населении молодых людей, что могло создать угрозу стабильности западного рынка труда⁶. Несмотря на все свои причуды, «оранжевая революция» положила конец такого рода отговоркам Европы. Для членства в Евросоюзе Украина еще слишком большая и слишком бедная страна, но уже не слишком советская.

Среди густых лесов Крыма большие туристические группы посещают причудливо и рискованно расположенные на скалистых обрывах церквушки, знаменуя вновь обретенное Украиной гордое католическое наследие. Россия постоянно претендует на Крым, но в 2017 году для нее навсегда закончится срок аренды военных объектов в черноморском порту Севастополь. Теперь в

Ливадийском дворце Романовых в Ялте, где Сталин перечертил карту Европы на советских условиях, проводятся конференции, посвященные перспективам членства Украины в ЕС. «Мы сейчас представляем собой ворота для IT-компаний, производящих микросхемы и экспортирующих их через Черное море в Турцию и на Кавказ», – хвастал молодой предприниматель в симпатичной столице Крыма Симферополе. Европейцы со всех уголков уже сошли на пляжи Крыма в поисках нелегальных ночных сборищ. А российская риторика стала напоминать разговор в романе диссидента Василия Аксенова «Остров Крым», когда главный герой в ответ на настойчивые заявления одного аппаратчика о российском господстве на полуострове хладнокровно отвечает: «Все о нем знают, но никто, кажется, его не замечает»⁷.

Не в последнюю очередь потому, что украинские олигархи греются на юге Франции, в настоящее время они также запросто говорят о Ниццком договоре, в котором изложены планы расширения ЕС и увеличения финансовых вливаний на Восток. Евросоюз использует свою любимую тактику – набивать себе цену. Соблазн, а не реальность получения более высокого статуса в ЕС может подтолкнуть украинских лидеров к роспуску своих теневых кабинетов, устранению монополий, либерализации средств массовой информации, санации банковской системы и созданию рабочих мест для талантливых представителей диаспоры. Все указанные меры, наряду с масштабными инвестициями, необходимы для того, чтобы покончить с российским наследием и в конечном счете окончательно выволить Украину из Второго мира, сделав ее подлинно европейской страной.

Европа предлагает не только большие соблазны, но и практические решения. Если американский подход к содействию демократии на Украине – а именно упорная поддержка одной из сторон – привел к появлению в этой стране прочно окопавшегося самодовольного режима, то европейские парламентские группы и неправительственные организации поддерживают разные политические партии, создавая тем самым прочный фундамент для демократии. Поскольку в самой Европе система правления в основном парламентская (а не президентская, как в Соединенных Штатах), то стратегия ЕС в конечном счете лучше способствует

достижению целей Запада. Более того, благодаря тому, что НАТО во главе с Америкой служит своего рода «острием» западного копья, прокладывая путь к членству в ЕС даже не вполне подходящих для этого стран путем включения их в военную структуру Запада, притягательность Европейского Союза становится все более сильной и менее противоречивой. «Не только Россия тормозит расширение НАТО, – напомнил советник президента, готовый отстаивать суверенитет своей страны, – сами украинцы разделились по поводу выбора военного партнерства, так как этот выбор сопряжен с подчинением либо Соединенным Штатам, либо России». Тем не менее даже пророссийски настроенный Янукович стремится к членству в ЕС, поскольку, как признает известный российский оппозиционный политик Владимир Рыжков, «ЕС является наиболее успешной моделью региональной интеграции в истории».

«Само существование Украины как независимой страны ведет к изменению России», – утверждает бывший американский советник по национальной безопасности Збигнев Бжезинский. Более того, неизбежное принятие Россией факта европеизации Украины сделает ее примером для самой России не только в географическом плане, но и психологически. Украина служит транзитным коридором для поставок российской нефти и газа богатым покупателям на Западе, и энергетическая диверсификация Европы в сочетании с желанием Украины возродить свою ядерную энергетику (несмотря на чернобыльское наследие) повысит возможности их совместного воздействия на Россию, если та вздумает угрожать повышением цен или прекращением поставок. Теперь Украина сможет ловко ответить на российские издевательства. Как скромно сказал один дипломат: «Мы говорим россиянам, что будем рады сотрудничать с ними – но при условии соблюдения принципов Евросоюза».

Группа стран Восточного блока

В 2005 году по случаю 60-й годовщины разгрома гитлеровской Германии президент Латвии Вайра Вике-Фрейберга с нескрываемым раздражением заметила, что советский захват Прибалтики

после Второй мировой войны «означал рабство, оккупацию, унижение и сталинский террор». Страны Западной Европы порой считают такую задиристую антироссийскую позицию препятствием, мешающим поддержанию стабильных и взаимовыгодных отношений с Москвой. Однако повышенная активность новых членов Европейского Союза – это тайное оружие его более напористой восточной политики, которое позволяет опустить противоборство с Россией до тактического уровня. Регулярно начинаются разговоры о «новом железном занавесе», но Европа всякий раз их решительно пресекает.

Наиболее недооцениваемый аспект европейского расширения – его самоподдерживающийся характер. В прошедшее десятилетие такие страны, как Польша и Словения требовали принять их в ЕС, утверждая, что они представляют собой «последний рубеж Запада», и стремясь всеми силами завуалировать свое сходство с «буйными» соседями на Востоке. Однако поняв, насколько легко тамошний хаос может перекинуться через границу, эти же страны скоро стали выказывать поистине миссионерское рвение в деле дальнейшего расширения ЕС и демократизации новых членов – особенно своих ближайших соседей. Именно президенты Польши и Литвы первыми бросились в Киев посредничать в урегулировании противостояния на выборах 2004 года и буквально затащили туда упиравшегося верховного представителя ЕС по общей внешней и оборонной политике Хавьера Солану.

Вновь подтверждается истина: внутри своей группы страны Второго мира могут почерпнуть друг у друга больше, чем из указаний из Вашингтона и Брюсселя. Государства Второго мира с большей готовностью воспринимают взаимные советы и предостережения. Единая Европа добивается наилучших результатов тогда, когда использует принцип взаимодополняемости, делегируя ответственность тем участникам, кто расположен ближе к передовой⁸. Опыт Болгарии и Румынии показал странам Балтии, что если предписанные Евросоюзом реформы откладывать до последнего, неизбежен политический крах. Используя Парламентскую ассамблею Совета Европы и многонедельные парламентские программы обмена, правительства на всей территории от Балкан до Кавказа взяли за эстонцев и литовцев, чтобы научить их практическому ре-

формированию, а также правильной реализации строгих принципов Евросоюза. В 2004 году молодые ветераны движения «Отпор» («Соппротивление»), которое сыграло важную роль в устранении от власти сербского диктатора Слободана Милошевича в 2000 году, совершали челночные рейсы на Украину для работы с движением «Пора!», устроившим «оранжевую революцию».

Сейчас принцип внутригрупповых действий как никогда актуален, особенно для Белоруссии, где советские усилия по искоренению национального самосознания оказались наиболее успешными и где в 2005 году вновь воздвигли памятник основателю КГБ Феликсу Дзержинскому – яростному руководителю ленинской ЧК, боровшей с контрреволюцией. Президент Беларуси Александр Лукашенко в страхе перед вирусом революций, поддерживаемых Западом, закрыл европейским парламентариям въезд в страну. Это значит, что ЕС и США теперь должны все больше полагаться на опытных литовцев, поляков и украинцев, которые могут нелегально проникать в республику, оказывая покровительство местной оппозиции. «Освободить Белоруссию от российского контроля – наш долг!» – восторженно заявил один молодой активист из Литвы.

Бывшая советская республика Молдавия напоминает скорее африканское квазигосударство; это еще один пример того, как Второй мир подталкивает Европу к проведению более напористой внешней политики. К тому времени, когда ЕС в 2004 году направил своего постоянного представителя в Кишинев, Россия de facto признала полукриминальный режим отколовшегося Приднестровья, надеясь на то, что эта область «накопит атрибуты государственности и останется пережитком советского прошлого»⁹. Чтобы доказать Евросоюзу способность разрешать конфликты, Украина взяла на себя инициативу по выводу соседней республики из российской орбиты, усилив пограничный режим и начав бороться с контрабандой, которая касалась всего – от АК-47 до замороженных кур. На западной границе Молдовы вступление Румынии в Евросоюз создает дополнительные возможности для того, чтобы это государство стало дрейфовать в сторону Европы – ведь законности и порядка внутри Европейской империи гораздо больше, чем за ее пределами.

Некогда Европу было проще всего определить с помощью восклицания: «Европа – это вам не Россия!»¹⁰. Однако испугавшись того, что НАТО проявляет пиетет к обидчивой России, прибалтийские страны стали использовать по отношению к ней иной принцип, основанный на нежелании быть просто восточным захолустьем Европы. Теперь они относятся к некогда могучему русскому медведю скорее с жалостью и заботой как к спившемуся родственнику. Они понимают, что Россия, монопольно контролирующая все поступающие к ним энергоносители, способна на инфантильные выходки. Так как она по-прежнему владеет Калининградом, страны Балтии стремятся вместе с Россией вкладывать средства в эту территорию, которая изолирована от остальной территории Российской Федерации и все еще выглядит так, как будто Вторая мировая война кончилась только вчера, для того, чтобы потом превратить ее в четвертую Балтийскую республику. Теперь Москва хоть и неохотно, но признает, что ее бывшие союзники и даже части единой советской империи один за другим вошли в орбиту другой столицы – Брюсселя.

4 БАЛКАНЫ И ВОСТОЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

«Нынешняя Европа так и останется незавершенным предприятием, пока Балканы не станут ее частью», – объявил высокопоставленный представитель Евросоюза в Боснии лорд Пэдди Эшдаун. «Все очень просто: надо улучшить ситуацию на Балканах, в противном случае мы будем импортировать в Европу нестабильность и криминал»¹. ЕС вряд ли сможет претендовать на статус сверхдержавы к востоку от Балкан до тех пор, пока не стабилизирует этот регион – причем не как изолированный угол Европы, а скорее как коридор, ведущий в области, которые лежат за пределами Запада. Тем не менее в бывшей Югославии – сердце Балкан – демократия после окончания «холодной войны» привела к появлению квазидиктатур, которые разодрали регион на части в период разгула этнонационалистического насилия. ЕС оказался плохо подготовлен к этому². За пределами городов Босния по-прежнему выглядит серой и заброшенной, воздух еще пропитан дымом пожарищ. На сельских дорогах никогда не знаешь, с каким препятствием столкнешься за поворотом – то ли с контрольно-пропускным пунктом, то ли с разбитым бомбой грузовиком. То же самое можно сказать и о балканской политике.

На протяжении 1980-х годов каждая из бывших югославских республик была богаче Испании, однако в 1990-е годы, когда Западная Европа интегрировалась, Югославия промотала свое единство. Изуверские войны времен распада Югославии ввергли страну в варварство Третьего мира; в безумной, подобной наваждеанию, бойне полегли полмиллиона человек. В эпоху глобализации

выпадение из интеграционного процесса на десять и даже пять лет чревато катастрофическими последствиями. Балканы превратились в миниатюрное подобие Западной Европы после Второй мировой войны – разрушенные, недоверчивые и оккупированные иностранными державами. «Мы не станем свободными, пока не избавимся друг от друга, – с раздражением сказал старик-босниец, живущий в тенистой деревеньке рядом с Мостаром. – Если в ближайшее время мы не получим полную независимость, то европейцы не смогут предотвратить у нас новую бойню».

И все же нет никакой предопределенности этих вечных балканских трагедий, в том числе и недавних гражданских войн*. На Балканах вполне возможно создать демократические институты и культуру. Спустя десять лет после краха именно Евросоюз сможет сделать это и тем самым вернуть регион обратно во Второй мир³. Опыт таких стран, как Греция, Словения, Румыния и Болгария ясно показал, что ЕС способствует развитию балканских государств. Современная Греция оставалась бы еще одной пороховой бочкой, если бы ее британская диаспора не пролоббировала подключение страны к Плану Маршалла. До 1975 года в Греции продолжала властвовать диктатура, привечавшая террористов; она затеяла переворот на Кипре и постоянно препиралась с Турцией. Понадобилось несколько десятилетий, чтобы уговорить Грецию, колыбель европейской цивилизации, вести себя как современная европейская страна. После вступления Румынии и Болгарии в Евросоюз в 2007 году Греция перестала быть территорией, географически изолированной от него. Словения – это страна, которая опирается на наследие Габсбургов и уже богаче половины своих партнеров по Евросоюзу. В отношении Румынии и Болгарии всегда употреблялся более мягкий термин – Второй мир – с тем, чтобы избежать признания того факта, что в Европе имелись страны, фактически от-

* Балканский национализм не всегда причинял геополитическую головную боль. При Иосипе Броз Тито в течение более чем трех десятилетий Югославия представляла собой материально состоятельный Евросоюз в миниатюре, принадлежавший к группе неприсоединившихся стран и объединявший шесть многонациональных республик с единой валютой. Страна обладала достаточным дипломатическим суверенитетом для участия в большем числе международных договоров, чем практически любая другая страна в мире. Даже после смерти Тито в 1980 году ротационная система президентства в югославской федерации сохранялась на протяжении десяти лет.

носившиеся к Третьему миру. Их доходы по-прежнему составляют лишь треть от среднего уровня по ЕС. Внедрение новых агротехнологий приведет к тому, что Румыния, пока что напоминающая европейские Аппалачи, сможет пройти путь от крестьянской общины до житницы региона, а также средоточия высокоэффективной промышленности, выпускающей не только автоматы АК-47⁴. С помощью угрозы задержки приема в свой состав Евросоюзу удалось убедить даже склонную к крайностям Болгарию в том, что для того, чтобы претендовать на миллиарды евро так необходимых ей субсидий, нужно сперва разобраться с организованной преступностью и торговлей людьми⁵. После принятия в Евросоюз жители Болгарии устремились работать на восстановленных заводах, а хиппи со всей Европы стали стекаться на машинах и самолетах небольших авиакомпаний на Черноморское побережье страны. Как сказал по телефону один британский турист, пребывавший в Бургасе: «Болгария – это же новая Коста дель Соль!».

Учитывая то, что причины нестабильности на Балканах уходят в историю, Европейская империя так и останется неполной и уязвимой до тех пор, пока не урегулирует «восточный вопрос», который несколько веков назад так беспокоил европейских государственных мужей. К счастью, по общей численности населения остальные западно- и южнобалканские страны – Сербия, Босния, Хорватия, Македония и Албания – не дотягивают даже до одной лишь Румынии, а по отдельности – до Манхэттена. Фактор географической близости усилил вероятность быстрого поглощения только что образовавшихся стран Евросоюзом. Правда, балканские лидеры не всегда понимают, что именно хорошо для них, зато постоянно прибегают к нечестной борьбе. Отношения любви-ненависти между ЕС и балканскими государствами по-прежнему напряжены и нестабильны – даже несмотря на то, что водружение в регионе флага Евросоюза стало новой идеей фикс.

Сербия: дом посреди дороги

Усилия Европы, предпринимавшиеся в начале 1990-х годов для предотвращения раскола на Балканах, не обнадеживали. Карты

раздела Югославии напоминали не о политической федерации, а о детской игре в классики с этническим уклоном. Официальные лица в Париже и Берлине занимали выжидательную позицию по проблеме уничтожения боснийских мусульман, наследников Османской империи, введя эмбарго на поставки им оружия – тогда как Сербия и Хорватия унаследовали вооружения бывшей Югославии. Французские и немецкие покровители сквозь пальцы смотрели на зверства своих подопечных⁶. «Всех военных преступников можно было захватить с помощью нескольких телефонных звонков, – сказал мне молодой сербский поборник прав человека в богемном квартале столицы Сербии Белграде. – Но французские чиновники боялись разоблачения в пособничестве и хранили скелеты в шкафах». Конечно же, тогда была очевидна стратегическая незрелость Европы.

В конечном счете официальные лица ЕС начали доказывать, что Европа имеет свои интересы на Балканах. Евросоюз перестал равнодушно взирать на столетиями продолжавшееся там кровопролитное создание национальных государств, которое тормозило прогресс всей Европы. Был инициирован процесс «строительства стран-членов» на основе перехода от квазиоккупации к разделению суверенитетов – что чем-то сродни «тщательной опеке молодого человека при его переходе из родительского дома в комфортабельный брак»⁷. Парадокс Балкан, однако, в том, что, с одной стороны, они составляют ту часть Европы, стабильность которой критически зависит от Евросоюза, а с другой стороны – являются ее наиболее свободолобивой частью, причем особенно характерно это для Сербии. Почти сто лет назад именно из-за нежелания Сербии войти в Австро-Венгерскую империю началась Первая мировая война⁸.

В Белграде рядом с резиденцией премьер-министра находится штаб армии, превращенный в руины в 1999 году американскими «умными бомбами». Неподалеку проходит аллея, на которой в 2003 году силы, лояльные жестокосердному Слободану Милошевичу, застрелили Зорана Джинджича – первого демократически избранного после Второй мировой войны лидера, сербского Джона Кеннеди. Милошевича не только терпели дольше, чем было возможно, но даже в ходе заключения Дейтонских со-

глашений в 1995 году назвали «человеком мира». Суровой зимой 1996-1997 годов десятки тысяч его соотечественников протестовали в центре Белграда, требуя его отставки – и даже размахивали при этом французскими и немецкими флагами. «Его призванием было усугублять наши проблемы с безработицей и коррупцией, – сказал один из активистов движения «Отпор». – Мы даже шутили, что он, наверное, тайком работает на Запад. В конце концов, как еще можно объяснить ухудшение нашей жизни?». Но вместо того, чтобы заручиться поддержкой со стороны сербской оппозиции, страну подвергли экономическим санкциям, а затем и восьмидесятидневным бомбежкам авиацией НАТО, причинив огромный ущерб. Правда, один из дворцов Милошевича пощадили только за то, что в нем висело полотно Рембрандта. «Мы не могли понять, – продолжал тот же активист движения «Отпор», – чью сторону занимало НАТО?». Сербскую политическую колбу закупили, тем самым способствуя размножению в ней уголовной нечисти. Неудивительно, что сейчас именно с Сербией связаны наибольшие трудности в процессе присоединения к ЕС новых членов.

Малые страны типа Сербии, по экономическому весу уступающие многим крупным корпорациям, нередко ведут себя безрассудно: сначала увольняют проштрафившегося «директора» и лишь потом задумываются о его преемнике⁹. Однако не «умные бомбы», а политические стратеги – вот кто в конечном итоге говорит свое веское слово. В Сербии широкое сопротивление снизу сместило Милошевича во время начавшейся в 2000 году «октябрьской революции», также известной под названием «бульдозерной», поскольку с помощью бульдозеров снесли лояльную Милошевичу телевизионную станцию RTS. Сербская радикальная партия и националисты, изображающие Милошевича мучеником (ведь он умер в ходе судебного разбирательства в Гааге), по-прежнему имеют большинство в парламенте страны и толкуют о мифическом сербском «золотом веке». Студенческие активисты, ратующие за восстановление позитивного имиджа страны, под лозунгом «Ты видишь? Ты помнишь? Ты знаешь?» предают гласности документальные свидетельства зверств сербов в боснийской деревне Сребренице в 1995 году. В милых университетских городках вроде Ниша студенты чувствуют себя европейцами в той мере, в которой им это до-

зволюют их вожаки. «Скажем так: мы не можем не быть европейцами, – утверждает один из студенческих лидеров. – И как долго придется находиться в подвешенном состоянии? Если бы нынешние лидеры вложили в создание рабочих мест хотя бы половину той изобретательности, которую они вкладывают в манипулирование своим криминальным бизнесом, мы уже сейчас были бы в Евросоюзе».

За прошедшие два тысячелетия Белград разрушали и восстанавливали не менее сорока раз. Про географическое расположение Сербии говорят, что ей «повезло» так же, как дому, стоящему на перекрестке всех дорог. Евросоюз – это последняя в длинной череде империй, разрывавших страну на части; надменные сербы воспринимают это крайне болезненно. Государственный союз Сербии и Черногории они презрительно награждали словом «Соланиум» в честь комиссара по внешней политике ЕС Хавьера Соланы, который его навязал. «В конечном итоге ЕС может и обоснуется здесь, но это было бы слишком хорошо, – цинично пошутил один сербский политик, сидя в богато обставленном кабинете. – Так как Черногория стала в настоящее время независимой, а Косово практически потеряно, не имеющая выхода к морю Сербия оказывает экономическим захолустьем, если не считать того, что она контролирует часть Дуная»*. Чтобы принять неизбежное и преодолеть национальную черту – желание любой ценой удовлетворять свой коллективный эгоизм, сербам нужны одновременно хорошие руководители и добрые лекари. Явно небогатые жители Белграда, испытывающие гордость от своих довоенных связей с богемным Парижем, сейчас настолько мучительно переживают окружение Сербии странами Евросоюза – теми самыми, над некоторыми из которых они некогда возвышались и на которых

* В Косово Евросоюз постепенно перехватывает бразды правления от многочисленных агентств ООН, преобразовывая эту местность, в которой западные консультанты проводят в жизнь план приватизации, предложенный албанской диаспорой, а христианские и саудовские миссионеры борются за израненные души, и где практически все рабочие места связаны с обслуживанием сил ООН и неправительственных организаций. В городе Печ бары и рестораны оказывают услуги для тысяч сотрудников ООН, отчего в опустевшем городе появляются большие деньги. Однако если ООН уйдет, то не останется никакой экономики, поддерживающей Косово. То, что может сделать ЕС и только ЕС – это предоставить больше ресурсов для поддержки местных властей с тем, чтобы подготовить Косово к государственности и членству в Евросоюзе даже вопреки сербскому сопротивлению.

смотрели свысока, – что, скорее всего, уже смирились. В отличие от Швейцарии, Сербия не может долго оставаться дыркой от евросоюзного бублика. Как заметил один белградский экономист: «От экономики европейского уровня мы отстали лет на десять. Вхождение в Еврозону сейчас напоминает установку первоклассной кухни в разваливающемся бараке».

«Ни один благодетель типа Джорджа Сороса сюда еще не приходил», – с сожалением заметил один активист-правозащитник. Для многих сербов европейский прагматизм с неизбежностью идет на смену мазохистскому национализму. Поляки, чехи и венгры активно убеждают балканских лидеров в том, что европейский стиль управления – благо не только для ЕС, но и для самих стран-членов. Сербия вяло следует примеру Словении и Словакии, но пенсии уже начинают выплачивать вовремя, коррумпированную полицию ставят на место, растет число студентов¹⁰. Как предостерег один чиновник, занимающийся привлечением инвестиций, «70% молодых людей по-прежнему готовы устремиться на Запад, если только получат визы». Однако постепенно жесткие договоренности Европейского Союза с Сербией способствуют превращению инфраструктуры страны и ее географического положения в актив, а компании типа Fiat и Microsoft создают здесь свои региональные центры. В то время, когда из Гааги доносились гневные филиппики Милошевича, штаб-квартиру его партии, разрушенную ракетами НАТО, быстренько перестроили в высококлассный бизнес-центр. Ныне один сербский предприниматель пытается заманить обратно соотечественников, осевших в Силиконовой долине, рассказывая им о стране, полной красивых и доступных женщин: «Поскольку во время войны мы потеряли так много наших братьев, шансы велики!».

Босния: «хомо Балканикус» и Брюс Ли

Если проехать по некоторым частям бывшей Югославии, то по-прежнему можно нежданно соприкоснуться с древними как мир и до умопомрачения веселыми реликтами национализма типа изображенных в итальянском фильме «Elyvs e Merilijn», в котором два

румына вдруг захотели пробраться через зону балканского военного конфликта до некоего ночного клуба на Адриатическом побережье. Из-за контрольно-пропускных пунктов пассажиры автобуса вынуждены посреди ночи сидеть на мостах на ничейной территории только для того, чтобы затем продолжить путь по той же дороге. Постыдный риторический вопрос «Это Европа?» был задан вновь для напоминания Европе о ее неспособности прийти в Боснию с тем, чтобы спасти эту территорию от геноцида и расчленения. Сегодня же выражение «Это Европа» приобрело смысл лаконичного утверждения, воплотившего единое устремление стран, которые, несмотря на десятилетие геноцида, по-прежнему не являются «этнически однородными» государствами. Евросоюз пытается составить единую картину из разрозненных частей и тем самым способствует восстановлению Боснии из разбомбленного прошлого 1990-х годов, превращая ее в один из ключевых форпостов своего расширения на Восток.

Европейский Союз не сломил Балканы, и теперь ему приходится их покупать. В последние десять лет ЕС обильно использовал дипломатические средства, чтобы склеить разбитый балканский горшок и тем самым положить конец своей психологической зависимости от США в вопросах внутренней военной стабильности. Один ученый уподобил все это «человеку, который после тяжелой травмы все еще долго пользуется костылями»¹¹. Но так как половина боеспособных европейских сил дислоцирована на юге Балкан, то массивный неокOLONиальный аппарат Евросоюза – даже прозванный «европейским раджей» – тоже стал присваивать себе чрезвычайные полномочия. Порой это мало отличалось от политического инжиниринга, поскольку со своих постов изгонялись десятки избранных чиновников из числа боснийских сербов. Теперь европейцы понимают: чтобы избежать недовольства со стороны своих будущих подданных, подобной бюрократизированной опеки следует «избегать как чумы»¹².

Но будущее еще не наступило, поскольку в Боснии по-прежнему господствует скрытый трайбализм. Буквально в десяти километрах к востоку от столицы страны Сараево начинается Республика Сербска, от которой все еще исходит холодный, всеяющий страх туман. Сараево – своего рода балканская Богота.

Город поделен между тремя враждующими группировками, каждую из которых удовлетворяет существующая неопределенность. Противоборствующие преступные синдикаты и военизированные формирования организуют медицинскую помощь и платят пенсии для обеспечения поддержки среди населения, но люди по-прежнему не знают, кому доверять; те, кто сейчас водят трактора, совсем недавно управляли танками. Сербский военный преступник Радован Караджич по прозвищу «боснийский мясник» до последнего времени оставался на свободе. «Мы хотим, чтобы Европа предоставила контроль над нашей страной нам самим, а не этим ребятам», – заметил боснийский журналист в сараевском отеле Holiday Inn, полностью отремонтированном и выкрашенном в ярко-желтый цвет после долгих лет обстрелов.

На въезде в Сараево у петляющей горной дороги выщербленные фасады домов по-прежнему смотрят на холмы, с которых сербские снайперы вели методичный огонь по основным магистралям города. Это было частью плана Ратко Младича, стремившегося довести боснийцев до безумия и вселить в них покорность. Старшее поколение бывших югославских граждан еще высказывает недовольство на всех уровнях вплоть до того, чтобы поменять надпись на Боснийском национальном театре, которая и сегодня написана на сербскохорватском языке. Между тем из-за неурегулированности вопроса о собственности разрушенный шлакобетонный остов торгового центра так и продолжает стоять в центре города посреди руин. Для всех балканских стран характерны тотальные дефициты, высокая инфляция, отсутствие каких-либо достоверных данных о занятости населения, потому что многие люди работают в «сером» секторе, а десятки сербов, хорватов и боснийцев направляются в Ирак в поисках работы. Современные автобусы, петляющие по узким улицам Сараево, подарены ЕС и Японией.

Тем временем в Старом городе Сараево зарождается новое поколение. В нескольких шагах от моста через реку Милячка, там где в 1914 году был убит эрцгерцог Франц-Фердинанд, развлекается сараевская молодежь – так же, как где-нибудь в Барселоне или Бейруте. Диковатого вида «хомо балканикусы» гоняют на крутых автомобилях и мотоциклах (не исключено, краденых) с европейскими номерами. Наиболее распространенное транспортное

средство – непрезентабельный «Юго», неправдоподобно дешевый культовый автомобильчик 1980-х годов. Техномузыка, несущаяся из расположенных в подвалах ночных клубов, и реклама пива Red Bull на ресторанных зонтах, выставленных на улицы, сразу дают понять, что интересует городскую молодежь. Тем временем владельцы стареньких отелей дежурят всю ночь, до самого раннего туманного утра вяло зазывая к себе европейских туристов. «Такая жизнь началась почти сразу после окончания войны, – рассказал в подвальной дискотеке один инженер. – Многие из нас направились в Европу, чтобы получить образование, но как только появляется возможность, мы возвращаемся. Мы не можем отказаться от Боснии сейчас, в тот самый момент, когда ее следует восстанавливать».

И сегодня посреди Мостара возле восстановленного знаменитого моста, чье уничтожение являло собой наиболее зримый символ сошествия страны в ад, возвышается статуя Брюса Ли, воплощая собой борьбу против этнического разделения. В настоящее время по всем окрестностям Сараево восстанавливаются мечети и церкви по мере того, как город пытается вновь стяжать облик Нового Иерусалима. Как обмолвилась официантка из Мостара: «Мы, молодые люди, больше не заиклены на наследии Османской империи. Нас больше не волнует религиозная принадлежность друг друга, как это было раньше». Доля сербов и хорватов, которые видят свое будущее в Боснии и Герцеговине, удвоилась, как удвоилось число людей, которые считают, что даже после ухода пресловутого «европейского раджи» война больше не вспыхнет вновь. Через десять лет после Дейтона правительство Боснии сменило трехстороннюю конституцию на единую, которая уже не базируется на этническом принципе и более подобает многонациональному европейскому государству. На многих восстановленных зданиях уже реет флаг Евросоюза, который более заметен, чем собственно флаг Боснии. Искусственную боснийскую валюту (так называемую конвертируемую марку) скоро заменит евро, ведь странам-участницам ЕС не нужны свои собственные валюты.

Конечно, членство в ЕС не следует рассматривать как панацею; скорее, оно сродни справке о здоровье, которую выдают после того, как невидимая сила Копенгагенских критериев Евросоюза,

затрагивающих политическую, экономическую, а также инфраструктурную реформы, возьмает свое действие и подключит различные части балканского организма к новому европейскому сердцу. Такой механизм сработал в Македонии: превентивное развертывание миротворческого контингента помогло оградить страну от остальной Югославии, а стабилизационные силы обеспечили нерушимость ее границ и, соответственно, независимость. Подобно жесткому футбольному тренеру, обуздывающему строптивую команду, в настоящее время Евросоюз вводит в действие Пакт стабильности на всей южной части Балканского полуострова с тем, чтобы создать еще одну субрегиональную группу близких друг к другу стран и ясно дать им понять, что никто не вступит в ЕС до тех пор, пока не будет соответствовать установленным требованиям¹³. «Сейчас мы делаем все по-европейски, – пояснил один эмигрант-босниец, работающий в офисе одной из западных неправительственных организаций. – Мы обучаем будущих политических лидеров каждой из стран совместно, а не по одиночке».

В конечном итоге главные компоненты этой программы для Юго-Восточной Европы, напоминающей План Маршалла, сводятся к репатриации боснийских и косовских беженцев, а также постройке новых транспортных магистралей из Австрии в Албанию*. Албания, самая бедная страна Европы, до сих пор не

* Инфраструктурные проекты подпадают под программу «Помощь Евросоюза в реконструкции, развитии и стабилизации» (CARDS).

известна большинству европейцев, если не считать упоминания о ней в новостях о беженцах, переправляющихся на плотках через Адриатическое море в Италию (как

гаитянцы или кубинцы в Америку). Но еще не успели разрушиться архитектурные символы греческой и венецианской колонизации Албании, как Европа вернулась в эту страну, дабы трансформировать сталинскую бюрократию – этот знак Третьего мира, нашедший пристанище в Албании, – в символ европейской нови¹⁴. Вслед за Евросоюзом на рынки и виноградники страны начали приходить инвестиции, а на уединенные пляжи – туристы, посасывающие дешевое пиво. На смену пограничной раздробленности, отраженной в фильме «Elvjs e Merilij», на Балканы постепенно приходят скоростные междугородние составы ICE. «Раз мы можем до

браться туда на поезде, то это Европа», – остроумно заметил один итальянский путешественник.

Однако границы Европы растягиваются прежде всего благодаря автомобильным дорогам. Выехав из Будапешта в восточном направлении на Белград по недавно проложенным автострадам, можно повернуть на юг в направлении Скопье (Македония) и Салоник (Греция) или же устремиться еще восточнее в Софию и Стамбул. Едва ли не все эти маршруты были проложены вдоль старых византийских дорог, в Средние Века связывавших Белград и Константинополь. Подобное восстановление маршрутов к западу и востоку от реки Дрины, в IV веке нашей эры разделявшей Западную Римскую и Византийскую империи – один из главных символических и исторических шагов на пути возрождения региона и расширения общеевропейского содружества¹⁵. На пути к решению «восточного вопроса» обозначился поворот, которого абсолютно никто не ждал. Удивительно, но важным фактором «европеизации» Балкан станет не только Греция, но и Турция, причем крайне важно их сотрудничество. На протяжении столетий Европа воевала с турками за контроль над Балканами, а сейчас обе стороны объединились, чтобы спасти Балканы.

5 ТУРЦИЯ: ПУТЬ НА ЗАПАД – ПУТЬ НА ВОСТОК

Винус Уильямс играла здесь в теннис, а Дэвид Култхард проезжал на болиде «Формулы-1». Со стороны этот полуторакилометровый висячий мост через Босфор выглядит ажурным. Его открыли в 1973 году по случаю пятидесятой годовщины со дня основания Турецкой республики. Мост – это главный символ Стамбула и уникального положения Турции в качестве ворот между Европой и Азией.

Само местоположение Турции отрицает идею разделенности континентов. Константинополь был столицей Византийской империи на протяжении одиннадцати веков, а затем, переименованный в Стамбул, превратился в средоточие власти османов, доминировавших над обширными территориями Балкан, Малой и Центральной Азии, а в 1687 году приблизившихся к воротам

Вены*. Расположенный с обеих сторон узкого пролива Дарданеллы, город контролирует путь между Европой и Азией с востока на запад и между Черным и Средиземным морями с севера на юг. Во времена «холодной войны» Турция, некогда составлявшая анатолийское ядро Османской империи, служила своего рода «восточным остро-

* В 1071 году армия турков-сельджуков разбила византийцев в битве при Манцикерте, после чего устремилась на Константинополь. Однако временное облегчение для Византии пришло, как это ни парадоксально, от другого тюркского завоевателя – Тимура, который нанес удар сельджукам на востоке. Таким образом, единственная причина отсутствия единства тюркского мира заключается в том, что этот мир сам разделился внутри себя.

во» НАТО – его передовой базой и постом перехвата информации. Наряду с Украиной, расположенной на северном берегу

Черного моря, она является одним из двух зубцов Европы, вдающихся на Восток, а также воротами в наиболее опасные страны мира – Сирию, Ирак, Иран. Благодаря Турции многократно возрастает стратегическое значение Европы. Если она не найдет способов уравновесить амбициозные устремления Турции, то в будущем влияние Европы на восточном направлении будет заканчиваться на Балканах.

Важность Турции видна уже в Болгарии. Так как население последней сокращается, приближаясь уже к пяти миллионам, то в рамках ЕС ей нужен скорее сильный градоначальник, нежели президент государства. В последнее время Болгария становится пригородом гигантского Стамбула, своего рода «Стамбулгарией». Стамбул стал главным коммерческим центром региона, простирающегося от Будапешта до Баку. Турецкие предприниматели оживили силуэт Софии, перекроив гостиницы в казино, в которых сами же и развлекаются. После пограничного города Эдирне по Турции тянется ровная автострада ТЕМ, которая была построена в качестве аварийной посадочной полосы для боевых самолетов НАТО. Теперь она пропускает через себя караваны «Мерседесов» и «БМВ» с турками, радостно спешащими в Западную Европу и обратно, а по дороге устраивающимися перекусить на так называемых «турецких стоянках».

Важность Турции определяется не только ее географическим положением, но сущностью: страна представляет собой самое мощное демократическое и светское государство мусульманского мира¹. Еще в 2005 году премьер-министр Реджеп Тайип Эрдоган предупреждал: «Либо [ЕС] проявит политическую зрелость и станет мировой державой, либо так и останется христианским клубом». В том же 2005 году Турция получила «зеленый свет» на начало переговоров о членстве в Европейском Союзе, который тем самым просигнализировал о своей готовности стать подлинным сообществом народов и культур². По-другому не может и быть, ибо великолепный храм Святой Софии в Стамбуле – главный христианский храм Византии, а затем османская мечеть – одинаково почитаем как христианами, так и мусульманами. Стамбульские экстравагантные лавочки, модные торговые ряды и благоухающие хаммамы превратили город в новый Берлин, в то время как рай-

он Берлина Кройцберг стал именоваться «маленьким Стамбулом». Как не без бахвальства заметил сквозь музыкальный гул проворный хозяин стамбульского ночного клуба: «Если европейский диджей не покрутится в Стамбуле, то никогда не добьется успеха». По мере того как Турция становится более европейской, Европа становится более турецкой.

Ключевой вопрос сегодня таков: быть ли союзу между европейской цивилизацией и новой османской цивилизацией или же обе погрязнут в нескончаемых препирательствах? Со времен осады турками Вены отношения между Турцией и Евросоюзом стали более пристойными. Правда, один только масштаб территории Турции может воспрепятствовать ее полноправному членству в ЕС; к тому же в стране проживают 75 миллионов человек, которые в среднем значительно беднее европейцев. Однако форма гораздо менее важна, чем функциональное наполнение. Когда более 40 лет назад Евросоюз начал диалог с Турцией о членстве в ЕС, то тогда главным образом обсуждался вопрос о приведении турецкой экономики в надлежащее состояние. О системе правления в тот момент речь вообще не шла, а общей внешней политики Евросоюза не было (она входила в компетенцию НАТО, членом которой Турция является уже давно). Но поскольку ЕС стремится взять на себя суверенитет своих членов, именно он диктует правила игры для Турции, а не наоборот.

С учетом того, что Турция вела войны почти со всеми своими соседями, ее нынешняя внешняя политика представляется парадоксальной. До Первой мировой войны Блистательная Порты, как тогда называли османский двор, любезничала с германским, британским, австро-венгерским, русским и французским послами, не отдавая предпочтения никому из них. После Первой мировой войны Мустафа Кемаль (удостоенный в 1934 году турецким Национальным собранием имени «Ататюрк»), отец-основатель и светский пророк Турецкой республики, стал придерживаться стратегии «мир дома, мир с границей». Этот принцип лежит в основе нынешней «многовекторной» турецкой дипломатии, которая напоминает хождение по проволоке, поскольку турки пытаются одновременно примирить Европу, США, Россию, Кавказ, Иран, Сирию и Израиль. Не прошло и ста лет с того момента, как

Ататюрк вел войну против Антанты, вторгшейся в Галлиполи под предводительством Великобритании, и вот мы уже видим, как последняя становится главной сторонницей наделения Турции полноправным членством в Евросоюзе. Даже Греция стала благосклоннее к вхождению Турции в ЕС, надеясь на смягчение турецких претензий на Северный Кипр.

«На наших восточных границах чувствуется напряженность, поэтому мы пользуемся глобализацией как инструментом примирения с нашими арабскими и персидскими соседями», – разъяснил один турецкий дипломат в Анкаре. Несмотря на традиционно негативное отношение к Турции в арабских странах из-за того, что Османская империя некогда превратила их в свои колонии, сейчас торговля Турции с Марокко, Ливией и Египтом утроилась. С недавних пор министры иностранных дел Турции хорошо говорят по-арабски, а арабы завидуют тому, что Турция получила от Европы статус страны с рыночной экономикой. «Как только ливанцы или сирийцы захотят получить хорошую прибыль, они не только начинают торговать в нашей стране, но и становятся нашими партнерами для того, чтобы осуществлять реэкспорт своих товаров в Европу. Но мы превосходим их по уровню профессионализма; по сравнению с ними мы имеем свои преимущества», – заявила молодая женщина-предприниматель в одном из небольших, но роскошных отелей Стамбула. С точки зрения арабских стран и стран Центральной Азии Стамбул, конечно же, вполне европейский город. У турок есть еще один козырь: арабы не смешивают их с презренными и ненавистными им европейцами-крестоносцами. В самом деле, в качестве новой тирании и арабы, и турки рассматривают сейчас американский интервенционизм, а потому лояльно относятся друг к другу. «Арабам импонирует сочетание морализма и секуляризма», – пояснил стамбульский корреспондент телекомпании «Аль-Джазира». Кроме того, Турция имеет давние политические и военные контакты с Израилем (дипотношения с ним были установлены еще в 1949 году). На языке фарси слово «тюрок» может означать «варвар» или «бродяга», но многомиллиардная торговля, а также энергетические соглашения укрепляют отношения Турции с Ираном в обмен на молчаливое согласие последнего с подавлением курдского сепаратизма.

Турция и впредь будет искать себе друзей на всех направлениях – и она способна это себе позволить. Заигрывание с Россией наглядно показывает, что Турция может сотрудничать с любым партнером, с каким захочет, не заботясь о том, что по этому поводу скажут Соединенные Штаты и Евросоюз⁴. На протяжении столетий Россия пыталась контролировать побережье Черного моря, которое принадлежит Турции, а также захватить Дарданеллы с тем, чтобы получить доступ к Средиземному морю. Однако в настоящий момент у обеих стран нашлась общая цель – проект «Голубой поток» (газопровод по дну Черного моря до турецкого порта Самсун). Россия стала для Турции вторым по значимости торговым партнером после ЕС. Турецкие строительные компании перестраивают Россию, а русский газ питает турецкую экономику. В несколько провинциальном, но живописном черноморском порту Трабзон – перевалочной базе, во время Первой мировой войны захваченной Россией, – никто не отслеживает того, что время от времени происходит на российских судах, стоящих на рейде: скажем, не замечают торговлю славянскими «наташами», которых переправляют на паромах и продают дальше вплоть до Дубая.

«Америка и Европа должны не смотреть на нас свысока, а лучше понять нас», – уверенно заявил мне один стамбульский интеллигент, потягивая недурной кофе. – А вот мы-то всегда сумеем без сожаления отказать каждому из них». В 1990-е годы США и Европа конкурировали за лояльность Турции, но иракская война 2003 года резко качнула чашу весов в пользу Евросоюза. При вторжении в Ирак США надеялись на поддержку Турции, однако турецкий парламент отклонил просьбу о размещении американских военных баз на территории страны из опасений курдского национализма в Ираке после свержения Саддама, присутствия иностранных войск, а также потери доходов от туризма⁵. В то время как США по старинке полагались на турецких военных, гражданские власти Турции сосредоточились на соблюдении критериев демократичности, установленных Евросоюзом. Болезненная подозрительность Турции по поводу войны в Ираке достигла небывалых размеров. Например, в одном из турецких бестселлеров, опубликованных в 2005 году, герой – секретный агент – взрывает ядерный заряд над Вашингтоном, желая отомстить американцам за ок-

купацию Турции. Американско-турецкие отношения характеризуются ныне общими фразами типа «стратегического партнерства», однако годовой объем торговли Турции с ЕС в десять раз превышает товарооборот с США⁶. «Американцы думают, что их лоббирование в Евросоюзе наших интересов увеличивает перспективы нашего членства, но все, чего им удалось добиться, так это ожесточить европейцев, – пожаловался один аналитик из Анкары. – Нам больше не нужна поддержка Соединенных Штатов». В конечном счете ЕС оказывает на Турцию больше влияния, чем на некоторых своих членов, поддержавших американское вторжение в Ирак^{*}.

В глазах турок Европа выглядит привлекательнее Соединенных Штатов – но завоевать симпатии Турции гораздо более трудная задача. Хотя Ататюрк и заявлял, что Турецкая республика всегда «неуклонно шла... с востока на запад», во времена «холодной войны» единственным направлением, которого Турция придерживалась, было западное. Сейчас Турция опять обладает мощной военной силой – и вполне осознает сей факт. «Со времен Османской империи лишь мы определяли политическую географию целого региона. Мы господствовали в Ираке на протяжении 400 лет, – резко заметил турецкий генерал. – Турция никогда не станет такой же податливой, как Польша». Новые «младотурки», являющие собой часть политической элиты, заново открыли дореспубликанское прошлое своей страны, а это еще больше усилило их самосознание. Подобное безразличие новых османов по отношению к Западу обозначает пределы социальной, политической и дипломатической податливости Турции. Часть турок всерьез рассматривают «план Б», стремясь не к членству в ЕС, а лишь к «привилегированному партнерству» – как Норвегия и Россия, которые примыкают к ЕС только тогда, когда это отвечает их интересам.

Турция могла бы научить других кандидатов добродетельному терпению, ведь с 1963 года решение вопроса о вступлении Турции в ЕС все откладывается. Но даже и без членства в ЕС турецкая экономика сильно выиграла за сорок лет торговли и миграции в рам-

* Как заметил один болгарский интеллектуал, «позиция восточноевропейских стран во время войны в Ираке означала торжество выгоды над сознанием географической принадлежности к Европе, но в долгосрочной перспективе географический фактор переесит».

ках Европейского таможенного союза. На начальном этапе присоединения к Евросоюзу турецкие крестьяне и фермеры даже на полях носили пиджаки, дабы подтвердить приверженность европейскому духу. Страна полностью высказалась за продолжение этого процесса. Первое поколение гастарбайтеров переводило деньги к себе домой в анатолийские деревни, а европейские турки второго поколения сами стали работодателями и возвращают свои деньги и опыт на родину, строя там заводы и школы. Так, в анатолийской части провинции Кайсери в дополнение к сельскому хозяйству налажено широкомасштабное производство великолепных килимов (ковров)⁷. В наше время турецкая диаспора третьего поколения расселилась уже на пространстве от Берлина до Бишкека, она переводит домой значительные денежные средства, которые помогают снизить имущественное неравенство (по которому Турция наряду с Бразилией, Китаем и США лидирует в мире). «У нас сейчас такая стабильность, что даже будучи мигрантами, мы все же с нетерпением стремимся домой», – размышляет турок из Германии, сделав остановку по пути из Анкары в Кайсери. Фактически в настоящее время турецкая экономика все больше приближается к самодостаточности.

Потребовались совместные усилия всей Европы, чтобы подчинить турок в XVII веке, но так как Турция опять осматривается по всем направлениям, то Евросоюз должен попытаться стать для нее не только экономическим, но также психологическим и политическим центром притяжения. С учетом национальной гордости турок это является трудной задачей. Говорят, что турка можно ударить десять раз – и он вам не ответит, но после одиннадцатого раза он вас убьет. Действительно, туристы, заявляющие, что приехали из «Европы», а не из какой-то определенной страны, рискуют нарваться на рукоприкладство, поскольку турки уже считают свою страну европейской. В Бодруме богатые турецкие отдыхающие высокомерно смотрят на подвыпивших европейцев и изолируются от них в первоклассных курортных поселках, уютно расположенных вдоль причудливых бухт по берегам Эгейского моря. «Турецкая интеллигенция слишком занята красотами Эгейского моря, чтобы беспокоиться об европейском общественном мнении», – не так давно погожим летним днем едко заметил обзоре-

ватель одной из газет. Преуспевающие жители Стамбула всюду наслаждаются атрибутами европейской жизни и образования, подчас имея второй дом где-нибудь в Европе.

Но несмотря на самоуверенность турок, скрытая европейская колонизация Турции продолжается быстрыми темпами. Ни одну программу Еврокомиссии (как и Пентагона) невозможно свернуть, если решение по ней принято. Президент Франции Жак Ширак заявил 2005 году, что, чтобы стать европейской, Турции понадобится провести культурную революцию. Тем не менее Еврокомиссия неуклонно реализует свой мандат на проведение своего рода лоботомии турецкого государства. В конце 1990-х годов Турция смогла пристыдить Европу и заставить ее серьезно воспринимать себя, но в ответ Евросоюз настоял на том, чтобы Турция приняла к исполнению свод своих единых законодательных актов – при этом не гарантировав себе членства в конце пути. В начале XIX века визирь Османской империи Мустафа Решид-Паша попытался скопировать европейскую систему управления, а в наше время Европейский Союз заставил Турцию произвести крупномасштабную реорганизацию ее в буквальном смысле византийской системы банковских и общественных услуг. Поддержав многие из крупнейших коммерческих предприятий страны, ЕС помог ей очистить свой внушительный черный рынок и оживить дряблую деловую культуру. Блистательный силуэт Стамбула сформировался за счет европейских денег; требования ЕС подняли турецкие стандарты в сфере труда и качества продукции. Такой подход (своего рода «требовательная любовь») к стимулированию турецких реформ намного плодотворнее американской стратегии преобразования Мексики (которая для США служит тем же, чем Турция – для Европы).

«Географически мы принадлежим Европе,.. а политически?», – с волнением задавал вопрос лауреат Нобелевской премии по литературе Орхан Памук, оказавшись под судом всего лишь за критику отрицания геноцида армян в Турции во время Первой мировой войны (что подпадает под статьи Уголовного кодекса, связанные с «оскорблением турецкости»)⁸. Фактически Европа втихую активизировала дискуссию среди турок об их политической истории – и относительно действий против армян, и относительно неиз-

бежного восстановления единства Кипра. «Трудно сказать, сколько времени потребовалось бы для расширения круга предметов, изучаемых в университетах, или повышения статуса женщин, если бы не давление ЕС», – заметила в Стамбуле одна из активисток. Расширение прав курдов и немусульманских групп стало единственным оспариваемым турками требованием Евросоюза. После двух десятилетий конфликта между турецкими вооруженными силами и сепаратистской Курдской рабочей партией (КРП), базирующейся на юго-востоке Турции на границе с Ираком, от 10 до 12 миллионов курдов, живущих на всей территории Турции, почувствовали улучшение в социальной, экономической и политической интеграции на основе прогрессивных государственных программ. Высокий уровень безработицы по-прежнему характерен теперь лишь для района Диярбакыр, населенного курдским крестьянским населением, где в 2006 году во время празднования курдского праздника новруз вспыхнули беспорядки. Дороги, построенные военными и использовавшиеся ранее для ударов по силам КРП, теперь удлиняются с целью развития торговых отношений с Сирией и Ираном, а это благотворно скажется на положении курдских фермеров. Турции потребовались бы десятилетия для отмены смертной казни – даже для вдохновителя курдских террористов Абдуллы Оджалана – если бы инициатива Евросоюза не перевела эту, казалось бы, частную внутритурецкую дискуссию в политическую плоскость.

У мавзолея Ататюрка в Анкаре солдаты участвуют в величественной церемонии смены караула, символизирующей неколебимую преданность одному из тех редких мировых лидеров, которых уважают также и за пределами страны. Верные заветам кемалистской идеологии, военные неоднократно содействовали, так сказать, божественному провидению – как например, в совсем недавнее время, когда в 1997 году им пришлось осуществить «постмодернистский переворот» с целью убрать антизападного и происламски настроенного Неджметтина Эрбакана⁹. Однако с профессионализмом военных сравнялся профессионализм турецких политиков, которые при поддержке Евросоюза смогли подчинить себе даже армию – и вот уже мы видим, что Национальный совет безопасности возглавляет гражданское лицо и большинство засе-

дающих в нем – тоже штатские. В настоящее время и гражданская, и военная части турецкой элиты считают себя незаменимыми модернизаторами, контролируя друг друга и пресекая исламские тенденции в турецком обществе. Однако наиболее важно, что все – светская элита, военное руководство и исламисты – считают европеизацию более важной, чем право военных на вмешательство в политику¹⁰. Евросоюз помогает Турции умирить саму себя.

В то же время Турция остается наилучшим примером того, как ислам и модернити могут не только сосуществовать, но и процветать одновременно. Так, в Конье вертящиеся дервиши исполняют свой медитативный танец «мевлеви сема» в честь суфийского поэта-мистика Руми. Их вращение в состоянии транса и созерцание откровения наводит нас на мысль о том, что духовная карта Турции напоминает географическую, растягивая страну в разных направлениях. Турки попытались представить турецкий ислам существующим независимо от деления на суннитов и шиитов: сначала мы турки, а уж потом мусульмане¹¹. Жители страны испытали сильное влияние двух разновидностей ислама – алевийского и суфийского, причем каждая из этих разновидностей благосклонна к светскому развитию, установленному Ататюрком и поддерживаемому даже исламистами суннитского толка. Стойкая проевропейская Партия справедливости и развития (АКР), чьи приверженцы-интеллектуалы считают себя не «преобразованными исламистами», а «консервативными демократами», не раз доказывала свою устремленность к демократии; последний раз это случилось на парламентских выборах 2007 года, определивших дальнейший путь развития страны¹². Теперь ношение традиционного женского платка в правительственных учреждениях и университетах считается противозаконным деянием; подобное правило из всех европейских стран ввела только Франция. Когда во время футбольного матча доносится призыв идти в мечеть на молитву, хозяева ресторанов просто немного приглушают звук телевизоров. Вот эти три веяния внутри турецкого общества – развитие, демократизацию и «осовременивание» ислама – Америка и Европа хотели бы увидеть также и в арабском мире.

Правда, налицо и растущий внутри турецкого общества культурный исламизм; он черпает поддержку в переполненных и наэлек-

тризованных стамбульских трущобах-гечеконду, служа опорой для бывшего мэра Стамбула и нынешнего премьер-министра Реджепа Тайипа Эрдогана, а затем распространяется на обширные сельские районы на востоке страны. На восток от Коньи европейский культурный и архитектурный облик переходит в азиатский. Поля, засеянные пшеницей; развалы, на которых продаются дыни; хижины по обочинам дороги, в которых ремонтируют машины; одиноко бредущий домашний скот; какой-то разбросанный мусор, – все это приметы другой Турции, намного превосходящей по размерам первую. По мере движения вдоль бесконечных рядов чудосочных деревьев вы видите, как трактор заменяет автомобиль в качестве деревенского средства передвижения, мелодичные сигналы грузовиков отзываются эхом в Центральной Азии, а названия улиц малопонятны и ни о чем не говорят. Здесь большинство женщин носит платки, ежегодно регистрируются несколько сотен убийств на почве оскорбления чести, а угловатые сельджукские крепости и мечети напоминают о суровых временах, когда турки только еще начинали свое движение на Запад.

Весь этот восточный край сосновых лесов и безмятежных озер – геополитический актив, без которого не обойтись Европе. Европа все больше нуждается в Турции как в евразийском мосте для транспортировки российской, каспийской и иранской нефти и газа на Балканы, а также как в стабилизирующей силе на Кавказе. Но даже в то время, пока правительство возводит сказочные мосты и прорубает туннели сквозь скалы, дабы соединить все части турецкого государства, география Турции и ее культура возвещают: страна никогда не будет принадлежать исключительно Европе. Европейская сверхдержава должна стать евротурецкой.

Черное море: европейское озеро

На протяжении столетий устремления Российской, Османской и Персидской империй тяготели к Черному морю, пересекаясь на его темных и спокойных просторах. Название одного из самых значимых археологических объектов Крыма – древнегреческого поселения Херсонес, в наши дни находящегося в пригороде

Севастополя, – восходит к греческому слову «полуостров». В этом месте в 988 году великий князь Владимир принял крещение, после чего Византийская империя ушла в небытие, а православие получило распространение в Киеве и Москве. В XIV столетии космополитическим Крымом некоторое время правили даже генуэзцы. В средние века Черное море находилось в центре мировой торговли, соединяя Венецию с монгольскими и тюркскими землями Центральной Азии. На протяжении следующих трехсот лет, будучи под контролем Османской империи, оно нередко именовалось «Турецким озером». В XIX веке Черное море оказалось в эпицентре геополитических бурь. Первоначально европейские державы хотели расчленить Османскую империю и завладеть контролем над Босфором. Однако после того как при Николае I Россия разгромила турецкий флот, Великобритания, Франция и Австрия засуетились, чтобы не позволить Черному морю стать «Русским озером». Таким образом, Крымская война обернулась западным фронтом англо-русской «большой игры» в Центральной Азии¹³.

В наше время Черное море уподобляют Бермудскому треугольнику, расположенному на стыке европейского, евразийского и ближневосточного пространств безопасности, но не являющемуся главным ни для одного из них¹⁴. Естественное и многогранное сообщество государств Черноморского бассейна в настоящее время восстанавливается – на этот раз уже в рамках Европейского содружества. Например, название киевской площади Майдан, на которой была устроена «оранжевая революция», происходит от персидского слова, обозначающего многофункциональное пространство для праздников и рыночной торговли. Крым остается родиной для почти миллиона татар – потомков Монгольской орды, волжских булгар и тюркских племен, которые распространились в бассейнах Волги и Дона. Украинский порт на Черном море – Одесса – строился в XIX веке архитекторами и аристократами из разных стран – Франции, Австрии, Англии. Здесь и в наши дни текут потоки контрабанды из Западной Европы и вплоть до Дальнего Востока: вновь сказывается географический фактор.

Все большая доля европейского нефтегазового импорта поступает из восточной части Черного моря. Предпринимая плохо скрываемые попытки подорвать влияние России в регионе и

восстановить чувство товарищества, Грузия, Украина, Узбекистан, Азербайджан и Молдавия в середине 1990-х годов создали региональную дипломатическую группу, которая в настоящее время после выхода Узбекистана существует под неблагозвучной аббревиатурой ГУАМ. Более стратегически плодотворным стало создание Организации черноморского экономического сотрудничества, в состав которой входят Румыния, Болгария, Украина, Турция, Грузия и Азербайджан. Объем торговли в рамках черноморского бассейна растет быстрыми темпами, а Турция помогает Украине восстановить ее слабеющую судостроительную отрасль. По мере нарастающей европеизации прибрежных государств Черное море превращается в «Европейское озеро», восточные берега которого выводят Запад на Кавказ.

6 КАВКАЗСКИЙ КОРРИДОР

На первый взгляд Кавказ выглядит просто небольшим довеском к Малой Азии: гористая полоса между Черным и Каспийским морями, над которой, казалось бы, всегда мрачно нависали турецкая, российская и персидская империи. Однако прокладка новых нефтепроводов из Каспийского бассейна и Центральной Азии на Запад требует чуть ли не колонизации постсоветских микрореспублик Закавказья – Грузии, Армении и Азербайджана. В противном случае судьба этих стран останется незавидной. Поскольку стратегия расширения Европы исторически основывалась на демократизации, Копенгагенские критерии были призваны успокоить нынешних членов Европейского Союза: государства, не отвечающие установленным Союзом требованиям, – в частности, закавказские – не будут приняты в него. «Мы не допустим, чтобы свою волю нам диктовала только лишь география, – признал один европейский дипломат. – То, что лежит по другую сторону от Турции, как говорится, с глаз долой и из сердца вон». На Кавказе начинается «не-Запад».

И все же в отдаленной перспективе необходимость гарантировать поставки каспийских энергоносителей перевесит требования к странам, вступающим в Евросоюз. Вот почему Запад существенно пересматривает подход к Кавказу с тем, чтобы тот перестал быть лишь площадкой для игр российских неоимпериалистов. В начале 1990-х годов европейские и американские дипломаты доверили было России лидерство на постсоветском пространстве, предполагая, что она, как и подобает все еще великой дер-

жаве, будет действовать справедливо. Но оказалось, что потерявшая свою империю Россия лучше умеет расчленять бывшие братские республики, чем восстанавливать Содружество Независимых Государств. Она относится к закавказским странам как к соседям по коммунальной квартире, поэтому продолжает следовать в регионе привычной грязной стратегии «разделяй и властвуй». Русские провоцируют конфликты, а затем вмешиваются в них, утверждая, будто именно они представляют собой единственную силу, способную развести по углам и помирить этих драчливых отроков. Чтобы разорвать порочный круг, Запад должен применить новый подход, состоящий в том, чтобы превратить Кавказ в часть «ближнего зарубежья» Европы, а не России. Если это удастся, закавказские республики вырвутся из Третьего мира, а Запад получит больше гарантий своей энергетической безопасности.

Грузия: Европа думает о тебе

Представьте себе страну с заброшенными деревнями и разваливающимися зданиями, с помятыми грузовиками, окутанными облаками выхлопных газов, с женщинами, торгующими кукурузой по обочинам дорог, с детьми, плещущимися в пересыхающих реках, с унылыми нищими в столице. Поверите ли вы, что граждане этой страны принадлежат белой расе?

Несмотря на всю риторику о переменчивости судьбы, революции в гораздо большей степени демонстрируют масштаб раскола общества, чем прочность своих идеалов. Нигде сказанное не проявляется так сильно, как в Грузии, чье руководство настолько убеждено в своей принадлежности к Западу, что почти ничего не делает для того, чтобы доказать это. Грузины быть может и христиане, но никак не европейские в любом смысле этого слова; и не имеет значение их упорство, с которым они вывешивают по всему Тбилиси флаги Евросоюза. В лучшем случае эту страну можно считать кавказской Кубой – те же пальмы и ужасные извилистые дороги. Кроме того, в отличие от сопоставимых по размеру стран Прибалтики, в Грузии после устранения от власти невероятно эгоистичного старшего поколения стали править молодые, плохо

подготовленные неофиты. Подобно Украине и Сербии – и, несомненно, любой другой стране, которая в недавнее время прошла через внезапную смену режима, – принципы демократических выборов будут приближаться к нормам, характерным для либеральных стран, в лучшем случае очень медленно. Нарушения прав человека, манипулирование рынком и коррумпированность правительства продолжатся до тех пор, пока стремление граждан изменить подобное положение не приобретет массовый характер. Обоснованное опасение европейцев насчет Грузии заключается в том, что эта страна будет испытывать «усталость от революций» – так же как ее латиноамериканские собратья по Третьему миру, которые скорее не развиваются, а топчутся в замкнутом круге отсталости и нестабильности.

Советы были на самом деле самыми добрыми оккупантами Грузии – особенно в сравнении с жестокими арабами, монголами и персами, которые приходили сюда до нее. Иосиф Сталин, родившийся и выросший в городе Гори, расположенном в центральной Грузии, сделал так, что республика платила низкие налоги и всегда рассматривалась как бриллиант в советской короне. В 1990-х годах при режиме Эдуарда Шеварднадзе страна стала получателем масштабной благотворительной помощи из Европы и вместе с тем бездонной выгребной ямой коррупции. «Так как в качестве последнего советского министра иностранных дел Шеварднадзе подарил Германии воссоединение, потом мы позволяли ему вольности и щедро его поддерживали», – признался один немецкий дипломат. Грузия – это страна, в которой доступны лишь три способа зарабатывать деньги: продажа краденого на черном рынке, вождение такси и контрабанда, а также их комбинация. В Гори люди по-прежнему перемещаются по-азиатски – на трехколесных мотоциклах.

В первые годы после «революции роз» 2003 года положение не слишком улучшилось. Бизнес пребывает в упадке, деревни превратились в опустевшие фантомы, усыпанные осколками стекла и разбитыми бетонными блоками. Хорошие дороги делают граждан лучше, однако и по сей день в Грузии нет ни одной приличной дороги, а для стиля управления этой страной лучше всего подходит такая метафора: побои и уколы. Молодой президент – энергичный

и получивший образование в Америке Михаил Саакашвили – закрыл множество независимых газет, телевизионных станций и некоммерческих организаций, выступавших против его политики. Если при Шеварднадзе судей подкупали, чтобы те оставались беспристрастными, то при Саакашвили решения по судебным делам практически всегда выносятся в пользу власти. Ранее не существовавший пост премьер-министра был создан в качестве награды для второго из трех героев «революции роз» – Зураба Жвании. Но соперничество между Саакашвили и Жванией привело не только к расколу власти (причем одна сторона контролировала аппарат безопасности, а другая – остатки экономики), но и к смерти Жвании при загадочных обстоятельствах. Как только законодательство, принятое парламентом, вступило в противоречие с желаниями президента, то последние тут же перевесили. В Грузии нет реальных политических партий, есть только группировки, действующие в корыстных интересах и снабженные адресами электронной почты с суффиксом «gov.ge». Стоит ли удивляться тому, что растет число грузин, испытывающих ностальгию по коммунизму?

Всякий раз, когда власть защищает не государственные институты, а отдельных лидеров, проигравшим оказывается народ. Обрадованные отправкой символического грузинского воинского контингента на войну в Ирак Соединенные Штаты остаются политически слепыми и упорно поддерживают бутафорскую демократию Саакашвили, не видя ухудшения ситуации в стране. «Американцы настолько уверены в успехе “революции роз”, что наши правозащитные группы даже перестали получать финансирование от федеральных агентств», – пожаловался один из политических активистов в Тбилиси. Фактически Саакашвили был взлелеян своим предшественником, впоследствии им же и свергнутым. Он даже готовит «молодых пионеров»: детей вывозят в лагерь, чтобы научить там верности государству при помощи стрельбы из автоматов Калашникова. Министры ловчат в круговерти интриг, напоминая, как сердито заметил один грузинский аналитик, «зоопарк, в котором еще не все животные одомашнены».

Конечно, непросто управлять страной, в которой в постсоветские времена сохранилась лишь винодельческая промышленность. Тбилиси в течение пятнадцати веков оставался столицей, но отно-

шения между центром и окраинами всегда были напряженными^{*}. Правитель Аджарии – портового региона, примыкающего к турецкой границе, – Аслан Абашидзе до своего побега в Москву в 2004 году присваивал все таможенные сборы и пытался разжечь гражданскую войну (при поддержке России). Одновременно Саакашвили перераспределял скудные ресурсы электроэнергетики в пользу Тбилиси, стараясь обеспечить себе поддержку его жителей, и запретил выдвигаться независимым кандидатам на пост мэра столицы, назначив на должность своего близкого союзника. В поисках доходов для бюджета Саакашвили стал шантажировать богатых бизнесменов: с помощью угроз он заставлял их финансировать коммунальное хозяйство, а в обмен закрывал глаза на неуплату ими налогов. Некая влиятельная корпорация даже подкупила беженцев, чтобы выселить их из помещений в центре Тбилиси, а затем переделать те под офисы. В Грузии бутики и отели служат лишь прикрытием для отмывания денег, а люди мафии каждое утро аккуратно получают портфели с наличными. В Тбилиси в глаза бросается обилие черных «Мерседесов» с затемненными стеклами – этого наиболее желанного во всем мире символа высокого положения; кстати, на них часто все еще красуются немецкие номера. Со временем уровень грузинской коррупции может снизиться, а работа полиции – улучшиться, но для этого потребуется помощь со стороны, а не беспредельная вера в преимущества так называемых революций.

«К черту русских!» – вскипает Саакашвили, раздраженный тем, что Россия неустанно поддерживает в Грузии сепаратистские движения. Он взывал к Соединенным Штатам и Европе, чтобы те дали отпор российскому вмешательству и помогли снизить роль Грузии в качестве канала сбыта оружия и контрабанды оружейного урана. Сегодня на грузино-азербайджанской границе стоит громадный таможенный пост, выстроенный на американские деньги и начиненный технологиями космической эры, призванный выявлять радиоактивные материалы. Однако этого недостаточно для

* На Кавказе каждое государство переживает этап собирания земель – усилий, повторяющих то, что предпринималось веком ранее при падении Османской империи, и направленных на выверку своих границ, упрочение стабильности и создание более или менее устойчивой государственности (см.: Gachechiladze, Revaz. “The New Georgia: Space, Society, Politics” in: *Eastern European Studies*, 1995, no. 3).

нейтрализации непрекращающихся интриг со стороны России, а также утилизации неразорвавшихся ракет недалеко от Тбилиси. С потерей Украины и Грузии России остался лишь небольшой отрезок черноморского побережья, стратегическая значимость которой уменьшилась после того, как Азербайджан перестал перекачивать нефть в Новороссийск. Ликвидировав миссию наблюдателей ОБСЕ, раздав российские паспорта в Южной Осетии и поддерживая сепаратистское движение в Абхазии, Россия пытается расколоть Грузию с целью получить доступ в Армению, которую русские поддерживают в споре с Азербайджаном по поводу Нагорного Карабаха. Действуя через подставные компании, русские продолжают разрабатывать грузинское золото, медь, лес, резко замедляя приток доходов, которые так необходимы для предотвращения распада этой крошечной страны. Как только Грузия попросила Россию вывести свои военные базы, последняя тут же ответила удвоением цены на природный газ – и это в разгар зимы. Аналогичный удар со стороны «Газпрома» испытали на себе украинцы. «Для малой страны опасно жить в соседстве с большой, мощной державой, – поясняет грузинский политолог Александр Рондели. – Стратегическая ошибка, допущенная небольшой страной, – это не просто роскошь; это может быть даже сродни самоубийству. Для такой страны единственным доступным средством внешней политики является дипломатия»¹.

Правда, господство России в кавказском регионе может рухнуть под собственной тяжестью. Несмотря на окончательное подавление повстанческих сил в Чечне, русским еще предстоит узаконить свое господство в более обширном регионе, населенном мусульманами, а именно на Северном Кавказе и в Республике Татарстан (кстати, в Казани построена самая большая мечеть в Европе). Во всех названных регионах остается весьма благоприятная обстановка для антироссийских настроений². Ярость чеченцев – свойство их характера, описанное еще Л. Толстым в «Хаджи-Мурате», – наносила вред России на протяжении всей ее истории – и она может вспыхнуть снова. «Они пытаются ассимилировать Чечню», – отметил грузинский дипломат, имея в виду мечеть, которую Россия недавно построила в Грозном (правда, несколько меньшую, чем в

Казани). – Но русские никогда не ищут легких путей, они выбирают для себя самые сложные маршруты».

Сфера влияния – это сфера ответственности, вот почему стратегии энергетической безопасности Запада и демократизации должны содействовать построению на Кавказе еще одного европейского субрегиона, а также ускорить уход оттуда России. В 1990-е годы главными представителями Запада на Кавказе были энергетические компании, которые действовали в своих интересах, но при стратегической поддержке дипломатов, занимающихся вопросами торговли. При их посредничестве осуществилась «делка века», как она тогда называлась: трубопровод Баку-Тбилиси-Джейхан (БТД), второй в мире по протяженности и проложенный в основном под землей, так как проходит по беспокойным районам (в том числе Армении). Трубопровод сделал Турцию, на чьем средиземноморском побережье заканчивается, транзитером почти 10% мирового экспорта нефти³. В 2005 году на помпезной церемонии открытия трубопровода БТД Саакашвили провозгласил «геополитическую победу» Азербайджана, Грузии и Запада, «которая серьезно изменит баланс сил в регионе, принесла с собой процветание и укрепив независимость»⁴. Четыре миллиарда долларов, которые пошли на прокладку трубы нефтепровода длиной в несколько тысяч километров, – для Запада это все же не такая уж и большая цена за приобретение Кавказа.

Громадные турецкие трейлеры сейчас запрудили грузинскую границу близ города Батуми, в котором грузины снимали крышки всех канализационных люков и продали в Китай на металлолом. Через Турцию спешит на помощь Евросоюз, предлагая миллиарды евро для претворения в жизнь плана транспортного коридора в Азию. После соединения железных дорог Грузии и Турции поток грузов из Европы может идти через Стамбул в Баку, а затем через Каспийское море на пароме в Казахстан и в конечном счете в Китай – и аналогично в обратном направлении. Грузия свысока смотрит на Турцию, надеясь, что безвизовый союз с Украиной позволит ей обойти Турцию в очереди на вступление в ЕС. Но чтобы сохранить свой альянс с Западом, Грузия отчаянно нуждается в турецком содействии для обеспечения безопасности трубопровода БТД и вытеснения теневых российских фирм.

«Теперь, когда энергобезопасность Запада зависит от нашей стратегической позиции, ему придется помочь нам заполучить контроль над страной», – сказал консультант грузинского правительства, сидящий в офисе, отремонтированном на деньги ЕС. Расчистка советских руин и построение новой Грузии «с нуля» потребуют миллиардов евро, но сейчас у Европы нет другого выбора. Из-за БТД Грузия становится придатком Азербайджана, что обеспечит ей благоприятные побочные эффекты в сферах транспорта, коммуникаций, гостиничного и ресторанного бизнеса. Грузинские банки функционируют сейчас только благодаря поддержке со стороны Международной финансовой корпорации, а Соединенные Штаты и Всемирный банк выделяют по 100 миллионов долларов в год на сезонную закупку электроэнергии из России, а также на строительство дорог и газоперерабатывающих заводов.

Застарелые конфликты, порожденные советской демографической шизофренией, часто характеризуются как «замороженные». Однако это лишь химера, вызывающая дипломатическую вялость. Кавказ сегодня напоминает Балканы десять лет назад: прекращение боевых действий несет не более чем иллюзию стабильности до тех пор, пока Запад активно не вмешается. Конфликты вокруг Абхазии, Южной Осетии и Нагорного Карабаха не прекратятся по мановению божественной палочки; напротив, они будут и дальше вести к отчуждению между людьми, широкому использованию оружия, контрабанде и росту влияния радикального исламизма. На Кавказе новые националистические устремления лежат почти что на поверхности; для одних опорой служит грузинская церковь, для других – геноцид армян в Османской империи, для третьих, возможно, ислам в Азербайджане. Все это извращенно толкуется и используется для оправдания раздувания военных бюджетов⁵. Каспийское море еще не делимитировано, но уже вовсю идет его милитаризация. В частности, Россия укрепляет свою судостроительную промышленность в Астрахани – порту, расположенном в дельте могучей реки Волги, и предлагает Ирану создать военно-морские патрульные силы.

НАТО и ЕС могут окончательно покончить с российскими и иранскими интригами только путем развертывания миссий по поддержанию мира на территории всех районов этих якобы «замороженных» конфликтов. Для охраны трубопроводов НАТО помогло Грузии и Азербайджану создать военные подразделения, вза-

имодельствующие друг с другом, а также выделило средства на модернизацию береговой охраны Азербайджана для перехвата подозрительных российских или иранских судов. Евросоюз постепенно подводит регион к восстановлению транскавказской федеративной модели, которая существовала в течение короткого времени около века назад в период между российской революцией и окончательным становлением большевистской власти. Самюэль Хантингтон говорил о нескончаемости конфликта между христианской Арменией и Грузией, с одной стороны, и окружающими их мусульманскими государствами – с другой. Но все же по мере того, как Америка и ЕС предлагают военную помощь, протягивают трубопроводы и дороги, которые свяжут их всех воедино, нефть становится более важной, чем кровь. Если укрепить границы Грузии, то у руководства страны не останется больше оправданий и далее затягивать преобразования. Как сухо поведал премьер-министр Зураб Ногаидели: «Строительство более процветающей страны на 90% зависит от решимости». Грузия может стать для Запада форпостом энергетической безопасности, а не «токсичным активом».

Россия играет в своего рода классики, перепрыгивая с одной военной базы на другую, но их число сокращается. Поэтому у Запада имеется блестящая возможность вытеснить русских, в том числе лишить их статуса защитников армян⁶. Вечно нестабильная Армения со дня обретения независимости смогла выжить только за счет инвестиций из России, Ирана и своей зарубежной диаспоры (особенно калифорнийской)⁷. Правда, более важной, нежели разрешение конфликта между Россией и Грузией, следует признать нормализацию армяно-турецких отношений, что поможет Армении открыть западные границы, углубить участие Евросоюза в своих делах и получить так много значащий доступ к своей священной горе Арарат, находящейся в Турции. Предоставление гарантий Грузии и Армении смогут в конечном итоге поместить даже Россию и Иран в более широкий энергетический контекст в рамках Черного и Каспийского морей*. Расширение Европы служит ее интересам даже там, куда она меньше всего хотела бы идти.

* Трубопровод БТД углубил связи между народами Кавказа и Израиля, так как 20% (и эта цифра возрастает) нефти Израиль получает из порта Джейхан, куда она вначале поступает обходными путями из региона Каспийского моря. Израиль планирует даже реэкспортировать некоторую часть нефти через Красное море на Дальний Восток.

Азербайджан: пробка в Каспийской бутылке

Кавказ является местом встречи Европы с Восточной и Западной Азией*. Надписи на латыни, оставленные римскими центурионами, свидетельствуют о том, что Азербайджан располагался на европейской границе с I века нашей эры, но затем римляне повернули назад, заявив, что человек не может жить в адских условиях Гобустанского нагорья. После радующих глаз лесов, расположенных в южной части Кавказа

* В самом начале грустного любовного романа Курбан Саида «Али и Нино», описывающего реальности Закавказья, школьный учитель из Баку говорит: «Восточная граница Европы идет через территорию Российской империи вдоль Урала, а затем через Каспийское море и Закавказье... Одни ученые считают, что район, расположенный к югу от Кавказских гор, относится к Азии, в то время как другие, учитывая культурную эволюцию Закавказья, полагают, что наша страна должна считаться частью Европы. Итак, дети мои, частично от вас зависит, будет ли принадлежать наш город к прогрессивной Европе или к реакционной Азии». Хотя иногда говорят, что под псевдонимом Курбан Саид скрыт еврейский эмигрант из Баку Лев Нусенбаум, в ходе недавних исследований выявлен еще один кандидат на авторство – азербайджанский дипломат Юсиф Везир Чменземинли.

около грузинской границы, нужно проехать еще полторы сотни километров по выжженной солнцем местности, чтобы достичь столицы Азербайджана Баку, чье название в переводе означает «солнечные ветры». Азербайджан, зажатый между российским Кавказом и Тальшскими горами Ирана, – последний ингредиент в стратегической рецептуре по превращению Европы в альянс, основанный на общих ценностях, а не только культуре⁸. Европа выполнит свою миссию на географической карте лишь в том случае, если сможет принять

в свои ряды людей с азиатской душой.

Представляя из себя ныне новый рубеж Запада, Азербайджан все еще не желает быть им. Средневековые мечети, неуклюжие многоквартирные дома советской эпохи, высотные стеклянные здания офисов – вот символы слияния Востока и Запада, прошлого и настоящего, которые можно видеть в Баку. Тут некогда проходили караваны с шелком и специями, соединяя тюркский, арабский, индийский и китайский миры через Баку, Тебриз, Самарканд и Кабул. Тальшские горы, подобные храмам, напоминают Кашмир. «По своим очертаниям и культуре наша страна по-

добна птице, которой для полета необходимы крылья и Востока, и Запада», – размышлял азербайджанский историк. Зеленый цвет азербайджанского национального флага означает ислам, красный – свободу, голубой – принадлежность к тюркским племенам. В 1918 году Азербайджан стал первым мусульманским демократическим государством, предоставившим женщинам право участвовать в выборах. И хотя восемь миллионов граждан страны в основном являются мусульманами-шиитами, тюркский национализм – да и советский атеизм – придали стране светский характер. Так, в азербайджанских школах учится больше девочек, чем мальчиков, а в центре Баку все еще стоит статуя советской эпохи – женщина, сбрасывающая чадру; причем эта скульптура возвышается прямо перед отделением Иранского национального банка.

Правда, если бакинские женщины носят мини-юбки, то в расположенном рядом со столицей городе Нардаране – чаще мусульманские платки, а на многих стенах можно лицезреть арабскую вязь. Как и в Турции, по всему Азербайджану можно заметить возвращение к исламу. Этот процесс начался в результате свержения советского ига, присутствия чеченских беженцев, а также финансирования Ираном строительства мечетей и средств массовой информации в бедных южных районах вдоль границы страны. Это, пожалуй, все признаки развития. «Противостоять радикальному исламу – значит, как и в Турции, преподавать подлинный ислам в школах под контролем государства, – считает аспирант из Баку. – В противном случае множество безработных молодых бедняков впервые познакомятся с исламом в радикальных мечетях, как это происходит в арабских странах».

Збигнев Бжезинский называл Азербайджан «пробкой в каспийской бутылке»⁹. Нефтяные и газовые месторождения – символ этих мест с далеких веков. Еще в V веке до нашей эры огнепоклонники возводили храмы близ побережья Каспийского моря. В начале XX столетия Баку стал крупнейшим в мире производителем и экспортером нефти, причем уже тогда в дела Нобеля и Ротшильдов вмешивалась Россия. И в последующее время она контролировала азербайджанскую нефть, которая [в 1920-1935 годах] составляла более 70% всей советской нефтедобычи, а вскоре после получения Азербайджаном независимости Россия вместе Арменией

попыталась свергнуть националистического лидера Абульфаза Эльчибея¹⁰. Единственное, что осталось хорошего после советского закабаления, так это бальнеологические курорты, на которых пациенты по-прежнему принимают ароматные ванны из лечебной нафталанской нефти для врачевания телесных недугов.

Азербайджан – одно из немногих мест в мире, где загрязнение может стать туристической достопримечательностью. Баку расположен на небольшом полуострове, вдающемся в Каспийское море и полностью опутанном ржавеющими трубопроводами. Они покрывают столь обширные пространства, что правительство до сих пор не знает, что с ними делать, если не считать того, что оно пытается свести к минимуму утечки нефти и организует вертолетные туры для туристов над заброшенными буровыми установками на шельфе Каспийского моря. Тем не менее, Азербайджан в очередной раз в буквальном смысле молится энергетическим богам. Рядом с проржавевшими нефтяными вышками на Каспийском побережье возвышается мечеть Биби Хейбат – единственная, которую возвели за счет азербайджанского правительства. Особое значение мечети состоит в том, что при Сталине ее разрушили, после чего добыча нефти в республике упала. А на месте памятника Марксу в Баку теперь находится бензозаправка компании Azpetrol.

Некоторые азербайджанцы мечтают превратить свою страну в кавказский Кувейт. Источник возрастающих поставок нефти в Европу, Азербайджан уже является самой богатой страной Закавказья. Министр по делам таможни, открывавший шестизвездочный Excelsior Hotel, вполне мог назвать сие строение «Бурж-Баку» – по аналогии с парусоподобным небоскребом в Дубае. В конце XIX века центр Баку выстроили нефтяные бароны, приглашавшие лучших европейских архитекторов. Ныне сюда вернулись их потомки, строящие дома на окружающих город отвесных скалах, превращенных в аккуратные пригороды.

К сожалению, Азербайджан одарен углеводородами, но не мудростью. Вопрос заключается в том, сможет ли страна накопить ее прежде, чем в течение ближайших нескольких десятилетий иссякнет вся нефть. Азербайджан все еще функционирует при политическом порядке, который был создан для одного человека – Гейдара Алиева. Алиев был лидером слишком большого масштаба

для столь малой по размеру страны, а потому вполне естественно, что он не просто выразил национальный характер, а затмил его. В условиях Азербайджана наследование стало единственной парадигмой власти. После смерти Гейдара Алиева процедура ее передачи по наследству к его сыну Ильхаму была обставлена квази-выборами, которые лишь подтвердили очевидное. «Если хотите узнать имя победителя на выборах 2003 года, то сначала поинтересуйтесь, кто считает результаты», – заявляет один из представителей оппозиции, постоянно ищущей поддержки внутри страны и за рубежом. Повсюду плакаты отца и сына Алиевых: Гейдар воплощает собою независимость, суверенитет и героизм, Ильхам – процветание и развитие, а оба вместе – стабильность государства. Однако все это лакировка действительности. Реакционная старая гвардия с изрядным скрипом сдает позиции, поскольку обладает опытом руководства, которого так недостает молодым руководителям. Аэропорту Баку присвоен код «GYD», сильно напоминающий имя Алиева-отца: Азербайджан во многом остается страной Гейдара Алиева даже после его смерти.

«Коррупция является моральным эквивалентом войны, она обескровливает Азербайджан», – жаловался мне возвратившийся на родину бизнесмен азербайджанского происхождения, вторя многим другим представителям азербайджанской диаспоры. Чувство повсеместной коррумпированности у них вызывает прекрасная организация работы бакинских турагентств и пунктов обмена валюты: раз все так хорошо, значит за этим наверняка скрывается некая тайная рука. Большинство из тридцати богатейших азербайджанцев занимают посты министров или являются членами парламента (который, как и в Иране, называется меджлисом). Единственная политическая конкуренция между ними происходит в форме попыток перешеголять друг друга – кто сколько заплатил за государственную должность, сколько построил вилл, каков размер его особняка в Лондоне (причем туда деньги перетекают через вроде бы вполне приличные с виду компании). У каждого найдется объяснение тому факту, почему полиция вдруг пересела на новенькие «БМВ» (щедрое подношение Германии здесь ни при чем). Династия Алиевых прибегает к компромиссам с учетом момента. Официально запрещена торговля икрой, чтобы защитить иссяка-

ющую популяцию осетров, однако для друзей Ильхама это делает ее контрабанду еще более выгодной. В арабо-тюрко-восточном мире махровая клановость – дело естественное, а двойные стандарты – норма жизни. Коррупция заложена в культуре страны, отсюда ее глубокая укорененность. «Детей не готовят к самостоятельной жизни, – сетовал один азербайджанский дипломат, сидя за ужином в саду, заполненном представителями бакинской элиты. – Возможно, ваш дядя – нукудышный человек, но ведь это брат вашей матери». В многонациональном Баку семьи продолжают давать взятки должностным лицам, стремясь протолкнуть в престижные школы своих отпрысков, которые, в свою очередь, дают взятки, чтобы окончить учебные заведения, не утруждая себя науками.

Способ, который азербайджанское правительство выберет для управления доходами от продажи энергетических ресурсов, в конечном итоге определит, куда пойдет страна: либо по пути их перераспределения в целях развития, как Норвегия, либо будет поражена «ресурсным проклятием», подобно Нигерии, и сохранит петрогосударство российского типа, где нефтяной и банковский секторы неразрывно переплетены, а деформирующая рынки смычка между правительством и олигархией приводит к их обогащению лишь за счет высоких цен на нефть и движения валютных курсов*.

В Азербайджане предпринималось мало усилий по развитию каких-

* Государственная нефтяная компания Азербайджанской Республики препятствовала проведению аудита своей финансовой отчетности. Она же заблокировала предложение разместить Государственный нефтяной фонд, через который значительная часть нефтяных доходов должна идти на инфраструктуру и социальные программы, за пределами страны, где потребуются обеспечить прозрачность его операций.

либо других отраслей помимо нефтянки и даже регионов за пределами Баку: во многих районах страны до сих пор отсутствует регулярное электроснабжение. «Нехватка энергии в стране, богатой нефтью, – очевидный признак неважного управления экономикой», – отметил один европейский дипломат в

ходе поездки по южным провинциям Азербайджана, расположенным вблизи границы с Ираном. Один миллион азербайджанцев – это перемещенные лица внутри Азербайджана, появившиеся в ходе конфликта в Нагорном Карабахе; многие из этих людей живут в Баку в битком набитых квартирах и даже университетских общежитиях, но правительство, судя по всему, этого не замечает.

В Азербайджане нефть плохо сочетается с демократией именно потому, что ресурсы нефти ограничены, а барыши получают лишь благодаря высоким ценам на нее. Ильхам Алиев уволил нескольких министров из старой гвардии за финансирование оппозиции, а также предполагаемое участие в неудавшихся заговорах против него; других он арестовал якобы за неуплату налогов. Все это признаки того, что демократизации Ильхам предпочел контроль над государственной казной. Только у пропитанных паранойей режимов численность ОМОНа превосходит количество протестующих. Иногда Ильхам позволяет митинги, а другой раз жестоко подавляет их, что свидетельствует о том, что перед нами игра с общественным мнением.

Коррупция, существующая при режиме Алиева, обременяет и Азербайджан, и Запад. В конце концов, перед нами все тот же режим, возвращенный Россией и Ираном именно потому, что он им выгоден. Выдавив из контракта на модернизацию электросети страны турецкую компанию, азербайджанские власти раскрыли настежь двери перед Россией, поспособствовав установлению ее полной монополии над системой электроснабжения на Южном Кавказе. Из-за слабой диверсифицированности экономики вторым крупнейшим источником доходов для Азербайджана являются денежные переводы от двух миллионов азербайджанцев, проживающих в России. Преступные группировки, занимающиеся контрабандой наркотиков на российской и иранской границах, обладают политическими связями. В результате Россия по-прежнему сохраняет сильные рычаги влияния на азербайджанскую внешнюю политику, а Иран – на проживающих в стране шиитов. НАТО продавливало идею устройства военной базы с целью контроля над Каспием и Ираном, а Россия предлагала Соединенным Штатам арендовать радиолокационную станцию в Габале. Однако, как заявил один азербайджанский аналитик, «нам не нужна помощь Америки, поскольку она только усугубит наши трудности». Итак, симпатии Азербайджана столь же переменчивы, как и его письменность, которая в течение одного только XX столетия металась между арабской вязью, кириллицей и латиницей.

В 1959 году американский посол при ООН Генри Кэбот Лодж-мл. задался вопросом: «США могут победить в войне, но сможем

ли мы подавить революции?». В 2005 году Ильхам Алиев с пренебрежением отнесся к парламентским выборам, заметив, что они все равно «не повлияют на курс правительства». Хотя выборы не соответствовали стандартам ОБСЕ, Америка одобрила их результаты. Однако было бы лучше, если бы Соединенные Штаты и Европейский Союз посодействовали появлению в Азербайджане более сильной оппозиции, а также поддержали парламентариев-реформаторов. Страны Восточной Европы, входящие в группу стран Второго мира, уже интенсивно работают в Азербайджане в надежде на то, что правительство страны – этот мятежный ребенок – все же станет больше прислушиваться к друзьям, нежели к опекающим его внешним силам. Каким бы путем в стране не случились перемены – в результате переворота, вспышки недовольства низов, либо военного вторжения, становление подлинной демократии произойдет тогда, когда у народа появятся средства для оказания давления на своих глубоко окопавшихся правителей с тем, чтобы сделать систему власти открытой¹¹. Если это произойдет, исчезнет необходимость в какой-то очередной «арбузной» или «икорной» революции, а страна встанет на путь построения политической системы западного типа.

«Для нас приемлемо любое название, только не “бывший СССР”!», – заявил мне молодой сотрудник МИДа. Мало кто из азербайджанцев знает о том, что представляет собой Европейский Союз, но они не хотят остаться за его рамками, поскольку уверены, что ЕС все же предпочтительнее СНГ, в котором доминирует Россия. Фактически Азербайджан уже стал частью Европы. Он зависит от европейских инвестиций, направляемых в развитие неэнергетических секторов экономики – виноделия, выращивания цитрусовых и хлопка. Одновременно тысячи работников энергетического сектора Европы – начиная от монтажников нефтяных платформ и кончая топ-менеджерами – зависят от создания высокооплачиваемых рабочих мест в Баку, откуда трубопроводы, идущие вдоль южного побережья Каспийского моря, накладываются на древние торговые пути. Кавказ может казаться наиболее отдаленным и проблемным уголком восточной части Запада, а может стать тем рубежом, от которого больше всего зависит будущее Европы как самодостаточной сверхдержавы.

Вывод: Европа должна напрячься

«Общеввропейский дом» растет куда быстрее, чем ожидал историк Алан Тэйлор, и превращается в многоуровневое содружество, объединяющее членов, партнеров и компаньонов, для которых предусмотрены различные права, обязательства и субсидии. Былая история раздоров не вселяла оптимизма по поводу будущего Европы, но уже сегодня она процветает и обладает мощью сверхдержавы. Кроме того, ЕС демонстрирует растущее стремление преобразовывать все страны, попадающие в орбиту его влияния, – и это удастся ему лучше, чем любой другой сверхдержаве. В рамках Европы курдам обеспечена защита от турок, боснийцам и косоварам – от сербов, украинцам и грузинам – от русских. В то же время за счет использования набора институциональных подходов Евросоюзу удастся подвинуть их всех к плодотворному сотрудничеству. Союз применяет строгие критерии членства, больше не рассчитывая на то, что кто-то может научиться «европейскости», не прилагая никаких усилий, – хотя ее атрибуты легко усвоить, в особенности под опекой своих новых братьев.

По мере того, как европейские лидеры расширяют коллективную империю на пространстве от Атлантического океана до Каспийского моря, им слышится мефистофелевское предупреждение, слетающее с уст испанского вечного странника Мендосы в заключительной сцене пьесы Джорджа Бернарда Шоу «Человек и сверхчеловек»: «Сэр! Две трагедии возможны в человеческой жизни; одна – когда не исполняется заветное желание; другая – когда оно исполняется»*. Если интеллектуальный застой разрушит согласие более чем двух десятков столиц относительно содержания и цели европейского проекта, а вместо оптимистических амбиций возобладает страх перед перспективой установления границ непосредственно с некоторыми из самых нестабильных регионов, европейцы потеряют свой стратегический аппетит – причем именно тогда, когда добились наибольшего успеха. Пока на брюссельской кухне снует множество поваров, неясно, чей рецепт возобладает.

* Приведено в переводе Е. Калашниковой (Шоу, Бернард. *Полное собрание пьес в 6-ти томах*, т. 2, Ленинград: Искусство, 1979). – Прим. В.Иноземцева.

Издержки нерасширения намного превосходят цену, которая будет уплачена за продолжение нынешнего курса; европейская имперская экспансия таким образом иллюстрирует ньютоновский закон инерции: движущийся объект продолжает двигаться. Естественный вывод: Европа должна опасаться покоя, который способен породить тенденции к самоуспокоенности и спровоцировать угрозы извне. Логика имперского перенапряжения сил в данном случае переворачивается с ног на голову, так как отказ от расширения – фактическое согласие на продолжительный застой. Если Евросоюз перестанет расширяться, то в западной зоне Евразии появятся четыре автономные силы, контролируемые из Лондона, Брюсселя, Анкары и Москвы, – а четыре колеса не всегда вращаются с одинаковой скоростью. В то же время за пределами коллективного Запада все эти четыре силы – а также Соединенные Штаты – столкнутся с еще большими вызовами в регионе, расположенном за восточными границами Европы, а именно, в Центральной Азии.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПРОБЛЕМЫ
СРЕДИННОЙ
ЗЕМЛИ

7 “ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ” И “БОЛЬШАЯ ИГРА”

В 1891 году в горах Памира один отважный молодой человек – британский разведчик Фрэнсис Янгхазбенд – столкнулся со своим противником из России, полковником Яновым. Оба изучали эту неприветливую местность, обладавшую исключительным стратегическим значением отчасти оттого, что каждая из сторон жаждала овладеть ею. Уловив дыхание великих проектов Янова, Янгхазбенд заметил, что русские «слишком широко разинули рты». Янов парировал: «Это только начало»¹. Но кто бы из них ни победил, Центральная Азия останется сама собой.

Центральная Азия расположена между Каспийским морем, высокогорными степями Монголии, Сибирью и Аравийским морем. Это огромное, почти бесконечное серо-коричневое засушливое пространство, прорезанное самыми высокими в мире горами, сходящимися в районе Памира в Таджикистане у горы Гармо (до недавних пор называвшейся Пиком коммунизма) и уходящими ввысь на восемь километров. Ледяной Тянь-Шань («Небесные горы»), изгибаясь, через Киргизию и Казахстан уходит на северо-восток; отроги ледников Гималаев и Каракорума идут на юго-восток через Китай, Индию и Непал, а бесплодный Гиндукуш тянется на юго-запад через Афганистан. Кажется, что со всех сторон света исходит некая угроза.

«На протяжении всей нашей истории географическое местоположение ценилось больше, нежели самобытность», – изрек узбекский историк из Ташкента, сидя за столом, причудливо отделанным золотой инкрустацией. Центральная Азия – это своего рода

исторический водосток, в который выплескиваются окружающие регионы и культуры. Зажатая между славянской, арабской, персидской, индийской и китайской цивилизациями, Центральная Азия повидала и завоевателей, возникавших на просторах между Грецией и Монголией, и купцов, приходивших как из Италии, так и из Кореи. Сталкиваясь друг с другом в оазисах Центральной Азии, все они оставляли следы своего пребывания, сохранившиеся доселе на непохожих друг на друга лицах, которые встречаются на пространстве между Казахстаном и Афганистаном: тут и европейские турки, и монголоидные азиаты, и промежуточные расы. Говорят, что каждый десятый азиатский мужчина – потомок Чингисхана, одного из самых плодovitых завоевателей и насильников в истории.

Сегодня название каждого из центральноазиатских государств заканчивается суффиксом «стан» (на языке фарси – «земля»). Лишенные выхода к морю, постсоветские «станы», особенно Казахстан и Туркменистан, сидят на огромных запасах нефти и газа. Проходящие через Афганистан и Пакистан потоки оружия, наркотиков, исламских боевиков и в конечном итоге нефти – вот ключ к разгадке проблем центральноазиатского региона. Многие наблюдатели сравнивают его с гребнем мутной «дуги нестабильности», протянувшейся от Западной Африки до Юго-Восточной Азии. Другие называют регион «Евразийскими Балканами», а то и более грубо – «Мусоростаном». Действительно, история существования каждого из недавно созданных здесь государств (за исключением Афганистана) не насчитывает и ста лет. Мастерство, с которым все они освоили искусство поиска новых хозяев, наглядно демонстрирует разницу между будущностью Третьего и Второго миров.

В Центральной Азии разворачиваются наиболее фундаментальные процессы, формирующие глобальный порядок. На чем зиждется авторитет Китая в качестве евразийского лидера? Останется ли вообще Россия евразийской державой? Смогут ли Соединенные Штаты и Европа сотрудничать за пределами своих границ? Достанет ли великим державам энергетических ресурсов, когда спрос на них превысит предложение? Смогут ли бедные страны при всей своей обеспеченности этими ресурсами стать ста-

бильными демократиями? Как бороться со злыми лидерами некоторых стран, не нанося ущерба их народам и не вызывая их неприятия?

Центральная Азия играла роль расположенного на «шелковом пути» проводника глобализации между Востоком и Западом, а также полигона имперской конкуренции в рамках «большой игры»; эти метафоры характеризуют прошлое и будущее региона. Действительно, и в XXI веке они сохраняют свою силу из-за своей взаимообусловленности. Стремясь гарантировать себе поставки нефти и газа из всех недавно ставших доступными месторождений, великие державы открывают запечатанный дотоле регион, играющий роль ворот между Западом и Востоком, и конкурируют за трубопроводы, дороги, торговые пути – за все эти линии на карте, столь необходимые в наш глобальный век.

Негостеприимные просторы Центральной Азии всегда легко покорялись империям, большинство из которых, однако, исчезало так же быстро, как и появлялось. В 329 году до нашей эры Александр Македонский пересек Гиндукуш и завоевал цветущую сатрапию в восточной части державы Ахеменидов – Мараканду (современный Самарканд). Хотя Александр и основал в ней гарнизон – Александрию Эсхату («Александрию Дальнюю», ныне город Худжанд в Таджикистане), под защитой которого эллинистическая культура распространялась среди беспокойных племен, все равно вскоре кушанские кочевники-буддисты, которые передвигались по территории, расположенной на стыке между современным Пакистаном, Афганистаном и Китаем, захватили проходы, идущие с востока на запад. Персидская династия Сасанидов, гунны, арабы (которые в 714 году достигли Кашгара), а затем и Саманиды – все они, сменяя друг друга, строили богато украшенные караван-сарай. Бухара стала восточным столпом ислама; в ее красочные медресе устремлялись тысячи учеников, вбиравших поэтические учения саманидских эмиров.

Непрерывная череда империй Центральной Азии свидетельствует о том, что не только власть, но и пространство не терпит пустоты. «Я – кара Божья вам за грехи ваши», – злобно поучал Чингисхан турок-сельджуков в 1221 году, когда его монгольская орда грабила Бухару. *Rex Mongolica* «свел на нет значимость Римской

империи и империи Александра», – писал Бэзил Генри Лиддел Гарт, а монгольские хозяева «шелкового пути» сильно помогли Марко Поло в его легендарных путешествиях². После того, как в XIV веке чума выкосила значительную часть населения региона, эмир Тимур (Тамерлан) заявил права на земли от Кашгара до Кавказа, а его внук Бабур основал в Индии династию Великих Моголов. Но российский царизм все больше обращал свои взоры на юг, чтобы компенсировать неудачи в Крымской войне и возместить резкое сокращение импорта хлопка из-за гражданской войны в США. В 1865 году русские покорили Ташкент и даже захватили Инин в западной части Китая. Вторя Чингисхану, беспощадный генерал Скобелев заявлял: «Чем сильнее по ним ударишь, тем дольше они будут смирными». Железные дороги позволяли европейским державам устремляться вглубь континентов: французам – в Северную Африку, британцам – в Судан, россиянам – в Центральную Азию. Хэлфорд Макиндер – который первым использовал термины «срединная земля» («хартленд») и «географическая ось истории» для описания «зоны пастбищных лугов... высокой степени подвижности», опираясь на которую, можно установить господство в Евразии, – опасался, что с помощью железнодорожных и иных путей сообщения Россия сможет «быстро распространить свое влияние вширь» и тем самым поставить под угрозу глобальное превосходство Великобритании, основанное на военно-морской мощи*. Таким образом, по мере продвижения России на юг Британская империя стала в ответ давить со стороны Индии в северном направлении. В ходе последовавшей «большой игры» (или «поединка теней», как ее называли русские) Великобритания и Россия отражали притязания друг друга на территории между Кашмиром, Тибетом и горами Памира, поглощая ханства и сражаясь чужи-

* «Еще на памяти предыдущего поколения водяной пар и Суэцкий канал, как представляется, привели к увеличению мобильности морской державы по сравнению с мобильностью державы сухопутной, в то время как железные дороги рассматривались, скорее, в качестве средства, сопутствующего морской торговле. Но в настоящее время трансконтинентальные железные дороги изменяют условия существования сухопутных держав в лучшую сторону, и нигде они не возымели такого эффекта, как в скрытой сердцевине Евразии, в обширных районах которой нет ни древесины, ни доступного камня для дорожного строительства. Если отбросить затраты на строительство, то для степных районов железные дороги – это сущий дар, потому что они полностью вытесняют лошадей и верблюдов как вид транспорта» (Mackinder, Halford. "The Geographical Pivot of History", in: *Geographical Journal*, 1904, №23, pp. 421–437).

ми руками в англо-афганских войнах. И Янгхазбенд, и Янов, и даже Николай Рерих, этот буддо-коммунистический художник, мистик и (возможно) тройной агент – все они были среди тех, кто участвовал в таинстве составления военных планов, картографических проектов для отвода глаз, а также применял разнообразные «льстивые методы восточной дипломатии»³. Российское завоевание и ассимиляция привели к тотальному использованию населения центральноазиатского региона и реквизиции скота для нужд Первой мировой войны, а также к массовому производству там одежды и продовольствия, которые поставлялись в Россию по Закаспийской железной дороге. После Гражданской войны в России все «станы» получили «награду» в виде коллективизации и сопутствующих ей голода и болезней, став на семьдесят лет тыловой базой по производству военной техники (особенно в годы Второй мировой войны) и краем, где претворялись в жизнь губительные для экологии планы по выращиванию хлопка.

После развала Советского Союза в Центральной Азии стали на-

* Периферийные державы, такие как Турция, Иран и Индия, формируют более широкое кольцо государств, которые тоже стремятся участвовать в обустройстве региона. После обретения Центральной Азией независимости в числе первых ее визитеров оказались саудовские и иранские миссионеры; однако их попытки экспортировать суннитскую и шиитскую идеологию привели главным образом к вспышке фанатизма и насилия в Пакистане, чем вызвали неприятие теократии иранского образца. Первоначальные усилия Турции на ниве геополитического патернализма тоже встретили отпор со стороны ставших независимыми тюркских государств Центральной Азии, поскольку они только что освободились от одного «большого брата» и не искали покровительства у другого. Индия также обладает заметными культурными связями в регионе, скажем, с Афганистаном, но географический барьер, который представляет собой ее сосед и противник Пакистан, ограничивает возможность для Индии реализовывать свои замыслы – проложить в ближайшее время газо-проводы из Туркменистана и Ирана.

мечаться быстро меняющиеся контуры евразийских союзов. Бывшая сверхдержава Россия стремится сохранить свое влияние в «ближнем зарубежье», в то время как нынешняя сверхдержава Америка ведет «глобальную войну с террором», а восходящие сверхдержавы – Европа и Китай – стремятся удовлетворить там свои энергетические потребности, одновременно распространяя свои законы и ценности*. Исторический опыт Центральной Азии – а в нем были и масштабное движение вперед, и отступление – не похож на сегодняшние микроманевры, напоминающие скорее некий поединок, в котором многочисленные ратоборцы постоянно наносят и отби-

вают удары, то набирая очки, то теряя их. Ведущие державы интригуют здесь, оставаясь по возможности в тени. Россия продолжает продавать оружие и скупать энергетическую инфраструктуру; США развивают сеть военных объектов передового базирования и продвигают интересы своих крупнейших нефтяных компаний; Европа стремится модернизировать местную экономику и институты; Китай наводняет рынки дешевыми товарами и берет на себя ведущую роль в модернизации инфраструктуры.

Переступив через Каспийское море, отделяющее Европу от Азии, НАТО в настоящее время осуществляет вмешательство в дела региона, отчасти дублируя Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) и постоянно на нее натываясь. Как и в случае с названием базового договора об образовании НАТО («Вашингтонский») уже само название Шанхайской организации сотрудничества («Шанхайская») четко показывает, какая именно сила несет с собой альтернативную философию для Центральной Азии. В динамике отношений между коалициями – то есть между НАТО, возглавляемой Соединенными Штатами, и ШОС, ведомой Китаем, – калькуляции в рамках Realpolitik достигают апогея, и именно здесь особенно заметен контраст между подходами американской и китайской дипломатии на территории большей части Второго мира. Политика Соединенных Штатов в 1990-х годах, опиравшаяся на принцип «Россия прежде всего», привела к игнорированию Центральной Азии (единственное, о чем не забыли, – о вывозе советских ядерных боеголовок из Казахстана). В наше время оказание ограниченной американской военной помощи, а также выборочное содействие в реализации программ демократических и рыночных реформ, скорее всего, не принесут существенных результатов. В отличие от США Китай практикует безошибочную дипломатию совместного развития. Пока в госдепартаменте размышляли, кому передать Центральную Азию – Европе или Южной Азии, КНР быстро урегулировала спорные вопросы о демаркации границ с вновь образовавшимися республиками (и своей 4000-километровой границы с Россией). С помощью концепции «новой безопасности» китайцы стремятся покрепче привязать к себе соседей, инициировав меры по укреплению доверия между странами-членами «шанхайской пятерки» с целью проти-

водействия общим для них «трех бедствиям»: сепаратизму, терроризму и экстремизму⁴. Подобно НАТО на Кавказе, ШОС устанавливает общие правила и процедуры для таможенных и пограничных контрольно-пропускных пунктов, модернизирует автомагистрали вдоль древних торговых путей, а также координирует деятельность по совместной борьбе против наркотиков. ШОС началась как форум, использующий антиамериканскую риторику, однако к настоящему моменту эту организацию подчас рассматривают как «НАТО Востока» или энергетический клуб богатых нефтью деспотий.

«ШОС не жаждет, чтобы НАТО занималось наведением порядка», – предупредил нас узбекский официальный представитель. «Наши шерпы поддерживают постоянный контакт, представители оборонных ведомств тоже сотрудничают». Хотя ШОС еще не вполне освоила принцип, характерный для деятельности НАТО как союза по обеспечению коллективной безопасности («один за всех и все за одного!»), активность Китая привела к расширению полномочий ШОС в области инвестирования в энергетику, а также межбанковских контактов и межкультурного диалога, тогда как вопросы демократизации остались в стороне⁵. Китайцы преподносят себя не только как лидер и советчик. Увеличивая объемы кредитования для стран ШОС, КНР стала также и эталоном деловой практики. Тем самым используется современный вариант стратегии, известной на всем протяжении «шелкового пути» еще в постмонгольскую эпоху при династии Минь, а именно: позволять центральноазиатским ханствам оставаться под контролем местной знати и одновременно вовлекать их в систему уплаты подати – систему, которая тогда действовала в Юго-Восточной Азии⁶. Если династические традиции не сошли на нет и поныне, то почему должны меняться дипломатические методы?

Экономическая, демографическая и дипломатическая мощь Китая служат залогом того, что в качестве регионального организующего начала он заменит Россию. Подобно Гитлеру и Сталину, которые в свое время считали США препятствием для своего господства над Евразией, Россия и КНР сейчас делают общее дело в рамках ШОС, не давая НАТО проникать в Азию. «Когда действия России достигают успеха, то одновременно служат и интересам

Китая. Однако если они терпят неудачу, то достается только одной России, а восприятие КНР как полезной силы растет», – заметил один европейский дипломат, долго работавший в Казахстане. Резкое расширение торговли произошло не из-за того, что страны внезапно проснулись, увидев для себя экономическую перспективу, а из-за того, что к тому их побудила экспансия Китая, предоставляющего крупные инвестиции и осуществляющего руководство в ШОС. Хотя деловой оборот в ШОС ведется в основном на русском языке, выращенное в Советском Союзе поколение все равно исчезает со сцены, а опора на язык как на символ власти вряд ли является надежным инструментом влияния, как показал пример Франции в Европе. Да и с претензией России на региональное лидерство в Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) дела обстоят не лучше, чем в провальном СНГ. «Как можно говорить о будущем того, чего в природе не существует?», – язвительно произнес молодой казахстанский дипломат.

8 УТРАЧЕННАЯ РОССИЯ

Наличие у России двух обширных азиатских регионов – по общей площади Сибирь и Дальний Восток в пять раз превышают ее европейскую часть, – оставляют без ответа вопрос о том, кто все-таки будет господствовать в Центральной Азии – НАТО или ШОС. Без России Запад не сможет получить надежного доступа к центру евразийской власти, расположенному в легендарной срединной части континента, из-за нестабильных и ненадежных союзников (Афганистана и Пакистана), враждебных государств (Ирана) и географических препятствий (Каспийского моря)*. Если Запад не добьется благосклонности России, то новую «большую игру» выиграет Китай.

Значительная часть российской глубинки сегодня – это «мир, поставленный с ног на голову и заселенный людьми, брошенными

государством и предоставленными самим себе»¹. В течение веков неустойчивая граница России то растягивалась, то сокращалась на тысячи километров, но даже не смотря на то, что обширность страны требовала авторитарной власти, государство никогда не было способно напрямую управлять жизнью всего российского населения². Подключение Сибири к западным регионам страны с помощью авто-

* Как предостерегал Генри Киссинджер, «без Соединенных Штатов Европа осталась бы простым полуостровным образованием, даже заложником Евразии, втянутым в водоворот евразийских конфликтов, и главной мишенью радикальных революционных потоков, которые уже захлестнули многие соседние регионы... Соединенные Штаты, отторгнутые от Европы, оказались бы в геополитическом смысле островом вдали от берегов Евразии, чем-то вроде Великобритании XIX века» (Киссинджер, Генри. *Нужна ли Америке внешняя политика?* Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева, Москва: Ладомир, 2002, с. 41).

мобильного и железнодорожного транспорта предоставило ее жителям более широкий доступ к рынкам, но вместе с тем усилило их неконтролируемый отток, что стало реакцией на некогда принудительное переселение, предначертанное советскими «плановиками»³. Города, во времена СССР отгороженные от внешнего мира, теперь закрываются сами, как обанкротившиеся фабрики.

Нигде в мире не найти другого примера, когда страна с вымиравшим населением (Россия) так провокационно соседствовала бы с перенаселенным государством (КНР). Россияне голосуют ногами, устойчивыми волнами мигрируя в западном направлении. Тем временем к северу от Пекина разрушается (не в прямом смысле слова, разумеется) Великая китайская стена и около 600 тысяч нелегальных мигрантов в год – а эта цифра почти идентична ежегодному сокращению численности населения России – просачиваются к северу, на обезлюдевший Дальний Восток. В этой части страны осталось лишь семь миллионов россиян, тогда как в северо-восточных провинциях Китая в общей сложности проживают более ста миллионов человек. Столь крупный демографический дисбаланс в сочетании с ростом потребностей процветающего Китая в ресурсах ставит фундаментальные вопросы. Способна ли Россия сохраниться в ее нынешнем виде? Как долго еще политические границы будут оставаться неизменными? Может ли государственный суверенитет перемещаться, расширяясь вовне вслед за своими носителями – гражданами страны?

Эти вопросы решаются на практике быстрее, чем в теории, причем Россия сама предвосхищает захват Китаем Сибири и Дальнего Востока, по сути, сдавая в аренду элементы государственного суверенитета своему более населенному соседу. Постепенно право аренды если и не перерастает в право собственности, то становится предметом злоупотребления. Громадное финансовое влияние Китая привело к росту числа контрактов на разработку недр с российскими нефтяными компаниями – таких, как соглашение между «Роснефтью» и китайской «Синопек», согласно которому последней предоставлены большие возможности по управлению потоками нефти. Неводеланный Дальний Восток России таит в себе также громадные залежи цинка, никеля, олова, алмазов и золота, а также обширные рыбные и лесные ресурсы – и все это при-

тягивает крупнейшего в мире потребителя сырья. Когда срединную часть государства охраняли российские военные гарнизоны, она вполне соответствовала использованному Макиндером сравнению с «естественной крепостью». Но в наши дни Россия к востоку от могучей реки Лены вполне открыта для китайского грабежа: компании из Поднебесной в массовом порядке вырубают российскую тайгу и затем сжигают все, что останется, дабы замести следы, а древесину отправляют за тысячи километров к себе в Китай по морю вдоль тихоокеанского побережья⁴. Громадная масса населения никогда не оставит в покое столь щедрую и нетронутую природу.

Дальний Восток стал для россиян кошмарным сном. Китай разрабатывает этот регион теми способами, которые Россия позволить себе не может, и в результате он постепенно ее оккупирует⁵. То, что на карте принадлежит России, на самом деле – если судить по лицам людей – более похоже на Китай. Китайские граждане (а также корейцы, депортированные Сталиным) лечатся в принадлежащих китайцам клиниках, а китайские мужчины даже берут себе в жены сибирячек, чьи мужья либо беспробудно пьют, либо уже покинули сей мир из-за пьянства. Даже во времена «холодной войны» русские шутили: тот, кто хочет покинуть СССР, должен учить английский язык, а остающимся надо учить китайский, и при этом добавляли, что придет тот день, когда в новостях будут объявлять, что «на китайско-финской границе все спокойно». В Сибири в последние годы глобальное потепление привело к оттаиванию вечной мерзлоты, вот почему демографический, экономический и в конечном итоге политический контроль Китая над российским Дальним Востоком, скорее всего, полностью неотвратим. Столетие назад китайские чернорабочие выстроили российский Владивосток, а Россия захватила китайскую Манчжурию. Однако в наше время владеть российским Востоком начинает Китай.

Кроме того, Китай активно (хотя и втихую) использует торговые рычаги с целью вернуть Монголию, которая при династии Цинь была китайской провинцией, а ныне служит прокладкой между Россией и Китаем. Монголы в давние времена правили Китаем, но сегодня их бесплодная страна с населением всего три миллиона человек следует по стопам входящей в состав КНР про-

винции Внутренняя Монголия, расположенной по другую сторону пустыни Гоби, – а государственный суверенитет сохраняет только ради утешения. Некоторые монголы запальчиво утверждают, что в настоящее время их страна переживает золотую лихорадку, чем и заработала себе прозвище «Майнголия» (от английского mine – шахта), однако и минеральные месторождения в пустыне Гоби, и сельское хозяйство, и леса на севере страны уже принадлежат в основном китайским фирмам⁶. Китайские же рабочие трудятся на шахтах (которые обеспечивают 70% экспорта страны) и строят небоскребы в Улан-Баторе. А поскольку большая часть прибыли достается китайским компаниям, то снижения уровня бедности в стране практически не наблюдается. Правительство пыталось обложить налогами доходы от добычи золота, но это лишь усилило его контрабанду в КНР. Из-за присутствия американских военных Монголия называет США своим «третьим соседом», однако базы, окруженные колючей проволокой, способны помешать Китаю вторгнуться в Монголию, но не скупить ее.

В рамках ШОС и «особых отношений» КНР и Россия проводят совместные широкомасштабные военные учения, причем Китай уже стал крупнейшим покупателем российского оружия, из-за чего самая крупная в мире армия получает все более изощренные технологии⁷. Однако этот брак по расчету может привести к весьма позорному разводу. Такое уже случалось. Так, в 1969 году на китайско-советской границе в Киргизии китайский военнослужащий продемонстрировал российским солдатам свой, извините, зад, а те в ответ обгадили портрет Мао. Это происшествие привело к китайско-советским столкновениям на пространстве вплоть до Владивостока⁸. Китайско-советский раскол перешел в официальную плоскость, и обе стороны – СССР и Китай – чуть было не объявили друг друга «главным противником», позабыв даже о Соединенных Штатах. В конце концов в КГБ решили называть Китай просто одним из «основных противников», Китай же убедился в том, что Россия – коммунистическая или нет – является его стратегическим соперником.

Запад почти не скрывал своих усилий по вытеснению России из Восточной Европы, но хочет ли он, чтобы Россия была расчленена на своем собственном Востоке? Китайские планы в регио-

не в конечном итоге не учитывают Россию, а последняя опасается посягательств со стороны КНР намного сильнее, нежели возмущается Соединенными Штатами или Европой. Таким образом, несмотря на лоббирование китайцами строительства российского нефтепровода до китайского Дацина в провинции Хэйлунцзян, «Транснефть» сегодня тянет трубу «Восточная Сибирь – Тихий океан» с северной стороны озера Байкал до Японского моря, ни где не заходя на китайскую территорию. Ориентируя трубопровод на японских и корейских потребителей, Россия добивается того, чтобы китайцы не могли единолично влиять на объемы и цены поставок нефти. Через сто лет после унижительного поражения от Японии в войне 1905 года Россия все время остается начеку на Дальнем Востоке; она участвует в двусторонних военных учениях с Японией и пригласила ее к разработке месторождений нефти на Сахалине⁹. Опасаясь второго татаро-монгольского нашествия, некоторые россияне относятся к китайскому населению Дальнего Востока как к «желтой опасности», причем российскими военными разработаны сценарии, по которым Китай захватывает всю Восточную Сибирь вместе с нефтегазоносным Сахалином, а в ответ Россия использует тактическое ядерное оружие.

Подобно китайско-советской дружбе во времена «холодной войны», сегодняшнее сближение вряд ли дойдет до стратегического партнерства, поскольку оно гораздо выгоднее Китаю, чем России, и может реализоваться лишь за счет последней. Если в начале 1970-х годов президент Ричард Никсон и госсекретарь Генри Киссинджер отвадили Китай от пустого флирта с Советами, то сейчас Соединенным Штатам и Евросоюзу, возможно, следует спасать Россию от потенциально самоубийственных объятий с Китаем для того, чтобы она удержалась в центре материка. Недаром идею постройки стокилометрового тоннеля под Беринговым проливом для соединения российского Дальнего Востока с Аляской (восходящую еще ко временам императора Николая II) проталкивает ныне Уолтер Хикел, который в администрации Никсона возглавлял министерство внутренних дел. Как бы то ни было, плотность убывающего населения относительно всей огромной российской территории настолько мала, что с демографической точки зрения Россия теряет смысл как государство. В результате этого в ближай-

шие десятилетия ее положение на карте скорее всего изменится в неблагоприятную сторону по мере того, как Европа будет поглощать бывшую российскую зону влияния с запада, а Китай – с востока. Ныне на исторических факультетах специалисты-советологи поучают: у России больше нет никакого божественного права на существование в нынешних границах.

Вместилище «станов» или карточный домик?

На выпущенной в 2006 году Центральным банком Казахстана новой банкноте было с ошибкой написано слово «банк». Причина столь примечательного казуса состояла в том, что новые независимые государства Центральной Азии обретали свою идентичность уже после российского господства, а их тюркские языки (некоторые из которых вообще не имели письменности до советской эпохи) теперь переводятся с кириллицы на латиницу. Чего уж тут удивляться неожиданным результатам!

Республикам Советского Востока будет нелегко противостоять подавлению и выхолащиванию собственной самобытности. При Советской власти они испытывали настолько жесткий гнет, что фактически боялись свободы. Не понимая, как можно оставаться без покровителя, в 1991 году они даже поддержали попытку государственного переворота против Горбачева и проголосовали за то, чтобы остаться в составе Союза, который уже развалился¹⁰. Поскольку до советизации они представляли собой лишь ханства и объединения племен, то отказ от советского наследия также означает отрицание ими своих нынешних этнонациональных проектов¹¹. Все они пострадали от «утечки мозгов» в результате оттока немецкой, еврейской и/или русскоязычной интеллигенции; все они обременены устаревшими системами здравоохранения и образования советской эпохи (а кое-где их вообще нет) – и это перед лицом неуклонного роста заболеваемости ВИЧ/СПИД.

Во многих отношениях все «станы» по-прежнему придерживаются пути, указанного им Лениным и Сталиным, – быть «национальными по форме и социалистическими по содержанию». Хотя

основы их права заложили исламский шариат, монголы, Тимуриды и российское имперское законодательство, политический характер этих государств определяется по преимуществу монголо-тюркской племенной иерархией и советским авторитарным диктатом¹². Никто так и не вышел за рамки уродливых, будто из произведений Кафки, юридических механизмов. Азиатское кумовство в сочетании с советским бюрократическим инстинктом (главное – отказать) создает системы, в которых разрешения, согласования, взятки и подписи необходимы даже для посещения музея. Остатки советской архитектуры в Ташкенте и Бишкеке безнадежно прогнили, а азиатские трущобы по-прежнему выглядят по-советски.

«Жители Центральной Азии похожи на россиян, правда, они более доброжелательны!» – воскликнул один американский ученый, часто бывающий в «станах». Правда, он не имел в виду их руководителей, оставшихся в своих креслах с советских времен. Во всех «станах» сложились суперпрезидентские системы правления, при которых сознательно сохраняются слабые парламенты, а олигархи контролируют экономику за счет внутриклановых связей. Политические и экономические власти не просто переплетены, а скорее тождественны. Центральноазиатские лидеры питают куда большую склонность к мягкому авторитаризму, характерному для Юго-Восточной Азии, чем к демократии европейского образца. Однако в действительности они, по выражению Мансура Олсона, представляют собой воров в законе, оправдывающих свой грабеж тем, что временно обеспечивают экономический рост¹³. Они утверждают, что им по душе эволюция, а не революция, но как только они постареют и ослабнут, сразу же откроются кризисы правопреемства, что обречет на гибель их империи – как это происходило со всеми предыдущими династиями*.

* Так как в процессе эволюции происходят случайные изменения, то процесс наследования власти в Центральной Азии тоже будет случайным даже без всяких революций.

не уязвимыми в рамках произвольных установленных с советских времен границ, эти правители стремятся ослабить друг друга, укрывая у себя оппозиционные группы или

угрожая перекрыть поставки нефти и газа. В Центральной Азии наловчились отправлять целые политические партии в ссылку за рубеж, откуда им и приходится затем действовать. Поразительно,

что в регионе еще не произошло никаких крупных конфликтов. Но может ли так долго продолжаться?

«Даже будучи независимыми государствами, мы до сих пор чувствуем дыхание новой “большой игры”, вот почему настало время для регионализма, с помощью которого мы смогли бы защитить наши общие интересы», – заявил мне один казахстанский дипломат, не желающий возврата страны к подчинению кому-либо. Географическое положение «станов», а именно отсутствие выхода к морю, предопределяет их неизменную зависимость от иностранных товаров и инвестиций – особенно это касается засушливых районов пустынь и пастбищ, где давно растрочены скудные водные ресурсы. Даже потенциально богатым и наделенным запасами полезных ископаемых странам – Казахстану, Узбекистану и Туркменистану – приходится полагаться на Россию, Китай, США и Европу с тем, чтобы искать, извлекать и доставлять на рынки углеводороды¹⁴. «Станы» уже перестали враждебно смотреть друг на друга и перешли к заключению бартерных соглашений между, с одной стороны, изобилующими газом Узбекистаном и Туркменистаном и, с другой стороны, Киргизией и Таджикистаном, расположенными в высокогорьях и контролирующими водные ресурсы.

Чтобы максимально помочь «станам» обрести реальную независимость, следовало бы сделать их участниками разворачивающегося ныне очередного тура «большой игры». В результате в регионе способен появиться более крупный блок, над которым не сможет доминировать ни одна сверхдержава, что избавит их от судьбы, постигавшей существовавшие до них столетиями ханства. Казахстан и Узбекистан манипулировали своими отношениями с НАТО и ШОС: в качестве участников программы НАТО «Партнерство во имя мира» они получили выгоду в результате проведения военной модернизации и подготовки кадров, а как члены ШОС обрели зaslон от требований Запада о демократизации и прав США на размещение у них своих баз. «Мы знаем из опыта, что иностранные державы не принимают наши интересы близко к сердцу», – подвел итог упомянутый выше казахстанский дипломат. Чем глубже лидеры «станов» это смогут осознать, тем быстрее они объединятся, а их страны не развалятся, будто карточные домики.

9 ТИБЕТ И СИНЬЦЗЯН: НОВЫЙ БАМБУКОВЫЙ ЗАНАВЕС

Среди жителей Запада трудно найти человека, который бы в глубине души не поддерживал идею «Свободного Тибета». Но можно ли предположить, чтобы американцы когда-нибудь допустили отделение, скажем, Техаса или Калифорнии? Для КНР «большая игра» оказалась результативной и плодотворной, чего не скажешь ни о России, ни о Великобритании. Действительно, Китай стал в ней главным победителем. В соответствии с соглашениями о границах, подписанными в 1895 и 1907 годах, Россия получила Памир и создала Ваханский коридор – узкую полосу афганской территории, вытянувшейся на восток подобно языку и граничащую с Китаем; предназначение Ваханского коридора – служить буферной зоной на границе с британскими владениями. Но вместо того, чтобы уступить Восточный Туркестан (Уйгурстан) россиянам, британцы финансово помогли Китаю захватить часть той территории, которую он затем преобразовал в Синьцзян (что означает «Новые владения»). В то время как Западный Туркестан раскололся на обособленные советские «станы», Пекин постепенно восстановил свое традиционное господство над Синьцзянем и Тибетом, которые стали сегодня двумя крупнейшими китайскими провинциями. Без них КНР будет напоминать Америку, лишенную всех своих территорий к западу от Скалистых гор и всего своего континентального величия вместе со статусом великой тихоокеанской державы.

Новая «большая игра» и новый «шелковый путь» начались после того, как Китай стал неуклонно подчинять – и развивать – свою

западную периферию, причем этот процесс имеет решающее значение для стран Центральной Азии. «Большая игра» – это борьба за сухопутные маршруты, эти инструменты истории, которые с древнейших времен способствовали расширению империй¹. После покорения Синьцзяна и Тибета Китай продвигает свою сферу влияния в западном направлении при помощи стратегии, состоящей из пяти элементов: «Евро-Азиатский трансконтинентальный мост», назначение которого – стать в конечном итоге соперником российскому Транссибу; железнодорожный и газопроводный коридор через Казахстан до Каспийского моря; восстановление дорог на высокогорных перевалах через Киргизию до Ташкента в Узбекистане; надежная транспортная магистраль через Таджикистан и Афганистан до Ирана и Турции; а также расширение ныне действующего Каракорумского шоссе через Пакистан на всем протяжении вплоть до глубоководного порта Гвадар на Аравийском море – и все за счет Китая.

Каждому путешественнику, побывавшему в Тибете и Синьцзяне в последние десять лет, до боли знакомо ощущение реальности китайской империи: внимание Пекина к западным регионам несомненно является китайским вариантом доктрины «божьего промысла»*. После окончания гражданской войны в 1949 году Китай сразу же постарался преодолеть «тиранию территории» и начал проникать в эти изрезанные и бескрайние пространства гор и пустынь, подчиняя их с целью дальнейшей разработки огромных природных богатств и создавая там исправительные колонии, военные базы и испытательные полигоны, а также расширяя жизненное пространство для своего быстрорастущего населения. И Тибет, и Синьцзян имеют несчастье обладать ресурсами, которые нужны КНР, а также лежать на пути к необходимым ей ресурсам. Так, Тибет располагает огромными запасами древесины, урана, золота, а Синьцзян – нефти, газа, угля, урана и золота. Оба региона являются географическими воротами Китая вовне – в Казахстан,

* Здесь имеется в виду американская доктрина Manifest Destiny («божий промысел», «божественное предопределение», «предначертание судьбы»). Впервые она была сформулирована в 1845 году в связи с аннексией Соединенными Штатами Техаса у Мексики. Речь шла о том, что североамериканцам, точнее белым англосаксам, само Провидение предначертало занимать господствующее положение на североамериканском континенте. – *Прим. В.Иноземцева.*

Киргизию, Таджикистан, Афганистан и Пакистан; через них осуществляется экспорт, а обратно притекают энергоносители. За десятилетия присутствия в регионе массы китайских солдат и неквалифицированных рабочих в нем установлено бесспорное господ-

* Хотя китайских военных в Синьцзяне гораздо больше, чем в Тибете, ответвление от Южной военной автомобильной дороги резко сокращает время на перемещение между двумя провинциями; именно это позволило китайской армии быстро подавить тибетское восстание в 1959 году.

ство КНР*. Высокогорная железная дорога Шанхай–Лхаса, запущенная в эксплуатацию в 2006 году, знаменует собой не начало китайской гегемонии, а ее кульминацию.

В наше время Тибет и Синьцзян заложили основу для возрождения

полиэтнической империи; все это сильно напоминает ни что иное, как происходивший почти два столетия назад процесс подвижки на запад границы США (известный как «фронтир»)². Сегодняшние размышления китайцев о своей цивилизаторской миссии сходны с идеями американских первопоселенцев, а именно – нести с собой развитие и прогресс. Тибетцы-буддисты азиатского (то есть нетюркского) происхождения и мусульмане-уйгуры тюркского независимо от своего желания покидают Третий мир. Для них создаются дороги, телефонные линии, больницы, рабочие места. Плату за обучение в школах сейчас сократили, а то и вовсе отменили в целях содействия начальному образованию и окитаиванию населения. В отличие от тех европейцев, которые стремятся определить Европейский Союз как некий христианский клуб, китайцы не исключают для себя поглощения мусульманских территорий. Новая мифология китайского национализма основана не на вычеркивании меньшинств, а на предоставлении им общего со всеми остальными гражданами статуса под охраной китайского государства: уйгуры и тибетцы называют себя китайцами, хотя не являются этническими ханьцами³. Мандаринский диалект китайского языка – вот то единственное, что соединяет на китайском ковре воедино обрывки несвязанных между собой языков и диалектов, таких как монгольский, уйгурский (использующий арабскую графику), тибетский и чжуанский языки. Действительно, хотя Тибет и Синьцзян граничат друг с другом, их культуры непонятны друг другу, причем ни тибетцы, ни уйгуры, похоже, даже не слышали о чжуанах, хотя они – крупнейшее национальное меньшинство КНР.

«Советский Союз рухнул потому, что преждевременно начал экспериментировать с гласностью – то есть до того, когда смог достичь единения между народами, – разъярив в Шанхае один китайский интеллигент, изучающий Центральную Азию. – Мы не собираемся допускать ту же ошибку». Большие империи управляются с помощью сочетания силы и права, поэтому Пекин не колебался в выборе стратегии для Тибета и Синыцзяна – разница заключается лишь в пропорциях. Даже в самых отдаленных уголках Тибета на небольших военных базах размещены гарнизоны Народно-освободительной армии Китая (НОАК); ее солдаты дважды в день грозно практикуют на площадях боевые искусства, подчас эти упражнения проводятся рядом с древними и такими беззащитными буддистскими ступами. Даже районы труднодоступных джунглей, обозначенные как природоохранные зоны, зачастую фактически являются военными лагерями. А вывески «Tibet Power» означают всего лишь присутствие в регионе Китайской электроэнергетической компании.

Китай вложил миллиарды долларов в развитие Тибета, стремясь умиротворить населяющие его народы и сформировать среди почти трех миллионов тибетцев благожелательный образ Китая. В Лхасе на смену рассыпающимся каменным кварталам пришли прочные семейные особняки, построенные вдоль оживленных улиц, соединяющих город с новой железнодорожной станцией. Однако вследствие китайской модернизации город Лхаса, некогда символизировавший культурную неповторимость, стал всего лишь обычными воротами к более отдаленным плато, на которых поголовье диких яков по-прежнему превышает число жителей. «Никто из моей семьи никогда не был в Китае, – пояснил молодой тибетский гид, показывая нам деревню Гьянгдзе. – Но китайцы и их полиция здесь повсюду. Пытаясь не выделяться среди местных жителей, они даже носят наши традиционные пастушьи шляпы».

Гораздо более ценным трофеем, чем Тибет, является более крупная и густонаселенная провинция Синыцзян с ее нефтяными месторождениями, пустынями и горами. Практику развращения жителей этой провинции китайцами назвали «апартеидом с китайской спецификой». Мусульманский Синыцзян всегда казался неу-

кротимым, особенно для правителей из династии Цинь, которые после гражданской войны даже предоставили на короткий срок независимость Восточному Туркестану. Но начиная с 1950-х годов в рамках кампании «Разовьем Запад» началось массовое переселение сюда этнических китайцев, не прекратившееся и поныне; сейчас оно осуществляется под эгидой Производственно-строительного корпуса (ПСК). Фактически речь идет о китайском эквиваленте американского закона о гомстедах, а именно – о субсидировании сельскохозяйственных предприятий этнических китайцев, приходящих на смену крошечным земельным наделам коренного уйгурского населения. Во времена «культурной революции» Синьцзян был наглухо закрыт от внешнего мира, там шли массовые погромы мечетей и сжигали Коран. Ожесточенные столкновения в Урумчи в 1996 году показали, что мирная исламская культура не сможет выжить в среде, в которой доминируют китайцы. Пекин не разрешил восстанавливать мечети и начал кампанию «Крепкий удар», в результате которой сотни уйгуров, подозревавшихся в сепаратизме, были казнены или заключены в тюрьмы. Сегодня можно лицезреть главные плоды до сих пор незавершенных инициатив Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина: железнодорожную магистраль и шоссе, по которым через пустыню Такламакан перевозятся уголь, мигранты и товары. Они способствуют дальнейшей китаизации провинции, в которой уйгуры уже составляют лишь половину населения.

Люди, которые проводят весь день верхом на осле, как правило, в самую последнюю очередь узнают имя очередного правителя. Кочевники, осевшие на земле Синьцзяна, на протяжении веков выживали за счет торговли со своими тюрко-мусульманскими собратьями с западной стороны границы. Хотя в настоящее время Синьцзян – быстрорастущая провинция КНР, она еще мало похожа на Китай. Мужчины приветствуют друг друга по-мусульмански пожатием обеих рук и легким поклоном, касаясь сердца правой рукой; многие женщины носят платки. Мечеть города Эчена похожа на мечети Узбекистана, на базарах часто виден золотой лист Корана, пестрят традиционные головные уборы – пакули. Женщины, одетые в паранджу афганского покроя, сидят по углам улиц и просят милостыню так же, как и в Кабуле. Уровень ВИЧ-

инфекции резко возрос в 1990-е годы в связи с ростом наркомании и проституции. Поскольку покорение Китаем своего Дальнего Запада происходило вдали от крупных центров с преобладающим китайским населением, то туристы-китайцы, прибывающие в регион в роскошных двухэтажных автобусах, бросают изумленные взгляды на странных людей и разрушающиеся уйгурские села, теперь составляющие часть китайской империи.

Даже в трех тысячах километров к западу от Пекина все часы показывают пекинское время: одна империя – один часовой пояс. В Хотане местные жители буквально столбенеют, когда мимо проходит китайский полицейский патруль. Некогда центр распространения буддизма, выращивания шелка, а также исламского обучения, сосредоточенного в центральной мечети розовоголубого цвета, город Хотан стал напоминать российскую Казань, где власти столь же назойливо контролируют местных жителей. Американская «война с террором» явилась поистине неожиданным благодеянием для китайских властей, которые быстренько заклеямили уйгурских агитаторов – в основном неудовлетворенных жизнью молодых людей и студентов – как исламских фундаменталистов и стали преследовать их в собственной «войне с террором», которая состоит из спорадических перестрелок и облав на сторонников Исламского движения Восточного Туркестана. «Если мы не делаем ничего раздражающего полицию, она нас не трогает, – сказал мужчина, продающий окаменелое дерево на базаре, некогда знаменитом из-за редкостных нефритов белого цвета. – Но я не могу себе представить, что у нас опять появится возможность заново обрести Туркестан тем же путем, которым воспользовались для своего освобождения советские тюркские республики в 1990-е годы».

И бывшая столица Туркестана Инин, и находящийся неподалеку от киргизской границы Кашгар (легендарный «плавиный котел» «шелкового пути») – все они стали китайскими мегаполисами, превратившись из буйно разросшихся базарных городков в крупные коммерческие центры. Китайские поселенцы, прибывшие в Кашгар в конце 1980-х годов, триумфально завершили «большую игру», превратив здания бывших британского и российского консульств в два наиболее популярных туристических оте-

ля (британское консульство получило название «Чини Багх», то есть «Китайский сад»). Над центральной Народной площадью возвышается тридцатиметровая статуя Мао с простертой в сторону Пекина правой дланью. Население Кашгара представляет собой помесь уйгуров, таджиков, киргизов и китайцев – но все школьники, облаченные в синюю униформу, учатся только на китайском языке (мандарине).

Прямое истребление местного населения, его истории и архитектуры, а взамен – возведение блестящих на солнце небоскребов, воздающих дань китайскому капитализму, превращают столицу Синьцзяна Урумчи в подобие Шанхая, но только в северной части «шелкового пути». Как и в случае с Тибетом, здесь удаленность и климат не помеха: шестиполосная автострада проходит через весь город, а новое китайское большинство заполняет баки элегантных новеньких автомобилей на крупных заправочных станциях «Синопек» и «ПетроЧайна», разбросанных по всему городу. Урумчи наводнен торговцами, приехавшими отовсюду – от России до Пакистана и всех прочих «станов», которые закупают дешевые китайские товары, чтобы с наваром продать их у себя на родине. Ныне уйгуры – бесприютное городское меньшинство, не имеющее ни рабочих мест, ни жизненного пространства, если не считать ночных рынков, где они готовят свои острые супы и устраивают цирковые представления. Нескончаемые потоки китайских туристов наводняют немногие доступные для обозрения природные достопримечательности края – и изумрудная гладь Небесного озера уже перестает отражать лишь бескрайнее небо.

От мечты о Шамбале сегодня остались лишь компакт-диски с тибетской музыкой и медитацией, а от Туркестана – лишь пропитанное истомой ароматное облако жареного кебаба, зависшее над синьцзянской частью Ферганской долины. Парадокс состоит в том, что практически абсолютная уверенность Пекина в покорности обеих провинций обусловит появление в будущем китайского варианта гласности: китайцы больше не сталкиваются с каким-либо значимым сопротивлением своему правлению и поэтому могут расслабиться. В поисках своей культурной почвы верующие тибетцы с давних пор обращают взоры на юг по направлению к Непалу и Индии; в XVIII веке Тибету предоставили фактическую

независимость от Китая; такую же модель предлагал нынешний далай-лама. Но так как он сходит со сцены, то Пекин, возможно, не будет так сильно волноваться из-за открытости своей территории для более интенсивного культурного обмена между буддистами Индии, Тибета и Непала. Тем самым КНР продолжит восстанавливать свою роль ворот на «шелковом пути», коими Китай служил в те времена, когда более тысячи лет назад в Дуньхуане высеклись из скал Пещеры тысячи будд.

Тибетцы и уйгуры постепенно достигнут большего процветания, чем их соседи из стран Третьего мира – монголы, киргизы, таджики, афганцы, пакистанцы, индийцы и непальцы, а своим развитием заложат основу для притязаний КНР на установление благожелательной гегемонии также и в других странах Центральной Азии. Китай добьется здесь доминирования без громких разговоров.

Высказывая опасение по поводу появления державы, способной сплотить Евразию, Макиндер писал: «Кто правит “мировым островом”, тот правит миром»⁴. «Мировой остров» все больше напоминает единый организм. Вскоре можно будет путешествовать из Абердина в Сингапур или Сеул по Трансазиатской железнодорожной сети, различные участки которой строятся с 1960-х годов. Варвары, отступавшие по степи, когда-то наблюдали издали, как слабеют их более могущественные враги по мере удаления от центра к периферии. Однако в наше время растущее проникновение Китая вдоль своих инфраструктурных осей обуславливает неуклонное и уверенное сжатие центральноазиатского пространства.

10 КАЗАХСТАН: СЧАСТЬЕ – ЭТО КОГДА МНОГО ТРУБОПРОВОДОВ

В Казахстан едут не за погодой. Подобно тому, как столетия назад страны получали геополитические преимущества за счет торговых путей, в наше время контроль над нефте- и газопроводами обеспечивает доходы и политические связи. Совокупные запасы нефти на Каспии оценивают в более чем 200 миллиардов баррелей (по сравнению с 600 миллиардами баррелей доказанных запасов в Персидском заливе), что придает всему региону громадное значение в качестве альтернативного источника нефти для Запада и Востока. Как и Саудовская Аравия, Казахстан стал энергетической кладовой, и потому все сверхдержавы стараются заполучить его себе. Расположенный на обширных просторах бесплодных степей, с легкостью покоренных в свое время Чингисханом, Казахстан – самая крупная в мире страна, не имеющая выхода к океану. Сквозь пыльные бури и метели все участники очередного тура «большой игры» прокладывают здесь новый «шелковый путь», поблескивающий маслянистыми нефтяными оттенками.

Как и украинцы, казахи давно считают местоположение своей страны на карте сущим проклятьем. Из-за своих природных ресурсов Казахстан стал еще более необходимым для всех остальных государств. В Советском Союзе его относили к Южной Сибири и называли весь регион «Средняя Азия и Казахстан», а планирование шахт и заводов в Казахстане и Сибири осуществлялось централизованно¹. Но с момента обретения независимости Казахстан превратил свою географию и геологию в благословение, приступив к написанию летописи успеха. Теперь его нельзя даже сравнивать с бо-

лее слабыми южными соседями. Подобно Турции, Казахстан – одно из важнейших государств, обеспечивающих транзит с Востока на Запад. Получая выгоду от прочных отношений со всеми сторонами (подобную стратегию здесь называют «многовекторной»), Казахстан стремится как можно дольше не отдавать никому предпочтения. Наиболее влиятельный из его последних министров иностранных дел Касым-Жомарт Токаев по специальности – китаист. Он сопротивляется нахрапистому дипломатическому подходу американцев, невыгодно отличающему их от основательных европейцев и обходительных китайцев². Тюркское слово «казах» значит «свободный», и сегодня Казахстан не желает ни возврата к заискиванию перед Россией, ни китайской гегемонии, ни военных баз США³. Однако если поток казахской нефти перестанет увеличиваться, не попытаются ли конкурирующие империи разодрать страну на части?

Новая «большая игра» касается не столько территориальной экспансии, сколько доступа к нефтяным скважинам и расходящимся от них трубопроводам, а также контроля над ними. Казахские чиновники постоянно жонглируют требованиями в отношении трубопроводных маршрутов, идущих на Восток и Запад, на Север и Юг. Все направления транспортировки делятся на три категории: фактически существующие, строящиеся или расширяемые и, наконец, секретно проектируемые в разных столицах (причем шансы на воплощение таких планов невелики). Трубопроводы, как и волоконно-оптические кабели – составная часть почти невидимой инфраструктуры глобализации, набор новых линий на карте, подтверждающих узы дружбы. Как и в Азербайджане, ведущую роль в формулировании интересов Запада в Казахстане взяли на себя частные компании. Они скупают контрольные пакеты акций фирм, владеющих самыми большими в стране месторождениями – Тенгизским и Кашаганским⁴. Как и в случае с проложенным через Кавказ нефтепроводом Баку-Тбилиси-Джейхан, призванным обойти Россию и Иран, маршруты нефтепроводов, которые США, Европа и Китай предпочли бы видеть в новом Казахстане, должны полностью миновать Россию. «Счастье – это когда много трубопроводов», – гласят наклейки на бамперах, распространенные в Алма-Ате еще при администрации Клинтона. Ныне новенькие тан-

керы выстраиваются на рейде порта Актау на восточном побережье Каспия, чтобы везти казахстанскую нефть в Баку, где она волеется в поток Баку-Джейхан, устремленный в Европу. Кроме того, чтобы умножить свою торговлю с Западом, Казахстан предложил проложить судоходный канал между Каспийским и Черным морями.

Россия давно считает себя защитницей Казахстана. Она сохраняет права на Байконур, огромный космодром бывшего Советского Союза. Однако для казахов она становится всего лишь одним из игроков на центральноазиатской шахматной доске. «Уже больше века мы сопротивляемся российской “защите”», – устало произнес казахский дипломат. Чтобы охранять танкеры, идущие в Баку, и не допустить российского владычества на Каспии, Казахстан сотрудничает с НАТО в рамках программы «Партнерство во имя мира». Вместе с тем Казахстан – достаточно состоятельное государство, поэтому Западу вряд удастся с помощью взяток добиться его согласия на размещение на своей территории военных баз, ведь их присутствие может подорвать связи с Россией и Китаем. Хотя Казахстан и Россия (в лице «Газпрома») недавно подписали соглашения об объединении своих газотранспортных сетей, отношения по поводу существующих нефтепроводов омрачаются той же проблемой, с которой сталкивается Россия при прокачке нефти через Украину: российская «Транснефть» блокирует расширение казахской сети до тех пор, пока ее не ренационализируют под российским контролем.

Однако тесные энергетические связи с Россией уже не поддерживаются в ущерб отношениям с гораздо более значимым заказчиком Казахстана – КНР. Для китайского колосса, устремившегося к энергетическим ресурсам Каспия, обеспечение поставок сырья является не проблемой транспортировки, а дипломатическим вызовом, поскольку речь идет о регионе, в котором суверенитет – крайне болезненный вопрос. «Китайцы сказали нам тихо, но ясно, что их энергетические потребности велики и насущны, поэтому Китай готов заплатить очень хорошую цену за их удовлетворение», – поведал мне казахский чиновник в довольно элегантной, но сонной столице Астане. В отличие от американских энергетических компаний, нефтяные корпорации Китая открыто опира-

ются на стратегическую поддержку со стороны своего правительства и им не нужно искать акционеров. Для КНР очень заманчиво выглядит перспектива получить контроль над ситуацией вдоль своей границы и импортировать нефть, минуя Малаккский пролив.

Бывшая пограничная крепость России в горах Тянь-Шаня и крупнейший мегаполис Казахстана, Алма-Ата в настоящее время представляет собой наиболее космополитический город региона. На оживленном проспекте в центре города в охраняемом здании располагается офис Китайской национальной нефтяной компании (CNPC), который функционирует как «второе посольство» КНР. За его высокими воротами совместно с казахстанскими властями годами готовятся энергетические сделки, о которых лишь затем узнает общественность. Так, Китай профинансировал строительство в рекордно короткие сроки тысячекилометрового трубопровода Атасу-Алашанькоу, который перекачивает казахскую нефть в западную энергетическую сеть Китая. На церемонии его открытия в конце 2005 года президент Нурсултан Назарбаев заявил, что трубопровод предназначен крепить стратегическое партнерство между Казахстаном и КНР. Компании «Синопек» выделили несколько крупных районов вблизи месторождения Тенгиз для проведения разведки нефти; кроме того, с ней ведутся переговоры о строительстве трансграничной переемычки для закачки природного газа в китайский трубопровод Запад-Восток длиной 4000 километров, идущий от бассейна Тарим в Синьцзяне до Шанхая⁵.

Правда, нежелание Казахстана уступать оперативный контроль над своими трубопроводами привело к активизации китайской финансовой дипломатии, цель которой – расширить участие в соглашениях о разделе продукции. Столетие назад в эпоху политики «открытых дверей» Китай на себе познал суть подобного меркантилизма, когда иностранные державы добивались контрактов на концессионную инфраструктуру, – эти оскорбительные договоренности китайцы приравнивали к оккупации. По мере роста взаимозависимости между ключевыми поставщиками энергоносителей в регионе (Россией, Ираном и Центральной Азией) и потребителями (Европой и КНР) увеличивается и опасность конфликта между ними⁶. Умелое балансирование Казахстана между инте-

ресами Запада и Китая может продолжаться, пока он осуществляет поставки нефти – но трения увеличиваются с каждым месяцем. Например, когда в 2005 году Китайская национальная нефтяная компания приобрела «ПетроКазахстан» по цене существенно выше рыночной, Соединенные Штаты и Россия поддержали решение казахского правительства объявить компанию стратегическим активом, перераспределить ее нефтеперерабатывающие и добывающие сегменты и приостановить ее продажу. Практика национализации, которая в течение десятилетий так досаждала Западу в странах арабского мира, может в будущем обернуться оружием против КНР. Перед китайцами сейчас стоит сложная задача: остаться привлекательными партнерами для казахов, которые достаточно умны, чтобы избегать господства Китая, искушенного, в свою очередь, в насаждении своего доминирования.

Восходящие империи высматривают незащищенные пространства на картах словно медведи, пробудившиеся от зимней спячки в поисках пищи. Если в годы «большой игры» полковник Янов похвалялся планами России, то теперь аналогичным образом широко раскрывает свой рот Китай. Казахи на протяжении столетий были свидетелями то расширения, то сжатия Китая; лишь немногих из них устраивает его активная инфраструктурная дипломатия, хотя она и сулит увеличение поступлений от продажи нефти. Некоторые утверждают, что экспансионизм китайцев оправдан, поскольку в XIX и XX веках они фактически уступили часть своей территории России и Монголии (заключив «неравные договоры»). Мурат Ауэзов, бывший посол Казахстана в КНР, утверждает: на протяжении трех столетий Китаем неизменно владело «желание расширить свои территории». Однако даже не прибегая к открытой агрессии, Поднебесная уже посягает на ресурсы Казахстана. Для разработки нефтяных месторождений в Синьцзяне Китай может откачивать ежегодно до двух миллиардов кубометров воды из Иртыша и Или; так как одна из этих рек впадает в уже изрядно истощенный Балхаш в Казахстане, подобные действия могут превратить озеро в подобие иссохшего Аральского моря.

Хотя большинство казахов проживает на юго-востоке близ китайской границы, президент Назарбаев перенес столицу в Астану, в северные степи, дабы сдержать российские амбиции и увернуть-

ся от китайских, а также обозначить свои собственные, выстраивая город, полный пафосных пирамид, башен и стадионов⁷. Однако это не смогло помешать китайской демографической дипломатии, выражающейся в том, что китайские и уйгурские «челноки» уже основывают в Казахстане чуть ли не постоянные поселения. По неофициальным оценкам, численность мигрантов достигает 300 тысяч человек – и это на фоне 15 миллионов местных жителей. Ныне в Алма-Ате можно видеть все больше вывесок на китайском языке, что отражает рост числа китайских рестораничек, в которых кормится множущаяся диаспора. Рядом с Каспийским морем тысячи нефтедобытчиков живут в огороженных поселках, статус которых близок к экстерриториальному. Такие же поселения можно найти и в арабских странах.

Постепенный захват Казахстана Китаем происходит как раз в тот момент, когда страна превращается в подлинно казахскую нацию, преодолевая этническую и языковую разобщенность. Подобно Украине, Казахстан разделен по демографической оси – на русскоязычное и коренное население, но проводимая Назарбаевым программа оказывания и высокий уровень рождаемости среди казахов позволили им стать твердым большинством в собственной стране. «Владение казахским языком теперь стало неписанным правилом для вхождения в высшие эшелоны власти», – заметил один представитель парламентской оппозиции. В Алма-Ате многие названия улиц теперь заканчиваются тюркским словом «кошесы» вместо русского «проспект». За последние десять лет доля этнических русских упала до 20%, так как многие уехали в Россию, хотя есть и много таких, кто возвратился обратно в Казахстан. Как пожаловался молодой русский журналист, работающий в Алма-Ате после своего возвращения из Москвы, где он попытался осесть: «Там ущемляют мои интересы – ведь у меня казахский паспорт. Здесь у меня, в конце концов, работа получше». Прохладными летними вечерами казахская и русская молодежь совместно проводит время в открытых кафе и рестораничках, легко общаясь на смеси русского и казахского языков. В Алма-Ате даже отремонтировали навевающий теплые воспоминания реликт Советского Союза – центральный цирк.

У Казахстана есть возможность для самореализации, о которой большинство других стран Второго мира могут только мечтать. Главный фактор – социально-политическая стабильность. Экономически Казахстан уже превосходит остальные страны Центральной Азии вместе взятые, а стоимость его энергетических активов оценивается в 9 триллионов долларов. Несмотря на быстрый рост нефтедобычи и прибылей от нее, а также ужасающий уровень коррупции, идет диверсификация казахской экономики, страхующая ее от волатильности мирового энергетического рынка⁸. Следуя амбициям полуавторитарных «азиатских тигров», Казахстан создал специальные экономические зоны и информационно-технологические парки, превратив заводы по производству биологического оружия в пищевые фабрики. Страна планирует использовать для ядерной энергетики свои огромные запасы урана. Новые региональные аэропорты и широкие дороги восстанавливают связи на просторах континентальной степи. На альпийских лугах Тянь-Шаня возникают горнолыжные курорты, куда вскоре смогут устремиться европейцы, если из-за глобального потепления в Альпах станет меньше снегопадов.

Казахстан превращается в страну, где люди выступают потребителями-индивидуалистами, а не винтиками советской системы. В настоящее время на частный сектор приходится основная часть экономики и рабочей силы, а частные банки привлекают средства на Лондонской фондовой бирже. Государственная помощь малым предприятиям и приватизированным землевладениям, аграрные субсидии, а также высокие оклады в госсекторе – все это способствует повышению уровня жизни как в городах, так и в сельских районах. Уровень бедности упал, безработица – самая низкая в регионе, в страну активно едут трудовые мигранты. Вокруг Алма-Аты и Астаны возводятся новые дома – как индивидуальные, так и многоквартирные, а профессионалы регулярно ездят на работу в международные энергетические и консалтинговые фирмы. «Мы не занимаемся нелегальной перекачкой капитала за рубеж, вместо этого мы берем ипотечные кредиты», – похвастал молодой алма-атинский консультант, работающий в международном совместном предприятии. «После обучения и стажировки

в Европе многие казахи вроде меня переходят на западный стиль жизни прямо здесь».

Казахское правительство приобрело достаточную уверенность и теперь на переговорах все чаще использует силовой стиль, угрожая экспроприацией и повышением корпоративных налогов с целью увеличения своего контроля над энергетическими активами. Наличие надежных партнерских связей с международными компаниями и учреждениями лишь частично объясняет секрет успеха Казахстана. Турецкие строительные компании нанимают все большее число казахов, а зарубежные эксперты сыграли важную роль в преобразовании бывшей советской академии в Казахстанский институт менеджмента, экономики и прогнозирования (КИМЭП), ставший лидером по подготовке бизнес-кадров и притягивающий к себе лучших студентов из всех соседних стран. «Зачастую подобные учреждения служат политическим амбициям лишь одного деятеля. Однако стоит только его звезде закатиться, как школа приходит в упадок, – поведал один из профессоров КИМЭП, специализирующийся на энергетических рынках. – Но поскольку с политической точки зрения мы чисты и ведем обучение в основном на английском языке, то стали единственным в своем роде региональным центром по подготовке нового поколения руководителей».

Казахстан может даже оказаться невосприимчивым к «русской болезни», при которой государство налагает свою длань на доходы от продажи нефти, дабы подпитывать возврат к царскому авторитаризму⁹. Страна опережает Россию в проведении реформы Центрального банка и вложила свыше четырех миллиардов долларов нефтяных прибылей в государственный инвестиционный фонд с относительно прозрачным управлением. Прагматизм Назарбаева охватывает даже внутренние вопросы национальной безопасности. На момент распада Советского Союза по ядерному потенциалу Казахстан превосходил Францию, Великобританию и КНР вместе взятые. Однако будучи в течение многих десятилетий жертвой советских ядерных испытаний (напомним, что радиационное излучение стало причиной появления множества уродств среди мертворожденных детей), Казахстан стал сотрудничать с Соединенными Штатами в деле возвращения всех ядерных материалов в Россию. В настоящее время он выступает за наделение

всей Центральной Азии статусом территории, свободной от ядерного оружия¹⁰. Россия внимательно следит за Казахстаном и даже проникается к нему уважением. Возможно, он еще послужит образцом и для самой России.

Казахстан перешел от командной экономики к рыночной, советских аппаратчиков сменили сторонники независимости, но сможет ли страна перейти от авторитаризма к реальным выборам? Казахстан достаточно богат, чтобы позволить себе демократию, но Назарбаев – руководитель советского типа и приверженец тюркских традиций патернализма, – предпочитает беспрекословно подчиненную ему Орду. В последние годы он разогнал Партию демократического выбора, отправил в изгнание главных конкурентов и бросил за решетку деятелей оппозиции, показав тем самым, что останется президентом пожизненно. На выборах 2005 года вопрос состоял не в том, победит Назарбаев или нет, а всего лишь с каким перевесом одержит верх, причем его советники заранее поинтересовались, какие цифры будут наиболее приемлемы для международных наблюдателей¹¹. В то же время Назарбаеву не чужды добродетели: он в той или иной форме постепенно внедряет демократию среди кочевых народов. «Он – единственный руководитель, которого не свергли при помощи переворота, революции или убийства. Скорее всего, он назначит вместо себя какого-нибудь патриота-технократа и не станет провозглашать преемницей одну из своих дочерей», – уверенно предсказал один казахский политический аналитик из Алма-Аты.

Назарбаев – мощный лидер, способный повести страну практически в любом направлении, в каком захочет. Но так как он одновременно и амбициозен, и рационален, то на него все-таки можно оказать влияние извне. Хотя Америка толкует о демократии в Центральной Азии, она гораздо больше заинтересована в реализации стратегических устремлений Назарбаева, нежели в поддержке оппозиции. Евросоюз обладает рычагами влияния на Назарбаева, связанными с его стремлением к легитимности, но не спешит действовать их. Назарбаев не только стремится к выработке плана действий для Казахстана в рамках Европейской политики соседства, но и не скрывает своего желания возглавить Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). В обоих слу-

чаях ЕС неизменно набивал себе цену. Чем более причудливую архитектуру Назарбаев культивирует в Астане – например, строит светящуюся башню с гигантским золотым шаром наверху – тем чаще европейцы намекают, что его вариант демократии не соответствует европейским представлениям. Обеспечение потоков нефти из Казахстана и утверждение в нем западных ценностей – два совершенно различных вопроса, и оба решаются с учетом казахской специфики.

11 КИРГИЗИЯ И ТАДЖИКИСТАН: НЕЗАВИСИМЫЕ, НО БЕССИЛЬНЫЕ

Постороннему человеку большинство «станов» через два десятилетия после обретения ими независимости кажутся неотличимыми друг от друга. Не имеет значения, идет ли речь о Киргизии или о Таджикистане – эти микросоциальства Третьего мира в конечном счете окажутся распластанными под имперским ковром, который неумолимо раскатывается над всей Центральной Азией. Находясь на окраине центральноазиатского региона, где границы проводились произвольно, они являются не столько государствами, сколько пограничными зонами между империями. И снова, как и сто лет назад, на пиках и в тени гор Тянь-Шаня и Памира ведется «большая игра».

Хребет Тянь-Шань буквально делит пополам обрусевший север Киргизии и густонаселенные южные города Ош и Джалалабад, принадлежащие исламской культуре Ферганской долины, в которой они расположены. Десяток изнурительных часов понадобится для того, чтобы доехать от столицы Бишкека до города Ош по коварным, но захватывающим дух горным перевалам. Стабильная и единая Киргизия могла бы использовать туризм, чтобы утвердить себя на политической карте и, воспользовавшись преимуществами своего самого чистого в мире воздуха и целебного озера Иссык-Куль, развить курортный бизнес. Однако вероятнее, что страна, некогда закрытая Советами для иностранцев, будет всего лишь живописным перевалом на возрожденном «шелковом пути» между Востоком и Западом, управляемом Казахстаном, Узбекистаном и Китаем.

Обнищавшая Киргизия является объектом вечного военного спора между ее гораздо более могущественными соседями, с которыми она пытается придерживаться политики «неисключительных дружественных отношений». Когда в начале 1990-х годов Китай настаивал на урегулировании границ и заключении соглашения, по которому правительство Киргизии должно было продать горный участок площадью несколько сот квадратных километров, в народе возникли беспорядки. Когда Узбекистан прекратил поставки газа, в качестве поставщика выступил Казахстан. Но будучи вроде бы самым последовательным другом, Казахстан в то же время закрыл свою собственную дорогу к озеру Иссык-Куль, чтобы казахские туристы не сталкивались с хищной киргизской полицией. Российские и китайские компании скупают металлургическую и пищевую промышленность, в результате чего большинство киргизов так и остались там, где они и пребывали на протяжении веков – в сельскохозяйственном производстве на конной тяге, которое по-прежнему составляет большую часть экономики. В Бишкеке «роскошные» рестораны являются всего лишь сносными кафетериями для западных дипломатов, а местным женщинам не остается ничего иного, кроме как непрерывно предлагать азиатский массаж мужчинам – постояльцам отелей.

«Президент Аскар Акаев объявил, что сделает Киргизию центральноазиатской Швейцарией, но вместо этого отправил в Швейцарию собственную семью», – с раздражением говорит министр иностранных дел Роза Отунбаева. Некоторые исторические события, известные здесь как революции, отнюдь не заслуживают этого названия. Например, киргизская «революция тюльпанов» 2005 года фактически оказалась внутриэлитным переворотом, после которого абсолютно ничего не изменилось. Соединенные Штаты профинансировали малый бизнес и медиа-группы, а те, в свою очередь, собрали пикеты протестующих против Акаева, который бежал в Москву, но оставил дверь открытой для мафиозного режима Курманбека Бакиева. Один из политических аналитиков в Бишкеке заметил: «Нет ничего хуже Акаева, вот почему многие люди с удовольствием поддержали оппозицию. Но совершенно абсурдно думать, что Бакиев поборет коррупцию и создаст рабочие места».

С момента обретения страной независимости нелегитимность всех киргизских правительств мало способствовала повышению стабильности в стране. Образно говоря, неконтролируемый процесс разбрасывания революционных мячей с таких крутых гор, какие высятся в Киргизии, может привести к обратным результатам, ибо замена демократии, пусть фиктивной, на что-то менее предсказуемое дает возможность китайцам и русским активно манипулировать шаткими лидерами этой страны. Единственное, что может быть лучше для Китая и России по сравнению с нестабильной и сговорчивой Киргизией, – вообще отсутствие в ней каких-либо органов управления. В эпоху «шелкового пути» путешественники пересекали границы, не особо замечая их. Для Китая неважно, кто контролирует Киргизию, ибо он воссоздает прежнюю ситуацию.

КНР восстанавливает переходы на старом «шелковом пути», которые всюду использовались до прихода сюда ислама, когда арабы в результате Таласской битвы в 751 году вынудили династию Тань уйти обратно восвояси через Тянь-Шань. Знаменитый Торугартский перевал на китайско-киргизской границе теперь превратился в основательно выстроенное шоссе, по которому автопоезда едут через всю территорию страны в Узбекистан. Для КНР торговля с Центральной Азией не имеет особого значения, но для Киргизии и Таджикистана китайское присутствие очень важно, причем с каждым днем его значение увеличивается. Основная доля экспорта Киргизии в настоящий момент идет в Китай, а бишкекский базар Дордой завален одеждой и инструментами китайского производства. Трансграничная челночная торговля вызвала в Киргизии еще более бурный, чем в Казахстане, рост числа китайских общин. Сейчас организованные чайнатауны – характерная черта почти всех городов, а Бишкеке проспект Ленина переименован в честь Дэн Сяопина.

По мере расширения стратегических замыслов Америки за пределы Афганистана для обеспечения безопасности трубопроводов и надзора за Китаем Киргизия возвращается к своей былой роли наблюдательного поста периода «большой игры». Маневры киргизов тоже напоминают о тех временах. Мы снова видим, как державы пытаются дислоцировать здесь свои военные гарнизоны, постепенно оказывающиеся бок о бок друг с другом. Российская армия

так и не отказалась от своих притязаний в Киргизии, но ей пришлось освободить бывшую советскую базу в Манасе близ Бишкека, которая ныне занята войсками США¹. Теперь Россия и США шпионят друг за другом с помощью торговцев и людей в камуфляже на той же самой границе, где в 1969 году столкнулись Китай и СССР. Когда Соединенные Штаты попросили разрешения на дислокацию в Киргизии разведывательных самолетов АВАКС, Китай вынудил правительство Киргизии отказать. Это ли не свидетельство того, что американские базы в этой стране уже совсем не походят на гибкие «кувшинки в пруду», как называет их Пентагон, а скорее напоминают острова посреди приливной волны китайской коммерческой и инфраструктурной деятельности – этого реального инструмента, с помощью которого можно оказывать влияние на слаборазвитые страны? Да, на своих сверхзвуковых самолетах Америка сможет туда долететь, но что потом? Американцам не удастся вытеснить китайцев экономически. Китай с легкостью прибегнет к щедрому подкупу любого киргизского режима и заблокирует американцев на территории их военных баз. Если демократическое содействие по-прежнему будет сводиться лишь к помощи автократам и оплате услуг консультантов, то и впредь будут процветать те режимы, которые Запад надеется ликвидировать, – режимы, которые продают себя более щедрому покупателю, назначившему самую высокую цену за стратегическую стабильность.

Аналогичная микрополитика строительства дорог и налаживания коммуникаций разворачивается в Таджикистане, опасно расположенном на «крыше мира» в Памирских горах между Узбекистаном, Афганистаном, Киргизией и Китаем и превращающемся в еще одну остановку на «шелковом пути». Это государство с изрядной исламской спецификой также сгибается под порывами имперских ветров. Партия исламского возрождения Таджикистана – единственная исламистская партия, официально действующая на территории бывшего Советского Союза. В 1980-е годы она стала объединяющей силой для таджикских националистов – как раз в то время, когда коммунистическая элита в столице Душанбе недооценила антисоветский бунт в Афганистане, который привел к краху СССР. В начале 1990-х годов почти 150 тысяч человек погибли в таджикской гражданской войне, которая,

как и одновременно происходившая с ней югославская, доказала опасность выстраивания национальной самобытности в коммунистическом мире. Клике Имомали Рахмонова, поддерживаемой Москвой, пришлось с боями прорываться в Душанбе даже после «победы» на состоявшихся в 1992 году «выборах».

В Таджикистане фиксируется около трех тысяч подземных толчков и землетрясений в год. Это удачная метафора и для политической жизни страны. Коррупцированный режим Рахмонова практически полностью продался Москве. В стране дислоцированы российские войска численностью около 20 тысяч военнослужащих; российские фирмы управляют самыми важными со стратегической точки зрения гидроэлектростанциями, наваривая прибыль от продажи электроэнергии соседнему Узбекистану. В соответствии с канонами Третьего мира денежные переводы таджиков из России превышают госбюджет Таджикистана. Стране оказывают благотворительную помощь Фонд Ага Хана, Всемирный банк и ЕС, но более 80% населения по-прежнему живут за чертой бедности. Неудивительно, что по обе стороны афганской границы таджики прибегают к торговле наркотиками для того, чтобы выжить.

Таджикистан – важнейший мост и для возрождающихся китайско-иранских торговых путей, связывающих Синьцзян, Ош, Душанбе и афганский Герат с Ираном, с которым у Таджикистана имеется этническое и языковое родство. Иран финансирует строительство туннеля через Фанские горы, который соединит два главных города Таджикистана – Душанбе и Худжанд – и впервые обеспечит круглогодичное сообщение между ними, что одновременно сможет расширить новый китайско-иранский энергетический и торговый коридор. «Мы граничим с Китаем и Афганистаном. Мы больше не граничим с Россией, – метко заметил молодой таджикский солдат, стоящий на ветхого вида контрольно-пропускном пункте. – Если бы не выстроенные китайцами дороги, мы даже не смогли бы проехать по собственной стране».

Новый переход на «шелковом пути» выглядит менее романтично, чем все его предыдущие варианты, зато он гораздо более современный и скоростной. Однако построенная автомагистраль сразу же оказалась каналом не только транспортировки товаров и нефти, но и доставки наркотиков, проникновения инфекционных

заболеваний и экстремистских идеологий. Китай и Россия одобряют американские и европейские усилия по стабилизации прилегающей к Афганистану южной буферной зоны, которой больше не владеет Россия. За счет американского и европейского управления таджикско-афганская пограничная торговля на реке Пяндж контролируется эффективно. Налицо поистине разительный контраст с теми временами, когда безденежная Советская армия участвовала в наркотрафике, проходившем через тот же транспортный узел. Китай уже начал перенимать уроки Запада и применять их в отношении пограничных миссий ШОС – и даже сделал шаг вперед, разработав стратегию совместного управления водными ресурсами. Вдоль восстановленных участков «шелкового пути» ежедневно происходит углубление политических, экономических и стратегических связей. Тем самым образуется своего рода фильтр, задерживающий влияние с Севера, что может помочь США закрепиться к югу от постсоветских «станов», а именно – в Афганистане, могильщике СССР.

12 УЗБЕКИСТАН И ТУРКМЕНИСТАН: “НЕУД” ПО ПОВЕДЕНИЮ

Вскоре после событий 11 сентября 2001 года в Узбекистане на контрольно-пропускных пунктах военные приветствовали американских туристов возгласами «Мы друзья Буша!». Страна была рекрутирована в прифронтовые союзники Соединенных Штатов, помогая им проводить военные операции на территории своего южного соседа, Афганистана. Узбекистан превратился в стартовую площадку для беспилотников «Predator», запускавшихся с целью ликвидации Усамы бен Ладена, а позже был активно задействован в тайных схемах, использовавшихся ЦРУ для допросов и пыток подозреваемых в терроризме. Присутствие американских войск на военной базе Карши-Ханабад («K2») на юге страны значительно улучшило ее репутацию и позволило подкрепить претензии на статус ключевой державы региона. Однако всего через пять лет Узбекистан разочаровал: американцам пришлось убраться из страны, а политический разлад стал практически неизбежен. Почему так вышло?

Узбекистан – это сердцевина Срединной земли. По численности населения он превосходит все остальные постсоветские страны Центральной Азии вместе взятые, к тому же еще и граничит со всеми центральноазиатскими государствами. В начале 1990-х годов именно Узбекистан, а не Казахстан, считался наиболее вероятным кандидатом на лидерство в регионе благодаря наличию многочисленных городских центров и более качественной инфраструктуры. По запасам золота Узбекистан занимает восьмое место в мире, имеются также немалые залежи нефти, газа и урана. Такие

факторы, как производство хлопка и промышленная база страны обусловили появление там крупных текстильных фабрик и автомобильных заводов. Президент Ислам Каримов казался весьма прогрессивным лидером. «Лучше теннисные ракетки, чем военные ракеты», – молвил он однажды, посетив престижный турнир «Кубок президента» в столице страны Ташкенте.

Если президент Казахстана Назарбаев стал культивировать устремленный в будущее тюркский ренессанс, то Каримов фактически сделал упор на обращенную в прошлое национальную самобытность под стягом Тамерлана – великого хана, жившего в XIV веке, чьи конные статуи повсюду в Ташкенте заменили памятники Карлу Марксу¹. Правда, в отличие от Тимура, который устремлял караваны во все стороны света, дабы углубить связи с Китаем, Аравией и Индостаном, Каримов практически закупорил свою страну, полностью перекрыв новый «шелковый путь» и жестко обходясь с собственными гражданами. У сияющих на солнце современных банков в центре Ташкента всего один клиент – государство. Как гласит местная шутка, эти банки – всего лишь склады с запасами узбекской денежной единицы – сома; чтобы купить что-нибудь стоящее, нужны мешки сомов. Страна лишилась большей части своих талантливых бизнесменов, переехавших в более либеральный Казахстан. Вряд ли можно подыскать лучший символ для описания событий, происходивших в постсоветское время на стыке Казахстана и Узбекистана, чем Аральское море – этот усохший и загаженный символ нерациональных советских методов орошения хлопковых полей. Казахское правительство построило дамбу, чтобы разделить море на две части и постепенно заполнить «малый Арал» водами Сырдарьи. В то же время большая часть Аральского моря, принадлежащая Узбекистану, по-прежнему напоминает засыхающее ядовитое болото с парящими над ним облаками пестицидов. Если Казахстан, даже пребывая во Втором мире, добился кое-каких успехов, то Узбекистан, наоборот, имеет все шансы спуститься в Третий мир.

Ферганская долина – сердце всей Центральной Азии. Здесь сегодня живет 20% населения региона, хотя долина занимает всего 5% его территории. Поскольку в сопредельных государствах существует диспропорция между отдельными этническими группами,

Ферганская долина представляет собой эпицентр центральноазиатской версии конфликтного синдрома, до сих пор еще не изжитого на Кавказе, где Сталин в свое время также прочертил своего рода линии судьбы, породив демографическую шизофрению и натравив национальные меньшинства друг на друга, чтобы у них не оставалось времени выступать против власти. Когда в 1990 году вспыхнули зловещие беспорядки на этнической почве между узбеками и киргизами, советские войска ничего не сделали для их предотвращения; Москва предпочла обвинить ислам. С точки зрения демографии западная Киргизия и северный Таджикистан населены узбеками. Из-за плотности заселения Ферганской долины и ужасающей бедности ее жителей любой этнический конфликт порождает огромные потоки беженцев. Рост оборота наркотиков и упадок системы социального обеспечения при деспотических режимах оказывает разрушительное воздействие на ферганскую молодежь, которая, подобно молодым арабам, с отстраненным видом сидит в уличных забегаловках и ожидает работы.

Сегодня нельзя понять пульсацию «шелкового пути» и его архитектурное величие, не посетив медресе и базары Самарканда и Бухары, где в тесных и скрытых от постороннего глаза комнатенках производят шелк с помощью деревянных ткацких станков, как это делали встарь и все по той же древней технологии, выкраденной из Китая и привезенной в Персию многие столетия назад. В легендарном бухарском медресе Мир-и-Араб наголо бритые мужчины в шляпах-пакулях с длинными клинообразными бородами неспешно восстанавливают изразцы, испещренные замысловатой исламской каллиграфией. Рядом в магазинчике, расположенном в подвале, где реставрируют старинные музыкальные инструменты, группа музыкантов завораживает своей игрой, исполняя на пронзительных флейтах, похожих на гитары комузах с туго натянутыми струнами и арабских барабанах музыку «шелкового пути» – но ее некому слушать. Грандиозное медресе Регистан в Самарканде, во времена Тамерлана бывшее центром проведения шествий, празднеств и ярмарок, сегодня отдает пугающим запустением. Самарканд мог бы стать символом современного исламского возрождения и вновь обрести титул «второй Мекки», а Ферганская долина, в которой перемешаны разные валюты и кулинарные тра-

диции «шелкового пути», могла бы стать житницей региона, привлекая земледельцев из всех сопредельных стран. Но вместо этого Узбекистан представляет собой пример упущенных возможностей и извращенного честолюбия.

Чтобы повысить авторитет своей страны в «войне с террором», Каримов решительно запретил исламистские партии и общественные организации. При этом он стал зачастую навешивать удобные ярлыки типа «экстремистский» или «фундаменталистский» на такие социально-образовательные учреждения, как медресе (эта тактика широко применяется деспотами Центральной Азии и арабского мира). Как ни парадоксально, но даже будучи мусульманином по рождению, Каримов повторил ошибки атеистов-большевиков. Последние боролись в течение десяти лет на всем пространстве Туркестана с басмачами, загнав их в горы, после чего Сталин разрушил около тысячи из почти 30 тысяч мечетей, а остальные отдал под музеи и фабрики. И все же СССР, стремясь снискать доверие к себе в мусульманских странах, по крайней мере позволял исповедовать некую разновидность «официального» ислама, создав четыре муфтията (управления) и сделав Ташкент центром изучения ислама². В отличие от них, Каримов преувеличил угрозу со стороны исламистских групп и переоценил способность народа терпеть самовластие руководителя страны. Кроме того, Каримову не удалось убедить узбеков в том, что он и есть тот самый человек, который способен явить своему народу славное наследие прошлого.

Распространение воинствующего исламского фундаментализма из Пакистана и Афганистана на север – в Ферганскую долину и далее за ее пределы – вовсе не было неизбежным. «Исламистские группировки в основном были формой политической оппозиции в регионе, а не фактором ее радикализации» – пояснил один узбекский чиновник, который оставил государственную службу по личным убеждениям. В Казахстане молодежь регулярно ходит в мечеть, не опасаясь преследований, а потому недовольства исламистов там не существует. В самом Узбекистане исламский радикализм первоначально был лишь слабым отголоском действий полевых командиров – этнических узбеков из северных районов Афганистана, и о свержении режима Каримова речи не шло.

Большинство узбеков предпочли бы держаться в стороне от буйства политического ислама, который еще встречается в других местах. «Раньше в повседневной жизни мы никогда не сталкивались с религиозными проблемами. Ошибочный подход к исламу возобладал у нас только сейчас», – пояснил тот же чиновник.

Если сжать воздушный шарик, то он не сдуется сразу, а будет разбухать, пока не лопнет. Каримов и для себя, и для Запада создал очень большую проблему – положение, при котором в стране на чисто отсутствует всякая оппозиция, за исключением организованных исламистских групп, сделавших своими главными целями Узбекистан и Таджикистан³. Два крупных исламистских движения в последние годы продвигают панисламский национализм, считая свержение Каримова необходимым условием для этого. Партия «Хизб ут-Тахрир» (Партия освобождения) начинала свою деятельность как исламская община, борющаяся с коррупцией и нищетой с помощью традиционных брошюр и современных интернет-ресурсов, а не насилия – но стала чем-то вроде передового авангарда суннитов-исламистов⁴. Исламское движение Узбекистана имеет боевые ячейки, гнездящиеся в Афганистане и Таджикистане; оно получает финансирование от саудовских ваххабитов и пакистанских медресе. По всей Ферганской долине разбросаны его лагеря, где готовят молодежь к участию в боевых действиях и терактах. Дабы оправдывать убийства американцев и евреев, они прибегают к искаженному толкованию Корана⁵.

Режим типа каримовского – самая лучшая реклама, которую только можно вообразить, для вербовки новых приверженцев подобных радикальных групп. Тысячи исламистов – это молодые люди, которые несколько лет назад даже и мусульманами-то в полном смысле этого слова не были. Неспособность узбекской верхушки предложить им внятную национальную идею нового типа открыла двери для альтернативных идей⁶. Даже светски настроенные узбеки уже не поддерживают каримовскую тиранию, которая вынуждает вдов вступать в ряды Хизб ут-Тахрир и идти по стопам их убитых мужей. В 2004 году атаки террористов-смертников на площадях Ташкента – раньше в регионе о подобном никогда не слышали – снискали симпатии значительной части узбекского населения. «Все могло бы закончиться как в Афганистане, ведь никако-

го выбора, кроме вооруженной борьбы, у нас нет», – взволнованно заявил один студент из бедного квартала столицы.

Каримов всегда был деспотом, но добившись абсолютной власти, стал буквально параноиком. Проведенная при нем коллективизация снизила доходы крестьян, которым запретили владеть землей. Он ввел высокие тарифы на импорт и стал жестко контролировать операции с иностранной валютой. Когда иностранные инвестиции иссякли, Каримов даже попытался установить полный контроль над экономикой и все более обесценивающимся сомом, закрыв границы в Ферганской долине и с южным Казахстаном для челночной торговли. Ничто не могло быстрее отвлечь от Каримова обедневших узбекских торговцев, само существование которых полностью зависит от огромных открытых базаров в Карасу, расположенном по обе стороны границы с Киргизией. Гигантские морские контейнеры из Китая расставлены там попарно, образуя замысловатый караван-сарай – невообразимую мешанину красочных магазинчиков, где узбеки затариваются дешевыми китайскими товарами, для которых правительство закрыло каналы официального импорта. Быстро демонтировать такой рынок и переместить его в другое место, как в эпоху «шелкового пути», – дело нескольких дней. Каримов постарался – снес базар и дома вдоль границы. Но в ответ на закрытие им границы по всей Фергане моментально выросли черные рынки советского типа. Правда, прибыли торговцев снизились – не в последнюю очередь потому, что, в отличие от водителей автомобилей, лоточники с их арбузами вынуждены платить больше за пересечение строго охраняемой границы и теперь их дневной заработок уходит на непомерные поборы.

После закрытия границы сильно удлинился путь до Андижана – ближайшего крупного узбекского города, родины императора Бабур из династии Великих Моголов, жившего в XV веке. Чтобы запугать ферганских предпринимателей, Каримов упрятал за решетку десятка два успешных бизнесменов, заклеив их как исламистских радикалов. А в мае 2005 года полиция, проявив бесчеловечность, хладнокровно расстреляла мирных демонстрантов, которые требовали освобождения узников-предпринимателей. Более жестокая расправа в Азии имела место только в Пекине во

время восстания на площади Тяньаньмэнь в 1989 году. А некоего человека, арестованного якобы за экстремизм, в течение двух лет подвергали пыткам, после чего власти объявили ему: «Президент Каримов прощает вас, но если вы хоть слово скажете о том, что здесь происходило, мы вас снова арестуем».

Сейчас Ташкент – строго охраняемая столица сугубо полицейского государства. В радиусе 200 километров от нее выставлены военные и полицейские кордоны, зачастую замаскированные под таможенные посты. Там обыскивают все транспортные средства, чтобы не допустить проникновение в столицу каких-либо антиправительственных элементов. Любой подстрекатель, пробравшийся вдруг в Ташкент, будет разочарован при виде такой картины: главный правительственный квартал огорожен на манер Запретного Города в Пекине, а те места, где еще можно провести демонстрацию, выражаясь официальным языком, «облагорожены» – читай блокированы. Даже самый крупный в городе базар Чорсу ужат наполовину произвольно поставленными заборами. Парадокс состоит в том, что Каримов опасается своего собственного народа – и это при вездесущих спецслужбах, на которых с отвращением смотрит большинство граждан за исключением наивных детей, продающих открытки около бухарских святынь. У Министерства внутренних дел и служб безопасности имеются свои финансовые интересы и собственные воинские подразделения численностью до 60 тысяч человек. Такого количества вполне достаточно для аннексии Худжандской области Таджикистана, заселенной в основном узбеками.

Каримов расписал андижанские события в духе американской «войны с террором», ставя тем самым Соединенные Штаты в затруднительное положение и заставляя их наблюдать, как американская политика демократизации входит в противоречие с американской же политикой антитеррора⁷. До событий в Андижане узбеки находились под впечатлением слов, произнесенных начальником Центрального командования США Энтони Зинни: «Я не Тамерлан. Я пришел не покорять вас»⁸. Но суровая критика со стороны Запада толкнула Каримова в объятия россиян и китайцев – заступников, которые потребовали, чтобы Соединенные Штаты покинули военную базу Карши-Ханабад. При этом россия-

не и китайцы прикрыли Каримова с помощью Шанхайской организации сотрудничества. Узбекистан стал еще одним полигоном, где разыгрываются шахматные комбинации в духе Realpolitik, причем о исходе всей партии можно только гадать.

Каримов также быстренько закрыл или выселил из занимаемых помещений большинство американских неправительственных организаций, которые занимались вопросами соблюдения прав человека, проведения судебной реформы, а также созданием независимых средств массовой информации. «Каждый день нас то вызывают в суд, то требуют покинуть страну, – посетовал западный корреспондент. – Наши партнеры хотят, чтобы мы здесь их обучали, но правительство реагирует слишком нервно». Неправительственные организации, радеющие за демократию, – это составная часть, казалось бы, противоречивого, но фундаментального американского внешнеполитического подхода, при котором США играют роль одновременно и доброго, и злого полицейского. Можно сказать, что неправительственные организации обучают сразу две группы общества – верхи и низы, но заинтересованность почему-то проявляют только последние. В то время как официальная политика США предусматривает поддержку режима, американские неправительственные организации борются с властями и тем подают пример местным жителям.

Противоречивый характер, присущий политике благих намерений, как раз и стал одним из факторов ее провала. «Война с террором» привела к противоречиям между госдепартаментом и Пентагоном: если первый сократил помощь Узбекистану из-за имевших место там нарушений прав человека, то второй, наоборот, увеличил объем военного содействия этой стране. Лишь незначительная часть общей суммы в 500 миллионов долларов, выделенных Узбекистану, была израсходована на цели демократизации. Иностранная помощь, которую всегда предназначают для развития и на политические цели, в конечном итоге не привела ни к экономической, ни к дипломатической лояльности со стороны Узбекистана. Если предоставление помощи стране вообще никак не увязывать с проведением в ней политических реформ,

то в этом случае лидеры станут тяготеть к использованию гораздо более агрессивной политики по отношению к внутренней оппозиции⁹.

Так, например, Каримов направил американские средства не на спасение зашатавшейся экономики, а на увеличение заработной платы преданных ему спецслужб, повысив тем самым степень защиты своего политического режима. Если Америка продолжит и дальше концентрироваться только на отношениях с режимами, а не следовать европейскому подходу, суть которого состоит в совершенствовании государственных систем, тогда и после Каримова его преемники будут выказывать симпатии к Китаю и России. Некий бывший узбекский чиновник с осуждением заметил, сидя в тихом ташкентском ресторане: «Западная стратегия должна отходить от своего обычая и не выделять среди лидеров “своего сукина сына”, а называть его просто и ясно: “сукин сын”».

Если вы предоставляете военную помощь какому-то режиму, а кроме вас тем же самым занимаются и другие державы, то возможности оказать воздействие на этот режим уменьшаются – вот в чем загвоздка¹⁰. В тот самый момент, когда НАТО приостанавливает сотрудничество со странами, отказавшимися проводить демократические реформы, Шанхайская организация сотрудничества, наоборот, продолжает поддерживать автократов, предпочитающих необременительное покровительство со стороны Китая и России деспотичной опеке со стороны Запада. Отказ Каримова от помощи советников, его репрессивная политика и командно-административный стиль управления экономикой не означают просто формальный переход к китайской или российской модели – Узбекистан даже не граничит с Китаем. Скажем так: Каримов охотно передал свою страну в сферу влияния Китая. Вскоре после массовой расправы в Андижане Каримов вылетел в Пекин, где подписал сделки по нефтегазовым месторождениям в Ферганской долине и строительству газопровода в западный Китай на общую сумму около миллиарда долларов. Российские и китайские фирмы прекрасно ладят с коррупционерами и ориентируются в непрозрачных деловых отношениях, контролируя в настоящий момент большую часть территории, богатой полезными ископаемыми. В конце 2005 года Россия и Узбекистан также

подписали Договор о союзнических отношениях, что еще больше ослабило позиции США.

Если Казахстан укрепил свою безопасность, поддерживая хорошие отношения со всеми крупными державами, Каримов подорвал стабильность в Узбекистане путем отказа от поддержки со стороны Запада, оставив свою страну открытой для эксплуататорского сговора со стороны Китая и России. В то же время Америка и Евросоюз по-прежнему популярны среди узбекского населения. После Андижана Соединенные Штаты переправили сотни узбекских беженцев из Киргизии в Европу, несмотря на громкие возражения Каримова. «У нас нет достаточной информации, но мы знаем, что Америка и Европа приняли верное решение, и мы по-прежнему уважаем их», – объяснил молодой узбекский ученый. ЕС дополнительно ввел запрет на въезд высокопоставленных узбекских чиновников, а беспокойные узбекские изгнанники в Европе сейчас проходят там подготовку с помощью западных организаций. Запад не признал Каримова, но в то же время ему удалось не разъярить исламистские группировки Узбекистана. Бремя вины за распоясавшихся диктаторов типа Каримова следует возложить на Китай и Россию, которые одни в конечном итоге и должны страдать от всех последствий их действий.

На примере Узбекистана видно: страну куда легче закрыть, чем открыть. Для руководителя типа Каримова не может быть никакого компромисса между демократизацией, экономическим ростом и национальной безопасностью: гарантией выживания режима и государства является стабильность собственного правления. «Со времен гласности не видно никаких изменений или прогресса. И никаких подвижек не произойдет до тех пор, пока Каримов не будет висеть на фонарном столбе», – вздыхает таксист из Бухары. Присущая диктатору психология человека из осажденной крепости совершенно исключает возможность передачи власти правовыми методами. Поистине Каримов, который стоит у власти почти два десятилетия после обретения страной независимости, унесет тиранию с собой в могилу.

Крупнейшая провинция Узбекистана Каракалпакия, охватывающая всю западную треть территории страны, к настоящему времени превратилась в иссохшую пустыню из-за чрезмерного ис-

пользования Амударьи в целях орошения. В Аральском море, в котором когда-то добывалось больше одной десятой части рыбных ресурсов Советского Союза, не могут существовать никакие формы жизни, кроме бактерий – причины заболеваемости местных жителей. По другую сторону от этой бесплодной земли лежит Туркменистан, большая часть которого – все та же покрытая паутиной трещин пустыня. Ее кочевые коневодческие племена все еще пребывают в древней эпохе, когда Мерв был второй после Багдада столицей Сельджукидов. Подобный образ жизни кочевников повысил их иммунитет перед лицом советской экспансии, против которой они отчаянно боролись на протяжении 1930-х годов. Но обладая огромными запасами газа, Туркменистан по сути стал одной из крупнейших в мире заправочных станций, хотя и управляемой менеджерами, которые регулируют подачу топлива по своему усмотрению.

В отличие от Ислама Каримова, туркменский лидер Сапармурат Ниязов, скончавшийся в 2006 году, безо всякого стеснения объявил национальным героем не Тамерлана или какого-нибудь другого исторического деятеля, а самого себя. Ниязов провозгласил себя Туркменбаши (Отцом всех туркмен) и по всей стране заменил учебники истории на книгу собственного сочинения «Рухнаму» (эта книга богохульно обладала тем же статусом, что и Коран) со стихами такого, например, содержания: «Я дух туркменского народа, я возродился, наконец, чтоб век золотой вам принести и счастье». Словно пребывая в бреду, он отождествил себя с государством, уничтожил оппозицию, произвел зачистку интеллигенции и разграбил экономику страны – все эти деяния явились следствием его самовосхваления в духе Пол Пота или Ким Чен Ира. Закрыв больницы и библиотеки за пределами Ашхабада, Ниязов одновременно с этим вливал миллионы долларов в строительство роскошных домов, восьмиполосной автострады, вычурных фонтанов и возведение собственной статуи высотой сорок метров, которая поворачивается вслед солнцу. Страна даже несколько переплюнула султанаты, в которых власть опирается на своих сторонников, объединенных клановой связью, а понятие конституционной системы правления отсутствует начисто. Чтобы продемонстрировать свое человеколюбие, Ниязов ежегодно выпускал из тю-

рем тысячи заключенных. Его политика зависела от его прихоти и шла вразрез с рекомендациями немногочисленных советников, из-за чего страна стала сущим кошмаром для специалистов в области экономической статистики – ведь правительство предоставляло данные, описывавшие «мир, желанный для Туркменбаши, а не тот, в котором живет большинство туркмен»¹¹. Народные массы, населяющие реальный мир, не имеют работы и пребывают в наркотическом оцепенении. После смерти этого бога новая номенклатура закрыла страну, чтобы граждане не сбежали вместе с золотом, а затем подправила конституцию для поддержания власти воров. «А ведь мы так надеялись, что произойдет переход к политике, основанной на реальности, но такая цель явно не значилась среди приоритетов нового режима», – сухо заметил официальный представитель одного из западных агентств по оказанию помощи, который уже испытал потрясение от поездок в страну, застрявшую в прошлом.

В отличие от своего соседа по Каспийскому морю, Казахстана, Туркменистан на своем примере показывает, что обилие природных ресурсов может и не сочетаться с разумным экономическим или политическим правлением¹². Ниязов жил в постоянном страхе перед иностранными инвестициями в энергетический сектор, поскольку они могли повлечь за собой политическое вмешательство. В результате добыча нефти и газа в 1990-х годах сократилась. По иронии судьбы, так как Ниязов никогда не позволял распространять подтвержденную информацию об объеме добычи нефти и газа в своей стране, нехватка западных инвестиций привела к установлению контроля над северными трубопроводами Туркменистана со стороны российского «Газпрома», что позволило этой компании диктовать цены на газ. Предлагаемый газопровод через Афганистан и Пакистан в Индию (который позволил бы обойти газодобывающих конкурентов Туркменистана – Иран и Россию) застопорился в большей степени из-за отсутствия прозрачности в Туркменистане, а также из-за нестабильности в Афганистане¹³.

Однако, принимая во внимание все возрастающий спрос на нефтегазовые ресурсы, можно сказать, что активизация усилий, направленных на проникновение в Туркменистан, практически не-

избежна. Остается лишь понять, когда это произойдет и как. Хотя Россия по-прежнему контролирует поток туркменского газа в Европу*, Туркменистан мог бы уклониться от российского контроля и получить выгоду от подписания энергетических контрактов с

* Ситуация существенно изменилась после 9 апреля 2009 года, когда на газопроводе «Средняя Азия – Центр» произошла крупная авария, случившаяся, по распространенному мнению, ввиду резкого снижения «Газпромом» объемов отбора туркменского газа. Многие эксперты склонны полагать, что таков был ответ «Газпрома» на собственную ошибку, заключавшуюся в готовности покупать дорогой туркменский газ в условиях падения спроса и цен на него на европейских рынках. Так или иначе, с этого времени Россия не столько контролирует поток туркменского газа в Европу, сколько выступает препятствием для его поставок на европейский рынок. – *Прим. В.Иноземцева.*

своих стратегических целей в Афганистане и даже в Иране. Все сказанное свидетельствует о сложном характере новой «большой игры», в рамках которой Туркменистан сможет установить тесные связи с Западом, оказав ему содействие в усилиях по устрашению Ирана, обузданию России, а также увеличению потока энергии в Европу. Но сказанное напоминает и о том, насколько слабым может быть внешнее влияние на центральноазиатские ханства.

Западом в том случае, если подобно Казахстану подключит поток своих энергоресурсов через Каспийское море к Кавказскому энергетическому коридору, который протянулся вплоть до Венгрии. Желание ускользнуть от России побудило Туркменистан рассмотреть строительство газопровода через Казахстан в Китай¹⁴. Соединенные Штаты жаждут заполучить бывшую советскую базу в Мерве, надеясь, что Туркменистан, как в свое время Узбекистан, поможет им достичь

13 АФГАНИСТАН И ПАКИСТАН: УКРОЩЕНИЕ ЮЖНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В круговерти дипломатических событий президенты Афганистана и Пакистана – Хамид Карзай и генерал Первез Мушарраф, а с недавних пор Зульфикар Али Бхутто – всегда в центре внимания, за ними постоянно с пристрастием наблюдает множество равнодушных «почитателей». Это внимание вполне понятно, ведь оба лидера стоят во главе двух наиболее проблемных и внушающих опасения стран. На примере Афганистана и Пакистана можно видеть, как порой торговые пути могут совпадать с направлениями военных вторжений. Обе страны относятся к Третьему миру и постоянно сталкиваются с системными кризисами легитимности. Самим своим существованием на карте каждая из них обязана либо стратегическим просчетам, либо превращениям колониализма. Афганистан, расположенный севернее, постепенно переходит в степные пространства Центральной Азии. Исторически вотчина туркестанских ханов, Афганистан – уменьшенная копия всего региона: в стране живет много пуштунов, узбеков, туркмен и персов (хазарейцев), но ни одна из этих групп не составляет большинства в населении, насчитывающем 30 миллионов человек. Пакистан представляет собой федерацию племен со слабыми центральными институтами (хотя стране досталась квалифицированная элита постколониального периода). Здесь процветает контрабанда оружия и наркотиков, по стране перемещаются группы исламистских боевиков. В обоих государствах теракты, совершаемые самоубийцами, наполнены бессмысленностью; кажется, что никто даже не собирается вникнуть в их мотивацию.

политики не живут, а выживают: генерал-президент Мушарраф недавно вынужден был покинуть свой пост, а президент Карзай вряд ли надолго задержится в своем кресле. И все же оба государства лежат на важнейшем перекрестке, где сходятся дороги, идущие с Востока на Запад и с Севера на Юг, формируя новый «шелковый путь» эпохи начала очередной партии «большой игры».

Историческое событие 2001 года – вторжение США в Афганистан – внезапно сделало эту страну стратегическим приоритетом для Запада¹. Но через пять лет после падения режима талибов власть президента Карзая стала ненамного отличаться от власти мэра Кабула. Его авторитет в качестве национального лидера падает и неизбежно приведет к отставке (или добровольному сложению им своих полномочий). Узбекские полевые командиры на севере и боевики движения «Талибан» на юге страны продолжают вести борьбу против режима с помощью собственных вооруженных формирований, а также подпитываясь за счет контрабанды наркотиков через сопредельные государства. «Оборона Германии начинается в Гиндукуше», – объявил бывший министр обороны этой страны Петер Штрук в 2002 году. Европа, Россия, Китай и Соединенные Штаты очень обеспокоены непрочностью ситуации в Афганистане, не говоря уже о проблеме поставок наркотиков через Ферганскую долину и Россию в Европу. Однако заявления НАТО о своих глобальных интересах лишь подчеркивают неспособность этой организации обеспечить стабильность в Афганистане.

Афганцев разочаровало то, что Запад не смог восстановить даже тот порядок, который был при талибах. Бюджет Афганистана формируется почти исключительно за счет западной помощи, но ее большая часть фактически идет на накладные расходы, обеспечение безопасности и жалование чиновникам, а большую часть оставшейся суммы поедает коррупция. Во времена советского влияния в Афганистане были построены школы, больницы и дороги, но через три десятилетия жестокой гражданской войны страна стала напоминать пепелище, из которого предстоит выбираться в течение еще многих десятилетий. Неудивительно, что афганцы, некогда выращивавшие виноград и изюм, в надежде обрести хоть какие-то средства к существованию принялись сеять мак, а его са-

мый крупный урожай был снят в 2005 году. Трудно понять, каким образом десятки тысяч жителей, прозябающих в хижинах Кабула, умудряются не замерзнуть суровой зимой.

Большинство наблюдателей рассматривают Афганистан как протекторат НАТО, но на самом деле страна стала участницей и другой «большой игры» – на этот раз с Шанхайской организацией сотрудничества. Североатлантическому альянсу ныне достался тот же участок околокабульской земли, который в XIX веке принадлежал Британской империи, а в XX-м – Советскому Союзу. После того, как в 2001 году Америка присоединилась к ныне действующей антиталибской коалиции, ей приходится все больше полагаться на укрепленные базы в Баграме и Кандагаре, чтобы ограничить иранское и китайское влияние в Центральной Азии. Однако из-за слишком медленного восстановления страны, осуществляемого под эгидой США, соперники поменялись ролями. Узкий Ваханский коридор – полоска земли, соединяющая Китай и Афганистан, – был создан специально, дабы положить конец «большой игре». Однако сейчас он позволяет Китаю вдохнуть новую жизнь в древнее ответвление «шелкового пути», причем дальнейшая судьба многочисленных трубопроводов и автомобильных дорог – этих Салангских туннелей будущего – конечно же зависит от стабильности в Афганистане. Еще в 1956 году американцы предупреждали афганского правителя Мохаммеда Дауд-хана о том, что советская помощь «создаст материально-техническую инфраструктуру для военного вторжения»². В 1990-е годы Китай преспокойно торговал с Афганистаном, когда тот находился еще под контролем талибов, да и в настоящее время Поднебесная пользуется военным присутствием НАТО в Афганистане, предлагая привлекательные условия строительства стратегически важных дорог, а также крупные строительные контракты вдоль возрожденных маршрутов из Кабула в Герат (город, заново отстроенный в крикливом стиле, прозванном «наркотектурой»). Конечная цель китайцев – проложить безопасные сухопутные маршруты через так называемый «таджикский пояс» в Иран, который идет на компромиссы с КНР, осуществляя манипуляции с потоками афганских беженцев, оказывая тактическую поддержку группам движения «Талибан», а также вкладывая инвестиции в инфраструктурные проекты³.

Хотя Афганистан и Пакистан считаются союзниками США в «войне с терроризмом», обе страны уже получили статус наблюдателей в ШОС и намереваются в ближайшей перспективе стать ее полноправными членами. «Китай, скорее всего, выжидает момент, когда НАТО наконец-таки исчерпает свои силы. Затем он опередит НАТО, предложив более скоординированные программы, направленные на поддержание торговых отношений, развитие и охрану порядка. Такой процесс начнется, как только афганская армия станет полностью дееспособной, а страны НАТО, включая США, сократят свое присутствие в Афганистане», – полагает один из специалистов по Афганистану.

К югу от Гиндукуша прочерчена «линия Дюрана». Формально она разделяет Афганистан и Пакистан, хотя в действительности являет собой всего лишь подразумеваемую границу, о чем свидетельствует поток оружия в северном направлении, а также исход афганских беженцев на юг в период антисоветского сопротивления. На протяжении веков, начиная со времен Александра Македонского, обе страны всегда были связаны Хайберским проходом, который в качестве канала поставок будет по-прежнему необходим на протяжении последующих десятилетий. В этой местности слова «торговля» и «контрабанда» стали синонимами. Ныне здесь можно наблюдать нескончаемые вереницы грузовиков с цементом и фруктами, которые петляют по серпантинам то вверх, то вниз, взбираясь по узким проходам в Афганистан. В Пакистане по-прежнему проживают около двух миллионов афганцев, которые за последние 30 лет превратили некогда утопавший в зелени Пешавар в загаженную мусорную свалку. Тем не менее гостевые книги роскошных отелей-хавели* Пешавара полны благодарно-

* Хавели – богато украшенные замысловатыми резными узорами особняки, в которых когда-то жили богатые чиновники. – *Прим. В.Иноземцева.*

стей, оставленных по-прежнему желанными в тех местах британскими путешественниками. Несмотря на нескончаемые в прошлом боевые действия против афридиев (одного

из пуштунских племен), англичане построили тогда в этой местности железную дорогу и остались друзьями. В отличие от англичан, американцы сейчас смотрят с беспокойством и на юг и на север от Гиндукуша.

Река Инд делит Пакистан, расположенный на стыке Юго-Западной, Центральной и Южной Азии, на две части, обуславливая дальнейшее членение страны на провинции. К западу от Инда лежат огромная, но малонаселенная Северо-Западная пограничная провинция и Белуджистан, которые граничат с Ираном и Афганистаном – когда-то именно здесь проходила внешняя граница Британской Индии. В 1970-е годы Пакистан с целью расширения своего стратегического влияния помогал афганским группировкам, в 1980-е он обеспечил тыл и прикрытие для моджахедов, а в 1990-х сыграл важную роль в создании движения «Талибан». В результате всего этого Северо-Западная пограничная провинция фактически превратилась в то, что сейчас называют «курортом, на котором физически и морально восстанавливается “Талибан”»⁴. Пуштунским племенам в течение долгого времени нравилась прозрачность почти 2500-километровой пакистано-афганской границы, поскольку они рассматривали эту территорию как часть собственного горского квазигосударства Пуштунистана. Теперь же пуштуны объединили силы с «Талибаном», поддерживая боевиков, наспех подготовленных в пакистанских медресе и забрасываемых в Афганистан. Там они применяют против сил НАТО знакомую еще по периоду борьбы против СССР тактику вылазок с целью захвата контроля над ключевыми пограничными районами, через которые осуществляется контрабанда оружия и наркотиков. Сколоченная на скорую руку «Джирга мира», призванная объединить племена по обе стороны границы под знаменем борьбы с терроризмом, всего лишь выявляет неспособность правительств США, Афганистана и Пакистана взять под контроль зону племен, а также демонстрирует нехватку опыта. Испытывающий усиленное давление Запада Пакистан фактически находится в состоянии войны с самим собой.

В северном Пакистане еще в V веке до н.э. процветали буддийские святилища с их чудесными каменными ступами, такие как Таксила. Однако сегодня на полпути между Пешаваром, находящимся около Хайберского прохода, и аккуратной и хорошо распланированной столицей Исламабадом, то есть в зоне племен, установлены свои законы – законы джирги (племенных советов старейшин); к тому же там царит кровавая месть. «Финансируя

различные медресе, правительство Саудовской Аравии оказывает намного большее влияние, чем наши собственные власти, которые лишь смотрят сквозь пальцы на рассыпающиеся школы и дома», – сказал мне водитель, в течение двадцати лет курсирующий между двумя городами. Даже в Исламабаде «Лай Масджид» (Красная мечеть) долгое время была центральным узлом ползучей «талибанизации» города вплоть до тех пор, пока в 2007 году ее почти разрушили в результате военной операции. «Аль-Каида», которая, несмотря на отсутствие в ней афганцев, смогла овладеть Афганистаном, сумеет, постепенно видоизменяясь, проникнуть и в те районы, где жители недовольны властью и склонны к традиционному укладу жизни. Самым благодатным из таких мест является Федеральная территория зоны племен Пакистана.

Несмотря на периодические вспышки конфликта между Пакистаном и Индией по поводу Кашмира, будущее Центральной Азии зависит от решения афганского вопроса, который находится под стратегическим наблюдением Центрального командования США и КНР*. Во время «холодной войны» предпочтения США поочередно склонялись то к Индии, то к Пакистану, но когда после во-

* Традиционное отнесение Пакистана и Афганистана к Южной Азии представляется индоцентристской исторической конструкцией времен Британской империи. Эта широко распространенная классификация не отражает нынешнюю стратегическую реальность, согласно которой к Индии все большее внимание проявляют в своих расчетах державы Восточной Азии.

йны 1965 года американцы приостановили поставки оружия в обе страны, Пакистан нашел поставщика в лице Китая, который сам начал войну с Индией в 1962 году. С тех пор Пакистан оказался в центре китайских дипломатических маневров и военных амбиций, а также

планов по размещению там военной инфраструктуры. Признав в 1960-х годах северные территории Кашмира частью Пакистана, Китай создал для Индии психологический дискомфорт и заблокировал ей доступ в Афганистан⁵. Пакистан затем гордо расхваливал проект по расширению Каракорумского шоссе, идущего из Синьцзяна и проложенного на высоте 4,5 тысячи километров через Кунджерабский перевал (что в переводе означает «Долина крови»). Ширина этого коридора такова, что по нему могут проехать сразу четыре танка, что облегчает транспортировку китайского оружия через Гималаи.

На геополитическом рынке Пакистан будет формировать альянсы с любым партнером, лишь бы сохранить свою стратегическую значимость, и вот теперь за небольшие уступки он может манипулировать Соединенными Штатами. Америка щедро поставляет ему оружие (Пакистан является третьим по размеру получателем американской военной помощи), мало пригодное для противодействия разрозненным группам боевиков «Талибана», но вполне приемлимое для войны с Индией. В то же время Пакистан не позволил американцам допросить Абдула Гадир Хана*, злого гения распространения ядерного оружия. Из-за опасений оттолкнуть от себя племенное население страны, пакистанские власти не спешат уступать американцам, требующим задерживать всех лиц, подозреваемых в связях с «Аль-Каидой». Вместо этого, по некоторым сообщениям, они похищают из племен случайных людей и передают их США в качестве террористов. Для властей страны контртеррористическая деятельность свелась к поискам вознаграждения и сбору трофеев⁶.

Тем временем Пакистан стал надежным клиентом китайцев, демонстрируя гораздо большую склонность к «всепогодной дружбе» с ними, нежели с американцами. По просьбе Пекина Исламабад жестоко подавил деятельность уйгурских сепаратистов на своей территории, расправившись с боевиками и изгнав уйгурских студентов из пакистанских медресе⁷. В том же месяце 2006 года, когда Конгресс США под предлогом обеспокоенности правами человека сократил помощь Пакистану, тогдашний президент Мушарраф принял участие в саммите ШОС в Шанхае, получив от организации обещания финансовой поддержки. Еще один пример доминирования китайских интересов над американскими можно наблюдать в Белуджистане – юго-западной провинции Пакистана, являющейся центральноазиатским аналогом Курдистана. Запасы газа в Белуджистане удовлетворяют более трети энергетических потребностей Пакистана. Китай предоставил 350 миллионов долларов

* Абдул Гадир Хан (р. 1935), создатель и руководитель пакистанской ядерной программы, который в 2004 г. продал ряд ядерных технологий правительствам Ливии, Ирана и Северной Кореи, а также способствовал поставке в Северную Корею элементов центрифуг, необходимых для обогащения урана. Несмотря на требования США, президент П. Мушарраф освободил А. Г. Хана от уголовного преследования. – *Прим. В.Иноземцева.*

для прокладки Каракорумского шоссе вдоль реки Инд вплоть до глубоководного порта Гвадар на Аравийском море и нефтеперерабатывающего завода. Тем самым Пакистан получает трассу, которую он всегда хотел иметь, а Китай – доступ к нефти Персидского залива, минуя Малаккский пролив. «Еще каких-то десять лет назад Гвадар представлял из себя крошечную деревушку, в которой царил ужасающая нищета. Широкие планы на будущее – вот, пожалуй, и все, что там было», – припомнил пакистанский бизнесмен, занимающийся в Гвадаре недвижимостью. «Китайцы смогли превратить эту местность в мировой энергетический узел: теперь к порту мог бы вполне пришвартоваться даже “Титаник”! Кроме того, порт придает правительству гораздо больше стратегических козырей для игры с Ираном и богатыми нефтью арабскими странами», – добавил он. Пакистан считает, что лучше всего можно обеспечить свое национальное единство и долгосрочные интересы, если отвести войска из Северо-Западной пограничной провинции, подавить сепаратизм белуджей и защитить китайский порт, а не отлавливать для США пуштунских боевиков. В то время как пакистанские лидеры жестко критикуют агрессивную политику США, один китайский генерал недавно назвал Пакистан «китайским Израилем», а главное – мостом из Китая к Аравийскому морю. Наиболее красноречиво говорит такой факт: после похищения китайцев из массажных салонов Исламабада именно под давлением Пекина Мушарраф распорядился штурмовать «Лал Масджид».

Известна шутка, согласно которой «у каждого государства имеется армия, а у пакистанской армии – государство». Захват власти генералом Мушаррафом в 1999 году стал первым военным переворотом в стране, обладающей ядерным оружием. Несмотря на свои разглагольствования о «просвещенной умеренности», Мушарраф заслужил прозвище «шах Пакистана». Его грязный альянс с исламистскими партиями и радикальными группами подорвал как его собственные позиции, так и американскую программу стабилизации в Афганистане; кстати, то же самое происходило с его предшественниками из числа военных. Что касается модернизации, то в основе экономики Пакистана, контролируемой людьми в погонах, фактически лежат злоупотребления с импортом предметов роскоши и операции с дорогой недвижимостью, в том числе

в подражание роскошествам Дубая возведение в Исламабаде «семизвездных» построек, строительство которых финансируется арабами⁸. Карачи является одновременно и самым богатым, и самым бедным городом Пакистана; это одновременно и центр промышленности, и средоточие радикальных медресе, которые засылают экстремистов в Афганистан и Кашмир. В стране наблюдается рост числа «живых бомб», которые взрываются во всех ее уголках; иного типа роста тут не замечено. Большинство мужчин по-прежнему работают водителями, охранниками или торговцами, все они жаждут предсказуемого будущего в этой беспокойной стране. Увеличивается неравенство доходов; наблюдается рост угонов автомобилей, краж и вылазок религиозных фанатиков. В течение ближайших двух десятилетий население достигнет почти 200 миллионов человек, и эту массу не смогут удержать под контролем даже военные. Пакистан все больше напоминает раздробленную Индонезию, чем демократическую исламскую державу – Турцию.

На протяжении всех 60 лет своего существования Пакистан мечется между властью военных и чем-то отдаленно напоминающем демократию. Но и при демократии, и при диктатуре народ привык к коррупции и отсталости. Подобная ситуация, вероятно, сохранится и в ближайшие годы. В конечном счете, хотя и Афганистан и Пакистан нужны Западу как предсказуемые участники глобальной политики, их власти не способны стабилизировать свои страны, продолжаящие неуклонно распадаться с момента ухода Британской империи. Усилий одного только Запада недостаточно. Сможет ли Китай добиться большего?

Вывод: Смена настроений

На протяжении всей истории «шелковый путь» функционировал должным образом лишь при условии открытости границ и всеобщего процветания. Блокирование многочисленных связующих маршрутов неизбежно провоцирует нестабильность и конфликты. Как показал провальный десятилетний опыт разнообразных рассчитанных на перспективу инициатив, приоритет отдается суверенитету, а не утопическим устремлениям, направленным на построение центральноазиатской конфедерации и объединение ее ресурсов; вот здесь и возникает лазейка для имперского вмешательства¹. В очередной «большой игре» побеждает Китай, поскольку прокладывает новый «шелковый путь», используя то лучшее, что было в стратегиях, применявшихся за сто лет до него Британией и Россией: Китай стремится сохранять буферные государства-союзники, как это делали англичане, но избегает грубых методов завоевания, присущих русским.

Американские и европейские интересы в регионе – борьба с терроризмом, энергетическая безопасность или демократизация – простираются неизмеримо дальше тех возможностей, которые у обеих империй имеются для их достижения. На протяжении двух десятилетий Запад не хотел, да и не мог оказывать влияние ни на одно из постсоветских государств Центральной Азии, чтобы там проводились подлинно демократические реформы. Однако еще Макиндер в своем эпохальном труде «Демократические идеалы и реальность» писал, что «в Срединной земле, где физические контрасты невелики, мы сможем закрепить истинную свободу... лишь в том случае, если станем предлагать ее безупречный образец»². Если Запад не создаст взаимодополняющих и взаимозависимых институтов в центральноазиатских обществах, у него будет оставаться все меньше рычагов влияния на них, особенно если новому поколению лидеров не будет доставать легитимности и поддержки внутри своих стран.

С помощью регионального сотрудничества можно быстрее всего создать философию «шелкового пути» XXI столетия, которая послужила бы собственным нуждам самих «станов» и одновременно открыла бы путь стратегии, предложенной Збигневом Бжезинским, чья суть состоит в «укреплении и сохранении существующего геополитического плюрализма на карте Евразии». Евросоюз и ОБСЕ

похожи на честных, хотя и назойливых посредников; они – единственные из покровителей, которые не намерены атаковать ислам. Евросоюз может увеличить содействие правительствам центральноазиатских государств при условии соблюдения ими норм Совета Европы, членами которого являются постсоветские «станы». Кроме того, Евросоюз может побудить «станы» повысить свою активность в ШОС, чтобы не превращаться в беспомощные квази-колонии, а заставлять Китай и Россию выполнять свои обязательства. Лучшее оружие Запада заключается в содействии либерализму и региональному сотрудничеству³.

Европа все еще может воспользоваться, подобно Китаю, выгодами от возрожденного транспортного коридора с Востока на Запад, снабженного волоконно-оптическими кабелями, идущими от Франкфурта до Шанхая. Уместно напомнить, что в древности именно тяга римлян к сокровищам Востока была причиной возникновения первого «шелкового пути», да и сам этот термин придумал в XIX веке немецкий географ барон Фердинанд фон Рихтхофен. У «шелкового пути», возможно, и присутствует восточный оттенок, зато сама идея – во многом западного происхождения. Европа вновь жаждет получить китайские товары всех видов, из-за чего Центральная Азия становится частью более широкой евразийской экономики, основанной на увеличении торговых отношений между странами европейского и азиатского блоков⁴. После «Лады» наиболее распространенными автомобилями в «станах» являются поддержанные «Мерседесы», «Фольксвагены» и «Ауди». Вместо того, чтобы безучастно наблюдать за тем, как машины европейских производителей угоняют и незаконно вывозят на Восток, Европа могла бы просто собирать машины в Киргизии, экономя на издержках и создавая в этих странах рабочие места, а также увеличивая объем продаж в Китае и Казахстане. Обновление Туркменистана и Узбекистана, а также последующее их превращение в промышленные узлы позволит им конкурировать с Китаем, а не потонуть в потоке китайских товаров, произведенных с использованием местного хлопка. Однако великолепное умение Китая создавать инфраструктуру и рынки посредством тонкой дипломатии не ограничивается только Центральной Азией. Оно проявляется и по другую сторону Тихого океана – в Южной Америке.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

КОНЧИНА
“ДОКТРИНЫ
МОНРО”

14 НОВЫЕ ПРАВИЛА ИГРЫ

Подлинную гегемонию следовало бы сравнить с кислородом, находящимся во вдыхаемом нами воздухе: она так же вездесуща и пропитывает все окружающее пространство, так же обуславливает человеческое существование, оставаясь совершенно невидимой. Однако она же может и удушать – подобно тому, когда в наглухо закупоренной комнате иссякает запас кислорода. Америка добилась глобального господства в XX веке, а в течение предшествовавшего столетия устанавливала свою гегемонию в Западном полушарии. Однако в XXI веке стало очевидно, что гегемонизм США подтачивается на их традиционном заднем дворе – в Латинской Америке, где в игру вступают силы, влияние которых уже не определяется чисто географическими обстоятельствами. Теперь природные богатства Южной Америки могут попадать на зарубежные рынки, в частности, азиатские, быстрее, чем когда-либо прежде. И поскольку в условиях глобализации фактор расстояния потерял значение, то краеугольный фактор доминирующей роли Соединенных Штатов – географическая близость – перестал быть определяющим. Но если не США, то кто способен говорить от имени обеих частей американского континента?

С геополитической точки зрения Латинская Америка всегда выглядела аутсайдером, поскольку от главных театров мировой стратегии ее отделяли океаны. Сейчас она обращает взгляды на Восток и Запад, лишь бы избежать влияния с Севера. Ставки крайне высоки: прочные отношения между США и странами Латинской Америки являются залогом энергетической самодоста-

точности Западного полушария, а также независимости всего этого панрегиона от нестабильной Евразии. Нефть из районов, простирающихся от арктической провинции Альберта в Канаде до Мексиканского залива и Венесуэлы в сочетании с новыми источниками энергии, такими как бразильский этанол, может объединить Северную и Южную Америку в самый мощный в мире торговый блок. Однако Соединенные Штаты считают, что их южные соседи никуда от них не денутся. Это ошибка, потенциально катастрофичная для любых отношений. «Наш регион принадлежит множеству стран, а не только одним США, и он формируется нами», – категорично заявил мне один бразильский дипломат. Общая численность населения Мексики, Бразилии и Аргентины составляет две трети населения Латинской Америки, а Венесуэлы и Колумбии – большую часть оставшейся трети. Если эти ключевые государства сумеют победить своих внутренних демонов, то смогут сформировать остов мощной Латинской Америки, преодолевающей свой окраинный статус и способной серьезно повлиять на ныне формирующийся глобальный порядок. Такой шанс дают им – причем как всем вместе, так и каждому в отдельности – глобализация и геополитические конкуренты Америки.

Имперские системы можно сравнить с надутыми шариками: сначала они все больше увеличиваются в размерах, но затем лопаются. Латинская Америка всегда оказывалась внутри чьих-то имперских пузырей, так и не сумев образовать свой собственный. Действительно, так как ресурсы Латинской Америки издавна служили интересам развитых государств мира, недоразвитость стран региона выступала неотъемлемым условием обеспечения роста глобального капитализма. «Сущность разделения труда между нациями состоит в том, что одни специализируются на победах, другие – на поражениях», – писал уругвайский диссидент Эдуардо Галеано. «Латинской Америке изначально не повезло: она специализировалась на потерях с тех времен, когда европейцы отважились переплыть через океан»¹. После Христофора Колумба развернулась безжалостная борьба за подчинение огромных просторов полушария. Объединенные стремлением распространять католицизм, испанская и португальская монархии поделили между собой все колонии Нового Света. В 1520 году испанский заво-

еватель Эрнан Кортес уничтожил в Мексике империю ацтеков, а в период своего непосредственного господства в Португалии (1580–1640 годы) Испания фактически единолично контролировала все Западное полушарие. Пришельцы подчинили местное население мечом и экзотическими болезнями, при этом христианское «милосердие» вполне оправдывало кровь, пролившуюся в Новом Свете ради серебра и золота. В 1551 году испанский священник Бартоломео де лас Касас написал сочинение под названием «Разрушение Индий». Из уст агентов испанской короны донеслась изобличающая критика рабства. Это произведение иногда называют первым в истории докладом о правах человека – и это даже несмотря на глухоту имперского образа мысли к совести. После протестантской Реформации Новый Свет снова стал учитываться в расчетах, определявших глобальный расклад сил. Тогда Франция и Нидерланды подорвали позиции католической Испании, захватив территории, простиравшиеся от Канады до северного побережья Южной Америки. Однако независимо от того, какая из держав брала верх, гегемония сводилась к неэквивалентной торговле, насаждению клиентских режимов и культурному доминированию².

Удивительно, но психологическое восприятие Латинской Америки в Соединенных Штатах и, соответственно, отношение к ней дипломатии США, не менялись на протяжении столетий. Даже когда Америка поддерживала движения за независимость на территории от Мексики до Колумбии, американский дипломат Руфус Кинг страстно писал в 1799 году Александру Гамильтону: «Я абсолютно убежден в том, что если [Южная Америка] и ее ресурсы не будут предназначены для нас, то они, скорее всего, работают против нас». Аналогичным образом Томас Джефферсон считал Южную Америку «континентом в себе», имея в виду то, что он должен быть полностью подконтрольным Соединенным Штатам. Постепенное утверждение владычества США в Западном полушарии, начавшееся в период между 1790-ми годами и войной 1812 года и затем получившее развитие, было не классическим поиском империалистической державой факторов производства – земли и труда, а вытеснением европейских держав с помощью сочетания дипломатии кошелька и военных побед³. Сформулированная в

1823 году «доктрина Монро» (по имени находившегося тогда у власти президента Соединенных Штатов Америки) подразумевала завершение изгнания из региона европейских государств и установление в нем навсегда абсолютного господства Соединенных Штатов.

Идея «Божественного предначертания» подразумевала не только, как это часто считают, экспансию США на Запад вплоть до Тихого океана, но также и перспективу установления ими контроля над северной и южной частями континента. Президент Джеймс К. Полк воспользовался ослаблением Мексики после длительной борьбы за независимость и в 1845 году аннексировал Техас. К 1867 году госсекретарь Уильям Сьюард приобрел Аляску у России и уже размышлял о Соединенных Штатах, распростершихся от Гренландии до Гайаны с Мехико в качестве второй столицы. Воспользовавшись теорией военно-морского стратега Альфреда Тайера Мэхэна, советники президента Уильяма Маккинли доказывали, что расширение экспортных рынков может предотвратить экономическую депрессию и содействовать социальной гармонии в стране. Предлагавшийся ими подход – проведение в начале XX века политики «открытых дверей» – был нацелен на расширение власти США «без ошибок и неповоротливости, характерных для традиционного колониализма»⁴.

В то же время Америка всегда держала за спиной большую дубинку, даже если, врезаясь с высказыванием Теодора Рузвельта,

* Имеется в виду высказывание президента Теодора Рузвельта: «Не повышай голоса, но держи большую дубинку. Так можно многого добиться» (см.: Американа, Англо-русский лингво-страноведческий словарь. М., 1996, с. 91). – *Прим. В.Иноземцева.*

не всегда говорила тихо*. В качестве самого яркого примера можно привести Кубу. 21 апреля 1898 года Соединенные Штаты объявили войну Испании якобы для того, чтобы освободить Кубу и положить на-

чало ее демократической эволюции. Рузвельт, занимавший тогда пост помощника военно-морского министра, стремился не только победить Испанию, но и установить контроль над Филиппинами, что США и сделали, захватив эти острова. Не прошло и столетия со времени появления «доктрины Монро», как из нее был сделан так называемый «вывод Рузвельта» (Roosevelt Corollary), который ознаменовал появление на свет имперского антиколониализма как

оправдания вмешательства США в дела других стран* Исходный постулат Рузвельта гласил: «Мира нельзя добиться до тех пор, пока цивилизованные нации не возьмем

ют в той или иной форме влияние на варварские народы». Случай Панамы выглядел примером вполне естественной гегемонии Соединенных Штатов как результата зависимости этой страны от экспорта сельскохозяйственной продукции на американский рынок, а также ее олигархической политической системы, что помогло США установить контроль над зоной Панамского канала. Произшедшая при Вудро Вильсоне перемена в подходе США к мировым делам по сравнению с временами Теодора Рузвельта касалась больше формы, нежели сути. Прикрываясь риторикой бескорыстного морализаторства, Вильсон считал, что его долг состоит в том, чтобы «научить южноамериканцев избирать хороших людей» и одновременно ориентироваться на экономические достижения Соединенных Штатов⁵. Однако ни одно из 40 правительств, свергнутых Соединенными Штатами в Латинской Америке после 1898 года, так и не стало демократическим; ведь замысел состоял в том, чтобы внедрить демократию лишь формально⁶. В противоборстве между процессом открытия рынков и распространением демократии всегда побеждал империализм.

В отличие от своего далекого кузена Теодора**, президент Франклин Д. Рузвельт понимал, что прямое вмешательство не только неэффективно, но даже вредно, а потому он стал придерживать-ся «политики добрососедства», с помощью которой после японского нападения на Пирл-Харбор США ненавязчиво принудили большинство латиноамериканских государств разорвать отношения со всеми странами «оси» (гитлеровской Германией и ее союзниками). Но после Второй мировой войны Америка, уже ставшая к тому времени сверхдержавой в полном смысле этого слова, упустила-таки возможность создать коллективную систему безопасности в Западном полушарии. Напротив, «холодная война» возвестила о возвращении былой психологии оголтелого импери-

* «Доктрина Монро» появилась в 1823 году, а «вывод Рузвельта» – в 1904-м. «Вывод Рузвельта» лег в основу доктрины национальной безопасности США. – *Прим. В.Иноземцева.*

** Франклин Д. Рузвельт приходился Теодору Рузвельту шестипородным братом. – *Прим. В.Иноземцева.*

ализма. «Мы всегда готовы прийти на помощь людям, верящим в наш уклад жизни, чтобы они жили так, как хотят», – заявлял госсекретарь Дин Ачесон*. В своей политике Вашингтон откачнулся от принципа противодействия авторитарным режимам к их пол-

* Как разъяснял Уильям Эшплмен Уильямс, американская дипломатия содержит в себе три противоречивых принципа: первый – щедрый гуманитарный порыв, второй – поддержка стремлений зарубежных стран к самоопределению. Однако третий принцип несовместим с первыми двумя, поскольку состоит в том, что проблемы других государств непременно должны решаться по-американски (Williams, W.A. *Tragedy of American Diplomacy*, New York: W.W. Norton, 1988, p. 13).

ной поддержке. Любопытно, что в своей статье, опубликованной в 1950 году в журнале «Форин афферс» под псевдонимом «У», ветеран Государственного департамента Луи Галле высокомерно возлагал ответственность за политическую незрелость латиноамериканского региона на сохранявшиеся там авторитарные режимы. Однако

Джон Фостер Даллес высказался гораздо откровеннее: «Не пытайтесь оскорблять диктаторов. Они – единственные люди, от которых можем зависеть и мы».

В Латинской Америке «холодная война» свелась к тридцатилетней «грязной войне» между левыми силами континента и, как правило, более мощными правыми, всецело поддерживаемыми американцами. В рамках своей стратегии энергичного противодействия коммунизму советского типа Соединенные Штаты заставили латиноамериканские режимы объявить вне закона коммунистические партии и подавить все левые силы некоммунистического толка, сокрушить все (за исключением самых послушных) рабочие движения, а также разорвать связи с Советским Союзом⁷. Тяга государств региона к самоопределению была столь слаба, что 21 апреля 1961 года США решились провести злополучное вторжение в Залив свиней с целью свергнуть Фиделя Кастро в нарушение законодательства о нейтралитете и договорной системы, которые США сами же и установили. Президент Дж.Кеннеди сделал экономические связи одной из основ американской стратегии, положив начало «Союзу ради прогресса», дабы свести воедино демократические намерения, экономический рост и антикоммунизм⁸. Последовала крупная промышленная экспансия на пространстве от Мексики до Аргентины. Тем не менее после более чем полувека проведения в жизнь политики «открытых дверей» и «добросо-

седства», приоритеты, установленные Америкой – стабильность, демократия, капитализм – так и остались далекими идеалами. По словам бывшего президента Бразилии Фернандо Энрике Кардозу, демократия предстала в виде некоего «экзотического растения» на фоне спектра колебаний между правым милитаризмом и левыми военными диктатурами⁹. Большинство лидеров той эпохи участвовали в походе против левых и сдерживали правых, а модернизация была лишь кодовым словом, обозначающим зависимость от Америки.

В 1970-е годы латиноамериканские лидеры, наконец-то, стали объединяться под знаменем «Нового международного экономического порядка» – движения развивающихся стран за увеличение своей доли в доходах от экспорта сырья, а также за расширение иностранной помощи. Однако фактически Мексике, Венесуэле, Бразилии и Аргентине пришлось наращивать свои внешние заимствования для того, чтобы обслуживать прежние долги. Тут напрашивается аналогия с ситуацией, когда пьяным матросам напитки подает сам изрядно захмелевший трактирщик. В результате 1980-е годы оказались «потерянным десятилетием» для Латинской Америки, которая, по словам бывшего министра торговли Венесуэлы Мойзеса Наима, стала «погибшим континентом, подобным Атлантиде»¹⁰. Кризис следовал за кризисом. Мало того, вслед за Соединенными Штатами (словно гром после молнии) МФВ заставлял латиноамериканские режимы затягивать пояса, как того требуют канонические рецепты «вашингтонского консенсуса», и проводить поспешную либерализацию в расчете на реализацию в международном масштабе известного из экономической теории эффекта «просачивания благ сверху вниз»¹¹. Через сто лет усилий по построению Панамериканского союза все еще продолжаются жаркие дебаты по поводу того, как все-таки совместить растущие запросы латиноамериканцев с сохранением их неэквивалентной торговли с США в рамках Межамериканского соглашения о свободной торговле, охватывающего территорию от Аляски до Огненной Земли.

Одновременно в Западном полушарии углубляется коммерческое присутствие Китая, обеспечивая его стратегическую роль. Китайцы проникли в Латинскую Америку благодаря политике «от-

крытых дверей», провозглашенной еще президентом Маккинли. Привлекательность КНР для латиноамериканского континента заключается в том, что она является сверхдержавой, не имеющей колониальных замыслов. Объем ее торговли с Латинской Америкой возрос с 200 миллионов долларов в 1975 году до почти 50 миллиардов долларов в 2004-м¹². Ни одна развивающаяся страна не в силах устоять перед высокой ценой, которую китайцы готовы платить за такие товары, как соевые бобы или железная руда; в последнее время именно фактор доходов, полученных от Китая, обусловил большую часть экономического роста Аргентины и Бразилии. Когда в 1999 году Соединенные Штаты передали контроль над Панамским каналом Панаме, ее правительство быстренько переуступило права управления портами, расположенными на обоих концах канала, некоей китайской фирме, которая в настоящее время его и эксплуатирует. В 2006 году панамцы проголосовали за расширение канала, чтобы он стал способен пропускать огромные китайские танкеры. Китайцы также отремонтировали другие порты и заводы в Центральной Америке для того, чтобы ускорить доставку своих товаров в Соединенные Штаты. Подобно тому, как КНР распространяет свое влияние к северу от своих границ на российскую Сибирь, точно так же она стремится на запад еще одной арктической страны – Канады, для которой потихоньку становится вторым по величине торговым партнером, сооружая совместно с ней трубопровод стоимостью два миллиарда долларов для транспортировки нефти, добываемой из нефтеносных песков Альберты, до тихоокеанского побережья Британской Колумбии.

Америка всегда склонна искать внешнего врага. Так, мифотворчество Рональда Рейгана о Советском Союзе включало утверждения, будто тот планирует организовать орды азиатов и даже жителей Латинской Америки, после чего США почти автоматически падут¹³. Сейчас кое-кто смотрит на Китай как на такую же отвратительную силу, использующую в своих интересах минеральные ресурсы Латинской Америки и устанавливающую на самом высоком уровне отношения между представителями военных ведомств¹⁴. Более того, существуют и такие опасения: поскольку Соединенные Штаты Америки перестали поддерживать латиноамериканские военные диктатуры, китайское присутствие может подорвать за-

дачи Америки в области прав человека и демократизации, одновременно инициировав новый виток зависимости континента от экспорта природных ресурсов¹⁵.

КНР предлагает латиноамериканцам новый подход к бизнесу – за рамками кодексов и правил, установленных США. Пекин не навязывает латиноамериканским странам никаких политических условий, кроме отказа от признания ими Тайваня, которому на протяжении десятилетий страны региона, особенно центральноамериканские, оказывали дипломатическую поддержку, даже наделив его для ведения торговых отношений статусом страны с рыночной экономикой. В целом Китай пока действует больше с помощью денег, чем слов. И если латиноамериканские лидеры прекословят Соединенным Штатам, то в этом нет вины китайцев. Высокие цены на нефть и коррумпированные правительства, а вовсе не рост спроса со стороны КНР (на которую по-прежнему приходится менее 10% внешней торговли Латинской Америки) – вот основные причины зависимости от природных ресурсов¹⁶. В конечном счете экономические интересы Китая в Латинской Америке одновременно и благо, и проклятие: благодаря им впервые за многие десятилетия увеличилось сальдо внешнеторгового баланса стран континента, хотя одновременно обострилась конкуренция, поскольку китайцы давят на неэффективных производителей как на национальных рынках, так и при осуществлении ими экспорта в Первый мир.

Выражаясь романтическим языком, Китай лишь обхаживает Латинскую Америку, не собираясь жениться на ней. Тем не менее его внимание к основным нуждам государств континента – таким как потребность в инфраструктуре – означает, что Китай сможет тактично купить их нейтралитет в дискуссии по поводу демократии и прав человека¹⁷. Если Соединенные Штаты искренни в намерениях демократизировать Латинскую Америку, то они должны понимать, что китайское присутствие – благо, ведь увеличение экспортных доходов позволит странам региона усовершенствовать системы социальной защиты, расширить возможности участия населения в политических институтах, а также увеличить импорт из США. В то же время Соединенные Штаты должны убедить латиноамериканских лидеров в том, что Китай – вовсе не альтерна-

тива, а скорее дополнение к американскому лидерству. Однако начиная с 1990-х годов и по сегодняшний день американская дипломатия действует в стиле «горячо-холодно» с постоянными шараханиями из крайности в крайность и верностью принципу «все сразу, либо ничего». Это лишь способствовало умножению когорты лидеров левого толка, которые противостоят американским посягательствам под предлогом сопротивления чуждой культуре, громогласно отвергая рецепты «вашингтонского консенсуса» и призывы к демократизации. Даже в такой формальной организации как Организация американских государств, в Уставе которой напыщенно провозглашено «уважение к каждой личности», Соединенные Штаты не смогли внедрить ничего похожего на сложный, многоуровневый механизм влияния, реализуемый через наставничество ЕС в отношении стран Восточной Европы. Хотя в прошлом генеральные секретари ОАГ фактически представляли североамериканские интересы, в 2005 году организация открыто отвергла всех предложенных США кандидатов на руководство ею. Это явный признак того, что в Латинской Америке американский империализм потерпел неудачу, так как ушел в прошлое излюбленный лозунг поощрения демократии, использовавшийся для прикрытия стремления к господству.

Отношение латиноамериканцев к отношениям с «Севером» (El Norte) характеризуется все большей двойственностью. Сейчас они уверены, что Колумб не столько «открыл» континент, сколько положил начало его завоеванию, которое привело к многовековой эксплуатации, кульминацией которой стало проникновение многонациональных монополий в такие ключевые отрасли, как сахарная. Несмотря на то, что США ежегодно выделяют помощь на цели развития латиноамериканского континента в размере более миллиарда долларов, а также играют исключительно важную роль в его внешней торговле, они больше не правят Западным полушарием «с помощью декретов» (как выразился Ричард Олни в 1895 году). Если имперская психология Америки не изменится, то мечта Сьюарда об американском панрегионе не будет воплощена в жизнь – и это в условиях, когда своего часа с нетерпением ожидают наши конкуренты.

В то же время, в отличие от других регионов, где царят ненависть к США и страх перед их военным вторжением, латиноамериканские страны хотят, чтобы Соединенные Штаты жили в соответствии с собственными душеспасительными увещеваниями по поводу свободной торговли и демократии, не делая при этом никаких исключений. Когда демократизация и глобализация успешно увязаны, выгоду получают прежде всего США: наиболее интегрированным в глобальную экономику странам региона – Мексике, Бразилии, Чили – присущ прагматичный подход к отношениям с северным соседом. «Мягкая власть» Америки также имеет влияние на латиноамериканские страны – не в последнюю очередь через десятки специалистов-технократов, получивших образование в самых престижных учебных заведениях США из «лиги плюща» и занявших посты в ключевых министерствах. Именно эти люди в конце 1990-х годов стали наиболее решительными сторонниками свободной торговли¹⁸. Соединение огромных арктических энергоресурсов Канады с тучными и сочными пампасами Аргентины способствовало бы созданию зоны свободной торговли в составе 34 стран, товарообмен между которыми превысит 13 триллионов долларов – куда больше, чем в любом ином регионе мира. Поскольку в странах Восточной Азии и Восточной Европы заработная плата неуклонно растет, Соединенные Штаты приходят к осознанию того факта, что Латинская Америка дает им стратегические экономические возможности. Вот почему для конкуренции с Азией американцы увеличивают свои инвестиции на континенте, пытаясь создать мощную производственную базу с невысокими издержками. В перспективе интерес Вашингтона к региону будет еще более усиливаться и он начнет считать его не своим задним двором, а соседом. Но пока что американцы больше сосредоточены на регулировании рынков, а не на их строительстве. Чисто экономически объединение Северной и Южной Америки должно пройти гораздо легче, чем интеграция Европы, хотя еще предстоит создать прочные хозяйственные связи между субрегионами самой Латинской Америки¹⁹. Речь идет о точно таком же сценарии, как в Восточной Европе, где продуманные институциональные реформы в каждой стране обеспечили должное сочетание политических форм с экономическими задачами. Это предот-

вратит социально-политические беспорядки, продолжающие терзать Латинскую Америку и неизбежно угрожающие Соединенным Штатам, поскольку потоки неквалифицированной трудовой миграции, наркотиков и преступности распространяются через Мексику в северном направлении.

Между Африкой и Восточной Азией

На протяжении нескольких десятилетий не было отмечено ни одного серьезного конфликта между какими-либо двумя странами Южной Америки: здесь понятие войны между государствами ушло в прошлое. В то же время почти все страны континента постоянно находятся в состоянии внутренней войны за свои сущностные основы, власть, ресурсы и социальную стабильность. Чудовищное насилие на улицах, начиная от небольших городков на границе Мексики с США и кончая трущобами Сан-Паулу, резко контрастирует с красотами природного ландшафта и великолепием колониальной архитектуры латиноамериканских стран.

Географическое расположение Латинской Америки между Африкой, принадлежащей к Третьему миру, и Восточной Азией – потенциально частью Первого мира, как нельзя удачнее подчеркивает всю непрочность положения континента. Благодаря использованию всего двух государственных языков, территориальной компактности и отсутствию открытой военной напряженности Латинская Америка могла бы добиться большей интеграции, чем сегодняшняя Восточная Азия. Однако после столетий господства торговых государств Латинская Америка и Африка остаются практически отвергнутыми более мощными северными державами, а сами лишь пробавляются пустыми разговорами о братской общности со своими ближайшими соседями. Оба региона страдают от ширококомасштабной незаконной торговли сырьевыми товарами, которая угрожает подорвать любой долгосрочный экономический прогресс, а также от солидной утечки мозгов и оттока капитала в Европу и Соединенные Штаты. Отчасти подобно тому, как об африканском континенте помнят лишь благодаря существованию Нигерии и ЮАР, точно так же Латинская Америка вряд ли была

бы заметна на дипломатической карте мира, если бы не Мексика, Венесуэла и Бразилия. Ни тот, ни другой регион не обладают экономической конкурентоспособностью, оба страдают от высокого уровня задолженности, чрезмерных государственных расходов, низкого уровня собираемости налогов, падающей производительности, низкой инновационной активности, слабых стандартов образования, высоких издержек ведения бизнеса, застойной нищеты как в городах, так и в сельских районах²⁰. Латинская Америка и Африка характеризуются самым высоким в мире неравенством доходов, причем в Латинской Америке его масштабы значительно больше, поскольку здесь проживает большее количество богатых людей. Живущие высоко в горах индейцы мало чем отличаются от обездоленных крестьян Африки, вспахивающих свои крошечные наделы. В то же время сверхбогатая элита обеих континентов живет на роскошных виллах, пользуясь всеми благами, присущими Первому миру.

Все латиноамериканские танцы – сальса, самба, румба, танго – состоят из быстрых, порывистых и даже непредсказуемых резких движений из стороны в сторону. То же самое можно сказать и о политике стран Латинской Америки. Проблема заключается в неспособности проводить экономические реформы, а не в их сути. Именно это во многом стало причиной замедления экономического роста и низких социальных показателей Латинской Америки²¹. Южноамериканцам присуща высокая степень самоуважения и гордости, но при этом они не выказывают особого уважения друг к другу, о чем свидетельствует разгул преступности и нищеты. В латиноамериканской культуре насилие часто камуфлируется словами о достоинстве и воле к победе, но понять истинный смысл проводимой в странах континента политики можно только читая между строк и даже воспринимая сказанное наоборот. За редким исключением, тяга к преувеличениям является неотъемлемым свойством всех латиноамериканских политиков: пафос для них важнее реальности. В результате сложилась политическая культура, подразумевающая вопрос: «Зачем говорить правду, когда можно солгать?» Главным оправданием становящихся все более извращенными привычек служит отказ от колониального наследия. В отличие от азиатских стран, опирающихся на конфуцианские или ис-

ламские ценности, в Латинской Америке практически отсутствует социальный договор, закрепленный в законах и институтах. Местные лидеры не знают, что такое доверие и ответственность: редкое правительство дорабатывает до окончания хотя бы первого срока. В латиноамериканской культуре принято слишком терпимо относиться к «хорошей коррупции», которая, мол, облегчает переговоры и ускоряет ход дел. При этом не замечают, что на самом деле она является порождением и средством воспроизводства «плохой коррупции» – той системы кланов и блатного капитализма, которая преобладает даже в самых демократических государствах Латинской Америки. Нет ни одной жизненной сферы, где бы ни водились всякого рода прихлебатели и посредники, действующие от имени власти. А демократия лишь усиливает стремление лидеров сначала украсть все, что возможно, а затем бежать.

Тем не менее благодаря мощной экономике таких стран, как Бразилия и Мексика с их огромными нефтегазовыми ресурсами, а также близкому расположению к импортирующему монстру под названием США, Латинская Америка может стать важным регионом Второго мира²². В связи с открытием в Южной Америке свободной визовой зоны бразильский министр иностранных дел Селсу Аморим заявил: «Интеграция является императивом: в мире, где царствуют большие блоки, мы станем сильнее, если объединимся». Если будет последовательно выстраиваться предполагаемое Южноамериканское сообщество наций, то на переговорах с Первым миром континент в скором времени сможет выторговать себе гораздо лучшие условия.

15 МЕКСИКА: КРОВНАЯ СВЯЗЬ

Предполагалось, что Североамериканская зона свободной торговли (НАФТА) позволит Мексике присоединиться к числу стран Первого мира. Но как раз в тот день, когда вступило в силу соглашение о создании НАФТА, а именно 1 января 1994 года, Сапатистская армия национального освобождения начала полномасштабное восстание, стремясь привлечь внимание к бедствиям обездоленных фермеров. Мятежники захватили четыре южных муниципальных округа, причем были убиты два ведущих деятеля правящей Институционно-революционной партии. Президент Карлос Салинас применил в ответ жесткие репрессии против сапатистов и тысяч их сторонников среди крестьян. Как заметил один из журналистов, «Мексика показала себя страной скорее Третьего, нежели Первого мира». В создавшейся ситуации и мексиканцы, и американцы будут по-прежнему нести потери, пока не найдут лучшего способа, чтобы вытянуть Мексику из Второго мира.

Участие в НАФТА неизбежно подразумевало отказ Мексики от всяких претензий на лидерство в независимой Латинской Америке. Отныне эта страна навечно расположилась под стратегическим зонтиком США – несмотря на возведение барьеров на границе. «Для нас главной проблемой является не безопасность: никто не собирается захватывать Мексику, – делится мыслями бывший мексиканский дипломат, ныне занятый академическими исследованиями. – В реальности экзистенциальным вызовом для Мексики стала глобализация: именно с ней связаны трудности с приспособлением к международной конкуренции, рост разрыва в доходах, ак-

тивизация наркотрафика и переброски людей по мексиканской территории в США». После старта НАФТА в 1994 году иностранные инвестиции в Мексике выросли практически вчетверо. Как и Казахстан, Мексика диверсифицирует свою экономику, уходя от извечной опоры на единственную статью экспорта. Некогда страна в основном вывозила нефть, но теперь на долю промышленных товаров приходится 80% мексиканского экспорта¹. В то же время в Мексике модернизация ограничивается промышленными предприятиями сборочно-конвейерного типа на таких островках «чистого бизнеса», как Монтеррей. В Китае же, напротив, быстрое и повсеместное повышение квалификации рабочей силы привело к тому, что после своего присоединения к Всемирной торговой организации в 2001 году китайцы вскоре опередили мексиканцев по объему экспорта в Соединенные Штаты продукции собственной обрабатывающей промышленности и текстиля. Несмотря на выигрышное географическое расположение Мексики, там были закрыты и перемещены в КНР более 300 примитивных сборочных производств «макиладорас», что привело к потере Мексикой 300 тысяч рабочих мест. Это тут же обернулось мощным всплеском нелегальной иммиграции в США². С пограничным ограждением или без него, мексиканские трудности могут впредь становиться проблемами для Америки даже быстрее, чем это происходит сейчас.

Неравенство и нестабильность идут рука об руку. Вне Мехико – и, конечно же, в нем самом – мы видим страну, где на каждом углу монументы в колониальном стиле соседствуют с ветхими трущобами, а на больницы и школы государственные деньги тратятся в последнюю очередь. Бывший мэр Мехико Андрес Мануэль Лопес Обрадор подтянул вожжи и обеспечил себе популярность, внедрив программы социальной и продовольственной помощи пожилым в масштабах всего обширного мегаполиса с двадцатимиллионным населением. Благодаря этому в 2006 году Обрадор почти добился поста президента Мексики, проиграв на выборах с незначительным отставанием – причем только после того, как их результаты стали предметом рассмотрения в суде. Как и повсюду во Втором мире, власть в столице равнозначна общенациональной власти. Обрадор снова вывел своих сторонников на улицы и организовал демонстрации в своем городе, чтобы насолить побе-

дившему сопернику Фелипе Кальдерону. Впрочем, при Обрадоре или без него, мексиканцы постоянно протестуют, проводя десяти-тысячные манифестации против повышения цен на маисовые лепешки и прочие базовые продовольственные продукты.

Раскол между деревней и городом в мексиканской политике показывает, что на самом деле существуют четыре Мексики. Это прежде всего северный регион на границе с США, где доллары и песо взаимозаменяемы; затем центральная Мексика, где расположены столица и житница всей страны; далее автохтонный живописный, но неразвитый в хозяйственном отношении регион на перешейке; и, наконец, «новая страна майя» – регион Юкатана, претерпевающий неравномерную модернизацию и чрезвычайно бедный³. Имевший особую ценность в колониальные времена, мексиканский штат Оахаса в 2006 году пережил месяцы ожесточенных стычек с участием вооруженных банд, полицейских нарядов и местных активистов, что погубило там туристическую индустрию. Именно в таких районах, как Оахаса, мексиканцы преодолевают ограждения и пограничные кордоны вдоль границы общей протяженностью в три тысячи километров, стремясь к стабильной жизни в Лос-Анджелесе. Охочие до наживы «птицеловы» («койоты», занимающиеся трафиком нелегальных иностранцев) по-прежнему тайно ввозят в Соединенные Штаты гораздо больше иммигрантов, чем это фиксируется официально, и хотя большая часть потребляемых в США запрещенных снадобий производятся в Колумбии, их в основном провозят через Мексику с помощью местных организованных преступных групп. Поэтому приграничные города, такие как Нуэво-Ларедо, становятся ареной грабежей, похищения людей и бандитских разборок⁴. Для Соединенных Штатов мексиканская иммиграция – палка о двух концах. Мексиканцы нанимаются на стройки и в рестораны (где сами американцы трудиться не желают) и работают там интенсивно и долго. Вместе с тем из-за иммигрантов трещат по швам и без того недофинансируемые системы образования и здравоохранения⁵. Денежные переводы в сумме 16 миллиардов долларов ежегодно, которые мексиканцы отправляют из всех пятидесяти американских штатов, служат важным источником дохода их семей в Мексике. Это позволило поднять ВВП на душу населения в стране до 9 тысяч долларов, что

почти вдвое превышает уровень, при котором эмиграция теоретически должна была бы сократиться. Но поскольку неравенство в Мексике крайне высоко (и почти половина населения живет в нищете), нелегальная иммиграция продолжается независимо от того, нравятся ли она Америке или нет.

Чтобы экономика Мексики выровнялась, потребуется нечто большее, чем хозяйствование в рамках НАФТА на принципах *laissez-faire*. Самый щедрый жест США в сторону Мексики состоял в спасении песо во время финансового кризиса 1994 года, но с тех пор НАФТА намного отстала в сравнении с тем, что ЕС уже сделал для Турции. В США восприняли бы как нечто немыслимое предложения в адрес Мексики, которых сама Америка требует от Евросоюза для Турции: членства в интеграционном объединении, общего гражданства, участия в Европарламенте, свободной миграции, больших субсидий и языковых прав в рамках союза без границ. Между тем, если Европа уже давно начала втягивать в себя Турцию именно в реальных аспектах экономики и политики, Соединенные Штаты скупо инвестируют в программы мелкого предпринимательства и массового образования, которые необходимы, чтобы побудить талантливых мексиканцев не покидать родину. Однако на то, чтобы помешать мигрантам и преступности наводнять США, а также обезвредить токсичные отходы, которые «макиладорас» уже успели сбросить в Рио-Гранде, потребуется не меньше средств, чем на «Североамериканское сообщество», в рамках которого, как и в Евросоюзе, образованы огромные фонды развития⁶. Не стоит заблуждаться: Америке в конечном счете придется купить Мексику, а не просто «взять в аренду» часть ее приграничного региона.

С НАФТА или без нее, но куда более серьезное демографическое и культурное смешивание уже происходит по всему Западному полушарию. Культурные и миграционные связи не только удержат Латинскую Америку на экранах американских радаров, но и полностью изменят цвет этих экранов. Поскольку мексиканцы – единственная группа среди иммигрантов, у которой могут быть исторически обоснованные притязания на территорию США, местные писатели даже именуют волны мексиканской миграции в Соединенные Штаты «реконкистой». Если прежде родственной

дух Латинской Америки не распространялся на североамериканцев, то теперь он растекается в северном направлении заметно быстрее, нежели «американские ценности» завоевывают пространство к Югу. Юго-Запад США связан с Мексикой не только экономически. В штатах, где велика доля испаноязычного населения, например, в Калифорнии, Техасе, Аризоне и Нью-Мехико, стало нормой двуязычие⁷. Испанский быстро завоевывает позиции в качестве второго языка США, а два десятка членов Конгресса из числа латиноамериканцев – лишь один из признаков нынешнего всплеска влияния иммигрантов на американскую политику. В то время как пожилые американцы стали переезжать в Мексику из-за более дешевого здравоохранения, миллионы нелегальных мексиканских иммигрантов пользуются социальным обеспечением в Соединенных Штатах за счет местных налогоплательщиков. Консерваторы в США опасаются, что подобно Римской империи Америка со временем превратится в конгломерат разных рас, объединяемых только политическим режимом⁸. Между тем, поскольку Майами служит базой латиноамериканской элиты и там отмываются деньги, заработанные на наркотиках, нет ничего удивительного в том, что многие латиноамериканцы шутят: «Нам нравится в Майами – ведь этот город находится так близко от США!»

Только с помощью таких интеграционных проектов, как предложенный Мексикой «Пуэбла-Панама», Центральная Америка способна воспользоваться преимуществами своего географического расположения между двух больших континентов и стать важным коридором межконтинентальной глобализации. По своим размерам этот регион примерно равен Калифорнии и имеет сравнимое с ней население (приблизительно 35 миллионов человек), но он расщеплен на семь отдельных стран, известных как «банановые республики» начала XX столетия. Каждая из них была прежде напичкана оружием, а сегодня их главную слабость составляет скудная система социального обеспечения. При большой нищете и высокой безработице эти государства Третьего мира в основном специализируются на выращивании цветов, на наркотиках и оружии. Если администрация Рейгана боролась с потенциальными олицетворениями «империи зла» в Гренаде, Сальвадоре и Никарагуа, то теперь Соединенные Штаты усваивают тяжелый

урок, суть которого в том, что даже без мощных повстанческих армий Центральная Америка может представлять собой подлинную угрозу безопасности всего полушария. После того как США выслали тамошних преступников обратно в их родные страны, формирование военизированных банд существенно ускорилось. Сегодня по всему региону (включая Мексику) их численность превышает 100 тысяч человек. В частности, поскольку 70% экономики Гватемалы относятся к неформальному сектору, единственное, в чем она действительно конкурирует с Мексикой, – это банды, борющиеся между собой в сфере нелегальной переброски в США наркотиков и людей. Ячейки банды М-13 все плотнее координируют свою криминальную деятельность в Соединенных Штатах из Сан-Сальвадора. Так что если прежде Центральная Америка была полем боя для США, то сейчас центральноамериканскому криминалу принадлежат улицы самих американских городов.

Одновременно в Центральной Америке проверяется возможность триумфа интеграции в Западном полушарии. Создание Центральноамериканской зоны свободной торговли (ЦАФТА) обеспечило снижение американских импортных тарифов, что должно способствовать созданию рабочих мест и наращиванию экспорта (как это произошло с Мексикой под влиянием НАФТА). Как было написано в редакторской колонке «Нью-Йорк таймс», ЦАФТА «вряд ли подтянет экономики [стран региона] до уровня XXI века, но ее может оказаться достаточно, чтобы они доросли до уровня XX-го»⁹. Правда, исконное пренебрежение США к крошечным рынкам стран Центральной Америки и Карибского бассейна позволяет другим государствам собирать там «доступную мелочь». Так что пока американские инвесторы в основном ищут внушительной отдачи на вложенный капитал в таких странах как Китай, сами китайцы двинулись в Центральную Америку и строят фабрики поближе к своему главному экспортному рынку – США. Эмбарго, которое Америка наложила на Кубу – эту свою маленькую богиню возмездия Немезиду, – позволило КНР стать там одним из крупнейших инвесторов (опережая Канаду и находясь на втором месте после Венесуэлы). Китайцы даже заняли на Кубе разведывательные объекты бывшего СССР и разрабатывают нефтяные месторождения, вывесив свои флаги на вышках. Весьма пока-

зательна ситуация с Гаити: за прошедшее столетие американцы не раз оккупировали эту страну, чтобы стабилизировать в ней обстановку, но так и не сумели избавить ее от сомнительной чести слыть беднейшей в Западном полушарии, хотя она и расположена всего лишь в нескольких сотнях километров от берегов США. Именно действовавшие под эгидой ООН китайские, чилийские и бразильские миротворцы удержали Гаити от возвращения в пучину анархии¹⁰. Ныне всякая малая страна, ощущающая пренебрежение к себе со стороны более крупных и богатых соседей, может найти поддержку на общепланетарном геополитическом рынке. Это одно из преимуществ глобализации, на которое пока не обратили достаточного внимания. Если Америка не готова демонстрировать добрую волю в Западном полушарии, то есть на собственном заднем дворе, то искомое региональное лидерство может исходить уже от Южной Америки и распространяться в северном направлении.

16 ВЕНЕСУЭЛА: МЕСТЬ БОЛИВАРА

В начале XIX века, сражаясь за освобождение Южной Америки от испанского владычества, бесстрашный борец с колониализмом и революционер Симон Боливар неустанно вынашивал планы континентального единства. Впрочем, созданная им Великая Колумбия вскоре раскололась на множество революционных республик, что лишило Латинскую Америку единого полюса силы, вокруг которого она могла бы объединиться. Отчасти этим и была обеспечена длительная гегемония США в Западном полушарии. Но сегодня главная улица Каракаса, в котором родился Боливар, названа в его честь Проспектом Освободителя. Именно Венесуэла, а не Китай или Европа, олицетворяет крах доктрины Монро. Без нефти Венесуэла с ее руководителями-популистами и регулярными военными переворотами стояла бы в ряду других сельскохозяйственных захолустий Третьего мира, однако благодаря нефти она представляет собой нечто совсем другое. При грамотном управлении и сбалансированном развитии она могла бы превратиться в крупного поставщика энергоресурсов и стать региональным примером успеха, а также дипломатически катализировать осуществление, наконец, мечты Боливара. Однако сложившиеся обстоятельства всему этому не благоприятствуют.

Естествоиспытатель Александр фон Гумбольдт восхищался вечной весной в Венесуэле, однако фактически страна дает яркий пример нахождения «не на той широте»¹. После Второй мировой войны торговцы и рабочие из Испании, Италии и Португалии считали Венесуэлу страной больших возможностей, а их выросшие в

ней дети стали врачами и юристами. В 1950-е годы благодаря добыче нефти местными олигархами и иностранными корпорациями Венесуэла попала в ряды стран Первого мира. Каракас был одним из самых безопасных и культурных городов планеты. Однако в Южной Америке прогресс всегда стопорится политической неопределенностью, а вовсе не нехваткой ресурсов. Венесуэльские лидеры 1960-х годов, получавшие власть в ходе выборов, но затем становившиеся автократами, оставили после себя наследство в виде «первоклассных автомагистралей посреди руин и разрушенных экосистем, неподъемный долг и столь же ленивых, как прежде, работников»². В начале 1970-х годов на Венесуэлу и другие государства ОПЕК буквально пролился золотой дождь, вызванный самым сильным за всю историю перераспределением доходов в мире, произошедшим в невоенных условиях. Это пробудило стремление к величию³. Однако нефтяные доходы избаловали Венесуэлу, она запустила свое сельское хозяйство и подцепила «голландскую болезнь». Купавшаяся в нефтедолларах государственно-частная олигархия просто удвоила свои расходы, а корпорации заместили общество в качестве главного визави государства. В 1980-е годы падение нефтяных цен привело к росту всех возможных дефицитов; долги увеличивались, производство замедлялось, капитал убегал из страны, инфляция ускорилась, увеличились объемы иностранных заимствований⁴. По выражению основателя ОПЕК Хуана Пабло Переса Альфонсо, Венесуэла «тонула в дьявольском дерьме».

Точно такой же оборот событий может повториться в Венесуэле сегодня. На политической сцене Латинской Америки наличие сильных лидеров всегда оборачивалось ослаблением институтов. Регион страдает не только от расположения «не на той широте», но и от порочного отношения к делу. Дальше всех зашел в этом Уго Чавес, чьи многочисленные выходы выявили типаж, который точнее всего можно охарактеризовать как «Нарцисс ленинского типа». После неудавшейся попытки государственного переворота и тюремного заключения в 1992 году левый националист Чавес вознесся к президентской власти в 1998 году на платформе, обеспечившей ему поддержку тех, кто ущемлен в гражданских правах. В своих все более безудержных разглагольствованиях он

вовсю эксплуатирует обиды и подозрения низших слоев общества, вызванные пренебрежением к ним элиты.

Пригороды Каракаса возвышаются над многоэтажками ободранных офисных зданий, расположенных в долине, а скопления жилых лагун волнами накрывают холмы, напоминая готовый приземлиться пчелиный рой. Вопрос для их обитателей состоит не в том, сохранятся ли в стране коррупция, воровство или взяточничество, а просто достанется ли им хоть что-то, чтобы свести концы с концами.

«Правительство может находиться хоть здесь, хоть на Луне, – бурчит бедняк в Петаре, пригородном районе Каракаса. – Все, что нам нужно, так это чек на получение пособия». Харизматичный и безответственный Чавес манипулирует массой обездоленных сограждан, которые не требуют отчета ни в управлении, ни в расходовании нефтяных денег, поскольку не сознают, что государство и его ресурсы в конечном счете принадлежат именно им⁵. «Люди преданы Чавесу, что бы он ни делал: ведь он дал им надежду – объясняет политолог из Каракаса. – Сторонники Чавеса отдадут за него все».

В Венесуэле бензин дешевле воды. Ориентируясь на модель успешных нефтяных фондов, существующих от Аляски до Норвегии и Казахстана, Чавес также мог бы без труда создать фонд для перераспределения нефтяных доходов, из которого самые бедные получали бы больше всех, да и остальные не оставались бы в накладе. Менее чем за десятилетие та часть населения страны, которая живет максимум на два доллара в день и сейчас составляет большинство, могла быть сведена на нет⁶. Но если в Казахстане были существенно расширены права собственности, а нефтяные богатства пошли на поддержку частного предпринимательства, то концепция «боливарианского социализма», которой придерживается Чавес, по-прежнему накрепко привязана к государственному контролю. Земли, отнятые у богатых владельцев, переданы крестьянским кооперативам и не могут находиться в частной собственности; профсоюзы ликвидированы⁷. Казалось бы, Чавес поступает совершенно правильно. При нем появились субсидируемые займы, сельскохозяйственные кредиты, сети по распределению продовольствия и программы профилактики здоро-

вья, к выполнению которых привлекли врачей с Кубы⁸. Но в производственных коллективах люди работают на единственного заказчика – государство. Так что его платежная ведомость раздулась до списка более чем в три миллиона человек. Чавес использует нефтяные фонды так же, как это делается и во всякой другой латиноамериканской стране – больше в политических целях, нежели для реального сокращения неравенства⁹.

Вполне возможно, что Чавес искренне печется о благе страны, но то, как он расходует богатство, полученное от продажи нефти, напоминает наркотическую зависимость: для кайфа ему требуется все больше. Правительство одновременно нарастило в четыре раза как внутренний, так и внешний долг, тогда как больницы разваливаются, поскольку их руководители были уволены за то, что на референдуме 2004 года проголосовали против предложений Чавеса. После введения контроля за ценами мясо стало редким деликатесом. Чавес заработал дополнительные очки, когда мэр Каракаса отобрал у эксклюзивного гольф-клуба территорию, чтобы строить там жилье для бедных, но нищета в городах распространена по-прежнему. Несмотря на более чем 20 миллиардов долларов ежегодных доходов от экспорта нефти, ВВП на душу населения в лучшем случае составляет половину от уровня 1954 года.

Венесуэла, если воспользоваться выражением экономиста Эрнандо де Сото, остается «сборищем сообщников». Чавес взялся за государственную нефтяную компанию PDVSA, убрав из нее прежнее поколение технократов, которые весьма умело выстроили национальную систему энергоснабжения. При нынешних суррогатных руководителях из числа военных компания более чем на миллион баррелей нефти не дотягивает до пиковых показателей производства. Кроме того, если раньше PDVSA управлялась независимо от правительства, то Чавес учредил собственное казначейство (Banco de Tesoros), через которое щедро пополняет свои счета в Европе. Обрабатывающий сектор экономики рухнул, когда комиссары Чавеса захватили правления компаний и наложили лапу на прибыли. «Поскольку он уничтожил профессионалов, перестало иметь значение то, что Венесуэла является крупнейшим производителем нефти после арабских стран, – с вызовом утверждал один из бывших служащих PDVSA, добровольно эмигрировав-

ший в США. – Там не осталось никого, кто способен компетентно распорядиться деньгами». У ворот посольства Испании очереди специалистов, стремящихся вновь стать ее гражданами, явно свидетельствуют об утечке мозгов, столь свойственной странам Третьего мира.

Так как все прочие голоса в стране полностью заглушены, Чавес и Венесуэла стали благодаря его действиям синонимами. Он неоднократно переизбирался демократическим путем, но демократия по Чавесу больше напоминает охлократию¹⁰. «Боливарианская республика» Чавеса живет, как Пакистан при Мушаррафе. Чавес сам назначает всех губернаторов и мэров, раздает владения бывшим должностным лицам, то есть недавно закрепившим свои позиции закулисным политическим воротилам с консервативным инстинктом. Последние ревностно защищают свежесобранный статус¹¹. Национальная ассамблея и Избирательный совет, считай, у него в кармане, так что партий с правом вето в стране не осталось¹². Поэтому-то Чавесу и не было нужды в очередной раз менять конституцию, чтобы продлить свое правление до 2013 года. Эдуардо Галеано некогда назвал такой стиль руководства «демократурой», и это подходящая характеристика для режима Чавеса: «Демократия может оказаться и трансвеститом: как только она разоблачится, обнаруживается полковник»¹³.

Не меньше шести видов преданного Чавесу народного ополчения, грозно шляются по Каракасу пешком, на мотоциклах или в джипах, вырядившись в камуфляж и бронежилеты. С автоматами, небрежно болтающимися на плечах, они дружелюбно общаются со сторонниками Чавеса в красных майках, но пугают всех остальных. Разгул преступности мешает оппозиции выйти на улицы, а пока она сидит дома, граждане внимают марафонским монологам, которые Чавес устраивает на захваченных им телевизионных станциях. Состояние постоянного кризиса – неподходящая атмосфера для подлинной демократии, но отлично годится, чтобы сеять смуту в своих интересах. Если не считать изолированных оазисов комфорта в виде пятизвездочных гостиниц и залов для фламенко, ясно ощущаешь, как деградирует Каракас, превращаясь в неблагополучную столицу страны Третьего мира, которой командует бывший чиновник военного министерства. Показатели

смертности от огнестрельных ранений здесь самые высокие в мире, к тому же учащаются похищения людей – включая «экспресс-похищения», когда для скорейшего выкупа громят банкоматы. В Каракасе невообразимые уличные пробки: на перекрестке в центральном районе Чакао водители игнорируют сигналы светофоров, что приводит к заторам, тянущимся на километры в разных направлениях. В 2006 году мост на главной магистрали из города попросту рухнул, поскольку 15 лет не ремонтировался; теперь водителям приходится по четыре часа окружным путем добираться до аэропорта, находящегося на расстоянии всего в 15 километров.

Революция, которой ничто не угрожает, лишается своего оправдания – так что Чавес подхватил у Фиделя Кастро мантию борца с гегемонией США и распространяет свои догмы по всему Западному полушарию. Вслед за Боливаром Чавес сеет мысль о том, что под флагом защиты свободы Америка будет всегда отравлять жизнь в регионе. Жаль, что эта склока развела США со страной, с которой некогда установились прочные связи благодаря нефтяной промышленности, автомобилестроению и общему увлечению баскетболом. Как и простые иранцы или узбеки, венесуэльцы не питают антиамериканских чувств, но антиамериканизм крайне важен для их руководителей. Воспользовавшись той поддержкой, которую Вашингтон оказал попытке переворота в 2002 году, Чавес занялся шельмованием как самих Соединенных Штатов, так и поддерживаемых ими оппозиционных партий, указывая на них как на угрозу революции, проводимую им по заветам Боливара¹⁴. Он провоцировал американцев всеми возможными способами: заявлял о намерении развивать атомную энергетику и ядерное оружие, грозил приостановить экспорт нефти в Соединенные Штаты, закупил в России 100 тысяч автоматов АК-47, чтобы создать общеконтинентальные вооруженные силы, блокировал американские попытки противодействовать транспортировке наркотиков, продвигать свободу торговли, а также изолировать Кубу, остающуюся под контролем Кастро. Кроме того, он подписал соглашения о сотрудничестве в добыче нефти и газа с Ираном, предоставляет, как утверждают некоторые, пристанище для групп исламских фундаменталистов и даже поставляет по низкой цене мазут и солянку в бедные районы в самих США.

«Что бы Чавес ни делал, его действия легитимны, – произнес один из поддерживающих Чавеса интеллектуалов, прогуливаясь по Каракасу невыносимо душным днем. – Он избран демократическим путем. Америка не должна была предпринимать попыток к его свержению. Мы не претендуем на то, чтобы когда-либо стать такими же мощными, как США, а потому хотим, чтобы к нам относились по справедливости».

Гегемония США в Латинской Америке – миф, но Уго Чавес всю раздувает его. В свое время Боливар освободил андские провинции, но не сумел предотвратить раскол между ними. Необоливариизм Чавеса нацелен на то, чтобы лишить возникшие тогда по ошибке границы идеологического и экономического смысла¹⁵. «Лидер, бросающий идеи в массы, но не имеющий ресурсов, чтобы их осуществить, достоин насмешки. Однако если у него на руках чековая книжка на пять миллиардов долларов, к нему приходится относиться серьезно», – поясняет аналитик из Бразилии, недовольный, как и многие его соотечественники, тем радикальным имиджем, который Чавес придал континенту. Не доверяя профессиональным дипломатам, Чавес сам путешествует по континенту и за его пределами, подкупая национальных руководителей, оплачивая их победы на выборах и воспламеняя слушателей требованиями к Великобритании вернуть Аргентине Фолклендские острова. Его план объединения южноамериканских ресурсов включает межгосударственную систему бартера, позволяющую обмениваться нефтью, цементом, скотом, а также медицинскими и инженерными кадрами от Кубы до Аргентины. Чтобы подвинуть континент к самообеспеченности, Чавес расходует в пять раз больше средств, чем США, на облигации, выкуп долгов, помощь и нефтяные субсидии. В Карибском бассейне он оплатил модернизацию нефтеперегонных заводов на Кубе и Ямайке, а также продал им нефть по очень льготной цене на 3 миллиарда долларов. Что еще важнее, он готовит почву для постройки самого длинного в мире трубопровода из Венесуэлы через бразильскую Амазонию до Аргентины, что позволит создать общеконтинентальную энергосеть и в перспективе обеспечить полную самостоятельность Южной Америки в энергетике. По заявлениям самого Чавеса, все эти проекты предвещают появление «крупного бло-

ка – средоточия политической, экономической и социальной мощи, который будет стремиться к приведению мира в равновесие»¹⁶.

Бросать вызов США – все равно, что драться с громилой. Чавес понимает, что ни одной из стран Латинской Америки никогда не удастся вести дела с США на равных, не имея сильного заступника извне. Поэтому он открыто разыгрывает «китайскую карту», угрожая перекрыть нефтяной поток в Соединенные Штаты (и постепенно перенаправляя его в КНР), а также продавая имеющиеся у него акции американских нефтеперерабатывающих заводов, чтобы вложить средства в аналогичные производства в Азии. Китайцы же молчаливо оказывают поддержку той политической игре с нулевой суммой, которую Чавес ведет вокруг нефти. На долю Китая ныне приходится половина всех иностранных капиталовложений в Венесуэле, он продал Чавесу танкеры для доставки венесуэльской нефти за двадцать с лишним тысяч километров через Тихий океан и пробурил новые скважины, чтобы увеличить добычу. В принципе, Китай не способен заместить Соединенные Штаты в качестве главного рынка для венесуэльской нефти (учитывая, что ее транспортировка в КНР занимает 60 дней – против недели в США), тем не менее его нефтяные закупки в Венесуэле растут. Помимо прочего, Китай предложил направить в Венесуэлу своих рабочих, чтобы построить тысячи домов, наладить волоконно-оптические сетевые коммуникации и возвести ирригационную систему.

Сея трансатлантический раздор, Чавес держит в запасе еще и «европейскую карту». Европа остается крупнейшим инвестором в венесуэльскую энергетику и сферу услуг. Хотя наблюдатели от ЕС выступили с разгромной критикой выборов 2005 года, европейские государства, прежде всего Испания, в целом симпатизируют стремлению Чавеса к большей независимости от США и его разглагольствованию о необходимости избавления от бедности. Соединенные Штаты, со своей стороны, пытались заблокировать продажу Испанией в Венесуэлу более 30 скоростных патрульных катеров. 300 миллиардов баррелей предполагаемых запасов сверхтяжелой нефти в центральной части бассейна реки Ориноко способны превратить Венесуэлу в более крупного производителя нефти, чем даже Саудовская Аравия. Несмотря на технологическое превосходство американских нефтяных компаний, Чавес не

обратился к ним, а пригласил к участию в разведке запасов только государственные компании из КНР, России, Ирана, Индонезии и Бразилии, – вот вам и новая энергетическая ось Второго мира. Подобные организации с удовольствием подписывают соглашения о совместном производстве в рамках «смешанных компаний» с сомнительными стандартами деятельности, даже если им приходится при этом платить повышенный налог на прибыль. Чавес пользуется ситуацией, нагнетая давление на европейские нефтяные компании, уже работающие в Венесуэле. И если Америка опустила руки, сможет ли Европа разыграть свои карты, чтобы противостоять Чавесу?

Даже зажатая между Китаем и Чавесом, Венесуэла еще способна внести долговременный вклад в дух и практику латиноамериканского сотрудничества, которое основывалось бы не на Вашингтонском консенсусе, а на модели взаимопомощи и опоры на местные институты. Однако с той же долей вероятности в конечном итоге может повториться прежняя история с быстро растущими нефтяными ценами и повышением спроса на нефть в Китае, что позволит Чавесу опереться на энергетический экспорт и пренебречь прочими отраслями, из-за чего национальная экономика будет сильно зависеть от ценовых колебаний на мировом рынке. Сейчас Венесуэла похожа на Иран, каким он был накануне свержения шаха: налицо сочетание нефтяного богатства, социального неравенства и нарушений гражданских прав, то есть классическая предреволюционная ситуация. Впрочем, даже если боливарианская революция Чавеса потерпит крах, среди лидеров стран Южной Америки – даже тех, кто считает его паяцем, – он уже пробудил ощущение необходимости сотрудничать гораздо теснее, чтобы стать процветающим и самостоятельным континентом Второго мира, а не тонущей Атлантидой Третьего. Мечта Боливара надолго переживет Чавеса – а сам он будет пытаться удержаться на плаву как можно дольше, чтобы именно так и случилось.

17 КОЛУМБИЯ: БАЛКАНЫ В АНДАХ

Во время морского путешествия в Картахену-да-Индиас Арнольд Тойнби записал яркие слова о крепости Ла Тенаса с ее массивными стенах и орудиями, смотрящими жерлами в открытое море, «фортами, необъятными по периметру, выстроенными из прекрасного тесаного камня, который скреплен цементом, чему позавидовали и от чего впали бы в отчаяние современные зодчие... Картахена была задумана так, чтобы служить щитом для целого континента»¹. Без Колумбии идея Чавеса о континентальном единстве нереализуема – ведь это единственная страна Южной Америки, у которой есть и тихоокеанское, и карибское побережья. Ее население – 44 миллиона человек, а по территории она превышает Францию и страны Иберийского полуострова, вместе взятые. Колумбия граничит со всеми андскими государствами, и она стала бы основным стержнем всякой попытки связать вместе расщепленную «Великую Колумбию» Боливара. Колумбия в потенциале дает Южной Америке возможность сильно поправить свои дела, взаимодействуя со странами как к северу, так и на дальнем востоке: панамериканской автомагистрали можно было бы придать законченный вид наземной и энергетической артерии, а нефтепровод протянулся бы от Венесуэлы к тихоокеанскому побережью. Чтобы Южная Америка когда-либо вписалась в мир, это прежде всего должна сделать Колумбия.

Хотя будущее процветание раздробленного андского пространства зависит от Колумбии, сама она остается внутренне расколотой. Страну делят на части три горные гряды Анд, что породило

местные культурные особенности, находящие отражение в цветастых пончо, которые местные племена используют вместо флагов. Тихоокеанское побережье и амазонский регион Льянос – самые бедные в хозяйственном отношении: 60% населения там влачит нищенское существование. Большая часть земли находится под контролем феодальных олигархов, которые надзирают за своими подопечными почти как владыки государств. На такие природные и исторические различия накладываются городские центры власти – восемь крупных агломераций с населением свыше миллиона человек, с собственным сочетанием интересов и приверженцев каждая, на которые приходится 80% всех жителей страны, которые сегодня проживают в городах (и это полная противоположность ситуации 1930-х годов, когда 80% граждан жили в деревне). Дополнительно картину усложняют три политических центра власти, соперничающие за доминирование в разных городах и сельских районах: это правительство и его регулярная армия; мятежники, промышленяющие транспортировкой наркотиков; и военизированные банды. Десятилетия гражданской войны между ними породили 3,5 миллиона вынужденных переселенцев (что составляет третий по величине показатель в мире). Многие из них ютятся в трущобах Боготы.

«По крайней мере наша дурная слава как центра наркоторговли подразумевает признание географической значимости страны», – острит мой собеседник-интеллектуал из Боготы, принимая меня в роскошной квартире в высотном здании. Так сложилось в истории, что США довольствовались одним сильным союзником в Южной Америке. После отставки Карлоса Менема в Аргентине таким союзником теперь стала Колумбия при Альваро Урибе, единственном из лидеров андских стран, кто поддерживает неолиберальный курс в экономике и американскую «войну с наркотиками». Но одного союзника мало, так как война с наркобаронами ведется на неуправляемых пространствах, захватывающих экономики всех андских стран. В начале 1990-х годов борьба с наркотиками в Боливии и Перу вывела производство листовой коки и кокаина в Колумбии на лидирующие позиции в мире. Таким же образом спонсируемый Соединенными Штатами «План “Колумбия”» сейчас выталкивает воинственных повстанцев Революционных

вооруженных сил Колумбии – Армии Народа (ФАРК) к границам Боливии, Эквадора, Перу и Венесуэлы. Здесь наличествует своего рода эффект воздушного шарика, когда производство наркотиков падает в той стране, где его прижимают, но нарастает в прилегающих к ней областях. Наркокартели устанавливают трансграничное партнерство гораздо быстрее, чем правительства. Об этом свидетельствует рост транзита наркотиков через обширную провинцию Араука вдоль границы с Венесуэлой протяженностью 1800 километров. То же подтверждает увеличение потребления кокаина в Бразилии и поставки наркотиков оттуда в Европу². Так, в 2005 году одна низкобюджетная авиакомпания, совершавшая полеты из Бразилии в европейские страны, обанкротилась, когда у нее конфисковали буквально тонны наркотиков, которые и позволяли снижать цены на билеты.

Американский военизированный подход к проблеме наркотиков вряд ли успешен в борьбе с ними, но США этого явно еще не поняли. Южное командование Пентагона в Западном полушарии (SOUTHCOM) ограничивается поддержкой на море, пограничным наблюдением, а также гуманитарной помощью – за исключением Колумбии, где несколько сот военных советников обеспечивают функционирование диверсионно-десантных баз, с которых они бок о бок с колумбийской армией занимаются перехватом наркогрузов, разрушением сетей поставки наркотиков и борьбой с повстанцами. Урибе существенно нарастил военный бюджет страны и даже создал крестьянское ополчение для патрулирования гор и рек³. Большая часть почти 5 миллиардов долларов, израсходованных в 2005 году в рамках «Плана “Колумбия”», ушла на военную подготовку и затратные, загрязняющие атмосферу программы окуривания посевов. Это не оставило достаточных средств на предоставление населению альтернативных способов добычи средств существования. Неудивительно, что производство коки в Андах по-прежнему практически достигает пиковых значений, а Колумбия остается источником почти всего кокаина и половины героина, находящихся сбыт в США⁴. Как и в Афганистане, наркотики не только прибыльнее в сравнении со всяким иным сельскохозяйственным экспортом, но и служат средством обрести политическое влияние. Всего несколько лет тому назад, когда наступление

Урибе против ФАРК стало приносить плоды, ФАРК интенсифицировала буквально скупку на корню основных военизированных банд – так что линия, разделяющая Подразделения самообороны Колумбии (зонтичную организацию, объединяющую военизированные банды) и Революционные вооруженные силы Колумбии, стала практически неразличимой. Банды не только располагают собственной инфраструктурой для производства коки и опийного мака. Их международные контакты по переброске наркотиков даже надежнее, чем у ФАРК. Если некоторые банды и провели демобилизацию в виде постановочного публичного акта, они продолжают использовать деньги, вырученные от продажи наркотиков, чтобы приобретать лучшие земельные угодья и руководить шайками наркодилеров в Медельине. Практическая ловля царьков над теми, кто промышляет «дурыю» не эффективнее отлавливания отдельных террористов. Если не решать проблему по сути, она лишь разрастается. Поэтому не приходится удивляться, что бандитизм, как говорится, – образ жизни в Колумбии – единственной стране мира, где повстанцы, похоже, умирают только от старости.

Космополитичные манеры колумбийской элиты маскируют правду о том, что страна настолько пронизана раздорами, что для их характеристики правильнее было бы употребить медицинское определение «хронические»: это не смертельно, но никак не проходит и разъедает организм. Налицо общество, которое не просто расколото, но и приватизировано, то есть оно воплощает собой общую для Латинской Америки тенденцию. Платными дорогами владеют, ремонтируют и поддерживают в рабочем состоянии мощные компании феодального типа. В Боготе частные охранники стоят на всех улицах в жилых кварталах, а высокие кирпичные стены с битым стеклом поверху превращают дома в крепости. Водители, опасаясь нападений, по ночам не останавливаются на красный свет, а бизнесменов постоянно похищают с целью получить большой выкуп. Отсутствие полного контроля над территорией со стороны правительства, множество вооруженных групп, фракционность элиты и приватизация безопасности – все это признаки того, что страна сталкивается с угрозами не столько внешнего, сколько внутреннего характера.

Каким же чудом Колумбия пристала ко Второму миру, а не распалась на фрагменты подобно Афганистану, принадлежащему к Третьему? На этот вопрос отчасти отвечает сравнение с Венесуэлой. Для испанского вице-короля Колумбия служила домом, а Венесуэла – казармой. Скорее не Боливар, а командир Франсиско Сантандер, которому он доверял, привнес в Колумбию сильные институты: президентство, суды и центральный банк. «Оружие даровало вам независимость, а закон даст свободу», – заявлял он. Когда Венесуэла переживала десятилетия неустойчивости, Колумбия поступательно развивалась, перейдя от состояния полной нищеты в 1930-е годы к модернити в правовом и экономическом смысле. За исключением периода середины 1950-х годов Колумбия может похвастаться целым столетием совершенно легитимной, демократической передачи власти. Благодаря повторному избранию в 2006 году Урибе стал единственным лидером в андских странах со времен Боливара, добившимся второго президентского срока путем выборов.

«Мы гораздо непритязательнее своих более крупных соседей», – рассуждает чиновник, ответственный за привлечение иностранных капиталовложений. При нашей встрече с ним в отеле в роскошном районе Боготы Ла Канделария, выстроенном в колониальном стиле, он поясняет: «Мы нанимаем хороших специалистов, чтобы обеспечить жизнеспособную структуру экономики». Колумбия пользуется наличием у нее диаспоры по ирландскому образцу, которая распространилась далеко и по многим странам, принося стране финансовую и интеллектуальную отдачу. Будучи меньше Венесуэлы или Аргентины, она страдает от бегства капитала и утечки мозгов. Колумбия никогда не переживала гиперинфляцию или серьезный долговой дефолт. Кроме того, у нее самая успешная фондовая биржа во всем регионе. Богота сегодня – это шумная столица, переживающая архитектурное возрождение, которое затронуло и хорошо сохранившуюся колониальную архитектуру, и современные офисы, спроектированные иностранцами. Некий порядок и достоинство присущи даже ее трущобам, которые в чем-то напоминают бедные кварталы Стамбула. В конечном счете они намного безопаснее, чем центральные районы Каракаса.

Если Венесуэле не удастся возродить успех прежнего нефтяного бума, Колумбия, по всей видимости, удачно преодолевает урон, нанесенный ей недавним наркобумом. В 1990-е годы подход к проблеме с наркотиками тут отличался меланхоличным смирением перед обстоятельствами. Президент Эрнесто Сампер признавал, что в стране сложилось терпимое отношение к жизни рядом с наркоторговцами, как и в Соединенных Штатах, где терпимо относятся к применению наркотиков как таковому⁵. Вероятно, не стоит удивляться при этом, что его избирательные кампании финансировались наркокартелем Кали. На фоне «сделки с дьяволом» предыдущего президента Андреса Пастраны Урибе сейчас пользуется существенной поддержкой внутри страны за предпринятые им попытки восстановить авторитет государства и покончить, наконец, с длительной гражданской войной в старейшей демократической стране Латинской Америки.

В Колумбии государственное строительство и победа в войне с наркотиками идут рука об руку. Это начинание, пронизательно названное Тойнби «отважным намерением укротить мать-природу на континенте, где она пока еще берет верх над человеком»⁶. Улучшение горных дорог и туннелей повысило способность правительства и армии вновь употребить власть, а полиция и суды усилили меры принуждения к соблюдению законности. В начале срока президентских полномочий Урибе полиция существовала примерно в половине всех городов страны, а сейчас она есть во всех них. «Военные добились того, что теперь основные группы, осуществляющие наркотрафик, а также военизированные банды либо ведут переговоры с властью, чтобы смягчить свою участь, либо находятся в бегах» – замечает американский военный обозреватель по Колумбии. Урибе повезло, что ФАРК, пусть живучая и изобретательная, все же оказалась больше озабоченной прибыльностью наркоторговли и похищений людей, а не реальной борьбой с государством. Торговля наркотиками сильно подорвала идеологическую убедительность ее позиции в глазах народа. Она уже не соответствует даже описанию ее как руководящейся «прежде всего Карлом Марксом, а Адамом Смитом – по всей цепи поставок». Вместо этого ФАРК превратилась в полугосударственный бизнес и как будто смирилась с тем, что ей приходится действовать

на географической периферии. Даже за счет крупнейшей мобилизации своих сил ФАРК не удалось удержать город Мирафлорес более чем на неделю. Операции по киднеппингу ограничиваются в основном зонами выращивания наркотиков внутри страны и их прибрежной переброски к местам продажи. В то же время городское население, численность которого растет, чаще сотрудничает с властями, предпочитая сдавать им членов ФАРК, а не вступать с ними в деловые отношения. «Мы образованный народ и достойные люди. Если не заниматься торговлей наркотиками, для поддержки ФАРК нет причин», – рассуждает профессор из Боготы, добавляя, что колумбийская антинаркотическая служба приступила к тренировке аналогичных афганских структур для выявления «лошадок», нелегально перевозящих наркотики.

Поскольку Колумбия внутренне консолидирована, ее беднейший департамент Чоко с туземным населением, покрытый дождевыми джунглями, мог бы преобразиться во всеамериканские автомобильные ворота (перестав быть узким местом) вдоль побережья Тихого океана. Наращивание экспорта кофе в Азию и Соединенные Штаты обеспечивало бы приемлемые средства для жизни многим людям в стране, покинувшим родные места, а также обнищавшим фермерам, занимавшимся некогда выращиванием коки или побывавшим в рядах банд. Евросоюз увеличил не только финансовую поддержку программ демобилизации и реинтеграции, но и помощь самым бедным регионам страны⁷. Если применить ту же стратегию к отрезанной от остальной Колумбии, поросшей густыми лесами зоне Дарьенского залива на границе с Панамой, то экономическая артерия западного полушария будет разблокирована.

Соединенным Штатам по силам было бы сделать гораздо больше в присмотре за своим единственным союзником в Южной Америке – и тем самым предотвратить его попадание в сферу влияния Венесуэлы. Затягиванием заключения соглашения о зоне свободной торговли и сохранением больших субсидий собственным фермерам Америка по-прежнему навязывает колумбийскому экспорту несправедливую конкуренцию, одновременно препятствуя диверсификации экономики страны за пределы производства таких примитивных товаров, как нефть, кофе, бананы и цветы.

«Почему США занимаются аутсорсингом текстильного производства исключительно в Азию? – задается вопросом министерский чиновник. – Им следовало бы создавать и у нас простые сборочные производства по мексиканскому образцу для реэкспорта промышленной продукции на свое восточное побережье, которое не дальше от нашего карибского берега, чем мексиканская граница». Кроме того, неповоротливый процесс выдачи антинаркотических сертификатов замедляет ту самую региональную интеграцию, которая нужна, чтобы покончить с отмыванием денег и производством фальсификата в Колумбии и соседствующем с ней Эквадоре с его долларизованной экономикой. Помимо прочего, не дополнив свою антинаркотическую стратегию экономическими и социальными мерами, Америка, сама того не желая, вызывает разочарование в себе, что будет неизбежно подрывать поддержку ее курса. Однако не вызывает удивления, что США мало внимания обращают на жизнь в Колумбии вне сюжета наркоторговли, коль скоро американских дипломатов заранее предупреждают, что не следует увлекаться даже непреходящими красотами района Ла Канделария в Боготе. Для слепого всякое явление неожиданно.

Ныне война с наркотиками в андских странах и порыв к реализации интеграционных устремлений Боливара тесно сосуществуют в ведущемся на микроуровне соревновании дорог, туннелей и трубопроводов, что напоминает происходящее в Центральной Азии. В Боливии выращивание коки – единственный способ заработать для нуждающихся фермеров, в 2005 году избравших человека из собственного круга – Эво Моралеса – руководителем страны, которая давно служит одной из трех основных площадок битвы вокруг продвижения либерализации, глобализации и демократии в Третьем мире. Однако Моралес не просто популист, пекущийся о собственных интересах. На деле его неприятие глобализации служит ее проверке на реальных данных на фоне разъедающего влияния иностранных компаний, злоупотребляющих гостеприимством, и коррумпированных начальников. Последние, кстати, осуществили столь радикальную приватизацию, что она привела к сбоям в работе даже самых элементарных городских служб, включая водоснабжение⁸. Сказочный шахтерский городок Потоси в Боливии некогда был самым зажиточным во всем полушарии бла-

годаря богатым залежам серебра. Сегодня же страна радуется запасам природного газа, которые уступают только венесуэльским. Но у Боливии нет ничего вроде бразильской компании «Петробрас» или малазийской «Петронас» – современных государственных нефтяных компаний с надежными менеджментом и технологиями. А потому мягкое вымогательство, практикуемое Моралесом по отношению к иностранным энергетическим компаниям – через угрозы национализации или повышения налогов с корпораций, как и создание своего предпринимательского фонда, являются единственными доступными для боливийцев средствами, если они хотят стать хозяевами своих природных богатств. Не стоит печалиться о судьбе иностранных энергетических гигантов, которые по-прежнему получают огромные прибыли*.

Как и в Центральной Азии, трансграничное сотрудничество в операциях по борьбе с наркотиками, энергетике и торговле может стать одним из путей, дающих шанс вырваться за рамки андской модели раздробленной географии, недоразвитости и слабых демократических институтов⁹. В Андах миллионы людей увязли в плену гор и пустынь. Поэтому доступ к побережью служит экономическим якорем спасения. Пока не имеющие выхода к морю африканские страны продолжают нападать на своих соседей, Боливия берет в лизинг доступ к перуанским портам, а торговля между Венесуэлой и Колумбией оживилась. Тем временем Чавес хочет построить трубопровод к Тихому океану и сделать так, чтобы его не взорвали те же перевозчики наркоты, которых он потихоньку поддерживает. Андские страны планируют также строительство автодорог и расширение портов, как и энергосистемы, распределяющей электричество и газ по всему континенту. Серьезная помощь ЕС мелким фермерам и предпринимателям способствует постепенному уходу от исключительной опоры на сырьевой экспорт. Вместе с тем армада испанских корпораций, фактически заправляющая де-

* В ту же неделю, когда Моралес был избран президентом, президент Чада отменил схему, спонсировавшуюся Всемирным банком, согласно которой прибыли, полученные от экспорта национальных ресурсов по трубопроводу в Камерун, расходовались на образование и здравоохранение. Взамен он направил эти деньги на «безопасность», что обычно подразумевает приобретение частных реактивных самолетов, тяжелого вооружения и бронированных «Мерседесов». Вероятно, что Чад навсегда останется государством Третьего мира, тогда как у Боливии под руководством Моралеса шансы получше.

лами в банковской и телекоммуникационной отраслях в Южной Америке, растит себе местных конкурентов¹⁰. Китай проявил себя и тут. Он агрессивно добивается нефтяных контрактов в Эквадоре, при этом забрасывая андские рынки всем подряд, начиная с текстиля и заканчивая сотовыми телефонами. Пекин сильно заинтересован в появлении трансокеанской автострады, которая свяжет богатую минеральным сырьем Амазонку с тихоокеанским побережьем Перу – вот тот пересекающий континент кровеносный сосуд, который еще в большей мере превратил бы Анды в стратегический перекресток.

Колумбия может остаться «авианосцем» для США; Китай, не исключено, сделает Анды своим плацдармом на континенте; вероятно, получит развитие регионализм по-европейски – итог пока не очевиден. Однако уже есть основания утверждать, что ни один из лидеров андских стран больше не станет в порыве рабского подражания приватизировать хозяйство собственной страны в утрированных формах, навязываемых «вашингтонским консенсусом», а их страны от этого только выиграют.

18 БРАЗИЛИЯ: ЮЖНЫЙ ПОЛЮС

Под впечатлением от вида географической карты во время своего визита в Бразилию в 2005 году, президент Джордж Буш воскликнул: «Вот это да! Бразилия огромна!» Так что неверно считать Бразилию всего лишь одной из стран Южной Америки, а не доминирующим географическим явлением, – а это распространенное среди американцев заблуждение.

Бразилия – это южноамериканские Соединенные Штаты. Один только размер превращает именно эту страну – а не Венесуэлу – в естественного лидера на континенте. Занимая около половины его территории, она граничит со всеми странами, кроме Чили и Эквадора. «Мы хотим быть силой, организующей весь континент, но не вытесняя США, как хочет Венесуэла, а наряду с ними», – поясняет бывший дипломат, живущий в Сан-Паулу. Бразилия служит в Южной Америке центром притяжения, привлекая рабочую силу и инвестиции со всех сторон. Не претендуя на то, чтобы стать державой – участницей силового соперничества, Бразилия видит свою миссию в мире как основанную исключительно на национальных природных ресурсах и крупномасштабной экономике. В то же время геополитические притязания Латинской Америки почти полностью зависят от Бразилии. Впрочем, они смогут реализоваться только в том случае, если сама Бразилия сумеет преодолеть противоречия столь же глубокие, насколько разнообразны ее пейзажи и население.

Благословенный климат покрытых буйной растительностью центральных и южных регионов страны сделал ее крупнейшим в

мире экспортером говядины, апельсинов, сахара, кофе, мяса птицы и сои. При экспорте, приближающемся к 100 миллиардам долларов, сельское хозяйство составляет всего лишь 10% бразильской экономики, входящей в десятку крупнейших в мире. Свыше 80% ведущих пятисот латиноамериканских компаний являются бразильскими. После Тулузы (родины компании «Эйрбас») и Сиэтла (где находятся производственные мощности «Боинга») Сан-Паулу – важнейший в мире центр проектирования и сборки самолетов, а также второй в Латинской Америке глобальный город (подобный Майами). Недавно разведанные крупные нефтяные и газовые запасы вдоль атлантического побережья укрепили позиции Бразилии в мировой торговле энергетическим сырьем.

Потребовалось три революции, чтобы Бразилия стала великой державой Латинской Америки¹. Крах Старореспубликанской монархии в конце XIX столетия привел к тому, что ключевые товары, такие как сахар и кофе, попали в руки провинциальных кланов, однако резко упавшие в 1930 году цены вызвали возврат к централизации торговли. Затем случился бум иностранных инвестиций 1950-х годов, когда пошла в рост стальная и автомобильная отрасли. Противостояние, возникшее между промышленной аристократией и землевладельцами, отстаивавшими свои позиции, вылилось в переворот 1964 года, который, в свою очередь, обернулся 25 годами бюрократического авторитаризма. Как и в Южной Азии, «чудесные» темпы роста порядка 10% в год в течение практически целого десятилетия достигались благодаря политике импортозамещения, призванной преодолеть засилье иностранных производителей. Правда, и неравенство доходов поднялось при этом до мирового рекорда. К 1980-м годам как экономический бум, так и военный режим ушли в прошлое.

Фернандо Энрике Кардозу, социолог с левыми взглядами, эмигрировавший от диктатуры в Чили, а затем во Францию, добился позже президентского поста, утверждая, что, хотя глобализация ограничивает власть государства, она же требует расширения государственных полномочий. Помимо обеспечения законности и проведения внешней политики, они, по его словам, должны отныне включать обеспечение прав человека, социальной справедливости и защиты окружающей среды². А так как глобализация осла-

бляет господство буржуазии, для посредничества между набирающими силу группами интересов, представляющими капиталистов, профсоюзы и бедноту, нужна-де более прочная демократия. Между тем, Кардозу унаследовал страну без фискальной дисциплины: не было даже министра, отвечавшего за бюджет³. Пока президент занимался дерегулированием национальной экономики и поощрением региональной торговли, растущие дефициты и обесценение валюты завели страну в глубокие долги. Любая страна Второго мира, не выполняющая своих долговых обязательств, сталкивается с болезненными социальными последствиями; Бразилия не стала исключением. В конце 1990-х годов на окраинах Сан-Паулу разрослись трущобы, а его центр буквально замер, парализованный подъемом преступности, прежде всего убийствами и похищением людей.

Ожидалось, что избрание в 2002 году Луиса Инасио Лулы да Силва обозначит поворот к большей социальной справедливости. Однако бразильская система управления еще не избавилась от чрезмерной децентрализации, унаследованной от эпохи неустойчивой муниципальной власти начала XX века⁴. В ключевых городах всем заправляет узкая группа капитанов индустрии и многонациональных фирм, а государство слишком слабо для перераспределения благ. Отсутствие внятного налогового кодекса способствует уклонению от налогов и иным ухищрениям, в результате которых, по имеющимся подсчетам, неформальная экономика сравнялась по масштабам с официальной (составляющей свыше триллиона долларов). Бесконечные коррупционные скандалы, в которых замешана Рабочая партия президента Лулы, породили шутки, будто он настолько продажен, что «Чавес всему этому научился от него». В 2006 году в соревнование с Лулой за президентство вступил никто иной, как мэр Сан-Паулу.

Руководствуясь национальным мифом о том, что по своему статусу она сопоставима с Соединенными Штатами, Бразилия всегда придерживалась многовекторной внешней политики, настойчиво стремясь стать центром латиноамериканской дипломатии (несмотря на свой португальский язык)⁵. Ее высокопрофессиональная национальная дипломатическая служба (известная как Итамарати – по названию дворца, в котором размещается Министерство

иностранных дел) является лучшей на континенте. В годы «холодной войны» Бразилия твердо стояла на стороне «северного гиганта», а после деколонизации в 1960-е годы выступала как один из важнейших игроков в вопросах развития и защиты окружающей среды, став в 1992 году хозяйкой известного саммита «Планета Земля» в Рио-де-Жанейро. Правда, как в 1920-е годы ей не удалось занять место в Совете Лиги наций, так и ее нынешняя заявка на постоянное место в Совете Безопасности ООН не получила поддержки даже у латиноамериканских соседей. Последние подозревали, что она, вопреки своей риторике о «дипломатии великодушия», на деле пытается оторваться от них, а не увлечь их за собой. В то же время, поскольку ее переживающая расцвет экономика позволяет наводить мосты по линии «Юг-Юг» по всему развивающемуся миру, дипломатическое взросление Бразилии дает знать о себе на самой важной площадке – в глобальной торговле.

Футбол бразильцы возвели в ранг искусства. Поэтому неудивительно, что Бразилии прекрасно удаются переговоры, которые порой сравнивают с футбольными турнирами на одном поле, когда никто не уверен в результате, а игроки постоянно меняют команды, но все играют до полного изнеможения. Спустя полвека с тех пор, как сталелитейная промышленность Бразилии помогла нарастить американскую мощь во Второй мировой войне, США вдруг заблокировали импорт бразильской стали. На министерской встрече ВТО 2003 года в Канкуне Бразилия лидировала при формировании коалиции G-20 вместе с КНР, ЮАР и Индией. Несмотря на то, что Соединенные Штаты пытаются оторвать развивающиеся страны от G-20, большинство из них все же сплотились вокруг ее предложений по реформированию глобальной торговли (прежде всего вокруг осуждения сельскохозяйственных субсидий в странах Первого мира), что в итоге позволило сформировать внятную позицию противостояния США и Евросоюзу⁶. Бразильские требования в ходе переговоров о свободной торговле о компенсациях ввиду асимметрий, вызванных субсидиями, – вот убедительный пример того, как государства Второго мира способны прекословить Первому (что не позволено Третьему миру). Бразилия (единственная среди латиноамериканских стран) даже

ввела ответные ограничения на выдачу виз американцам, тогда как европейцы въезжают в страну беспрепятственно.

Во внутривнутриполитической и дипломатической эволюции Бразилии усматривается параллель с Китаем: вырвавшиеся из Третьего мира, обе страны воспринимаются как его естественные лидеры. Сейчас почти половина бразильского экспорта направляется в развивающиеся страны. Бразилия проводит на своей территории важные встречи в верхах, поддерживая наращивание торговли с КНР и арабскими странами. Наметившийся стратегический альянс Бразилии и Китая служит иллюстрацией тому, что Америка более не имеет никаких само собой разумеющихся союзников на геополитическом рынке, тогда как страны Второго мира способны к сотрудничеству, уравнивая друг друга, даже продолжая конкурировать между собой. С тех пор как в 1990-е годы начался массивный наплыв импорта в КНР, азиатский и южноамериканский гиганты продемонстрировали великолепную экономическую взаимодополняемость. Бразильцы экспортируют железную руду, лесоматериалы, цинк, мясо, молоко, зерно и соевые бобы, а китайцы инвестируют в бразильские ГЭС, прокатные станы и нефтепереработку. Двусторонняя торговля переживает подъем – при существенном перевесе в пользу Бразилии⁷. Правда, связи Бразилии с «китайским колоссом» смели ее собственное производство игрушек и обуви. Как и в Мексике, производство одежды в стране страдает от китайского «текстильного цунами». Как объяснил мне смекалистый китайский бизнесмен в Сан-Паулу, часто отвлекаясь на телефонные разговоры по-португальски: «Условия торговли могут вскоре круто измениться, однако Бразилия воздерживается от введения импортных ограничений, так как если КНР на них ответит, Бразилия пострадает гораздо серьезнее». Каждая из сторон активно ищет пути поспособствовать бизнесу партнера: например, китайцы готовы делиться прибылями с бразильскими компаниями, облегчая для них условия приобретения своих текстильных фабрик. Эти ключевые представители Второго мира развивают технологический обмен, свободный от западных требований корпоративной собственности и политических ограничений в отношении технологий двойного применения. Например, Бразилия предпочитает покупать оборудование для добычи природного га-

за в России. Если Венесуэла куёт энергетическую ось Второго мира, то Бразилия – торговую.

Бразильская культура – это то, что рождается, когда и мысли, и тело пребывают в блаженстве. В отличие от ситуации в странах Третьего мира, где прибрежные земли часто находятся в частной собственности, в Бразилии свято действует принцип равенства в доступе к пляжам вдоль всего берега. На них бразильцы с удовольствием занимаются такими естественными для здоровья видами спорта, как пляжный футбол и волейбол – в противоположность американцам, предпочитающим футбол в доспехах и автогонки NASCAR. Свободой нужно наслаждаться, а не прятать ее.

Бразильский народ, по численности приближающийся к 200 миллионам человек, остается «плавильным котлом» Южного полушария. В нем одновременно больше всего африканцев – после Нигерии (выходцы из Африки сосредоточены в прибрежной Байе), ливанцев – после Ливана, итальянцев – после Италии и японцев – после Японии. Какой бы ни был повод – «Боа Морте», карнавал или «Октоберфест», в Бразилии всегда найдутся этнические или религиозные группы жителей, которые будут его праздновать. Если в США этнические группы обозначаются «составными» терминами (афро-, индо- или арабо-американцы), то все жители Бразилии считаются только бразильцами. Все они верят в нереализованный пока потенциал своей страны. На первый взгляд Бразилия выглядит столь же слабо интегрированной в расовом отношении, как и Соединенные Штаты четыре десятилетия тому назад – но хотя в стране наблюдаются разительные экономические различия между выходцами из Европы, Африки и представителями коренных народностей, они больше связаны с географическим распределением населения и концентрацией капитала в крупных городах, нежели с разделением по расовому признаку. 70% населения составляют люди, предками которых были и африканцы, и европейцы, и представители местных племен – поэтому сегрегация в стране носит классовый, а не расовый, характер.

В условиях глобализации классовые различия усилились, отчего в Бразилии стало бросаться в глаза соседство Первого и Третьего миров. Социум тут похож на песочные часы: многочисленное туземное и африканское население находится внизу (в го-

родах и обширных внутренних территориях), а узкая горловина почти блокирует мобильность в направлении элитной касты наверху. Небольшой средний класс выбивается из сил, чтобы удержаться на плаву, а его доходы колеблются вокруг уровня 1993 года. Средняя продолжительность жизни на севере страны на целых 17 лет меньше, чем на юге. В условиях значительного хозяйственного неравенства распространена современная работорговля. Селянок вовлекают в сексуальное рабство, а городских мужчин заставляют вкалывать на золотых приисках Амазонки как крепостных. Большинство школ лишено телефонной связи, не говоря уж об интернете.

В стране, где три четверти населения живет в городах, Сан-Паулу представляет собой нечто большее, чем просто беспорядочно разрастающуюся агломерацию: это почти безграничный город, рост населения которого нельзя ни сдержать, ни измерить. Несчетные жилые комплексы с прочными воротами являются в сущности фавелами-высотками для тех, кто может позволить себе нормальное обиталище. Улица Руа Оскар Фрайер – одна из самых роскошных торговых зон мира, а богатые жители города гордятся самым высоким на планете показателем использования вертолетов для частных нужд. Однако даже в шикарнейших ресторанах женщины обязательно цепочкой пристегивают сумочки к стульям. Чудесный и отчаянный Рио-де-Жанейро, настолько вытянувшийся вдоль океанского берега, что при проведении там марафонских забегов не требуется выписывать петли, – напротив, огромный город у моря, хорошо известный как своими трущобными закоулками, так и ресторанами, у которых много подражателей. Впрочем, там, как и в Стамбуле, чувствуется подспудный ритм, даже некий уют, накладывающийся на неизбежный хаос в городе столь большим, что иногда трудно разобраться, наступает ли Рио на природу вокруг или же природа наступает на Рио, поскольку они захватывают друг друга.

Но более всего в Бразилии вызывает беспокойство ее психологическая боязнь себя самой. В социумах, чрезмерно дифференцированных по способности их членов удовлетворять свои базовые потребности, общие ценности – весьма туманное понятие⁸. Для многих бразильцев фавелы слишком опасны, чтобы ту-

да вообще соваться. Поэтому они всячески игнорируют их существование и предупреждают туристов, чтобы туда не ходили. В 2003 году в стране был на время зафиксирован самый высокий в мире показатель смертности от огнестрельных ранений (свыше 40 тысяч случаев), поскольку пистолеты, проданные Бразилией колумбийской ФАРК, возвращались обратно на ее собственные улицы. «Единственное, что распределяется равномерно, так это страх», – заявлял бывший бразильский президент Итамар Франко. Несмотря на применение технологий картографирования преступности, позаимствованных в Колумбии, в Бразилии вооруженные банды все еще смело вступают в бой с полицией и устраивают массовые беспорядки в тюрьмах.

В песочных часах Бразилии струится песок. Истечет ли время полностью или же стране удастся перевернуть часы раньше? Другими словами, удастся ли приобщить к прогрессу бразильские массы? Бразилия занимается трансформацией своих обширных внутренних зон Третьего мира такими способами, какие другим латиноамериканским странам и не снились. Она расходует на борьбу с нищетой больше, чем вся остальная Латинская Америка, вместе взятая; реализует программы «Семейная биржа», «Нулевой голод» и «Свет для каждого», предоставляя людям пищу, социальные пособия, образовательные кредиты и электрогенераторы. Всеми этими программами охвачены 40 миллионов человек. В Рио даже проводятся экскурсии по трущобам, где за деньги предлагают познакомиться с альтернативными социальными структурами. Правительство Лулы запустило также армаду лодок вверх по Амазонке и ее притокам, которые служат мобильными кабинетами для предоставления медицинских и социальных услуг туземному населению, проживающему в самых отдаленных уголках Амазонии.

Будучи страной, чье название почти синонимично словосочетанию «окружающая среда», Бразилия реализует новаторскую энергетическую стратегию, которая дополняет ее стратегию в области развития, причем обе приносят недурные плоды. Благодаря инвестициям в современные технологии компания «Петробрас» подняла объемы добычи нефти в стране почти до уровня тяжеловееса – Венесуэлы. Несмотря на то, что Бразилия обеспечена соб-

ственными энергоносителями, она занимается обогащением урана для атомных электростанций. Особенно впечатляет то, что страна выращивает и перерабатывает в чистый этанол достаточно сахарного тростника, чтобы стать его крупнейшим производителем и экспортером. Автомобили, работающие на смешанном топливе, здесь можно увидеть повсюду. Правда, производством этанола владеют богатые семейства и конгломераты, а фермеры-бедняки по-прежнему рубят тростник своими мачете. Такие города, как Куритиба и Порту-Алегри, служат примерами в вопросах экологии и для Первого, и для Второго, и для Третьего миров. Здесь осуществляются смелые и действенные проекты совершенствования общественного транспорта и вторичной переработки ресурсов, заслуживающие сравнения с теми, которые реализуются в Норвегии, дающей лучшие образцы городского планирования.

Подобные новации жизненно важны для сохранения крупнейшей экосистемы Земли, которая почти полностью находится в одной стране, а именно – тропических лесов Амазонии. Если считать Землю живым организмом, то это – его легкие. Между тем сведение здесь лесов уже привело к уменьшению размеров Амазонии почти на 20%. Планета лишается способности дышать. Замедлить безудержную вырубку джунглей (в одном лишь 2004 году от лесов была «освобождена» площадь в 15 тысяч квадратных километров) призваны проекты обеспечения ее публичности и сертификации, а также создания крупных природоохранных зон. При нынешних масштабах уничтожения лесов Бразилия является крупнейшим источником выбросов в атмосферу углекислого газа в развивающемся мире после Китая и Индии. Спасательные операции в период засухи 2005 года в бассейне Амазонки были крупнейшими из когда-либо предпринимавшихся бразильской армией и силами гражданской обороны. Тем самым подтверждается, что угрозы континенту в большей мере носят экологический и социальный, а не военный характер⁹. Бразильские эксперименты во всех обозначенных сферах особенно показательны и будут иметь весомые последствия. Ведь куда идет Бразилия – туда направляется вся Южная Америка.

19 АРГЕНТИНА И ЧИЛИ: БЛИЗНЕЦЫ— БРАТЬЯ

История Аргентины служит отрезвляющим напоминанием о том, что статус страны Первого или Второго мира не обязательно бывает неизменным. Геополитические риски обошли ее стороной, но тем уязвимей она оказалась в условиях глобализации. Теперь только добрая воля всего континента может выручить державу, некогда бывшую континентальным лидером. В 1776 году Буэнос-Айрес стал столицей вице-королевства испанской короны, находившейся в руках Бурбонов. Оно охватывало всю центральную часть Южной Америки от Чили до части территории Бразилии. После истребления коренного населения и основания колониальных поселений, в которых жили итальянские и испанские иммигранты, Аргентина не одно десятилетие процветала под властью президента Хуана Батисты Альберди, исповедовавшего модный в середине XIX столетия прогрессивный либерализм. Ввиду прекрасного климата и богатых ресурсов страна считалась чуть ли не достойной соперницей Соединенных Штатов в Западном полушарии: знаменитая карта уругвайского художника Хоакима Торрес-Гарсии изображала Южную Америку и Северную Америку в перевернутом виде, то есть Юг оказывался вершиной мира. Благодаря росту производства мяса и пшеницы в 1920-х годах Аргентина заняла седьмую позицию в списке самых богатых стран планеты и могла похвастаться более высокими реальными доходами трудящихся, чем Швейцария или Германия. Не затронутая Второй мировой войной, она привлекала капитал и таланты европейских эмигрантов, что также приближало ее к Первому миру. Буэнос-Айрес все

больше походил на Париж, а на испанском языке там говорили с выразительной итальянской жестикующей.

Однако, к несчастью, красоту и стильность Аргентины сопровождала заносчивость, граничащая с мазохизмом. Недаром писатель В.С. Найпол увидел в ней «искусственное общество, занесенное на плоскую, запущенную землю», преуспевшее в колониальной мимикрии, но само по себе бесплодное. Только заурядность могла прийти на место рухнувшего мифа об аристократическом колониализме¹. В годы деспотичного правления Хуана Доминго Перона, трижды руководившего страной, улучшились условия труда, но общество расколосилось до такой степени, что в 1970-е годы военная хунта развязала «грязную войну» против левых. Около 15 тысяч человек пропали без вести из-за «вспышки варварства»². Отважный, но опрометчивый захват Аргентиной Фолклендских островов в 1982 году привел не к их деколонизации, а к сокрушительному поражению страны от британских ВМС. С тех пор суперамбиции большинства ее политических и экономических программ тонули в крупномасштабных коррупционных скандалах. Страстное желание преодолеть свою незначительность и сейчас еще ощутимо в стране, имеющей самую высокую в мире долю психоаналитиков в населении. Имидж превыше всего.

Тем временем глобализация породила иные критерии, по которым теперь судят о месте стран в международной иерархии. С учетом их стало ясно, что Аргентина больше не является государством Первого мира и экспортером капитала, а выглядит страной с формирующимся рынком, склонной попасть в тот же порочный круг, как многие такого рода государства Второго мира в 1990-е годы: финансовая либерализация, инвестиционный бум, быстрый рост, все большая уязвимость, бесполезные меры по спасению и, наконец, полный провал в экономике и политике. В 1990-е годы Аргентина служила рекламой Вашингтонского консенсуса, но ей не удалось ни привлечь надолго крупные инвестиции из-за рубежа, ни поддерживать сопровождающий их высокий уровень расходов. Она испытала одновременно рецессию и сдутие финансового пузыря при быстром нарастании долга. Для танго требуются два танцора – но в 2001 году после многочисленных пакетов мер МВФ по оживлению экономики и предотвращению дефолта меж-

дународное финансовое сообщество отказалось от партнерства с Аргентиной. Дабы заплатить долги, правительство воспользовалось средствами пенсионных фондов, а затем ввело военное положение, чтобы подавить массовые беспорядки. На протяжении нескольких недель президентская власть несколько раз переходила из рук в руки, а население оказывало ей все меньшую поддержку. Доход на душу населения упал с 8,5 тысяч долларов в конце 1990-х годов (вдвое больше, чем в Мексике в то же время) до 2,8 тысячи в 2002 году. Более половины населения оказалось за чертой бедности³. Прежде Буэнос-Айрес часто сравнивали с Парижем. Теперь же значительное число его жителей целиком перешли в разряд *cartonegos*: нищих, чаще всего бездомных граждан, ковыряющихся в мусоре, чтобы отыскать в нем продукты и вещи для перепродажи.

Аргентина винит министерство финансов США, МВФ и Уолл-стрит в том, что они не оказали ей поддержки в искренних попытках побороть углубляющийся кризис. Хотя Аргентина была менее коррумпирована, нежели Индонезия или Россия, тоже пережившие в 1990-е годы финансовый кризис, она впала в немилость, что обернулось разрушительными последствиями – не в последнюю очередь для ее собственного эго. Экономически вся Аргентина не превосходит Сан-Паулу, а ее зависимость от зарубежных капиталовложений поставила экономическое благополучие на грань краха. Противоречие между доступными ценами на базовые социальные продукты и необходимостью выполнять международные финансовые обязательства пронизывает всю аргентинскую политику. Перед выборами 2005 года лидер перонистов Нестор Киршнер всерьез опасался негативной общественной реакции на возможный рост цен на коммунальные услуги. Поэтому взамен он обратился в другую сторону и реструктурировал выплату долга МВФ, а в 2007 году передал руководство страной своей жене.

Бывший министр экономики Рикардо Лопес Мэрфи жаловался, что Аргентина справляется с оказанием важных для населения услуг не лучше африканских стран. Действительно, она страдает многими болячками, присущими Третьему миру и обычно ассоциируемыми с гораздо более бедными странами. Это крайне низкая собираемость налогов и чрезмерно децентрализованная феде-

ральная структура, при которой центр не имеет заметной власти над провинциями, ничем не связанными в расходовании финансовых средств. Коммунальное предприятие, ответственное за водоснабжение и канализацию в Буэнос-Айресе, вечно не справляется со своими обязанностями, поднимая при этом цены из-за девальвации национальной валюты – к тому же только половина домовладений города связана с системой канализации. «Даже богачи больше не считают, что страна достойна уважения, – признался мой собеседник, принадлежащий к образованным кругам Буэнос-Айреса, сидя за столиком уличного кафе в богемном квартале. – Теперь они чаще причисляют себя к французам или итальянцам, чтобы подчеркнуть свои европейские корни, а не к аргентинцам».

Аргентина к тому же стала получательницей своего рода геополитической благотворительности, поскольку сама едва держится на ногах, не говоря уж о том, чтобы вернуть себе прежний статус лидера. С тех пор, как ее финансовое благополучие сошло на нет, немногие инвесторы готовы там идти на серьезные риски, в силу чего страна все больше впадает в зависимость от сельскохозяйственного экспорта в Китай, благодаря которому ее экспорт ныне в основном и растет. Не имея такого регионального механизма кредитования, какой есть в Южной Азии, Аргентина серьезно задолжала МВФ, из-за чего увязла в ловушках, связанных с возвратом долга, и не имеет особых возможностей, чтобы маневрировать или диктовать собственные условия. Ее запасы природного газа в следующем десятилетии истощатся, а потому страна жадно надеется получить боливийский газ и дожидаться завершения строительства масштабного нефтепровода через Амазонию, запланированного Уго Чавесом. По той же причине она приветствует и выкуп своих долгов Венесуэлой.

С точки зрения географии Бразилия и Аргентина находятся на равном удалении от Европы и США, так что ни одна из них тесно не привязана к Соединенным Штатам. Соперничая друг с другом на протяжении двух последних веков, до 1990-х годов обе они активно занимались программами разработки ядерного оружия, но в то же время вместе создали торговый блок «Меркосур» – в качестве ответа со стороны «Южного конуса» торговому режиму с американским доминированием. Парадоксально, но все основ-

ные страны со стороны Тихого океана – Колумбия, Перу и Чили – заключили соглашения о свободе торговли с Соединенными Штатами, тогда как крупнейшие страны на Атлантическом побережье – Бразилия и Аргентина – более других сопротивляются нынешней американской политике высоких тарифов и весомых субсидий. Кроме того, они сильнее выигрывают от расширения торговых связей с нуждающимся в энергоносителях Китаем, которые осуществляются через Тихий океан⁴. В настоящее время Бразилия и Аргентина совместно производят большую часть экспортируемых ими автомобилей. Помимо этого, они сотрудничают в мониторинге Амазонии и региона «Трех границ», где разные группировки, начиная с ФАРК и заканчивая «Хезболлах», промышляют

* Интеграция «Южного конуса» могла бы даже изменить судьбу лишнего выхода к морю Парагвая – страны, которая давно служит полигоном для социальных экспериментов, начиная с иезуитов и заканчивая менонитами, но при этом, по иронии судьбы, жаждет спасения. Со времени обретения независимости ею правили диктаторы с причудами, которые, если говорить о самом недавнем времени, продали за быстрые наличные деньги огромные полосы земли «мунитам» из Южной Кореи, допустив мошенничество, продлевающее феодальную, подчиненную зависимость аборигенного населения. На просторных равнинах Чако на западе страны общины ливанцев, тайцев и менонитов являются полунезависимыми. Парагвай возник в качестве буфера между традиционными державами Южной Америки после Войны Тройного альянса (1864–1870), но теперь в таком буфере нужда отпала. Вслед за Европой Южной Америке нужно стремиться к объединению, а не расколу, как в Африке. Уже сейчас почти все потребляемое в Парагвае электричество поступает с самой крупной в мире гидроэлектростанции «Итайпу» в Бразилии, а большую часть его внешней торговли составляет почти все потребляемое в Парагвае электронное оборудование. В Сьюдад-дель-Эсте близ величественного водопада Игуазу. Иными словами, Парагвай постепенно поглощает его соседи, способные возделывать его землю получше, чем устраивая на ней рассадник для разных сект.

транспортировкой наркотиков, нелегальной переброской оружия и отмытием денег*.

Хотя сами они этого никогда не признают, аргентинцы более всего хотели бы превзойти Чили. С тихоокеанским побережьем длиной почти пять тысяч километров, Чили является столь же протяженной страной, сколь США – широкой. Поскольку чилийская территория невероятно узка, Генри Киссинджер называл ее андским «кинжалом, нацеленным в самое сердце Антарктики». Прикрытая от колониального нашествия своим горным щитом, эта страна располагает четким топографическим обликом. Повсюду можно увидеть приметы того, что в Чили самая оживленная в регионе экономика. Это и четырехполосное шоссе, связывающее северные Анды с южными низинами, и приносящие хорошую прибыль виноград-

ники вокруг большого порта Вальпараисо, и исследовательские центры, занимающиеся техническими нововведениями, и, наконец, небоскребы из стекла в столице Сантьяго, втором деловом центре континента после Сан-Паулу. В Чили не меньше интернет-пользователей, чем в Мексике – при том, что численность населения составляет всего одну шестую мексиканской. Чили все больше входит в роль «Англии» Южной Америки, держась в стороне от неуправляемых событий на континенте и одновременно заключая повсюду прагматичные альянсы. Во всей Латинской Америке Чили является единственным государством, у которого в приближающемся новом десятилетии есть убедительный шанс присоединиться к Первому миру⁵.

Можно долго спорить о том, каким образом Чили удалось занять место ролевой модели для всего региона. В той игре, которая велась во время «холодной войны», администрация Никсона чего только не предпринимала, начиная от забастовок и заканчивая санкциями, чтобы подорвать позиции социалистического лидера Сальвадора Альенде, избрание которого Генри Киссинджер объяснял «безответственностью» народа. Хотя Альенде не составлял никакой угрозы для Соединенных Штатов помимо того, что в ЦРУ оценивали как «психологические потери», жестокий переворот по американскому наущению, который в 1973 году привел к власти генерала Аугусто Пиночета, возвестил приход времени бесчеловечных преследований внутри страны и тысяч исчезнувших людей. Спустя три десятилетия Пиночета нередко выставляют в качестве образца, будто бы доказывающего, как авторитарное правление может обеспечить экономический рост и стабильность, проложив дорогу искомому переходу к рыночной экономике и демократии – в противоположность Венесуэле, где десятилетия демократического правления оставили стране автократа в социалистическом духе Уго Чавеса.

Вокруг этой распространенной точки зрения накопилось немало ложных допущений и логических провалов – так что чем скорее от них удастся избавиться, тем вероятнее в политике США в Латинской Америке произойдет, наконец, необходимая увязка социально-экономических проблем и вопросов безопасности. Во-первых, в какой-то степени благодаря трудовой этике тысяч фер-

меров и механиков из Германии, которые прибывали в Чили еще в XIX веке, страна была относительно развитой по латиноамериканским стандартам еще до Альенде – так что чилийскую модернизацию нельзя полностью счесть заслугой Пиночета. Кроме того, ранние годы правления Альенде были отмечены экономическим ростом вопреки осуществлявшейся им программе национализации; решающую роль в остановке роста сыграло стремительное падение мировых цен на медь. Пиночет, со своей стороны, развалил пенсионную систему и сократил социальные выплаты, чтобы вернуть страну к экономическому росту – то есть он действовал почти как топ-менеджеры капиталистических корпораций, которые увольняют тысячи работников, снабжая самих себя «золотыми парашютами». Важнее всего то, что после Пиночета (он проиграл плебисцит в 1990 году) Чили достигла пятипроцентного роста, находясь под властью сменявших друг друга левоцентристских коалиций. Бывший президент Риккардо Лагос, ныне старейший государственный деятель в Латинской Америке, возглавлял страну в условиях высокого роста и снижающейся безработицы, руководствуясь умеренной социалистической платформой. Новые пиночеты – это последнее, что требуется Второму миру.

«Чикагские мальчики», вдохновленные Милтоном Фридманом и помогавшие Пиночету ослабить контроль государства над экономикой в начале 1980-х годов, обеспечили лишь половину успеха чилийской модели. Помимо Вашингтонского консенсуса, согласно которому принято считать, будто экономический рост сам по себе сократит нищету, а не обострит неравенство, нынешнее правительство Чили делает акцент на образовании и технологиях⁶. С 1990-х годов доходы удвоились, а доля бедных в стране упала ниже 15%. Именно Чили – а вовсе не Венесуэла при Чавесе – лучше всего демонстрирует, как снизить бедность даже в условиях уникально сложной географии. Сама по себе Чили слишком мала, чтобы вывести весь континент из нищеты, но она способна стать его воротами к заокеанским рынкам. Это единственная страна Латинской Америки, заключившая соглашения о свободной торговле с США, ЕС и КНР, что позволяет создавать много рабочих мест для чилийцев и способствует тому, что внешнеторговый оборот превысил в 2004 году 6 миллиардов долларов – при изрядном положительном

сальдо благодаря быстрому увеличению экспорта меди. Япония и Корея также подписали с Чили соглашения о свободе торговли, что ведет к подъему сельскохозяйственного экспорта в тихоокеанскую зону. Удостаиваемая наивысших похвал за открытость в торговле и низкий уровень коррупции, эта страна при условии экономической интеграции с другими странами Южной Америки могла бы содействовать распространению предсказуемости в деловой практике. Кроме того, ее гибкая пенсионная система, сочетающая государственные и частные счета, может лечь в основу эксперимента для андских стран, имеющих ограниченные госбюджеты.

Чили еще поджидают множество ухабов на глобальном рынке, но до сих пор страна уверенно справлялась с ними. Чили и Боливия больше не воюют между собой за территорию, как в войне на Тихом океане, из-за которой Боливия лишилась выхода к океанскому побережью. Вместо этого Чили предоставляет боливийцам доступ к своим портам в обмен на поставку почти всего необходимого ей объема нефти и газа. (Нерешенным в Андах остается только спор о том, в какой стране придумали коктейль «писко сур», – в Чили или Перу.) Строя плотины на своих южных реках, чтобы вырабатывать электричество, Чили одновременно пестует природоохранные зоны и пастбища для скота⁷. В 2006 году чилийские горняки забастовали против своих международных хозяев. Они остановили добычу на руднике «Эскондида» («Укромный») в пустыне Атакама (на него приходится 8% мировой добычи меди), потому что их настойчиво заставляли наращивать производство, чтобы выиграть от роста цен, не повышая при этом заработную плату. Чилийская линия поведения показала компаниям, разрабатывающим месторождения полезных ископаемых, что если они не будут учитывать местные потребности, то единственное, что будет потеряно – это их собственные прибыли.

Помимо прочего, чилийский стиль политического управления – наилучший из того, на что способна Латинская Америка. Как показал опыт Восточной Европы, те страны, которые особенно твердо подвели черту под своим кровавым авторитарным прошлым, далее других ушли по пути к стабильности и процветанию⁸. Генерал Пиночет был лишен сенаторского иммунитета. Нынешний же президент Чили Мишель Бачелет – старая револю-

ционерка, разведенная одинокая мать, жертва пыток, педиатр и бывший министр обороны – короче говоря, нарушительница многих национальных табу. Смысл стабильности чилийской политики после Пиночета в том, что больше не имеет значения, кто стоит у руля, так как левые и правые в равной мере руководствуются прагматизмом. Урок, который должны вынести из этого прочие страны региона и США – в том, что природные богатства и демократия с левым уклоном сами по себе никогда не являются причиной разложения институтов – в отличие от политических махинаций и коррупции. Чили должна стать для континента лучшей учительницей, даже если для этого не будет иных причин, кроме той, что в культуре Латинской Америки зависть – самый сильный стимул.

Вывод: Кончина «Доктрины Монро»

Реагируя на происходящее в Латинской Америке в духе «холодной войны», Соединенные Штаты более десяти лет стремились просто избежать потери там своих позиций. Однако медленно, как свечи, угасают главные элементы «доктрины Монро», а именно: Америка будет предотвращать вмешательство всякой иностранной державы в дела Латинской Америки, а сама будет сообразно желанию встречать в них для защиты своих интересов и манипулировать экономикой всех стран региона. В начале XXI века там сложились три модели отношения к США: венесуэльское воинствующее отрицание американского доминирования в регионе и альтернативное видение континента как саморегулирующегося и стремящегося к социалистическому величию; дружественные отношения с Соединенными Штатами, построенные на общности интересов в области экономики и безопасности по-колумбийски; бразильское прагматично-избирательное сотрудничество с Америкой, все активнее дополняемое дипломатическим самоутверждением. В условиях растущей тяги континента к самоопределению США не смогут сохранить влияние на него, если будут уповать только на инерцию.

Панрегиональное объединение всех стран Западного полушария, способное обеспечить им энергетическую и торговую независимость от остального мира, все еще остается лишь заманчивой перспективой. Она не материализуется до тех пор, пока гордыня, льющаяся через край в латиноамериканской политике, не будет усмирена через установление сбалансированных взаимоотношений с Соединенными Штатами. Чтобы превратить латиноамериканский регион в конструктивного партнера по интеграции в рамках всего полушария, понадобится новый «Союз ради прогресса». Правда, на этот раз очередную американскую доктрину не следует называть именем президента США, иначе латиноамериканские лидеры получат предлог воспользоваться своей угрозой посотрудничать с кем-то другим. Но даже если роль США в качестве организующей силы в Западном полушарии продолжится еще лет сто или дольше, то гораздо менее определенными выглядят перспективы взаимодействия сверхдержав в регионе, где пересекаются интересы их всех, а именно – на так называемом Ближнем Востоке.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

НА ПУТИ К
“СРЕДНЕМУ
ВОСТОКУ”

20 РАЗОРВАННЫЙ ПОЯС

Устаревший британский сленг мало подходит для рассуждений об огромной и многогранной арабской цивилизации, которая протянулась от Атлантического океана через Северную Африку и Аравийский полуостров до Месопотамской низменности (и географически дополняется Израилем и Ираном, не принадлежащими к арабскому миру). На севере ее границами служат Анатолийское нагорье, горы Таурус, горные цепи Кавказа и Каспийское море, на юге – Индийский океан, а с востока – река Инд в Пакистане (там начинается Южная Азия). Однако западный дискурс по-прежнему строится на основе британской морской терминологии, приспособленной к греческим географическим ориентирам. В ней под «Ближним Востоком» подразумевается ближайшая дозаправка на Кипре, под «Средним Востоком» – йеменский порт Аден, а под «Дальним Востоком» – Индийский океан и то, что находится за ним. Между тем единственный непреложный факт, заключенный в термине «Средний Восток», состоит в том, что речь идет о центральном регионе мира. То, что для него до сих пор не нашлось более точного определения, подчеркивает, сколь конфликтным он остается и какие сложные проблемы существуют внутри и вокруг него*.

Хотя на Западе лексическая путаница продолжается, сами арабы

* Споры относительно терминологии, то есть о том, как же называть данный регион, продолжаются и в сегодняшней политике (как и в политических играх). Атлантические страны предпочитают говорить «Большой Средний Восток», Всемирный банк хранит верность наименованию «Средний Восток и Северная Африка», относя к нему также Афганистан и Пакистан, ООН использует название «Западная Азия», а Китай – географически нейтральный термин «Юго-Западная Азия».

впервые за почти тысячу лет кардинально пересматривают подход к своему региону. С VII по XIII век включительно на территории, простиравшейся от Атлантики до Индийского океана, правили Дамаск под властью династии Омейядов и Багдад времен халифата Аббасидов. Однако в последующие столетия арабы были расколоты, над ними господствовали турки, персы и европейцы. В годы «холодной войны» специалист по политической географии Сол Коэн назвал этот регион «разорванным поясом,.. неспособным достичь единства в политических или экономических действиях» из-за «сильно выраженных внутренних разногласий», а также из-за того, что он «зажат между внешними интересами»¹. Сегодня у арабского мира появилась первая за тысячелетие возможность утвердить здесь свой «естественный» порядок.

Глобализация позволяет вернуть органическую целостность этому разорванному поясу. Весь мир от Сахары до Аравийского полуострова в основном состоит из бесплодной пустыни, разделенной на кусочки, как в мозаике-паззле. Но лучше подходит сравнение с обширным бурлящим морем, в котором волны постоянно сталкиваются между собой, а корабли арабских и бедуинских племен плывут в разных направлениях. «Язык и религия пробуждают нашу глубочайшую связь друг с другом», – излил мне свои чувства журналист из Дубая, неофициальной столицы арабского мира. Они символизируют две силы, способные завоевать арабские сердца и умы: арабизм и исламизм, сегодня служащие двумя ликами глобализации в этом регионе.

Арабские государства борются за обретение своей самобытности в рамках подозрительно ровных границ, доставшихся от колониальных времен. Поэтому немногие из правительств пользуются здесь полной поддержкой собственных народов, являющихся не столько гражданами страны, сколько обитателями соответствующих территорий. Политические формы этих «племен с флагами» подвижны – и тем легче арабам ощущать себя единым организмом, состоящим из 300 миллионов человек². «Каждая наша передача позволяет арабам увидеть мир собственными глазами, а не в изображении американской “Си-Эн-Эн”, – настойчиво поясняет корреспондент агентства “Аль-Джазира”. – Теперь, когда у нас есть технология, мы стали силой». Такое чувство усилилось из-за амери-

канской войны в Ираке, где США как бы узурпировали роль британцев. Речь идет о неизбывном ощущении имперского дежавю, которое все больше сплачивает арабов.

Хотя арабский мир по-прежнему демонстрирует примеры одиозных режимов и широко распространенного социально-экономического неблагополучия, нельзя отрицать, что речь идет о зоне Второго мира. В отличие от Африки и Южной Азии здесь есть все необходимые природные ресурсы, деньги, работники и таланты для собственного развития – и после столетий в застойном покое арабы, наконец, приступили к этому. Нефтяные деньги, неожиданно свалившиеся на арабский мир в последние годы, инвестируются в основном здесь же, так как нефтедобывающие страны вкладывают капиталы в экономику своих не имеющих нефтяных запасов родственных стран, что порождает круговорот рабочей силы. Многие из 150 миллионов молодых арабов постоянно перемещаются – как инвесторы, строители, водители и работники индустрии развлечений.

Арабы не останутся вне глобализации, напротив, они уже формируют ее. Запад считает арабский мир отсталым по таким показателям, как распространение интернета, путешествия за рубеж и переводы книг³. По едкому замечанию эксперта Эдварда Лютвака, здесь «самыми крупными сферами деятельности являются экстравагантное потребление и выражение негодования»⁴. Но в реальности гораздо важнее, что в эпоху «шелкового пути», крестовых походов и Второй мировой войны арабский мир физически служил связующим звеном между Европой, Африкой и Азией. Значительная часть мировых запасов нефти и газа находится в арабских странах, что делает их критически важными для глобальной экономики⁵. Арабский архипелаг узловых центров включает Каир, Эр-Рияд, Бейрут, Амман и Дубай, которые относятся к числу наиболее показательных полигонов воздействия глобализации на способы, какими население добывает себе средства к жизни, будь то к добру или во зло. Если западная культура проникнута индивидуализмом, то для арабов использование интернета – это, по сути, социальная активность. От Марокко до Маската интернет-кафе круглые сутки полны людей, особенно ночью, когда становится прохладнее. Молодые парни и девушки рассылают электронные

письма по городу или всему миру, участвуют в чатах по политике и культуре, либо используют видеоканалы с целью оболочения кого-нибудь на Западе для заключения брака и получения содействия в эмиграции. «Ни у кого из нас дома нет компьютера, так что мы проводим время друг с другом и с молодежью по всему миру одновременно», – ухмыляется подросток из Феса, покраснев, когда мы узнали от него, как много часов проводит он таким образом.

Способен ли ислаимзм включить в себя такой новый глобальный арабизм? «Все государства – члены Арабской лиги участвуют также в более крупной Организации исламская конференция, разве не так?» – вопрошает исламский активист в Каире, указывая на Ватикан как на пример того, каким образом религия может обрести дипломатическое влияние. Не в последнюю очередь потому, что арабизм сдерживается произвольными колониальными границами, ислаимзм сулит естественную альтернативу в плане идентичности⁶. Идеология лучше всего распространяется там, где она оторвана от конкретного культурного контекста. Это объясняет, каким образом ислам и христианство превратились в мировые религии самого широкого распространения*.

Исламское притяжение привело к обращению неистовых монголов, и к 1700-м годам четыре мусульманские империи – шерифат в Марокко, анатолийские Османы, персидские Сефевиды и индийские Моголы – правили большей частью Северной Африки и Евразии. Сегодня ислаимзм вновь

* По словам А. Тойнби, «подъем ислама является, вероятно, самым поразительным обстоятельством в мировой истории. Возникнув на земле и в народе, прежде не принимавших в расчет, ислам на протяжении столетия распространился на половину всей земной суши, дробя великие империи, ниспровергая укоренившиеся религии, перелопачивая души народов и строя целый обновленный мир... Ислам выступил в свой большой поход при минимальной людской поддержке и исключительно неблагоприятных материальных обстоятельствах. Тем не менее он добился триумфа как будто бы с волшебной легкостью, и через два поколения все увидели Горящий полумесяц, победно простирающийся от Пиренеев до Гималаев и от пустынь Центральной Азии до бесплодных африканских равнин». (Toynbee, Arnold. *Civilization on Trial*, New York: Oxford Univ. Press, 1949, p. 205 (рус. пер. см.: Тойнби, А. Дж. *Цивилизация перед судом истории*, Москва: Рольф, 2002)

пытается увязать арабскую этническую картину в единый исламский пояс⁷. Цельная исламская умма простиралась бы намного дальше халифата, существовавшего тысячу лет назад, включая в себя не только мусульманское население Европы, Турцию и Центральную Азию, но также мусульман, живущих на далеком

Индонезийском архипелаге в Юго-Восточной Азии. То, что президент Джордж Буш-мл. опасливо описывал как «радикальную исламскую империю от Испании до Индонезии», для некоторых мусульман имеет положительный смысл, так как исламский период был временем коммерческой, территориальной и интеллектуальной экспансии. Кроме того, мир, разделенный на «Дар аль-ислам» («дом ислама») и «Дар аль-харб» («дом войны») служит восстановлению мусульманской чести в столкновении с американской «войной против терроризма». Представители Запада сожалеют о деградации материального образа жизни мусульман, но в равной мере их страшит порыв оскорбленной исламской гордости. Поэтому в исламистах они усматривают новый большевистский авангард, который якобы способен вытеснить вероотступнические режимы, пока джихадисты – такие как «Аль-Каида в Магрибе» и ее месопотамские команды – гонят иностранных военных и противостоят государствам к северу от исламского пояса*. Как и моджахеды, воевавшие в Афганистане против СССР, антиамериканские повстанцы в Ираке привлекли к себе сочувствие мусульман со всего света. «Насилие со стороны исламистов, – утверждает один из активистов, – это самооборона и возмездие одновременно». Пока что американская хула в адрес джихадистов лишь возвышает их как противников, для которых джихад – это благородная борьба на Господнем пути, а «Дар аль-ислам» тем с большей естественностью сближается с народами Дальнего Востока, которые «справедливей, умереннее и более милосердны», чем западные⁸.

«Ислам не является геополитическим фактором, – с пренебрежением сказал шиит из Тегерана. – Это всего лишь угроза. Внутренние враги ислама серьезнее его внешних противников». Несмотря на все негодование, последовательный глобальный исламизм не проявляет себя. Действительно, произошло исламское пробуждение, о котором можно судить по численности людей, по

* На мирной конференции в Париже в 1919 году Вудро Вильсон, как известно, заметил: «Нет сомнения, что за спиной у большевиков есть латентная сила, которая в той же мере привлекает симпатию, в какой их более brutальные черты вызывают всеобщее отвращение. По всему миру возникло чувство протеста против крупных, наделенных властью интересов, которые оказывают влияние в экономической и политической сферах. Способом избавиться от их доминирования являются постоянная дискуссия и постепенный процесс реформирования, хотя, по большому счету, мир устал ждать».

сещающих мечети, и по распространению исламистских средств массовой информации, политических партий, а также финансовых институтов. Но этому растущему осознанию не хватает связности. Сорок лет назад Генри Киссинджер размышлял по поводу сложности переговоров со сторонниками идеи панарабизма. Это вполне может быть отнесено и к «исламскому миру». На деле в разговорах о «мусульманах» не больше смысла, чем в ссылках на «христиан». Риторика объединенного «исламского мира» столь же преждевременна, сколь и контрпродуктивна. Она высвечивает ту движимую поисками идентичности политику, которой западные лидеры стремятся избегать⁹. Сегодня у ислама меньше организационной цельности, чем в годы существования Османской империи. Между основными государствами, направляющими умму, нет согласия. Так что невозможно создать альянс в советском стиле, чтобы нарастить «мясо» на исламском идеологическом скелете. Исламистские группы сильно расколоты по вопросам идеологии и особенностей своего вероучения. Сунниты и шииты куда чаще убивают друг друга, чем иноверцев-немусульман.

21 МАГРИБ: ЮЖНЫЙ БЕРЕГ ЕВРОПЫ

«Называйте нас “североафриканцами”, – потребовал уроженец Танжера во время пешеходной прогулки по холмистым аллеям города. – Мы не похожи на восточных арабов». Если в какой-то части арабского мира и смотрят окрест себя в вертикальном преломлении, а не горизонтально, так это в Магрибе. По словам великого историка Фернана Броделя, на фоне непрерывных и глубоких изменений цивилизации Средиземноморья оставались связанными воедино «перемещением людей, порождаемыми ими взаимоотношениями и теми путями, которыми они следовали». Поэтому у них общая судьба¹. Вплоть до Пунических войн финикийский Карфаген (сегодняшний Тунис) контролировал побережье Северной Африки и южную часть Иберии, а также Корсику, Сардинию и частично Сицилию. Эти острова веками служили и крепостями, и сухопутными мостами, открывавшими в Средиземноморье дорогу взаимным завоеваниям². Последовавшему римскому и византийскому владычеству в Северной Африке в конце VII века пришли на смену арабские завоеватели с Востока. Спустя тысячелетие в XIX и XX веках сюда вернулись Испания, Франция и Италия, основав крупные колонии в Северной Африке и тем самым прочно привязав ее к Европе. Сегодня, рассуждая о «Большом Ближнем Востоке», западные политические деятели неосмотрительно заимствовали у Броделя термин «Большое Средиземноморье», – а ведь это земли нищеты и нужды, кочевников и караванов, да и ислама. Заявляя о намерении построить «Большой Средиземноморский союз», президент Франции Николя Саркози вторит Альберу Камю, ко-

торый провел детство французским мальчиком в Алжире и предвидел неизбежность Евроарабской федерации – поскольку для Средиземноморской цивилизации южной границей всегда служила

пустыня Сахара*.

* Так как Магриб лежит между Европой и африканскими странами Третьего мира, европейцы опасаются растущей миграции не только из стран арабского Востока, но также из Западной Африки и стран к югу от Сахары. Так, Тимбукту, некогда важный центр исламской учености и точка, из которой стартовали торговые караваны, сегодня служит примером неспособности большей части Африки достичь даже того уровня материального прогресса и социальной организации, которые имели место сто лет тому назад при колонизаторах. Орды молодых африканцев с Запада пересекают Мавританию, Марокко, Алжир и Тунис и прячутся там, прежде чем пробраться в испанские эксклавы Сеута и Мелилья, рассчитывая таким образом получить доступ в Европу. Множество отчаянных мавританцев отправляются по морю на Канарские острова, которые считаются слабым звеном «крепости Европа», и прибывают туда обезвоженные, больные и без документов. Маленькую островную Мальту, страну Евросоюза, захлестнули африканские мигранты, которых выбрасывает к ней на берег, из-за чего там пришлось устроить карантинные лагеря, чтобы с ними разобраться. В то же время многие африканцы, которым так и не удалось пробраться дальше магрибского берега, усугубляют и без того тяжелое экономическое и социальное положение там, где они теперь оказались.

** Формирующаяся сфера европейского влияния охватывает не только 500 миллионов граждан самого Евросоюза, но и 385 миллионов жителей стран, имеющих с ЕС сухопутные и морские границы – от Северной Африки до Балкан, от Турции до бывшего Советского Союза. Ежегодно ЕС предоставляет до 2 миллиардов евро на помощь развитию в регионе Ближнего Востока и Северной Африки и 6 миллиардов евро Африке к югу от Сахары. Это значительно больше той помощи, которую оказывает этим регионам любая другая держава (см.: Leonard, Mark. *Why Europe Will Run the Twenty-first Century*, London: Fourth Estate, 2005).

Еще никогда прежде Магриб не был столь тесно интегрирован в «евросферу»**. Ежегодно Северную Африку и Южную Европу в физическом смысле связывают новые газопроводы, обеспечивая Европе альтернативные поставки углеводородов в противовес ее энергетической зависимости от России – и это наполняет бюджеты страны Магриба. К тому же Европа намного превосходит другие центры силы в объемах донорской помощи и импорте продовольствия из Африки, при этом потребляя и большую часть прочих товаров, которые перевозятся через Магриб и по Средиземному морю. Миграция из стран Магриба меняет демографический профиль Европы столь же существенно, как и смешивание, которое идет в Западном полушарии, из-за чего многие уже говорят о «Еврабии». Если Латинская Америка – это задний двор для США, то Африка, бесспорно, является тем же для Европы. Но служит ли Магриб примером имперского попятного движения или это имперский шанс на будущее?

Для жителей Магриба Европа – территория возможностей. Из-за ощущения безысходности тысячи

марокканцев на утлых посудинах плывут к Гибралтару. Они нередко тонут еще вдалеке от желанного берега. Однако они уже добрались до Брюсселя: там вороватые иммигранты срезают дамские сумочки прямо на нарядной Гранд-Пляс. В Париже старики живут в страхе перед бандами арабских иммигрантов, приехавших из бывших колоний. А в Лондоне и Мадриде теракты совершают ячейки джихадистов, базирующиеся в Марокко. Европа до сих пор напрасно выдавала лидерам стран Магриба слишком много «морковок», при этом редко прибегая к «палке». Объявленный Евросоюзом в 1990-е годы «Барселонский процесс» был скорее выражением «позитивной предрасположенности», чем реальной политикой. Францию и Испанию больше интересовали установление новых связей с бывшими колониями для проталкивания сделок по продаже своих вооружений и самолетов, чем осуществление там политических реформ³.

Во времена как морских пиратов, так и исламских пиратов пустыни Европа и Америка всегда комбинировали подкуп и силу, чтобы подавить вылазки из Северной Африки в Средиземноморье. В начале XIX столетия с помощью серии малых войн («у берегов Триполи», как напоминает гимн морской пехоты США) было покончено с нападениями пиратов-берберов на британские и американские торговые суда. Сегодня, как и на Западе, правительства Марокко, Туниса, Ливии, Чада и Нигера, а также Джибути и Эритреи (на Африканском Роге) и Йемена, находящегося по другую сторону узкого Баб-эль-Мандебского пролива, испытывают страх перед радикальными группами салафитов (ныне именуемых «Аль-Каидой в Магрибе»), действующими в пустыне Сахара. Поскольку речь идет о стабильности государств Западной Африки, являющихся поставщиками нефти, Соединенные Штаты выделили отдельный театр военных действий, где координируются инициативы, нацеленные на обуздание терроризма, нелегальной переброски вооружений и современной работоторговли. В свою очередь ЕС оплачивает операции по патрулированию границ, развитию мелких предприятий, продвижению региональной торговли и мониторингу состояния дел в области соблюдения прав человека. Он также открыл центры занятости по всему региону, чтобы создавать рабочие места и в перспективе остановить утечку моз-

гов в Европу. Сегодня в порту Танжера, забитом заржавленным оборудованием и массивными грузовыми контейнерами, в целях обеспечения безопасности осуществляется строгий досмотр судов, постоянно доставляющих товары и пассажиров в Испанию и Францию и обратно.

Хотя страны Магриба расположены к Мадриду ближе, чем к Мекке, приманка в виде членства в ЕС, столь действенная применительно к Балканам и закавказским республикам, для них пока невозможна. Отсюда следует, что в рамках Европейской политики соседства нужно создавать новую систему стимулов и поощрений, в которой были бы увязаны энергетика, торговля, развитие, миграция и политические реформы. Как ни странно, несмотря на высокую безработицу, Магриб страдает от нехватки рабочей силы. Это свидетельствует о серьезном разрыве между тем, чему арабская молодежь обучена (либо не обучена) в профессиональном плане, и доступными (либо недоступными) ей рабочими местами⁴. Европа имеет возможность восполнять нехватку работников с Украины и Турции. Поэтому она может позволить себе строгость по отношению к правительствам стран, которые выделяют мало средств на борьбу с нищетой, в то время как их граждане зависят от денежных переводов из Европы. Она требует от них поддерживать предпринимательство и отказываться от непрозрачных законов по инвестициям. Даже если ЕС рассчитывает на тех мигрантов из Магриба, которые уже находятся в Европе, необходимо сделать так, чтобы эти девять миллионов арабов (в своем большинстве бедняков) стали – подобно турецкой диаспоре – силой, участвующей в модернизации родного края, а не лишенным прав рассадником исламского недовольства.

Если вы переплывете узкий Гибралтарский пролив из испанского Альхесираса в Танжер, то за крутыми средиземноморскими скалами горного хребта Риф в глуби Марокко вам бросится в глаза контраст между современной агропромышленной ирригацией, принятой в Испании, и сельским хозяйством, как и встарь, зависимым от дождей. Европа упорствует, отказываясь сократить сельскохозяйственные субсидии своим фермерам, чем подрывает жизненно важный для Магриба экспорт сельскохозяйственной продукции (большая часть которой идет в Европу), одновременно на-

стаивая на снижении североафриканскими странами тарифов для соответствия правилам ЕС. Но чтобы преуспеть в торговле, магрибцам нужно сначала произвести нечто, что хорошо продается. Полвека тому назад А. Тойнби заметил, что фермеры в Магрибе «мечтают не о пактах и договорах, а о насосах и тракторах»⁵. В этом отношении ничто не изменилось до сих пор.

Королевство Марокко веками контролировали то испанцы, то португальцы. Но сегодня именно здесь ЕС проводит свой основной эксперимент по европеизации без колонизации⁶. Правда, Марокко – это не одна страна, а как бы две. Больше половины населения составляют не арабы, а берберы; на протяжении истории правящие династии принадлежали то к тем, то к другим⁸.

Берберские рынки раскинулись в засыпанных песками селах в Атласных горах и в средневековых центрах, подобных Фесу, где находится самый старый в мире обитаемый традиционный арабский квартал. Его узкие улочки заставлены повозками, наполненными мешками с мятой, и лотками, с которых продаются бронзовые котелки с за-

тейливой чеканкой. Прежние арабские жители этого квартала в Фесе перебрались в Касабланку, где бок о бок сосуществуют нынешний центр с современной, стильной архитектурой и традиционный старый город, где обитают лишенные гражданских прав массы бедняков. Проработав весь день, уличные дети слоняются по ночам вокруг фонарей в надежде не попасть в какую-нибудь передрагу – при этом они не прочь разжиться тюбиком с клеем, чтобы было что понюхать. В любом марокканском городе всего одна стена или улица отделяет нечто экзотическое от того, что достойно жалости.

Именно такого рода доисламские культурные атрибуты сдерживают развитие арабских стран, ограничивая политическую эволюцию благородными семействами, которые, в сущности, и правят в каждой стране⁷. Арабские лидеры обожают самих себя с помощью портретов, повсеместно вывешенных на каждой базарной

* Прославленный историк ибн-Халдун классифицировал такую схему свыше шестисот лет тому назад, написав о постоянной напряженности в отношениях между бедуинами (bedu) и оседлыми (hadar) – первые атаковали города с оседлыми жителями, накатываясь волнами и ослабляя центральное государство. Как следует из описания Ибн-Халдуна, спустя три поколения бедуины и сами удивлялись урбанизацией, чтобы поддаться новым атакам очередных волн своих сородичей из сельской местности.

стойке от Рабата до Дамаска. При подобном патриархате главной заботой лидеров, не уверенных в том, проснутся ли они следующим утром, является сохранение своего режима, а вовсе не демократия. Вслед за военными режимами Юго-Восточной Азии большинству арабских самодержцев предстоит инициировать модернизацию, постепенно наделяя новыми возможностями те самые силы, которые в конечном счете и подорвут их власть. Вместо такого «парадокса развития» арабские режимы до сих пор практиковали защитную модернизацию, предоставляя народу социальных и экономических свобод не больше, чем это абсолютно необходимо⁸. Считается образцовым опыт модернизации родины ибн-Халдуна – Туниса, где находятся руины Карфагена. Она включала в себя предоставление гражданских прав женщинам, распространение грамотности, широкие права собственности на жилье и впечатляющее общественное равенство. Однако все это имело место при откровенно авторитарной власти⁹. Президент Бен Али называет свою страну «землей просвещенной мысли». Однако молодой тунисец, путешествующий автостопом на восток в Дубай, пожаловался: «Дома я никогда не могу поступать так, как считаю нужным». У Рима и Карфагена политические структуры были похожими, но Европа дальше ушла в своем развитии.

Укрепление связей Марокко с Европой создает ситуацию, напоминающую турецкую: многие марокканцы действительно в них заинтересованы, а молодое поколение европейцев интуитивно воспринимает Марокко как потенциального члена Евросоюза – первого по другую сторону Средиземного моря¹⁰. Обнадеживает тот факт, что обещание демократии важно для самолегитимации местных режимов. Но в таком случае требуется согласиться и с тем, что монархи – а не президенты – в силу опоры на ислам и народной поддержки только и могут инициировать либерализацию. Король Марокко Мохаммед VI (как и король Иордании Абдулла) гибче и справедливее, чем деспотичные племенные вожди. «Речь не идет просто о том, чтобы переписать конституцию, – поясняет ученый из Касабланки. – Традиционные общества бедуинов озабочены не столько тем, чтобы подражать европейской политике, сколько сохранением личной, племенной и религиозной чести».

В ближайшее время Марокко не превратится в Англию, хотя молодой Мохаммед VI позиционирует себя скорее как менеджера, а не как верховного арбитра. Он не только уволил жестокого министра иностранных дел, служившего при его отце Хасане II, но и инициировал создание Комиссии по выяснению истины, которая в 2005 году выпустила доклад, в котором были подведены итоги сорока лет нарушений прав человека. Деспотическое поведение властей поддерживается страхом мести за прошлые несправедливости против исламистов. Этот порочный круг можно разорвать только тогда, когда высшие руководители учреждают подобные комиссии, а затем признают сделанные ими заключения. Вдохновляемая успехом правящей в Турции происламской Партии справедливости и развития, в Марокко партия с тем же названием устойчиво укрепляет свое парламентское влияние, умерив изначальный пыл. Другая исламистская партия даже заняла позицию непризнания монархии. Если в Алжире и Тунисе гражданское общество продолжает существовать в условиях сковывающих договоренностей с верховной властью, в Марокко легко формируются неправительственные организации, которые предъявляют власти обоснованные требования, уже добившись улучшения положения политических заключенных и относительной свободы прессы. «Конечно, нарушения все еще случаются, и мы высказываемся весьма осторожно, – пояснил мне журналист в Марракеше. – Но правительство к нам прислушивается». По всей видимости, Марокко удалось достичь разумного компромисса между соблюдением прав человека и борьбой с терроризмом – так что заметная роль исламизма в политике не влечет за собой кровопролития, как это случилось в Алжире.

Из-за богатых запасов углеводородов такие арабские государства, как Алжир, иногда называют «супертанкерами». Подобная аналогия, помимо прочего, подсказывает и то, как много времени должно пройти, прежде чем они сменят политический курс. Как и при вождении автомобиля по арабским дорогам, если ты свернул не в ту сторону, то будешь наказан тяжелым, выматывающим объездом, на который уйдет много времени, энергии и терпения. Так, в Алжире политика пошла по неверному пути в 1991 году, когда военные аннулировали победу Исламского фронта спасения

на национальных выборах, что привело к развязыванию жестокой гражданской войны, в которой погибли более 100 тысяч человек. Понадобилось пятнадцать лет, чтобы начать национальное примирение, но и этот процесс не походил на чилийский или марокканский опыт с амнистией и реституцией, помогающими восстановить законный порядок. В итоге арабский мир по-прежнему страдает «антиалжирской фобией», а опыт Алжира служит предупреждением против допуска исламских партий к выборам. Но был бы результат участия исламистов в политике хуже, чем пагубная война, вспыхнувшая из-за того, что их из нее исключили? Кстати, водить машину в столице Алжира не стало проще: повстанцы расстреляли все светофоры, что привело к ужасным пробкам на городских дорогах.

Арабские молодые люди бывают очень рано обременены обязанностями. Они исполняют семейный и профессиональный долг в зависимости от физических возможностей, часто в ущерб интеллектуальному взрослению. Среди молодежи многие, как можно наблюдать, не владеют в полной мере ни арабским, ни французским языками. Качество городских школ упало по всему арабскому миру, тогда как исламские социальные сети обеспечивают беспокойную молодежь продовольствием, дают ей кров и возможность духовной самореализации. Она ищет самоидентификации и подтверждения своей значимости – но в то же время не получает умений, имеющих спрос на рынке. Руки, не занятые трудом, работают на дьявола – так что социальная пороховница, возникающая из-за слабого образования и безработицы, может быть использована как для строительства современного общества, так и для его уничтожения. Эпический фильм «Битва за Алжир» подтверждает, что за 150 лет европейской колониальной политики так и не удалось трансформировать арабское общество. Так что же еще можно сделать?

Годами тунисцы, ливанцы, египтяне и прочие арабы скитались по нефтепромыслам Ливии, Ирака и Саудовской Аравии в поисках работы. Ныне появляются, наконец, трансграничные сети поставки рабочих, которые могут обернуть во благо присущую арабской рабочей силе текучесть¹¹. Европа вкладывает деньги в особые экономические зоны, возникающие вдоль средиземноморского побе-

режья. Там созданы привлекательные условия для инвестиций и экспорта (кстати, таким статусом всегда обладал свободный порт Танжер), что способствует созданию рабочих мест, облегчает экспорт и повышает прибыли. Кроме того, сейчас Марокко имеет соглашение о свободной торговле с США и выигрывает от дополнительного содействия образованию и обеспечению равноправия женщин. Интересно, что в период французской колониальной администрации 1920-х годов именно французские и американские советники настояли на том, чтобы правительство Марокко сохранило чарующую мистику арабских кварталов, а не позволило им разрушаться, как это происходило с другими заброшенными поселениями. В конечном итоге это и привлекает в страну туристов, способствуя повышению ее доходов¹². Евросоюз побуждает власти Алжира, 97% экспорта которого приходится на нефть и газ (причем строятся все новые трубопроводы по дну моря в Европу), тратить энергетические доходы на строительство инфраструктуры и сельское хозяйство. В Тунисе французские центры обработки телефонных звонков позволяют занять тысячи университетских выпускников, которые в противном случае остались бы не у дел. В условиях постепенного роста дохода на душу населения эмиграция из стран Магриба могла бы существенно замедлиться, что ослабило бы миграционное давление на Европу и содействовало решению проблем развития в самом регионе. Рост европейских инвестиций в Магрибе означает, что экономические изменения предшествуют политической трансформации – однако в арабском контексте первое и должно, по-видимому, идти впереди.

На пронизываемом ветрами атлантическом побережье Марокко на удивление много французских пенсионеров, обитающих на замысловатых старомодных виллах. Это показывает, что по другую от Европы сторону Средиземноморья возрождается сложно структурированное социально-экономическое пространство. Для пенсионеров речь идет о возможности жить на старости лет за умеренные деньги, а для арабских государств – о серьезных капиталовложениях в жилые дома и отели. Даже исламистские партии не могут позволить себе отвергнуть приток европейцев в Марокко. Напротив, налоговые льготы с целью их привлечения становятся важным пунктом партийных программ. Подобно Азербайджану,

Марокко европеизируется, даже если этой стране никогда и не стать частью интегрированной Европы.

Ливия: вся в зеленом

«Ливия вечно испытывает кризис идентичности, – признался книготорговец из Триполи, с которым мы беседовали в его хорошо обставленной, но запыленной лавке. – Мы впитываем все, что есть вокруг, но что для нас самих ничего не значит». Начиная с VI века до н.э. финикийцы и греки колонизировали Северную Африку, строя торговые форпосты, зачинавшиеся как привалы на пути в Испанию, где приобретались драгоценные металлы. Две прибрежные ливийские провинции – Триполитания и Киренаика – постепенно вошли в состав Римской империи. Массивные гранитные колонны и мраморные ванны Лептис-Магны в основном ввозились из древнеегипетского Асуана, дорога откуда завершалась в ее величественном порту. Все селения, сгруппировавшиеся вдоль средиземноморского берега, в те времена поочередно побывали под властью разных империй: Византийской, Арабской и Османской.

Тысячелетие арабской власти, предшествовавшей Османской империи, свидетельствует о том, как плохо можно понять Ливию, если смотреть на нее только сквозь арабский объектив. В VII веке арабским воинам Амра ибн эль-Асы потребовалось больше месяца, чтобы отвоевать Триполи у Византии. Византия, как османы и позднее итальянцы, укрепляла римский фундамент Ассам ал-Хамры, цитадели города, чтобы обороняться от вторжений и с моря, и с суши. Поскольку в своей экспансии арабы преследовали цель распространения ислама и арабского языка, а не своих архитектурных достижений, в Ливии сохранились лишь простейшие мечети, отражающие функциональную непритязательность бедуинов. Единственным дошедшим до нас свидетельством их традиций являются кочевники-туареги. Их наряды и щиты, как встарь, используются при сопровождении караванов, передвигающихся по необъятной Сахаре. Фактически закат Лептис-Магны начался с арабским наступлением, и город столетиями оставался похоро-

ненным в песках – до тех пор, пока в 1923 году итальянцы не начали раскопки. Сегодня там постоянно находят в грунте все новые артефакты, а ливийские музыканты наполняют городской амфитеатр звуками музыки бедуинов, что восхищает туристов, приезжающих из Триполи. В 1934 году итальянские колонизаторы соединили оазисы по пути следования караванов в западной провинции Феззан с двумя прибрежными районами, образовав современную Ливию. Однако здесь по-прежнему царит вакуум грандиозной пустыни, а страна является скорее буфером между западными берберскими королевствами региона, южными африканскими племенами и арабским Египтом, чем сформировавшимся арабским государством. Пассажиры, летящие ныне в Ливию, спрашивают друг друга: «Вас интересуют руины или нефть?».

Понятие зыбучих песков в Ливии воспринимается буквально. Триполи время от времени сотрясают песчаные смерчи, называемые хибли (ghibli), превращающие день в ночь и как бы погребаящие под собой весь город. А ливийская политика – это один смерч за другим. Вдохновленный «Философией революции» Гамалья Абдель Насера, двадцативосьмилетний полковник Муаммар Каддафи в 1969 году захватил власть, отправив короля Идриса I в египетскую ссылку. Переворот был поддержан народом, так как предшествующие десять лет были отмечены не только «нефтяной лихорадкой» (в 1960-е годы Ливия занимала четвертое место в мире по объему добычи нефти), но и стремительным накоплением богатств в руках членов королевской семьи и узкой элиты. Проехав по всей Ливии на старом «Фольксвагене-Жуке» в поисках поддержки своих революционных планов, Каддафи узнал страну лучше, чем кто-либо до или после него. Этот автомобиль припаркован на территории национального музея Триполи и стал реликвией, увешанной табличками с антиколониальными призывами.

Говорят, существует восемьдесят официальных способов написания имени Каддафи. Вероятно, не меньше толкований имеет и его эксцентричная философия коммуналного социализма, известного как Джамахирия («государство масс»)*. Превратившись за полсто-

* По сути, выдвинутая Каддафи идея Джамахирии определенным образом препарирует историю страны, начиная с греческих агор, датируемых первым веком н.э. и воплощенных в развалинах Кирены (сегодня Шаххат), где некогда рядом с храмами, возведенными в честь Диониса, стояли статуи Аполлона. Каддафи стремился соз-

дать столь же чистую форму демократии участия, порицая партийно-политические системы на том основании, что «представительство есть ложь», и настаивая на тавтологии из собственной «Зеленой книги», согласно которой «власть принадлежит лишь народу, у которого и должны быть властные рычаги». В то же время, поскольку ливийское наследие включает ислам, он заявлял, что «Священный Коран является Общественным Законом». Действительно, между системой Джамахирии и советами исламской шуры имеется сходство. Наконец, система правления в Ливии отражает и опыт самого Каддафи как военного руководителя. Поэтому, вопреки притязаниям «Зеленой книги» на демократичность, в ней небезосновательно отмечена и та неизбежная реальность, что «те, кто сильнее всех в обществе, как раз и держат в своих руках бразды власти».

образование (в том числе для женщин). Кроме того, в Ливии самый высокий в регионе доход на душу населения (7 тысяч долларов). Но его недоверие к предпринимательству в течение первого же десятилетия правления вытолкнуло из страны по крайней мере сотню тысяч образованных ливийцев. Его непредсказуемое дипломатическое филярство принесло ему репутацию, от которой он, вероятно, не избавится до конца своих дней. Во имя панарабизма в 1974 году он предпринял попытку объединения Ливии с Тунисом и даже однажды демонстративно въехал на бульдозере в ограду, отмечавшую египетскую границу. Во имя panaфриканизма он пригласил приехать в страну миллионы африканских рабочих, но потом обращался с ними как со скотом. Затем он вел бесплодную и завершившуюся для него унижительным поражением десятилетнюю войну с Чадом из-за сектора Аузу, расположенного вдоль границы между двумя странами. В недавнем прошлом он завязал дружбу с лидером ЮАР Нельсоном Манделой, чтобы позиционировать себя как посредника в африканских конфликтах (включая происходящий в Дарфуре), при этом требуя от Европы репараций за колониализм в пользу всех африканских наций. Еще существеннее то, что Каддафи спонсировал Организацию освобождения Палестины и Ирландскую республиканскую армию, был замешан

летия из османского захолустья в итальянскую колонию, из консервативной монархии – в страну с революционным режимом и из нищенки в богачку, Ливия стала «чистым листом» для проводимых Каддафи оригинальных экспериментов на основе «Третьей универсальной теории», представляющей собой произведенную им на свет смесь идей гуманизма, социализма и ислама¹³. Некоторые из образов многотомной «Зеленой книги» Каддафи совершили скачок из теории в реальность – например, всеобщее здравоохранение и

во взрыве самолета компании «Пан Америкэн», летевшего рейсом №103 над городком Локерби в Шотландии, и пытался заполучить технологию производства ядерного оружия. Все это вместе взятое способствовало тому, что США первой занесли Ливию в список государств – спонсоров терроризма. Президент Рональд Рейган называл Каддафи «бешеной собакой» и в 1986 году санкционировал ракетную атаку на Триполи (в отместку за взрывы в берлинской дискотеке, где погибли трое американских военнослужащих), которая завершилась гибелью удочеренной Каддафи маленькой девочки.

Ливия уже давно могла бы стать арабским вариантом Норвегии, но погоня Каддафи за несбыточным величием привела к введению против нее санкций. Они оказались эффективными благодаря географической изолированности страны, из-за которой перемещение товаров возможно только по легко перекрываемым наземным и морским маршрутам. К 2003 году Каддафи отказался и от ядерных изысканий, и от террористических потуг, выступил против ядерного оружия и выделил щедрю сумму на поимку Усамы бен Ладена. Он также возобновил официальные дипломатические отношения с Соединенными Штатами. Ливийская нефть хорошо подходит для американского рынка – тем более что ее доставка туда не требует прохождения через Суэцкий канал. В ливийских школах опять учат английский язык (в 1980-е годы он был под запретом), а студенты активно обращаются за американскими стипендиями. В 2006 году, всего за неделю до организованной Каддафи конференции, призванной осудить американскую бомбардировку Ливии двадцатилетней давности и почтить память погибших, толпы ливийских юнцов воодушевленно размахивали американскими флагами в знак приветствия американской рок-группы, выступавшей на торговой ярмарке в Триполи.

Триполи превратился в жемчужину средиземноморского ожерелья арабских наций, которые вновь отправляют основную часть своих ресурсов на продажу в Европу, тогда как сами европейцы в большом числе стекаются сюда с предложением классической комбинации финансовой помощи, торговых преимуществ и вооружений. Важная новая роль Ливии на глобальном энергетическом рынке усиливает притяжение Магриба к Европе¹⁴. Единственный

пятизвездочный отель в Триполи – поистине человеческий муравейник. Там заключаются сделки и строятся планы на будущее под взглядом Каддафи, с одобрением взирающего на всех с бесчисленных гигантских портретов. Денежных авансов всего от двух международных энергетических консорциумов хватило, чтобы покрыть выплату Каддафи трех миллиардов долларов жертвам крушения самолета «Пан Америкэн». Италия в 2005 году ввела в строй газопровод из Ливии, проходящий по морскому дну. Китайские и малазийские нефтяные компании начали активно выдвигать свои предложения по обеспечению большей сбалансированности ливийского нефтяного экспорта, выражая готовность пойти на менее выгодные условия, в том числе по условиям раздела доходов. Приток в Ливию мигрантов из Алжира, Туниса, Чада, Нигера и Египта свидетельствует о стабильности страны. Миллион египтян составляет почти пятую часть ливийского населения. Их говор хорошо различим, когда они собираются на мощеных камнем перекрестках Триполи. В то же время многие африканцы, помучавшись в центрах временного содержания мигрантов, предпочитают не высовываться, обходясь облюбованными ими кафе и дворами по соседству.

И все же Триполи по-прежнему больше напоминает сонный итальянский портовый городок, а не суетливые Танжер или Бейрут. Как и в то время, когда Каддафи только пришел к власти, страна строит грандиозные планы и имеет большие деньги, но от многих догм еще придется отказаться, прежде чем она вступит в период зрелого развития. Как и в своей прежней истории, Триполи постоянно строится: в одних районах появляются основательные апартаменты, тогда как в других все ветшает: как и в Гаване, роскошные колониальные фасады безнадежно разрушаются – причем даже быстрее, чем римские развалины, которые на две тысячи лет старше, но лучше выдерживают испытание временем. В 2006 году на одну только инфраструктуру из бюджета было выделено 7 миллиардов долларов, но в Триполи видно немного подъемных кранов, поскольку основные ассигнования идут на замену городских коммуникаций: трубопроводов, систем канализации и дорог. Энтузиасты туристического рынка характеризуют Ливию как страну, «переживающую бум и в перспективе способную сравняться с

Марокко или Египтом», но реальность выглядит гораздо прозаичнее. Ливия – счастливая обладательница средиземноморского побережья протяженностью 1,8 тысячи километров, но вдоль него в основном видны фермы, где выращивают овец, лошадей и верблюдов, а также автомобильные свалки. В таких популярных местах, как Непал или Камбоджа, интенсивный нерегулируемый туризм разрушил девственные красоты на протяжении жизни всего одного поколения – без тени какого-либо развития. Консервативные и уравновешенные ливийцы всерьез задумываются, как бы не стать очередным «Солнечным берегом» с толпами подвыпивших голых европейцев. Поэтому пока они выделили итальянским курортным застройщикам только несколько островных участков на периферии. «Нас, ливийских бедуинов, смущает сама по себе концепция отелей. Мы настаиваем на том, чтобы предложить гостеприимство собственных жилищ», – настаивал чиновник от туризма, с которым я встретился в его скромном бюро около порта Триполи, куда лишь изредка заходят корабли с итальянцами или россиянами.

В своей «Зеленой книге» Каддафи выражает скорбь по поводу «власти, которую обретает собственность», но раздутый бюджет (более 40 миллиардов долларов) ставит под сомнение его устремления к бесклассовому обществу. Хотя его собственный мятеж произошел из-за злоупотреблений и воровства нажитых на нефти богатств, высокопарные рассуждения Каддафи о «партнерах, а не наемных служащих», служат слабым утешением для тех ливийцев, кто получает давно отставшие от жизни зарплаты. Новые возможности нужны и квалифицированным, и неквалифицированным работникам: первым – чтобы прекратилась утечка мозгов, а вторым – чтобы быстро растущее молодое поколение получило некое занятие, отличное от прослушивания рингтонов своих мобильных на уличных углах. Если Ливия будет расходовать свое богатство с умом, вполне вероятно, что пятимиллионное население страны – 90% которого сосредоточено в долине Джафара на северо-западе в нескольких милях от Средиземного моря – испытает моментальный взлет уровня жизни. Если удастся завершить проект Великой рукотворной реки, чтобы направить свежую воду из водоносных горизонтов с юга к северному берегу, а также программу восстановления лесов, которая позволит расширить пахот-

ные угодья, то в конечном счете Ливия могла бы производить больше продовольствия, чем импортирует сейчас. Как и в Казахстане, в Ливии учрежден Фонд будущих поколений по норвежскому образцу, призванный вкладывать средства в школы и больницы, которые деградировали в 1980-е и 1990-е годы из-за международных санкций. Кроме того, подобно Колумбии, Ливия довольно щедро тратит деньги на высококлассных международных советников, участвующих в приватизации сельского хозяйства и промышленности, реструктуризации банковского сектора, разработке стратегии развития нефтехимических заводов и туризма, а также в переподготовке ученых, которые ранее участвовали в программах разработки вооружений, а теперь должны заняться опреснением воды и нефтеразведкой. А ведь недавно книги на эти темы десятилетиями собирали пыль в букинистических лавочках Триполи.

«В 1970-е годы я получил стипендию и учился в США, – вспоминает ливийский менеджер из нефтяной отрасли. – Так что теперь мне хочется большего, чем просто обеспечить обогащение своей страны. Я выступаю за наведение надежных мостов в отношениях с Америкой. Но это нелегко, когда дела идут так медленно». Хотя в «Зеленой книге» и нет раздела о бюрократии, ливийским управленцам сильно переплачивают, так как культура страны застряла в «искривленном времени», когда никого нельзя уволить, даже если он ничего не делает. Увольняют только тогда, когда сделаешь что-то, что не нравится начальству. «Трудно помочь туристам даже въехать в страну, а не только доставить их туда, куда им хочется», – жаловался местный туроператор на процедуру выдачи виз, возможно самую замысловатую в мире. Из-за нее даже приглашенные в страну высокопоставленные визитеры, бывало, застревали прямо в аэропорту, а потом высылались обратно. Много говорится о совершенствовании инвестиционного законодательства, но, похоже, никто не знает, каким оно должно быть. Чтобы покончить с секретной ливийской программой по ядерному оружию, не понадобилось бомбардировать ее тайные лаборатории, но сейсмическая встряска может оказаться необходимой для глубокой перестройки психологии ливийцев, чтобы они усвоили правила современного международного бизнеса или дипломатии. Поскольку государство управляется на основе доктрины, способной уйти в историю по

сле смерти одного-единственного человека, то для снижения политических рисков нужно сделать гораздо больше, чем просто сулить надежность инвестиций.

«С политикой беда», – усмеваются многие ливийцы. Трудно считать кого-либо из жителей Ливии гражданами своей страны¹⁵. Поэтому когда революция Каддафи закончится, вопрос будет не только в том, кто его заменит, но и что придет на смену. Режим одного человека, в сущности, бессистемен, будучи имплантирован в дисфункциональную среду племен и аморфных общественных собраний. Предполагалось, что «народные комитеты» станут площадкой народного волеизъявления, но вместо этого они внушили людям апатию в отношении политики – в дополнение к общему страху быть уничтоженным за несогласие с властью. Неброский титул Каддафи – «старший брат и лидер революции» – не несет никаких указаний на то, кто же из его детей (если вообще кто-то из них) официально придет ему на смену. Получивший образование на Западе Саиф аль-Ислам аль-Каддафи стал чем-то вроде блуждающего закулисного министра иностранных дел, причем сам он считает, что «политическая система страны не должна основываться на лояльности или происхождении». Кто бы ни заменил Каддафи, когда очередной хибли сметет его, у него будет та же возможность, что и у Каддафи-старшего, по-новому изобразить ливийскую идентичность.

В дело вступает Китай

Все более многочисленные китайские посольства по всей Африке свидетельствуют о том, что Пекин широко использует в своих интересах геополитическую открытость. Сейчас Китай занимает третье место сразу вслед за ЕС и США в качестве инвестора в Африке. Его торговый оборот со странами Черного континента в 2005 году достиг 50 миллиардов долларов. Китайцы выстраивают стратегические альянсы, углубляя коммерческие отношения прежде всего с теми режимами, у которых чем-то омрачены связи с Соединенными Штатами¹⁶. Отличающийся ненасытной тягой к природным ресурсам, Китай лидирует в производстве неф-

ти и газа на пространстве от Анголы до Алжира и Судана. Он импортирует из Африки больше нефти, чем из Саудовской Аравии¹⁷. Как и в случае с другими крупными державами, вмешательство Пекина в Африке способно определять ситуацию в диапазоне между установлением мира и геноцидом. Так, Китай участвовал в отправке миротворцев ООН в Судан и посылал туда своих военных для защиты нефтяных предприятий и почти полуторатысячекилометрового трубопровода к Красному морю. В то же время Пекин не давал ходу резолюциям ООН, направленным на прекращение гражданской войны на юге страны, а также этнических чисток и погромов в провинции Дарфур, наводненной китайским стрелковым оружием. Такие страны, как Ливия и КНР подпитывают сектор торговли недвижимостью в Хартуме, процветающий вопреки американским санкциям.

Китай называет африканские государства своими партнерами, а не получателями благотворительной помощи, а многие арабские и африканские правительства с энтузиазмом рассуждают о китайской модели закрытого политического режима с открытой экономикой. Возрождению близких отношений с африканскими странами, какие существовали в середине XX века, служат и комплексные пакеты финансового содействия, профессиональной подготовки и рассылки по всему континенту врачей из Китая. Все это призвано продемонстрировать братский дух «максимального содействия», противопоставляемого финансовой «шоковой терапии» западного образца. Китай списал долги большинству африканских стран, предоставляет займы на льготных условиях и в десять раз нарастил свой импорт из Африки. Его шаги не просто контрастируют с западной помощью развитию, которая все чаще воспринимается как неадекватная, но и дискредитируют ее. Миллиарды долларов западной помощи не обеспечили создания железнодорожной сети в Нигерии и энергосистемы на Африканском Роге – но с этой задачей играючи справился Китай. В 1990-е годы во время войны между Эритреей и Эфиопией западные гуманитарные организации ушли с Африканского Рога, а КНР построила плотину Такази в верховьях Голубого Нила, которая теперь вырабатывает электроэнергию для всего региона¹⁸. Аддис-Абеба, где размещается штаб-квартира Африканского союза, является для Китая ре-

гиональным узлом коммерческих контактов по продаже военной техники.

Впрочем, не только Китай, но и Америка с Европой гораздо больше интересуются обеспечением энергетических поставок, нежели побуждением Африки к политическим реформам¹⁹. Пекин оказывает поддержку деспотическому режиму Роберта Мугабе в Зимбабве, низведшему житницу континента до состояния масового голода и раздоров, а Вашингтон предпочитает спонсировать бесчеловечную клептократию в Экваториальной Гвинее, откуда в США по морю каждый день отправляется более полумиллиона баррелей нефти. В конечном счете захват китайцами ресурсов континента буквально подрывает хозяйственный фундамент многих африканских стран. После заключения более 40 торговых соглашений с африканскими странами случилось китайское «текстильное цунами», уничтожившее бессчетное количество рабочих мест в Африке. Более того, допускаемые правилами ВТО лазейки дают китайскому текстилю доступ с фабрик в Танжере прямо в Европу. Так КНР легко оттесняет африканских экспортеров. Работники китайских нефтяных и газовых предприятий, ряды которых зачастую пополняются за счет заключенных из переполненных тюрем в КНР, спят прямо на рабочем месте. Местная экономика от них практически ничего не выигрывает. В перспективе, Китай способен столько же сделать для удержания африканских стран в Третьем мире, сколько и для их вытягивания из него.

22 ЕГИПЕТ: МЕЖДУ БЮРОКРАТИЕЙ И ТЕОКРАТИЕЙ

В третьем веке до н.э. египетский король Птолемей II основал в Александрии крупнейшую в мире Великую библиотеку, где хранилось свыше 700 тысяч манускриптов. Ее уничтожение через семь столетий во время пожара, вызванного варварством римлян, означало конец Египта как всемирного центра учености. Ныне на берегу Средиземного моря горделиво возвышается восстановленная по норвежскому проекту *Bibliotheca Alexandrinae*. Хотя в ней хранится не больше томов, чем две тысячи лет назад, она является величайшим символом способности арабской цивилизации преодолеть многовековую инверсию, когда золотой век Европы совпадал с темным периодом в арабском мире и наоборот. На ее стенах иероглифами, греческими буквами и арабской вязью изящно описаны происходившие в Средиземноморье события, а внутренние дворики заставлены постмодернистскими скульптурами. Здесь также размещается Институт Анны Линдт, названный в честь шведского министра иностранных дел, которая посвятила себя развитию диалога цивилизаций, но пала от руки убийцы. Библиотека может похвастать новейшим оборудованием, обеспечивающим трехмерное изображение на молекулярном уровне, одним из четырех имеющихся в мире зеркальных сайтов для всей Всемирной паутины и исследовательскими центрами, которые выступают партнерами европейских университетов.

Вторжение Наполеона в Египет в 1798 году ознаменовало собой начало покорения арабской цивилизации. Но независимо от того, кто правил Египтом, он всегда претендовал на централь-

ную роль в Средиземноморье, а также в африканском и арабском мирах. Четыре тысячелетия тому назад египетское общество было вершиной человеческой цивилизации, хотя его образ жизни зависел от Нила, второй по протяженности реки в мире, истоки которой затеряны в горах Бурунди и Эфиопии. При продвижении вверх по течению (Нил течет с юга на север) через Луксор (в древности Фивы) и Асуан обнаруживается: сегодня в качестве буфера между арабским и африканским мирами выступает Судан. А ведь некогда здесь было нубийское царство, входившее в Древний Египет. Ныне даже беднейшие страны бассейна Нила строят здесь плотины, которые ставят под угрозу водоснабжение выской Асуанской гидроэлектростанции и озера Насер, являющегося для египтян стратегическим водным резервом на случай засухи¹. Поскольку почти все население, как и пахотные земли, по-прежнему размещаются вдоль Нила, то чьи-либо действия, ведущие к сокращению водных ресурсов Египта, могут спровоцировать войну из-за них. Однако от военных действий воды не прибавится – ведь уже сейчас на всем протяжении от Асуана до Каира Нил похож на зловонное болото, а смытый плодородный слой минеральных частиц, загрязнение нефтехимическими продуктами и запланированная постройка ядерных реакторов грозят в перспективе превратить в трясины и изрядно засоренную дельту реки при ее впадении в Средиземное море. Асуанская ГЭС считается стратегическим объектом, поскольку возможное разрушение ее плотины при военном нападении (к такому тактическому аргументу прибегает в своих угрозах Израиль) вызовет наводнение, равнозначное экологическому геноциду.

Регионы Магриб и Машрик получили свои наименования исходя из их расположения на Запад или на Восток от Нила. Тем самым подчеркивается тот факт, что Египет длительное время служил центром арабского мира и, наряду с Турцией и Ираном, был одной из трех главных сил, которые путем бесконечного маневрирования пытались утвердить свое влияние на этом пространстве. Египетский Синайский полуостров является также местом, где сходятся границы Саудовской Аравии, Иордании и Израиля, оккупировавшего его с 1956 по 1973 год. На северной оконечности 163-километрового Суэцкого канала лежит Порт-Саид, откуда

с помощью парома или по Мосту мира имени Х. Мубарака нетрудно перебраться из Африки в Порт-Фуад на азиатском берегу. Через Суэцкий канал все еще проходит 10% мировых морских перевозок, что приносит Египту 5 миллиардов долларов в год. Эти деньги превращают Порт-Саид из заштатного городка – своего рода отстойника на захламленном средиземноморском побережье, – в привлекательно-замысловатый город с европейскими шале, весьма напоминающий тот, каким он был, когда служил опорным пунктом британской Ост-Индской компании. С помощью драг постоянно ведется углубление канала, дабы обеспечить прохождение в обе стороны гигантских судов главного нынешнего клиента – Китая.

Дипломатическое влияние Египта в значительной степени основывалось на его роли главного арабского переговорщика с Израилем. В войнах с израильтянами египтяне пролили крови больше других, однако мирный договор с Израилем, который Анвар Садат заключил в 1979 году, привел к тому, что Египет оказался более чем на десятилетие исключен из Лиги арабских государств. Впоследствии «холодный мир» с Израилем обеспечил туристический бум в городке Шарм-аль-Шейх на Красном море. Сюда на южную оконечность Синайского полуострова в поисках работы стекаются толпы молодых египтян. Даже при самых убогих заработках чистенький курорт кажется им воплощением мечты². Бедуины на Синае жаловались, что в годы израильской оккупации к ним относились лучше, чем при неуклюжем режиме Мубарака, который не сумел использовать доходы от туризма, чтобы превратить полуостров из перевалочного пункта для наркотиков и оружия в подлинную «дорогу паломников». Что касается узкого прибрежного сектора Газа, то после ухода оттуда Израиля в 2005 году он фактически превратился в беспокойную египетскую провинцию. На пограничном переходе Рафах не действует закон, палестинцы беспрепятственно перебираются здесь в Египет, чтобы навестить родственников и получить медицинскую помощь. «Египет спасает многих палестинцев от самой Палестины», – заметил военный аналитик в Каире, качая головой при упоминании провала попыток принести в Палестину мир и стабильность.

«Мы по-прежнему являемся самым крупным арабским государством, а потому определяем геополитические предпочтения арабов», – заявил историк из Каира, принимая меня в своей забитой книгами библиотеке. Основатель современного Египта Мохаммед Али вышел из рядов османской администрации в начале XIX века и добился некоторой независимости страны за счет развития национальной промышленности и сельского хозяйства. Европейские державы пытались предотвратить усиление роли Египта в арабском мире, однако захват власти Гамалем Абдель Насером в 1954 году (тогда ему было 36 лет) и национализация Суэцкого канала спустя два года породили целое поколение противников колониализма. Это даже вселило некоторые надежды в Советском Союзе, который попробовал более прочно закрепиться в арабском мире после того, как в результате грубой попытки вновь захватить канал стали явными меркантильные намерения Франции и Великобритании. Однако советским советникам так и не удалось в полной мере найти общий язык с политическим классом Египта, отчего возникла стратегическая брешь, которой затем воспользовались Соединенные Штаты³.

Впрочем, как полвека тому назад Насер не собирался сделать из Египта антикоммунистический оплот для Америки, так сегодня египетские правители вряд ли упустят шанс сыграть за «наших» и «ваших» одновременно. «Если расценивать ситуацию в диапазоне от поддержки “войны с террором” до примирения с нашей израильской позицией, то фактически Египет делает для США больше, чем мы для него», – признал один американский дипломат. Американская военная и экономическая помощь (почти 2 миллиарда долларов в год) искусственно подпитывает американское влияние в Египте, но в гораздо меньшей степени, чем это удавалось тридцать лет назад. «Такого рода отношения с Соединенными Штатами не покрывают ущерба от их вмешательства в нашу политику. Нам не нужен их оружейный неликвид, и мы способны сами построить себе канализацию», – заметил один местный чиновник. Все больше бюджетных денег Египет тратит на китайские вооружения, а также предлагает себя Пекину в качестве плацдарма для наращивания связей с Африкой. КНР также стремится заменить США в качестве главного торгового партнера Египта. Для этого

Поднебесная осуществляет капиталовложения в Суэцкий канал, цементные фабрики, электронные компании и конгресс-центры⁴. Такие элементы китайской культуры, как упор на поддержание чести, хорошо воспринимаются в арабском мире – как и то, что китайские дипломаты демонстрируют уважение к местной культуре, изучают арабский язык и даже называют себя арабскими именами.

Со временем европейское влияние в Египте также может превзойти американское. Европа гораздо активнее участвует в развитии здесь рынков и способна направить демократизацию по-арабски в сторону формирования децентрализованных парламентских систем взамен нынешних президентских. Если американцы пасуют перед сложностями навигации по египетским бюрократическим лабиринтам, то европейские компании потратили свыше 500 миллионов долларов на модернизацию туриндустрии, строительства и сельского хозяйства. Заводы, собирающие «Мерседесы» и «Пежо», в состоянии нарастить число занятых в местной автомобильной промышленности (пока всего 60 тысяч человек) в десять раз. Европа и КНР ведут здесь стратегическое наступление – так что Египет занимает сейчас как никогда выгодную позицию на геополитическом рынке.

Центральное географическое положение Египта не облегчает для него поиск направления внутреннего развития, из-за чего тут легко может произойти революция. Египетский ученый Гамаль Хамдан утверждал, что место Египта в арабском мире аналогично тому, какое место в самом нем занимает Каир: это средоточие культурных, хозяйственных и политических связей⁵. Тысячу лет тому назад Каир, как в свое время Рим, занимал центральное место на трансконтинентальных рынках. В его выразительном городском силуэте сочетаются древнеегипетский, колониальный и космополитический стили, мотивы народов стран Магриба, Африки и Персидского залива. Сегодня это по-прежнему город бесчисленных мечетей, церквей, домов и рынков, где величественная викторианская архитектура соседствует с безвкусными постройками времен революции. Бесплезно пытаться точно подсчитать население мегаполиса, составляющее около 20 миллионов человек. Как и многие большие города Африки и Азии, он фактически представляет собой отдельную страну – особенно для миллионов

бедняков (в их числе – более миллиона малолетних беспризорников), которые появляются там на свет и никогда не покидают его пределов. «Иностранцы, арабы из других стран и даже мы, египтяне, – все тут в Каире теряются», – выдал афоризм торговец чаем в окрестностях Старого Каира. Неудивительно, что жители самого города считают Каир и Египет синонимами.

Сегодня Каир показывает, как арабы выкарабкиваются из Третьего мира, несмотря на то, что лишены утонченной дисциплинированности своих предков времен фараонов и халифов. Если перестать винить во всех современных бедах колониализм и проанализировать, что же пришло ему на смену, становится очевидной слабость власти в арабских странах. Многие из беднейших жителей Каира живут в трущобном районе у подножия высокой крепости Мохаммеда Али в самом сердце города, в то время как элита купается в роскоши, пользуясь частными школами и больницами. Но даже шикарные здания Каира крошатся и осыпаются; повсюду разбросаны осколки черепицы и кучи бетонных обломков. Тот факт, что в Египте есть две экономики, четко просматривается на многих углах, где большинство скрупулезно выбирает овощи на уличных лотках, а привилегированное меньшинство платит западную цену за чашечку капучино в кафе европейского типа. Повозки с овощами, запряженные осликами, и чистильщики обуви, сидящие скрестив ноги, работают на тех же улицах, где выстроены высотные отели и великолепные музеи. Вдоль внешней кольцевой дороги вокруг Каира сотни гектаров пахотной земли усеяны импровизированными временками. Их незаконные обитатели каждый день добираются в город автостопом, а владельцам частных поместий приходится строить все более высокие ворота и стены. Сравняет ли правительство хибары с землей или, проявив сострадание, вложит средства в практичное глинобитное жилье, которое придумали тысячи лет назад именно в Египте?

«У нас есть планы – реальные планы – по восстановлению нашей исторической славы», – заявляет официальный представитель правящей партии с видом горячего возбуждения. Магистраль между Александрией и Асуаном ускорит доступ в менее населенные районы; для быстрорастущего фондового рынка Египта и правительственных офисов создается высокотехнологичный финан-

совый центр; появилась и новая служба такси, призванная вытеснить из транспортной сферы теневой бизнес. После десятилетий бесплодных паллиативных реформ срезаются неэффективные субсидии, исчислявшиеся миллиардами долларов. По всему средиземноморскому побережью от Ливии до Суэцкого канала возникают бесплодные зоны. «Хороши любые инвестиции» – такова новая мантра египетского делового класса, который добивается соглашений о свободной торговле с США и ЕС, чтобы вынудить правительство усовершенствовать стандарты и нормы хозяйственного регулирования. Там, где пять лет назад вообще не было ничего, кроме пустыни, сейчас на туманном горизонте вырос «Новый Каир» – малоэтажная пригородная застройка, население которой растет почти на миллион человек в год. Египтянам повезло также обнаружить у себя существенные запасы природного газа (как раз тогда, когда истощаются скромные нефтяные резервы страны), что сулит прибыли от его экспорта в Израиль, Иорданию и Европу.

Но поскольку население ежегодно прирастает несколькими сотнями тысяч молодых людей, Египту грозит тяжелый кризис в области занятости. «Это самая серьезная наша проблема, – выказал озабоченность один из бизнесменов, ведя машину по Новому Каиру. – Численность молодежи гораздо больше того, с чем мы могли бы справиться». Как и в Магрибе, нужно спешить, чтобы занять чем-то беспокойных юнцов, пока они не выступили против правительства, развязав уличные беспорядки или уйдя в религиозный радикализм. Еще Зигмунд Фрейд писал о «культурной фрустрации» как результате нахождения в огромном безликом мегаполисе типа Каира. Из-за нее раздраженные орды легко поддаются любому побуждению – будь то к добру или злу. В беспорядочных поисках способа предотвратить взрыв этой социально-экономической мины замедленного действия предприниматели спонсируют профессиональную подготовку и проталкивают идею превратить тысячи пустых земельных участков, находящихся в государственных руках, в футбольные площадки.

Задача затрудняется тем обстоятельством, что теперь Египту, помимо прочего, приходится конкурировать с одним из своих новых благодетелей – Китаем. В рыночном районе Каира Атаба егип-

тяне скупают китайскую продукцию, которую должны были бы выпускать сами, например, свои национальные флаги, арабскую имитацию популярной куклы Барби по имени Фулла и даже фонарики для Рамадана, из которых раздаются арабские песнопения. Как и прочим странам, пытающимся вырваться из Третьего мира, Египту наносит вред китайский спрос на сталь для строительства, вынуждая их тратить на инфраструктуру гораздо больше того, что они могут себе позволить. Как в случае с Мексикой, завершение срока действия Многостороннего соглашения по текстилю обнажило неготовность Египта к более жесткой конкуренции на глобальном текстильном рынке с годовым оборотом в 500 миллиардов долларов. Китай ныне растит высококачественный хлопок, создавая конкуренцию с самой уязвимой египетской экспортной отраслью, на которую приходится до трети промышленного производства страны. Правда, если бы египтяне шили одежду искуснее китайцев (что в принципе нетрудно), ее стоимость могла бы сильно повыситься.

Египетские официальные лица подчеркивают, что их страна «привлекала туристов со времен зарождения туризма», и возлагают надежды на дальнейшее расширение той части национального хозяйства, которая вращается вокруг обслуживания иностранцев. Она уже достигла 60% от всей экономики, но именно в туристических районах Египта воочию видны все ошибки Третьего мира, которые и впредь будут препятствовать развитию, а не стимулировать его. В Асуане и Луксоре, где находятся легендарные святилища и захоронения, все отели контролируются группкой ключевых агентств. Это ограничивает рост частных услуг, которые могли бы давать рабочие места большей части многочисленной молодежи, нуждающейся в зарработке. Дети, живущие вблизи этих древних достопримечательностей, продают открытки и предлагают прокатиться по Нилу на плоскодонках под парусом. Их школы ничуть не лучше тех, что расположены в самых бедных районах. Если не считать, что тарабарщина на пяти языках – это достаточное образование, то нарастание туризма и прибылей вряд ли повысят грамотность. На элитном курорте Шарм-эль-Шейхе мусор и нечистоты сбрасывают прямо в Красное море, а не отправляют в пустыню, чем загрязняют воду и губят кораллы, привлекая

щие многочисленных любителей подводного плавания и просто желающих поплавать в маске с трубкой. Поскольку пятизвездочные отели под Каиром приближаются к некогда отдаленной Гизе, Великие Пирамиды кажутся уже не столь экзотичными. Захотят ли миллионы туристов, впервые посещающих Египет, вернуться сюда еще раз?

«Может быть, мы и похожи на фараонов, но, в сущности, мы мало цивилизованная нация», – раздраженно бросил в разговоре каирский бизнесмен в своей огромной вилле с видом на поле для гольфа. Властям не удается поддержать достоинство страны, которым она славилась в эпоху Древнего Египта. Но способен ли восстановить его ислам? Именно в Египет веками просачивались, чтобы там смешаться, арабизм и исламизм; сегодня это происходит как никогда активно. Хасан аль-Банна, в 1928 году основавший в Египте организацию «Мусульманское братство», хотел возродить арабскую цивилизацию после падения Османской империи с помощью ненасильственного движения, которое должно было объединить всех суннитов. После того, как в 1949 году он был казнен властями Египта, распространение этого учения продолжил его последователь Саид Кутб. Он настойчиво живописал невыносимость того кризиса, в котором оказалось мироздание из-за поддержанного Западом подавления арабской основы исламского благочестия⁶. «Братство» распространило свое влияние также на Иорданию и Сирию, но наибольший расцвет его популярности имел место на родине. Египет, а не Ирак, является для арабов той страной, в которой определится будущее и исламизма, и демократии.

Более тысячелетия мечеть Аль-Азхар в Каире и одноименный университет – столь древние, что так или иначе с ними связана вся история исламской архитектуры – служили главными источниками консервативной мысли. Арабские руководители нередко разглагольствуют о своей приверженности мусульманству, чтобы завоевать поддержку этой твердыни ислама, однако без принуждения исламисты ни за что не окажут содействие нынешнему арабскому политическому сыску. Для миллионов рассерженных египтян, лишенных доступа к новым экономическим возможностям страны – либо застрявших по пути к ним – призыв на молитву слу-

жит достижению эмоционального равновесия, вдохновляющим не радикальные устремления, а как раз обратное: он напоминает о ключевых ценностях в материалистическом окружении, в котором они, по всей видимости, теряются. Прошлявшись весь день по улицам, юнцы вдруг на закате заходят в мечеть в районе Замалек на острове Гезира в Каире, потому что молитва и разговор позволяют сосредоточиться и обрести смысл жизни. Прямо напротив мечети стоит великолепный «Дом Оперы», но кому по карману попасть туда?

Сегодня в Египте налицо все предпосылки для исламистской революции: резкие различия в благосостоянии, конфликт внутри элиты, подавление религии и политическое отчуждение. Хосни Мубарак находится у власти с 1981 года, когда был убит Анвар Садат, а до этого занимал пост вице-президента, на котором не успел как-либо зарекомендовать себя. Его секретная служба пристально наблюдает за многолюдными городами, где растет нестабильность, но правительство мало что делает, чтобы разрешить социальные проблемы. В течение четверти века систематическое устранение конкуренции из египетской политики напоминало «Скотный двор» Оруэлла. Мубарак настолько не готов поделить власть, что подвергает тюремному заключению даже светских либералов. Это оставляет непрезентабельной альтернативой ему самому лишь исламистские партии – на эту уловку по-прежнему наивно поддаются американцы. Жупел исламских партий у власти – лишь последнее из длинного списка оправданий, приводимых для объяснения отсутствия в арабском мире политического развития. Шейхи нефтедобывающих стран Персидского залива делятся с своими народами рентой в обмен на тотальный политический контроль, а прочие арабы винят во всем колониализм, Америку, Израиль или бедность⁷. Особую иронию ссылок на ислам придает то, что он исходит изнутри самого арабского мира.

«Перед нами стоит нелегкий выбор, – рассуждал вслух редактор газеты, посасывая кальян. – Большинству египтян свойствен консервативный инстинкт. Мы предпочитаем кормить своих детей, а не бороться за демократию. Скромным усовершенствованиям мы доверяем больше, чем радикальным переменам». В Египте сидеть в кафе под открытым небом, курить кальян и играть в домино –

уже давно более распространенные занятия, нежели быть политическим активистом. Тем не менее оживление арабского гражданского общества и средств массовой информации пробудило демократическую культуру, которая обещает возможность третьего пути между апатией с мятным чаем в руке и воинственностью с автоматом наперевес. Ныне привычными стали ненасильственные формы протеста, а в 2006 году около двух десятков египетских изданий временно приостановили свой выход в знак возмущения драконовским законом о СМИ.

Власть, не подкреплённая ни моральным авторитетом, ни оказанием общественных услуг, – прекрасная мишень для исламистских групп, у которых есть все необходимое, чтобы предоставить и то, и другое. Ислам не есть доктрина сопротивления государственному угнетению, однако ввиду его духовных и все более мощных социальных опор не вызывает удивления, насколько успешно он справляется с такой задачей⁸. Исламистские группы в Египте и других арабских государствах играют ключевую роль в обеспечении медицинской помощи и оказании образовательных услуг, но некомпетентные самодержцы до сих пор не уделяют внимания этой проблеме, несмотря на рост численности населения. Для общения с народом исламистам не требуются традиционные политические средства. Когда их ставят вне закона, они получают оправдание непосредственного воздействия на массы в мечетях или актов жестокой мести. Во время выборов 2005 года сотрудники секретной службы «Мухабарат» стреляли в голосовавших за «Мусульманское братство», что не стыкуется с заявлениями Мубарака о демократии.

Самые оживлённые и чистые заведения по продаже гамбургеров в Египте имеют вывеску «Муменин» («Правоверный»), что отлично иллюстрирует, кто именно способствует оживлению политики в Египте. Десятилетиями автократия служила оплотом против коммунизма и исламизма – но теперь оружием исламистов против автократов стала демократия. Логика исламской демократии состоит в том, что ислам выступает за освобождение, а не подчинение. Демократия же служит поводом воспользоваться свободой⁹. С помощью социальной активности и ярких проповедей по телевидению «Братство» обращается к переживающим нелегкие

времена египетскому среднему и низшему классам, приковывая к себе внимание избирателей с помощью лозунгов вроде «Ислам даст решение» или «Если руководствоваться исламом, то никто не будет голодать!». Правда, хотя в «Братстве» ведутся дискуссии, является ли ислам «одним из» источников законности или же ее «единственным» источником, по сути его платформа мало связана с религией как таковой. Она попросту сосредоточена на противодействии коррупции, создании новых рабочих мест и повышении уровня социального обеспечения. Присутствие «Братства» пробудило от десятилетней дремы парламент, так как оно настойчиво призывало Мубарака отменить законодательство о чрезвычайном положении, допускающее властный произвол. Как оказалось, между исламом и демократией больше общего, чем между демократией и авторитаризмом.

От Марокко до Ирака спорадические взрывы во время выборов, за которые никто не брал ответственности, предстают как усиление родовых схваток демократии. При этом единственный способ снизить привлекательность позиций исламских радикалов, действующих подобно русским анархистам XIX века, – это дать больше шансов тем, кто ведет себя как демократ XXI столетия¹⁰. По всему мусульманскому миру демократия способствовала большей умеренности исламистских партий. В Египте они ныне осуждают террористические акты, которые совершаются от их имени, поскольку египтян все больше отвращает экстремизм. Сотрудники туристической индустрии дружно порицают взрывы, произошедшие в Долине царей и таких курортных поселках на Красном море, как Дахаб. Ведь терроризм подрывает ту отрасль, в которой они зарабатывают себе на жизнь. «Мы ждем от власти, будь то светской или исламистской, прекращения подобного насилия, а не его эскалации», – утверждал демократический активист в Каире, добавляя: «Исламисты вызывают больше доверия в роли силы, способной обезоружить фанатиков, чем кто-либо из первых лиц режима Мубарака».

«Насажденная демократия есть оксюморон, – сетовал египетский исламист, с которым мы беседовали у стен мечети Аль-Азхар. – Исламизм не определяет самое себя относительно западных идеалов». Америка установила связь не с народом Египта, а лично

с ненавистным ему Мубараком. Поэтому реформы, проводимые этим режимом, чрезвычайно медленны, поверхностны и узки, что демонстрирует двойственный характер американской поддержки всемогущих автократов¹¹. В надежде на то, что арабские страны все же будут развиваться по демократическому пути, Соединенные Штаты не спешат сотрудничать с окопавшимся лидером, так как боятся потерпеть вместе с ним поражение¹². Но в результате, как доказывает тунисский правозащитник Монсеф Марзуки, американская внешняя политика, напротив, «значительно облегчает рост экстремистских сил в исламизме»¹³. Действительно, Америку менее всего любят именно в странах, чьи режимы находятся с США в союзнических отношениях – неслучайно 11 сентября 2001 года почти все угонщики самолетов были родом из Египта и Саудовской Аравии. Если Западу нужна в Египте демократия, то ему следует принять исламистов в качестве ее составной части. Как писал один исследователь, «США способны добиться раздачи карт из колоды, но не от них зависит, как они лягут»¹⁴.

«Мы предпочитаем европейцев, потому что они не столь тесно связаны с Мубараком и у них такие парламенты, какой мы бы хотели иметь сами», – пояснил мне политик из реформаторского крыла. Мубарак относится к конституции Египта как к шахматной доске, на которой «фигуры» – статьи и положения – произвольно ставятся и удаляются, дабы придать определенное соотношение сил между ветвями власти и разными группами внутри элиты. Национально-демократическая партия Мубарака, ныне возглавляемая его сыном Гамалем, продолжает мелкую возню, стремясь обеспечить себе доминирование на парламентских выборах 2010 года¹⁵. Мубарак не поддался американскому давлению и не подписал «Александрийскую декларацию», часто именуемую «Арабской Хартией вольностей», но тем времени европейцы продолжают готовить судей и активистов, которые все равно станут добиваться независимости судебной власти. Большинство египтян слишком молоды, чтобы вспомнить на своем веку другого руководителя, помимо Мубарака. Так что самый ценный дар, который они могли бы получить от Запада, состоит в том, чтобы предоставить им возможность беспристрастного выбора независимо от того, будет ли у того, кто сменил Мубарака, такая же фамилия, или нет. «Нам ну

жен лидер, который когда-то ездил на городском транспорте», – заявил студент инженерного факультета, расправляясь с тарелкой кебабов в районе Мохандессин в Каире.

Западная политика, которая, похоже, ценит стабильность выше демократии, стала жалким клише, так как такая стабильность никогда не длится долее одного поколения, а затем выливается в ужасающую нестабильность. «Нам следует просто выпихнуть этот режим, как поступили в Иране, чтобы прочистить систему», – не скрывала своего мнения студентка Каирского университета в прокурорском кафе. Может быть, Египет и не ожидает гражданская война, как в Алжире, но революция в иранском духе вполне вероятно – нечто в том роде, к чему, как рассчитывал Айман аль-Завахири, могло привести убийство Садата в 1981 году. Демократия – наилучшая альтернатива, даже если в ближайшей перспективе Египет станет менее дружественным по отношению к Соединенным Штатам, а его правительство будет наводить мосты с «Мусульманским братством». Это не вопрос религиозных предпочтений или персональной лояльности, а стратегическая необходимость. Нужно взаимодействовать со всеми участниками египетской политической игры – в существенной мере подобно тому, как ныне сам Египет взаимодействует со всеми крупными державами мира. В конечном счете демократический Египет скорее сосредоточится на международных проблемах, чем на обвинении в них Соединенных Штатов¹⁶. А если страна собьется с курса, то ей некого будет винить, кроме себя самой.

Возврат арабизма

Удача все еще на стороне арабов. Сочетание тесных семейных и социальных сетей, а также религиозных запретов надежно защищает арабский мир. Нет ни одного города, свободного от американской или израильской оккупации, где опасность срыва в нестабильность была бы выше, чем в аналогичном населенном пункте в Западном полушарии. Основанный на доброй репутации метод денежных переводов хавала (доверие) обеспечивает быструю переброску гигантских денежных сумм как по региону, так и в междуна-

родных масштабах. Осуществляемые таким образом переводы денег помогли сократить бедность в Египте и других арабских государствах, несмотря на застой в экономике в 1990-е годы. Арабы гостеприимны и изобретательны, так что в отсутствие дохода, которым можно было бы распорядиться, они показывают замечательную способность импровизировать в деле ремонта сломанных автомобилей. Немыслимо старые «Фиаты» и «Пежо» сегодня все еще тарахтят по Каиру – на зависть водителям такси на Украине.

Из-за того, что общение арабов по большей части неформальное, институту личных контактов отдается предпочтение перед современными установлениями¹⁷. За пределами узкого элитарного слоя, который без знания английского языка был бы полностью дезориентирован, от Ливии до Саудовской Аравии, как и в Иране, раздутый общественный сектор остается бастионом смехотворной неэффективности. Рабочий день начинается поздно, зато рано заканчивается. У чиновников нет стимула выполнять даже самые рутинные обязанности, не говоря уже о том, чтобы как-то рисковать. Вся система командного подчинения сводится в одну точку. Таким образом, полная ответственность возложена на единственного и никому не подотчетного лидера – одного для каждой арабской нации.

Арабский язык, личные связи, хавала и ислам веками соединяли арабские народы, но политика их разъединила. Пока в Европе в XIX веке расцветал национализм, арабы оставались в подчинении у османов. Первые интеллектуалы – сторонники панарабизма верили во всеобъемлющую демократическую, светскую и эгалитарную арабскую нацию. Однако их устремления одновременно грозили лишить отдельные арабские государства суверенитета, незадолго до того обретенного, а потому особенно дорогого¹⁸. Впрочем, если арабскому пространству и суждено было объединиться перед лицом Запада и сионизма, магия панарабизма растаяла вместе с оглушительным поражением, которое в 1967 году Израиль нанес арабам в шестидневной войне¹⁹. В 1990 году сложилась еще одна парадоксальная ситуация: своим лидерством в арабском мире похвалялся иракский президент Саддам Хусейн, а Саудовская Аравия в это же время просила, чтобы армия США отразила его вторжение в Кувейт.

Ныне маятник психологии арабов откачнулся в обратную сторону – в направлении преданности арабизму. Арабы усвоили, что у Запада не будет нехватки в предложениях – будь то нефть, демократия или терроризм – для вмешательства в их дела, что делает арабизм движением, направленным как против американских посягательств, так и за арабское единство. Та легкость, с какой Египет и Сирия сформировали в 1958 году Объединенную Арабскую Республику, слияние в ответ на это Иордании и Ирака, быстрый крах обоих начинаний, новорожденный Арабский союз Магриба – все указывает на текучесть цивилизации арабов и чуждую природу навязанных ей государственных систем. Сейчас в большей мере, чем когда бы то ни было прежде, у арабского мира появились все элементы – земля, рабочая сила, капитал, язык, доступ к технологиям, общие интересы и враги – чтобы сформировать естественный геополитический блок, утверждающий себя в глобальном масштабе так, чтобы взаимная оккупация арабами друг друга ушла в прошлое.

Лига арабских государств (ЛАГ), которую не так давно считали нежизнеспособной, находится сейчас в процессе возрождения – причем она не угрожает суверенитету отдельных государств, а выступает в качестве своего рода Организации Объединенных Арабских Наций, занимающейся укреплением технического сотрудничества с помощью специализированных торговых, образовательных и сельскохозяйственных агентств. В шумных коридорах ее каирской штаб-квартиры чиновники ЛАГ рассуждают о Европейском объединении угля и стали как о подходящем примере для попытки преодолеть взаимно снисходительные отношения между Египтом и Саудовской Аравией (египтяне считают жителей Саудовской Аравии некультурными бедуинами, а те относятся к египтянам как к интриганам- Попрошайкам). Это позволило бы объединить самые крупные по численности населения и самые состоятельные арабские государства для выполнения ими естественной для них роли локомотивов возрожденного арабизма. Сегодня проекты ЛАГ включают в себя строительство сети электро- и газоснабжения, через которую страны Магриба будут через Египет связаны с Иорданией и Сирией, опреснение воды из Персидского залива для испытывающих нехватку водных ресурсов Египта и

Иордании, а также возделывание плодородных земель в Судане. В 2005 году стал обретать форму Общеарабский парламент: у него появились постоянные комитеты по наблюдению за исполнительными органами в арабских странах, были расширены его полномочия. Не исключено, что со временем политика арабов догонит по уровню развития их экономику. «Вполне возможно, что арабские силы по поддержанию мира тоже станут рисковать жизнью ради мусульман, как это уже делают США и Европа», – подытожил ситуацию один арабский циник.

23 МАШРИК: ДОРОЖНЫЕ КАРТЫ

Чаще всего термины «Ближний Восток», или «Месопотамия», как и не менее расплывчатый французский Левант, подразумевают Машрик. Во времена «холодной войны» его считали «задним двором» Советского Союза, однако тот факт, что этот регион до сих пор не разобрался со своей конфигурацией в том виде, как она сложилась после Первой мировой войны, свидетельствует, как глубоко корни тамошнего разлада. В истории Машрика налицо все составляющие затянувшейся родственной ссоры, которой, словно барышники, манипулируют имперские рефери. Англичане в годы Первой мировой войны рассчитывали спровоцировать общепарабское антиосманское восстание, но сопротивление со стороны арабов было обусловлено скорее сепаратизмом, нежели национализмом. Вместо того чтобы объединиться во имя достижения независимости, они ловчили, сталкивая лбами союзников, чтобы вернуть себе отдельные вотчины¹. На Парижской мирной конференции Вудро Вильсон хотел покончить с тем, что люди и провинции служили объектом «бартерных сделок... как если бы они были движимым имуществом или шахматными фигурами». Но Франция и Великобритания уже поделили между собой Сирию по Соглашению Сайкс-Пико 1916 года, непринужденно пользуясь при этом картами, датированными серединой XVII века. Французы в начале 1920-х выгнали из Дамаска британскую марионетку – эмира Фейсала, которому в утешение даровали Ирак. Европейцы не сомневались, что арабы и сионисты смогут поделить Палестину, но к 1924 году завоевание Хиджаза юным монархом ибн Саудом

объединило Саудовскую Аравию, из-за чего старший брат Фейсала Абдулла двинул свои войска в Сирию, где британцы сделали его королем Трансиордании.

Едва только стало казаться, что больше нет разумных оснований для обвинений Великобритании в дезорганизации всего региона, явились американцы. Не ждет ли Америку то же, что и ее европейских предшественников? Как и Великобритания, США начали войну в Месопотамии. Хотя Вашингтон отчасти оправдывал ее задачами освобождения арабов, этот шаг превратил Америку в державу, вызывающую в регионе мощное негодование. Британцы тоже вмешивались в дела мусульман. Они относились к исламу как к некоему предмету, который можно использовать, разделив на духовную и мирскую части или даже заменить другими формами лояльности к стране или правящей династии. Однако они упустили из виду стремительный расцвет самой мощной религиозной силы в регионе – ваххабистского ихвана («Братства») в Аравии. В конце концов, смелая цель заложить будущее устройство региона не была достигнута ввиду необходимости сокращения численности войск и снижения военных расходов². Подобное колониальное наследие плюс возвращение исламистов к прежней активности, а также политические репрессии, иностранная военная интервенция и непрекращающийся терроризм – вот с чем сегодня приходится сталкиваться Машрику.

Конечно, страны Машрика навсегда увязаны в общий узор. Однако верный набор ниток для этого ковра еще предстоит найти. Арабы не имеют естественной склонности к национальному шовинизму; именно национально-государственная система питает соперничество там, где исторический опыт гораздо больше проникнут добрососедским сосуществованием. Текущие участки с извилистыми краями отмечали на картах османов подчиненные им племена и оазисы, а сегодняшние наспех скроенные границы не подчиняются никакой вразумительной логике в разделении наций. Так, у Египта самое многочисленное арабское население, но минимум пахотной земли; у Кувейта и Катара малочисленные народы, зато судьба наградила их практически бездонными морями нефти и газа; быстрорастущее население Палестины почти в равных долях поделено на беженцев и обитателей зажатого

в израильские тиски квазигосударства. Мозаику разных этносов в Иордании, Ливане, Сирии, Ираке, Палестине и Израиле точнее было бы считать сетью городских центров, нанесенных поверх древних торговых путей, нежели воспринимать их как малозаселенные, структурно слабые страны, которыми они оказались сегодня. Во всех них демократия может мобилизовать народ, но она необязательно объединит людей или сделает их свободомыслящими. Если не обеспечить надежную защиту прав меньшинств, демократия означает власть большинства и, потенциально, уничтожение традиций предков и даже самой по себе государственной формы. Если бы лидеры стран Машрика унаследовали равнодушные османов к территориальным аспектам власти, торговля и толерантность возобладали бы над местным произволом и беспринципным экстремизмом. Тогда Палестина могла бы оказаться в самом центре пространственной решетки, связывающей Тель-Авив, Иерусалим, Бейрут, Дамаск, Амман и Багдад³. Как и в Ферганской долине в Центральной Азии, выбор здесь стоит между подавлением народов в рамках государств, к которым они могут в действительности и не принадлежать, и совместным использованием пространства и ресурсов. Нигде в мире раздробленность государств – как и их открытие – не являются более необходимыми и опасными, чем на стратегических перекрестках Машрика.

Израиль и Палестина: разорваны вместе

С момента призыва к созданию еврейской родины в Декларации Бальфура 1917 года Израиль представлял собой лучший пример использования миграции как орудия государственного строительства. Однако существование Израиля не служит гарантией его безопасности, поскольку миграционный порыв палестинских арабов еще не получил удовлетворительного разрешения. Со времени победы Израиля в шестидневной войне оккупация им Газы, Западного берега и Восточного Иерусалима привела к появлению там демографических плацдармов, насчитывающих почти 250 тысяч еврейских поселенцев. Хотя эти поселения нередко называют

«реальным фактом», вопрос о том, кто будет занимать их территорию впредь, остается открытым. Нарастающее присутствие палестинского населения – будь то в качестве беженцев, гастарбайтеров или граждан – в Израиле, Иордании и Ливане дало поразительной силы толчок государственности палестинцев, так как отсутствие у них национальной идентичности угрожает целостности всех их соседей.

Подобно Ливану и Объединенным Арабским Эмиратам Израиль представляет собой вереницу оазисов, возникших в прибрежной пустыне благодаря труду иммигрантов. Да, Тель-Авив похож на современный европейский город, а его жители говорят о «NASDAQ'e, а не о Наблусе». Однако им не удастся избежать двух бед – терроризма и упадка туризма (который особенно усугубляется во время таких конфликтов, какой имел место в 2006 году в ходе войны с Ливаном, когда пришлось практически эвакуировать такие города, как Хайфа). Тем не менее известная степень экономической интеграции между Израилем и арабскими государствами уже существует. Будучи производителем высокотехнологичных товаров для американских компаний, например – чипов для «Моторолы», Израиль продает их также в арабские страны (правда, маркировку меняют на Кипре). Особые промышленные зоны способствуют совместному производству, а кооперация между тремя соседними портами на Красном море (Табой в Египте, Эйлатом в Израиле и Акабой в Иордании) могла бы превратить их из заложников ситуации в общий транспортный мегаузел.

В 1950-е годы, по словам Тойнби, Иерусалим был «расколот, как атом, на два враждебных города. Они стоят и растут бок о бок, никогда не встречаясь»⁴. Однако ни контрольно-пропускные пункты израильской армии, ни извилистые внутренние шоссе, ни деньги диаспоры – ничто не способно разрушить историческое единство Западной Стены, «Купола Скалы» и Церкви Гроба Господня. Иерусалим – в высшей мере политеистический город: евреи, христиане и мусульмане хотя и давно, но безрезультатно борются за исключительное обладание им. В Старом городе постоянно слышна какофония из церковного колокольного звона и призывов муэдзинов в мечетях, а в одних и тех же магазинах можно одновременно приобрести иконографию православного христианства, иу-

даизма и ислама – как напоминание об их общих семитских корнях. Правда, сейчас в исторической Палестине психологический дискомфорт для верующих столь силен, что многие христиане покидают Израиль, поскольку им не нравится высоченный «барьер безопасности», ныне отделяющий Иерусалим от священного для них Вифлеема.

Возведение Израилем этой стены стало свидетельством того, что он считает себя восточным оплотом западной цивилизации, постоянно находящимся в состоянии духовной (либо настоящей) войны со всеми своими соседями. В то же время израильтяне все больше смешиваются с арабами, хотя и те, и другие проливают кровь друг друга. Палестинские бомбисты-смертники и до зубов вооруженные израильские солдаты, представляющие будущее поколение всего региона, довоевались до того, что ситуация окончательно зашла в тупик. Все правы и грешны одновременно. Подобно ампутированной части тела Израиль скорее всего погибнет, если останется оторгнутым от Машрика, не сумев мирно интегрироваться в него. Как и повсюду во Втором мире, в Израиле внешняя и внутренняя политика все больше переплетаются. К тому же, как и во многих других странах Второго мира, недавно ушедший в отставку премьер-министр Эхуд Ольмерт был прежде мэром столицы. «Тут полно бедных, – заметил таксист, когда мы ехали среди современных зданий в центре Тель-Авива. – Для большинства из нас рабочие места и больницы важнее, чем постоянно выпячиваемые на первый план военные задачи». Даже при огромной финансовой поддержке со стороны американской администрации и еврейской диаспоры Израиль – при реалистичном подходе к делу – должен бы тратить меньше на военные цели и больше – на социально-экономические⁵. Идет ли речь о туризме, торговле или терроризме, израильтян и палестинцев можно разделить в теории, но не на практике.

Многие в Америке стали сейчас воспринимать Израиль как Пакистан – то есть как «союзника», который приносит Америке больше проблем, чем пользы⁶. К 2005 году Израиль незаметно стал вторым после России крупнейшим поставщиком оружия в Китай, включая антирадарные беспилотники и ракеты класса «воздух-воздух». Китайцы же, в свою очередь, продают ракеты Ирану, ко-

торый, по иронии судьбы, наращивает дальность их полета, чтобы они долетали до Израиля. Китай также вкладывает средства в растущие израильские порты, которые будут служить перевалочными пунктами для его экспорта через Средиземное море в Европу. Возможно, придет то время, когда китайцы станут поддерживать израильтян не меньше, чем американцы. Однако даже это не разрешит главной проблемы, угрожающей существованию Израиля, – палестинской.

На разных этапах израильско-палестинского мирного процесса мелкие, периферийные меры всегда презентовались как крупные победы. В то же время откладывались в сторону наиболее важные вопросы, касающиеся возвращения беженцев и статуса Иерусалима. Противники мира с обеих сторон использовали это для того, чтобы в последний момент пустить весь процесс под откос. Дабы вытеснить Великобританию, сионисты в течение десятилетия, предшествовавшего основанию Израиля, использовали в качестве своей основной тактики терроризм. Практически так же ведут себя теперь палестинцы⁷. «Наше хождение по мукам продолжается, мы вечно подчинены власти международных бюрократов», – резко заявил мне в Восточном Иерусалиме один палестинский функционер, разочарованный отсутствием подлинного палестинского самоуправления и свободы передвижения. После победы движения «Хамас» на выборах 2006 года Израиль по соображениям безопасности запретил переезды, что вынудило парламент собираться в формате видеоконференции. Это напоминание о том, что нынешняя израильская модель Палестины по образцу бантустанов нежизнеспособна ни экономически, ни политически⁸. Как показывает опыт Третьего мира, когда оказание помощи превалирует над политикой выстраивания самоуправления на местах, не происходит подлинного развития новых государств. Международные агентства, занимающиеся оказанием помощи, обеспечивают насущные потребности населения, но создают фиктивную экономику, которая рассыпается, как только благотворительность прекращается (что и произошло в Косово). Основная часть бюджета Палестины формируется за счет фондов, созданных европейскими и арабскими правительствами, а крупнейшим работодателем в Палестине остается ООН (второе место, как го-

ворят, занимает израильская секретная служба «Шин Бет», создавшая неформальную сеть шантажируемых ею информаторов). Палестинцы испытывают унижение от международной помощи, выглядящей как подачка за израильскую оккупацию – за которую по международным законам обязан заплатить компенсацию сам Израиль. «Нас низвели до роли строителей в чужих государствах, а не в нашем собственном», – продолжил тот же функционер, напомнив о тысячах палестинских иммигрантах, осевших в Иордании, Ираке и Кувейте. В нынешней ситуации речь следует вести скорее о «Палистане», чем о Палестине.

Впрочем, у палестинцев может, наконец, появиться сила, необходимая для построения ими своего собственного государства. Кризисы, связанные с высокой безработицей, слабой инфраструктурой и безудержным ростом численности населения (по прогнозам, к 2020 году оно составит 6,5 миллиона человек), можно будет разрешать, если создать коридоры из железнодорожных путей, линий телекоммуникаций, электропередач и газопроводов, связывающие Дженин, Наблус, Рамаллу, Восточный Иерусалим и Хеброн с Газой и Рафахом на египетской границе. Эта дуга соединила бы национальный аэропорт и морской порт в Газе с Западным берегом, позволив городским и пригородным общинам сгруппироваться вокруг главных узловых пунктов такого коридора, и обеспечила бы работой до 150 тысяч человек⁹. Если Европейский Союз и другие международные доноры выделяют 6 миллиардов долларов, которые, по подсчетам, нужны для строительства этого станового хребта Палестины, споры по поводу тактической приостановки помощи палестинским властям утратят смысл. Тогда Европа сможет записать на свой счет успех в разрешении одного из самых сложных конфликтов в мире. Трансатлантическое сотрудничество в преодолении арабо-израильского конфликта должно значить нечто большее, чем многочисленные телефонные звонки с требованиями проявлять сдержанность.

Арабские и мусульманские страны многие десятки лет из эгоистических побуждений пренебрегали судьбой палестинцев, но теперь они берут палестинский вопрос в свои руки. Хотя у Палестины давно есть собственный флаг, правительство и национальная олимпийская команда, Соединенные Штаты и Израиль до

сих пор мешали арабам оказывать поддержку палестинцам, замораживая их банковские вклады и блокируя денежные переводы. В итоге мало что можно было сделать помимо нелегальной переброски наличности чемоданами из Иордании и Египта. Однако американская установка, согласно которой «Хамас» не может «одной ногой стоять в политике, а другой – в терроре», не впечатляет арабов, в особенности с тех пор, как американское оружие, поставленное группировке ФАТХ, разожгло междоусобицу в стане палестинцев. Она завершилась изгнанием «Хамасом» правительства ФАТХа из Газы в 2007 году. Когда в 2006 году США перестали поддерживать Палестинскую автономию, для обеспечения ее текущего бюджета предоставили средства Саудовская Аравия, Египет и Иран. Тем самым они продемонстрировали, что Америка уже не может шантажировать демократически избранное правительство. «Хеврон восстанавливается благодаря диаспоре, арабским братьям и исламской филантропии», – пояснил палестинский советник в Рамалле, где всего за несколько лет выросли обширные районы вилл кремового цвета. Пока палестинцы не обретут свою государственность, оказание давления на «Хамас» с целью признания им Израилем преждевременно и вызывает усмешку как раз потому, что Палестина – это историческая общность, а не государство, а потому она не является субъектом, способным осуществить подобное формальное признание. В 1975 году Генри Киссинджер констатировал, что без создания независимого палестинского государства невозможно разрешение конфликта. Спустя три десятилетия это по-прежнему является предварительным условием мирной интеграции в регионе.

Иордания: между Ираком и небытием

Судьба постоянно угрожает Иордании, поскольку из-за своего географического расположения она оказалась в ловушке. Под вопросом постоянно находится само существование этой страны. Если она распадется, никто из соседей не станет помогать собирать ее осколки; наоборот, Израиль, Палестина, Саудовская Аравия, Сирия и иракские сунниты просто растащат все, что смо-

гут. Иордания воплощает собой витиеватость арабской геополитики на всех возможных уровнях. Ее появление на карте стало результатом колониальных обещаний в сочетании с арабскими династическими спорами, отразившими раскол королевских домов кочевых арабов на Королевство Саудовская Аравия и Иорданское Хашемитское Королевство (оба носят имена своих правящих семейств). По сей день иорданские властители заключают брачные союзы с королевскими родами Персидского залива, чтобы поддержать свою независимость и одновременно привлечь их капиталовложения. Кроме того, Иордания выполняла функцию буферного государства: Запад использовал ее, чтобы положить предел экспансии СССР. Британских офицеров отправили отсюда домой еще полвека тому назад, и сейчас страна находится под американским влиянием. Под давлением США она первой из арабских государств установила отношения с Израилем, даже не добившись права на возвращение для палестинцев или доступа к воде для себя самой. Всегда, когда в Палестине становилось беспокойно, ее бедные и богатые беженцы устремлялись в Иорданию, принося с собой как деньги, так и социальные неурядицы. «Мы не являемся государством, – посетовал интеллеktуал из Аммана во время поездки по городу, в ходе которой последовательно сменялись как белоснежно отштукатуренные, так и усыпанные мусором районы. – Нас просто арендуют все остальные».

Впрочем, отличительной чертой Иордании стало извлечение преимуществ из того географического положения, жертвой которого она оказалась. Лучше всего это выразил один иорданский бизнесмен: «От войн мы всегда выигрываем – если только воюют наши соседи, а не мы сами». Западный Амман вырос на сочетании денег, поступивших из Персидского залива после случившейся там войны, и финансовых средств богатых палестинцев. Последние приобретали недвижимость на случай, если придется бежать с Западного берега, находящегося на расстоянии всего ста километров. Сотни компаний из Иордании и Сирии оказались вовлечены в скандал с программой ООН «Нефть в обмен на продовольствие», когда выплачивались откаты, чтобы обойти санкции, наложенные на Ирак при Саддаме Хусейне. Иностранные подрядчики используют Амман как промежуточную площадку по

обслуживанию восстановления в Ираке, прибегая к услугам иорданских субподрядчиков во всех случаях, начиная с транспорта и заканчивая медицинским обслуживанием. В то же время значительное число представителей иракского среднего класса уехали в Иорданию, чтобы укрыться от гражданской войны. Даже низшие слои иорданского общества задействованы в этой военной экономике. У стен иракского посольства в Аммане сотни иорданских мужчин ежедневно стоят в очереди за визой с правом работы, что позволяет пересечь иракскую границу в поисках рискованного, но высокого заработка. По всей стране можно видеть, как фермеры-бедняки грузят в машины свой товар, чтобы продать его в Ираке, откуда они больше не получают бесплатной нефти, как при Саддаме. «Контрабанда в Ирак бытовой техники из Иордании и Саудовской Аравии остается привычным делом», – признал все тот же бизнесмен. Зажиточные инвесторы из Ливана занимаются модернизацией порта в Акабе; на берегах Мертвого моря процветает туризм. Когда закончится гражданская война в Ираке, вероятно, реализуются давние планы по сооружению нефтепровода в Акабу. В то же время стабильный торговый коридор для Машрика способно образовать движение грузовиков в обратном направлении – от Акабы в Багдад.

Правда, хотя сама Иордания является островком стабильности, рост температуры в окружающих ее «водах» грозит ей тем, что она может заживо свариться. Она стала прибежищем не только для миллиона беженцев из Ирака, но и для непримиримых участников ведущейся там гражданской войны, которые продолжают воевать между собой и на территории соседа. Страна стоит на втором месте после Ирака по количеству террористических актов и жертв, виновниками которых выступают иракцы, саудовцы, ливийцы и сами иорданцы. В каждом крупном отеле Аммана осуществляются жесткие меры безопасности, начиная с проверки с помощью рамок-металлоискателей и просвечивания багажа и заканчивая личным досмотром. Если Ирак распадется на три части, то для Иордании задним двором станет его охвостье – беспокойный и лишенный ресурсов суннитский район. «Ирак может оказаться для нас кошмаром, но с этим уже ничего не поделаешь», – признал чиновник из министерства иностранных дел, с некоторой нервозно-

стью приветствуя представителей элиты соседних стран в вестибюле престижного отеля.

В Иордании мало нефти и газа, но еще меньше ресурса, становящегося все важнее для баланса сил в Машрике, а именно – пресной воды. Долина реки Иордан, которую делят между собой израильтяне, палестинцы и жители Иордании, как и плодородное место схождения рек Тигр и Евфрат – со времен шумеров и до сегодняшних Ирака, Сирии и восточной Турции дававшее жизнь месопотамской цивилизации – служат для Машрика естественными связующими корридорами. Древние обитатели НабатеЙского царства полагались на искусную систему ирригации, остатки которой еще можно увидеть в гладких канавках вдоль ущелья Сик в Петре. Но способны ли сегодня страны региона столь же успешно обеспечивать себе доставку живительной влаги? Проекты строительства плотин в юго-восточной части Анатолии заметно улучшили жизнь тамошних турок и курдов, но ниже по течению уровень воды падает с удручающей быстротой (порядка 1,8 метра в год). Соглашения по разделу воды и технологические достижения могли бы смягчить дисбаланс: электроэнергия, которую вырабатывают турецкие гидроэлектростанции, дешево продавалась бы в Сирию и Ирак, а опресненная вода из Залива – направлялась бы на север в Иорданию, чтобы наладить ирригацию и поднять сельскохозяйственное производство. Канал, который свяжет Красное море с Мертвым, уже копают, что доказывает: «войны за воду» ни в коем случае не являются неизбежными.

Поиски Америкой союзников среди арабов возвели Иорданию из положения буферного государства на роль важного геополитического плацдарма. С заключением соглашения о свободной торговле США быстро стали крупнейшим торговым партнером Иордании, которая одновременно являет собой пример конструктивного экономического сотрудничества с Израилем, опирающегося на особые промышленные зоны. Правда, реальность такова, что немногие из иорданских компаний имеют производственный потенциал, который давал бы им возможность в полной мере воспользоваться преимуществами таких зон. Поэтому работающие там иорданцы выполняют в основном малоквалифицированную работу, позволяющую выжить, но не обеспечивающую нормаль-

ных условий существования. Фактически такие зоны больше выгодны израильским и китайским компаниям, которые регистрируют в Иордании свои текстильные предприятия и приобретают основные доли в этих промышленных зонах (к аналогичным ухищрениям прибегает Китай и в Северной Африке, чтобы обеспечить доступ для своего экспорта в ЕС). Основанные в Иордании китайские проектные фирмы, помимо прочего, участвовали в строительстве четырех из пяти новых плотин в стране, проявив при этом замечательную сноровку.

Поскольку экономика Иордании слишком сильно сконцентрирована в Аммане, другие районы пребывают в запустении – например, второй по величине город Зарка, отличающийся сильным загрязнением промышленными отходами и плохой очисткой воды. Именно из его беднейших слоев, характеризующихся консервативными взглядами, вышел Абу Мусаб аль-Заркави – самый беспощадный из боевиков «Аль-Каиды», погибший в 2006 году. Впрочем, в целом от скромного бедуинского населения страны не исходит никакой радикальной идеологии, что отражает степенную натуру, проявляющую себя, в том числе, в безыскусности мечетей Иордании. Как народ, озабоченный собственным выживанием, иорданцы не могут позволить себе тратить много энергии, скажем, на осаду датского посольства после «карикатурного скандала» 2006 года, связанного с изображением пророка Мухаммеда. «Мы просто перестали продавать датское пиво», – прокомментировал ситуацию официант западного ресторана в Аммане. Правда, все может измениться. С вершины любого из холмов Аммана просматривается современная перспектива белых крыш. Однако, как и в других арабских городах, от Марракеша до Эр-Рийяда, раздел на новую и старую части свидетельствует о культурных трениях между либеральной и консервативной группами населения. За пределами Аммана многие молодые женщины говорят о том, что предпочитают носить покрывало как символ приверженности исламу и в ответ на приписываемое элите излишнее пристрастие к Западу. Модернизация и консерватизм постоянно подпитывают друг друга как два параллельных тренда, совместно развивающихся в арабском мире.

Королю Абдулле приходится следовать первому из этих трендов, не забывая о втором. Западные лидеры нередко награждают Абдулла несколько снисходительной характеристикой «умеренный», что в лексиконе арабских стран практически равнозначно слову «евнух». На деле он не столь либерален, как думают на Западе. Он по-прежнему использует секретную полицию «Мухбарат», чтобы проникнуть в большинство кланов и прочих общественных групп и обеспечить себе защиту от заговоров. В то же время в борьбе с преступностью он не рассматривает свою секретную полицию как «эскадрон смерти». Отец Абдуллы, король Хусейн, правивший страной полвека, был мастером политического маневра, он приблизил к себе «Мусульманское братство», поддерживая при этом единство иорданского общества, состоящего из палестинцев и арабских бедуинов. Десятилетиями ему удавалось обеспечивать лояльность к себе местных элит благодаря тому, что он отдал частный сектор на откуп проправительственным группам, распределяя министерские посты по принципу племенной верности и так выстраивал избирательные законы, чтобы иметь угодный королю парламент.

Впрочем, в регионе, где начальство, как и встарь, предпочитает, чтобы его боялись, а не любили, Абдулла уравнивает наследственную власть призывами к развитию и демократии. Как и Марокко, Иордания постепенно переходит от племенной олигархии к технократическому правлению. Так, заслужившая немало похвал образовательная политика в стране была инициирована группой «цифровых министров», разработавших новые школьные программы и создавших технопарки, чтобы подтолкнуть развитие зарождающейся отрасли информационных технологий¹⁰. Поскольку основная часть населения страны сконцентрирована в районе Аммана, наращивание капиталовложений способно быстро увеличить экспорт и радикально повысить доход на душу населения. В страну возвращаются талантливые представители диаспоры, принося с собой как профессиональные знания, так и деньги для инвестиций в развитие высоких технологий. «Мы станем экспортировать знания, а не людей», – гордо заявил программист-компьютерщик, когда мы шли с ним по главному технопарку Аммана. За последние годы несколько предпринимателей обе-

спечили инвестиции в размере 200 миллионов долларов только из одного Голливуда, студии которого используют Иорданию для съемки сцен в пустыне.

Усилия самого Абдуллы в области социальной модернизации не столь однозначны. Он был автором Тунисской декларации, предусматривавшей подсчет голосов избирателей, обеспечение прав женщин и судебную реформу в соответствии с параметрами арабского консерватизма. Он также воспринял Доклад об арабском гуманитарном развитии как непредвзятый набор показателей для Иордании, хотя мог осудить его как результат некоего заговора. Абдулла попытался объединить исламские школы юриспруденции в противостоянии нападкам экстремистов по таким вопросам, как объявление фетвы и законы, регулирующие преступления против чести. При этом он постепенно открывал путь к участию в выборах для исламистских партий. Такая стратегия снизила размах насилия со стороны радикалов на пространстве от Марокко до Саудовской Аравии. Популярная королева Рания – супермодель, не брезгующая социальной работой, – способствует повышению его популярности и смягчает его образ, благодаря чему даже иорданцы, безразличные к существованию монархии, восклицают: «Если уж иметь короля, то такого!». Однако, в конечном счете его успех – как и развитие всей Иордании – зависят от того, как уверенно он будет справляться с внутренними вызовами и общей турбулентностью в Машрике.

Ливан и Сирия:

невыносимая легкость Леванта

Ливанцы выражают собой всю противоречивость современного арабского общества: они страстны, но быстро остывают, эгоистичны и фаталистичны одновременно, привержены культуре, но материалистичны, развращены и беспокойны. Говорящая на трех языках и вычурно пестрая страна – единственная в арабском мире, где можно в один и тот же день прокатиться на лыжах по искусственному снегу и заняться серфингом в море.

Теоретически, Ливан – единственная демократия в арабском мире, но реальная хронология происходящих там взрывов автомобилей говорит о политической эволюции страны больше, нежели ее электоральная история. В 1989 году в одном из таких инцидентов погиб президент Рене Мувад, что спровоцировало серию жестких шагов со стороны военных, которые в 1991 году покончили с длившейся в стране пятнадцать лет гражданской войной. Спустя еще пятнадцать лет в центре Бейрута взлетели на воздух премьер-министр Рафик Харири и десяток его помощников, что вызвало к жизни Движение 14 марта, потребовавшее прекращения сирийской военной оккупации. Нестабильный Ливан несомненно свободен и демократичен. В Сирии, напротив, стабильность обеспечена руководителями, которые не допускают ни свободы, ни демократии. Две страны связаны тремя главными факторами. Это финикийское наследие и период греческой власти над Левантом (Тир, Библос и Сидон были зажиточными торговыми центрами), европейский колониализм, а ныне – трансграничное братское соперничество. В нем частые политические убийства считаются в порядке вещей, а сыновья Рафика Харири и Хафеза Асада – Саад Харири и Башар Асад – стремятся отстоять честь своих отцов.

По сути дела, Ливан никто не контролирует, причем сами ливанцы меньше всех. Политика в Ливане напоминает его археологию: в результате тысячи лет завоевания она отличается многослойностью, но при этом демонстрирует способность неизменно восстанавливаться. Несмотря на малые масштабы страны, политика здесь столь же запутана, как и повсюду в мире. Она основана на весьма шаткой договоренности относительно раздела власти, которая известна как «консоциативная демократия», связывающая христиан-маронитов (из них выбирается президент), суннитов (премьер-министр) и шиитов (спикер парламента). Демократия здесь – не просвещенный выбор, а скорее результат такой межрелигиозной полиархии, при которой каждая группа преследует свои политические цели, которые редко согласуются с целями других. В годы гражданской войны христианские секты приветствовали израильское вторжение в надежде, что оно ослабит суннитов, а общины маронитов выступали в качестве антисирийских бастионов, хотя их лидеры заключали сделки с Сирией, чтобы со-

хранить позиции в правительстве. Сунниты раздражены непропорционально большим, по их мнению, влиянием христиан, которые начиная с 1932 года блокируют проведение общенациональных переписей населения. Бедное шиитское большинство, в свою очередь, не усматривает особого величия в космополитичном довоенном Ливане, по которому так сильно ностальгируют сунниты. Никто при этом не торопится предоставлять право голоса палестинцам. Они составляют 10% населения и живут в крайне перенаселенных лагерях беженцев вблизи Бейрута и в других местах, таких как лагерь «Нар аль-Баред» около Триполи на севере страны, который в 2007 году стал полем битвы между ливанской армией и суннитской радикальной группировкой «Фатх аль-Ислам», длившейся целый месяц. Структура консоциации действительно исключает возможность диктатуры, но самоуправление регионов препятствует созданию эффективной федеральной власти. В Ливане 19 независимых религиозных сообществ (таких как друзы), что в сочетании с распылением судебной власти по фракционному принципу превращает в насмешку всякую претензию на светский характер режима¹¹. Ливанская армия ослаблена межфракционным расколом, а пригороды Бейрута все еще поделены на отдельные сектора, которые образовались в годы гражданской войны, когда город заполонили вооруженные формирования, запугивавшие или уговаривавшие людей, чтобы они переезжали в другое место или становились беженцами.

По своей природе ливанцы не столько демократы, сколько приверженцы капитализма. Они умудрялись зарабатывать даже на поставках европейских женщин в саудовские гаремы во времена нефтяного бума 1970-х годов. Вскоре после гражданской войны, в ходе которой погибло не меньше десятой части всего ливанского населения, Рафик Харири стал прокачивать средства страны через свою корпорацию «Солидер», чтобы поднять Ливан из обвалившихся головок. По крайней мере, он прикрыл эффектным фасадом картину полного разрушения в Бейруте. Такой подход, а именно – целевая политическая филантропия в обществе, пораженном межфракционной рознью, где статус и влияние продаются и покупаются, – хорошо воспринимается в ливанском обществе и большей части Второго мира. Сегодня Бейруту нет равных: это

самый беспокойный город арабского мира, который соединяет в себе элегантность Стамбула с замусоренностью Танжера – и все же обещает встать вровень с исходным смыслом Леванта («поднимающийся») как место, где люди, придерживающиеся любой религии, сходятся, сосуществуют и процветают¹².

Однако в Ливане уличная политика не менее важна, чем реальная. Размах протестов дает точное представление о стремлении к власти. Банды фанатичной молодежи метят свои территории с помощью граффити и бьются с другими бандами. В 2006 году появилась веселая реклама, предлагавшая «парковку только для шиитов», а на других щитах навязывались столь же эксклюзивные услуги для других групп общества. Все то означало, что опасность раскола меньше не стала. Поскольку ни одна из сторон не готова договариваться о том, как обновить конституцию, дабы она отражала демографические и властные реалии, сохраняется страх перед новой полномасштабной гражданской войной. Ни в одной другой стране не услышишь так часто: «Никто не знает, что будет завтра».

«Ни одна из сторон нам не служит, все они просто нас используют», – хмурится журналист из Бейрута. Шаткая этажерка рядом с ним – своеобразная метафора степени стабильности Ливана. Там пересекаются и организаторы террора, и сами террористы, и их поле боя, а из-за низкого порога терпимости в психологии его соседей по Машрику довольно самой малой искры, чтобы разгорелось пламя. Вторжение Израиля в Ливан в 2006 году в ответ на захват «Хизбаллой» двух израильских солдат произошло как раз в тот момент, когда страна готовилась к очередному рекордному по успешности туристическому сезону, что означало бы еще один год быстрого продвижения к национальному восстановлению после убийства Харири. Разбомбив аэропорт в Бейруте, заблокировав его порт и стерев в порошок всю округу и южные деревни, Израиль показал, что вслед за Соединенными Штатами он считает равно ответственными и группы своих оппонентов, и принимающие их страны. Повторное разрушение Ливана напомнило о вторжении 1980 года, когда Израиль намеревался уничтожить ООП, но на этот раз оно получило больший размах за счет мощи самого современного оружия, уничтожившего вдесятеро больше гражданских лиц, чем военнослужащих (хотя объявленным противни-

ком была «Хизбалла»). Повторилась, как в 1996 году, даже расправа вблизи лагеря беженцев в Кане на юге Ливана. Разливы мазута в результате бомбардировок ливанских электростанций вызвали худший экологический кризис за всю историю Средиземноморья. «Вот и смолкла наша музыка», – ностальгически вздохнул бейрутский журналист.

Движение «Хизбалла» часто сравнивают с государством в государстве. Это теневая армия, способная объявить войну от имени правительства – и даже свергнуть его. Несмотря на свою глубокую укорененность в ливанском обществе, «Хизбалла» является неотъемлемой частью Ирана (его «неофициальным сокровищем»), она также учитывается в грандиозных сирийских планах довести Израиль до истощения. Движение отнюдь не ослабло после ухода Израиля из южного Ливана в 2000 году; наоборот, его вооружения и финансовая база даже умножились. К 2006 году боевики «Хизбаллы» рассредоточили тысячи ракет малого радиуса действия по укрытиям в южном Ливане. Они использовали иранские средства дешифровки и наведения на цели, чтобы засекать и уничтожать израильские танки, осыпая северный Израиль ракетами, что привело к эвакуации Хайфы. Имея не более 10 тысяч бойцов (в восемь раз меньше численности ливанской национальной армии), «Хизбалла» превзошла по результативности все существующие арабские армии. Это придало ей мистический статус во всем регионе¹³. Духовный лидер «Хизбаллы» Хасан Насралла стал самым популярным лидером в арабском мире (хотя он шиит) благодаря своей неизменной преданности делу сопротивления тирании Запада. С точки зрения арабов в моральном отношении Израиль и «Хизбалла» стоят друг друга – первого вооружают Соединенные Штаты, а вторую – Иран и Сирия. Причем убедительность «Хизбаллы» в выполнении государственных функций – обороны и обеспечения благосостояния – выросла благодаря принадлежащей движению строительной компании под само за себя говорящим названием «Джихад констракшн». Компания не только восстанавливает школы и больницы в шиитских поселках и южных деревнях, но и оплачивает на индивидуальной основе образование и лечение.

Ливан – это все еще взрывоопасная пороховница. Его части движутся в разных направлениях, что грозит вновь разорвать его. В 2007 году в Париже международные доноры пообещали предоставить на восстановление Ливана 8 миллиардов долларов. Благодаря богатству ливанской диаспоры (по оценкам, почти в три раза превосходящей по численности четырехмиллионное население самого Ливана) в страну из всех частей мира – от Бразилии до Индонезии – вновь потекли деньги. Но саудовцы и иранцы поддерживают противостоящие фракции, вооруженные формирования которых перевооружаются и проходят подготовку в соседних странах.

Захват Сирией Ливана во время гражданской войны был скреплен Договором о братстве и сотрудничестве, согласно которому Ливан превратился в полностью принадлежащее сирийцам территориальное образование; Сирия даже не озаботилась открытием в Бейруте своего посольства¹⁴. В ходе конфликта с Израилем в 2006 году тысячи ливанцев бежали в Сирию. Это служит еще одним напоминанием о том, что формально независимый Ливан по-прежнему подвержен опасности «финляндизации». Хотя официальный товарооборот между двумя странами достигает 500 миллионов долларов в год, на деле сирийцы похищали из Ливана до 5 миллиардов долларов в год за счет контрабандного вывоза товаров и денежных переводов, превосходивших по объему его экспорт.

Лоуренс Аравийский хотел подарить арабам «дворец мечты» в виде национальных парламентов после того, как по завершении оттоманского владычества «вольность арабов распространится от Мекки до Дамаска»¹⁵. Однако сегодня Сирия больше напоминает Узбекистан, а не прибежище свободы. Находящаяся в самом центре Машрика Сирия – это исторический перекресток между древнеегипетской и месопотамской цивилизациями. Ее удивительные руины в Алеппо свидетельствуют о первых шагах организованного поселения людей, сельского хозяйства и языка. Однако десятилетия провального социализма баасистов превратили двадцатимиллионную страну, которая могла бы стать промышленным локомотивом в регионе, в главное препятствие к формированию здесь своего «шелкового пути». Как и Гейдар Алиев в Азербайджане, Хафез

Асад создал такой политический порядок, который служил лишь ему самому, не научив своего сына Башара управлять нацией (которая, в сущности, таковой не является). Не располагавший той преданностью со стороны населения, которую имел отец, Башар и приближенное к нему алавитское меньшинство провели зачистку как партии БААС, так и секретных служб, а также расширили возможности своего клана путем заключения браков с влиятельными суннитскими семьями. На базарах вокруг величественной мечети Омейядов в Дамаске понурые граждане вынуждены довольствоваться сочинением теорий заговора, будучи окружены вездесущими портретами отца и сына Асадов (не столько пугающими, сколько ошеломляющими).

«Престиж Сирии выводят из того, что с ней просто общаются. Для них довольно одной лишь видимости влияния, – пояснил мне политический консультант-ливанец. – Причем больше всего им хочется разговаривать с американцами., но лишь для того, чтобы их же и надуть. Что бы американцы ни сказали, Сирия поступит наоборот». Намерение США свергнуть Асада еще больше подтолкнуло последнего к тому, чтобы укрепиться на своих позициях. Оно же породило стратегию внешнего выживания, включающую более тесные связи с Турцией и Ираном, а также своего рода возврат в те времена, когда Сирия была клиентом СССР. Так, Дамаск позволил России передислоцировать свой черноморский флот на морские базы вблизи сонных средиземноморских портов Тартус и Латакия. Китай – крупнейший инвестор в проекты по разведке месторождений нефти и газа в Сирии. Пока Европа сомневается, стоит ли завязывать отношения с сирийской деловой элитой, оппозиционными партиями, «Мусульманским братством», профсоюзами, неправительственными организациями, прессой и проживающими в Бейруте эмигрантами, Турция уже заполняет вакуум, в частности, консультируя Сирию по вопросам реформы центрального банка.

Наилучшим символом изнурительной долговечности постколониальных разграничений в Машрике (как и еще одной живой насмешкой над планами панарабизма) является железная дорога в Хиджаз. Построенная в начале XX века, чтобы перевозить совершающих хадж паломников из Стамбула в Мекку, она находится в

состоянии полной разрухи и функционирует только в Иордании, причем на смехотворно малых скоростях. Западные стратегические подходы к каждой стране по отдельности (если их вообще можно считать стратегией) никогда не позволят распутать здесь узлы иранского вмешательства, сирийской непреклонности, ливанской слабости, израильской агрессивности и палестинского отчаяния. Только Европейский Союз, который ныне руководит миротворческой миссией на границе Ливана с Израилем, способен предложить Машрику достойную сделку, поддержав торговлю, туризм и транспортное развитие так же, как он делает это в Магрибе. В сущности, благодаря интеграции с Турцией Европа вновь оказывается в тесном контакте с Сирией, Ираком и Ираном, то есть с теми странами, которые она оставила полвека тому назад. Транспортная сеть Евросоюза, ныне дотягивающаяся до Кавказа, может быть дублирована в качестве дорожной системы, связывающей Турцию с Сирией, Ливаном, Израилем и Иорданием, тогда как Европейский Союз обеспечивал бы надежность трубопроводных и иных трансграничных проектов и грозил бы государствам, которые не хотят сотрудничать, сокращением кредитования. Железная дорога в Хиджаз могла бы в конечном счете протянуться до Каира, Багдада и дальше. В конце концов, страны Машрика способны теснее сплотиться, предусмотрительно руководствуясь собственными интересами – или же под впечатлением от повторных сейсмических ударов, исходящих из центра геополитического землетрясения, случившегося в соседнем Ираке.

24 БЫВШИЙ ИРАК: БУФЕР, “ЧЕРНАЯ ДЫРА” И НАРУШЕННЫЕ ГРАНИЦЫ

В геополитике война – это своего рода кнопка перезагрузки. С ее помощью происходит пересмотр иерархии: страны либо одерживают победу, либо воюют, пока не наступит патовая ситуация, либо вообще исчезают. Все это произошло и в Ираке. Вторжение туда американцев в 2003 году не привело к созданию целостного демократического государства, а все группировки внутри Ирака и в окружающих его странах отстаивают лишь собственное видение будущего. Это означает, что самого Ирака скоро не станет, так как никто не борется за его сохранение. Страна уже превратилась в картографический фантом.

В качестве столицы халифата Аббасидов с VIII по XII век Багдад возглавлял мощнейшую из мусульманских империй, которая простиралась от Северной Африки до Центральной Азии. Ее суетное месопотамское общество вращалось вокруг трансцендентальных религиозных институтов¹. После Первой мировой войны Великобритания похода соединила три оттоманские зоны, веками существовавшие раздельно: курдский Север, управлявшийся из Мосула, суннитский Центр, находившийся под властью Багдада, и шиитский Юг, привязанный к Басре. Однако Ирак так и не стал современным государством, оставшись феодальным тиглем, в котором владевшие землей кланы лишь наращивали свое влияние с помощью центрального режима. Даже когда его считали светским и космополитическим обществом (каковыми некогда были Афганистан и Иран), диктатура Саддама Хусейна, война с Ираном

в 1980-е годы и расплата за вторжение в Кувейт в 1990-м подвигали его народ к различным формам изоляционизма и консерватизма.

С тех пор созданный Западом централизованный Ирак стал исчезать и по форме, и по сути. Саддама осудил даже СССР: Горбачев отмечал, что Советский Союз продавал Ираку оружие для обороны, а не для вторжения на территорию соседних стран². Тем не менее Саддам дольше десятилетия оставался на плаву. Он использовал программу ООН «Нефть в обмен на продовольствие» себе во благо, в то время как из-за международных санкций государственная система здравоохранения деградировала, а оппозиция не имела возможности окрепнуть. Сдерживание со стороны Запада больше походило на «детоубийство под маской политики»³. Введенные США запретные зоны для полетов на севере и юге страны отрезали Саддама от богатых ресурсами регионов. Их нынешняя борьба за возврат в доиракское прошлое через суверенное будущее повторяет то, что сэр Арнольд Уилсон описывал, как месопотамские «анархию плюс фанатизм... при незначительном национализме либо его полном отсутствии»⁴. По существу, каждый отдельно взятый иракец привержен клану, этносу или секте в большей мере, чем государству. Поэтому обещания федерализма не смогли остановить гражданскую войну, а она ускорила «балканизацию» страны, сопровождающуюся этническими чистками, массовой эмиграцией и встречными миграционными потоками населения. В результате постепенно формируются Курдистан, Шиитстан и Суннитстан.

Иракская война показала, что США – это сверхдержава, у которой амбиций гораздо больше, чем разума. Оказавшись не в состоянии четко разобраться в мозаике арабских племен и исламских сект, Соединенные Штаты опрометчиво отказались от моральной ответственности за оккупированную ими страну. Между тем это было важно как самим американцам, так и тем, кого они оккупировали⁵. Неповоротливые американские военные структуры (как и колоссальное новое посольство) стали символом отношения США к Ираку как к объекту купли-продажи, а не как к освобожденной стране. Покупатели – ставящие себя выше закона частные подрядчики, в которых иракцы не без основания видят разгулявшихся мародеров. Даже те стратегии, которые сработали на Балканах – скажем, обеспечение безопасности и доступа к ба-

зовым товарам, а также создание банковской системы – в Ираке были проигнорированы. В итоге для тысяч зарубежных боевиков он стал Афганистаном XXI столетия: там есть возможность получить подготовку, чтобы потом поучаствовать в глобальных миссиях против мощного имперского оккупанта. Эта подготовка проложила дорогу направленным против Запада террористическим атакам – таким как в Лондоне и на острове Бали. Что еще важнее, Ирак стал местом столкновения суннитов и шиитов⁶. Ошеломленные гротескным насилием гражданской войны, простые иракцы оказались слишком горды, чтобы показать, что для них точка перелома уже пройдена. Они просто хоронят своих мертвецов и продолжают жить по инерции. Но общее число погибших растет параллельно с массовой эмиграцией. Поэтому следует задуматься, сколько же иракцев останется восстанавливать свою страну, когда война, наконец, закончится⁷. Большинство людей считает, что сегодня им живется хуже, чем при Саддаме, а некоторые внешние наблюдатели с иронией замечают, что спасти Ирак теперь смог бы только новый диктатор. «Американцы были так озабочены тем, чтобы поцеловать собственные задницы, что теперь их головы застряли», – не сдержался один иракский переводчик.

Говорят, что если бы после Первой мировой войны карты составляли арабы, то Ирака точно не было бы. Так что теперь между Соединенными Штатами, Ираном и суннитскими силами Египта, Саудовской Аравии и Сирии развернулась гонка в попытках реформатировать регион, в котором прежде Ирак находился в самом центре. Иран в три раза больше Ирака по территории и в четыре раза – по численности населения. Он использует Ирак как резервуар для наращивания своего перевеса над суннитским конкурентом, нефтяным гигантом Персидского залива – Саудовской Аравией. Несмотря на десятилетия враждебности и длительную войну, унесшую свыше миллиона жизней, теперь иранское влияние без труда преодолевает воды реки Шатт аль-Араб, образующейся после слияния Тигра и Евфрата. Граница между странами была установлена договором 1639 года между Османами и Сафавидами. Американские войска численностью в 130 тысяч человек оказались не в состоянии ограничить проникновение иранцев в иракскую политику и службы безопасности на всех уровнях; к примеру,

ныне Иран поставляет повстанцам самые эффективные взрывные устройства. Иракское правительство даже обратилось к Ирану за помощью в обеспечении безопасности и признало право Ирана на разработку ядерной программы. Признаки иранской хозяйственной колонизации заметны повсеместно, начиная с торговли с Курдистаном и кончая восстановлением мечети в Наджафе, а также аэропорта, железной дороги и поставок электричества в Басру, где широко распространен язык фарси⁸. Суннитов, особенно в Саудовской Аравии, сильно тревожит перспектива персидской региональной гегемонии. Правда, и они не заинтересованы в том, чтобы Ирак воспрял до своего прежнего уровня – тем более, что они не получают больше дешевой нефти от Саддама, погибшего смертью мученика. Впрочем, они с готовностью предоставят оружие и финансовую помощь Суннитстану, раздувая гражданскую войну до тех пор, пока Ирака не станет.

Несмотря на все это, Ирак пока все равно нельзя относить к Третьему миру. Пристойное жилье имеется даже в самых бедных его районах, а некоторые местности не пострадали от разгула насилия просто в силу своей нищеты. Стране обещаны солидные средства на восстановление инфраструктуры, когда прекратятся беспорядки. Кроме того, достаточные поступления от нефтяных поставок из Шиитстана и Курдистана будут перенаправлены в пользу слабого центра в Суннитстане, чтобы он не превратился в заброшенную пустошь. Иракские беженцы приедут обратно (будь то после работы в Иордании или занятия проституцией в Сирии), чтобы вернуться к нормальной жизни, а ливанцы, сирийцы, иорданцы и саудовцы наводнят рынки средствами телекоммуникаций, строительным оборудованием и своим сельскохозяйственным экспортом, соединив Ирак автомобильными и железными дорогами с остальной частью Машрика.

Даже если Америка всерьез полагает, что, убрав Саддама, принесла этому региону благо, не ей судить об этом. Колониальный опыт Европы в тех же краях, по сути, закончился с Суэцким кризисом 1956 года. А американский неоколониальный опыт завершится в той же стране, где он начался. Машрик же так и останется территорией, где заключаются неустойчивые альянсы и сталкиваются региональные стратегии⁹. Пусть американские ястребы с ехид-

цей отмечали, что споры о войне в Ираке выявили разобщенность между «старой» и «новой» Европой. С гораздо большей очевидностью эти споры обнаружили, что отказ Европейского Союза от сотрудничества с Америкой является болезненным для США, в то время как экономическое, политическое и миротворческое присутствие Европы в Машрике продолжает расти. За счет строительства дорог Китай уже достигает Ирана, а потому способен проникать также и в Ирак с коммерческими и стратегическими целями. Несмотря на недовольство Вашингтона, Пекин уже заключил с иракским правительством соглашение на 100 миллионов долларов о поставке тех легких вооружений, которые не поставили сами США. За сотни лет до того, как Китай стал нелегально продавать Саддаму Хусейну зенитные установки, внук Чингисхана Хулагу-хан дошел до Багдада и разграбил его в 1258 году, тем самым положив конец халифату Аббасидов. Ирак уже был уничтожен однажды, а теперь история может повториться. В конечном счете весь регион может от этого даже выиграть.

Окончательное урегулирование восточно-османского вопроса не будет достигнуто по тех пор, пока существует Ирак, а с его исчезновением разрешится курдская проблема. Будучи окружены турецкой, арабской и персидской цивилизациями, курды оказались в ловушке и веками терпели жестокости от своих соседей. В столице иракского Курдистана Эрбиле мало что осталось от крепости, история которой насчитывает три тысячи лет (здесь Александр Великий сражался с персами). Курды – индоевропейский народ, говорящий на индоиранском языке. В конце 1940-х годов они даже недолго имели независимость в форме Махабадской республики, но соседи отказались признать курдов самостоятельным народом. Так, в Турции их называли «горными турками», хотя они составляют крупнейшее национальное меньшинство в регионе на стыке Турции, Сирии, Ирана и Ирака. Так как ни в одном из государств курды не получили прибежища, справедлива их поговорка: «У курда в друзьях только горы».

В 1920 году Арнольд Уилсон предупреждал, что «воинственные курды никогда не признают арабского правителя». Сегодня курдский народ, лишь невнятно представленный на османских картах, медленно и методично формирует полноценный Курдистан¹⁰. Их

деревни ровняли с землей, а людей травили химическим оружием. Поэтому не вызывает удивления нынешнее злорадство курдов в отношении судьбы саддамова Ирака. «Мы независимы от Ирака с 1991 года. Наше молодое поколение никогда не жило в Ираке, не говорит по-арабски и не видело, чтобы иракский флаг устанавливался на курдской земле», – пояснил курдский министр в единственной работающей в Эрбиле гостинице. Где бы они ни жили, курды стремятся к независимости. В силу демографических причин ее обретение является их первоочередной задачей. (Даже в федеративном Ираке курды не согласятся на меньшее, нежели максимальная автономия, не отказываясь при этом от крупных сумм донорской помощи, поступающей через Багдад.)

Уже сейчас, как страна Курдистан оформлен лучше, чем сам Ирак. Никем особенно не замечаемые элементы государственности закрепляются ежедневно. Региональная власть Курдистана создала собственные министерства сельского хозяйства, развития, образования и инвестиций. На важных церемониях в Эрбиле повсеместно раздают не слишком политкорректные бэджи, на которых представлены курдистанский и британский (а также американский) флаги. Партизаны военизированных формирований (пешмарга) соединены в группировку численностью в 50 тысяч бойцов, которой приданы военная и полицейская академии. Последним кирпичиком независимости послужил бы контроль над нефтеносными полями вокруг Киркука. При Саддаме регион подвергался насильственной арабизации, курдам не разрешали строить электростанции, железные дороги, аэропорты и нефтеперегонные заводы. Однако с тех пор курды изменили демографический баланс в Киркуке в свою пользу. Теперь они надеются со временем закрепить его новый статус за счет пошаговых референдумов. Курдистан уже заключил крупные контракты на разведку нефти с иностранными энергетическими компаниями и планирует построить большой нефтезавод на окраинах Киркука. «Когда правительство в Багдаде отказывается одобрить наши сделки, оно лишь напоминает нам, насколько важна независимость», – заявил один официальный деятель. С Киркуком или без него, им остается только заполучить новую валюту, паспорта и членство в ООН¹¹.

«Даже моего брата не признают таковым, пока не проверят на границе», – сообщил переводчик, развозивший приезжих по главным городам Курдистана на большом японском джипе. Вдоль границы с Ираком пешмарга неколебимо стоит на страже против любого нежеланного проникновения, подвергает проверке всех, кто говорит по-арабски, включая тысячи иракских арабов, убежавших в Курдистан в поисках спасения. Арабы воспринимают это как этническую чистку, называя поддержку Курдистана Израилем еще одним признаком используемой Западом политики «разделяй и властвуй». Верность проекту курдистанской государственности ставится даже выше семейных уз: курды скрытно участвуют в национальной программе по наблюдению за округой, чтобы доложить кому следует о любых подозрительных действиях.

Со времени гражданской войны в 1990-е годы курды стали практиковать ненасильственное управление в таких формах, которые отсутствуют у их арабских соседей. «Мы, как и арабы – сунниты, но курдский фундаментализм – это оксюморон», – с гордостью утверждал журналист в старинной, безмятежной Сулеймании. Две правящие партии – или, скорее, семьи – Демократическая партия Курдистана во главе с Месудом Барзани и Патриотический союз Курдистана во главе с Джалялем Талабани – по-прежнему делят Курдистан между собой и управляют им, поддерживая мафиозный контроль над бизнесом и сильно мешая сформироваться какой-либо третьей партии. Однако в аэропортах и прочих публичных местах, где оружие сплошь и рядом сдают на входе, как пальто или зонты, заметно, что в Курдистане устанавливается цивилизованность. Если в прочих районах Ирака церкви разрушаются, то в Курдистане их строят. В Эрбиле появился новый торговый центр, а парк Асаади («Свободы») в Сулеймании, некогда служивший базой иракской армии, обзавелся, как в Лондоне, «уголком оратора». Он расположился подле мемориала, где выгравированы имена курдов, казненных на этом месте баасистским режимом в 1963 году. Вокруг парка вырастают большие современные здания, выстроенные из камня, добытого из мраморных карьеров. Все более явное присутствие курдской диаспоры – главный показатель нынешнего успеха. В противоположность утечке мозгов из Сирии и Ирака, курды сейчас возвращают домой свои деньги и та-

ланты. Многие хорошо говорят по-немецки и в перспективе могли бы сделать для Курдистана то, что турки из Германии сделали для Турции. Другие курды-эспатриаты помогают создать новый университет в Сулеймании, где уже работают профессора и преподаватели из Европы и Америки.

Вряд ли уязвимые соседи, Иран и Сирия, насильственно подавляющие собственное курдское меньшинство, с радостью воспримут рождение Курдистана. Но его создание повредит только их восприятию самих себя, но не их безопасности. Ведь, в конце концов они смогут просто выслать свое немногочисленное курдское население в независимый Курдистан. Турция имеет в отношении независимости Курдистана еще большие сомнения – но нельзя сказать, чтобы ее эмоциональная одержимость этим вопросом составляла вескую стратегическую оценку. Турция никогда не добьется удовлетворения своих неубедительных претензий на Киркук просто потому, что там проживает мало турок. К тому же ей практически нечего бояться со стороны независимого Курдистана, так как она в состоянии проконтролировать его непревращение в нечто большее, чем машрикская Боливия – страна, богатая ресурсами, но находящаяся в ловушке своей географии. Турция уже давно снимает пенки с контрабандной торговли, ведущейся через мост на реке Хабур в курдской провинции Захо, который и прежде служил единственным надежным пограничным переходом с иракской стороны. Бесчисленным грузовым фурам, выстраивающимся в многокилометровую очередь, чтобы доставить бензин в Ирак, придется ехать в противоположном направлении, чтобы запертый со всех сторон Курдистан мог осуществлять нефтяной экспорт из Киркука.

Со временем турецкая стратегия по отношению к Курдистану могла бы обрести сходство с тем, как строятся связи Евросоюза с Турцией: он привязывает Турцию к себе, чем повышает ее зависимость от себя. Турецкие компании, где работают самые искусные строители-проектировщики региона, уже споро возводят как международные аэропорты Курдистана, так и туннели, эстакады, кольцевые автодороги. Правительство Курдистана, со своей стороны, гарантирует бесперебойность нефтяных потоков в направлении стратегически важного турецкого порта Джейхан. Если сейчас

мощные турецкие вооруженные силы, сконцентрированные на северной границе с Курдистаном, по-прежнему нередко пересекают ее, чтобы подавить деятельность Курдской рабочей партии, то суверенный Курдистан будет нести большую ответственность по обузданию подобных групп, чем полусамостоятельная провинция разваливающегося государства. Рынки Турции, Сирии, Иордании, Ирака, Ирана и Афганистана веками были связаны между собой контрабандой горючего, чая, сахара и наркотиков, а Курдистан находится как раз посередине. Так как торговля Турции с Ираном и Сирией растет, Курдистан мог бы к своему удовлетворению продолжать играть здесь свою роль коммерческого посредника, обслуживая все четыре страны. Знаменитая дорога Гамильтона в величественных горах Загрос, построенная в 1928–1932 годы новозеландским инженером А.М. Гамильтоном, может вновь стать главной артерией данного отрезка «шелкового пути».

Если в геополитике и существует окончательное состояние, так это когда границы, население, ресурсы и интересы приходят в полное равновесие. Когда закончится гражданская война в Ираке, регион, вероятно, не досчитается одной страны – но независимость Курдистана не только исправит серьезную несправедливость урегулирования, связанного с наследством Османской империи, но и может поспособствовать преодолению взаимной враждебности среди государств Машрика. Курды, вне сомнения, приобретут все те свободы, которых они заслуживают. Вопрос только в том, как скоро это случится.

25 ИРАН: ДОБРОДЕТЕЛИ И ПОРОКИ

Иран – это совсем не та Персия, которая представляла собой утонченную и мощную цивилизацию, процветавшую на просторах от Синая до Индии. Персидские завоеватели Кир, Дарий и Ксеркс создали империю Ахеменидов, которая в техническом и культурном отношении была равна державам Запада¹. Александр Великий в IV веке до н.э. разграбил Персеполис, а арабы в VIII веке поработили Персию. Тем не менее горные гряды Альборц, Загрос и Мекран в основном защищали ее от полного захвата, который европейцы и османы осуществили в отношении арабов. На пике своего развития в XVII веке династия Сафавидов простирала свою власть от Анатолии и Кавказа, через Месопотамию до реки Окс (сегодняшней Амударьи). На европейских картах XVIII столетия Персия звалась Фарсистаном, а племена белуджей на территории, составляющей ныне Юго-Восточный Иран и Юго-Западный Пакистан, говорят на языке, производном от фарси. Хотя современный Иран занимает стратегически важнейшую географическую позицию между Каспийским морем и Персидским заливом, остается без ответа фундаментальный вопрос: сможет ли он снова стать Персией?

В 1934 году шах Реза переименовал свою страну в Иран, чтобы подчеркнуть ее арийское «благородное происхождение». Это государство не меньше древней Персии стремится распространять свое влияние по всем направлениям. И все же традиционной целью Ирана была не военная гегемония, а скорее стратегическая независимость от великих держав. После оккупации Красной

Армией в годы Второй мировой войны страна несколько десятилетий маневрировала между СССР и Западом. Тогда имели место устранение шаха Резы в пользу его сына Мохаммеда Резы Пехлеви, занявшего престол в 1941 году; попытка покушения на него и переворота со стороны Коммунистической партии («Туде»); переворот 1953 года, совершенный при поддержке ЦРУ против отставившего независимость премьер-министра Мохаммеда Мосаддыка в ответ на национализацию им Англо-Иранской нефтяной компании; создание с участием ЦРУ и «Моссада» грозной службы безопасности САВАК². В результате шах, являвшийся самым преданным союзником Америки в регионе, использовал рост цен на нефть в 1970-е годы для закупки все новых вооружений в США, но при этом стремился повысить степень независимости от Вашингтона³.

Однако, считая самого себя королем королей, шах вызывал отторжение у собственного народа. После столетия национальных и коммунистических революций единственная крупная революция с религиозным уклоном в современном мире произошла именно в Иране в 1979 году⁴ – и была в гораздо большей мере направлена против сложившегося в стране порядка, нежели имела исламский характер. Поэтому возвышение аятоллы Хомейни над схваткой националистов и социалистов, состязавшихся в борьбе за власть, ошеломило иранцев не меньше, чем весь остальной мир. Иранская революция оказалась такой непредсказуемой потому, что речь шла о сильном и благополучном в то время государстве, шах которого воображал себя персидским Ататюрком⁵. В 1970-е годы Иран имел такой же ВВП, как Испания, и оптимистично сравнивал себя с Германией – страной Первого мира. Однако спустя всего четверть века экономическое влияние Европейского Союза куда сильнее приблизило Турцию к тем показателям хозяйственной и военной мощи, а также политической стабильности, от которых Иран оказывается все дальше. К 1980-м годам иранцы превозносили 300 тысяч своих мучеников, погибших, как было подсчитано, в войне с Ираком, и только нефть удерживала страну на экономической карте мира. Начиная с контрабандистов, пробирающихся извилистыми горными тропами в Керманшахе, до преступников-наркокурьеров на границах с Афганистаном и Пакистаном, миллионы иранцев живут скудно, перебиваясь случайными заработками

на черном рынке. Иран по-прежнему получает займы Всемирного банка, пусть и небольшие, на очищение сточных вод, здравоохранение, чрезвычайную помощь при землетрясениях, а также водоснабжение и землеустройство, что показывает, как сложно совершить окончательный переход в Первый мир, не имея политической стабильности.

Иран является практически образцовым примером второмировской шизофрении. Поскольку Хомейни повлек страну на путь радикализма, встал фундаментальный вопрос: должна ли она чтить свою доисламскую и дореволюционную историю? Это касается отношения к зороастризму, иудаизму и даже мусульманскому суфизму (Руми стал предаваться дервишеским радениям именно в иранском Тебризе в 1244 году), а также к памяти бывшего шаха, проводившего политику секуляризма и за это ненавидимого муллыми⁶. Хомейни создал две параллельные системы власти, призванные примирить исламскую теократию и республиканскую государственность, однако они породили противоречия, с которыми страна борется до сих пор. Сами иранцы прибегают к разным терминам, чтобы описать то, что одновременно является авторитарным режимом и, вероятно, самой демократичной во всем регионе страной, где проводятся выборы президента и парламента (меджлиса)⁷. Они говорят о полиархии, избирательной олигархии, полудемократии или патримониальной системе. Между тем, хотя унижительные условия заключенного Хомейни мира с Саддамом Хусейном заставили иранцев переоценить свое божественное предназначение как «пионеров ислама», Стражи иранской революции не прекращают борьбу с западным либерализмом, насаждая господство религии в публичной сфере и поддерживая исламских фундаменталистов от Палестины до Пакистана.

В годы «холодной войны» Соединенные Штаты имели особые отношения с Саудовской Аравией, Израилем и Ираном, рассматривая их как оплот антикоммунизма. В 1977 году президент Картер летал в Тегеран, где провозгласил тост за шаха как за лидера «островка стабильности». Спустя два года шаху пришлось бежать от революции. С тех пор действия США в отношении Ирана можно в лучшем случае описать в терминах политики пассивного реагирования, поскольку революция 1979 года и захват амери-

канского посольства омрачили все последующие отношения – точнее, свели их на нет. Бывшее посольство превратили в обнесенный забором тренировочный центр для Корпуса стражей революции, а наградой Ирану за содействие в устранении Талибана в Афганистане стало его включение в «ось зла», объявленную президентом Бушем.

Одним из результатов столь долго длящейся неприязни стало избрание в 2005 году президентом Ирана Махмуда Ахмадинежада – еще одного бывшего мэра столицы из стран Второго мира, в данном случае Тегерана. Заявив о себе как о радетеле интересов рядовых иранцев и борце с коррупцией, он приобрел большее влияние, чем его религиозные предшественники. Иран все еще страдает от снижения добычи нефти и регулярных авиакатастроф (и то, и другое вызвано использованием устаревшей техники), но уже поигрывает смазанными нефтью мускулами на просторах от Ливана с Палестиной до Ирака. Ахмадинежад как бы соединил персидскую имперскую традицию с современным исламским задором⁸. Огромные запасы нефти и газа, мощные вооруженные силы (включая солидный флот) и развиваемая ядерная программа послужили превращению Ирана в стратегическую державу Персидского залива, что как будто подтверждает небесспорное наименование его водной глади.

Америка по-детски обходит Иран молчанием, не понимая того, что на геополитическом рынке пытаться изолировать какую-нибудь страну почти также бессмысленно, как игнорировать ее существование. Как и другие государства-символы Второго мира, такие как Бразилия, Казахстан и Саудовская Аравия, Иран достаточно изолирован в дипломатии, чтобы одновременно получать блага от многих держав, особенно если они имеют разную мотивацию. Соединенные Штаты сосредоточены исключительно на военном аспекте иранской ядерной программы и игнорируют ее возможные гражданские применения, как и прочие коммерческие нужды Ирана. Евросоюз в течение многих лет закрывает глаза на поддержку Ираном террористов, подрывая американские санкции с тех самых пор, как стал его крупнейшим торговым партнером. Россия продает Ирану ядерную технологию, мало заботясь о возможной цепной реакции⁹.

Как и пристало двум гордым цивилизациям, связанным историей «шелкового пути» и подозрениями в адрес Америки, Китай со своей стороны тоже помогает Ирану преодолеть противоречие между его стремлением обзавестись стратегическим влиянием и потребностью в больших капиталовложениях. Для Пекина Иран является главной целью на пути к Персидскому заливу. Со временем китайцам уже не нужно будет перевозить иранскую нефть танкерами через Ормузский и Малаккский проливы, а можно будет перейти к ее транспортировке по автомагистрали, железной дороге и трубопроводу через Афганистан. КНР и Иран подписали множество соглашений, касающихся энергоресурсов, инфраструктуры и вооружений. В их числе контракты на поставку природного газа из иранского месторождения Южный Парс стоимостью 70 миллиардов долларов; на разработку огромного нефтяного месторождения в иранском Курдистане; на строительство нефтяных терминалов на Каспийском море; на прокладку тегеранского метро; на передачу в Иран технологии производства баллистических ракет и радиолокационных станций. Приверженцы жесткой линии в Иране уже пришли к выводу, что страна может положиться на сочетание китайского и российского содействия в том, что касается требуемых технологий, оружия и торговли, а потому нет нужды идти на уступки Западу – даже если Европа согласится подкрепить санкции против Ирана своим огромным экономическим авторитетом¹⁰.

«Говорить нам, чтобы мы отказались от ядерной программы, столь же оскорбительно, как заявлять, что нам нельзя заказать что-нибудь в ресторане, куда ходят остальные», – подчеркнул иранский исследователь, в данном случае выступив от имени большинства иранцев, на интуитивном уровне поддерживающих устремления страны в атомной области. Даже новые купюры иранских риалов посвящены расщеплению атома. Ядерная программа может обеспечить стране щит, позволяющий расширить ее революционное влияние. Но находясь в окружении ненавистных американских войск в Ираке и Афганистане (а в будущем, как поговаривают, еще в Туркмении и Пакистане), Иран обоснует необходимость ядерного оружия для самообороны. Действительно, хотя иранская ядерная программа не подпадает под запрет согласно Договору о

нераспространении ядерного оружия, Тегеран всегда может в качестве оправдания для преодоления ядерного порога сослаться на угрозу со стороны Израиля или Пакистана – стран, которые подписали Договор, но все же обзавелись ядерными арсеналами.

Как и местное рассыпчатое печенье, называемое газ, дипломатия Ирана бывает обманчиво пресной. Соединенные Штаты и ЕС далеко не сразу разобрались в фальшивом благочестии риторики Тегерана по ядерному вопросу, отражающей оттачивавшееся веками в иранской культуре лицемерие. Свалить иранский режим Запад не в состоянии. Санкции лишь дают властям повод не выполнять обязательства перед своим народом и отвлекают внимание от нарушения ими гуманитарных прав. Когда Соединенные Штаты выделили 40 миллионов долларов на поощрение политических изменений, эта сумма сработала как «поцелуй смерти» для реформаторов, на которых немедленно обрушились репрессии. Впрочем, в отличие от Саддама Хусейна, иранские лидеры военному унижению предпочитают контролируруемую конфронтацию. Региональная структура, включающая все страны, расположенные между Израилем, Ираном и Саудовской Аравией (с США, ЕС, КНР и Россией в качестве гарантов) могла бы помочь сдерживанию Ирана. Она даже подтолкнула бы, вероятно, к важной договоренности, при которой нормализация в отношениях и отмена санкций предлагались бы в обмен на снижение поддержки терроризма и гражданскую атомную программу под международным наблюдением (правда, при условии, что энергетические контракты зависели бы от соблюдения такой договоренности.) Если широко открыть ворота для потока инвестиций, туризма и международного вещания, это разрушило бы стратегию самоизоляции иранского режима и клерикально-базарного сговора в экономике. Хотя революции – это такой чайник, который, если за ним пристально следить, так и не закипает, они более вероятны при условии, что интеллигенция и массы имеют возможность задуматься о чем-то помимо элементарного выживания¹¹.

Дипломатическая софистика в сущности скрывает глубинную уязвимость Ирана, вызванную его убогим социально-экономическим положением. Несмотря на обильные запасы нефти и газа, страна почти не развивается, и перед ней стоят го-

раздо более насущные заботы, чем обогащение урана. «Мы – потерянный народ, а народная милиция Басадж еще больше размывает разницу между частным и государственным», – пожаловался мне озабоченный множеством проблем тегеранский предприниматель, имея в виду бесстрашных ополченцев времен ирано-иракской войны, которые ныне беспощадно продолжают революцию. Протестовавшие студенты исчезли и подверглись пыткам. Более демократичный Иран, возможно, был бы уже не столь настойчив в своих ядерных намерениях, осознавая противоречие между обретением ядерного оружия и здоровой экономической политикой¹². Хотя иранцы смотрят свысока на своих арабских соседей, сами они тоже не имеют общенациональной цели, которая объединила бы клерикалов, бизнес и технократов. Это еще более характерно для постоянно ссорящихся между собой и занятых собственными делами эмигрантов, в число которых входят как монархисты, так и попавшие в немилость представители нынешней элиты, проживающие в далеком Лос-Анджелесе. Иранское чиновничество – неумелое и некомпетентное. Это коррупционный отстойник, а религия настолько сведена к ритуалу, что отталкивает от себя значительную часть послереволюционного поколения, составляющего большинство как в семидесятимиллионном населении страны, так и среди местных безработных¹³. Как и другие страны Второго и Третьего мира, Иран уже испытывает серьезную утечку мозгов, поскольку для технического класса выезд за границу – единственный путь к успеху. Добиваясь в канадском посольстве в Дамаске разрешения на работу, целое поколение становится пилигримами¹⁴. Иран имеет хороший сельскохозяйственный потенциал и унаследовал древние руины, которые могли бы поспорить по значимости с греческими и турецкими. Но страна по-прежнему в основном экспортирует то же, что и до революции: ковры, фишашки и, конечно же, черное золото.

Тегеран нагляднее всего демонстрирует социально-экономический упадок. Городу всего 200 лет, и он не пробуждает воспоминаний об историческом величии Шираза или Исфахана с их роскошными садами и святынями. Тойнби вспоминал, что при въезде в Тегеран ощущение такое, как будто «вы покидаете страну, официальной столицей которой он является»¹⁵. Это постоянно рас-

ползающее, перенаселенное, засоренное топкое место без внятного плана. Сюда из сельских районов, страдающих все от той же засухи, из-за которой закончился «золотой век» Персии XII столетия, стекаются миллионы экономических мигрантов. Иран не в состоянии проконтролировать свою протяженную границу с Афганистаном, поэтому через него проходит основная часть торговли героином и очищенным опиумом общей стоимостью 65 миллиардов долларов ежегодно, а миллион взрослых жителей являются наркоманами. Несмотря на многочисленные общественные табу, в стране процветают наркомания, проституция, временные браки ради секса по согласию партнеров (сигех) и пластическая хирургия. В этом она не отличается от других¹⁶. Но государство, из которого элите, чтобы развлечься, приходится бежать, в то время как не имеющих такой возможности жителей подавляют, вряд ли способно к нормальному управлению собственными делами. Что уж говорить о господстве над соседями! Глобализация загнала иранский режим в угол.

По большому счету, американские и арабские вооруженные силы не позволят Ирану когда-либо достичь территориального размаха имперской Персии. Тегеран способен подавлять шиитские волнения и оспаривать острова в Персидском заливе, но в нынешних обстоятельствах его власть над Заливом ограничивается только тем, что его называют Персидским. Хотя в 1979 году Хомейни говорил, что перед исламской революцией стояли более серьезные задачи, нежели снижение цен на арбузы, разворачивающаяся спустя три десятилетия контрреволюция нацелена именно на это.

26 ТЕЧЕНИЯ В ЗАЛИВЕ

Даже в случае эксплуатации всех ныне действующих и планируемых нефтяных и газовых скважин на Персидский залив еще долго будет приходиться до 40% всех глобальных энергопоставок. Следовательно, стержневое геополитическое положение региона будет по-прежнему соответствовать его роли географического перекрестка между Европой и Азией¹. Великобритания свыше ста лет поддерживала контроль над этим «британским озером» и держала в подчинении независимые эмираты Залива, что составляло две стороны одной той же монеты. Легитимность присутствия в регионе американцев, желающих защищать местные правящие режимы и обеспечивать бесперебойный поток нефти, также зависит от умения поддерживать подобный баланс.

Однако безопасность нельзя обеспечить одними деньгами. «Мы не жаждем видеть у себя американские войска, но, как нам кажется, они нам нужны», – воскликнул советник правительства Катара. Опасающиеся непредсказуемости и культурной непререкаемости Саудовской Аравии прибрежные минигосударства – Кувейт, Катар, Оман, Объединенные Арабские Эмираты и Бахрейн – похожи на вассалов, в разной степени возмущающихся своим саудовским господином². Они относятся к Королевству Саудов так же, как бывшие советские балтийские и кавказские республики – к России. Иными словами, они видят в нем гигантскую «черную дыру», грозящую засосать их всеми возможными способами. Лишь немногие сторонние наблюдатели знают, что экономическая интеграция в рамках Совета сотрудничества арабских государств Персидского

залива (ССАГПЗ) маскирует их постоянные потуги разнообразить свой индивидуальный облик. Каждое становится глобализированным городом-регионом, защищающимся от саудовского доминирования. Саудовская Аравия сохранила визовый режим в отношениях с соседями по Заливу, тогда как сами они отказались от него при взаимных поездках своих граждан. Она даже пыталась помешать им обеспечить полную свободу перемещения населения, блокируя сооружение моста между Бахрейном и Катаром, а также еще более протяженного моста между Катаром и Арабскими Эмиратами. Когда Бахрейн, лишенный собственных нефтяных запасов, подписал соглашение о свободной торговле с США, Саудовская Аравия прервала поставки ему нефти с месторождения Абу-Сафах, которое формально принадлежит обеим странам.

«Иран настолько близко, что его можно увидеть, – сказал военный аналитик из Дубая, указывая на другую сторону Залива. – Впрочем, если даже его и не видно, вы все равно знаете, что он там». Внутренние склоки в ССАГПЗ открыли для США окно возможностей, которое позволило возобновить массированные поставки в регион обычных вооружений и разместить там свои войска, пообещав малым эмиратам Залива защиту как от Саудовской Аравии, так и от Ирана. Во время войны в Персидском заливе только оккупированный Ираком Кувейт занял явно проамериканскую позицию. Он и по сей день остается базой снабжения американских войск, оккупирующих Ирак. Правда, сейчас форпостом американского Центрального командования служит маленький Катар, обладающий почти бездонными запасами природного газа. Страна даже распустила армию, дабы подчеркнуть, что целиком полагается на Соединенные Штаты. Самая протяженная взлетно-посадочная полоса для военной авиации вне территории США ориентирована прямо на Иран. Крохотная островная монархия в Бахрейне, которая в годы Второй мировой войны служила передовой базой британского флота, ныне принимает американский Пятый флот. Хотя все минигосударства Залива критикуют Америку за самонадеянность в дипломатии и военных делах, они все же предпочитают импортировать американскую технику из США, а не радикальные установки саудовского ваххабизма или иранского шиизма. Нефтяные объекты стран Персидского за-

лива оберегают не только тяжелая артиллерия и военные корабли США, но и тысячи дюжих охранников-контрактников из числа бывших военных. Для шейхов не составляет особого труда платить этой своего рода преторианской страже весьма изрядное вознаграждение. Если правительство Соединенных Штатов захочет свергнуть кого-либо из своих новых минисоюзников, то, как это ни забавно, чтобы добраться до них, придется сначала перекупить этих американцев.

Президент Джимми Картер заявлял, что Соединенные Штаты Америки будут «всеми необходимыми средствами» защищать поступление нефти. Однако сейчас больше не существует угрозы советского вторжения в Аравию, как во времена «холодной войны» (на случай которого США планировали радикальные меры, такие как подрыв нефтяных скважин в Саудовской Аравии). Вторжение Америки в Ирак негативно сказалось и на стабильности, и на нефтяных ценах, из-за чего европейские и азиатские страны теперь с меньшей готовностью относятся к перспективе уступать Соединенным Штатам ответственность за обеспечение нефтяных потоков. Для режимов Персидского залива приоритетами являются стабильность и накопление богатства, а вовсе не поддержка США в ущерб себе. Поэтому Европа и Китай без помпы пришли в Залив благодаря энергетическим и инвестиционным сделкам. Европа создала зону свободной торговли со странами ССАГПС, а арабы во все больших масштабах хранят свои нефтяные богатства в европейских банках (и номинируют их в евро), регистрируют свои компании в Лондоне, а не в Нью-Йорке, и приобретают «Аэробусы» для таких возглавляющих мировые рейтинги авиакомпаний, как «Эмираты» и «Галф Эйр». Все дальше уходит в прошлое термин «нефтедоллары» – как и расхожее представление, будто арабы, осуждая Америку, одновременно стремятся получить там вид на жительство³.

Напротив, хадис Пророка, согласно которому следует «искать знания даже в далеком Китае», открыл путь к Заливу китайцам. Страны Персидского залива поставляют гораздо больше нефти в Азию (удовлетворяя ее нефтяные потребности на 70%), чем в Северную Америку. Азиатский спрос на энергоресурсы настолько велик, что сказывается на всех аспектах их производства, начиная

с цены и заканчивая размерами танкеров, шириной и глубиной каналов. Действительно, ввиду высоких темпов роста в Азии страны ОПЕК могут рассчитывать на высокие доходы, не особо беспокоясь по поводу стагнации американской экономики. Более того, чувствительность Китая к колебаниям цен на нефть и перебоям в ее поставках подтолкнула его, помимо прочего, к активному участию в развитии пакистанского порта Гвадар, который стал базой китайского флота в Аравийском море. Признаком геополитической зрелости Китая стало то, что он справляется со сложной миссией сверхдержавы, ухитряясь поддерживать прочные связи с непримиримыми врагами – Ираном и Саудовской Аравией⁴. Альянс между Ближним Востоком и Поднебесной развивался с 1960-х годов, оставаясь вне поля зрения. Тогда Китай начал продавать ракеты Саудовской Аравии⁵. В недавнем прошлом Саудовская Аравия стала активнее привлекать китайские инвестиции – сама финансируя крупный нефтехимический комплекс в китайской провинции Фудзянь⁶. Связи с Америкой политически взрывоопасны, поэтому королевская семья фактически восхищается Китаем, который добился могущества, никого не подчиняя, а также демонстрирует стиль централизованного принятия решений, схожий с ее собственным, как и отсутствие озабоченности соблюдением прав человека в международной дипломатии. На замену американского доминирования над Заливом между ним и странами Восточной Азии возникает новый «шелковый путь», проходящий по морю. Это отношения, в которых стороны хорошо дополняют друг друга. По меткому замечанию официального деятеля из Саудовской Аравии, его страна не собирается разводиться с Америкой, но всегда может завести себе еще несколько жен⁷.

До обнаружения нефти Аравию считали бесплодной пустошью, невосприимчивой к таким выгодам колонизации, как современная бюрократия и развитые образовательные учреждения. Британский военный авантюрист Уилфред Тезигер, прославившийся тем, что пересек бескрайнюю аравийскую пустыню, высказывался в том смысле, что «перемены, которые там произошли на протяжении десяти или двадцати лет (приблизительно с 1950 по 1970 годы), были столь же значительными, как и те, что имели место в Англии в период начиная с раннего Средневековья и вплоть

до сегодняшнего дня»⁸. В 1970-е годы нефть стала для арабов геополитическим рычагом для перемещения во Второй мир, сделав монархии Персидского залива новыми богачами глобального масштаба. Но в Саудовской Аравии нефтяные деньги подпитывали только надменное правительство, в котором членов королевского семейства произвольно назначали главами бесчисленных, но бесполезных министерств. Катапультирование из грязных хижин в роскошные дворцы завершилось менее чем за десятилетие. Потом ОПЕК утратил контроль над нефтедобычей своих членов в 1980-е годы, когда цены на нефть опустились, а население стран Персидского залива сильно выросло. Доход на душу населения в Саудовской Аравии резко сократился, она потеряла статус богатейшей страны мира, опустившись до скромного уровня Мексики.

Гигантские доходы от устремившихся в небо после 11 сентября 2001 года нефтяных цен породили тенденцию, знакомую по нефтяному буму 1970-х годов: опять разбухли военные расходы, достигнув в 2005 году 40 миллиардов долларов⁹. Правда, строже контролируемый западными банками арабский капитал не отличается более прежней неразборчивостью. Если африканские страны принимают западные капиталы и сразу же переправляют их обратно в страны Первого мира, то 70% арабских нефтяных доходов сейчас массивно вкладываются обратно внутри самого арабского мира¹⁰. Государства Персидского залива уже вложили триллион долларов в инфраструктурные проекты, начиная с опреснения воды, строительства университетов и больниц и заканчивая новыми портами и вырастающими в пустыне экспорториентированными городами. Арабское бизнес-сообщество вполне профессионально осуществляет реформы, по своей сути аналогичные тем, какие заложили основы подъема в других районах Второго мира – от Восточной Европы до Восточной Азии. Наблюдаются подъем туризма в Тунисе и Египте, сельскохозяйственный рост в странах от Марокко до Судана и прочие предпринимательские начинания, создающие рабочие места и даже вовлекающие в трудовую деятельность многих женщин. Иными словами, меняется модель, согласно которой страны Залива были «богатыми в большей мере, чем развитыми»¹¹.

Конечно, то, что они (снова) богаты сегодня, не означает, что они сумеют этим воспользоваться. В существенной мере и поныне сохранились племенные аспекты монархической власти, делающие благополучие иллюзорным¹². «Средневековые общественные структуры регрессивны даже по арабским стандартам», – пожаловался мне в Дубае один из исследователей монархий Персидского залива. Рентоориентированная модель сохранения сугубо семейной власти в обмен на материальное благополучие заведомо исключает даже мысль о возможности баланса в отношениях между государством и обществом¹³. И в Катаре, и в Объединенных Арабских Эмиратах бесчисленные бескровные перевороты внутри королевских семейств нередко совершали сами шейхи. Они изгоняли и убивали друг друга от гордости или безделья. Благополучие зависит от благосклонности монарха, а не от труда. Незаслуженные привилегии чреватy крайне неблагоприятным эффектом: сегодня разлагающееся общество наслаждается даром доставшимся благами, но его лень может легко обернуться яростью, когда нефтяной поток иссякнет. Повторится ли на Аравийском полуострове прежняя история?

Саудовская Аравия: деньги говорят сами за себя

В значительной мере судьба арабского мира зависит от богатейшей монархии Персидского залива – Саудовской Аравии, занимающей стратегическую позицию между Красным морем и Персидским заливом и обладающей крупнейшими в мире нефтяными запасами. Благодаря тугой мощне королевство сейчас активно посредничает в Ливане, Ираке и арабо-израильском конфликте, оставляя Египту и Иордании роль второстепенных участников. Даже имея крупнейший фондовый рынок в регионе, саудовцы нередко совершают ночной переезд через пустыню, чтобы с выгодой поучаствовать в публичных размещениях акций в Дубае или Дохе. Они начали заводить крупные хедж-фонды и организовывать паевые инвестиции по всему региону. Члены королевской семьи Саудовской Аравии, помимо прочего, владеют основными

газетами и станциями спутникового телевидения в регионе, такими как новостной телеканал «Аль-Арабия». Они также приступили к финансированию экономической диверсификации и созданию рабочих мест, чтобы превратить быстрорастущую массу арабской молодежи из угрозы в преимущество¹⁴.

Саудовскую Аравию следовало бы поблагодарить за то, что она постоянно находит баланс между дипломатией ОПЕК, жесткими требованиями США, неизменно критическим общественным мнением и угрозами внутренней безопасности. На долю Саудовской Аравии, Бахрейна и Катара в совокупности приходится до 70% производства нефти в странах ОПЕК, а через саудовский нефтеперерабатывающий завод в Абкейке и терминал Рас-Танура прокачивается 10% нефти, ежедневно потребляемой в мире. Для защиты сердцевины национальной экономики в стране выстроена строго охраняемая энергетическая инфраструктура, управляемая высокопрофессиональной элитой (в которую члены королевской семьи в основном не входят). Тем не менее «Аль-Каида» пыталась разрушить ее, направив в 2006 году взрывников-самоубийц на внешний периметр завода в Абкейке.

Но неустойчивость нефтяных цен, вызванная политической нестабильностью или срывом поставок, для экономики – все равно, что язва. Это болезненное повреждение, которое ослабляет весь организм и в конечном счете может привести к смерти¹⁵. Потребители заинтересованы в саудовской нефти, но сильно обеспокоены неустойчивостью контролирующего ее семейства. Изначально мелкие вожди в Центральной Аравии, семья аль-Саудов поднялась затем в племенной иерархии благодаря альянсу 1744 года с Мохаммедом ибн Абд аль-Ваххабом, чей религиозный авторитет придал значительный вес Мохаммеду ибн Сауду, предку принца Абдул Азиз ибн Сауда. Последний в 1902 году ступил в ворота крепости Эр-Рияда, укрепив тем самым за собой власть над народом. На флаге Саудовской Аравии изображены мощный саудовский меч и строки из Корана, символизирующие приверженность салафизму – это два тесно связанных элемента, определяющих облик данного государства. Со времен антисоветского джихада в Афганистане Саудовская Аравия никому не уступала в объемах спонсирования исламских радикалов от Пакистана до Индоне-

зии – некогда такое применение национальным финансам считалось важным для престижа государства в исламском мире. Если Египет и Иордания в 1970-е годы радикалов выслали, то в Саудовской Аравии их принимали как наставников, продвигая исламизм в качестве альтернативы арабизму. В менее давние времена боевики из Саудовской Аравии стали тысячами проникать в Ирак для борьбы с американской оккупацией.

Но ваххабиты борются и с правителями Саудовской Аравии. Альянс Америки с правящей семьей возмутил их духовных представителей, которые призвали деятелей, подобных Усаме бен Ладену, сопротивляться не только советской оккупации Афганистана, но и оккупации самой Аравии неверными с Запада, что породило новое поколение радикалов, которые как раковые клетки распространились по всему телу арабской политики. В этом горячем растворе, который кипит под религиозным прикрытием, готовы смешать «ближних» и «дальних» врагов – как автократов на родине, так и сверхдержавы за рубежом¹⁶. Почти так же, как и в Йемене – узкой южной полосе Аравийского полуострова, стране Третьего мира, где население сравнимо по размеру с саудовским, саудовский режим постоянно откупался от племенных вождей и духовенства, ненароком тем самым усиливая их позиции. Однако в Саудовской Аравии нельзя и помыслить о каком-то механизме передачи власти за пределы единственной семьи, которая всегда правила в стране. Но если действенные силы безопасности успешно умиряют немногочисленное и лишенное свободы шиитское население в восточных провинциях, то сдерживать доморощенных суннитских фундаменталистов гораздо сложнее¹⁷. «Как их распознать? Они среди нас, они беспрепятственно перемещаются по городам и селам», – не находил себе места член королевской семьи в богато украшенном кабинете с видом на Эр-Рияд.

Глобализация как будто ускоряет ход истории, но в Саудовской Аравии история движется на двух разных скоростях – одной для разума и другой для сердца. Продвижение цивилизации не может не быть ограниченным, если люди молятся пять раз в день и живут в парализующем зное бесконечной пустыни. Во время Рамадана день и ночь меняются местами, так как люди голодают и отдыхают весь день и едят по ночам. Как хранители исламских святынь,

ваххабиты считают, что лишь они практикуют подлинный ислам. Саудовская культура намеренно замалчивалась из-за их усилий вернуть страну в подлинно «золотой век» ислама, разрушив все культурные приметы с времен до рождения Мухаммеда, иногда сровняв с землей целые деревни. Для Пророка и его последователей не было различия между светской и духовной властью. Поэтому даже партнерство ваххабитов с саудовской королевской семьей – это нечестивый союз. Организация «Аль-Ихван» («Братья-мусульмане») вынуждена его терпеть, поскольку они не в состоянии собрать свою армию¹⁸. Взрывы, которые радикалы-ваххабиты устраивают на нефтяных вышках, как и объявление фетвы против ПРО – это всего только симптомы гораздо более глубинной борьбы между ними и всем саудовским обществом за сопротивление глобальной модернити либо приспособление к ней.

«Кто хуже, владыка, тот ли, кто претендует на святость из невежества, или тот, кто пользуется Кораном в личных целях?» – вопрошает путник из притчи лауреата Нобелевской премии Нагиба Махфуза «Путешествие сына Фаттумы». Меры по защите морали – здравая стратегия, когда общество стремится поддерживать религиозные традиции, а шариат как раз обеспечивает соответствующие запреты и сдерживающие средства. Но суровый саудовский (и иранский) нравственный контроль не назовешь эффективным в искоренении грехов супружеской неверности, транспортировки наркотиков и преступности, о которых при этом говорится. На деле та лицемерная набожность, которая обнаруживается, если проследить за тем, как саудовцы сами же нарушают собственный моральный кодекс, затмевает даже фальшивое иранское благочестие. Она обнажает несостоятельность сосуществования двух веков, столь далеких друг от друга. Публичная сторона жизни в Саудовской Аравии в основном принадлежит десяти миллионам иностранных трудящихся королевства, которые выполняют большую часть работ, тогда как частная жизнь отличается традиционализмом и уединенностью – но не настолько, чтобы скрыть дисгармонию контактов саудовцев с современностью. В стране велик черный рынок горячительных напитков, что ведет к пьянству водителей и автомобильным гонкам, которые нередко заканчиваются ужасными авариями в песчаных барханах. Скоростные ограни-

чения считаются всего лишь рекомендациями. Бывали случаи, когда саудовские женщины, которым запрещено водить автомобили или одним выходить из дома, проявляли сексуальную агрессию в отношении мастеров, пришедших в дом что-то отремонтировать. В то же время вопреки запретам и даже битью кнутом процветает мужской гомосексуализм. В элитных кругах потакание своим материальным слабостям в порядке вещей всегда – за исключением времени, которое отдано молитве. Они поклоняются своим мобильным телефонам, изукрашенным бриллиантами, как будто это религиозные символы. Ритмичные передвижения паломников в белых одеждах в Большой мечети в Мекке буквально затмеваются кольцом неприглядных в своей роскоши гостиниц. Иностранок ввозят в страну как сексуальных рабынь, а труд иностранных рабочих используется буквально в невольничьих условиях – при этом еженедельно производятся публичные казни через отрубание головы бедных гастарбайтеров (которые и сами зачастую являются мусульманами), чьи воистину «гнусные» преступления состояли в краже из аптеки элементарных лекарств. Впрочем, ни экзекуции в отношении иностранных рабочих, ни помещение их в карантин не подвигнут расслабленных саудовцев заменить на работе «гостей». Ведь большую часть времени они слоняются по странам Персидского залива от Бахрейна до Дубая (где саудовцы некогда ввели запрет на алкоголь) в поисках ничем не ограниченных развлечений, каждым летом совершая к тому же набеги на бутики в Лондоне и Женеве.

Ложь, которой отмечена внутренняя культурная война в Саудовской Аравии, вызывает самодовольство Запада на той основе, что арабы-мусульмане лишены ценностей, как будто вера и модернити прямо противоположны друг другу: модернити устремилась вперед, оставив веру увядать где-то позади. Но в реальности все совершенно иначе: модернити – всего лишь период времени, тогда как вера вечна. Именно модернити, а вовсе не ислам, проходит испытание: мусульмане решают, как именно следовать своим религиозным традициям в ситуации выбора, перед которым ставит их модернити – или же вообще отказаться выбирать. Ислам стал всемирной религией благодаря его перенесению кочевниками. Сегодня же он быстро распространяется как в современных,

так и в несовременных регионах вследствие высокой рождаемости и своей привлекательности для масс новообращенных. Банки в Соединенных Штатах и Великобритании в настоящее время предлагают своим клиентам из числа мусульман финансовые инструменты, согласующиеся с шариатом. Да и наносные нововведения, подобные джинсам марки «Аль-Кудс», спортивным хиджабам от фирмы «Найк» и женским пляжным буркини, скорее тоже показывают, насколько быстро западный стиль адаптируется к содержанию ислама, вместо того, чтобы побуждать к обратному. Поскольку очень многие мусульмане Европы подвергли такую адаптацию влиянию духовного коммунитаризма, они могут стать примером для мусульман по всему миру, пытающихся приспособиться к меняющейся роли женщин, сектантству и светскому образованию. Но об отвержении ислама речь не идет, а это значит, что понимание исламской эстетики – его обычаев, философии, искусства, языка и музыки – не менее важно, чем расшифровка его священных писаний¹⁹. По утверждению Самюэля Хантингтона, суть западной цивилизации состоит в Великой хартии вольностей, а не в гамбургере из «Макдональдса». Поэтому никогда не мешает помнить, что жевание второго не подразумевает готовности признать первую. Редактор из Саудовской Аравии Халед аль-Маина хорошо осознает разницу между первым и вторым, поскольку даже родная дочь, получившая образование в Америке, сказала ему как-то: «Если ты пойдешь в “Старбакс”, я тебя укушу»²⁰.

Культура становится историей, как только родители меняют методы воспитания своих детей. Ваххабиты целыми поколениями учили только избирательному и механическому заучиванию Корана, а не исламу как таковому. Тойнби восторгался тем, что ислам «устраняет расовое сознание», и настаивал на том, что существует «насущная потребность в пропаганде этого достоинства ислама»²¹. К тому же акцент ислама на благотворительности (закят) и братской любви никогда не был столь важен для перенаселенных мусульманских стран, как сейчас. «И в Лондоне, и здесь, в королевстве мы настраиваем юных мусульман на социальную интеграцию и поддержку гуманитарных основ ислама», – объяснял мне работающий в Эр-Рияде активист Всемирной ассамблеи мусульманской молодежи. Тойнби предсказывал в свое время, что США смогут ни-

спровергнуть ваххабитов в любой момент, если их «фанатизм станет настолько существенной помехой, чтобы оправдать усилия по его подавлению». Однако самой верной надеждой в борьбе с радикализмом, вероятно, способен послужить консерватизм самого саудовского общества. Насколько экспорт фундаментализма дискредитировал Саудовскую Аравию как всемирного лидера суннитов, настолько же насилие со стороны самих ваххабитов подорвало их поддержку в массах. Король Абдалла опирается на свою репутацию человека благочестивого для развития крупных телевизионных каналов, ориентированных на противодействие радикализму, и держит в узде тысячи изнеженных принцев, которые готовы промотать богатства страны²². Он осуждает экстремистов как «извращенцев», а это слово имеет гораздо более осуждающий смысл, чем западное наименование «фундаменталист». Он сотрудничает с «мусульманскими демократами», чтобы укрепить Советы Шуры. Это уже окупилось во время муниципальных выборов 2005 года, когда избиратели проголосовали не за радикальных кандидатов, а за исламистов, которые вели избирательную кампанию на основе разумной социально-ориентированной программы. Больше, а не меньше ислама – вот что может стать настоящим противоядием и от экстремизма ваххабитов, и от западного материализма.

Саудовская Аравия близка к такому апофеозу своего социально-го развития как раз в тот момент, когда еще раз получила шанс перебраться в Первый мир. Во время нефтяного бума 1970-х годов ни одно из государств Персидского залива так и не создало солидной промышленности или сектора услуг, которые позволяли бы занять растущую массу городских жителей. Они и превратились в тех, кого Фуад Аджамид назвал «рассерженными детьми несостоявшегося поколения»²³. Если в Саудовской Аравии сохранится высокий уровень рождаемости, то Эр-Рияд станет мегаполисом с 10 миллионами обитателей при низком коэффициенте использования их труда на производстве. Культовые здания этого города, напоминающего подчищенный вариант Каира, по-прежнему ветшают. Правда, на этот раз Саудовская Аравия уже знакома с глобализацией и для более умелой модернизации приглашает теперь международные банки и консультантов²⁴. Здесь есть территория, рабочая сила и денежные средства, чтобы построить четыре совер-

шенно новых промышленных города в качестве безналоговых ре-экспортных зон, что создаст рабочие места, оттянув население от слишком плотно заселенных Эр-Рияда и Джидды, изменив тем самым направление внутренней миграции, которая является бичом и для стран Третьего мира. Экономический город короля Абдаллы сам по себе может быть зарегистрирован на фондовом рынке. «Некоторые из нас, бизнесменов стран Персидского залива, быстро учатся, много работают и рискуют так же, как азиаты, – посулил с уверенностью в беседе со мной предприниматель из Эр-Рияда. – Нас интересуют материальная отдача, полное удовлетворение акционеров и сограждан». В настоящее время состоятельные саудовские промышленники отдают часть своего состояния для развития на базе архаичных университетов системы профессиональной подготовки. Они даже выступают в пользу свободной прессы, образования для женщин, независимости судебной системы, избирательных комиссий и разнообразных политических партий. Наблюдая за коммерческим успехом автомобильных гонок «Формулы-1» в Бахрейне, одна отдаленная деревня на севере Саудовской Аравии решила принять у себя соревнования за Гран-при по пустынным гонкам в песках, в результате заработав за неделю больше, чем обычно за год. «Чтобы наша политическая повозка сохранила стабильность, понадобится крепкий хозяйственный возница», – предполагает один из саудовских принцев. То же можно сказать и про весь арабский мир.

ОАЭ: Лас-Вегас и Сингапур в одном флаконе

В начале 1990-х годов, когда начался посткоммунистический переход в Восточной Европе, в Дубае не было даже дренажной системы. Иностранцев, незнакомых с арабским климатом, поражало, что машинам приходится ездить в воде по колено из-за потоков, возникающих после сезонных дождей. Главная дорожная артерия города – улица шейха Саида – представляла собой короткую полосу мостовой с несколькими зданиями на обочине, от которой по всем направлениям вплоть до побережья Персидского за-

лива просматривалась пустыня. Сегодня то, что служило испытанием на выживание для служащих транснациональных компаний, стало единственным глобальным городом в арабском мире, в полном смысле оазисом в пустыне и эффективным капиталистическим мегаполисом. В немногих городах мира такое количество людей живет столь же богато и комфортно, как в Абу-Даби – спокойной столице Объединенных Арабских Эмиратов, в то время как Дубай быстрое превратился в столицу всей арабской цивилизации.

Девизом башни «Бур Халифа» – небоскреба столь высокого, что еще достаточно долго другие города не смогут с ним в этом соревноваться, – стали слова «историческое восхождение». Тем самым подразумевается открытие новой славной страницы в арабских делах, а также появление чего-то в том месте, где веками не было вообще ничего. Объединенные Арабские Эмираты являлись конфедерацией небогатых шейхов, кровно не связанных друг с другом и перебивавшихся контрабандой и пиратством до тех пор, пока компания «Бритиш петролеум» не профинансировала развитие их нефтяного сектора. Сейчас его в основном контролирует Абу-Даби, тогда как значительная часть загрязнения достается шести остальным эмиратам. Поразительный подъем Дубая начался благодаря дальновидности шейха Рашида, самого влиятельного из контрабандистов Персидского залива. Начав в 1985 году с зоны свободной торговли «Джебель Али», Дубай сознательно пренебрегал налогами, визами, местными требованиями в отношении владения собственностью и прочими премудростями в ожидании, что один только реэкспорт принесет огромные доходы. Почти три четверти торговли в мире по-прежнему осуществляется морским транспортом, тогда как существенный процент от ежедневной потребности всего мира в нефти регулярно провозится через узкий Ормузский пролив. Дубайские порты Джебель Али и Рашид сегодня, наряду с сингапурскими и гонконгскими, являются самыми передовыми в мире.

Официальным средством коммуникации в Дубае служат деньги, а вовсе не арабский язык. Телевизионные новости из разбомбленного Ирака к северу спорят за внимание зрителя с аппаратом, передающим котировки ценных бумаг с фондового рынка. Блистательный финансовый квартал Дубая выстроен вдоль

канала Грик, который веками служил для перевозки товаров в Персидский залив, а из него в Африку и Южную Азию. Там и сегодня покачиваются дхоу – арабские одномачтовые каботажные лодки. Нагруженные миллионами тонн сигарет, растительного масла, чая в пакетиках, холодильников, шин и целыми автомобилями, они направляются в Пакистан, а также в Бушер и Бендер-Аббас в Иране. Дубай служит наилучшим примером того, как глобализация потихоньку размораживает геополитический холод в отношениях между государствами Персидского залива и Ираном. В Иране свободная зона на острове Киш является крупнейшим в стране перевалочным складом для товаров, которые в основном доставляют и продают арабы Персидского залива. Тысячи иранцев обратили себе во благо принятую в Дубае формулу «собственность равнозначна месту жительства», покупая недвижимость на его оживленном рынке, чтобы покинуть застойную родину. Вне чужих глаз саудовцы, иранцы и жители ОАЭ не соперничают за лидерство в исламском мире, а всячески пользуются стабильностью соседей и привлекают всех без исключения клиентов.

Подобно лишенному ресурсов Сингапуру, ОАЭ ищут свою геополитическую роль, постоянно обнаруживая какую-нибудь новую глобальную нишу и стараясь привлечь в нее как можно больше денег и талантов, пользуясь нерасторопностью остальных. Инвестиционное управление Абу-Даби (как и корпорация «Темасек» в Сингапуре) контролирует активы общей стоимостью свыше 500 миллиардов долларов. В городе намывается специальный остров, на котором будут размещены эффектные здания подразделений музеев Лувра и Гуггенхайма. Кроме того, много денег вложено в проекты по использованию солнечной энергии – несмотря на богатые нефтяные запасы. В Дубае стремительно растут рынок недвижимости, строительство, гостиничный бизнес, финансы, средства массовой информации, производство потребительских товаров и индустрия развлечений, привлекая больше иностранных инвестиций и туристов, чем вся Индия. Миллиарды долларов репатриированных арабских денег позволили Дубаю воспользоваться тем преимуществом своей финансовой сферы, что она построена на законах шариата, и привлекать все новые мусульманские капиталы. Стремление добиться победы в услови-

ях, когда природа столь сурово обошлась с арабами, тоже приносит прибыль. Так, построенные японцами предприятия опресняют воду, что позволяет осуществлять ирригацию далеко в пустыне. «Неужели мы должны мириться с нефтяным проклятием, хотя нефтью можно расплатиться за воду?» – спросил сияющий чиновник в Дубае, принимая меня в стеклянном офисе, слепящем глаза своим блеском. Из моря поднимаются рукотворные острова в форме пальмовых деревьев и континентов, а обиталища для роскошной жизни вырастают быстрее, чем в Лас-Вегасе, который в Америке является самым быстрорастущим городом. На подходе новые начинания в бизнесе, начиная с экспорта гончарной посуды и заканчивая производством солнечных батарей. Из-за живописных видов, вполне подходящих для съемки индийских фильмов, кое-кто уже прозвал Дубай «Долливудом». Очарование кочевой жизни – вот за что готовы платить иностранцы, отправляясь в экскурсии по пустыне. В той же мере вероятно, что они захотят оценить и закрытый горнолыжный спуск. Поскольку разнообразные съезды, спортивные события и закупочные фестивали проходят, сменяя друг друга, круглый год, раздобыть комнату в отеле в Дубае или любой из столиц стран Персидского залива действительно нелегко.

Если европейцы опасаются арабской иммиграции, то среди самих арабов одни ухитряются извлекать выгоду из проблем других. Расположенные в Лондоне арабские посреднические структуры десятилетиями выполняли банковские операции по доверенности, обслуживая финансовые нужды стран Персидского залива. Однако когда Ливан погрузился в гражданскую войну, стал подниматься Дубай, развив свой успех после вторжения войск Саддама в Кувейт в 1990 году. Начавшийся тогда приток в страну ливанских капиталистов, а также денег из Кувейта продолжается и сейчас. Не менее 30 тысяч ливанцев переезжают сюда ежегодно, заполняя вакансии в сфере банковского менеджмента и новостного телевидения – наряду с египетскими инженерами, экономистами из Иордании и тунисскими шоферами, прибывающими в поисках более высоких заработков и лучшей доли.

Дубай стал новым «плавильным котлом» для арабов. В этом городе арабы со всего мира смешиваются и интегрируются очень

легко, подпитывая новый арабизм, идущий снизу, а не сверху, и опирающийся на хозяйственную взаимозависимость и жизнеспособную информационно-коммуникационную отрасль. Своей торговой активностью Дубай отдает должное Абу Абдалле Мухаммеду ибн Батутте – арабскому Марко Поло, который в начале XIV века прошел с караванами более 100 тысяч километров от Танжера до Восточной Африки, Мекки, Сирии, Центральной Азии, Индии и Китая, причем ни разу не покинув пространства, где действует исламский религиозный закон. Задача самого популярного арабского телевизионного канала «Аль-Арабийя» заключена в самом его названии: она состоит в том, чтобы обращаться ко всем арабам с образовательными программами, распространять присущие арабам семейные ценности и способствовать солидным инвестициям. Как и у более политизированной сети «Аль-Джазира», расположенной в Катаре, ее штаб-квартира в Дубае – это мини-Брюссель, где космополитично настроенные арабы из дюжины стран сотрудничают даже тогда, когда это не удается их правительствам. Помимо всего прочего, спутниковое телевидение помогает гармонизировать традиционно несовпадающие диалекты арабской устной речи. Как заметил почти 100 лет тому назад Лоуренс Аравийский, «патриотизм, обычно привязанный к почве или племени, оказался здесь сплетен с языком»²⁵. «При наличии недорогих арабских авиалиний молодежные общежития превратились в места проведения нескончаемых и беспорядочных вечеринок для вновь обретенных друзей, – рассказала молодая журналистка, проводящая много времени в перелетах, поскольку занимается описанием жизни арабского бизнеса. – Первое поколение арабских девушек, которые самостоятельно работают в городах стран Персидского залива, начинают осознавать себя как отдельную социальную группу, как женщин с прицелом на финансовый успех и высокий общественный статус».

Наконец, Дубай служит подтверждением того, что арабское пространство не оторвано от глобализации, но, скорее, служит для нее испытательной площадкой. Его непривычный для арабов космополитизм со всей очевидностью обнажает раскол арабского мира на тех, кто жаждет увидеть скупно прикрытых ливанских женщин по спутниковому телевидению, и тех, кому их развратность

отвратительна. Если днем Дубай выглядит образцом технологических кластеров, таких как Медиа-Сити и Интернет-Сити, штат сотрудников которых укомплектован оживленной арабской молодежью, то по ночам он похоже становится мировой столицей глобальной индустрии греха, настолько воплощая собою приметы дикого капитализма, будто проверяет справедливость представления о том, что всё – и все – покупается. Китайские и российские мафиозные структуры занимаются поставкой секс-рабынь – при соучастии правительства, получающего налоги с крупных публичных домов и отелей. Иностранцы бизнесмены с вызовом предаются удовольствиям на глобальном рынке проституции, в то время как в других местах они старались бы оставаться в тени. Дубай настолько оторван от своего культурного окружения, что многие арабские мужчины отправляются туда, чтобы забыть, что они живут в мусульманской стране. В борделях местные жители и иностранцы общаются особенно тесно. Триумф капитализма над исламом в Дубае заметен и в том, что там есть компании, которые урезают зарплату рабочим, тратящим время на молитву, а также в том, что вынашивается план насыпать острова достаточно далеко в международных водах, чтобы там можно было играть на деньги.

Дубаю подходит то, что его название по-английски звучит как: «Давай, покупай!». Начиная с лучших немецких автомобилей и заканчивая биометрическими сканерами в аэропорту, шейхи прикупили себе модернизировать так же, как Саудовская Аравия в 1970-е годы. Когда-то золото использовали, чтобы все купить. Теперь же золото покупают с помощью пластика, из которого сделаны банковские карты. Все выглядит так, как будто уверенная в себе арабская цивилизация способна втиснуть глобализацию в свои культурные мерки, воспользовавшись своим же замедленным развитием, чтобы приобретать лучшее, что может предложить остальной мир, и не сталкиваться с необходимостью осуществлять исследования и нововведения. Фундамент башни «Бурж Халифа» был спроектирован американскими архитекторами так, чтобы напоминать цветок из Аравийской пустыни. А бунгало в отеле «Аль-Каср» совмещают современный дизайн с бедуинскими воздуховодами, которые спускают свежий ветерок в просторные помещения. Дубай готов приобретать и мозги: в его «деревне знаний» находятся микрокампу-

сы лучших университетов мира. Нынешний правитель, щедрый шейх Мохаммед направил 10 миллиардов долларов в образовательный фонд, призванный развивать в регионе «экономику знаний». Нынешний модник в Персидском заливе щеголяет в сияющей чистотой белой традиционной долгополой рубаше дишдаша, носит американскую бейсболку на голове, ездит на «Порше» или «Рейнджровере» и кушает суши в хороших азиатских ресторанах с кухней в стиле фьюжн.

Но даже обладая всеми деньгами мира, арабские государства как будто сознательно избегают инвестировать средства в воспроизводство местного потенциала, чем, кстати говоря, подпитывался подъем Восточной Азии к вершинам глобальной экономики. Вместо этого они допускают бурный расцвет дурных привычек в меняющемся, безграничном контексте глобализации. Но если можно купить семизвездочный рейтинг для такого отеля, как «Бурж аль-Араб», то одних денег недостаточно для приобретения культурного потенциала, олицетворяемого университетами мирового класса. Шейхам Персидского залива требуются западные навыки, чтобы создать новые отрасли хозяйства – так же как они были нужны им полвека назад для нефтяной промышленности. Сейчас зарубежные консультанты действуют на заднем плане, проводя исследования и готовя доклады, в то время как лидеры повторяют свои заклинания на таких рассчитанных на публику мероприятиях, как «Аравийские идеи». Чтобы не ставить под удар позиции местного чиновничества, шейх Мохаммед был вынужден учредить параллельные агентства, которые занимаются транспортом и финансовыми услугами, причем холдинг «Дубай» работает всю неделю, а не закрывается в пятницу – священный день для мусульман. Сами арабы из Персидского залива в основном предоставляют капитал, но редко выполняют какую-то работу. В сущности, им часто платят, чтобы они вовсе не ходили на работу, что их отлично устраивает. Мозговой центр в Персидском заливе может иметь бюджет, в 20 раз превосходящий бюджет аналогичного центра в Каире, но производить вчетверо меньше аналитической работы. Из-за произвольного строительства без общегородского плана курьерам в Дубае, чтобы доставить посылку, приходится по-

прежнему использовать в качестве ориентиров мечети, аптеки и деревья.

«Я задумался, есть ли другое племя, столь же корыстное, как арабы, с такой же неудержимой страстью к деньгам», – размышлял Тезигер, передвигаясь по голой Аравийской пустыне с бедуинами, без конца меняющими один товар на другой²⁶. Жуткие транспортные пробки в Дубае – своего рода метафора состояния финансов в подобной разнузданной экономике, которая порой напоминает игру «монопольку», где инвестиции основаны на спекуляциях и в конечном счете зависят от того, как лягут игральные кости. Шейхи, контролирующие крупные подрядные фирмы, регулярно сбрасывают свои акции, когда их цена слишком поднимается, и скупают их опять подешевле, чем наносят урон множеству мелких инвесторов, у которых нет таких прав, как у акционеров. Деловой люд Дубая действует избирательно, всасывая международные стандарты и привлекая помощь транснациональных компаний только в тех случаях, когда они отвечают его собственным интересам. Правилами ВТО против отмывания денег здесь легко пренебрегают, чтобы рынок недвижимости ломился от наличности, поступающей из России, Ирана и от наркоторговцев Афганистана. Не так давно Дубай стал также транзитной зоной для древностей, украденных в Ливане и Ираке.

В Дубае Первый и Третий мир сходятся на географическом перекрестке: здесь знания и технологии Европы соединяются с неограниченными трудовыми ресурсами Азии. Труд практически ничего не стоит, зато имеются миллиарды долларов легальных и отмытых денег, а также невостребованные просторы пустыни. Поэтому Дубай к 2015 году вполне может утроиться в размерах. Эйфелеву башню возводили всего 300 монтажников, а в распоряжении Дубая ныне не менее 300 тысяч азиатских работников. Как и в Шанхае, в Дубае в последнее десятилетие 20% строительных кранов мира работали сверхурочно, возводя офисные башни для корпораций, фешенебельные жилые кварталы и нарядные гостиницы в Новом Дубае – городе-спутнике в 15 километрах на запад, где на берегу Персидского залива сейчас виден городской силуэт, напоминающий Шанхай.

Но богатство всегда относительно. В годы правления «британского раджа» многие арабы из прилежащих к Персидскому заливу территорий ехали в Индию в поисках работы. Они посылали денежные переводы назад в Аравию, где тоже имела хождение рупия. Сейчас миграционный поток сменил направление на противоположное. Для миллионов бедных индийцев, пакистанцев и филиппинцев аэропорт в Дубае – блестящая крепость, через которую можно легально попасть в землю обетованную. Но если этих азиатских работников причислить к населению арабских государств, последние навсегда остались бы в Третьем мире. Ведь их благополучие, напоминающее о Первом мире, – лишь тонкая вуаль, прикрывающая плачевные условия жизни многочисленного трудящегося населения. А акцент, который сделан в арабских правовых и социальных кодексах на противопоставление граждан мигрантам (хотя последние составляют более половины населения стран Персидского залива), порождает специфическую форму апартеида, своего рода тройной стандарт. Во-первых, полмиллиона граждан Дубая живут рядом с другими его обитателями, хотя смешанные браки с иностранными гражданами считаются табу. Во-вторых, сотни тысяч иностранных профессионалов из разных стран, от Ирландии до Индии, являются законопослушными резидентами. Наконец, в-третьих, свыше миллиона гастарбайтеров – это пример постмодернистского рабства в эру глобализации, то есть они как бы «не совсем люди»²⁷. К настоящему времени организованная эксплуатация труда иностранных рабочих тут настолько жестока, что в этом плане уже трудно придумать что-нибудь дополнительно. Законов о труде практически не существует. Министерства, надзирающие за судьбой иностранных рабочих, указывают незнание законов в качестве причины для их несоблюдения. Если проезжать сквозь ряды палаток, где живут рабочие, и лагеря трейлеров вблизи всякого арабского Манхэттена, испытываешь такой же стыд, какой приходит в заброшенных африканских деревнях. Для многих иностранных работников, у которых по прибытии отбирают паспорта и с запозданием выплачивают зарплату, предпринятое путешествие в конечном счете становится напрасным, если учесть ущерб для личного благополучия и страдания от разлуки с семьями, которые получают меньшие сум-

мы в переводах, чем те, на которые они изначально надеялись. Последняя насмешка над их разбитыми ожиданиями – это когда 50 человек таких рабочих спят в роскошном доме, который они строят, но какого у них никогда не будет. Кое для кого дубайский оазис – только мираж.

Положение в Дубае рабочих из Третьего мира – самое убедительное свидетельство того, что город управляется как современная корпорация: он реагирует не на политическое давление, а только на угрозу своим прибылям. Поскольку испытующий взгляд международных СМИ сосредоточился ныне на ужасных условиях жизни работников и их хаотичных вспышках протеста, шейхи в Дубае пообещали отреагировать, чтобы улучшить свой имидж, понимая, что их мечту не должны разрушить те же люди, которые ее реализуют. (Этот сценарий был запечатлен в голливудском фильме «Сириана».) Но даже если шейхи на словах и приструнили подрядчиков, которые проштрафились, слишком дурно обращаясь с работниками, их собственная заинтересованность в тех же подрядных фирмах практически гарантирует, что ничего не изменится. Было обещано, что жалобы работников будут впредь восприниматься с большей ответственностью. Конечно, это улучшило бы ситуацию в сравнении с прежней тактикой, когда их пожелания в письменном виде собирались в почтовый ящик исключительно в психотерапевтических целях. Помимо прочего, все страны Персидского залива являются нарушителями международных запретов, касающихся незаконной переброски людей. После вступления в ВТО ситуация изменилась лишь на бумаге. Впрочем, к их чести следует заметить, что теперь в качестве жокеев на гонках верблюдов они используют роботов, а не маленьких мальчиков. По мере того, как обнаруживается лицемерие системы организации труда в странах Персидского залива, на их сетования по поводу несправедливости внешней политики Запада могут со временем перестать обращать внимание. На каждого мусульманина, унижаемого или притесняемого в западных тюрьмах, приходится как минимум один немусульманин (а также много мусульман), беззастенчиво эксплуатируемых в трудовых лагерях и борделях Дубая. Тем не менее самоуверенность шейхов крепнет. «Теперь и терроризм не помеха туризму», – громко заявил мне менеджер по недви-

жимости на своей роскошной вилле в стиле ранчо на окраине города. Для шейхов самый важный тип выборов в Эмиратах – голосование ногами. Солнечная погода, дружелюбное налоговое законодательство и практически полное отсутствие преступности соблазняют тысячи европейских профессионалов на то, чтобы переехать в Дубай, где благодаря навыкам в банковском и инженерном деле они становятся ведущими партнерами в коммерческом развитии. Каждый день самолеты, под завязку заполненные щеголеватыми пассажирами из Восточной Азии, прилетают в Дубай из Гонконга. Следуя примеру Великобритании и позже Америки в предоставлении «поддержки в обмен на нефть», Китай в дополнение предлагает то, чего другие сверхдержавы дать не могут: орды торговцев в разнос и товары по низким ценам. В отличие от рабочих из Южной Азии, которые зависят от теневых посредников, китайцы выходят на рынок с гораздо более приличным статусом, поскольку пользуются покровительством китайских или арабско-китайских компаний, имеющих собственные каналы импорта. Организованные китайские группы выстроили отдельный большой жилой «Чайнатаун» и работают в быстро множасьихся лавочках при экспортном терминале «Драгон март», протянувшемся на полтора километра. Соответственно, торговцам Персидского залива уже не приходится ездить в Шеньчжень, так как китайцы на месте продают все – от париков до тракторов, правда такого плохого качества, что стоило бы крепить к их товарам бирку с надписью: «Сделано, чтобы тут же испортиться». Примерно так же, как китайские подрядчики часто готовы выполнить работу за полцены в сравнении с западными фирмами, китайские проститутки, ныне приближающиеся по численности к товаркам из бывшего Советского Союза, тоже просят половину ставки конкуренток. Дубай продается – как и геополитические пристрастия арабов.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

**АЗИЯ – ДЛЯ
АЗИАТОВ**

27 СНАЧАЛА СНАРУЖИ – ВОВНУТРЬ, ЗАТЕМ ИЗНУТРИ – ВОВНЕ

Сто лет назад Теодор Рузвельт смело заявил: «Атлантическая эра находится на вершине своего развития и скоро должна исчерпать имеющиеся в ее распоряжении ресурсы, а рассвет тихоокеанской эры, самой великой из всех, еще только занимается». В атлантическую эру лидерами были Европа, а затем Америка. В тихоокеанскую эру им станет Китай – и только он.

Китай только недавно дорос до Второго мира, но ему уже давно удается вести себя как глобальная держава – даже несмотря на нехватку для этого военных и экономических предпосылок. Это единственная страна Третьего мира, получившая постоянное место в Совете Безопасности ООН. В годы разгара «культурной революции» 1960-х годов Пекин разошелся с Москвой и стал соперничать с ней за региональных союзников, а также за главенство в международном коммунистическом движении. Президент Р. Никсон настаивал на включении КНР в сообщество наций, чтобы не позволить ему остаться «эпицентром мировой революции», и добивался послаблений в отношении США у Китая в целях обуздания СССР. Когда Советский Союз развалился, мощь Китая, позволявшая ему стать главной революционной силой, подтвердилась – причем США ничего не могли бы с этим поделать.

«Дело не только в географических картах. У нас это в голове: здесь Китай является центром всякого действия», – пояснил журналист в Сингапуре, отметив растущую численность китайцев в собственном офисе. Китай находится в центре большого региона, самого густонаселенного в мире и обладающего дина-

мично развивающейся экономикой. Он охватывает российский Дальний Восток, Японию, Корейский полуостров, Индию, Юго-Восточную Азию и острова Тихого океана, включая Австралию и Новую Зеландию¹. Ни одна из стран этого треугольника, вершинами которого выступают Индия, Япония и Австралия, будь то из Первого, Второго или Третьего мира, не в состоянии противостоять экономическому, демографическому, политическому и культурному наступлению Пекина. Некоторые американцы полагают, что гарантией стабильности в Азии служит доминирование США. Но проживающая в Азии половина населения планеты все чаще усматривает ее в китайской гегемонии². «Американцы сегодня тут, а завтра нет, а наша судьба зависит от китайских решений и поступков», – заметил тайский дипломат на конференции, проходившей в пятизвездочном отеле в Бангкоке.

Подобно США и ЕС Китай стал империей, которой не нужно громко заявлять о себе. Возврат *Pax Sinica* – азиатский эквивалент экспансии Евросоюза, причем модель китайской дипломатии – это гибрид древних принципов и современных институтов³. За сотни лет до того, как в Европе сформировалась Вестфальская система национальных государств, в Азии господствовала имперская иерархия, в которой Китай был сердцевиной, а окраинные королевства платили ему дань. Торговля и дипломатия оставались синонимами: Китай демонстрировал свою щедрость, фактически вознаграждая своих вассалов более богатыми дарами и воздаяниями, чем те, которые от них получал. Таков был изящный фасад, скрывавший реалии доминирования⁴. Лояльность покупалась, чтобы потом принести доход. Наиболее крупное юридическое изменение по сравнению с податными временами – государственный суверенитет – не более чем инструмент, позволяющий сохранять видимость автономии от китайского господства. Собираение дани не требовало территориальных приобретений. Оно было средством распространения влияния на сферы, лежащие за пределами непосредственного китайского контроля. Хотя сегодня влиятельные столицы, такие как Токио, Сеул и Сингапур, играют ту же роль, что Лондон, Москва и Анкара в отношении Евросоюза, а именно – создают барьеры имперскому накату со стороны Китая, они все же негласно осознают свое растущее подчинение ему. Для Восточной

Азии Организация Объединенных Наций не имеет особого значения, поскольку она не гарантирует ни стабильности, ни благосостояния, являющихся двумя главными заботами азиатов.

Китайская одержимость правилами этикета как способом самовыражения возродила дипломатический театр податных времен. Когда соседи критикуют его политику, Пекин с показной обидой заявляет, что такие заявления «ранят чувства китайского народа». Его риторика, отличающаяся изощренным историческим символизмом и степенностью, создает впечатление разумного подхода и заставляет остальных внимать каждому слову. Но те, кто смотрит на Китай, основываясь лишь на его осторожных речах, напрасно сосредотачиваются на словах, а не на цифрах. Еще в 1968 году политолог А.Ф.К. Органски предсказывал, что Китай придет на смену Соединенным Штатам в роли ведущей державы мира благодаря неисчислимому потенциалу населения. В эру глобализации нужно принять во внимание и дополнительные возможности диаспоры. Пятьдесят пять миллионов зарубежных китайцев, в основном обосновавшихся на азиатской периферии, – это демографический эквивалент изменения климата. Их продвижение тоже невозможно остановить, они так же не признают границ и затрагивают всех вокруг⁵. Систематические контакты среди китайцев, находящихся по разную сторону политических границ, возобновились, что порождает демографическое смешивание, впечатляющее не меньше того, что происходит между двух Америк и вокруг Средиземного моря. Исторические связи между Северо-Востоком Китая и Южной Кореей и Японией, между районом дельты Жемчужной реки и Гонконгом, между дельтой реки Янцзы и Тайванем, как и между Юго-Востоком и районом великой реки Меконг, формируют естественные хозяйственные территории⁶. Существенный гендерный дисбаланс в Китае, вызванный политикой «одна семья – один ребенок» и явным предпочтением в пользу мальчиков, ведет к импорту женщин из Вьетнама и Северной Кореи, что еще больше соединяет людей разной крови в один смешанный народ с китайской основой.

Китаю удастся справиться с противоречиями, которые на Западе выглядят непримиримыми. Это империя, которая временами закрывалась изнутри, распространяясь лишь настолько, на-

сколько это требовалось для самозащиты. Она решает пограничные споры, а не пользуется ими для возбуждения национализма. В стране создана жестко регулируемая капиталистическая экономика. Хотя это авторитарное государство, в нем на низовом уровне широко распространена демократия. Наконец, основополагающая стратегическая доктрина Китая содержит два слова, составляющих самый явный оксюморон из всех, когда-либо встречавшихся: «мирный подъем»*. На всем протяжении истории те державы, которые находились на подъеме, становились все более во-

* Термин «мирный подъем» (heping jueqi) принадлежит Чень Биджаню из элитной Центральной партийной школы. Эта доктрина была позднее переименована в «мирное развитие» ради большего благозвучия и чтобы подчеркнуть ее ориентацию внутрь Китая, не посылая при этом дезориентирующих сигналов о примирении с идеей независимости Тайваня. Соответствующая политика подразумевает понимание того, что сверхпотребление и загрязнение окружающей среды опасны и иррациональны, что экспансия и агрессия в конечном счете саморазрушительны, а экономическое и социальное развитие должны быть сбалансированы.

инственными. Однако Китай, обретая уверенность в себе, все больше склонен к сотрудничеству⁷. «Они знают, за какие разграничительные линии не следует заходить», – уверенно заявил малазийский военный аналитик за ужином в престижном китайском ресторане в Куала-Лумпуре. «Постепенно азиатские государства все меньше воспринимают Китай как угрозу, тем более что его расцвет дает каждому из них новые экономические

возможности и все больше превращается в фактор сплочения на основе гордости за азиатскую культуру».

Америка правит морями с тех самых пор, как забрала у Испании Филиппины около ста лет назад. Американское Тихоокеанское командование распоряжается частью ее вооруженных сил, намного превосходящей все остальные. Эта часть больше флотов всех других стран, вместе взятых, и способна отправить их все на дно одновременно⁸. США держатся за Тихоокеанскую дугу, так как их общую стратегию определяет теория «Римленда» Николаса Спайкмена. Согласно Спайкмену, в противоположность тезису Макиндера о том, что центральноазиатский «Хартленд» является опорой глобальной силы, именно евразийский прибрежный регион, простирающийся от Персидского залива вокруг Индийского субконтинента до тихоокеанской периферии – это самая важная зона роста промышленности и населения. Он следующим образом пере-

фразировал знаменитую сентенцию Макиндера о «Хартленде»: «Тот, кто контролирует Тихоокеанскую дугу, владеет Евразией, а владеющий Евразией распоряжается судьбами мира»⁹. В годы «холодной войны» американская система, строившаяся по принципу «снаружи вовнутрь», мешала региональному сотрудничеству. Она состояла из «веера» двусторонних альянсов: с Австралией и Новой Зеландией, с Японией, с Южной Кореей, с Сингапуром и с Филиппинами. Америка и сейчас сохраняет крепкие двусторонние экономические связи с восточноазиатскими государствами, на которые приходится 40% ее внешнеторгового оборота. В частности, она заключила соглашения о свободе торговли с большинством соседей КНР, дабы сохранить их лояльность.

Однако Америка шаг за шагом теряет власть над «Римлендом». Американское морское присутствие у своих берегов не внушает трепета азиатским странам. Напротив, многие видят в нем историческую проблему, устаревшую, избыточную и опасную¹⁰. «Мы все ждем разъяснений, что имеют в виду США, когда говорят, что их стратегические интересы требуют с угрожающим видом размещать в наших морях целый флот авианосцев и эскадренных миноносцев», – саркастически заметил китайский военный аналитик в Пекине. «В своем регионе мы уж как-нибудь сами разберемся со своими делами, но мы обеспокоены, как бы Америка не стала перегибать палку». Еще в большей мере, нежели в Персидском заливе, слабости Америки ясно обнаруживаются в Восточной Азии – как раз потому, что там наглядно видна ее максимальная мощь.

Упавший уровень доверия к Вашингтону низвел его с положения основного гаранта азиатской стабильности до менее важной роли защитника Японии и Тайваня, а также ответственного за улаживание кризисов, начиная со стычек на море между Малайзией и Индонезией и заканчивая северокорейской ядерной проблемой¹¹. К 2001 году в Пекине перестали говорить о Соединенных Штатах как о «гегемоне» Восточной Азии, причем не из вежливости, а просто потому, что они больше не могут выполнять такую функцию.

Китай не только посягает на «Хартленд» по Макиндеру. Его странная тихоокеанская береговая линия делает его также крупнейшим государством «Римленда» по Спайкмену. Точно так же как «шелковый путь» – это сухопутная дорога из Китая на Запад, Южно-

Китайское море и Малаккский пролив – это морские пути коммуникации в регионе, обеспечивающие доступ по морю к энергетическим ресурсам и рынкам Персидского залива и Европы. Таким образом, стратегическая картина в Восточной Азии постепенно трансформируется, поскольку Пекин не оставляет усилий по вовлечению в свою орбиту прибрежных стран Южной Азии, заключая с ними торговые соглашения и развивая морское сотрудничество. Если раньше дипломатический маятник раскачивался между Соединенными Штатами и КНР, то теперь многие государства исходят из того, что Китай в обозримом будущем затмит Америку. Возникла азиатская политическая культура по принципу «изнутри вовне», направляемая консультативной дипломатией, известной как мусиавара. Она обозначает общие интересы, которые способны привести к решениям, помогающим сохранить лицо, вытalkingивая на обочину противоречивые или посторонние (читай: навязанные Америкой) сюжеты¹².

«Ныне у нас появилась китайская “доктрина Монро”, – заявил мне малазийский аналитик. – Мы должны это усвоить и принять такой китайский порядок. Тогда мы сможем мирно разрешить проблемы Тайваня, Северной Кореи и Южно-Китайского моря». Но способна ли благая вертикаль соподчинения с Китаем во главе предотвратить эскалацию соперничества за пределы психологии и экономики? Как отмечает сингапурский дипломат Кишор Махбубани, «пушки замолкли» в этом регионе благодаря «приливной волне трезвомыслия», которая позволяет азиатам отринуть западную историческую традицию милитаризма ради совместного процветания.

В то же время сегодня азиаты поддерживают мягкий возврат в Восточную Азию Европы, с чьим колониальным присутствием было покончено после поражения Франции в Индокитае и мирной передачи Гонконга от Великобритании к КНР. «Для Китая Европа является стратегическим партнером, и ее роль в формировании нового регионального порядка является для нас мощным подспорьем, – пояснил китайский ученый. – Мы были как свидетелями, так и жертвами истории Запада, и лишь стабильный порядок, создаваемый Европейским Союзом, служит для нас хорошим руководством к действию». Азиаты, прежде искавшие безопасности у

Америки, ныне обращаются к Европе, чтобы обрести новые возможности. Ведь что бы ЕС ни делал, он становится от этого еще современнее, богаче, образованнее и профессиональнее и тем питает в азиатах уверенность в своих силах и ослабляет американское доминирование.* Региональные организации, торговые палаты, «мозговые тресты» под эгидой выдающихся деятелей и программы студенческих обменов – все они в интеллектуальном смысле ориентированы на Евросоюз¹³. Европа – более масштабный рынок для азиатского экспорта, чем Америка. Азиаты наращивают долю евро в своих валютных резервах, чтобы отгородиться от несбалансированной американской экономики. Китайских ученых, студентов, журналистов, музыкантов и туристов можно встретить повсюду в Европе. Толпы бизнесменов останавливаются в недорогих отелях Германии и Восточной Европы, нащупывая возможности экспортировать туда еще больше своих товаров.

В то же время Китай и Азия в целом всего лишь впитывают западные знания, чтобы ускорить выстраивание порядка на Востоке. В США скептики утверждают, будто «азиатский оркестр» невозможен из-за едва сдерживаемого соперничества. Однако уверенность Азии в себе достигла уже той точки, когда Америка может говорить, только если ее об этом попросят. Так, когда в 2005 году в Куала-Лумпуре был впервые созван Восточноазиатский саммит, Соединенные Штаты туда просто не пригласили¹⁴. Поскольку это сообщество трансформируется из чисто «географического» клуба в ведущий форум по определению приоритетов Азии, многие региональные игроки видят в нем возможность раз и навсегда уйти из-под западного влияния. Как дерзко сформулировал эту мысль высокопоставленный Малазийский дипломат, причем без всякой издевки: «Создание сообщества легко дается в кругу желтых или коричневых, но не белых».

* Всегда готовый заигрывать со всеми Сингапур принимает у себя форум «Азия-Европа» (АСЕМ), который нацелен на поддержку торгового присутствия в регионе Европы и может превзойти по своей важности форум Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), в котором главную роль играют США. По поводу АТЭС всегда шутили, что это «четыре прилагательных при одном существительном». Закат АТЭС вероятен и потому, что Китай отдает предпочтение двусторонним торговым соглашениям с Канадой и Южной Америкой.

Так каким же образом Восточная Азия стала ареной глобальных перемен, регионом мирового значения наравне с Северной Америкой и Европой? Долгое время европейцы восхищались восточными цивилизациями, пока индустриальная революция не обеспечила огромный материальный разрыв между ними и Европой. В тот период К. Маркс и М. Вебер утверждали, что Восточная Азия обречена на застой: Китай был слишком велик и подчинен феодальным порядкам, а прочие азиатские страны находились под гнетом «деспотии привычки»¹⁵. Но А. Шпенглер видел ситуацию иначе. Он размышлял о том, как соотносятся с конфуцианством западные философские концепции, такие как дионисийское начало и идея сверхчеловека, понимая, что человечество и живет, и мыслит в рамках уникальных культурных систем. С точки зрения Шпенглера, Запад уже начал переживать свою осень, увядая по мере увеличения разрыва между его идеалами и действительностью. Напротив, должным образом оснащенное многочисленное население могло быть уверено в своих силах. По словам французского социолога Огюста Конта, демография – это судьба. В Азии – самые древние культуры, больше всего людей и, по некоторым меркам, больше денег, чем в любом другом из больших регионов мира¹⁶. Азия определяет судьбу мира – по ходу дела обнаруживая изъяны общего нарратива западной цивилизации. Из-за Востока Запад больше не является хозяином собственной судьбы.

О «холодной войне» часто говорят как о конфликте между Востоком и Западом. Однако «глубоко въевшийся покровительственный тон» Запада помешал ему оценить подъем настоящего Востока, который теперь бросает ему реальный вызов¹⁷. Азиаты восприняли американскую гегемонию в период, начавшийся после «холодной войны», как попытку удержать в руках Запада основные технологические и финансовые инструменты. Они ответили на это, постаравшись быстрее всех в мире овладеть этими воплощениями силы¹⁸. Сегодня на их стороне глобализация, которую уже нельзя остановить. Она способствует распространению знаний быстрее, чем любая отдельно взятая империя, что заставляет вспомнить пророческий тезис Шпенглера из работы «Человек и техника» о том, что технология быстро отделяется от культуры, ее породившей. Модернизация и вестернизация стартуют из

одной точки, но имеют совершенно разные пункты назначения. Если «Запад был Западом задолго до того, как осовременился», то и Восток остается Востоком даже после того, как осуществил модернизацию¹⁹.

«Стремительный рост Азии делает старомодным стремление избегать риска, – лучился улыбкой инвестор в Гонконге, радуясь тому, что перебрался туда из Нью-Йорка. – Сейчас Восточная Азия воплощает собой неукротимость амбиций, прежде характерную для Запада, и привлекает западные капиталовложения по мере того, как рынки Запада насыщаются». Восточная Азия восприняла на Западе и освоила только самые лучшие технологии и стандарты. В Бангкоке, Шанхае и Куала-Лумпуре над землей легко струятся монорельсы, тогда как в Нью-Йорке и Лондоне поезда громяхают в подземных глубинах. Хотя автомобиль был изобретен на Западе, 40% приобретаемых сегодня американцами машин имеют восточноазиатское происхождение. Восточная Азия также может похвастаться большим, чем в Америке, распространением сотовой связи третьего поколения и устанавливает собственные стандарты телефонии, с которыми приходится соревноваться. Кроме того, Восточная Азия имеет преимущество сравнительно неплохого владения двумя глобальными языками: английским и китайским. Успех в американском кино все чаще связан с импортом приемов японской анимации, а также кинематографического стиля из Гонконга, что показывает: даже направление потока культурного влияния может меняться.

История переписывается с восточной точки зрения, а «конец истории» выглядит в Восточной Азии совсем иначе, нежели на Западе*. Увязывание в Японии XIX века западных средств с восточными целями стало моделью подъема в XX столетии азиатских «тигов» – Тайваня, Кореи и Сингапура. Восточноазиатские культурные традиции соединили вдохновение с упорной работой, обеспечив вы-

* Странники либерализма настаивают на его универсальности, хотя опыт его применения в разных странах и в разные исторические периоды показывает, что лучше всего он работает там, где уже сложился. Как утверждал Амартия Сен, никакая политическая система не поддерживает анархию и беспорядок. То есть вопрос состоит в том, при какой системе свобода процветает в максимальной степени. Наиболее экономически развитые страны Восточной Азии – это те, где одновременно обеспечены индивидуальные права и демократия (Южная Корея, Тайвань и Япония). Таким образом, их успех вряд ли можно отнести на счет авторитаризма. Однако в той политике, которая привела к такому результату, было ма-

ло либерального. Напротив, бюрократические элиты заправляли на всех политических и хозяйственных аренах, как во многом происходит и сегодня. Тесная кооперация бизнеса с правительством, сотрудничество банков и производителей явились ключом к преодолению разрыва между этими странами и Западом. Взятничество и семейные конгломераты придуманы не в Азии; они были частью всемирной истории капиталистического развития. Демократия лучше всего работает при достаточно многочисленном среднем классе, а демократизация экономики, являющаяся предпосылкой широкого и надежного либерального порядка, началась уже позже.

ство государства в экономику чернили как эквивалент марксизма, то теперь в Восточной Азии на него смотрят как на важное дополнение «невидимой руки» рынка. Со времен финансового кризиса 1997–1998 годов явной целью азиатов стало дистанцирование от МВФ, обременительные условия кредитов которого делали его орудием американского казначейства²¹. После кризиса азиатские страны воспряли, использовав фискальную дисциплину и стандарты глобального рынка – но не принесли в жертву центральную роль

* За период с 1997 по 2005 год торговля между странами АСЕАН и КНР выросла в пять раз, достигнув 105 миллиардов долларов. Покупка Китаем собственной валюты на 15–20 миллиардов долларов в месяц искусственно сдерживает рост курса юаня, одновременно давая другим странам региона возможность выйти из глобального процесса корректировки валютных курсов. Этим достигается сохранение их конкурентоспособности по отношению к КНР. Имея торговый дефицит в отношениях с соседями из АСЕАН, Китай завоевывает их в качестве необъятного рынка для своего экспорта. Хотя китайский промышленный гигант поглощает 80% прямых иностранных инвестиций в регионе, с точки зрения долгосрочного развития промышленного потенциала положение Юго-Восточной Азии смотрится выигрышным, поскольку КНР, Япония и Корея быстро стареют

сокую норму накопления и хорошее образование²⁰. Способность защищать национальные отрасли в условиях экспортоориентированного роста породила несметное богатство. Возникла альтернативная разновидность капитализма, привлекательная для следующей волны азиатских «динамо-машин», включая КНР, Малайзию и Вьетнам. «Кейнс – наш человек!», – воскликнул образованный сингапурский таксист. Если прежде вмешатель-

ство государства в экономику чернили как эквивалент марксизма, то теперь в Восточной Азии на него смотрят как на важное дополнение «невидимой руки» рынка. Со времен финансового кризиса 1997–1998 годов явной целью азиатов стало дистанцирование от МВФ, обременительные условия кредитов которого делали его орудием американского казначейства²¹. После кризиса азиатские страны воспряли, использовав фискальную дисциплину и стандарты глобального рынка – но не принесли в жертву центральную роль собственных правительств. Если на Западе в государстве видят душиателя инноваций, то правительства стран Восточной Азии сегодня массированно вкладывают свои крупные бюджетные средства в нововведения. Поскольку торговля между азиатскими странами ныне превосходит торговлю через Тихий океан, у них есть возможность устанавливать собственные правила*.

У азиатов больше нет причин покидать родные пенаты. Туристы сегодня легко летают по разным направлениям, пользуясь услугами дешевых авиаперевозчиков, чтобы

поближе познакомиться с десятком разнообразных и привлекательных культур. «Корни восточноазиатских стран уходят в доколониальную историю, и они гораздо стабильнее, чем африканские или арабские государства, возникшие по завершении колониальной эпохи. Мы не видим причин, чтобы процветание одной страны вызывало зависть в других», – утверждал историк малайско-китайского происхождения в ходе небольшого семинара, организованного учеными стран Юго-Восточной Азии в Университете Малайи. Китай и Японию часто воспринимают как вечных антагонистов. На деле они совместно ведут за собой Восточную Азию²². На их долю, а также Сингапура и Южной Кореи приходится свыше двух третей валютных резервов мира, оцениваемых в сумму свыше 3 триллионов долларов (и хранимых в основном в американских долларах). Это позволяет этим странам вести политику в духе меркантилизма, которая в свое время обеспечила подъем Запада. Столетие тому назад президент Уоррен Хардинг призывал американцев к «мирному коммерческому завоеванию мира», чтобы предотвратить социальные столкновения внутри страны. В настоящее время его совету следуют государства Восточной Азии, приобретая компании, имущество и природные ресурсы на разных континентах. «Если мир и сжимается, то по справедливости наша доля все равно больше, чем Запада», – заметил шанхайский журналист на шумном этаже административного здания газеты, где готовят к публикации новости.

Начав с бывших британских колониальных владений – Гонконга и Сингапура, западный колониализм обеспечил Восточной Азии хороший «рывок на старте» в виде городов глобального значения. С 1950-х годов Токио, Тайбэй, Сеул и Шанхай тоже стали такими городами, ежегодно втягивающими в соответствующие страны и регион в целом миллиарды долларов инвестиций. Каждый из них обладает такой мощью, что их точнее было бы считать «регион-государствами», то есть городами, функционирующими как бизнес-корпорации. Они связаны с глобальной экономикой не в меньшей степени, чем их страны. В то же время, независимо от политических и культурных различий, они все теснее вплетаются в разрастающуюся азиатскую сеть хозяйственных узлов²³. Кроме того, в регионе расположены более половины мегаполисов мира, в

которых проживает большая часть 500 миллионов жителей стран Юго-Восточной Азии. Агломерации Третьего мира в Африке и Индии имеют шумные деловые центры, которые, насколько видит глаз, окружены кольцами и очагами жилых и самовольно занятых земельных участков. На фоне быстрого сокращения деревенского населения урбанизация сулит не модернизацию и развитие, а скудость и испорченность. Юго-Восточная Азия сейчас уходит от подобного сценария по мере того как доход на душу населения поднимается выше 3 тысяч долларов в год, а доля живущих за чертой бедности опускается ниже 25%. В Малайзии и Таиланде еще встречаются барачные поселки вдоль уличных канав и живут миллионы работников без гражданства, но там нечасто увидишь кишачие болезнями трущобы. Все большее число людей просыпаются каждое утро с желанием осуществить свою «азиатскую мечту».

«Нынешняя азиатская мечта – это бывшая американская мечта», – заявил министр иностранных дел Сингапура Джордж Ео. В Восточной Азии отсутствует и тень сомнения в собственных силах. Здесь культура сыграла важную роль, породив спираль удачи, в которой экономический рост и национальная гордость взаимно поддерживают друг друга. На долю Восточной Азии приходится значительная часть прироста глобального потребительского спроса, но люди не похожи на биржевых игроков; их ценности не меняются день ото дня. Государства, у которых есть деньги, получают соответствующий статус и уважение, как это случается и с зажиточными людьми. Иными словами, все более состоятельный Восток ныне способен громче бросить вызов универсальности западных ценностей и идеалам западных народов в ответ на «одиозную демонстрацию превосходства Запада»²⁴. Сейчас во мнении многих людей демократия, капитализм и индивидуализм по-американски сильно дискредитированы, а азиатским ценностям коллективного лидерства, консенсуса и общественной гармонии это вряд ли грозит. Тем самым множится число альтернативных моделей для остальной части Второго мира. Китай настолько уверен в непривлекательности Америки, что президентские выборы в США там показывают по телевидению в прямой трансляции – вероятно, ради развлечения. «Американский идол» – модная программа для китайской молодежи – поощряет знание английских идиом миниа-

тюрными фонариками в виде Статуи Свободы – причем безо всякой иронии. Пекин уже не спешит освобождать политических заключенных в угоду Соединенным Штатам. «Мы видим, что материализм привел к чрезмерному потреблению и эрозии американской демократии, – сказал мне китайский студент – лидер молодежной организации Коммунистической партии. – Политический менеджмент и власть закона – вот что нам нужно». В Восточной Азии западные усилия по демократизации натолкнулись на еще более высокую стену, чем в арабском мире. Западные ученые предсказывают, что экономическая открытость приведет к демократизации. Но не только азиатские правительства договариваются с местными элитами, чтобы отразить всякий вызов собственному контролю над общественными благами и законом. Демократия востребована тем менее, что на деле во многих азиатских странах у руля находятся разумные лидеры (*junzi*), не желающие уподобиться принцу из конфуцианской притчи, которому никто не возражал, хотя он был неправ, что привело к краху всю страну*.

Азиатский социальный договор совмещает открытость общества с закрытостью политики, возвращая тем самым демократию на ее исконное место как средство достижения определенной цели. Это не высочайшая ценность, а лишь один из пунктов повестки дня среди многих других. Ирония ситуации заключается в том, что самый сильный соперник Запада – это элитная меритократия с конфуцианской основой. Подобная мысль проходит красной нитью в «Республике» Платона, который призывал к правлению мудрых королей-философов²⁶. Сейчас наиболее предпочтительной для Восточной Азии моделью считается все более свободная «квазидемократия» в Сингапуре и Малайзии. Там имеют место оппозиционные партии и выборы, правда не на высший пост. Смена лидеров осуществляется за счет их селекции, а не выборов²⁷. Подобный коллективный эгоцентризм не дает групповым интересам этническо-

* Для истории Китая, Японии и Кореи характерно не структурирование власти с целью ограничения мощи государства, а выдвижение руководителей, наделенных величайшей властью в вопросах политической, социальной и культурной жизни, которые одновременно располагали моральным авторитетом, позволявшим искоренять коррупцию и «лечить» общество с применением, в том числе, не предусмотренных законом мер (см. Bell, Daniel. *East Meets West: Human Rights and Democracy in East Asia*, Princeton (NJ): Princeton Univ. Press, 2000, pp. 127, 153).

го большинства захватить государство, что привело бы к развалу полиэтнических государств, подобных Малайзии. Однопартийное руководство обеспечило куда большую ответственность и отчетность правительств Малайзии и Сингапура перед народом, чем на Филиппинах, где каждая неделя приносит новые слухи о перевороте против демократически избранного, но нелиберального правительства. Начиная с Таиланда и заканчивая Тайванем, демократия породила системы по принципу «все достается победителю» с постоянными незаконными манипуляциями, привлечением к суду и государственными переворотами. Таиландская демократия похожа на национальный бокс, в которой позволено пускать в ход кулаки, ноги, колени и локти. Политическая нестабильность и коррупция в демократической Индонезии тоже вряд ли делают ее политическую систему привлекательной для других стран. «Для нас западная демократия – напрасная трата времени», – недовольно процедил Малазийский дипломат.

Помимо прочего, коммунитарные традиции Восточной Азии противоречат американским представлениям о гуманитарных правах. Ведь они предполагают приоритет социальных и экономических прав над гражданскими и политическими, оправдывая отказ от конституционной защиты индивидуальной свободы и свободы слова²⁸. Один из первых конфуцианских мудрецов Мэнь Цзы утверждал, что нарушить право на пищу и материальное благополучие – большее преступление, чем отказать в политических правах. Заветными добродетелями являются не пышность и эгоизм, а покорность и сострадание (*ren*). В конфуцианских культурах на первое место ставится фамилия, а имя, данное при рождении, – на второе. Сыновнее почтение во многих странах Восточной Азии является принципом, который высоко ценится и проводится в жизнь по закону, причем многие считают, что идеальное общество строится как семья, а не основано на отдельных личностях²⁹. Кроме того, дети в куда большей степени находятся в центре внимания семьи. «Из-за китайской политики одного ребенка в семье ребенок – это надежда на будущее», – пояснил пекинский интеллектуал, подчеркнув особые усилия, которые он вкладывает в организацию всесторонних общественных, музыкальных и спортивных занятий для своего единственного сына. Жители Восточной

Азии, подобно европейцам, больше внимания уделяют средствам существования и экономическому равенству. Это те права, которые глубже вошли в европейскую правовую традицию, нежели в американскую. Основной закон ФРГ, в котором есть положения относительно здравоохранения и образования, стал эталоном для Южной Кореи. К пожизненному найму в Восточной Азии сохранилось серьезное отношение. Для рабочих-мигрантов в этом регионе иметь работу гораздо важнее, чем гражданство. Спонсируемые государством фонды по искоренению нищеты демонстрируют приверженность принципам перераспределения богатства³⁰. Азиаты стремятся с помощью глобализации создать средний класс, а не сократить его, как происходит в Соединенных Штатах. Они сели в самолет глобализации, но при этом пристегнули ремни безопасности. А на борту самолета они часто практикуют гимнастику тайцзи, когда синхронное движение сотен рук во всем салоне наполняет всех радостью совместного полета.

Азиатские ценности тоже не лишены темных сторон. «В некоторых странах успех отдельных индивидов использовался для маскировки недостаточных улучшений в качестве жизни гораздо большего количества людей», – признал малайско-китайский ученый. Конфуцианство не послужило надежным оплотом против маоизма и марксизма, из-за которых только за последние 50 лет погибло почти 100 миллионов человек. Организованные преступные группировки, действующие в Китае, Японии и на Тайване, не отличаются скромностью. На фоне их беспощадных и эффективных операций по переброске наркотиков и оружия, а также отмывания денег, американские бандиты смотрят дилетантами. Кроме того, патерналистскими предпочтениями в азиатской связке государства с бизнесом повсеместно злоупотребляют, весьма расширительно толкуя конфуцианский долг помощи родственникам и друзьям личными средствами (но не корпоративными или государственными). Но даже эти недостатки порождают дополнительную уверенность в том методе проб и ошибок, который присущ Азии. «Теперь, когда у нас наблюдаются экономический рост и социальная стабильность, больше нет оправдания тому, чтобы не иметь ответственных руководителей, полиции и корпоративного менеджмента», – продолжил мысль тот же ученый.

28 КИТАЙ: СОБЛАЗНЕНИЕ ПЕРВОГО МИРА

Китай намного превзошел Советский Союз – своего предшественника по Второму миру – в способности использовать глобализацию для поиска союзников среди стран не только Третьего, но и Первого мира, прежде всего в собственном регионе¹. Стратегии Японии, Южной Кореи, Австралии и Сингапура медленно, но ощутимо меняются по мере того, как растет их взаимозависимость с КНР. Первый мир более не является клубом под председательством США. Возвышению Китая в наибольшей степени способствуют те союзники Америки, с помощью которых она надеется воспрепятствовать этому.

Поскольку в конце Второй мировой войны Япония сдалась Соединенным Штатам, ее начали считать бастионом «свободного мира» в Азии². Между тем, будучи наиболее продвинутой в технологическом и организационном отношениях страной мира, Япония стала главным архитектором азиатского порядка. Чтобы сэкономить на производственных затратах в автомобильной и прочих отраслях, она щедро инвестировала средства по всему региону, прежде всего в Китае. Проживающие в Японии 400 тысяч китайцев способствовали пробуждению первоначального интереса к КНР, а тысячи китайских студентов, ежегодно стекающихся в Японию, помогают его поддерживать. Новый аэропорт в Пекине был построен с помощью японцев, причем их инвестиции в Китай отличались особой интенсивностью в периоды политической напряженности между двумя странами. Стремительно вырос и японский импорт из Китая. Сейчас в Шанхае живут более 100 тысяч

японцев, большинство из которых обслуживают японские инвестиции, превысившие 30 миллиардов долларов, а также трудятся в службах клиентской поддержки японских фирм³.

Япония по-прежнему является одним из моторов глобальной экономики и крупнейшим в мире источником гуманитарной помощи. Альянс с Соединенными Штатами, высокотехнологичный флот и программа противоракетной обороны позволяют ей обходиться очень небольшим военным бюджетом, тем не менее обеспечивающим достаточный уровень безопасности для этой самой скромной из мировых держав (хотя при этом националистически настроенная часть японского истеблишмента в равной мере выражает озабоченность неравноправием Японии в отношениях как с США, так и с КНР.) Из-за уникальности своей культуры Япония не сможет добиться в Азии повсеместной лояльности к себе даже обретя ядерное оружие, а потому будет вынуждена довольствоваться ролью второй скрипки после Китая, который заблокировал ее заявку на постоянное место в Совете Безопасности ООН. В то же время в двусторонних отношениях налицо динамичное развитие «нового мышления». Лидеры обоих государств согласны с тем, что нормализация отношений Японии с остальными азиатскими странами – задача, подобная реабилитации Германии в Европе. Ее решение послужит предпосылкой для запуска двух движущих сил – хозяйственной и политической – того регионализма, которому демонстрируют приверженность оба государства⁴. Готовые сотрудничать, КНР, Япония и Южная Корея перешли к совместной разработке нефтегазовых месторождений в Восточно-Китайском море. Заключаются соглашения о разделе продукции, накапливаются общие стратегические резервы нефти, разработана программа совместного использования рыбных и газовых запасов в районе островов Докдо (Такешима), по поводу которых продолжается территориальный спор⁵.

Вслед за Японией наибольший успех в Азии продемонстрировала Южная Корея. Из классического получателя иностранной помощи она превратилась в государство Первого мира⁶. Однако ее лояльность по отношению к Соединенным Штатам подвергается еще большим испытаниям, чем в японском случае. Рост уверенности Южной Кореи в своих силах привел к конфронтации с США в

вопросе о полезности более чем полувекового американского военного присутствия на полуострове. Американские базы, некогда бывшие бастионами экстерриториальности, ныне сохраняются лишь из-за терпимого отношения к ним принимающих стран, которые уже выказывают все больше подозрений по поводу побудительных мотивов американской стороны⁷. Многие молодые корейцы заболели «красной лихорадкой» и отдают предпочтение тесным связям с КНР⁸. Китай уже вытеснил США с позиции главного торгового партнера Южной Кореи, и от связей с ним зависит практически весь ее экономический рост⁹. Когда в 2004 году в Китае наметилось замедление экономики, фондовому рынку Кореи был нанесен жестокий удар. Китайцы почти приблизились к корейским стандартам в области электроники, но при гораздо меньших затратах на оплату труда работников – что означает: нынешняя роль Кореи, состоящая в добавлении стоимости к собранным китайцами товарам, может сойти на нет, поскольку Китай неуклонно поднимается вверх в производственной цепочке.

В то же время Китай и Южная Корея сотрудничают в капиталистическом освоении разделяющей их территории – вооруженной ядерным оружием, но абсолютно нищей Северной Кореи. Китай скупает там шахты и железные дороги, а Южная Корея, проводя в жизнь разные варианты своей «политики солнечного тепла», открывает совместные производства и экспортные зоны; недавно Южная и Северная Кореи выставили общую команду на Олимпийские игры. В конечном счете контакты Китая и Южной Кореи с северокорейскими диссидентами и чиновниками, как и напор со стороны подавленного нищетой населения этой страны, заставляют предположить: если и когда «королевство-затворник» падет, КНР и Южная Корея займутся его финляндизацией¹⁰.

Китай также почти нейтрализовал американский альянс с Австралией в рамках «английского мира». В годы Второй мировой войны Соединенные Штаты и Австралия объединились в усилиях по защите от потенциального японского вторжения. Но китайская экспансия не похожа на ту, которую осуществляла Япония; она незаметна и имеет чисто экономический характер; не провоцирует военного противодействия, а, наоборот, порождает всемерную доброжелательность¹¹. Австралийцы понимают, что их историче-

ский союзник стал соперником их наиболее быстро растущего торгового партнера. Это порождает шизофрению во внешней политике – как разрыв между географией и традицией¹². Для Австралии Китай служит крупнейшим потребителем урана, железной руды, марганца и сжиженного природного газа (газ поставляется по морю с Северо-Западного шельфа на перерабатывающий завод в провинции Гуандун)¹³. Газовая сделка с китайцами была крупнейшей в истории Австралии и приглушила там критику по поводу нарушения прав человека в КНР. Чтобы сохранить репутацию надежного и вызывающего доверие лидера операций по поддержанию мира в Азии, Австралия заключила Договор о дружбе и сотрудничестве с АСЕАН. По сути это пакт о ненападении, подрывающий обязательства Австралии по отношению к Соединенным Штатам. Как и Корея, Австралия сейчас утверждает, что способна посредничать между Соединенными Штатами и Китаем, не отдавая предпочтения ни одной из сторон. На какое-то время для австралийских бизнесменов и дипломатов Пекин стал местом, где можно добиться успеха. Одновременно 75% туристических групп прибывают в Австралию из КНР. Сейчас США нужно вернуться к их единственному надежному союзнику: географии. От острова Палау через Гуам до Гавайев американский флот выстраивает сеть по организации работы тыла и безопасных каналов доступа исключительно морского базирования, чтобы иметь возможность проводить боевые операции в регионе, где больше никто не хочет этим заниматься¹⁴.

Сингапур: азиатский порыв к Первому миру

Сингапур был основан Британской Ост-Индской компанией в тихой безлюдной заводии. Это населенное по преимуществу китайцами государство первым преодолело «экваториальный синдром», считавшийся нормой для Третьего мира. В 1965 году Федерация Малайзия исключила Сингапур из своего состава, оставив Ли Куань Ю и его ватагу мигрантов без армии. Так появился «китайский остров в малайском море»¹⁵. Ли насаждал самодостаточность,

организуя соревнования по посадке деревьев, возводя Сингапур как образцовый глобальный город, используя иностранный капитал для финансирования инфраструктуры мирового уровня – а также государственной службы, обеспечивающей их управление. На прекрасно вымощенных широких улицах Сингапура с тенистыми деревьями невозможно медлить. Его жители часто шутят, что по сравнению с ним «Америка – это Третий мир».

«Сингапур – это практически синоним глобализации», – отметил представитель транснационального бизнеса, говоря о том, что в последнее время ему все чаще приходится менять работу. Десятилетиями Сингапур постоянно переходил с одного места в глобальной цепи поставок на другое. В частности, не имея собственной нефти, он стал центром ее переработки и строительства буровых платформ. Созданный здесь «Биополис» – новый центр исследований в области наук о жизни (в том числе стволовых клеток) – привлекает западных ученых благодаря благоприятным условиям работы. Портовый менеджмент мирового класса, контролируемые властями проституция и казино, упрощенная процедура предоставления гражданства профессионалам (все то, чему завидуют в Дубае) в «Сингапур Инкорпорейтед» уже стало реальностью. Здесь из-за весьма стесненного пространства территория районируется на годы вперед в предвосхищении будущего спроса на жилье и размещение производства. Зоны развития отраслей высоких технологий именуется «плантациями». Основой силы Сингапура стали его валютные резервы, поскольку у него нет иных ресурсов. Через государственную компанию «Темасек» он владеет долями в крупных конгломератах по всей Азии. Он осуществлял инвестиции в КНР задолго до того, как это стали делать другие, чем заслужил долговременный авторитет и влияние. «Так как в наши дни Азия поставляет технически хорошо подготовленных работников, – продолжил тот же бизнесмен, – позитивная дискриминация по-сингапурски означает наем на работу большего числа представителей белой расы».

Сингапур – самое успешное воплощение «азиатского пути», а также модель, готовая для экспорта. Главным словом при объяснении сингапурского успеха Ли называл «доверие», тогда как сам он стремился действовать «безошибочно, но не обязательно полит-

корректно»¹⁶. В его системе ценностей подразумевается, что «ничто не дается даром». И богатых, и бедных примерно равным образом побуждают – через тарифы, штрафы, сборы и взыскания – к завышенному потреблению или даже владению несколькими автомобилями. С точки зрения Ли демократия не имеет собственной ценности; результат всегда важнее процесса¹⁷. Меритократия в системе власти основывается на модели корпоративного управления, когда-то позаимствованной у компании Royal Dutch Shell. Парламентариям в Сингапуре платят больше, чем где-либо еще в мире, благодаря чему они практически не подвержены коррупции. Они разъезжают по столицам стран региона, превознося подотчетность власти, ее эффективность и прагматизм – но не демократию. В Сингапуре избирательные советы не подразумевают народовластия, но при этом косвенно связаны со структурой правящей партии, что является предпочтительной моделью для большей части Азии. Помимо всего прочего Ли жестко ограничил силовое подавление беспорядков, в чем многим другим странам в регионе следовало бы ему подражать, сделав серьезный шаг в деле приведения в порядок собственной политики. Проявив достаточно скромной осмотрительности, чтобы не оставаться у власти до самой смерти, Ли ушел в отставку и стал «Господином наставником» – не в последнюю очередь для собственного сына, нынешнего премьер-министра. Но когда Ли совсем уйдет со сцены, легитимность власти будет опираться не на признание определенного имени, а на ее способность проявлять заботу о людях, подчиняться закону, обеспечивать экономический рост и успехи в образовании, а также поддерживать инфраструктуру, культивировать национальную культуру и отстаивать высокие стандарты нравственности¹⁸. Успехи Сингапура находят выражение в столь высоком уровне общественного удовлетворения, что дают ему возможность сбавить градус патернализма и допустить больше свободы через общественный клапан для сброса давления, что попутно послужило бы хорошим примером для остальных стран региона. «Может быть, весь мир нам и завидует, – прокомментировал ситуацию молодой ученый при нашей встрече в броско оформленном университетском кампусе, – но нам свойственно упадочное состояние пребывающих на особом довольствии – как людям, живущим

в пятизвездочном отеле». Действительно, Сингапур считается настолько скучным местом, что его собственные граждане не желают производить потомство, зато демонстрируют самый высокий в мире показатель по разводам.

Ли изначально отверг идею о Сингапуре как «третьем Китае» и, напротив, сделал его страной, где китайцам по крови не дают оставаться китайцами. Он ликвидировал их предприятия и объявил английский национальным языком. «Как и большая часть диаспоры, в годы «холодной войны» мы отличались синофобией, – поясняет сингапурский историк за обедом в Национальном университете. – Коммунисты на континенте с подозрением относились к нашей идеологии». Большинство китайцев в Сингапуре даже не говорят на современном синтезированном диалекте китайского языка, а изъясняются на местном уличном «синглише». Чтобы стать глобальным, а не азиатским городом, Сингапур установил связи по разным направлениям и поддерживает региональный баланс. Его армию тренируют инструкторы из Израиля и Индия, а огромная новая гавань была построена в расчете на перебазирование сюда американского флота с Филиппин, что побудило некоторых аналитиков назвать Сингапур «американским линкором, ставшим на якорь». На проводимый в городе ежегодный «диалог Шангри-Ла» по стратегическим вопросам приезжают военные представители всех правительств региона – за исключением китайского.

«В последнее время обретает реальность наша глубокая связь с китайской культурой, – объяснил мне редактор одной газеты. – Родство с Китаем наглядно проявилось в Сингапуре». Местные китайцы проявляют серьезный интерес к тому, чтобы сделать Сингапур двуязычным городом. Они отправляют своих детей, говорящих на английском языке, в китайские школы, а также гораздо чаще прежнего ездят в КНР и вкладывают там средства. Кроме того, китайское правительство озаботилось улучшением собственного имиджа в глазах зарубежных сородичей (причем стараясь не подрывать связей по официальной линии, поскольку это может, как ни странно, провоцировать антикитайские настроения) путем смягчения инвестиционного законодательства и, в перспективе, предлагая зарубежным китайцам двойное гражданство. «Обратите внимание: американское и китайское посольства нахо-

дятся на равном удалении от здания министерства иностранных дел», – небрежно обронил молодой дипломат, когда мы проезжали по широкому закольцованному бульварам города.

Сингапур является исключением, которое опровергает мнение о том, что Китай моделирует остальную Азию по собственному образу и подобию. В Сингапуре зарубежные китайцы не только управляют собственной страной, но и участвуют в формировании облика самого Китая. Таким образом, вопрос не в том, станет ли КНР доминирующей силой в Азии, а в том, какая из китайских моделей возобладает. Сингапур в какой-то мере уже может записать на свой счет важные изменения в процессе принятия решений в Пекине, произошедшие за последние два десятилетия. Дэн Сяопин открыл КНР вовне именно после визита в Сингапур, где, как он убедился, китайцы оказались оборотистей и успешней, чем на исторической родине. Сейчас, по-видимому, есть больше оснований в пользу впечатления, сложившегося у Тойнби полстолетия тому назад: «Хотя Сингапур был основан британской компанией, сегодня это китайский город: будущая столица “Сферы сотрудничества”, имеющей, похоже, хорошие перспективы, так как в ее основе лежат деловые способности, а не военная сила»¹⁹.

Индия смотрит на Восток

Разрушительное цунами 2004 года, в эпицентре которого оказался индонезийский остров Суматра, пронесся по островам и побережьям от Индии до Сомали, подтвердив убедительность картины единого океанского пространства в восточном полушарии мира²⁰. Однако если приливы и отливы определяются лунным притяжением, то Индийский океан в растущей мере оказывается всего лишь частью более масштабного Тихоокеанского пространства, сердцевиной которого выступает Восточная Азия. С его западных берегов – из Африки, с Аравийского полуострова и из Ирана – природные ресурсы в увеличивающихся объемах направляются в восточном направлении, а регион служит рынком для инвестиций и товаров из переживающей подъем Азии. Большая часть судоходства в мире сегодня проходит через инте-

грированный Индо-Тихоокеанский ареал, вследствие чего вся Южная Азия становится западной подсистемой стран Третьего мира в рамках общего азиатского порядка, в центре которого находится КНР. Более 50% торговли Индии приходится на долю стран Восточной Азии, а Япония, Южная Корея и Сингапур являются ее крупнейшими иностранными инвесторами.

Во времена Британского Раджа Индия была самой мощной территорией на просторах от Суэцкого канала до Малаккского пролива, но с его закатом ее влияние в арабском мире и Центральной Азии сошло на нет. Для Индии, которая окаймлена самыми высокими в мире горами и широким океаном и располагает небольшими армией и флотом, возможности силовой политики (даже несмотря на обладание ядерным оружием) заметно ограничены. Соединенные Штаты откровенно намереваются спонсировать индийский подъем в качестве «первой крупной, экономически мощной, с живой культурой, полиэтничной, многоконфессиональной демократической страны, не входящей в географические пределы Запада». Они также хотят использовать ее в качестве противовеса КНР²¹. Однако Индия уже перешла от политики неприсоединения периода «холодной войны» к многосторонней ориентации. Она провозгласила себя и Соединенные Штаты «двумя опорами демократии», одновременно заявив о совместных с Китаем планах «перестройки мирового порядка»²². Чтобы привлечь на свою сторону Индию, Америка предложила ей инвестиции в наукоемкую сферу, гражданские атомные технологии, соглашения в области обороны, также увеличение количества выдаваемых иммиграционных виз. В Пекине же стали подчеркивать общность позиций на торговых переговорах, развивать совместную разведку нефтяных месторождений и коммерческие коридоры через Гималаи, указывая на ежегодный товарооборот в 20 миллиардов долларов и тоже предлагая атомную сделку в гражданской сфере. Индийским фирмам, работающим в области информационных технологий, для разработки своего программного обеспечения приходится импортировать компьютеры из КНР. Тот факт, что крупнейшие фирмы, оказывающие услу-

ги аутсорсинга, принадлежат индийцам, также показывает растущую интеграцию Индии с Китаем²³.

В то же время мягкие формы сотрудничества с Индией облегчили для Китая достижение общей стратегической цели ее опоясывания и сдерживания с помощью морской «нитки жемчуга», позволяющей достичь Аравийского моря, но не зависеть от прохода через Малаккский пролив. Сейчас в китайской орбите закреплена Бирма – некогда часть британской колониальной Индии. От индийского предложения о газопроводах, ведущих с востока на запад, она отказалась в пользу трубопроводов с севера на юг, которые протянутся в КНР. Если Индия выстроила заграждение на пути мигрантов из Бангладеш, то Пекин возвел современный центр китайско-бангладешской дружбы для проведения конференций в Дакке. Индия грозит повернуть реку Брахмапутра (жизненно важную для Бангладеш) так, чтобы она несла воды в Ганг, но Китай уже вторгся в решение этого вопроса, поскольку является страной, где находятся истоки Брахмапутры. Вопреки воле Дели КНР получила статус наблюдателя в Южноазиатской ассоциации регионального сотрудничества. В то же время индийское влияние в развивающемся Восточноазиатском сообществе является минимальным. «Фактически в регионе никого не волнует мнение Индии», – доверительно сообщил мне Малазийский дипломат, вовлеченный в региональную дипломатию.

Индия велика, но пока еще не столь влиятельна. Благодаря аутсорсингу она стала главным служебным офисом западных фирм, однако, за исключением нескольких изолированных оазисов развития, она почти полностью относится к Третьему миру, а большая часть ее населения численностью свыше миллиарда человек живет в нищете²⁴. В Мумбаи (прежде звавшемся Бомбеем), на долю которого приходится свыше трети национальной экономики, некоторые жители платят одну из самых высоких в мире рент, однако и трущобы этого города, где ютятся свыше 10 миллионов человек, тоже относятся к числу крупнейших. В задыхающихся от пробок индийских городах улицы по-прежнему имеют три полосы движения: две предназначены для автомобилей, а пешеходы и бездомная скотина бредут посередине. Бум IPO индийских кор-

поражий, их внушительные прибыли и наличие множества миллиардеров демонстрируют динамичный потенциал частного сектора, но его рост и впредь будет поражать своей неравномерностью, пока правительство не приступит к выполнению – вероятно, в ближайшие два десятилетия – своих обещаний по развитию инфраструктуры. Продолжающийся быстрый рост населения гарантирует, что даже при высоких темпах экономического роста Индия останется самой бедной из крупных стран мира еще долгие годы. Хотя сельское хозяйство составляет только 30% экономики, 700 миллионов человек зависят от сезонных дождей и собранного урожая. При этом в Индии быстро истощаются грунтовые воды, а многие фермеры, будучи не в состоянии рассчитаться с долгами, сводят счеты с жизнью. Большая часть прироста населения приходится на северные штаты, отличающиеся самой ненадежной инфраструктурой, самым неэффективным управлением, самым убогим образованием и самой высокой численностью зараженных СПИДом. Там же находится эпицентр вспышки вновь распространившегося полиомиелита.

В КНР есть порядок и, вероятно, когда-нибудь сформируется демократия. Индия – демократическая страна, но добивается меньших успехов, поскольку там царит хаос. Связь между торговлей и развитием, которую демонстрирует Китай, в Индии практически отсутствует. На фоне географических размеров и численности населения Индии ее власти, располагающие федеральным бюджетом, равным норвежскому, крайне слабы. В отличие от КНР, объединенная Индия – британское творение, так что ее единство часто выглядит скорее географическим, нежели психологическим. Это тесный полуостров, с которого тамилам и ассамцам некуда деться, – но они все же пытаются. Можно сказать также, что Китай – более свободная страна, чем демократическая Индия: уровень грамотности там гораздо выше, а доля бедных в общей численности населения – куда меньше. Кроме того, в Индии требуется больше времени, чтобы основать собственный бизнес, в три раза ниже доля имеющих доступ к интернету и в целых пять раз – владеющих мобильными телефонами. Хотя при демократии Индия ни разу не переживала голод, более по-

ловины индийских детей недоедают. Поскольку большинство в Индии лишено экономической свободы, ему сложнее достичь иных свобод. Следовательно, разница между Индией и КНР вызвана не только временным лагом между моментами начала экономических реформ, но и связана с принципиальной способностью к общенациональной организации. Если Индия и воспрянет, то это произойдет по китайским правилам.

29 МАЛАЙЗИЯ И ИНДОНЕЗИЯ: БОЛЬШАЯ КИТАЙСКАЯ СФЕРА СОПРОЦВЕТЕНИЯ

Лидеры Индокитая постколониального периода создали Ассоциацию стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) на поле для игры в гольф, собравшись на свою первую встречу в Бангкоке в 1967 году. На тот момент Таиланд был единственным государством, с которым ни у одного из других основателей блока не было распрей. Поскольку власть в странах региона держали в своих руках непримиримые военные, начало деятельности АСЕАН не предвещало ничего хорошего: ей пришлось разбираться с агрессивной политикой конфронтации, которую Индонезия при Сукарно вела по отношению к Малайзии, затем последовали конфликты во Вьетнаме и Камбодже¹. Десятилетиями она оставалась антиколониальным блоком, в котором Соединенные Штаты поддерживали военщину как противовес аграрному марксизму (к примеру, утроив численность таиландской армии). Как и ЕС, после «холодной войны» АСЕАН тоже пережила шоки типа боснийского: азиатский финансовый кризис, лесные пожары в Индонезии и ее вторжение в Восточный Тимор, вспышка птичьего гриппа. Все они стали испытанием прочности и полезности АСЕАН, стимулировав стремительное развитие коллективных механизмов интеграции в сферах торговли и борьбы с терроризмом, разрушением окружающей среды, транснациональной преступностью и болезнями. Взаимовлияние государств-членов стало такой же нормой, как и безвизовые поездки 500 миллионов их граждан². Некоторые участники АСЕАН еще имеют военные соглашения с Соединенными

Штатами, ныне рассчитывающими сделать этот многосторонний блок противовесом Китаю³.

Страны АСЕАН расположены как раз на заднем дворе КНР. Чтобы выйти из американского стратегического окружения, Китай привлекает их на свою сторону поодиночке, втягивая в свою новую систему воздаяний. В результате у каждой из них двусторонние отношения с КНР оказываются более тесными, чем между собой. «Страны АСЕАН сейчас раболепствуют перед Пекином не только потому, что не хотят его гневить, – пояснил тайландский дипломат и бывший чиновник АСЕАН, – но и в расчете на то, что Китай не покинет их в беде, как это сделали США во время финансового кризиса». АСЕАН стал сейчас многоярусной китайской периферией: Сингапур, Малайзия и Бруней выступают самыми богатыми партнерами; Таиланд, Индонезия и Вьетнам – экономическими и стратегическими активами, а Бирма, Камбоджа, Лаос и Филиппины – в роли клиентов из Третьего мира. Всем им КНР предоставляет более свободный доступ на свой рынок и допускает дефицит в торговле с ними (что принесло рекордные прибыли предпринимателям АСЕАН). В обмен китайцы получают сырье, военные соглашения и дипломатические заверения в том, что могут полагаться на АСЕАН⁴. Как и европейцы в Магрибе, китайские бэби-бумеры скупают к пенсии земельную собственность от Пенанга до Бали. Тем самым они все больше расширяют сферу процветания, складывающуюся в XXI веке вокруг Китая.

Малайзия: друзья и соседи

Не нужно дожидаться регулярного высокоскоростного поезда, связывающего столицу Малайзии Куала-Лумпур и Сингапур, чтобы увидеть признаки влияния последнего на всем протяжении имеющего форму когтя тропического Малаккского полуострова. Если ехать на север по общенациональной автостраде Малайзии, то плантации масличных пальм и каучуконосных деревьев постепенно сменяются промышленными зонами, а затем появляются знаки, указывающие на Путра-Джайю – безукоризненно спланированную административную столицу, а также на Кибер-Джайю – часть Мультимедийного суперкоридора, благодаря которому Куала-

Лумпур становится восточноазиатским ответом Дубаю, причем спланированным с сингапурским качеством. Оба эти города новой формации служат символами того, что в Азии риск окупается, а автодорога, вдоль которой они расположены, – самое убедительное доказательство исключительной роли инфраструктуры в интегрировании и выстраивании государства Первого мира.

Малайзия лучше всякой иной бывшей колонии оценила материальную сторону развития: на ее денежных банкнотах изображены поезда и здания, а не руководящие персоны. В отличие от Египта, где созданная в колониальные времена инфраструктура пришла в упадок, в Малайзии лидеры, правившие после обретения ею независимости, с толком использовали доставшиеся им по наследству британские административные методы (как и спортивные и рекреационные клубы). Помимо этого Малайзия взяла пример с Сингапура в том, как конкурировать на глобальном рынке – начиная с авиации и заканчивая портами. Путра-Джайю выстроили на месте бывших плантаций, теперь там производят текстиль и прочие товары для западных потребителей. Город имеет современную европейскую архитектуру, но в узнаваемом мусульманском оформлении, с изукрашенными мечетями и мостами, вдохновленными иранскими образцами. Общациональная автострада сейчас тянется на север до самого острова Пенанг, который тоже превратился в место концентрации высокотехнологичных отраслей.

Нет более грандиозного символа малайзийского успеха, чем небоскребы «Петронас» в Куала-Лумпуре, часто именуемые «башнями-близнецами». До недавнего времени они были самыми высокими в мире. Архитектурный план небоскребов основан на исламской геометрии: восьмиконечная звезда служит знаком единства, гармонии, устойчивости и разумности. Одно из зданий, где располагается государственная нефтяная компания «Петронас», символизирует победу над разрушительным воздействием нефти на государственное управление. В другом разместились многонациональные корпорации. Двухъярусный мост, которым они связаны на высоте 45 этажей над землей, обозначает смычку между государственными компаниями и иностранным капиталом – такова победная формула для Азии. «Мы единственная страна вне Запада, которую не поразило нефтяное проклятие», – отметил

Малазийский менеджер по связям с общественностью, с гордостью указывая на открывающийся из его офиса вид на «башни-близнецы». Несмотря на начавшийся в 1970-е годы нефтяной бум, Малайзия все же осуществила диверсификацию экономики, развив нефтепереработку и добившись сравнительных преимуществ в сборке электроники. В то же время она не отказалась от использования (но не опустошения) своих крупных ресурсов древесины и каучука. Поддерживая высокий технологический уровень, а также мудро распоряжаясь имеющимися у нее запасами, Малайзия остается единственным экспортером нефти во всей Восточной Азии. Даже когда в последующие два десятилетия иссякнут, по прогнозам, ее запасы, у страны останутся огромные месторождения природного газа. Неравенство между городом и деревней, а также слабость начального образования помешали Малайзии достичь уровня Южной Кореи. Тем не менее самая крупная часть ее большого перспективного бюджета отводится на нужды образования, что продвигает страну в направлении более активной конкуренции и в промышленном производстве, и в экономике знаний. В бывшем Малаккском султанате, откуда везли пряности, португальская колониальная архитектура ныне соседствует с предприятиями по сборке компьютеров, а жители Куала-Лумпура могут покупать лучшие продукты в «Карфуре» – образцовом продовольственном супермаркете Первого мира.

В любой стране многое зависит от лидера. Если венесуэльцы мучаются с Уго Чавесом, то у малайзийцев есть Махатхир Мухаммад. Он и его советники были уверены, что глобализация опасна, если ее не направлять в нужное русло. Во время азиатского финансового кризиса они отринули рецепты международных структур, разрушившие экономику Таиланда и Индонезии. Напротив, в Малайзии был введен контроль над капиталом, чтобы удержать на плаву местный ринггит. Поскольку главы стран Второго мира осознают, что во избежание усугубления неконтролируемых диспропорций глобализацию нужно жестко регулировать, они скорее последуют примеру Малайзии, чем Аргентины.

«Доктор М», как называют Махатхира его сторонники, – это мусульманский Ли Куань Ю, лишь ему уступающий в качестве защитника азиатских ценностей. По словам Махатхира, у ислама и

конфуцианства есть общие ценности, такие как взаимность и верность. «Люди на Западе считают, что экономический рост автоматически ведет к культурной либерализации, но Малайзия докажет, что существует азиатский путь», – заявил некий мусульманский знаток в Масджид Негара (государственной мечети). С учетом того расстояния, на которое распространился ислам за многие столетия – к XIII веку мусульманские миссионеры и арабские торговцы достигли Филиппин – избранное Махатхиром сравнение этого пути с детской игрой в «испорченный телефон» не лишено оснований. Ведь то, что говорит первый человек, может разительно отличаться от слов, которые слышит последний. Вместо того, чтобы углубляться в зловещие доктринальные распри по поводу того, чего же требуют нормы ислама, Махатхир и его преемник Абдулла Бадави поняли, что странам, находящимся на периферии исламского мира, всегда приходилось встраиваться в этнически более пеструю картину, нежели арабам, из-за чего догматизм был бы для них разрушителен. В Малайзии эйфория по поводу исламской революции пошла на убыль, когда Иран стал проявлять признаки косности. Расценивая исламский модернизм стран Персидского залива как материалистический и губительный, здесь предложили «ислам хадхари» (цивилизационный ислам), который подразумевает общественное развитие, справедливое лидерство, нравственную целостность, личную свободу, защиту окружающей среды и образование, основанное на науке. Власти не препятствуют деятельности групп типа «Сестры ислама», выступающих против консервативных исламских канонов, согласно которым женщин принято считать существами смиренными и покорными. В данном вопросе здесь исходят из того, что ислам сулит гендерное равенство, и Малайзии необходимо обеспечить его, чтобы создать респектабельное общество. Таким образом, Малайзия выглядит умеренной альтернативой Саудовской Аравии в том, что касается мусульманского образования, а также согласующимся с шариатом центром притяжения для состоятельных арабов. Ее прагматизм в подходе к исламскому лидерству особенно очевиден в рамках Организации исламской конференции (ОИК). Малайзия старается удержать ОИК от идеологических обличений и увлечь ее общими торговыми проектами и инвестициями, как и использованием налога в

пользу нуждающихся мусульман для сокращения бедности в исламском мире⁵. «Мусульманские взгляды относительно геополитики допустимы, пока их направляем мы, а не страны Персидского залива», – продолжил свою мысль уже упомянутый знаток.

«Уж если на то пошло, Малайзия стала не менее, а более мусульманской – вопреки экономическому росту», – доказывал мне местный ученый. Ввиду того, что большая часть мусульман сегодня проживает в Азии, а не в арабском мире, успех Малайзии в деле модернизации, при котором ислам не приносится в жертву, делает ее бастионом на пути сил фундаментализма, исходящих из западной части Азии. Этот успех является результатом отделения мечети от государства, при котором последнее учитывает мнение первой, но не подчиняется ее диктату. Основная часть мусульманского населения ставит шариат выше конституционного права, а для иных групп, таких как китайцы и индийцы, важнее светская правовая система, действующая параллельно с шариатом. Численность коренного населения Малайзии растет гораздо быстрее, чем местной китайской общины, и потому устойчивый успех составляющих меньшинство китайцев нельзя отнести исключительно на счет конфуцианской этики. В то же время многих мусульман-малайцев привлекает вторая волна арабского ислама, пришедшая спустя семь веков после первой (что проявляется в том, что в стране все больше носят головные платки). Если прежде разрешался развод через устное заявление, то теперь такая процедура запрещена. Шариатские суды набирают все больше власти, а шариатская полиция даже совершала рейды в самый популярный в Куала-Лумпуре ночной клуб «Зук».

Анвар Ибрагим, зачинатель исламистской политики и бывший заместитель премьер-министра, по-прежнему полагает, что ислам может содействовать очищению власти от коррупции. Его призывы звучат так же, как и у «Братьев-мусульман» в Египте. «Ислам не будет принесен в жертву демократии, – настаивает он. – Ради закрепления достигнутых успехов нужно покончить с безнаказанным отступлением от азиатских ценностей». Политика в Малайзии стала более транспарентной, но ее не назовешь более открытой. Периодически проводимые многопартийные выборы дают оппозиционным партиям шанс получить депутатские места,

но доминирующая партия «Барисан насионал» сохраняет непреодолимое преимущество. Махатхир, со своей стороны, по всей видимости, стал ценить демократию несколько выше с тех пор, как отошел от государственных дел, чтобы стать главой «Петронас» – центрального звена связи между бизнесом и политикой. Как ни странно, ныне он нападает на своего преемника Бадави за то, что тот не дает новых возможностей для выражения оппозиционных мнений и не берет на себя ответственности за предоставление его родственникам контрактов и важных постов.

Впрочем, Махатхир никогда не считал, что демократия стоит того, чтобы нарушить хрупкий этнический баланс в стране. В этом с ним согласно большинство малайцев, которые с большей готовностью поддерживают сильное государство, даже становясь богаче⁶. Малайзия – пример межродовой терпимости (но не обязательно гармонии), опорой для которой служит экономический рост. Колонизаторы привезли на полуостров массу индийцев и китайцев, но Малайзии удалось поддерживать стабильность, хотя в ее населении смешались 50% малайцев, 40% китайцев и 10% индийцев (предки Махатхира происходят из индийского штата Керала, тогда как Бадави ведет свой род от арабов, перемешавшихся с китайцами из провинции Юньнань). Китайцы и индийцы получили гражданство, когда Малайзия обрела независимость. К тому же прилагались особые усилия, чтобы объединить малайзийцев не китайского происхождения и предотвратить доминирование китайцев, по большей части проживавших в городах (результатом стало исключение Сингапура из состава федерации в 1965 году).

В малайзийском котле азиатские ценности, ислам и демократия смешаны, но еще не доведены до кипения. «Многие задумываются, не выльется ли экономический кризис в этническое насилие, как это произошло в 1969 году. Мы предпочли бы достичь равенства в доходах, а не проверять подобное предположение», – заметил в частной беседе один консервативный политик. Подобно ЮАР, Малайзия имеет уникальную программу позитивной дискриминации для малазийского населения, составляющего большинство в стране – его называют «Бумипутра» («сыны земли»). Она породила стабильный средний класс за счет предоставления компаниям, находящимся у них в собственности, кредитов под низкий

процент. Напряжения в отношениях этнических малайцев и китайского населения почти не просматривается, однако его все же можно ощутить. Писатель В.С. Найпол сравнил присутствие китайцев в Малайзии с введением электрического напряжения 220 вольт в стране, где все оборудование настроено исключительно на 110 вольт. Для китайца сад – это только участок земли под коммерческую разработку, а для малайца – часть его жилья и даже жизненного мира⁷. Сегодня кое-кто шутит, что «если бы китайцы стали мусульманами, малайцы обратились бы в буддизм».

Тем не менее бывший чиновник тихо сказал мне в скромном домашнем кабинете: «Хотя мы не готовы это признать, без китайцев Малайзия, вероятно, все еще оставалась бы экономическим захолустьем». Несмотря на то, что Махатхир занимает твердую позицию в пользу малайцев, самыми близкими деловыми партнерами для него являются китайцы. Он даже создал специальную экономическую зону у берегов Борнео, чтобы привлечь китайские инвестиции, ловко выманивая у них средства, но при этом ограничивая контроль с их стороны. Растущие связи Китая с Малайзией служат подтверждением поговорки, по которой «ближайший сосед важнее дальнего родственника». Веками китайские мигранты роились вокруг Куала-Лумпура и Пенанга, причем последний и сейчас еще остается по преимуществу китайским городом с китайской архитектурой и ежегодным веселым китайским шествием. И все же несмотря на то, что зарубежные китайцы доминируют в экономике Малайзии (из-за чего их прозвали «евреями Азии»), малайзийцы не считают, что от КНР исходит стратегическая угроза. В 1974 году Малайзия стала первой страной региона, установившей дипломатические отношения с Пекином. Экспорт в Китай газа, пальмового масла и электроники из Малайзии быстро растет, что активизирует китайскую программу, нацеленную на то, чтобы догнать других торговых партнеров Малайзии, а именно Японию и Соединенные Штаты. Как и в Южной Корее, значительная часть малайзийской экономики сейчас развивается в тандеме с экономикой Китая. Взамен малайзийцы получили преференциальный доступ на китайский рынок, им разрешено в полной мере владеть там недвижимостью и даже осуществлять инвестиции в такой деликатной сфере, как электроэнергетика. «Петронас» и различные ма-

лайзийские компании, занимающиеся пиломатериалами, прячутся за спиной китайских государственных фирм в глобальной охоте за ресурсами на пространстве от Ливии и Судана до Индонезии.

«Мы привыкли рассматривать США как державу, которая оказывает нам содействие», – сказал малайзийский специалист по стратегическим вопросам, объясняя тесное военное и морское сотрудничество страны с США. Именно потому, что американо-малайзийские отношения были столь тесны, Махатхиру сходили с рук его антиамериканские выпады, например, заявление, что США, не будучи мусульманской страной, не могут возглавлять «войну с террором» против исламского фундаментализма. Малайзия даже устроила пародийное заседание трибунала по военным преступлениям, чтобы пристыдить американских лидеров за причиненные иракцам и палестинцам страдания. Однако в то же время, как и некоторые другие нефтяные государства мусульманского мира (Саудовская Аравия, Ливия и Казахстан), Малайзия хорошо овладела искусством множественной ориентации, завязывая дружбу со всеми. Кроме того, подобно Южной Корее, Австралии, Таиланду и Индии, Малайзия потихоньку убеждает Соединенные Штаты, что она на их стороне, одновременно не делая ничего, что обидело бы Пекин, то есть, по сути, уклоняется от участия в их соперничестве, заверяя в своем нейтралитете на тот случай, если «слоны вступят в борьбу».

Индонезия: меньше – значит больше

Индонезия постоянно испытывает на себе агрессивное воздействие и природы, и человека. Там нередки вулканические извержения, землетрясения, цунами, инфекционные болезни, финансовые кризисы и этнические раздоры – причем страна бессильна против всего этого. Речь пока не идет о несостоятельности государства, но Индонезия беспрерывно рискует попасть в эту категорию при всякой следующей сейсмической подвижке земной коры или финансовых рынков. В начале 2007 года Джакарту как будто совсем смыло стремительным наводнением, которое вызвало перемещение значительной части ее населения. Оно унесло

прочь тысячи домов и вызвало массовые заболевания. Чудо, что Индонезия вообще существует, и еще более поразительным придется признать ее будущее выживание в нынешней форме.

Индонезийская часть островного комплекса прикрывает Юго-Восточную Азию от внешнего мира. Когда в годы Второй мировой войны императорская Япония оккупировала Индонезию, был освобожден заключенный в тюрьму лидер повстанцев Сукарно. Он повел борьбу за независимость против голландских колонизаторов, вынудив их сдаться и убраться восвояси. Однако, помимо признания Индонезии в соответствии с международным правом, у нее, кажется, немного оснований для существования в качестве отдельного независимого государства. Архипелагом из приблизительно 14 тысяч островов, который протянулся от Малайзии до Филиппин, невозможно править ни в режиме диктатуры, ни в режиме демократии.

Мощные оборонительные укрепления перед министерствами в Джакарте – самый явный признак смычки военных и власти, которые выступают в роли постколониальных колонизаторов в собственной стране. Несколько десятилетий авторитарный Сухарто и его режим, участвовавший в Движении неприсоединения и выступавший за установление «нового порядка», больше интересовались торговыми спекуляциями, нежели защитой суверенитета страны. Его дети встали во главе многочисленных военно-промышленных монополий. Поскольку только 12% доходов бюджета страны приходится на налоги, коммерческие предприятия военных (около полутора тысяч компаний) безраздельно хозяйничают во всех автономных регионах Индонезии⁸. В Таиланде армейское правление обеспечило ограниченную модернизацию и становление сильного государства. В Индонезии же со времени обретения независимости военные были так увлечены собственной хозяйственной выгодой, что мысль о стабильном гражданском правительстве приходила в последнюю очередь. Отстранить военных от политической власти оказалось весьма трудно, а выкорчевать их из сферы торговли недвижимостью, лесной и горнодобывающей промышленности страны (если назвать только несколько отраслей) было вообще невозможно – да никто и не пытался.

Ввиду географических масштабов страны и более чем 200-миллионного населения Индонезию нередко именуют «спящим гигантом». Однако пока она спит, ее раздирают на части. Фактически эта страна – громадное, окруженное морем поле для игры в гольф, на котором зарубежные компании и страны предъявляют права собственности на различные лунки. Там, где интересы энергетических компаний и государства стыкуются, Индонезия функционирует как будто неплохо. Так, в Самаринде, столице провинции Восточный Калимантан на острове Борнео, имеются хорошие дороги и пригородное жилье в западном стиле для зарубежных работников нефтяной отрасли. Однако дальше от центра гораздо чаще нормой являются нещадная эксплуатация природных ресурсов и местных меньшинств. В провинции Папуа (бывшая Ириан-Джайя) горнодобывающие компании тайно сговорились с индонезийскими военными, что привело к сильному загрязнению речных вод и нарушению прав человека. В 1997 году выжигание кустарника, использовавшееся в качестве метода расчистки земель на острове Суматра, вызвало столь обширное и токсичное задымление (охватившее Малайзию, Папуа-Новую Гвинею и даже некоторые районы Австралии), что правительство Малайзии объявило чрезвычайное положение в стране. Кроме того, оно обратилось с просьбой к духовенству, чтобы оно молилось о ниспослании дождя, так как от удущья пострадали тысячи младенцев, а экономические потери составили 10 миллиардов долларов.

Постоянные предвыборные махинации и изменения в статусе провинций, производимые правительством, имеют целью подорвать силу движений за большую автономию от авторитарного центра, тогда как на деле разделять и властвовать продолжают военно-промышленные вотчинные владельцы. Дробление контроля над ресурсами между бывшими военными чинами лишь ускоряет разграбление лесов и рыбных ресурсов компаниями, которые принадлежат китайцам, малайзийцам, американцам и местным военным. Однако чем больше центр гребет к себе экономические прибыли за счет периферии, тем больше периферия стремится к отделению. Обретение независимости Восточным Тимором в 1999 году, растущая самостоятельность провинций Ачех и Папуа, как и потеря двух островов в пользу Малайзии в результате юри-

дического спора, – все эти случаи подсказывают, что Индонезия может и не сохраниться в своем нынешнем виде. В хозяйственном, этническом и религиозном отношении основные скопления индонезийских островов и сейчас уже тяготеют к более стабильным «родственникам»: Суматра, Западный Калимантан и даже западные регионы Явы все более подпадают под влияние процветающей Малайзии; Сулавеси с христианским населением в большей мере идентифицирует себя с Филиппинами; а слабые восточные провинции, такие как Папуа, могут последовать за меланезийским «кузеном» Папуа-Новой Гвинеей, которой больше занимается не Индонезия, а Австралия. Сингапур почти овладел островом Бинтан, распоряжаясь курортами и прибирая к рукам землю в горах для собственного освоения.

«Мы становимся похожими на Филиппины, – с насмешкой заметил бизнесмен из Джакарты, пребывая в покое своего офиса на вершине небоскреба. – Мы с каждым годом беднее и теряем стабильность». Провал воспринимается тем болезненнее, что уже удалось вкусить близившегося успеха. Тойнби называл Суматру «островом надежды», где «нефть, земля и тяжелый труд» вознесут страну вверх⁹. Однако Индонезия так и остается «нацией в ожидании». Она страдает из-за того, что упускает сегодня те же возможности, что и в 1960-е годы¹⁰. Сухарто правил в течение трех десятилетий, когда проводилась либерализация, а также осуществлялось налаживание отношений в регионе, но он так и не понял, что больше – не всегда означает лучше. Он зачастую демонстрировал высокомерие по отношению к крошечному Сингапуру – пока финансовый кризис 1997 года не вывел Индонезию из игры и не заставил обратиться к Сингапуру за крупными займами.

Кроме того, у Сухарто не было иного выбора, кроме как положиться на исламистские группы в обеспечении выполнения самых базовых функций. За 350 лет голландские колонизаторы не смогли проникнуть в среду индонезийских культур, где на фоне географической разрозненности сосуществовали христианство, буддизм, индуизм и ислам. Древние королевства на Яве, в Таиланде, Малайе и Камбодже восприняли свои религиозные верования из Индии. Такое наследие породило затейливые памятники индуистско-буддийской духовности – например, грандиозный храмовый ком-

плекс и буддийскую ступу Боробудур. Как некогда говорили, «поскреби индонезийца – и обнаружишь индуиста». «Гаруда», национальный символ и авиакомпания Индонезии, названа в честь едовой птицы индуистского бога Вишну.

Впрочем, проповедники не прекращают своих трудов ни у политических, ни у духовных берегов. Как писал в книге «Помимо веры» В.С. Найпол, ислам – это арабское вероисповедание. Иными словами, оно предъявляет верующим общественные требования, сформулированные по-арабски, тем самым сминая множественные истории и прибегая к современным технологиям, чтобы заменить исламом и местную культуру, и национальную идентичность. Сейчас многие индонезийцы говорят, что если их мозги направлены на Восток, то их сердца стремятся на запад, к Мекке. Из-за внутренней слабости Индонезии ее многочисленное мусульманское население служит благодатной почвой для глобализированного радикального ислама. В то время как Малайзия принимает мусульманские инвестиции, туристов и студентов, соединение арабских и собственных экстремистских групп превращает Индонезию в «архипелаг джихада». Здесь участники былых сражений в Афганистане находят место, где они могут замышлять новые планы, совершать нападения на западные корпорации и посольства¹¹. Молодые арабские исламисты рассеяны по Индонезии и Таиланду. Они морочат головы впечатлительной, невежественной и безработной молодежи, рекрутируя в ее рядах бойцов для таких группировок, как «Абу-Сайяф» или Национально-освободительный фронт Моро на Филиппинах, а также провоцируют насилие в отношениях мусульман с христианами в провинции Сулавеси. Как пояснил местный специалист по фундаменталистским движениям, «малайцы привносят свое умение изготавливать бомбы, тайцы и филиппинцы занимаются контрабандой, а индонезийцы становятся террористами-смертниками». В религиозных школах «пезантрен» и мечетях, спонсируемых фундаменталистской организацией «Джамаат Исламия», которые напоминают медресе в Пакистане и число которых близко к 14 тысячам, ученикам внушают, что они – хорошие мусульмане, потому что учат арабский язык и запоминают суры из Корана.

В мусульманском мире, сверху донизу пронизанном коррупцией, следует ожидать и исламизации, распространяющейся снизу вверх. Корруптированное государство и экономика с массовой социальной отверженностью придают джихаду видимость прогрессивной силы, способной восстановить значимость человека. «Исламистские сети дают многое из того, чем должно заниматься государство», – подчеркнул специалист по исламу, ставший политиком. Подобно «Братьям-мусульманам» в Египте или Партии справедливости и развития в Турции индонезийские исламисты живут скромно, не берут высокой платы за свою работу и строят свои избирательные кампании на антикоррупционной платформе. Хотя на общенациональных выборах они еще не достигли особых успехов, по существу они уже получили власть, поэтому их избрание по итогам выборов лишь юридически закрепит это. Более чем в десятке районов по всей Индонезии группы мусульманских активистов выступают за запрещение алкоголя и проституции. Они требуют подтверждения умения читать Коран перед женитьбой и при поступлении в университет, заставляют женщин-чиновниц носить хиджаб, не позволяют держаться за руки в публичных местах. Кроме того – в том же месяце, когда появилась индонезийская версия журнала «Плейбой», – они объявили порнографией демонстрацию на публике женского пупка, из-за чего стало затруднительно исполнять даже традиционные индонезийские танцы. Если законы шариата продолжают свое распространение по всей Индонезии, только индуистский остров Бали, где расположилась австралийская колония хиппи, останется там бастионом либерализма – но вовсе не обязательно островком безопасности, учитывая крупные взрывы, устроенные в ночных клубах террористами-самоубийцами в 2002 и 2005 годах.

Либералы в Индонезии слишком далеки от массовой политической активности, чтобы восстанавливать влияние исконно индонезийского синкретического ислама или продвигать такие альтернативы, как обучение английскому языку. Получив зарубежное образование и имея работу в Сингапуре, они как глобализированные отшельники обитают в Джакарте в виллах с кондиционерами. В качестве фактора сдерживания – причем такого, который, скорее всего, и даст знать о себе, – выступают сами исламисты. Если ис-

ламский фундаментализм – это вирус, то пагубный для него антибиотик должен содержать его в малых дозах, чтобы помочь организму нарастить сопротивление. В Индонезии находятся две крупнейших мусульманских организации мира – «Нахдат уль-улама» и «Мухаммадия», сегодня убедительнее кого бы то ни было в стране выступающие против распространения шариата. Они ратуют за сохранение светского государства, так как если насаждением шариата будут заниматься неквалифицированные государственные суды, то ислам утратит свою святость. «Наше крестьянство уже соблазнилось разными идеологиями – от коммунизма до радикального исламизма. Они столь отличны от наших традиций, что являются для него совершенно новыми религиями», – горячился исламист, сотрудничающий с правительством.

По мере того, как национальная идентичность Индонезии тускнеет, демократия в стране все больше напоминает автомобиль, теряющий детали на дорожных ухабах. Индонезийскому руководству хотелось бы представить свою страну как синтез и средоточие демократии и исламских умозаключений, но вряд ли можно быть уверенным в том, что в местном изложении эти добродетели достойны культивирования. После отставки Сухарто в 1998 году усилились и коррупция, и разрыв в доходах, и этнорелигиозные склоки, и насильственные действия со стороны сепаратистов¹². Им лично подобранный преемник Б.Ю. Хабиби оказался беспомощным чиновником, который устроил референдум по Восточному Тимору, в результате чего тот получил независимость, а сам Хабиби подвергся импичменту. Политический дрейф продолжился при дочери Сукарно Мегавати Сукарнопутри: чем влиятельнее становятся исламистские партии, тем больше пугаются остальные. За индонезийскую демократию приходится расплачиваться единством, так как для многих провинций принципиальным выбором стало стремление к почти полной автономии, граничащей с самоуправлением. Ныне даже лояльные к власти индонезийцы громко требуют реального руководства, взывая к подобию Ли Куань Ю или Махатхира ради восстановления единства и достоинства. За неимением таковых Индонезия будет и впредь раскалываться во всем, кроме названия, будучи жертвой собственного положения как наиболее широко раскинувшегося и этнически неестественного госу-

дарства мира. Не исключено, что от ее национального содержания останется только остров Ява, где проживает 70% жителей Индонезии (включая численно преобладающих этнических яванцев), с Джакартой в качестве столицы.

В Джакарте неприглядные обелиски в честь независимости не скрывают главной реальности, которая состоит в том, что она сохраняется лишь благодаря новым поселенцам – китайцам. Отношения Индонезии с Китаем носят давний характер, это постоянный танец любви и ненависти, жизни и смерти. Во времена Голландской Ост-Индской компании китайские рабочие толпами прибывали сюда, чтобы батрачить на сахарных плантациях. С самого начала им приходилось изощряться, чтобы умерить антикитайские настроения, подкупая политиков ради создания подставных компаний типа «Али Баба», в которых индонезийцы составляли лишь ширму, а китайцы заправляли делами за кулисами. Переворот в Индонезии в 1965 году был, в сущности, антикитайским, так как Китай поставлял оружие Коммунистической партии страны. На материк были изгнаны 500 тысяч китайцев, из которых многие никогда там прежде не бывали. Если бы эта страна была демократической, немногочисленное китайское население, контролирующее 70% индонезийской экономики, давным-давно уничтожили бы¹³. Но Сухарто продолжал потворствовать китайцам, чье превосходство в делах и многоотраслевые компании породили большинство банков, ныне формирующих впечатляющий силуэт Джакарты, в значительной мере выстроенный так, чтобы напоминать о Сингапуре. Даже после жутких погромов в 1998 году, когда в Джакарте чайнатаун был выкорчеван с корнем, а тысячи китайцев – жестоко убиты, внутрикитайские банковские сети поддерживали предприятия китайцев – после чего они перебросили триллионы рупий в Сингапур. И все же Индонезия без денег китайцев была бы страной Третьего мира в чистом виде.

Ввиду столь шаткого положения не стоит удивляться, что зарубежные китайцы сохраняют большую лояльность к Китаю, нежели к той стране, которая их приняла. После волнений 1998 года Пекин настоятельно потребовал, чтобы индонезийское правительство защитило китайское меньшинство. Но так как в Джакарте больше нет чайнатауна, китайцы стали смешиваться с местным на-

селением в большей мере, чем когда-либо прежде. «Молодое поколение китайцев гораздо скромнее в демонстрации своей состоятельности, – рассказал один из них, успешный предприниматель. – Японские машины они предпочитают немецким». От требования указывать китайское происхождение в паспорте отказались, а поскольку китайцы скоро достигнут 8% населения (то есть станут четвертым по численности меньшинством), организации, выступающие в защиту прав человека, приходят на помощь тем из них, кто стремится получить местное гражданство. Наблюдается также рост осознания экономической и культурной значимости Китая, в связи с чем сейчас гораздо больше индонезийских студентов учатся в КНР, нежели в Соединенных Штатах.

Индонезия постепенно превращается в буфер – то есть начинает выполнять ту роль, которую этому архипелагу отводила Япония в годы Второй мировой войны. В тот короткий период, когда Америка временно прервала военное сотрудничество с Индонезией, обеспокоившись соблюдением прав человека, как раз и произошел бум военных соглашений Индонезии с Пекином, что превратило ее в китайскую грядку вдоль расширяющегося морского периметра КНР. Китай и Япония – главные пользователи Малаккского пролива – чрезвычайно загруженного тесного прохода для судов (в самом узком месте немногим шире полутора километров) между крупными портами. Через него идет половина мирового потока нефти и треть оборота прочих товаров в мировой торговле¹⁴. Местные инициативы по защите проходящих судов от пиратов и террористов постепенно оттеснили на задний план предложения США по усилению своих патрулей. Американцев считают не только потенциальной причиной заторов в проливе, но и своего рода приманкой для злоумышленников. Используя передовую японскую технологию, Сингапур, Малайзия и Индонезия сами охраняют проливы, а вновь созданная Международная морская организация со штаб-квартирой в Куала-Лумпуре следит за всеми подозрительными перемещениями в данном районе без американского участия.

«Великодушная реакция Америки в связи с цунами 2004 года была очень важна для нас, – пояснил за завтраком в парадном отеле “Боробудур” в Джакарте индонезийский дипломат. – Но доброй во-

ли хватило ненадолго, поскольку помощь оказывалась кратковременно, а в целом наш народ считает американскую политику направленной против мусульман». Кроме того, Китай замещает сокращающиеся американские капиталовложения в Индонезии, предполагая закачать в ближайшее десятилетие до 30 миллиардов долларов в добывающие отрасли страны точно так же, как он выкачивает оттуда нефть и газ (а также уголь и древесину). Как это происходит и на российском Дальнем Востоке, китайские компании уничтожают леса Борнео и Калимантана, которые уже наполовину сведены¹⁵. Под угрозой сейчас оказалась экосистема Индонезии как таковая, которая по числу исчезающих видов уступает только Бразилии. Однако, в отличие от Бразилии, экологическое сознание и соответствующая правоохранительная деятельность в Индонезии намного отстают от темпов истощения окружающей среды. США, ЕС, Япония и Австралия вкладывают серьезные средства в местное сельское хозяйство, оказывают поддержку миролюбивым исламским организациям, готовят полицейские силы и подталкивают свои компании к соблюдению практики корпоративного гражданства (то есть к более высокой оплате труда работников и предоставлению им пособий по болезни). Но этого может оказаться недостаточно, чтобы сохранить Индонезию в качестве стабильного созвездия островов, а не раздробленного пояса «комет», вращающихся в китайской орбите.

30 МЬЯНМА, ТАИЛАНД И ВЬЕТНАМ: ВНУТРЕННИЙ ТРЕУГОЛЬНИК

Помимо соблазнения Китаем Японии, Южной Кореи, Австралии и Сингапура, то есть стран Первого мира, нейтрализации его густонаселенного соперника Индии и кооптации стратегически важных в географическом отношении Малайзии и Индонезии, китайский проект экспансии в азиатском регионе также нацелен на бывшие британские и французские колонии в Индокитае, некогда ключевой источник обогащения для Европы. Прежде богатства этого региона везли с Востока на Запад, а теперь – с Юга на Север. В Камбодже и Лаосе, государствах Третьего мира, на смену тонким струйкам западной помощи, обусловленной требованиями демократизации, быстро пришли большие объемы китайской, не обремененной никакими условиями. Так Пекин без труда покорил местные власти, склонные легко менять ориентацию¹. Пока Китай занимается «дипломатией чековой книжки», Америка, как здесь полагают, чрезмерно увлекается такими второстепенными вопросами, как военная реформа и борьба с терроризмом. Китайский подсечно-огневой метод, используемый при заготовке и транспортировке леса в Камбодже в сговоре с местной военщиной, уже привел к значительной потере пахотных земель, эрозии почв, ухудшению качества воды, а также породил угрозу продовольственного кризиса. В то же время местные рынки наводнены дешевыми китайскими товарами, например, сотовыми телефонами, что позволяет растущему числу людей почувствовать свою причастность к среднему классу. «Стратегия Пекина заключается в том, чтобы наладить хозяйственные связи, способные пе-

режить даже бурную смену руководства, – пояснил проживающий в Бангкоке специалист по региону. – Неважно, кто находится у власти: китайцы договорятся с любым».

Бирманские дни (уже сочтены)

Бирма (переименованная в Мьянму ныне правящей хунтой) десятилетиями оставалась изолированным, патриархальным и неразвитым обществом, но благодаря своему побережью в Бенгальском заливе она стратегически важна для КНР, поскольку позволяет обойти Малаккский пролив. С 1988 года военно-корпоративная клика, именуемая Государственным советом по восстановлению закона и порядка, трансформировала британский, а затем японский колониальный порядок в стране в единственное в мире воинствующее буддистское государство. В 1997 году хунта переименовала себя в Государственный совет мира и развития, но десятилетие спустя трудно увидеть разницу между ними. В 2007 году миру была явлена новая столица, расположенная на полпути между Янгунем и Мандалаем. По всей видимости, это было призвано ознаменовать основание новой династии, как поступали в прошлом бирманские короли. Однако появление нового города вызвало протесты и критику тысяч монахов и граждан из-за своей экономической абсурдности. Ради поддержания своей власти Государственный совет постоянно подпитывает ощущение внешней угрозы, хотя на деле основная опасность для самостоятельности Бирмы исходит от КНР, то есть как раз от той державы, которую правящий в стране режим больше всего привлекает.

Дипломатическая изоляция Бирмы превращает ее в государство, добровольно становящееся вассалом Китая, что напоминает ситуацию с Суданом и Узбекистаном. Производство и транспортировка наркотиков приносят Государственному совету твердую валюту, что позволяет закупать китайское военное снаряжение. Взамен Бирма получает не только китайскую дипломатическую поддержку, но и самих китайцев. В конце 1950-х годов Тойнби описывал Бирму как «популяционный вакуум по соседству с Китаем, который вызывает к тому, чтобы его заполнили»². Неконтролируемая

сезонная миграция китайцев в северную Бирму вдоль автомобильных, железнодорожных и речных путей сообщения («коридора реки Иравади») создала в стране этническое меньшинство, многие представители которого связаны с Бирмой историей своих семей. Эти люди в будущем смогут законным образом претендовать на совокупность прав, выходящих за рамки права на проживание. Кровнородственные браки и приобретение китайцами земли привели к тому, что целые деревни на бирманском севере теперь населены китайцами, а все уличные надписи в этих деревнях сделаны на китайском языке. В Мандалае китайские фирмы строят большие безвкусные гостиницы – причем это делается отнюдь не для подготовки к открытию Бирмы внешнему миру, а только для китайских визитеров, число которых вряд ли будет сокращаться³. Некоторые авторы уже называют Бирму «южной провинцией Юньнань». Тем самым они связывают ее по названию с некогда беспокойной китайской провинцией на границе с Бирмой. Стране отведена своя роль в стратегии Пекина по содействию развитию отсталым внутренним регионам КНР, таким как Юньнань, чтобы они могли догнать бурно развивающееся побережье. В рамках такой стратегии Китай экономически практически захватил своего соседа. Китайцы закупают в Бирме большую часть древесины и разграбляют ее леса, приобрели и расхищают запасы драгоценных камней, а на протяжении следующих тридцати лет планируют освоить 6,5 триллиона кубических метров бирманского природного газа, значительная часть которого поступает по трубопроводу из Ситуэ в Юньнань. Граница между КНР и Бирмой сохраняется и выстрелов там никто не слышал, но Бирма уже почти превратилась в одну из китайских провинций⁴. Пекин без труда добился преимущества над АСЕАН, которая пыталась оказывать давление на хунту Бирмы, сохраняющей членство в этой организации, а также помешал эффективному применению санкций со стороны США и ЕС. Однако в перспективе Китай может пострадать от встречной вспышки в Бирме «горючего материала». Если Пекин не станет в большей мере заботиться о выгоде самих бирманцев, растущее общественное раздражение вынудит даже бессердечную хунту усматривать в Китае уже не руку помощи, а угрозу. Вечно распространяющиеся в тандеме наркотики и болезни

тоже текут широкой рекой из Афганистана через КНР в страны «золотого треугольника» и назад, сея вокруг наркозависимость и СПИД. Молодежь Юго-Восточной Азии сейчас пристрастилась к яба (yaba) – наркотику, в результате приема которого человек постоянно пребывает в тревоге. Самый высокий уровень пораженности СПИДом отмечается в Таиланде, Камбодже и Бирме, то есть государствах, которые более всего экспортируют секс-рабов в Китай и другие страны. Для организованных контрабандистов люди и наркотики – в равной мере прибыльный товар, а Китай не способен охранять свои протяженные границы надежнее, чем Европа или Соединенные Штаты. Наконец, хотя частые гражданские войны в регионе в изобилии оставили после себя стрелковое оружие, Китай заботится о том, чтобы было достаточно вооружений и снаряжения для любых криминальных или повстанческих акций, какие только могут возникнуть.

Главные речные системы как Южной, так и Юго-Восточной Азии берут начало в Китае. Поэтому он имеет привилегию строить плотины на мощной реке Меконг для гидроэлектростанций, одновременно используя ее воды, чтобы перевозить товары вниз по течению тем 500 миллионам жителей Юго-Восточной Азии, чьи средства к существованию зависят от этого водного потока. Из-за китайских плотин уровень воды в Меконге и его притоках в Бирме, Таиланде, Лаосе, Камбодже и Вьетнаме сильно упал, однако Китай не приемлет критики по поводу своего обращения с рекой⁵. То, что остается от Меконга в Лаосе, позволяет использовать небольшую плотину в целях производства электричества, которое затем продается в Таиланд. Для жителей стран Индокитая, принадлежащих к Третьему миру, таких как Бирма, расположение ниже по течению рек относительно Китая жизни не облегчает.

Таиланд: улыбка Северу

Для стран Второго мира мастерство дипломатии заключается в умении одновременно держать крупнейшие страны на расстоянии и максимизировать прибыль от общения с ними. Это искусство Королевство Таиланд оттачивало столетиями, на протя-

жении которых ему удавалось избегать колонизации. Как считал Тойнби, Таиланд не пострадал от разрушений Второй мировой войны благодаря удачному географическому расположению как «буферного государства между британскими владениями в Индии и Бирме и французскими – в Индокитае»⁶. «Землю улыбок» спасли монархия, аристократия и стратегия военных, заключавшаяся в том, чтобы расточать улыбки во все стороны, «клонясь по ветру»⁷. Опасаясь Китая после гражданской войны 1949 года, Таиланд в огромных масштабах принимал военную помощь от США и в 1960-е годы служил базой для войны во Вьетнаме. Быстро среагировав на упадок американской притягательности после вьетнамской войны, Таиланд в 1975 году нормализовал отношения с КНР, пойдя на стратегическое партнерство ради сдерживания Северного Вьетнама⁸. В награду после резкого подъема цен странами ОПЕК Пекин продавал Таиланду нефть по сниженным «дружественным ценам».

Впрочем, дружба США с Таиландом уходит в прошлое на два века, когда король Рама IV предложил Аврааму Линкольну слонов, чтобы тот использовал их на поле боя в Гражданской войне. Посольство США в Бангкоке – второе по величине среди всех американских представительств в мире и уступает только посольству США в Багдаде. Однако уже в 1994 году Таиланд отклонил запрос Соединенных Штатов на размещение в тайских портах шести военных кораблей. Такое решение поддержали Малайзия и Индонезия. В сфере экономики тоже постоянно нарастало недовольство. Таиланд был оскорблен тем, что США не выручили его во время финансового кризиса 1997 года, хотя за три года до этого соответствующая помощь была оказана Соединенными Штатами Мексике. Вашингтон объяснял, что Таиланд не граничит с США.

В то же время Таиланд ныне клонится ниже, чем когда-либо прежде, ветрам, дующим из Китая. «Мы выберем наилучший пакет экономических и политических предложений, так как создание рабочих мест и стабильность для наших граждан – высший приоритет», – прокомментировал мне политику Бангкока тайский дипломат. Во время кризиса 1997 года международные институты навязали стране распродажу активов, которые западные дельцы расхватывали по низким ценам – в то время как экономика обва-

лилась, а нищета стала расти. Китай, напротив, отреагировал быстрым снижением тарифов в рамках своей программы «Сбор раннего урожая», серьезно укрепив представление о себе как о великодушной державе. За десять лет, прошедших с тех пор, торговля Таиланда с Китаем почти достигла уровней его торговли с США, а китайские туристы теперь превосходят по численности американских. Благодаря крупной магистрали, пересекающей территорию Лаоса, Китай и Таиланд сейчас практически граничат друг с другом, а Таиланд превратился в лидера по реэкспорту китайских товаров.

Ныне Пекин приступает к грандиозному проекту, который обещает поменять саму географию. Речь идет о прокладке глубокого канала через узкий тайский перешеек Кра Истмус⁹. С таким каналом Таиланд получит собственные стратегические порты – сооружения, способные соревноваться с аналогичными объектами в Сингапуре (который рьяно сопротивляется этому проекту). А вот малайзийские порты Лангкави и Пенанг выиграют – в качестве хранилищ для транспортируемых по каналу грузов. Если бы не восстание малайцев-мусульман на юге Таиланда – в трех небольших провинциях, которые окажутся отрезаны каналом от основного «тела» страны, реализация проекта уже началась бы.

Преобразование китайско-тайских отношений – задача не только географическая и хозяйственная, но также по своему существу культурная и психологическая. Как и в других районах Восточной Азии, китайская диаспора в Таиланде распоряжается провинциальными коммерческими центрами на расстоянии от прибрежного Пхукета до Маха Саракама в глубине страны, причем Китай считает ассимиляцию в Таиланде многочисленного китайского населения примером, на который следовало бы ориентироваться другим странам. С XIX века китайцы были главными зачинателями финансовых институтов в Таиланде. Тайская армия защищала их в обмен на оказываемые ей банковские услуги¹⁰. К 1850 году половину населения Бангкока составляли китайцы. Они подчинялись тайской королевской семье, но одновременно породнились с нею путем заключения браков. Даже в те времена, когда компании в этой стране контролировались выходцами с Запада, именно китайцы с их глубоким пониманием тайских культуры и

обычаев обеспечивали бесперебойность производства¹¹. Сегодня китайцы участвуют в деле с обеих сторон. Они контролируют в Таиланде рис, лесоматериалы и олово, то есть ключевые экспортные статьи. Китайские и тайские бизнесмены не только сотрудничают, но и объединяются, заявляя, что они – «исконные братья»¹². «Китайцы переписывают историю, изображая свою местную диаспору как часть Большого Китая», – рассказал мне историк тайской культуры. Будто в напоминание о временах, когда тайские монархи платили дань имперскому Китаю, тайская королевская семья часто посещает Пекин, как это делал и бывший премьер-министр Таиланда Таксин Чинават, который имеет китайское происхождение и не скрывает своей гордости китайскими предками. Таксин однажды заявил, что «демократия – всего лишь средство... Цель же состоит в том, чтобы обеспечить людям достойную жизнь, счастье и национальный прогресс»¹³. Впрочем, тот факт, что откровенно антилиберальная политика Таксина привела к его отрешению от должности в результате военного переворота 2006 года, мало тревожит Пекин. Китайские военные поставки и контакты с таиландской армией в последние годы лишь умножились. Так что Таиланд улыбается в северном направлении еще шире, чем раньше.

Вьетнам: очередное военное противостояние

Завершение двух войн, которые Америка вела в Восточной Азии – корейской и вьетнамской, в лучшем случае можно назвать тупиком. Соединенным Штатам не удалось обрести сухопутный плацдарм в материковой части Юго-Восточной Азии из-за того, что они были изгнаны Северным Вьетнамом и удерживались южнее 38-й параллели северными корейцами – причем и тех, и других поддерживал Китай. Как и в ситуации с Северной Кореей, Пекин по-прежнему склонен считать, что Вьетнам принадлежит к ареалу китайской цивилизации, к тому же сейчас многие состоятельные китайцы живут во внушительных размеров домах в более развитой южной части этой страны. Однако, начиная с XV столетия

и вплоть до их яростных пограничных стычек 1979 года, Вьетнам остается единственной страной, куда Китай вторгнулся, но которую ему так и не удалось захватить. Впрочем, потеряв своего патрона в лице Советского Союза, Вьетнам был вынужден в 1988 году открыть свою густо начиненную минами границу с Китаем. Это послужило сигналом к тому, чтобы в условиях глобализации в китайско-вьетнамских отношениях в новых формах возобновилась традиция отправлять друг к другу посланцев с подношениями. «Вьетнам твердо стоит на антиколониальных, но, конечно же, не на антикапиталистических позициях», – описал ситуацию вьетнамский политолог, с которым мы беседовали в Ханое в один из особенно жарких дней. Изумительно, до какой степени большинство вьетнамцев вовсе ничего не знает о глобализации. Они не понимают, что то, что происходит сейчас с ними, имеет место по всему миру – причем с неопределенными последствиями. И все же многие вьетнамцы полагают, что среди стран Второго мира у них наилучшие шансы, чтобы извлечь выгоду из сложившегося положения. «Вьетнам притягивает умные капиталовложения, – радовался китайско-американский специалист по региональной финансовой ситуации из Гонконга. – Он подобен Китаю в миниатюре: в наличии имеются коммунизм, сельское хозяйство и промышленность. С присущей им дисциплиной вьетнамцы оставят позади и Таиланд, и Индонезию». По мере того, как увеличивались производственные издержки в прибрежных провинциях КНР, японские и китайские фирмы стали серьезно вкладываться во Вьетнам, подтягивая сельский Север страны до уровня Юга. Они построили фабрики и импортировали современные тракторы, чтобы нарастить экспорт риса и хлопка, а все это помогает быстрому росту доходов на душу населения. Вьетнам имеет одну из самых быстрорастущих экономик в мире. Ежегодно здесь расходуется больше цемента, чем в бывшей метрополии – Франции. Береговая линия Вьетнама, столь же протяженная, как в Калифорнии, с глубокими гаванями, сулит ему в будущем роль ворот для регионального экспорта по морю. В то же время вьетнамская диаспора в США играет на исторической родине все более активную образовательную и управленческую роль¹⁴. Сегодня по Ханую вовсю тарахтят мотоциклы, на которых ездят нетерпеливые юнцы, родившиеся уже по-

сле войны с Америкой, а пенсионеры потягивают чай и играют в бадминтон вблизи причудливых городских прудов.

Очевидно, что вьетнамский режим отдает предпочтение китайской модели либерализации экономики при централизованном политическом контроле, хотя и обеспокоен такими последствиями ее применения, как растущее неравенство, коррупция и требования прозрачности и свободы. Несмотря на общность подходов, со стороны Вьетнама не видно желаний быть втянутым в региональный порядок во главе с КНР. Как это ни парадоксально, чтобы избежать подобной участи, страна тянется к Соединенным Штатам. Американские военные фирмы продают здесь оружие и спутники связи, а завод «Интел» по производству микрочипов вознес Вьетнам с позиций производителя обуви на арену высоких технологий. Восковое набальзамированное тело торжествующего «дядюшки Хо» в величественном ханойском мавзолее по-прежнему внушает посетителям благоговение, но в то же время во Вьетнам заывают обратно «дядюшку Сэма» с его хозяйственным и военным истеблишментом.

Конечно, чертить линии по воде не так просто, как на песке. Тем не менее Южно-Китайское море выступает своеобразным полигоном, на котором обнаруживаются прегрешения КНР в отношении своих соседей на море и где можно наблюдать в действии китайскую «дипломатию улыбок». На потенциально богатые нефтью архипелаг Спратли и Парасельские острова целиком или частично претендуют Тайвань, Вьетнам, Малайзия, Индонезия и Филиппины. В последние сорок лет вокруг них имело место множество инцидентов, связанных с военной разведкой, морскими столкновениями, установкой буровых платформ и флагов. Все они были нацелены на утверждение китайской власти над рифом Мисчиф – с подходящим к случаю названием («коварный» в русском переводе), но затем Пекин осознал, что больше выиграет от умирения вод, нежели от их волнения¹⁵. «Китай понимает, что ему не удастся захватить эти острова немедленно, – прокомментировал ситуацию один политолог. – Вместо этого он хотел бы стать вызывающим доверие посредником, одновременно получив максимальный доступ к пользованию морскими богатствами». Пекин подписал с АСЕАН соглашение по Кодексу поведения, пред-

полагающему мирное урегулирование статуса спорных островов. Так что теперь компании Китая, Филиппин и Вьетнама совместно разрабатывают в этом районе нефтегазоносные месторождения, причем Пекин подслащивает их сотрудничество обещаниями нарастить капиталовложения в каждой из этих стран. Вероятно, Китай никогда не завоюет Вьетнам и не покорит соседей в Южно-Китайском море, но он учится тому, как получать желаемое, не прибегая к крайним мерам.

Океанская периферия

В то время как отстающие в развитии азиатские страны вынуждены напрягать последние силы из-за потребностей растущего по численности населения, у Китая растет хищный аппетит при взгляде на их ресурсы. Поскольку в самой КНР пахотные земли превращаются в городские фабричные зоны, это вызвало неожиданный всплеск архаичного аутсорсинга. Китай отправил значительную часть своего сельскохозяйственного производства на Филиппины, где китайское меньшинство контролирует немалую долю экономики. Если Индонезия становится китайским рифом, то Филиппины превращаются в китайскую рисовую плантацию.

Вслед за Индонезией и Филиппинами острова Океании составляют второе кольцо в китайской стратегии, предусматривающей одновременное получение доступа к ресурсам и выстраивание дружественных отношений как опоры на перспективу для флота открытого морского базирования, который может со временем появиться у КНР. Впрочем, КНР не приходится завоевывать слабые островные государства в Тихом океане – он их подкупает. Для китайских государственных компаний не составляет проблемы обход ограничений на иностранные инвестиции. Вместо того, чтобы стремиться к собственности на средства производства, распределения и обмена (согласно указаниям Маркса), они контролируют их путем финансирования добычи полезных ископаемых, создания инфраструктуры автомобильных и железнодорожных магистралей, закупки средств передвижения. В Папуа-Новой Гвинее из-за активности Китая резко ускорилась вырубка деревьев в дев-

ственных джунглях. При нынешних темпах лесозаготовок с ними будет полностью покончено к 2030 году. Но независимо от того, фирмы каких именно стран вырубают леса, большая часть древесины все равно поступает в КНР, где служит материалом для всего, начиная с коттеджей и заканчивая палочками для еды.

Нацелившись на те же скопления островов, что и Япония в годы Второй мировой войны – на Меланезию (тесно привязанные к Австралии Папуа-Новую Гвинею и Соломоновы острова), Полинезию (крохотные государства, исторически связанные с Новой Зеландией) и Микронезию (островные страны Тихого океана, находящиеся в ассоциации с Соединенными Штатами) – Китай превзошел Японию в качестве крупнейшего финансового донора¹⁶. В рамках реализации своей космической программы китайцы создали станцию спутникового слежения на острове Кирибати. Долго ли еще остается Америке «править морями»?

31 МАСШТАБ ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ: ЧЕТЫРЕ КИТАЯ

У Китая и Соединенных Штатов есть кое-что общее – это имперская география масштабов и возможностей. Южные и центральные провинции КНР часто страдают от сезонных циклонов и наводнений, в северных районах случаются сильные снегопады, а на западе гористо-пустынный пейзаж напоминает лунную поверхность. Китай имеет определенное сходство с Соединенными Штатами и в том, что вырос из нескольких скоплений городов-государств, расположенных вдоль Желтой реки, в империю континентального размаха, которая, если вспомнить девиз династии Тань, возвышалась до небес и простиралась по всей планете. Но при сопоставимых с США просторах у КНР в три раза больше населения, чем в Европе, и в пять раз – чем в Соединенных Штатах. Здесь сошлись феодализм Третьего мира, мощная индустриальная база Второго и элита Первого. Если поделить территорию Китая на четверти двумя перпендикулярно пересекающимися плоскостями, то на юго-восточную придется 60% всех богатств страны, которые она имеет благодаря хозяйственной роли Тайваня, Гонконга и Шанхая. По уровню развития эта часть почти сравнялась с Соединенными Штатами Америки и Европейским Союзом. Северо-восточный квадрант, включая Пекин, удалось вывести из состояния, присущего странам Третьего мира, путем ускоренной индустриализации и впечатляющего развития инфраструктуры. Но два западных квадранта Китая – включая внутренние провинции Тибет и Синьцзян – остаются пространством Третьего мира, где имеется много природных ресурсов и 700 миллионов крестьян

кормят всю державу. Все эти квадранты, а также китайская зарубежная диаспора численностью 55 миллионов человек, составляют четыре Китая, соединенные в одну огромную сверхдержаву Второго мира.

Тысячелетия китайской истории были практически непрерывной борьбой за объединение страны под единой властью. И сегодня доморощенная смесь деспотизма и патриотизма сдобрена сильными антизападными настроениями, поскольку страна стремится изжить унижительную экстерриториальность, навязанную Великобританией во время опиумных войн середины XIX века, а также чувство возмущения, испытанное в связи с передачей Японии местных германских колоний по условиям версальского урегулирования в результате Первой мировой войны¹. Хотя Соединенные Штаты никогда не господствовали над Китаем (в свое время в госдепартаменте даже не было дальневосточного отдела), американская идея политики «открытых дверей» даже в лучшем случае была лишь наполовину основана на великодушии. Америка преследовала цель обеспечить равные права для всех иностранных торговцев в Китае, чтобы и самой не проиграть в той игре, которая велась в европейской сфере влияния².

Китайцы, как известно, ничего не делают спустя рукава. XX век был в существенной мере отмечен усиленными поисками Китаем действенной хозяйственной системы для своего многочисленного населения. Идеи, близкие марксизму-ленинизму, прижились после появления в 1921 году Коммунистической партии в Шанхае, где были особенно очевидны ужасы индустриального капитализма. В итоге началась социалистическая коллективизация сельского хозяйства, ускорившаяся с победой коммунистов в гражданской войне. Это была в полном смысле революция. Согласно широко из-

* В 1949 году Мао заявлял также: «Китай всегда был великой страной мужественных и трудолюбивых людей; только в последние годы китайцы отстали. И единственная причина этого – подавление и эксплуатация со стороны иностранного империализма и собственных реакционных властей... Мы больше не будем народом, который оскорбляют и унижают. Теперь мы подылись во весь рост».

вестному высказыванию Мао, «революция – это вам не вечеринка, не литературная композиция, не художественное полотно, не красивая вышивка. Ее не проведешь мягко, постепенно, осторожно, тактично, с уважением и вежливостью, просто и скромно»*. Ради модерниза-

ции и победы мировой революции он был готов пожертвовать всеми 300 миллионами тогдашнего населения Китая. Дэн Сяопин сохранил упор на развитии как средстве преодоления нестабильности. Он запустил процесс «четырех модернизаций» – в сельском хозяйстве, промышленности, обороне и технологиях, а также инициировал внутренние реформы и большую открытость внешнему миру, что было необходимо для успешной модернизации³. Но подъем КНР из Третьего мира обеспечивается тем, что нынешнее руководство сохраняет курс на развитие – как экспериментальное, так и кумулятивное. Тридцатилетний период, который завершится в 2010 году, должен запомниться как время, когда Китай вернул территории, противоправно захваченные Западом, и добился быстрого экономического роста и развития. Признанием величия страны стало проведение в Пекине летних Олимпийских игр 2008 года.

Для китайского руководства, хорошо осведомленного о прежних периодах наивысшего триумфа, прогресс является технической необходимостью. Видный ученый Люсьен Пай писал, что Китай всегда был «цивилизацией, маскирующейся под нацию»⁴. Коммунизм был для страны лишь скоротечным увлечением, однако он подорвал этнонационалистические движения, что позволило выдвинуть гораздо более высокую и важную цель: восстановление славного прошлого, порушенного в ходе позорного унижения в XIX веке. Будучи во всех прочих отношениях доминирующей державой в регионе, Китай без колебаний вновь вступает на прежний путь – ведь речь просто идет о возвращении в будущее. Самой отдаленной планируемой датой празднования выхода КНР в свет как сверхдержавы является 2049 год – столетняя годовщина национального объединения. Империи начинаются с убежденности в своем праве на властвование – так что восстановление статуса Китая как Срединного царства означает переход от изоляции к безграничной цивилизации.

Созидание сверхдержавы

Если Америка – самая великая нация в мире, то кто-то забыл сообщить об этом китайцам. Китай сам по себе является вселенной. Это автономное, наиболее обширное и глубокое культурное пространство на планете. У него своя литература, свои философские течения и драматические формы. Китайцам нет нужды воспринимать чью-то культуру извне или меняться, чтобы стать понятными для других. Как это и было на протяжении большей части последних трех тысячелетий, сегодня Китай, вновь обернувшись центром культурного притяжения в Азии, влечет к себе потоки торговцев, туристов и ученых⁵. А отсюда едут учителя и воспитатели. Китайцы уже учредили по миру десятки отделений Института Конфуция для продвижения своей культуры. Китайский кинематограф, искусство и традиционные медицинские практики обрели планетарное распространение, также как и игра Го, которая древнее шахмат.

Тысячу лет тому назад глобализация имела китайский привкус – ведь печатный станок, порох и компас пришли на Запад с Востока. Ныне КНР предстает огромным торговым кораблем, вновь пустившимся в плавание по волнам глобализации и составляющим резкий контраст американскому авианосцу. Культовым образом, по которому выстраивается новый имидж Китая, выступает адмирал Чжэн Хэ. В начале XV века он совершил семь морских путешествий, перевоза туда и обратно послов династии Минь вплоть до восточного побережья Африки. На таком фоне даже достижения Колумба и Васко да Гамы выглядят незначительными. Чжэн Хэ способствовал расселению китайских колонистов на пространстве от Малакки до Кении. Из путешествий он возвращался в Китай с грузами серы из Индонезии и специй с Малабарского побережья Индии⁶. Если бы император Чжоу Гао-чи не принял решения наложить запрет на затратные зарубежные экспедиции, Китай мог бы стать величайшей континентальной и морской сверхдержавой того времени. Поскольку путешествия Чжэн Хэ воспринимались как коммерческие и культурные, его история предвосхищает мнение, что сегодняшний Китай – страна мирная и с добрыми намере-

ниями. Поскольку сам Чжэн был мусульманином и умер после паломничества в Мекку, он представлял космополитический Китай. Наконец, из-за того, что он был капитаном первой крупной волны китайских иммигрантов в Юго-Восточной Азии, множество святынь до сих пор восславляют и отмечают его высадки в Малайзии, Индонезии и Таиланде.

При более близком рассмотрении история Чжэн Хэ приоткрывает реальные и искаженные аспекты китайского национализма. Фальсификации китайской истории в последние годы умножились с целью изобразить картину Восточной Азии, в которой Китай занимает центральное положение. В своей речи на совместной сессии обеих палат австралийского парламента в 2003 году председатель КНР Ху Цзиньтао заявил без весомых оснований, будто экспедиции Чжэн Хэ положили начало «столетиям китайско-австралийских связей». Такого рода выдумка может позднее послужить оправданию китайского доминирования над Австралией. Однако Чжэн не был просто «послом дружбы». Он еще участвовал в войнах от Явы до Шри-Ланки, однажды взяв в рабство шриланкийского короля. Он не только закладывал базы вблизи Малаккского пролива, но и собирал огромную дань для императоров династии Минь в Бирме и Юньнани, а также жестоко подавил народное сопротивление во Вьетнаме. Пример Чжэн Хэ показывает, что применение силы было издревле неотъемлемой частью стратегии Китая⁷.

Уже сейчас мир наблюдает за китайской политикой и экономикой с таким же интересом, как за политикой и экономикой США или Европы – причем Китай тоже способен сбивать с толку экспертов. Он публикует стратегические доктрины, которые активно изучаются, и даже выпускает отчеты по ситуации с соблюдением прав человека, в которых высказывает критику в адрес США по поводу количества заключенных в тюрьмах, неравенства в доходах и уровня преступности, связанной с применением насилия. Официальные и полуофициальные исследовательские институты, работающие при китайских университетах и министерствах, участвуют в формулировании политики Китая в мире. «После развала Академии наук СССР Академия общественных наук Китая по любым меркам сегодня стала крупнейшим мозговым центром ми-

ра», – не скрывал своей радости интеллектуал в Пекине. Споры по поводу глобальной интеграции и конфронтации ведутся здесь не менее оживленно и с не меньшей остротой, чем в Вашингтоне или Брюсселе – и со столь же серьезными последствиями для мирового порядка.

Существует мнение, что «мирный подъем» КНР предполагает зарождение «пекинского консенсуса» как новой логики управления. Она опиралась бы на максимальное использование современных технологий, превентивное разрешение кризисов и сознание собственной правоты при отстаивании глобального статуса перед лицом сильных держав⁸. Но как выглядел бы подобный «пекинский консенсус» на практике, если бы речь шла о принципиальной заявке на мировой порядок под китайским руководством, альтернативный американскому «гегемонизму»? Судить об этом мы можем только на основании Программы построения гармоничного мира в изложении председателя Ху Цзиньтао. Его формулировки одновременно дерзки и непоследовательны, амбициозны, но поверхностны. В Программе выражается полное уважение принципа национального суверенитета – между тем как от него предусмотрительно отказалось даже большинство стран Третьего мира, поскольку глобальные угрозы становятся транснациональными, а внутренние конфликты выходят за пределы государственных границ. С точки зрения Ху Цзиньтао, мультилатерализм подразумевает не совместное решение проблем, а такие правила демократизации международных отношений, благодаря которым новые державы наберут вес и смогут противостоять Соединенным Штатам. Наконец, в Программе находит поддержку идея совместного хозяйственного развития, обеспечиваемого, в частности, торговлей между регионами⁹. Множащиеся китайские проекты и льготные займы несомненно имеют большое значение для экономического роста в бедных странах Африки. В то же время они подкрепляют китайский меркантилизм, который на долгие годы консервирует пагубную для окружающей среды зависимость стран Третьего мира от природных ресурсов. Как представляется, «гармоничный мир» под китайским лидерством не обязательно станет намного приятнее, нежели нынешний¹⁰.

Впрочем, «гармоничный мир» в той же мере предназначен для внутреннего потребления, как и для международного. Цель Программы – умиротворять народное возбуждение дозами латентного национализма. Вместо того, чтобы использовать растущую открытость Китая для привлечения энергии народа в сферы коммерции, растущего благосостояния и свободного времени, правительство умножает национальную гордость (такими примерами как Чжэн Хэ), чтобы заместить ею дискредитированный коммунизм. К тому же оно специально направляет национализм в сторону открытого антиамериканизма. Неслучайно в КНР год за годом США оказываются на первом месте в списке стран, вызывающих наибольшее неприятие¹¹.

Американцы присутствуют в Китае уже более столетия. Сначала они появились там в роли миссионеров, бизнесменов и нефтедобытчиков, а теперь приезжают как студенты, ученые, дипломаты, архитекторы и художники. Китайцы, со своей стороны, составляют заметную долю в мозгах, притекающих в Соединенные Штаты¹². Хотя американские фонды спонсируют передовые научные исследования в КНР, китайские шпионы крадут в Америке секреты на миллиарды долларов. «Не будь Америки, Китай на многие годы отстал бы от своего нынешнего положения», – подвел итог американский ученый, регулярно посещающий Китай.

При этом Соединенные Штаты остаются единственной державой, способной сорвать планы Китая по восстановлению его исторического величия – и именно поэтому для многих китайцев Америка остается «врагом номер один». За фасадом дипломатических ритуалов было немало случаев, когда она с выражением почтения унижала Китай. В их числе скрытая поддержка тибетцев (прекращенная в 1971 году), поставки вооружений Тайваню, развертывание средств противоракетной обороны, бомбардировка в 1999 году китайского посольства в Белграде, инцидент с самолетом-шпионом EP-3 в 2001-м, а также отмеченное китайским руководством снижение статуса государственных визитов. Все это усугубляет ощущение нарастающего соперничества¹³. Многие в Азии подозревают, что на самом деле Америка не прочь разбудить китайского дракона. Поэтому когда бывший министр обороны США Дональд Рамсфельд задавался вопросом, почему КНР расхо-

дует на укрепление своей армии так много средств, хотя никто ей открыто не угрожает, он, по всей видимости, упускал из виду то обстоятельство, что основную угрозу Китаю составляют вооруженные силы Соединенных Штатов Америки. Поскольку в XIX веке именно Запад вторгся в Китай, а не наоборот, последний не покусится на вооружения, необходимые для самообороны¹⁴. Но процессу их наращивания не видно конца, так как нет такой военной силы, которая могла бы нанести Соединенным Штатам прямое поражение. Совершив полеты в космос с людьми на борту, а также запланировав высадку на Луне, Китай тесно увязал свои гражданские и военные планы по освоению космического пространства, в рамках которых он может попытаться создать оружие космического базирования, способное преодолевать американские системы ПВО. Во всяком случае, в рамках этих программ уже доказана его способность сбивать находящиеся на орбите спутники¹⁵. Падение доверия к Америке в азиатском регионе означает, что США уже не имеют возможности обвинять Китай в разных прегрешениях¹⁶.

В китайской грамматике отсутствует выражение времени, чем укрепляются связи с прошлым и вневременная природа китайских взглядов и выражений¹⁷. Поскольку китайцы считают себя хранителями истины, компромиссы с другими государствами (например, альянс с СССР) для них – лишь тактические шаги, а не признание равноценности¹⁸. Аналогичным образом признание Пекином США как сверхдержавы вовсе не свидетельствует о том, что он смирился со сложившимся положением. Так верно ли то, что в поговарках Китая «прятать устремления и прикрывать клыки», как советовал Мао, пока он не достигнет той «многогранной национальной силы», которую ищет?¹⁹ Или же он сохранит верность доктрине «мирного подъема», созвучной афоризму Сунь Цзю, который советовал добиваться побед, не вступая в битву? КНР уже

* Китайское выражение для обозначения многосторонней национальной силы – *Zonghe guoli*. Она зависит от наличных природных ресурсов, экономических возможностей, внешнеторгового и инвестиционного потенциалов, уровня социального развития, военной мощи, действенности госаппарата и дипломатического совершенства.

имеет на вооружении ядерные заряды, крылатые ракеты, беспилотные летательные аппараты, спутники и прочие технологии, а также способствует их распространению. Тем самым она повышает затраты Америки на военное присутствие в

регионе, не нападая на нее фактически*. В то же время по мере падения зависимости Китая от США в торговле уменьшаются и его побудительные мотивы к сдержанности. Энергетическое эмбарго, примененное в отношении Японии, помогло разжечь Вторую мировую войну на Тихом океане. Такая же стратегия, если ее применить к КНР, поставит регион на грань Третьей мировой войны.

Взаимопроникновение Китая и США зашло столь далеко, что им известно друг о друге почти все, что только можно – за исключением того, как поступит противоположная сторона. Военная «горячая линия» в духе «холодной войны» позволила бы это прояснить. Тем временем Соединенные Штаты ныне склоняются к рассмотрению КНР не в категориях противопоставления добра и зла, а скорее в более гуманном ключе, описанном Оскаром Уайльдом как противостояние зачарованности и неприятия. Вашингтон остановился на многоуровневой политике «сдержанного вовлечения» или «вовлеченного сдерживания». Иными словами, он сочетает сдерживание и вовлечение в надежде, что последнее позволит сделать Пекин «ответственным и заинтересованным участником процесса»¹⁹. Но в обозримой перспективе Китай рассчитывает лишь на центральную роль в организации собственного региона и периферии, а не всей планеты²⁰. Если к 2020 году Соединенные Штаты еще будут в состоянии окружать Китай в военном плане, а сам он продолжит строить сферу хозяйственного сопроцветания, то ре-

* Все становится допустимым, когда пересекаются геополитика и глобализация. В несанкционированном и провокационном тексте под названием «Неограниченная война» два китайских полковника в максимальной степени раскрывают реальность такого мира. В нем утрачивается грань между правительственной и неправительственной сферами. Стратегическая конфигурация может быть лишена четкой формы, а отдельные люди способны распоряжаться не меньшей властью, чем целые страны. К тому же при наличии стольких технических средств аннулируются правила ведения войны. «В мире сегодня нет ничего, что нельзя было бы использовать как оружие», – пишут авторы. Какие бы орудия ни были доступны – деньги, интернет, окружающая среда, средства массовой информации, право – к ним следует прибегнуть, чтобы повлиять на ход войны и невидимым образом проконтролировать участь соперника с помощью мошенничества и умышленного запутывания ситуации, которые в Азии эквивалентны лицемерию по-арабски. Для менее сильных стран такое комбинированное ведение боя является единственным – и оправданным – средством победы над более сильным соперником. Им правомерно воспользоваться для преодоления своей относительной слабости (подробнее см.: Liang, Qiao and Xiangsui, Wang. *Unrestricted Warfare*, Beijing: People's Liberation Army Literature and Arts Publishing House, 1999).

зультатом может оказаться своего рода патовая ситуация – то есть Соединенные Штаты не изменят Китай изнутри.

Европа полагает, что способна изменить Китай, применив «мягкую силу» – причем так, как это недоступно американской «жесткой силе». Европейская торговля с КНР превосходит по объему китайско-американскую, да и китайский экспорт в Европу больше американского. Европа ясно дала понять, что китайцам придется терпеть ее вмешательство в их дела, если они хотят когда-либо получить статус страны с рыночной экономикой²¹. Сейчас Китай невосприимчив к американскому давлению в вопросах демократизации, защиты прав человека и экономических реформ, но косвенным образом приветствует европейские советы по всем этим вопросам. Нет сомнений, что государство, которое Пекин надеется построить, будет смоделировано по европейским нормам государственного капитализма и социальной ответственности. Иначе говоря, он ориентируется на тот же источник, что и нынешняя официальная европейская социалистическая идеология²². «Мы направляем гораздо больше дипломатов, экспертов и в два раза больше студентов в ЕС, нежели в США, чтобы разобраться в их государствах благосостояния», – подчеркнул ученый в Шанхае. Лучше было бы, чтобы Китай все же воспользовался плодами подобного обмена – а от Европы он их получает. Кроме того, ряд европейских стран рассматривают свои попытки отменить введенное ЕС в 2005 году эмбарго на поставку в КНР вооружений как знак уважения, благодаря которому будут развиваться конструктивные программы реформ. На деле Европа уже продает сюда высокотехнологичное оружие, а также включила Китай в коммерческую систему спутниковой навигации «Галилей» (хотя Китай планирует создать собственную систему глобальной навигации «Бэйдоу-2»), что, как опасаются в Соединенных Штатах, может поспособствовать китайским системам наведения ракет. Но ЕС не налагает на Пекин никаких условий или штрафов за то, что он проявляет авантюризм, поставляя оружие сомнительным режимам, не повышает прозрачность в военной сфере, не обеспечивает большую свободу слова, не ограничивает применение смертной казни и не подписывает Конвенцию ООН по гражданским и политическим правам. Когда на кону оказываются коммерческие интересы, в роли

морального лидера Европа проявляет слабинку. Однако поскольку Америка сама не участвует во многих подобного рода соглашениях, лишь Европа может убедительно настаивать на них. Между тем самым важным союзником Китая в складывающемся балансе сил является не Европа – эта роль принадлежит глобализации.

Глобализация величия

Китай переживает второй «большой скачок», уже позволивший ему добиться во много раз большего, чем во время предыдущей попытки. Если «гармоничный мир» по-китайски выглядит устаревшим, то о китайской стратегии глобализации этого никак не скажешь. В то время как политическая элита Америки толкует о «китайской угрозе», значительная часть мира – как и большинство рядовых американцев – куда восприимчивее к идее «китайского шанса». В отличие от Японии и Южной Кореи, где впечатляющий рост был обеспечен государством закрытого типа, очевидный подъем КНР стал следствием отказа от стремления разделять внутренние и международные дела. Китай превзошел Соединенные Штаты в качестве крупнейшего получателя иностранных инвестиций и обогнал Японию как наиболее ориентированную на торговлю нацию мира. При валютных резервах почти в 2 триллиона долларов он вкладывает и больше средств на иностранных рынках с помощью агентств типа сингапурского «Темасека», чтобы защититься от резких колебаний в своей экономике, одновременно удовлетворяя свой ненасытный спрос на сырье. Чтобы получить самые передовые технологии, Пекин обеспечил фирмы, находящиеся в государственной собственности, достаточными средствами, чтобы они могли заняться скупкой некоторых из 500 крупнейших корпораций из списка «Форчун».

Еще одно направление китайской стратегии состоит в том, чтобы «брать на бордаж» «суда», принадлежащие странам Первого мира, направлять их к своему берегу и заставлять их капитанов сдаваться. Пока сингапурская компания «Темасек» думала над строительством индустриального парка «Сучжоу» в Китае, китайцы начали переманивать инвесторов на практически идентичный объ-

ект, который они скопировали. В противоположность тому времени, когда практиковалась экстерриториальность, Пекин настаивает на том, чтобы международные корпорации открывали производство внутри страны, что позволяет ему получать прорывные технологии. За право поставки в КНР высокоскоростных поездов «Маглев» (самых быстрых в мире), которые в Шанхае связывают аэропорт Пудун с центром города, концерну «Сименс» пришлось также построить исследовательский институт «Маглев». Он поможет Китаю овладеть технологией, которую со временем китайцы будут использовать, чтобы связать Шанхай с Пекином. Ради стимулирования вяло функционирующих фондовых рынков Китай готов также в растущих объемах направлять капиталы своих банков в Гонконг и Сингапур. Наконец, для приведения в движение неработающих активов, накопившихся за годы бездумного кредитования, он позволяет крупным иностранным банкам приобретать все большие доли в капитале акционерных компаний – и тем самым разделять их риски, одновременно задействовав экспертные знания иностранных банкиров, чтобы разобраться в проблемах²³.

Китайцы всю пользу получают от иностранного ноу-хау, а Первый мир в поте лица трудится, чтобы удовлетворять их запросы. Прежде иностранные фирмы передавали китайцам на условиях субподряда только сборку дешевых узлов, но с тех пор «гонка по нисходящей» закончилась: теперь КНР конкурирует с Сингапуром и Тайванем из Первого мира в сборке электронных блоков и производстве крупных модулей. В Германии рабочим сейчас приходится трудиться сверх нормы, чтобы успешно конкурировать с теми самыми китайцами, которых они когда-то обучали, – и то лишь в том случае, если еще не все проектные и производственные подразделения фирмы перенесены в КНР. Китайцы копируют европейское оружие и затем наводняют им рынок²⁴. Со временем шанхайский «Автомотив» может вытеснить «Дженерал Моторс» и «Фольксваген» из сферы автомобилестроения в Китае, усовершенствовав свои модели с помощью их же технологий и продавая потом машины за меньшую цену. Не за горами тот день, когда это произойдет и в США.

Между тем удерживать у себя международные корпорации, создавая миллионы рабочих мест, Китаю не стоит большого труда –

ведь у большинства компаний попросту отсутствует стратегия вывода оттуда своих производств²⁵. Государственные предприятия прежде ассоциировались с внутренними промышленными районами страны, страдающими от пыльных бурь. Их закрытие привело к миграции населения в города и социальным волнениям. В некоторых районах китайское правительство заставляло людей возвращаться из городов в села, а рабочих – превращаться в фермеров и заселять деревни, покинутые теми, кто ранее отправился в города. Не меньшую роль играет и «Уол-Март», большая часть продаваемых в котором товаров – китайского производства. В этой торговой сети работают почти 200 тысяч человек. Впрочем, независимо от того, на чьей фабрике или шахте заняты китайские работники, их бесправное положение часто приводит к гуолаоци – «смерти от переработки»²⁶. В то же время у более чем миллиарда китайцев обеспечены все базовые аспекты материального благосостояния, поскольку в отличие от стран Третьего мира все основные товары, которые требуются для жизни, страна производит сама. Наконец, за счет высокого уровня накопления Китай строит экономику гигантских масштабов, опирающуюся одновременно и на массовое производство, и на массовое потребление. Фруктовые соки, электроника, автострахование – все, что покупают китайцы, можно производить в расчете на постоянно растущий средний класс. Отсюда следует, что иностранные компании пойдут практически на любые условия, лишь бы получить доступ на формирующийся потребительский рынок, который слишком велик, чтобы им пренебречь. Люди, прежде зарабатывавшие на фабриках по 20 долларов в месяц, внезапно стали нуворишами. Менее чем через десять лет 300 тысяч китайских долларовых миллионеров выдвинут КНР на третье место после Европы и США по приобретению предметов роскоши. «Богатеть – славное дело», – как известно, говорил Дэн Сяопин.

Глобализация разворачивается по китайскому сценарию. Вместо того чтобы поддаваться давлению Запада и открыть свои рынки прежде, чем это сделают Соединенные Штаты и Евросоюз, Пекин очень избирательно воспринимает стандарты ВТО²⁷. Особенно это заметно в области соблюдения прав на интеллектуальную собственность. Соответствующий международный режим

на наших глазах сметается потоком пиратских копий музыкальных записей, фильмов, сигарет (отчего они становятся еще опаснее для здоровья), фальшивых лекарств, батареек, часов, одежды и даже автомобилей. Так, спортивный седан М5 компании BMW мелькает на шанхайских улицах с шильдиком «Президент». На Нанкинской улице в Шанхае и Шелковой улице в Пекине количество побеждает качество с большим отрывом. Бурная торговля пиратскими DVD периодически замирает там только ради проведения символических акций, когда по распоряжению правительства тракторы крушат горы пиратской продукции, чтобы отреагировать на критику со стороны США и Европы. Но такие ухищрения ни на кого не производят впечатления. Ведь власти не торопятся прикрыть одного из самых активных производителей товарной пиратской продукции – Народно-освободительную армию Китая. У нее имеется множество фабрик в разных местах, штампующих поддельные мультимедийные диски, чтобы пополнить армейский бюджет²⁸. Если оставить Китай наедине с его собственной непрозрачной системой принятия решений, то он станет соблюдать права интеллектуальной собственности только после того, как с помощью пиратской продукции проложит себе дорогу в Первый мир. Причем, когда нарушаются его собственные патентные права, Пекин демонстрирует чрезвычайную оперативность в исполнительном производстве, защищая свой рынок ЖК-телевизоров, компьютерных жестких дисков, веб-камер, а также всякого рода сувениров Олимпиады 2008 года, которые разрешалось производить и продавать только китайским властям²⁹. США и Евросоюз все громче угрожают в ответ объявлением торговой войны, ведь они имеют огромный дефицит в торговле с Китаем. Однако, как выразился один китайский экономист из Шанхая, «если бы мы понастоящему хотели попирать режим охраны прав на интеллектуальную собственность, то Западу было бы вообще нечего производить».

Приливная волна поднимет всех

Подлинное чудо китайского развития на самом деле еще только зарождается. В 1980 году КНР находилась в состоянии разрухи, ко-

торое оставила после себя «культурная революция». Две трети населения выживали на отравленной и бесплодной, засушливой территории, наказанные одиночеством, что зафиксировал писатель Ма Чжиань в грустных мемуарах «Красная пыль». Но если прежде в абсолютной нищете жили 500 миллионов китайцев, то теперь на один доллар в день существуют лишь 50 миллионов, а страна больше не просит помощи из-за рубежа для сокращения бедности. При этом китайским властям не приходится тянуть вверх все миллиардное население страны. Понять ситуацию помогает сравнение китайских семей с плотиками, всплывающими на волнах общего экономического подъема³⁰. На каждом таком плотике члены его команды заботятся друг о друге, вследствие чего становится существенно меньше бездомных и попрошаек, и гораздо больше порядка и достоинства, нежели в Индии, относящейся к Третьему миру.

По состоянию на 2007 год четыре пятых всех иностранных инвестиций в КНР накоплены в ее прибрежных провинциях, причем эта ошеломляющая статистика – результат обдуманной политики. Капитализм впускают в страну порциями, чтобы обеспечить постепенность перехода к нему. Платить за такой подход приходится неравенством³¹. Мигранты приезжают в прибрежные города как в новый мир, который раньше не могли даже представить себе. Многие роются потом на мусорных свалках, зарабатывая при этом больше, чем получали бы, продолжая заниматься фермерством. Элиты же небрежно игнорируют этих людей, будто речь идет о стаях бродячих животных. Как и в Бразилии, в Китае неравенство сочетается с растущей преступностью. Так, в городе Гуаньчжоу для патрулирования улицы на службу приняты сотни дополнительных полицейских. Однако поскольку в КНР проблема неравенства решается целенаправленно, страна не увязает в борьбе с преступностью, а показывает пример, вызывающий пристальный интерес в той же Бразилии. Прекратить исход из села свыше 300 миллионов китайцев невозможно, но усилия властей по обеспечению людей жильем, электричеством, водой, медицинской помощью и даже образованием постепенно приведут к снижению общего неравенства³². Впрочем, китайские руководители не обсуждают статистику, потому что знают: даже если верхи взмыли в небо ракетой,

главное – поднять низы. Китай пытается преодолеть разницу в богатстве, развитости инфраструктуры, технологии, правовых и общественных нормах, которая сложилась между прибрежными и внутренними районами, между Востоком и Западом страны. Для этого принята инвестиционная программа социального развития села стоимостью 40 миллиардов долларов. Она распространяется на правительственные учреждения, школы и больницы, и призвана «создать новое социалистическое село». Это разумно для центральных районов страны, где среди сельских жителей пока сильна приверженность социалистическим идеалам³³. В дополнение к государственным капиталовложениям огромную роль в смягчении гнета бедности для более чем 800 миллионов крестьян играют денежные переводы из прибрежных районов во внутренние. Обновление деревень предполагает снос лачуг и возведение на их месте более прочных конструкций, а также строительство двухэтажных коттеджей с солнечными панелями на крыше в качестве загородного жилья для китайцев, живущих в городах. Проложены 75 тысяч километров дорог, связывающих с основными автомагистралями отдаленные деревни, которые соединены также оптоволоконными кабелями с информационной супермагистралью. В обоих случаях Китай на десятки лет обогнал Индию, считающуюся весьма передовой в области информационных технологий.

Поскольку внутренние регионы доступны по воздуху, земле и рекам, естественным стало быстрое развитие в Китае «городов второго ранга», напоминающих Шанхай в миниатюре. Неслучайно крупнейшим в мире муниципальным образованием стал Чонгкин, расположенный вблизи географического центра страны в провинции Сычуань и имеющий свыше 30 миллионов жителей. Вокруг гидроэлектростанции «Три ущелья» рабочие и местные жители строят совершенно новые города для тех, кого пришлось переселить из-за сооружения плотины. В то же время это площадка, где запланирована промышленная модернизация со сметой в 40 миллиардов долларов, благодаря чему район станет центром хозяйственной зоны, охватывающей 35 городов и 100 миллионов человек – что больше любой европейской страны. Сейчас насчитывается более сотни китайских городов среднего масштаба с населением свыше миллиона человек, и силуэт многих из них начинает

напоминать Франкфурт (для сравнения: в США только 10 городов-миллионников, а в Европе – около 30.) Большинство американцев никогда не слышали о таком городе, как Ухань, а он скоро станет столь же зажиточным, как некоторые из их собственных городов – но при населении 7 миллионов человек. Нет ничего странного в том, что хотя Китай производит гораздо больше стали, чем любая другая страна (треть всей мировой выработки) и расходует ее в два раза больше, нежели США или Евросоюз, ему все же требуется еще и еще.

Токсины, оседающие в легких жителей китайских городов, подобны слоям отложений, которые исследует палеонтолог. Они рассказывают историю самой интенсивной индустриализации в мире. Крайне малопроизводительные китайские угольные шахты и сталеплавильные заводы порождают столь густой смог, что он мешает приземляться самолетам и чернит летящий снег зимой. Шесть из десяти наиболее загрязненных городов мира находятся в Китае, а не менее трети всех китайских городов задыхаются от невыносимого загрязнения воздуха³⁴. Как и в экономике, в экологической гонке у КНР нет иного соперника, кроме глобализации как таковой. Удастся ли стране «позеленеть», используя технологии, повышая эффективность и занимаясь охраной природы, прежде чем она окончательно «почернеет», утащив за собой и прочие регионы мира – подобно той соломинке, которая ломает спину глобальной экосистемы?

То, что происходит с Китаем, касается всех: скоро китайцы будут ответственны на треть за загрязнение воздуха в Калифорнии³⁵. Так же как и американцы, китайцы хотели бы наслаждаться качественной жизнью и прекрасными картинами природы, совершая поездки по своей огромной и живописной стране. Но чиновник из Китайской государственной корпорации по добыче нефти на шельфе (CNOOC) заявил буквально следующее: «Права человека означают гарантированный доступ к энергии»³⁶. Надежда на то, что КНР просто повторит историю Запада и станет «зеленее» по мере роста благосостояния, сомнительна. Как и все в Китае, масштаб экологических проблем здесь крайне велик, к тому же они накапливаются гораздо быстрее, добавляясь к губительной для природы двухвековой индустриализации Запада. КНР уже являет-

ся вторым крупнейшим в мире глобальным загрязнителем после США. Такому положению дел активно способствует весь остальной мир, использующий Китай как свою главную фабрику. Между тем НПО, выступающие в защиту окружающей среды, пытаются распространить экологическое сознание до того, как произойдут аварии типа Чернобыльской. Все это сочетается со свойственной китайской культуре приверженностью к чистоте и порядку. Даже в старых кварталах Пекина (хутунах) мусор аккуратно собирается, а велосипедисты, пробираясь по узким улочкам, подбирают для утилизации бутылки и складывают их в огромные пластиковые мешки.

Ветроэлектростанции появились в китайских западных провинциях вплоть до границы с Казахстаном. Когда Китай сознательно стремится ответить на вызов, он способен доказать, что ни одно другое общество не сможет адаптироваться в столь крупных масштабах и так быстро. Экономический рост – краеугольный камень легитимности правительства, хотя деградация окружающей среды, по всей видимости, обходится КНР в 200 миллиардов долларов в год³⁷. Страна стала тем местом, где реализуется большая часть из предпринимаемых в мире проектов в области гидро- и атомной энергетики. Помимо прочего, здесь строится все больше терминалов для сжижения и расжижения природного газа, чтобы с выгодой воспользоваться собственными (а также малайзийскими и индонезийскими) газовыми запасами и уменьшить чрезмерную зависимость от угля и нефти³⁸. Напоминая гигантский Сингапур, Китай теперь отправляет загрязняющие производства в отдаленные регионы. В стране также поднимают цену на воду, производителей, особенно сильно загрязняющих окружающую среду, публично порицают, заносят в черные списки и штрафуют. Уже сейчас Китай использует больше солнечной энергии для разогрева воды, чем весь остальной мир, и даже начал продавать соответствующие технологии за рубеж³⁹. Поднебесная работает и над тем, чтобы контролировать климат, используя технологию рассеивания облаков, чтобы увеличить выпадение осадков и разогнать над Пекином почти неизменную дымку, не пропускающую солнечные лучи.

Шанхай и Пекин: имперские столицы

Жители расположенного в устье реки Янцзы Шанхая воплощают в себе все самое лучшее и заметное в Китае, чем напоминают известных тем же нью-йоркцев. Городская культура и космополитический дух Шанхая позволяют отнести его к Первому миру и придают ему глобальный статус. Забавно, что именно этот город, где была основана Коммунистическая партия, ставившая задачей положить конец капиталистической собственности, отодвинул Гонконг, став новым эпицентром капитализма по-китайски. В этом есть некая справедливость, так как именно шанхайские миллионеры бежали в Гонконг в 1949 году, где под британским попечением усваивали западные методы бизнеса. В то же время в Шанхае нет ничего подобного гонконгским бандам, проституции и преступности. Водители такси защищены пластиковыми коконами, но нападений практически не бывает, а полиция не вооружена. С помощью свистков и жестикуляции полицейские в белых перчатках строго регулируют поведение пешеходов на улицах. Стайки садовников ухаживают за цветами и косят траву. В отличие от городов Третьего мира, здесь много общественных туалетов. Единую электронную карточку можно использовать для оплаты проезда на любом виде транспорта – метрополитене, автобусах и даже такси.

Вне всякого сомнения национальным символом Китая следует признать подъемный кран. Наряду с Дубаем на Шанхай приходится наибольшая доля строительных кранов в мире. Они неустанно двигаются, разбирая сотни тысяч традиционных жилищ колониального времени и выстраивая город будущего. Для всемирной выставки Экспо-2010 готовится площадка размером с Манхэттен, где вырастают нарядные павильоны и резиденции. Уже сейчас в Шанхае больше небоскребов, чем в Нью-Йорке. В проектах некоторых из них сочетается все лучшее из нового и старого, например, башня Джинь Мао похожа на весенний побег бамбука. Знаменитая набережная Бунд было выстроена на рубеже XIX и XX веков в стиле европейского арт-деко. Китайцы не оставили колониальные постройки осыпаться, а осовременили их великоле-

пие, дополнив стеклянными фасадами. В Шанхае есть салоны дилеров всех люксовых автомобильных марок, а молодые яппи собираются на вечеринки в художественных галереях, превращенных в дискотеки. Тут и там возникают концептуальные рестораны, готовые соперничать с лондонскими и лос-анджелесскими заведениями. Поскольку глобальная кухня все больше вдохновляется азиатскими рецептами, Восток ныне определяет международный шик в той же мере, что и Запад.

Шанхай превращается в крупнейший мегаполис мира, на фоне которого меркнут Нью-Йорк, Лондон и Сан-Паулу. Городская администрация планирует развитие Шанхая на пятьдесят лет вперед. Соответственно, несмотря на 26-миллионное население (13 миллионов местных жителей и столько же приезжих) и продолжающийся рост, ему не грозят деградация, хаос и сумятица латиноамериканских мегаполисов. Скорее, он встанет в стройные ряды таких городов, как Токио. Его кварталы разделены на зоны и маркированы разными цветами, а миллионы жителей обитают в квартирах-капсулах, похожих на коконы. Растут новые районы, напоминающие швейцарские деревни или британские городки, которые должны понравиться китайскому среднему классу – империя импортирует к себе весь мир. Наконец, Шанхай – это средоточие огромной агломерации, которая достигает Нанкина и охватывает множество городов с населением до 5 миллионов человек каждый.

Пекин когда-то был городом велосипедистов, но сейчас в нем, похоже, больше автомобилей, а велосипеды сдают в утиль. В городе, всегда имевшем множество дворцов и парков, чье величие повергало в трепет еще во времена Марко Поло, появляются десятки пятизвездочных отелей и жилых кондоминиумов с полным набором услуг и охраной. По вечерам пожилые пары учатся танцевать танго у освещенных городских стен эпохи династии Минь. Как и в Шанхае, немало старых районов здесь расчищают для нового строительства, но в то же время многочисленные древние ху-туны получают постоянный доход за счет притока туристов.

Тайвань и Гонконг: превращение в Китай

Если вы хоть немного сомневаетесь в том, что в глубине китайской души нет места для прочной веры в догмы марксизма-ленинизма, вам нужно посетить Тайвань и Гонконг.

Сунь Ятсен открыто внедрял в Китае идеалы Просвещения. Сменивший его у руля Гоминьдана Чан Кайши, в свою очередь, правил в период расцвета экономических и культурных свобод, длившегося до 1949 года. Позже, во время Великого похода периода гражданской войны Мао Цзедун использовал инстинкты крестьянских масс, чтобы вынудить националистов бежать на Тайвань. Он осуждал правление Чан Кайши как «бюрократический капитализм». Но если бы Мао жил сейчас, то у него, конечно, нашлось бы более точное определение для того, чем стал теперь материковый Китай.

Победа коммунистов в гражданской войне вызвала бегство капитала из Китая. Деньги, попавшие в руки китайских эмигрантов, расплзлись и умножились по всему региону. По иронии судьбы, наиболее удачливыми инвесторами были, в частности, представители народа юе (Yueh), жившего на южном побережье страны. Выходцы с Севера более всего унижали этих людей и выселяли их на Тайвань и в прочие отдаленные места. Между тем за прошедшие десятилетия юе добились больше многих других, толкая вперед китайскую экономику, поскольку через свои финансовые связи в Шанхае они вкладывали в нее миллиарды⁴⁰.

Тайвань прежде был островом, где жили отверженные, а теперь от него, по словам бывшего министра иностранных дел Китая Ли Чжаосиня, «зависит, жить Китаю или погибнуть»⁴¹. Того китайского лидера, который потерял бы Тайвань, вечно бы этим попрекали. Фактически это узловая точка экономики без государства, которая крайне важна для всемирного хозяйства – ведь трудно найти электронный прибор, в котором отсутствовали бы тайваньские детали. Подрыв его экономики – будь то вследствие войны или природных бедствий – в равной мере будет разрушительным для всех, выведя из строя заметный блок глобальной экономики⁴².

Вашингтон защищает Тайвань как из-за микрочипов, так и из-за его военной значимости. Но негласно американцы противятся полному обретению Тайванем независимости, надеясь на достижение крупной сделки, по условиям которой Тайвань дал бы обещание не отделяться от КНР, а та свернула бы военные приготовления. За годы лоббирования, которым Пекин занимался по всему миру, Тайвань оказался в столь плотной дипломатической изоляции, что его независимость не признает ни одно государство – вероятно, включая даже Соединенные Штаты Америки. При мощных вооружениях с обеих сторон и грозном присутствии США на самом деле на кону оказываются политический имидж и контроль над экономикой. В Пекине понимают, что с инкорпорированием Тайваня, когда оно произойдет, он получит центр высокотехнологичных производств мирового класса в качестве дополнения к собственной гигантской промышленности. По сей день Тайвань – крупнейший иностранный инвестор на фабриках и предприятиях материкового Китая, намного превосходящий в этом отношении США, Евросоюз и Японию. Прагматики на Тайване рассчитывают на углубление рыночной интеграции с КНР ради умножения своих инвестиций. Пекин мудро ответил им, предложив 4 миллиарда долларов в качестве займов малым и средним тайваньским предприятиям, которые работают на материке. КНР уже является крупнейшим экспортным рынком для Тайваня, поэтому у нее нет желания нападать на остров, который верно служит ее экономическому росту⁴³.

Хотя КНР и Тайваню случается время от времени побряцать оружием, в реальности быстро прогрессирует их взаимная колонизация. Однако сегодня ясно, что скорее земля соединится с небом, чем Тайвань политически поглотит Китай. Китайцы с континента не слишком прельщаются тайваньской демократией, которая имеет предрасположенность уступать давлению со стороны националистов и притеснять иммигрантов с материка⁴⁴. «Мы копируем только социально-экономическую модель Тайваня, – пояснил мне китайский предприниматель в Пекине. – После начальной фазы дикого капитализма они тоже сосредоточились на развитии и вошли в Первый мир».

Гонконг всегда считался самой свободной экономикой в мире, превосходящей в этом плане Тайвань. Его рассматривают как образец того, насколько китайцы могут быть успешны в восприятии западной цивилизованности и демократии. В 1997 году, по словам сдававшего дела губернатора англичанина Криса Паттена, «последняя британская колония подчинилась воле последней коммунистической тирании». Так КНР получила в подарок мировую финансовую столицу, где сегодня в промышленности работает менее одного человека из десяти, но объем экспорта больше, чем у Индии или России.

В результате намыва земли со стороны как острова Гонконг, так и материкового города Коулун лежащая между ними широкая гавань Виктория сузилась. Это стало символом сокращения разрыва между Гонконгом и городами Шеньчжэнь и Гуанчжоу (Кантон) в дельте реки Чжуцзян, которая окаймляет самый богатый на сегодня регион Китая⁴⁵. Эта дельта служила для британцев складской базой на морском Шелковом пути, а теперь это путь сообщения, благодаря которому древние города народа юе в новых условиях вернули себе значение крупных производственно-экспортных зон. В близлежащем Макао (китайском Лас-Вегасе) и на острове Хайнань крупномасштабные инфраструктурные проекты открывают путь для тайванских, корейских и гонконгских инвестиций. Они потекут в строительство отелей и курортов, способных приносить исключительно большую прибыль. Приобретается недвижимость и создаются бюджетные авиакомпании, доставляющие туда китайцев со всей страны. Город Бейхай идеален для прибрежной торговли с Вьетнамом. Правда, метафору с сужающейся гаванью можно истолковать и в противоположном смысле: загрязнение в верхней части дельты спускается вниз по течению реки, оно мутит в Гонконге воздух и воду, а со времени передачи КНР политика последнего страдает от роста коррупции и нарушения прав собственности. С каждым годом Гонконг, как и Тайвань, становится все менее отличимым от Китая, утрачивая самобытные черты.

Одна страна – две системы

Фраза «одна страна – две системы» уже относится не столько к водоразделу между Китаем и Тайванем, сколько к дуализму «рыночного ленинизма». Для Запада историческая аксиома заключается в том, что ни одна страна не в состоянии выдержать парадоксальное сочетание капиталистической экономики и авторитарного правления. Но именно такова суровая китайская действительность⁴⁶. Иностранцам никогда не удавалось проникнуть в имперскую политику Китая, и поэтому им следует искать согласия «с тем Китаем, какой он есть, а не с тем, каким бы мы хотели его видеть»⁴⁷.

Когда последний китайский император Пу И лишился трона в Манчжоу-Го и был принят в коммунистические ряды, он якобы сказал по поводу своего перевоспитания: «Коммунистическая партия настолько велика, что не истребляет человека физически, то есть не уничтожает его плоть, а стирает ошибочные идеи». Хотя за последние полвека у КПК не было недостатка в ошибках, она не претерпела такого переворота, который китайцы аллегорически называют «отзывом мандата». Особой задачей партии является удержание своих полномочий всеми доступными средствами. Правда, в сущности, она не сталкивается с серьезной конкуренцией. Ведь за пять тысяч лет «народ» никогда не становился кандидатом на получение «небесного предписания». Хотя маоизм дискредитирован, никто не оспаривает принадлежащее Мао изречение: «Политическая партия вырастает из ружейного дула – поэтому партия обязана держать ружье под контролем».

После восстания на площади Тяньаньмэнь и распада Советского Союза, которые почти совпали по времени, Китай и Россия двинулись в разные стороны. Китайцы отбросили свой коммунизм в силу стратегического выбора, они не заменили его новым авторитаризмом и апокалиптическим капитализмом в российском духе, а стали создавать свою «азиатскую смесь». Партийный аппарат, который был поспешно выстроен после захвата власти в итоге гражданской войны, сейчас усиленно пропагандирует свой внутренне противоречивый «демократический централизм» так, как будто он является наследием создававшихся тысячелетиями знаний. В

какой-то мере так оно и есть: конфуцианство возвращается на землю, откуда оно произошло, в нужное время, чтобы придать легитимность Коммунистической партии – так же как это делалось для легитимации других режимов Восточной Азии. Конфуцианство позволяет обосновать две опоры партии: на государственный капитализм и социал-демократию, подчеркивая стабильность, уважение к власти, меритократию и лидерство, указывающее путь собственным примером⁴⁸. Ныне статуя Конфуция установлена вблизи озера с лотосами в кампусе элитного университета Синьхуа.

Правда, независимо от того, на какие корректировки пойдет КПК, остаются несколько нерушимых табу. Нет хода свободе вероисповедания для китайских христиан, которых насчитывается до 40 миллионов – как и для 30 миллионов мусульман, чего не допускал также ни один император. Китай уже пережил массовую опиумную зависимость и не позволит свободно распространяться «опиуму для народа» (по Марксу). Не будет никаких компромиссов и в отношении территориального единства, включая Тайвань, а что касается Тибета и Синьцзяня, то сейчас у властей больше сил, чем когда-либо прежде, чтобы их подчинить. Высококачественный пропагандистский боевик «Герой» – один из фильмов, которые в последние годы по всей Азии посмотрело больше всего зрителей, средствами искусства фиксирует исконную значимость единения китайских царств.

Партия влиятельнее, изощреннее и сложнее любой династии из китайской истории. Взамен детей-императоров, для которых страна была личным достоянием, теперь появились «императоры» со степенью мастера делового администрирования, которые мыслят бизнес-планами и привлекают предпринимательскую элиту на роль консультантов. После Дэн Сяопина не стало фигур-тотемов, чья аура ниспосылалась бы на подобострастный народ. Взамен пришло поколение технократов, которые соревнуются за влияние, более или менее исходя при этом из талантов и трудолюбия – при большей подотчетности, чем когда-либо в прошлом. Не исключено, что для партийных функционеров скоро введут ограничения на срок службы⁴⁹.

Конечно, те режимы, в которых вся власть принадлежит только одной партии, больше подвержены коррупции, чем режимы с не-

сколькими партиями, соревнующимися за власть. Общесистемную коррупцию в Китае недаром сравнивают с гнилым деревом, которое еще стоит, но уже не плодоносит⁵⁰. Практикуются торговля постами в правительстве, вмешательство в работу больших и малых предприятий, откачка средств, выделенных на обустройство общественных территорий, отсутствие стандартов безопасности производимой продукции, конфискация и продажа крестьянской собственности застройщикам, дурное управление банками. Все это – плюс низкопробные отели и больницы, отданные в распоряжение провинциальных министров и армии, которые используют их, чтобы поднакопить денег – вот лишь несколько примеров, показывающих, что соединение китайской политики и капитализма выглядит несколько кособоким. Не избежал порчи даже императорский дворец в Пекине – в его павильонах то тут, то там на глаза попадаются медные таблички с логотипом «Америкэн экспресс».

Однако китайский народ пока верит, что ему надежнее жить с сильным, а не слабым государством, которое могли бы эксплуатировать иностранные державы. Если на Западе закон служит тому, чтобы защищать народ от элит, то в Китае исторически сложилось так, что закон диктуется наверху и затем спускается вниз к массам. В 2004 году по всему Китаю были зафиксированы 74 тысячи демонстраций – в основном против изменения цен и захватов земли, а также в поддержку прав работников. Это не назовешь признаком революционной бури, направленной против партии⁵¹. Крестьянские бунты – обычный эпизод в китайской истории. Но частные протесты направлены не против идеалов перераспределения, а против плохого исполнения чиновничеством своих функций⁵². Самопожертвование – по-прежнему явно выраженная культурная черта китайцев, и, как встарь, сохраняется неуклонно насаждаемая сверху лояльность государству. Вопреки всему популярность партии, похоже, даже возрастает.

Китай – страна не демократическая, однако переход от товарища к гражданину и от узаконенной власти к верховенству закона начался еще до событий на площади Тяньаньмэнь⁵³. Сейчас у миллионов семей впервые появились права собственности, что погружает целые регионы в стихию кредита и потребления. Порка чиновников, сбившихся с пути истинного, больше не проходит скрытно

за красными стенами Запретного города, а проводится публично и отражается средствами массовой информации. Они, в частности, широко освещали казнь в 2007 году крупного чиновника, ответственного за продовольственную безопасность – в назидание другим любителям обходить углы и брать взятки. Коррупцированные начальники увольняются, нечистых на руку полицейских все чаще хватают за руку, раздаются руководства по этике, а министерские бюджеты вывешены в интернете. Более чем в миллионе деревень уже состоялись выборы комитетов местного самоуправления. Этот процесс остается экспериментальным только потому, что слишком часто вперед выходят «свои» люди – этот недостаток правительство надеется исправить прежде, чем из-за него демократия на местах превратится в посмешище. Городские служащие теперь прибегают к помощи компаний, занимающихся опросами, чтобы выяснить общественные взгляды и предпочтения.

Китай не станет прислушиваться к призывам демократизироваться или пойти на какие-то еще крупномасштабные перемены, пока не достигнет своей цели к 2050 году обеспечить население доходами, соответствующими его пониманию среднего класса⁵⁴. На деле для формирования в КНР полноценной демократии – если она вообще когда-нибудь там появится – может понадобиться столетие или даже больше. Но прогресс является чисто внутренним делом, не дающим поводов для требований из-за рубежа⁵⁵. Китайцы с растущей гордостью воспринимают общественный и гражданский порядок в стране, чему либерализация информационной среды могла бы фактически поспособствовать – опять-таки вопреки западной логике. Китайское государство достаточно прочно, чтобы допустить критику в средствах массовой информации без того, чтобы СМИ стали самостоятельной опорой власти. Однако, так же как в Сингапуре, КПК еще недостаточно уверена в ситуации. Для все большего числа китайских пользователей Всемирной сети многие интернет-страницы оказываются под запретом, причем за самоограничение предлагаются награды в духе произведений Оруэлла. Без предварительного официального одобрения запрещены сообщения в СМИ о природных катастрофах⁵⁶. Между тем свободные СМИ дают возможность наладить полноценные дебаты, обеспечить прозрачность управления и вос-

питание гражданских навыков. Вряд ли КНР будет вызывать полное международное уважение в ситуации, когда многие из кинематографистов и писателей, удостоенных иностранных призов, живут в эмиграции, а в самой стране в равной мере опасно говорить правду или лгать. Во всяком случае, в этой области Китай заслуживал бы гораздо больше одобрения, если бы лучше воспринимал западные уроки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Поиск равновесия в пост-американском мире

Гонка наверх

Трудно переоценить неустойчивость ситуации начала XXI века. Соединенные Штаты то держатся особняком от международного сообщества, то, наоборот, бросаются к нему с распростертыми объятиями, пекинское Политбюро все еще остается «черным ящиком», а Европейский Союз осторожно включает свои стратегические рычаги. Поэтому нужно рассмотреть альтернативные сценарии мира, в котором доминируют эти три силы. Скорее всего, Америка не сможет сохранить чрезмерный уровень потребления, Европа – продолжить расширение, а Китай – нести экологическое и социальное бремя. Все они будут вынуждены отступить, оказавшись не в состоянии выполнять взятые на себя обязательства или если слияние со своей периферией окажется для них слишком обременительным¹. Однако нет сомнений в том, что сохранятся фатальные циклы возвышений, крушений и конфликтов².

Уважение к Америке в мире и ее влияние зиждутся в основном на ее престиже: США защищают свободу с оружием в руках, это самое богатое общество и самая жизнеспособная демократия в мире, живущем по предписаниям Томаса Гоббса и Чарльза Дарвина³. Однако Америка превратно поняла их обоих⁴. Хотя Гоббс и полагал, что люди движимы тем, что впоследствии Ганс Моргентау назвал *animus dominandi* («жаждой власти»), тем не менее он взывал не к одному лишь деспотичному Левиафану, стоящему над людьми, но и к «материи, форме и власти государства церковного и гражд-

данского»⁵. Дарвин также никогда не утверждал, что грубая сила – залог долговечности. Он писал: «Выживут не самые сильные или умные биологические виды, а те, кто лучше приспособится к изменениям». Учения Гоббса и Дарвина подсказывают: ни одной державе не удастся господствовать над другими; доминировать сможет лишь наиболее адаптивная система.

Ни одна из сверхдержав не может просуществовать и минуты более отпущенного ей срока. Уже на протяжении долгого времени США располагают военной мощью, достаточной для того, чтобы повергнуть в прах любого соперника. Однако несмотря на неоднократные заявления президента Буша-мл. о том, что нужно «идти в наступление и продолжать атаковать», вести «войну с террором» и разбираться с «осью зла», Америке так и не удалось снять основные угрозы, которые она сама же определила. Это свидетельствует о том, что одной вооруженной силы недостаточно⁶. Более того, быстрее всего влияние Соединенных Штатов уменьшалось именно там, где их военное присутствие наиболее весомо, а именно: в арабском мире и в Восточной Азии. Некоторые американцы склоняются к ограниченной версии стратегии установления баланса сил в ключевых регионах мира. Однако подобный вариант – это всего лишь пассивно-агрессивная разновидность все той же в целом провальной доктрины. Даже при наиболее мягкой гегемонии трудно оправдать создание ядерных бомб, предназначенных для уничтожения бункеров, и развязывание упреждающих войн, одновременно отменяя договора, которые бы их регулировали. Как заметил Генри Киссинджер: «Сила может покорить весь мир, но она не способна придать себе законный статус».

* Америка исповедует антиколониализм, но и ей присуща имперскость. Найэлл Фергюсон остроумно пародирует американцев, участвующих в войне за рубежом и задающихся вопросом: «Ну теперь-то мы можем отправиться домой?» У американского империализма имеется своя традиция, уходящая корнями во времена покориения Запада: страна прошла путь, начиная от неприятия гегемонии в XX веке и кончая военными операциями, предпринятыми уже в наше время во имя прав человека, демократии, борьбы с терроризмом или

Налицо парадокс: даже если Америка является всего лишь «беззлойной империей», ставшей таковой по воле случая, она все равно ощущает необходимость действовать по-имперски, отстаивая свои принципы в конкуренции с Евросоюзом и Китаем*. Соединенные Штаты упрекают остальные страны за использова-

ние силовой политики, однако последние продолжают оспаривать попытки Америки монополизировать силу*. Ошибочные допущения о якобы существующем у США потенциале доминирования разбиваются о реалии практически любого региона Второго мира: Европейский Союз может принести процветание в страны, находящиеся к востоку от его границ; возглавляемая Китаем ШОС может стабилизировать центрально-азиатский регион; латиноамериканские страны могут обойтись без Соединенных Штатов; арабы могут отвергнуть американские претензии на гегемонию, а продвижение Китая в Восточной Азии Америка не способна сдержать имеющимися у нее военными средствами. Геополитический мятеж идет полным ходом.

Действительно ли мир более не нуждается в Соединенных Штатах?⁷ Антиамериканизм не стихает даже несмотря на увядание их могущества. Американцы часто заявляют, что скрытность устремлений Китая – ключевой фактор неопределенности. Однако именно Соединенные Штаты стали воплощением этой неопределенности, поскольку все еще отсутствует единое мнение по поводу позиции, которую занимают США. В настоящее время они играют роль своего рода «вероломного Альбиона». Ни демократический идеализм, ни гегемонистское мессианство не сулят восстановления доверия к Америке, ведь в наше время доверие перешло от одной «невидимой руки» к нескольким державам-конкурентам, мерно ступающим перед нами эдакой вереницей авторитетов. Для американцев вопрос «Что мы будем иметь с этого?» сменился вопросом: «Почему нас там нет?». Теперь международные конгрессы и встречи на высшем уровне проходят в других странах, при-

нефти. Демократы и республиканцы по сей день обсуждают вопрос не о том, должна ли Америка вмешиваться, а когда и где вмешиваться. Как предрекал Джон Куинси Адамс, Америка всегда обосновывает свой «поход за границу в поисках чудищ и уничтожения оных» с помощью, как заметил Эндриу Басевич, какой-нибудь очередной операции под кодовым наименованием «Операция [нужное название вставить] свобода».

* Эдвард Харлет Карп писал о геополитическом благодушии, царившем на временном отрезке меж двумя мировыми войнами: «Пропитанные утопическими мечтаниями авторы из англоязычных стран всерьез полагали, что создание Лиги Наций – залог полного исчезновения силы из сферы международных отношений... То, что обычно называют “поворотом к силовой политике” в 1931 году, на деле означало прекращение монополии власти, которая принадлежала существовавшим на тот момент державам». См.: Carr, Edward Harlett. *The Twenty Years' Crisis, 1919–1939: An Introduction of the Study of International Relations*. New York, Harpers Perrenial, 1964.

чем уже без визовых ограничений, введившихся Соединенными Штатами в произвольном порядке. В бизнесе, начиная от хедж-фондов и кончая интерактивными биржевыми операциями, все чаще отдается предпочтение Лондону и Гонконгу, а не Нью-Йорку. В 2006 году канал «Аль-Джазира Интернэшнл» начал вещание на английском языке и разместил свои телестудии повсюду в мире – за исключением Соединенных Штатов. Информация о спортивных соревнованиях по широко распространенным в мире видам спорта – крикету и футболу – в США по-прежнему редкость. Так называемая «мягкая сила» работала на Америку лишь тогда, когда страна шла впереди всех.

Так как ни «твердая», ни «мягкая» сила Соединенных Штатов не дают желаемого эффекта, американцы начинают осознавать: неприятностям подвержены все – даже они. Подобно тому, как после постепенного растягивания резина вдруг рвется, так и крах любой империи наступает почти сразу после достижения ею пика своего величия. Америка хотела бы держаться на безопасном расстоянии от европейских и азиатских держав, расположенных на обоих концах евразийского «мирового острова», но при этом диктовать свои условия подобно тому, как она делала это столетие назад на Парижской мирной конференции, после которой сэр Гарольд Николсон недовольно высказался: «Америка, навеки защищенная Атлантикой, возжелала укрепить чувство уверенности в своей правоте и одновременно не брать на себя никакой ответственности»⁹. Однако географическую удаленность можно считать преимуществом лишь в том случае, если часть тягот готовы взять на себя союзники. Раймон Арон назвал американскую систему косвенного господства над миром «имперской республикой». Однако отдача от затраченных усилий значительно уменьшается по мере того, как США теряют союзников по всему миру, а «добровольные коалиции» под американским началом оказываются альянсами тех, кто ищет корыстных преимуществ. Сегодня Соединенным Штатам приходится действовать в одиночку намного чаще, чем это подобает подлинному лидеру. Неслучайно их военное, финансовое и моральное влияние уменьшается¹⁰. Трансформация НАТО в «ось демократии» (кстати, недостаточно финансируемую) положения не изменит: провал иракской компании стоил США поте-

ри лояльности со стороны Великобритании, а ведь раньше она не подвергалась никаким сомнениям. Япония же все больше и больше осторожничает в Восточной Азии. В результате эти страны стали практически мнимыми союзниками Америки. Многие другие государства, некогда уютно гнездившиеся под американским «зонтом безопасности», также срываются с поводка, укрепляя собственные вооруженные силы, дабы добиться независимости от Соединенных Штатов¹¹. Поскольку все части мирового организма противятся американской «хирургии», США уже не могут понять смысла затрат и последствий своей вовлеченности в глобальные дела¹². Недовольство внутри страны и неспособность в одиночку выполнять взятые на себя международные обязательства – вот основные свидетельства имперского перенапряжения. Тойнби предупреждал: «Против судьбы не пойдешь»¹³.

Подчас полагают, что Соединенные Штаты чрезмерно разбрасываются в своей внешней политике, выдвигая слишком много задач, включая борьбу с терроризмом, расширение торговли, обеспечение энергетической безопасности и урегулирование конфликтов. Упор на управлении кризисами является верным признаком того, что США не удастся достичь своих главных стратегических целей. В то же время имперская дипломатия требует комплексности, для нее неприемлемы бездушный бюрократический механизм и подходы, не учитывающие индивидуальных особенностей (что, скорее, уместно для какой-нибудь консалтинговой фирмы)¹⁴. Джордж Кеннан писал о том, как сложно представлять интересы своего государства, когда хорошо знаешь другие страны и благожелательно относишься к ним, понимая, что их нельзя переделать под свой аршин. По-видимому, дипломатия Соединенных Штатов обречена на неудачу в обоих отношениях. Одни лишь колоссальные средства, выделяемые для нужд госдепартамента – по сути дела, крупнейшего в мире турагентства – не спасут империю, ведь кроме этого нужны основательные знания о регионах мира и специалисты, готовые посвятить всю свою жизнь изучению далеких стран. Однако, как заметил эксперт по вопросам в области борьбы с повстанцами Дэвид Килкуллен: «Количество музыкантов, играющих в военных оркестрах, намного превышает число всех работников дипломатической службы»¹⁵. Когда при улажи-

вании конфликтов профессиональных дипломатов поменяли на «специальных посланников», во внешней политике расцвел дилетантизм.

В мире, состоящем из группировок, а не полноправных союзов, на дипломатическом поле конкурируют разные имперские подходы: американский коалиционный, европейский консенсусный и китайский консультативный. Каждый из них замешен на своем идеологическом цементе. Так, США предлагают военную защиту и экономическую помощь, Китай – разнообразное и свободное от всяких предварительных условий сотрудничество, а Европа – глубокие реформы и экономическую ассоциацию с созданным на ее просторах союзом. Имперские сети, или сферы влияния, все чаще в чем-то совпадают друг с другом, причем многие государства Второго мира состоят сразу в нескольких и балансируют, пытаясь одновременно получать экономическую помощь от одной державы, военную – от другой, а торговые связи – от третьей¹⁶. Соединенные Штаты, Евросоюз и КНР все чаще ведут себя как «заключенные друзья» – товарищи и конкуренты одновременно.

Дабы преуспеть на высококонкурентном рынке, где отказ от участия равносителен добровольному отказу от влияния, любая сверхдержава обязана идти вперед, не останавливаясь ни перед чем¹⁷. Америке удастся склонить на свою сторону своенравные государства Второго мира лишь в том случае, если она сможет восстановить свой статус. Сделать это ей удастся лишь тогда, когда она открыто и честно станет продвигать широкомасштабные инициативы в сферах экономики, технологии и безопасности – при условии, конечно, собственного политического реформирования. В глобальном состязании предпринимаются усилия по увеличению численности универсальных солдат империи (Тойнби называл их «жителями приграничной полосы»), которые понесут с собой и станут распространять ее жизненные устои. Новая дипломатия Америки, «дипломатия перемен», ставит перед увеличенным штатом дипломатов трудные задачи по упрочению американского присутствия в мире. Европейская комиссия тоже создала свой собственный дипломатический корпус, включив туда экспертов по торговым вопросам, развитию и политике. Китай также увеличил

по всему миру число своих аванпостов и штат специалистов по гуманитарным вопросам.

Но даже в этом случае государства Второго мира, составляющих своего рода антиимперский пояс (к ним можно отнести Венесуэлу, Иран, Казахстан, Ливию, Малайзию и некоторые другие страны), будут делать упор на дальнейшем выстраивании связей друг с другом, не забывая при этом о связях с Вашингтоном, Брюсселем и Пекином. Государства Второго мира станут вбирать в себя не только все лучшее из того, что им для их же блага предлагает каждая из сверхдержав, но также займутся установлением между собой партнерских отношений с тем, чтобы совместно добывать нефть, обмениваться конфиденциальной информацией, бороться с терроризмом и нищетой, а также осуществлять контроль за движением капиталов и создавать современную инфраструктуру. Государства Второго мира будут использовать свои богатства для приобретения западных банков, портов и других стратегических активов. Региональные группы этих стран продолжат формировать свои собственные экономические зоны, учреждать банки развития, создавать миротворческие силы и уголовные суды. Скажем, уже появились авиалинии, соединяющие арабские страны, Южную Америку и Восточную Азию непосредственно друг с другом. Если говорить о сверхдержавах, то для них эффективнее вести дела с помощью своих региональных представителей, нежели прибегать к услугам глобальных институтов*. Однако, сопротивляясь радикальной тенденции, ведущей к появлению мира без американской гегемонии, Соединенные Штаты должны почаще заглядывать внутрь самих себя и понять, что с державных высот есть лишь одна дорога – вниз.

* Важность регионального мышления увеличилась настолько, что теперь в некоторых предложениях по реформе Совета Безопасности ООН предполагается создание постоянных мест для представителей регионов, причем государства, представляющие каждый регион, будут занимать эти места по очереди. Соединенные Штаты могли бы повысить статус заместителей госсекретаря до аналогичного тому, который имеется у пентагоновских генералов, и расширить их полномочия в сфере принятия решений и координации политики относительно тех регионов, за которые они отвечают.

Америка: из Первого мира во Второй?

Китай уже фактически стал государством Второго мира, поднявшись из мира Третьего. Европа поглощает свою периферию, относящуюся ко Второму миру, и пытается подтянуть ее к миру Первому. Может ли Америка, которая долгое время оставалась витриной Первого мира, соскользнуть во Второй? Империи перед кончиной, как правило, сталкиваются с внутренними противоречиями. Но цивилизация, пояснял Тойнби, «есть движение, а не состояние; плавание по морю, а не гавань». Чтобы понять причины распада цивилизаций, мы должны «расширить свой мысленный горизонт и перенестись за его пределы». Изучив информацию о деяниях выдающихся людей империи, Тойнби установил, что самыми распространенными причинами имперского заката можно считать милитаризм и вырождение элиты общества, способной к творческому созиданию. Империи прошлого терпели поражение из-за царившей внутри них лжи; в результате каждая из них «получала варваров, которых заслуживала». Наметившийся закат Америки не могут завуалировать ни сильное оружие, ни сильные личности, ведь как раз они-то и представляют собой главные символы распада как такового.

Имперское перенапряжение Соединенных Штатов происходит на фоне потери ими экономического первенства и размывания фундамента, на котором покоится их глобальное лидерство. Конечно, Америка, скорее всего, не будет разграблена варварами, как это произошло с Римом, но подобно имперской Испании Соединенные Штаты имеют уязвимые места, а именно: зависимость от внешнего финансирования и переменчивость союзников. После Второй мировой войны доля США в мировой экономике сократилась с 50 до 25% – и это в то время, когда Европа и Китай отстраивают два других региона мира. Во времена «холодной войны» союзникам Америки приходилось мириться с завышенным курсом доллара, зная, что это необходимо для выполнения ею военных обязательств по их защите. Но добрая воля союзников, на которой покоится гегемония доллара, быстро испаряется. Важен не только тот факт, что Китай и Япония стали двумя крупнейшими держателями долларов, но и то, что впервые в истории основная

резервная валюта принадлежит государству-должнику, у которого имеются гигантские финансовые обязательства перед своими конкурентами¹⁸. Из-за финансового и внешнеторгового дисбалансов Соединенных Штатов доллар более нельзя рассматривать как прибежище для инвестиций. Именно поэтому у других стран возникает желание постепенно диверсифицировать валютные резервы и фиксировать цены на сырьевые товары не только в долларах. В мире существует достаточно много крепких валют, однако особое внимание уделяется котировкам всего лишь трех из них: доллара США, евро и китайского «женьминьби» – «народных денег». Чем больше стран и инвесторов диверсифицируют часть своих денежных средств в евро, тем меньше у Соединенных Штатов возможностей финансировать свои дефициты и дорогостоящие военные авантюры. А поскольку упомянутые дефициты возникают в Америке вследствие «потребительского угара» (по выражению Джозефа Стиглица), то Соединенным Штатам мало что перепадет после того, как музыка стихнет и придет время расплаты¹⁹. Так как платежи Америки по внешним долгам уже превысили поступающие в нее иностранные инвестиции, получается, что она живет за счет богатств, предназначенных для будущих поколений, и в результате страна беднеет. У Соединенных Штатов склонность к финансовому авантюризму развивается одновременно с военным авантюризмом. Оба эти вида политического безрассудства – свидетельства того, что имперская машина Соединенных Штатов движется лишь по инерции, без руля и без ветрил, поскольку в ее топливном баке нет горючего.

Америка оправдывает свое неприсоединение к важнейшим международным договорам – таким как Киотский протокол или договор о создании Международного уголовного суда – либо ссылкой на их несовершенство, либо требованием отвести себе глобальную роль. Но как можно объяснить отклонения внутри самих США? Использовать психоанализ в отношении Соединенных Штатов – страны, сотканной из противоречий, – настолько просто, что психолог Эрик Эриксон однажды заметил: «Подлинная американская особенность такова: для любого свойства, присущего этой стране, можно отыскать ему противоположное»²⁰. Скажем, Америке свойственны два внутренне противоположных качест-

ва – щедрость и эгоизм. Если, как утверждают, способ, которым общество ведет войну, отражает характер этого самого общества, то совершенно очевидно: сдержанность – отнюдь не американская добродетель.

Соединенные Штаты претендуют на то, что именно они воплощают общемировые идеалы свободы, счастья и возможности самореализации. Однако Америке еще предстоит отстоять это право в поединке с другими державами. Понятие «качество жизни» звучит слишком абстрактно, однако если рассмотреть данный показатель по разным странам, то мы увидим следующее: в США положение ухудшается, и размер страны лишь усугубляет проблему. США расположены в нижней части списка стран ОЭСР по показателям средней заработной платы и неравенства доходов, то же самое можно сказать и об их месте в рейтинге по так называемому показателю личного счастья (с которым неравенство доходов коррелирует отрицательно). В Америке показатель медианного дохода выглядит хуже, чем среднего дохода, дающего ошибочное представление о характере индивидуальных доходов населения. Сверхбогатые граждане живут в условиях экономического пузыря, внося такой же вклад в экономики других стран, как и своей собственной, причем 130 тысяч человек, находящихся на верхних ступенях социальной лестницы США, зарабатывают больше, чем 40% остального населения (а это 300 миллионов человек), расположенные на ее нижних ступенях. Аналитики «Ситибанка» характеризуют Соединенные Штаты как «плутономику», в которой роль богатого меньшинства намного превосходит роль остальных граждан²¹. Высшие слои общества представляют собой обширный рынок для бриллиантов и пожирающих бензин внедорожников. В то же время внизу продолжается потребительская лихорадка в дешевеньких лавках и магазинах «Уол-Март», где ежегодно в День благодарения (если не раньше) начинаются бои за праздничные подарки, иногда даже приводящие к жертвам. Америка перестает быть нацией среднего класса, обретая все крайности Второго мира. На протяжении трех последних десятилетий не происходило никакого увеличения (в реальном выражении) заработной платы рабочего класса, доля которого в экономике сокращается, несмотря на его абсолютный рост²². Одна пятая часть американских де-

тей растет в бедности, а общее число бедняков приближается к 40 миллионам. В Нью-Йорке многие семьи с низким доходом в целях экономии ютятся в общежитиях, будучи не в силах позволить себе постоянное жилье. Может быть, им повезет найти кров после того, как лопнет мыльный пузырь на рынке недвижимости.

На фоне остальных стран Первого мира Соединенные Штаты – страна нездоровая. Вряд ли отыщешь человека, который бы не хотел, чтобы в случае необходимости ему было гарантировано бесплатное или доступное с финансовой точки зрения медицинское обслуживание. Хотя Америка исповедует идеологию свободного рынка, это не означает, что она нравится тем 45 миллионам американцев, которые не имеют медицинской страховки. США сурово критикуют другие страны за чрезмерный бюрократизм, однако астрономические административные расходы американской системы здравоохранения напоминают американские же программы помощи иностранным государствам, в которых все больше и больше денег не доходит до получателей, а съедается накладными расходами. Растущая тучность детей и взрослых свидетельствует не о здоровье, а о зависимости от дешевой пищи с высоким содержанием жиров. В настоящее время при расчете загрузки самолетов вес американцев автоматически увеличивают на 10 килограммов. В то же время мы видим пренебрежительное отношение к пожилым гражданам, которые просто умерли бы с голоду, если бы не благотворительная помощь.

Сверхдержавы сохраняют за собой инновационные преимущества над конкурентами благодаря системам образования в сфере науки и техники. Однако Соединенные Штаты скатились здесь вниз. Конечно же, еще есть элитные университеты, но большинство американцев сегодня имеют лишь незаконченное высшее образование, причем многие тратят от пяти до восьми лет, чтобы выполнить дипломную работу в местных колледжах, а для оплаты обучения совмещают занятия с работой. Отсев из высших учебных заведений достигает 32%. Растет число слабых и обанкротившихся госуниверситетов, некоторые из которых даже преобразуются в военные академии.

В стране, где привилегии приватизированы, наиболее эффективные услуги – это изумительные жилые здания, отели, ресто-

раны, спортивно-оздоровительные центры – служат только интересам элиты и частного сектора экономики. Зато системы общественного транспорта – дороги, туннели, поезда и автобусы – находятся в упадке. По масштабам распространения высокоскоростного доступа в Интернет США отстают от Европы, мобильная телефонная сеть некачественна, а таксисты в своих древних драндулетах не принимают оплату кредитными картами. Еще хуже то, что подобно многим государствам Второго мира Америка может пострадать от все того же «нефтяного проклятия». Большая часть инфраструктуры была построена в период после Второй мировой войны, когда США были крупнейшим в мире производителем и экспортером нефти. Однако в наше время трубопроводы и электростанции США находятся в плачевном состоянии, отравляя население свинцом и ртутью, а также угрожая неожиданными и тяжелыми по своим последствиям отключениями²³. Во время краткосрочных забастовок в Нью-Йорке во время холодной зимы 2005 года жителям пригородов приходилось с трудом преодолевать большие расстояния по снегу; люди поговаривали, что чувствуют себя словно в какой-то стране Третьего мира.

Идея *laissez-faire* не вполне соответствует социально-экономическим устоям Соединенных Штатов, где извращенные общественные структуры фактически способствуют сохранению неравенства. Социальная мобильность, опирающаяся на принцип равных возможностей, становится все абстрактнее, особенно в глазах низов общества. Так, 50% афро- и латиноамериканцев, как правило, даже не заканчивают среднюю школу. В Лос-Анджелесе и Бруклине, да и в других местах латиноамериканское меньшинство проживает в убогих районах. Термин «центрификация» стал эвфемизмом процесса обновления городов, во многом сходным со сносом трущоб в странах Второго и Третьего миров. Приток низкооплачиваемых мигрантов лишь увеличил количество бедняков, а зарплата неквалифицированных граждан США снизилась²⁴. Почти два десятилетия назад Лос-Анджелес изображали как «столицу Третьего мира» из-за наличия в городе замкнутых иммигрантских общин, которые пекутся лишь о своем выживании, при этом мало беспокоясь об остальном обществе²⁵. Самюэль Хантингтон также утверждал, что англо-протестантская культура США и принцип

«плавильного котла» подрваны испаноязычным меньшинством, которое не поддается интеграции. Он предупреждал, что если «американская мечта» сменится «латиноамериканской мечтой», это неизбежно сделает Америку шизофреничной нацией²⁶. Таким образом, не приходится говорить о какой-либо глубокой «общности ценностей», будто бы имеющей место в США. Основная причина, по которой американцы не поддерживают государство благосостояния, призванное оказывать помощь бедным, состоит как раз в том, что бедные слои населения несоразмерно представлены национальными меньшинствами²⁷. Возникает вопрос: а не будут ли американцы все чаще и чаще сталкиваться с белым национализмом, который снова возникает в стране, привыкшей к насилию? Таким образом, национальная безопасность США опирается не только в террористическую угрозу, но и в нелегальную иммиграцию, которая просачивается через южную границу страны.

Американцы одержимы страхом перед будущим, но ведь и страх сам по себе может накликать будущее. В 2005 году Европа, Индия, США, Китай пострадали от ураганов и наводнений. В Германии и Польше тысячи граждан лишились жилищ, но, воодушевленные помощью своих правительств, жители этих стран работали сообща, стараясь как можно быстрее восстановить дома и поселки. Во время дождливого сезона вода затопила большую часть центра Мумбая, залив дома миллионов бедняков. Но жизнь продолжается, и ущерб был устранен. После того, как ударивший по Соединенным Штатам ураган «Катрина» сокрушил старые дамбы Нового Орлеана, различные госучреждения и благотворительные группы тут же развернули в городе свою деятельность, однако то же самое сделали банды вооруженных грабителей, из-за чего губернатор Луизианы был вынужден объявить военное положение. Национальные меньшинства этого региона поняли на собственном горьком опыте, что их американское гражданство мало что значит²⁸. Размеры мошенничества и спекуляций со стороны правительства достигали миллиардов долларов. Всего лишь через две недели после «Катрины» китайские власти использовали сети мобильной телефонии для оповещения населения о надвигающемся тайфуне и эвакуации жителей из прибрежных районов. А в США даже через год после «Катрины» большинство строений все еще

пробывало в руинах, некоторые школы так и не открылись, а подача электричества ограничена. Данный факт побудил предприимчивых китайских подрядчиков предложить свои услуги по восстановлению ряда полуразрушенных городов на реке Миссисипи, жители которых к тому времени все еще ютились в палатках и автоприцепах.

Социально-экономическую политику Соединенных Штатов можно было бы назвать смешной, если бы она не была столь ужасной. Как и в других странах, наблюдается корреляция между невысоким уровнем образования, чрезмерным неравенством в доходах, низким уровнем жизни и ростом преступности. В США количество участников преступных сообществ равно числу полицейских (около 750 тысяч человек). Можно наблюдать жесткую взаимосвязь между уровнем неравенства и числом убийств: «Общество, которое готово мириться с несправедливостью, проистекающей из высокого уровня неравенства, почти неизбежно пострадает от связанных с ним социальных последствий. Такое общество станет недружественным и жестоким; оно прославится скорее своей враждебностью, а отнюдь не гостеприимством»²⁹. Как утверждал Тойнби, на каждое общество найдется своя кара – свои варвары, а коли так, то, быть может, американцы – худшие враги самим себе? И если им угрожает не кто-нибудь, а они сами, то сложно понять, зачем им нужно так много оружия, которым они умерщвляют друг друга. В то же время количество заключенных в Соединенных Штатах – самое большое в мире, причем продолжает расти число приговоренных к пожизненному сроку. Именно США, а не КНР, являются самой большой в мире исправительной колонией. Число смертных казней, осуществленных в США, Иране, Саудовской Аравии и Китае вместе взятых, составляет 80% от общего количества смертных приговоров, приводимых в исполнение в мире. Американцы, похоже, играют со смертью: полицейские погони за преступниками и жестокие драки – самое популярное развлечение для кинозрителей. Для большинства японцев и немцев принять американский образ жизни означало бы шаг назад, поскольку в этих двух самых богатых и развитых государствах мира уровень неравенства самый низкий.

В начале XX века член Верховного суда США Луи Брандейс предупреждал, что либо у Америки «будет демократия,.. либо огромные богатства попадут в руки небольшой части людей. Однако обладать и тем, и другим одновременно не получится». Токвиль и Ницше предупреждали о вырождении демократии как естественном процессе, и к 1990-м годам из-за ухудшения качества жизни и политики в Соединенных Штатах в полный рост встал фундаментальный вопрос: может ли вообще американская демократия обеспечить приемлемый общественный порядок³⁰.

Вацлав Гавел как-то заметил, что успех в политике обеспечивается тактом и хорошим вкусом. Вот только что Гавел сказал бы в наше время о грубости американской политики? Американская демократия, как представляется, работает лучше в теории, чем на практике. Как только политики-популисты с Юга возымели политическое влияние в Вашингтоне, они тут же ввели в обиход свои привычки – аристократические замашки, клановость, скрытность. Теперь уже над всем стал довлеть авторитет фамилии³¹. Федеральные должностные лица внутри страны, дипломаты, а также сам президент – все они вступают в должность и покидают пост как члены закрытой для посторонних группировки, что напоминает императора и его свиту. Тех, кто выиграл выборы 2000 года, запомнят надолго. Двухпартийная система подвергает сомнению принцип разделения функций между властями и не дает формировать коалиции. При этом политическая конкуренция постоянно стопорится и искажается³². Обе партии превратились в структуры по сбору денег; обе они за завесой красноречия игнорируют принцип независимости кандидатур и проталкивают своих людей, которые будут отстаивать корпоративные интересы и которым отведена незаметная для стороннего наблюдателя роль при написании ключевых законов в сфере налогообложения, энергетики, продовольственной безопасности и других. Если в таких странах Второго мира, как Турция, высокие цены на нефть побуждают создавать ее стратегические запасы, то в США в результате корпоративного сговора повышаются цены, что считается премией за риск. При этом простые люди страдают, а руководители энергетических компаний и акционеры получают высокие дивиденды. Подобно российским олигархическим реалиям финансовые скан-

далы, в которых погрязла корпоративная Америка, раскрывают неприглядную сторону монополистической системы капитализма, при которой стираются различия между государственным и частным секторами (то есть когда государственные активы переходят в собственность частных лиц) и можно воочию наблюдать за, так сказать, «изящным отрывом от реальности»³³. Появление государственных деятелей, выступающих против экономических злоупотреблений, являет собой свидетельство общего спада гегемонии, и все чаще хочется задать вопрос: к чему тянется Америка – к людям или учреждениям, к прибыли или прогрессу?³⁴

В своем памфлете под названием «Здравый смысл» Томас Пейн утверждал, что сдержки, будто бы уравнивающие британскую монархию, аристократию и народ, на самом деле – фарс. Если взять принцип разделения властей, сформулированный Монтескье в трактате «О духе законов», то в наше время он применяется в Соединенных Штатах явно непоследовательно. Сдержки и противовесы необходимы потому, что у руля, как писал Джеймс Мэдисон в 10-м номере «Федералиста», «не всегда могут оказаться просвещенные государственные мужи». Однако именно в тот момент, когда Америке потребовалось развеять опасения мирового сообщества, встревоженного их мощью, исполнительная власть США пренебрегла своими обязанностями по установлению истины и преступила дозволенные границы, что подорвало как саму власть, так и уважение к ней. Независимо от того, отходит ли Америка или нет от унитарной модели исполнительной власти, установленной президентом Бушем-мл., положение американских политиков и населения по-прежнему оставляет причины для беспокойства. Патриотический акт нарушает пять из десяти священных поправок, отраженных в Билле о правах, а именно: свободу слова и собраний, защиту от необоснованного обыска и конфискации имущества, соблюдение надлежащей правовой процедуры, безотлагательное рассмотрение уголовных дел судом присяжных в открытом заседании и защиту от жестоких и необычных наказаний. Хотя этот закон был принят Конгрессом, классификация секретов, установленная исполнительной властью, свидетельствует о следующем: желание делиться информацией с законодательной ветвью власти улетучивается. Даже если последующие адми-

нистрации изменят такую политику, ущерба полностью не возместить.

Если вспомнить описание Рима, оставленное Полибием, то все факты, начиная с прославления военной мощи и кончая гладиаторскими боями ради забавы, подойдут и к Соединенным Штатам. Богатство и расточительность порождают самое худшее правительствo из всех, а также элиту, живущую «по понятиям», единственное желание которой – не делиться властью. И если христианство подорвало Рим, то не сделает ли оно то же самое и с США? То, что Райнхольд Нибур называл «мессианским сознанием Америки», не могло не инфильтроваться в ее политику и вытравить из нее стратегическую компетентность, предписываемую реализмом³⁵. Прямо-таки религиозное освящение внешней политики Соединенных Штатов умножило потоки красивых слов о правах человека, религиозной свободе и страданиях, порожденных многочисленными язвами и пороками. Однако политика, последовавшая за словами, не привела к достижению желаемого результата³⁶. Возрождение внешней политики в духе такой религиозности привело к расколу внутри государства и даже к «отходу от устоев эпохи Просвещения»³⁷. Но когда благодаря социальной активности масс и федеральным налоговым льготам в американской политике христианам-евангелистам стал сопутствовать успех, в американских тюрьмах стал стремительно распространяться ислам, причем оба лагеря вещают о союзе на века и только для своих. Поставив перед собой главный вопрос «повторяется ли история?», Тойнби высказал следующее предположение: «Ничто не остановит западную цивилизацию от повторения событий прошлого, если она вдруг попытается совершить такое же социальное самоубийство», какое совершила греко-римская цивилизация, прогнившая задолго до того, как ее разрушили, и превратившаяся «в идола, которому чрезмерно поклонялись»³⁸.

Определяющей чертой Соединенных Штатов является способность к политическому и экономическому самообновлению, а также культурному возрождению и даже склонность к самокритике. Но сплав из мессианских лидеров, корпоративных кукловодов, культурных войн, страха перед внешним миром и неуверенности в своей силе – все это делает маловероятным появление но-

вого национального согласия. Американская элита пребывает в полном отрыве от нужд своих граждан. Ее предводители стремятся к тому, чтобы Соединенные Штаты участвовали в большем числе войн, проталкивали принципы свободной торговли и поощряли массовую иммиграцию. Однако большинство американцев хотят, чтобы США как можно меньше осуществляли военное вмешательство, сократили иностранную помощь, а также установили иммиграционные ограничения, поощряя некоторые формы протекционизма для защиты рабочих мест³⁹. Кажется, что эпоха «Великого общества» никогда не вернется, бесповоротно завершившись в годы правления администрации Рейгана. Америка растратила свою энергию, и теперь США больше не в силах исполнять свои же собственные желания, – правда, страна, кажется, не совсем знает, чего бы самой себе пожелать. Поскольку обновление должно затрагивать как материальную, так и идеологическую сферы, Соединенные Штаты – главная страна в мире, которая нуждается в «плане Маршалла», дабы остаться на ныне занимаемом ею месте⁴⁰. А поскольку американцы обладают скудными знаниями об остальном мире, они по-прежнему считают, что американский образ жизни – это и есть эталон для всей планеты. Однако скоро для США представится возможность осознать, что этот образец больше подходит для Второго, чем для Первого мира.

У Соединенных Штатов отсутствует политика, которая бы помогла стране остаться среди государств Первого мира. Америка отдает свою судьбу на волю случая и глобализации. Она и так всегда была географически разделена: Северо-Восток – это регион Первого мира, потребляющий богатые ресурсы колоний Юга. В наше время в центральной части страны, раскинувшейся между рекой Миссисипи и Скалистыми горами, не хватает ни аэропортов, ни рабочей силы, чтобы превратить ее из тормоза в локомотив национальной экономики⁴¹. И если Кремниевая долина – действительно символ возрождения высоких технологий, то Детройт – символ индустриального «ржавого пояса» и устаревшего производства, и этот образ появился в том числе и благодаря второсортным автомобилям, которые там производятся (а лучше сказать – производились)⁴². Потеряв сотни тысяч рабочих мест в обрабатывающей промышленности из-за переноса их в страны-

конкуренты Второго и Третьего миров, Соединенные Штаты так и не создали более широкую технологическую базу в Евросоюзе и Японии с целью переподготовки своей рабочей силы»⁴³. Самые развитые страны Европы и Восточной Азии скептически восприняли англосаксонские ценности – приоритет прав личности и принцип минимизации государственного вмешательства. Благодаря повышенному вниманию к высокообразованной рабочей силе и новейшим технологиям, а не к низкоквалифицированным мигрантам, европейцам удалось сохранить высокие зарплаты при одновременной автоматизации своих экономик. В отличие от европейских, американские компании сами предлагают купить себя азиатам и прочим заграничным конгломератам, богатым деньгами. Рабочие автозаводов среднего запада Америки теперь сами упрашивают японские компании вроде «Хонды» построить заводы в этих районах, дабы восстановить свои доходы. Могут ли такие Соединенные Штаты позволить себе глобализацию?⁴⁴

Слепая уверенность Америки в своем инновационном потенциале и достоинствах свободного рынка опасны именно потому, что другие страны задались целью воспользоваться слабостью США. Хотя американская экономика и растет вместе с мировой, снижение ее доли происходит из-за того, что страны Второго мира становятся находчивее и умнее Соединенных Штатов⁴⁵. Однако до тех пор, пока их собственные рынки, институты и инфраструктура не станут приносить сходную прибыль, до тех пор, пока они сами не смогут привлекать капиталы и заграничные таланты, – до тех пор эти державы продолжают использовать американскую экономику в качестве объекта инвестиций, а американские университеты – для профессионального обучения своих кадров. Правда, в университетах США число китайцев в последнее время снизилось из-за того, что появилась возможность учиться в Европе, да и в самом Китае. Страны Первого мира очень медленно приспосабливаются к темпам глобального перераспределения трудовых ресурсов и инвестиционных потоков. Кстати, инвестирование уже сталкивается с конкуренцией со стороны стран Второго мира, а в будущем лидерство перейдет к ним.

Мировая экономика в качестве единого целого, базируясь на принципах конкуренции во всех секторах и регионах мира, поро-

дила ошутимое глобальное усреднение. Именно по этой причине все большее число стран переходят во Второй мир. Экономика, основанная на знаниях, уже перестала быть безраздельной вотчиной Первого мира. Сказанное означает, что теперь не только низкооплачиваемые рабочие места, но и услуги, которые прежде широко не фигурировали в мировой торговле, а именно: развитие программных технологий, медицинская диагностика, бизнес-консультирование, юридическое обеспечение – все они перемещаются в страны Второго и Третьего миров. А в этих странах повышение уровня доходов и потребления заставляют еще больше раскошеляться состоятельных граждан. И так как ни одна из стран Второго мира не станет добровольно ограничивать свой рост в страхе перед экологическими проблемами, то повышение цен на сырьевые товары лишь помешает всеобщему росту. Первый, Второй и Третий миры сохранятся и впредь, но состав участников будет постоянно меняться⁴⁶.

В поисках имперского равновесия

Империалистическая политика, как и всякое лидерство, состоит в нахождении баланса между страхом и любовью. Макиавелли полагал: из-за своей корыстности люди быстро забывают о благодарности. Вот почему страх, подкрепленный боязнью наказания, – более сильный инструмент воздействия, чем любовь. В долгосрочной перспективе симпатия к Соединенным Штатам будет увядать, а страх перед ними – увеличиваться. Европу, наоборот, любят все больше и больше, а страшатся все меньше. А вот по отношению к Китаю симпатии нарастают вместе со страхом. У геополитики нет любимчиков, ей совершенно безразлично, какая именно держава лидирует и каково ее государственное устройство. Законы геополитики затмевают любые претензии Соединенных Штатов на исключительность и независимость от геополитических циклов. Однако здесь порой можно услышать голоса, уподобляющие Америку центру Солнечной системы, – светилу, которое озаряет остальные планеты своим сиянием⁴⁷. Рекламируемое американцами мнение о своей исключительности во всем мире уже

перешло в разряд едких иносказаний, став синонимом заносчивости. Остальные державы – причем вполне заслуженно – тоже хотели бы стать Солнцем, или почти Солнцем, превратившись в мировой *Ordnungsmacht**. Впервые в истории возник многополюсный и мультицивилизационный мир трех сверхдержав, конкурирующих в глобальном масштабе за дефицитные ресурсы⁴⁸. Каждая из них своими действиями творит свою собственную реальность. Теперь национальный интерес отдельной сверхдержавы распространился на подконтрольные ей государства, став интересом целой системы. Каждая из сверхдержав продвигает свои подходы и представления о порядке, выстраивая собственную систему высших нравственных принципов⁴⁹. Чем больше Соединенные Штаты настаивают на своей исключительности, тем усерднее их соперники станут задумываться о собственной – и продвигать ее в ущерб США⁵⁰. Скажем, Китай уже считает, что именно на нем лежит бремя поддержания принципов международного права, таких как суверенитет и невмешательство. Подход Европейского Союза к мировому порядку также выходит за рамки системы отношений между государствами внутри этого союза.

Каждая сверхдержава по-своему подрывает структуру глобальной системы управления, размывая правовой принцип, согласно которому конкуренцию между империями в состоянии сдерживать лишь законы и институты. В XX веке три американских президента заявляли о новом мировом порядке, основанном на коллективных институтах⁵¹. В начале «холодной войны» Тойнби также утверждал, что появление ядерного оружия стало важным условием геополитического сосуществования между Соединенными Штатами и Советским Союзом и в значительной степени укрепило Организацию Объединенных Наций. Тойнби полагал, что человечество может быть спасено лишь мировым правительством, способным примирить между собой разные экономики и религиозные ценности. Ученый заявлял даже: «Неизбежно приходишь к

* Конечно же, империя и моральные нормы – вещи несовместимые. Скажем, пять постоянных членов Совета Безопасности ООН: США, Великобритания, Франция, КНР и Россия – кроме всего прочего являются крупнейшими мировыми торговцами оружием. Китай с выгодой для себя продает ядерные технологии, а также технологии по производству ракет дальнего радиуса действия в Иран, Пакистан и Северную Корею. Кроме того, он поставляет стрелковое оружие самым одиозным режимам, попротивляющимся права человека, в обмен на долгосрочные энергетические контракты.

выводу о том, что с политической точки зрения мир в ближайшем будущем обязательно станет единым»⁵². Как сказал Тимоти Гартон Эш: «Сейчас как никогда ранее важно нравственное “мы” всего человечества. Однако это “мы” – не то же самое, что наше действующее “мы”»⁵³. Другие государства, возможно, и поддержали бы ООН как организацию пусть и несовершенную, но позволяющую изменить основы глобальной дипломатии, если бы это делали США. Однако оскорбительное пренебрежение, с которым Соединенные Штаты смотрели на ООН, дало повод другим странам поступать

* Все три сверхдержавы рассматривают ООН не в качестве одного из главных механизмов управления, а как форум, на котором можно заявить о себе и самое главное – заблокировать инициативы других. ООН никогда не была центральным актором геополитики, она всегда лишь походила на театральные подмостки. ООН является местом проведения консультаций и провозглашения деклараций, но решения принимаются не здесь. ООН существует по милости великих держав и на их деньги. Чем меньше общего у сверхдержав в подходах к мироустройству, тем меньше они будут использовать ООН. Однако организация добилась крупных успехов в гуманитарной области, начиная от миротворчества и кончая предоставлением продовольственной и медицинской помощи по всему миру. ООН создала Фонд демократии (UNDEF), постоянно действующие миротворческие силы и Совет по правам человека. Однако сверхдержавы обращают внимание на стандарты ООН лишь тогда, когда задеты интересы их самих, – а такое происходит главным образом в странах Третьего мира.

так же*. После Второй мировой войны Америка больше, чем какое-либо другое государство мира, участвовала в создании международной архитектуры, однако в настоящее время она на равных с другими странами принимает участие в ее дезинтеграции. Двойные стандарты и юридический изоляционизм свели на нет ее усилия в области продвижения прав человека, а несанкционированные упреждающие войны подрывали авторитет Совета Безопасности ООН. При столкновении интересов сверхдержав Организация Объединенных Наций, как в свое время и Лига Наций, обнаруживает полную бесполезность.

Многие думают, что интенсивная глобализация, затрагивающая в том числе Соединенные Штаты, Европейский Союз и Китай, приведет к взаимозависимости обоих полушарий планеты. Если учесть удачное географическое расположение этих империй (между богатыми ресурсами северными широтами и более умеренными южными), то истинная цель каждой из них состоит в том, чтобы на просторах между Арктикой и Антарктикой создать для себя в своем собственном полушарии самодостаточный панрегион и управлять им, поставив все осталь-

ные страны, находящиеся в нем, в зависимости от «имперской сердцевины»⁵⁴. Так, Соединенные Штаты восстанавливают связи со странами Латинской Америки с целью поиска районов, в которых можно было бы организовать недорогие и конкурентоспособные производственные центры, а также найти альтернативные источники энергии. В то же время Европейский Союз углубляет экономические связи с арабским миром, надеясь на его энергетические ресурсы, а КНР все чаще выступает в качестве организатора системы торговли на Дальнем Востоке и, кроме того, выстраивает там дипломатическую архитектуру. Все три панрегиона могут быть втянуты в планетарную конкуренцию, которая подтвердит мрачные предсказания, приводившиеся Оруэллом в его романе «1984»⁵⁵.

Но даже оруэлловский сценарий слишком оптимистичен, ведь сверхдержавы, по определению, желают перекраивать карту мира. Подобные тектонические сдвиги, как в геологии, могут вызвать землетрясения, особенно в тот момент, когда восходящая держава займет главенствующее положение⁵⁶. В качестве единственного исключения здесь можно назвать тот период XX века, когда доминирующие позиции переходили от Великобритании к США: обе страны тогда были союзницами и разделяли общие ценности. Однако и в то время не обошлось без двух мировых войн⁵⁷. По мере того, как мощь трех сверхдержав все меньше и меньше разнится, у страны, занимающей второе место, появляется соблазн нанести упреждающий удар по лидеру и свалить его с ног. А в то же время у державы-чемпиона, прежде чем уйти со сцены, возникает искушение превентивно атаковать своего восходящего соперника и ослабить его⁵⁸. Давид Юм писал: «Зависть проистекает вовсе не из-за громадной несхожести между нами и чужаками, а как раз наоборот, из-за сходства»⁵⁹. Интенсивность контактов между тремя сверхдержавами, конечно, способствует возникновению сообщества государственных деятелей (так, теперь все министры иностранных дел знают номера мобильных телефонов друг друга), однако в то же самое время кардинальные расхождения между интересами трех сверхдержав как никогда доселе ставят под вопрос формирование «культуры миролюбия»⁶⁰.

На земном шаре нарастает скрытая конфликтность, видны всполохи искр: это и борьба за ресурсы в регионе Каспийского и Южно-Китайского морей, и повышенная террористическая активность с ядерным оружием в руках, и пиратство в Аденском заливе и Малаккском проливе. Аморфные группировки менее значимых, но все еще важных государств, таких как Россия, Япония или Индия, также могут создавать напряженность. Кроме того, иностранные кредиторы Америки могут положить конец ее великим планам и устремлениям, вызвав экономический кризис, политическое ожесточение и военную напряженность. Война выгодна военно-промышленному комплексу, войну всегда поддерживают разные патриотические лагеря. Мнение о китайско-американском соперничестве за мировое лидерство – мнение преждевременное и упрощенное, так как в случае конфликта этих двух супердержав выиграет Европа, а капитал будет притекать в европейские сундуки.

В современном мире нарастает напряженность из-за того, что каждая из сверхдержав стремится извлечь наибольшую выгоду. Однако ни одна из них не обладает достаточной мощью, чтобы поставить под свой контроль всю систему целиком. Таким образом, глобальная стабильность «зависла» между «миром, установленным на основании закона», и «миром, установленным с помощью империи». Первый элемент – неэффективный, а второй – склонен к крайностям⁶¹. История свидетельствует, что доктрина баланса сил и доктрина коллективной безопасности постепенно эволюционировали: обе перестали оправдывать войну стратегическим преимуществом и перешли к выстраиванию систем, позволяющих избежать ее. Первой такой системой в Новое время стал «Концерт наций», созданный после наполеоновских войн⁶². В его основу были заложены принципы и нормы, он сам по себе был чем-то вроде

общественной системы*. Даже там, где попытки создать стабильный мировой порядок провалились (здесь можно вспомнить Лигу Наций после Первой мировой войны), на арену выходит системное обучение, в ходе которого государ-

* Подвергнув анализу ход развития альянса держав, Руссо заметил, что «баланс сил разных членов европейского сообщества есть, скорее, дело рук природы, нежели человеческого искусства. Он держится сам собою, причем изменение положения одной чаши весов быстро компенсируется изменением положения другой».

ства (в первую очередь демократические) стараются усвоить уроки истории и внедрить их в свои институты, дабы избежать повторения негативных событий прошлого⁶³. При рассмотрении истории Тойнби акцентировал внимание на ее прогрессивном характере, а не на ее цикличности. История – это колесо, которое не только вращается вокруг своей оси, но и движется вперед таким образом, чтобы Цивилизация (с большой буквы) действительно могла стать цивилизованной⁶⁴. Но не уделял ли Тойнби «повышенное внимание, скорее, стрелкам часов, нежели временным циклам?»⁶⁵. Как правило, империи и сверхдержавы обещают мир, но приносят войны⁶⁶. Пришло время признать наличие революционной ситуации сейчас – в канун следующей мировой войны⁶⁷.

Как же избежать такой войны?⁶⁸ В наше время возник союз трех держав, знаменующий собой победу глобализации над геополитикой. Американский средний класс, отовариваясь в «Уол-Марте», поддерживает тем самым китайских рабочих, а американское высшее общество тратит деньги на покупку европейских автомобилей и предметов роскоши. И Европа, и Китай покупают американские технологии, а в это время американские компании «Дженерал моторс», «Боинг» и европейский «Эйрбас» стремятся увеличить прибыль, сократив расходы в результате переноса своих производств и продаж в Китай. Теперь на место конкуренции, сопровождаемой мизерной прибылью, пришли фондовые рынки, позволившие увеличивать прибыль до бесконечности. Кроме того, в наше время в военной стратегии перестал главенствовать «культ наступления». В эпоху ядерного оружия уже мало кто верит в то, что военное столкновение приведет к быстрой победе и минимальным потерям. Никогда еще не была столь верна мысль А. Дж. П. Тейлора: если цель великой державы – вести великую войну, то единственный способ остаться великой державой состоит в том, чтобы совсем отказаться от войны. В сегодняшнем интегрированном мире как никогда высока цена военного конфликта.

Трехполюсный мир можно представить в виде табуретки: на двух ножках она долго не простоит, зато на трех – вполне⁶⁹. В настоящее время табурет на трех ножках – США, Евросоюза, Китая – зашатался. Следовательно, на текущем повороте геополитического колеса необходима новая глобальная стратегия – «рав-

новесие»⁷⁰. Однако и оно неустойчиво, а сохранить его все труднее, в отличие от гегемонии одного лидера. И все же по сравнению с анархией и концепцией баланса силы равновесие – куда более перспективная концепция. Оно подразумевает более передовую психологию и язык. Многополюсный порядок, который пытаются установить восходящие державы, не тождествен порядку, построенному на многосторонних отношениях (а последний служит неизменным условием многополюсности). Принцип «сдержек и противовесов» олицетворяет собой осторожничанье, а принцип «разделения труда» – позитивные действия во имя достижения общих целей. Чтобы выполнить беспечно взятые на себя обязательства, одного благоразумия маловато, необходимо разделять бремя. И здесь в качестве условия мира, справедливости и порядка выступает лишь концепция равновесия⁷¹.

Четкое видение глобального альянса держав пока еще не выработано, а какого-то устоявшегося глобального разделения труда между сверхдержавами пока не просматривается. И все же принцип многосторонних отношений появится, скорее всего, в ходе межимперского взаимодействия, а не в результате распределения ресурсов через совместные институты⁷². Благодаря глобальной стратегии равновесия силовое соперничество между державами, полными подозрительности, сменится сотрудничеством, напоминающим действие команды во время велогонки: лидерство будет по очереди переходить от одного к другому велосипедисту на протяжении всего пути до самого финиша. Тойнби надеялся, что Запад «не обречен на вечное повторение уроков прошлого, ведь теперь нам позволено, опираясь на наши собственные усилия, придать истории новое, невиданное доселе направление»⁷³. Теперь выражение «международное сообщество» перестает иносказательно описывать господство одного лишь Запада, поэтому пусть Запад не ждет от остального мира приверженности лишь своему порядку как выражению общемировых ценностей, которые оформлялись без участия остальных стран. Америка решила было подключить к мировой системе Китай в качестве еще одной «заинтересованной стороны», но из-за того, что мировой порядок является по сути американским, Пекин, естественно, ему противится. КНР не станет использовать свое огромное экономическое влияние в ин-

тересах устаревших и непредставительных клубов типа «Большой восьмерки», куда китайцам войти не позволили. Кроме того, эффективность Совета Безопасности ООН сегодня зависит не только от США, но все больше от Китая, который с помощью подкупа может повлиять на членов Совета Безопасности, побудив их голосовать в нужном для себя русле. Если не наладить нового разделения труда между сверхдержавами, то роль западных институтов будет уменьшаться, мощь Соединенных Штатов – может быть, даже нарастать, а классическая геополитическая конкуренция останется в центре политики, причем даже без видимости дипломатического взаимодействия. Если сверхдержавы не изберут адаптацию, погрязнув в фундаментализме, то не смогут оставить историю навсегда в прошлом.

Концепция равновесия предполагает, что США, Евросоюз и Китай устанавливают правила геополитической игры сообща. Как и в семье, концепция равновесия подразумевает выработку сложного набора правил, необходимых для придания большей цивилизованности международным отношениям. И тут способность достигать соглашения путем взаимных уступок выходит на передний план как одна из главных добродетелей⁷⁴. Вряд ли можно создать институты, способные по собственной воле идти на уступки, жертвуя своей мощью ради блага остальных участников, но все же замкнутым на себе государствам необходимо понять следующее: сотрудничество ради достижения собственных интересов экономит силы. Скажем, Соединенные Штаты увеличат свое влияние только в том случае, если умерят свои претензии. Путь между господством и экономией сил подразумевает скорейшее создание «международной конституции» и оказание ей широкой поддержки – именно эти меры поспособствуют совместному взрослению держав⁷⁵.

Сверхдержавы укрощаются не с помощью утопических посулов, а путем обращения к ключевым интересам. Не американо-советско-китайский «стратегический треугольник» образца 1960-х – конца 1970-х годов, а создание «большой тройки» из Соединенных Штатов, Европейского Союза и Китая стало бы самым адекватным способом установления более прочных рабочих отношений между современными сверхдержавами⁷⁶. Они смогут преодо-

леть расхождения между собой, переведя их из ранга стратегических в разряд тактических, только в том случае, если открыто обратят свое внимание на те страны (скажем, Судан, Иран, Узбекистан, Мьянму), в которых перекрещиваются их сферы влияния. Если привлечь КНР к решению широкого круга проблем, для урегулирования которых необходимо деятельное китайское участие, то в конечном итоге такой подход смягчит китайскую подозрительность в отношении Соединенных Штатов и заставит Поднебесную объединить силы с другими великими державами. Чем дальше смотришь в будущее, тем яснее видно, что глобальные проблемы вертятся вокруг энергетических ресурсов и запасов пресной воды, а отнюдь не вокруг пропорций военной мощи или территориального соперничества. Однако исключение в настоящее время Китая из формата обсуждений Международного энергетического агентства питает подозрения этой страны, уверяя в реальном существовании «невидимой руки Запада», которая, мол, поддерживает высокие мировые цены на нефть. Наоборот, основные потребители энергии могут сосредоточиться на доставке большего количества нефти на свободный рынок, что вызовет снижение цен, а не заключать нефтяные контракты с государственными компаниями, закрывая рынок для всех остальных участников*.

* Даже если Китай станет полноправным игроком на глобальном энергетическом рынке, его внутренний спрос не позволит ему прекратить отношения с одиозными режимами. Давление со стороны США и ЕС и угроза нестабильности в петрогосударствах – клиентах Поднебесной вынудят ее остановить поставки оружия, прекратить списание долгов и оказание помощи, заморозить дешевые инфраструктурные проекты и отказаться от тактики предоставления дипломатического покровительства в Совете Безопасности ООН. И все же Китай не станет поддерживать коллективные санкции или принуждать к смене режимов, если подобные меры приведут к дестабилизации энергоснабжения самого Китая (см.: Zweig, David and Jianhai, Bi. "China's Global Hunt for Energy" in: *Foreign Affairs*, Vol. 84, No 5, 2005, September-October).

Мир в XXI столетии видится настолько сложным и непредсказуемым, что даже гениальный Стивен Хокинг пессимистично задает вопрос: «Может ли человечество протянуть еще лет сто, живя в мире, погруженном в политический, социальный и экологический хаос?» Его вопрос перекликается с предостережением основателя политического реализма Ганса Моргентау: «Наука позволила человечеству господствовать над неживой природой с помощью техники, но вместе с этим обеднила его, так как не разгадала загадки бытия и не

дала ответа на вопрос о месте человека в мироздании»⁷⁷. Конечно, крайне затруднительно предсказывать судьбы мира, в котором распространяется сила и соперничают империи, но Моргентгау был уверен в следующем: глобализация не может воспрепятствовать геополитическим циклам мировой войны, ибо для решения этой конечной исторической задачи недостаточно лишь слепо верить в силу рациональности. Действительно, история свидетельствует: человечество зачастую ведет себя нерационально именно тогда, когда больше всего нуждается в рациональности⁷⁸. Для изменения нашего курса нужны глубокие знания о политической динамике Второго мира, необходимо глубокое взаимопонимание наряду с активным и гибким государственным управлением, нацеленным на создание и поддержание стабильности в отношениях между сверхдержавами.

Ученые и политики прошлого создали множество организаций, призванных воплотить их грандиозные планы управления мировым порядком, однако реальность может не совпадать с этими планами⁷⁹. Разработка свода международных правовых норм, не предусматривающих военного способа урегулирования конфликтов несомненно послужит на благо великих держав. Однако, как афористично заметил драматург Бертольд Брехт: «Война, подобно любви, всегда проявит себя так или иначе»⁸⁰. Человечество будет успешно продвигаться вперед по мере своего психологического взросления. По мнению сэра Гарольда Николсона, дипломатия – это «управление международными отношениями путем переговоров»⁸¹. В этом смысле война – не продолжение политики иными средствами, а, скорее, прекращение переговоров*. Сто лет назад глобализация уступила путь геополитике, что привело к Первой мировой войне. Теперь вопрос стоит так: повторится ли

* Генри Киссинджер утверждал: «Дипломатия в классическом понимании этого слова, то есть дипломатия, нацеленная на устранение разногласий путем переговоров, возможна только при наличии “законных” международных порядков... Было бы ошибкой считать, что дипломатия всегда может урегулировать международные споры при условии наличия “доброй воли” и “желания прийти к соглашению”, ведь в момент радикальной перестройки международного порядка каждой из держав будет казаться, что оппонент не обладает такой волей и желанием... Если на карту поставлена судьба империй, то убеждения государственных деятелей империй служат средством выживания» (Kissinger, Henry. *World Restored: Metternich, Castlereagh, and the Problems of Peace, 1812-1822*, Boston: Houghton Mifflin, 1973, pp. 2, 8).

прошлое век спустя? Ответ неизвестен, ибо с усилением влияния стран Второго мира на процессы формирования геополитики и развития глобализации дипломатия становится в высшей мере искусством.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

1. Майкл Доул определяет империю как «систему взаимодействий между двумя политическими общностями, одна из которых – доминирующая метрополия – осуществляет контроль над внешней и внутренней политикой (т.е. эффективный суверенитет) над другой – подчиненной периферией» (Doyle, Michael. *Empires*, Ithaca (NY), London: Cornell Univ. Press, 1986, p. 12). Подробный академический обзор теорий подъема и упадка империй содержится в книге: Motyl, Alexander. *Imperial Ends: The Decay, Collapse, and Revival of Empires*, New York: Columbia Univ. Press, 2001). Империи имеют одновременно симбиотический и эксплуатирующий характер: они концентрируют ресурсы, но распространяют благосостояние. Империи навязывают свои законы и культуру периферии даже если они подпитываются ее талантами. Они устанавливают стандарты для своих рынков и создают сложные технологии, позволяющие избежать внешнего контроля за поставкой необходимых им товаров. Когда одни империи рушатся, возникают новые. Как отмечает Роберт Каплан, «с античных времен разрушение империй вызывало смуты, и наиболее действенным противоядием от наступавшего хаоса становилось формирование новых имперских доменов» (Kaplan, Robert. *Imperial Grunts: The American Military on the Ground*, New York: Random House, 2005, p. 7)

2. См.: Rosecrance, Richard N. “Who Will Be Independent?” in: Rosecrance, Richard and Stein, Arthur (eds.) *No More States?: Globalization, National Self-determination, and Terrorism*, Lanham (Md.), Boulder (Co.), New York: Rowman & Littlefield Publishers, 2006.

3. Чарльз Майер определяет империю как «территориально расширенную структуру правления», которая упорядочивает «различные этнолингвистические группы» и управляется преимущественно исполнительной властью и ассоциированными с ней элитами» (Maier, Charles S. *Among Empires: American Ascendancy and Its Predecessors*, Cambridge (Ma.), London: Harvard Univ. Press, 2006). См. также: Lewis, Martin W. and Wigen, Kären E. *The Myth of Continents: A Critique of Metageography*, Berkeley (Ca.), London: Univ. of California Press, 1997). Тойнби писал, что по мере того

как цивилизации возвышаются или склоняются к упадку, они «излучают и проникают», пересекаясь друг с другом в пространстве и времени. Абсорбирование Греции Римом; контакты между арабской, персидской и индийской цивилизациями; возрождение эллинизма в Италии в позднем Средневековье – все это примеры того, что Тойнби называл процессом «ученичества-и-аффилиации» между умирающими цивилизациями и их юными наследниками. Примером цивилизационного подхода к глобальной политике является книга: Huntington, Samuel P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*, New York: Simon & Schuster, 1996.

4. Александр Вендт утверждал, что единое всемирное государство неизбежно в силу самоорганизующей телеологии глобальной системы, в которой число значимых политических единиц имеем тенденцию сокращаться со временем (см.: Wendt, Alexander. “Why a World State Is Inevitable” in: *European Journal of International Relations*, 2003, Vol. 9, No 4, pp. 491-542).

5. Так же как и истории войн в основном пишутся победителями, так и, по словам Кеннета Уолца, «теории международных отношений формируются великими державами соответствующих эпох» (Waltz, Kenneth N. *Theory of International Politics*, New York: McGraw Hill, 1979, p. 73).

6. Как отмечает Роберт Гилпин, «ни одно государства никогда не контролировало в полной мере международную систему» (Gilpin, Robert. *War and Change in World Politics*, Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1981, p. 28).

7. Keynes, John Maynard. *The Economic Consequences of the Peace*, New York: Harcourt, Brace & Howe, 1920, pp. 14-15).

8. По словам Кеннета Уолца, «как природа не терпит пустоты, так и международная система не терпит несбалансированной мощи» (Waltz, Kenneth N. “Structural Realism After the Cold War” in: *International Security*, Vol. 25, No 1, Summer 2000, p. 28).

9. Сверхдержава обладает доминирующим влиянием в своем регионе и способна отстаивать свои интересы во всех уголках мира. Как отмечал Пол Брэкен, «сила – это способность инициировать события всемирного масштаба» (Bracken, Paul. *Fire in the East: The Rise of Asian Military Power and the Second Nuclear Age*, New York: HarperCollins, 1999). «Жесткая сила» включает в себя применение военных средств и связанных с ними форм принуждения, а также углубление военных связей и расширение поставок оружия. «Мягкая сила» предполагает экономическое давление и влияние, обеспечиваемые торговыми преференциями и помощью; дипломатическое взаимодействие через развернутую систему договоров, пактов и организаций; а также социальную интеграцию посредством миграции граждан и иных форм культурного обмена (подробнее см.: Lake, David A. “Hierarchy in International Relations: Authority, Sovereignty, and the Structure of World Politics”, unpublished working

paper at Univ. of California at San Diego; Nye, Joseph S., Jr. *Soft Power. The Means to Success in World Politics*, New York: Public Affairs, 2004).

10. Томас Барнетт аналогичным образом призывает Соединенные Штаты выступить в роли «главного спасителя», считая предлагаемые Америкой решения региональных проблем более предпочтительными и совершенными, чем коллективные или региональные подходы (см.: Barnett, Thomas. *The Pentagon's New Map: War and Peace in the Twenty-First Century*, New York: Putnam Press, 2004).

11. См.: Mearsheimer, John J. "Back to the Future: Instability in Europe After the Cold War" in: *International Security*, Vol. 15, No 4, Spring 1990, pp. 5-56).

12. См.: Joffe, Josef. " 'Bismarck' of 'Britain'? Toward an American Grand Strategy After Bipolarity" in *International Security*, Vol. 20, No 4, Spring 1995, pp. 94-117).

13. По мнению Самюэля Хантингтона, не возвышение Китая, а создание Европейского Союза было важнейшим единичным шагом на пути создания глобальной антигегемонистской (читай: антиамериканской) коалиции (см. Huntington, Samuel P. "The Lonely Superpower" in: *Foreign Affairs*, Vol. 78, No 2, March-April 1999). См. также: Buzan, Barry. *The United States and the Great Powers: World-Politics in the Twenty-First Century*, Cambridge: Cambridge, Malden (Ma.): Polity, 2004, pp. 125-126).

14. Rosecrance, Richard N. *The Rise of the Trading State: Commerce and Conquest in the Modern World*, New York: Basic Books, 1986, pp. 17-18.

15. Относительно дискуссии по вопросу разграничения понятий «сверхдержава», «великая держава» и «региональная держава», см.: гл. 5 книги Buzan, Barry. *The United States and the Great Powers: World-Politics in the Twenty-First Century*. Краткая дискуссия о формирующейся системе международных отношений соержится в "A Geopolitical Detective Story" in: *The Economist*, 1998, January 3.

16. Описание дискуссии о различных формах жесткого, мягкого и асимметричного балансирования после окончания «холодной войны», см.: Paul, P.V., Wirtz, James J. and Fortmann, Michel (eds.) *Balance of Power: Theory and Practice the Twenty-First Century*, Stanford (Ca.): Stanford Univ. Press, 2004.

17. См.: Mattern, Johannes. *Geopolitik: Doctrine of National Self-Sufficiency and Empire*, Baltimore (Md.): Johns Hopkins Univ. Press, 1942.

18. Наиболее известные и оказавшие влияние на исследователей труды Макиндера включают в себя: Mackinder, Halford. "The Geographical Pivot of History" in: *Geographical Journal*, Vol. 23, 1904, pp. 421-437; Mackinder, Halford. *Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction*, London: Constable, 1919 и Mackinder, Halford. "The Round World and Winning the Peace" in: *Foreign Affairs*, July 1943.

19. Геополитические теории сегодня соединяют в себе традиционный, олимпийский взгляд на динамику пространства и силы, и более современный, коли-

чественный подход к мощи государств, учитывающий как фактор полярности (число центров силы), так и концентрацию власти (ее распределение). Теория «гегемонистской» стабильности, например, предусматривает что одна доминирующая держава – такая как Рим или Великобритания – контролирует предложение денег, товаров и материалов в глобальном масштабе, управляет оборотом особо редких и ценных благ, и при этом устанавливает правила функционирования мировой экономики и обеспечивает ряд «общественных благ» – таких, к примеру, как безопасность морских торговых путей. Однако страдая от перенапряжения сил на внешней арене и внутреннего экономического упадка, гегемон не может управлять созданной им системой вечно, и в какой-то момент заменяется другим – обычно после большой войны (см., напр.: Gilpin, Robert. *War and Change in World Politics*). Для Гилпина, добавим, государство и рынок являются двумя организующими принципами международного сообщества (см.: Gilpin, Robert. *Political Economy of International Relations*, Princeton (NJ): Princeton Univ. Press, 1987). Теория мир-систем также акцентирует внимание на роли гегемона и его союзников в доминировании глобальной капиталистической экономики, но дополняет «вертикальную» картину противостояния государств «горизонтальными» процессами борьбы между социальными классами. Данный марксистский элемент позволяет сторонникам этой концепции заявлять, что различия между относящимся к «первому миру» центром, ко «второму миру» полупериферией и к «третьему миру» периферией заданы не исторической отсталостью последних, а их эксплуатацией со стороны первого, и могут быть преодолены при изменении принципов международного разделения труда. Модернизация и освобождение от сетей гегемонии – единственное, что может позволить вырваться из периферийного состояния и приблизиться к центру. В то же время, поскольку циклы гегемонии определяется хозяйственными циклами, экономический упадок гегемона может быть предсказан за десятилетия до его реального наступления (см.: Shannon, Thomas. *Introduction to the World-System Perspective*, Boulder (Co.), Oxford: Westview Press, 1989). Во многом мир-системная теория основана на трудах Иммануэля Валлерстайна (см. его трехтомник: Wallerstein, Immanuel. *The Modern World-System*, New York: Academic Press, 1974-1989). Третья школа геополитики, которую иногда называют теорией «длинных циклов» (или «длинных волн»), сосредотачивается на морской мощи и коммерческих нововведениях, изменяющих облик тех или иных отраслей экономики, а также на концентрации того и другого в руках единственной «глобальной державы». На протяжении последнего тысячелетия «мантия» такой державности смещалась на Запад – от Китая времен династии Сун к империи монголов, Могольской и Оттоманской империям, итальянским городам-государствам, Испании, Португалии, Голландии, Великобритании и, наконец, к США – причем каждая из держав переживала периоды подъема, взлета, зрелости и упадка (см.: Modelski, George and Thompson, William R.

Leading Sectors and World Powers: The Coevolution of Global Economics and Politics, Columbia (SC): Univ. of South Carolina Press, 1995; Rasler, Karen A. and Thompson, William R. *The Great Powers and Global Struggle, 1490-1990*, Lexington: Univ. of Kentucky Press, 1994; Agnew, John and Corbridge, Stuart. *Mastering Space: Hegemony, Territory and International Political Economy*, London: Routledge, 1995). Новейшее течение, т.н. «критическая геополитика», бросает вызов традиционной пространственной онтологии прочих концепций, указывая на то, что государства не являются чем-то данным, а всего лишь выступают формой политической организации народов, и что ресурсы и возможности могут накапливаться и помимо воли и интересов государств. Оно также подчеркивает роль символических и материальных ценностей, равно как и «мягкой силы», подчеркивая, что исторически мощь государств никогда не базировалась на одном источнике, а все империи соединяли свои возможности в различных комбинациях (см.: O'Tuathail, Gearoid. *Critical Geopolitics: The Politics of Writing Global Space*, London: Routledge, 1996).

20. Toynbee, Arnold. *Civilization on Trial*, London: Oxford Univ. Press, 1948, pp. 8-9.

21. В техническом смысле определенная, глобализация включает в себя все трансграничные взаимодействия – экономические, политические и культурные (см.: Marber, Peter. “Globalization and Its Contents” in: *World Policy Journal*, Winter 2004-2005, p. 29).

22. По поводу дискуссии о системной динамике и теории сложности, см.: гл. 1 книги Jervis, Robert. *System Effects: Complexity in Political and Social Life*, Princeton (NJ), Oxford: Princeton Univ. Press, 1997.

23. См.: Weinstein, Michael (ed.) *Globalization: What's New*, New York: Columbia Univ. Press Univ. Press, 2005. Выступив редактором данной книги, М.Вайнштейн не выразил поддержки ни одному из приведенных в ней определений глобализации.

24. См.: Rivoli, Petra. *The Travels of a T-shirt in the Global Economy: An Economist Explores the Markets, Power, and Politics of World Trade*, New York: John Wiley & Sons, 2005.

25. См.: Doyle, Michael. “Kant, Liberal Legacies, and Foreign Affairs” in: *Philosophy and Public Affairs*, 1983, Vol. 12, No 3-4, pp. 205-235 и 323-353; Russett, Bruce. *Grasping the Democratic Peace: Principles for a Post-Cold War World*, Princeton (NJ): Princeton Univ. Press, 1992 и Brown, Michael, Lynn-Jones, Sean and Miller, Steven (eds.) *Debating the Democratic Peace*, Cambridge (Ma.), London: The MIT Press, 1996.

26. См.: Rosecrance, Richard N. *The Rise of the Virtual State. Wealth and Power in the Coming Century*, New York: Basic Books, 2000.

27. Rothkopf, David. “Values Conundrum: Will the U.S. and China Play by the Same Rules?” in: *Washington Post*, 2005, July 11.

28. См.: Lal, Deepak. *In Praise of Empires: Globalization and Order*, Houndmills, New York: Palgrave, 2004.

29. См.: Doyle, Michael. *Empires*.

30. См.: Toynbee, Arnold. *Civilization on Trial*.

31. См.: *Mapping the Global Future*, Washington (DC): U.S. National Intelligence Council, 2005 (есть русский перевод: *Мир после кризиса. 2025 год*, Москва: Издательство «Европа», 2009).

32. Toynbee, Arnold. *East to West: A Journey Round the World*, London: Oxford Univ. Press, 1958, p. 199. Всякая теория психологична, и уподобление государств людям естественно для теории международных отношений. Сама модель действий отдельных государств в доминирующей ныне теории рационального выбора предполагает, что они действуют подобно стремящемуся к наибольшей выгоде Homo economicus. Как пишет Роберт Кохейн, рациональность, однако, «выступает скорее полезным упрощением реальности, чем ее адекватным отражением» (Keohane, Robert. *After Hegemony. Cooperation and Discord in the World Political Economy*, Princeton (NJ), Oxford: Princeton Univ. Press, 1984, p. 108). В конце 1940-х годов Ганс Моргентау писал: «Философия рационализма недопоняла природу человека, природу социального мира, и природу самого разума. Она не принимает в расчет того, что природа человека имеет три составляющих – биологическую, рациональную и духовную. Не обращая внимания на биологические импульсы и духовные позывы человека, она неверно изображает роль разума в жизни человека; она упраздняет проблему этики, особенно в сфере политического; она извращенно выставляет естественные науки в качестве инструмента социального спасения, хотя они сами не соответствуют этой задаче, а социальная сфера не готова признать за ними подобной роли» (Morgentau, Hans. *Scientific Man vs. Power Politics*, Chicago: Univ. of Chicago Press, 1946, p. 5). Рациональность прельщает обществоведов, так как позволяет им принять за данность, что идентичности неизменны, все люди одинаково оценивают соотношение издержек и выгод, и все значимые решения должны приниматься на основе именно этих рациональных выкладок, тем самым повышая предсказуемость социальных процессов (см.: Mercer, Jonathan. “Rationality and Psychology in International Politics” in: *International Organization*, 2005, Vol. 59, pp. 77-106).

33. Wendt, Alexander. *Social Theory of International Politics*, Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1999, p. 194. Вендт также утверждает, что государства – это подобные живым организмам агенты коллективного сознания, копирующие составляющих их индивидов (см.: Wendt, Alexander. “The State as a Person in International Theory” in: *Review of International Studies*, 2004, Vol. 30, pp. 289-316). В других своих работах он поясняет, что государства «по-разному ведут себя в отношении врагов и друзей, поскольку враги представляют опасность, а друзья – нет; анархия и распределение

власти недостаточны для того, чтобы объяснить нам, что есть что» (Wendt, Alexander. "Anarchy Is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics" in: *International Organization*, 1992, Vol. 46, No 2, pp. 396-397).

34. См.: Maslow, Abraham H. "A Theory of Human Motivation" in: *Psychological Review*, 1943, Vol. 50, pp. 370-396.

35. Многие авторы, и в их числе Амартия Сен и авторы Доклада о человеческом развитии за 2002 год, утверждают, что демократия сама по себе является элементом устойчивого политического и социальноэкономического «здоровья» общества (см.: Sen, Amartya. *Development As Freedom*, New York, Oxford: Oxford Univ. Press, 1999).

36. Роберт Чейз, Эмили Хилл и Пол Кеннеди насчитали в мире девять ключевых стран, которые совместно могут положить конец активному присутствию Америки в разных точках планеты. Их внимание акцентируется на государствах, становящихся ареной дипломатического соперничества трех основных сверхдержав – т.е. не столько на антиамериканских странах, но скорее на проевропейских или прокитайских. Не приходится сомневаться, что соотношение сил между регионами серьезно влияет на то, как страны соответствующей части мира относятся к сверхдержавам (см.: Chase, Robert, Hill, Emily and Kennedy, Paul (eds.) *Pivotal States and U.S. Policy: A New Strategy for U.S. Policy in the Developing World*, New York, London: W.W.Norton & Co., 1999).

37. Французский демограф Андре Сови ввел в оборот термин «третий мир» в 1952 году, сказав, что «этот игнорируемый, эксплуатируемый и отверженный Третий мир, как и Третье сословие, тоже хочет стать чем-то». Как и французское крестьянство перед революцией, глобальный андеркласс бедных стран мира сохранился нетронутым всеми волнами модернизации – от промышленной революции до информационной. Это понятие обозначало в те годы не некое объединение, а только лишь констатацию обездоленности. Первый премьер-министр Индии Джавахарлал Неру использовал его для обозначения оставших в своем развитии стран, которые при этом не желали примыкать к американскому или советскому лагерям в мировой политике. В 1970-е годы этот Третий мир потребовал Нового международного экономического порядка, который должен был принести с собой более равномерное распределение богатства, включая передислокацию части промышленности с Севера на Юг, ценовую поддержку импорта из развивающихся стран, снижение импортных тарифов в развитых государствах, а также масштабную программу продовольственной помощи. Однако Движение неприсоединения не добилося своих целей, а только закрепило геополитическую бесполезность Третьего мира (наследником этого движения сегодня можно считать существующую внутри Организации Объединенных наций «Группу 77-и»). Географ Сол Коэн однажды назвал Латинскую Америку и Африку «маргинальной четвертью» земного шара за их выключенность из глобальной экономики. Сегодня Третий мир включает в

себя Центральную Америку и страны Карибского бассейна, внутреннюю Южную Америку и страны Андского пояса, большую часть Африки и Южной Азии, часть арабского мира, южные страны Центральной Азии, а также отдельные государства Юго-Восточной Азии – в основном находящие в стороне от важнейших геополитических перекрестков, на которых сталкиваются между собой страны Второго мира (подробнее см.: Ayooob, Mohammed. *The Third World Security Predicament: State Making, Regional Conflict, and the International System*, Boulder (Co.), London: Lynne Rienner Publishers, 1995 и Krasner, Stephen D. *Structural Conflict: The Third World Against Global Liberalism*, Berkeley (Ca.): Univ. of California Press, 1985).

38. Относительно бифуркаций международной экономической системы, а также восходящей и нисходящей мобильности в ней как результате глобализации см.: Milanovic, Branko. *Worlds Apart: Measuring International and Global Inequality*, Princeton (NJ), Oxford: Princeton Univ. Press, 2005.

39. Одним из измерителей продвижения по лестнице модернити выступает государственность. Этот термин обозначает способность правительства реализовать свои властные функции – от минимальных (предоставления общественных благ, обеспечения защиты прав собственности и обороны) до средних по своей сложности (оценки экстерналий роста, обеспечение образования и социального страхования, а также комплекса мер по регулированию бизнеса) и наиболее «активных» (например, прогрессивной индустриальной политики и перераспределения общественного богатства) (см.: Fukuyama, Francis. *State-Building. Governance and World Order in the Twenty-First Century*, Ithaca (NY), London: Cornell Univ. Press, 2004). Сорок лет назад Самюэль Хантингтон в своей книге «Политический порядок в меняющихся обществах» писал, что «важнейшее политическое различие между странами касается не формы правительства, а степени управляемости; различия между демократией и диктатурой менее значимы, чем между теми странами, в которых политика строится на основе консенсуса, чувства общности, легитимности, организованности, стабильности и эффективности, и теми, чья политика лишена всех этих качеств».

40. См.: Przeworski, Adam and Limongi, Fernando. “Modernization: Facts and Theories” in: *World Politics*, 1997, Vol. 49, No 2. Говоря словами Сеймура Мартина Липсета, «чем богаче страна, тем больше у нее шансов сохранить демократию».

41. Как предупреждает Национальный разведывательный совет, «несмотря на то, что весь мир в целом становится богаче, глобализация радикально изменит, и не раз, сложившийся status quo – порождая невиданные экономические, культурные, а, значит, и политические возмущения» (*Global Trends 2015*, Washington (DC): U.S. National Intelligence Council, 2000).

42. Spykman, Nicholas J. *The Geography of the Peace*, New York: Harcourt Brace, 1944, p. 41.

43. Регионы можно определить как географические зоны, в рамках которых страны настолько сильно связаны друг с другом, что естественно противопоставляют себя другим частям мира; при этом каждый регион одновременно и является частью глобальной системы, и влияет на ее динамику (см.: Buzan, Barry. *The United States and the Great Powers*, гл. 15).

Глава 1.

1. См.: Buzan, Barry and Wæver, Ole. *Regions and Powers: The Structure of International Security*, New York: Cambridge Univ. Press, 2003, гл. 11; Mearsheimer, John J. "Back to the Future: Instability in Europe After the Cold War" in: *International Security*, Vol. 15, No 4, Spring 1990, pp. 5-56 и O'Loughlin, John. "Ordering the 'Crush Zone': Geopolitical Games in Post-Cold War Eastern Europe" in: Kliot, Nurit and Newman, David (eds.) *Geopolitics and Globalization: The Changing World Political Map*, London: Frank Cass, 1999.

2. См.: Dahrendorf, Ralf. *Reflections on the Revolution in Europe*, New York: Crown Publishers, 1990.

3. Как объясняет Малколм Андерсон, внешние рубежи Европы расширились столь же быстро, как исчезали границы, разделявшие ее на части (см.: Anderson, Malcolm. *Frontiers: Territory and State Formation in the Modern World*, Cambridge, Malden (Ma.): Polity Press, 1996, pp. 178-191).

4. Bowley, Graham. "EU Turns Its Attention and Resources to East" in: *International Herald Tribune*, 2005, July 18.

5. Одно из непредусматривавшихся следствий быстрой индустриализации Восточной Европы стало то, что этот процесс замедлил снижение выброса парниковых газов в общеевропейском масштабе.

6. Mettler, Ann. "A Two-Speed Europe, at Last" in: *Wall Street Journal Europe*, 2005, Jun 9.

7. Как пишет Р.Купер, «постмодернистский Европейский Союз представляет собой «кооперативную империю», где обеспечиваются свобода и безопасность для всех без этнического доминирования и централизованного абсолютизма, характерных для империй прошлого» (Cooper, Robert. "The New Liberal Imperialism" in: *Guardian* (Manchester), 2002, April 7). За сто лет до этого Г.Д.Седжвик аналогичным образом писал, что пример Рима доказывает, что «не империя, а федерация, представляет собой реальный шаг вперед в направлении космополитической системы... с ее основанными на этических нормах законах, которая смогла бы заменить нашу национальную систему, основанную на индивидуалистических законах».

8. Как объясняет Ф.Фоер, такая перемена может быть проиллюстрирована на примере футбольных клубов – таких как «Барселона» – которые считают себя превосходящими многие другие, что, однако, не создает никакого «послевкусия» политического доминирования (см.: Foer, Franklin. *How Soccer Explains the World: An Unlikely Theory of Globalization*, New York: HarperCollins, 2004).

9. Европейский Союз напоминает римскую foederatio, или федерацию, но основан на неосредневековом сочетании наднационального, национального и регионального уровней управления. Он функционирует как своего рода «составная республика», с вертикальным и горизонтальным разделением властей (см.: Moravcsik, Andrew. “Despotism in Brussels? Misreading the European Union” in: *Foreign Affairs*, Vol. 80, No 3, May-June 2001; Moravcsik, Andrew (ed.) *Europe Without Illusions: The Paul-Henry Spaak Lectures, 1994-1999*, Lanham (Md.): Univ. Press of America, 2005 и Wæver, Ole. “Imperial Metaphors: Emerging European Analogies to Pre-Nation State Imperial Systems” in: Tunander, Ola; Baev, Pavel and Einagel, Victoria Ingrid (eds.) *The Geopolitics of Post-Wall Europe: Security, Territory and Identity*, Oslo: International Peace Research Institute, 1997).

10. См.: Rosecrance, Richard N. “Mergers and Acquisitions” in: *The National Interest*, No 80, Summer 2005, а также: Lieber, Robert J. *The American Era: Power and Strategy for the Twenty-First Century*, New York: Cambridge Univ. Press, 2005 и Patten, Chris. *Cousins and Strangers: America, Britain, and Europe in a New Century*, New York: Times Books, 2006.

11. Тимоти Гартон Эш утверждает, что ценности американцев и европейцев совпадают на 85% и даже антиамерикански настроенные европейцы «оценивают Соединенные Штаты, сравнивая их со сформировавшимся у них в создании идеалом Европы» (Ash, Timothy Garton. *Free World. Why a Crisis of the West Reveals the Opportunity of Our Time*, London: Allen Lane, 2004, p. 216).

12. См.: Выступление Н.Бернса на ежегодном ужине Европейского института в Вашингтоне 15 декабря 2005 года. На дипломатическом уроне Гартон Эш поясняет, что дружба – это термин, обозначающий «отношения между государственными деятелями, и, как результат символического обобщения, между странами, которые они представляют» (Ash, Timothy Garton. *Free World*, p. 7). А по словам Кристофера Кокера, предполагаемый философский раскол между американским гоббсовским и европейским кантианским взглядами на мир служит лишь для демонстрации того, что оба имеют в равной степени западную природу, а различия между сторонами возникают по поводу методов использования силы, а не его целей (см.: Coker, Christopher. *Empires in Conflict: The Growing Rift Between Europe and the United States*, Whitehall Paper No 58, London: Royal United Services Institute, 2003).

13. См.: Kagan, Robert. “Power and Weakness” in: *Policy Review*, June 2002.

14. См.: Reid, T.R. *The United States of Europe. The New Superpower and the End of American Supremacy*, New York: Penguin, 2004.

15. См.: Joffe, Josef. *Überpower: The Imperial Temptation of America*, New York, London: W.W.Norton & Co., 2006, гл. 3 и Rifkin, Jeremy. *The European Dream. How Europe's Vision of the Future Is Quietly Eclipsing the American Dream*, New York: Penguin, 2004.

16. Toynbee, Arnold. *Civilization on Trial*, p. 41.

17. См.: *European Defense Integration: Bridging the Gap Between Strategy and Capabilities*, Washington (DC): Centre for Strategic and International Studies, 2005 и Jones, Seth G. *The Rise of European Security Cooperation*, New York: Cambridge Univ. Press, 2006.

Глава 2.

1. См.: Mapes, Rosemary S. *Russian Nationalism and Russian Historiography, 1725-1854*, Washington (DC): Georgetown Univ. Press, 1961 и Rancour-Lafferiere, Daniel. *The Slave Soul of Russia: Moral Masochism and the Cult of Suffering*, New York: New York Univ. Press, 1995.

2. См.: Trenin, Dmitri. "Russia Leaves the West" in: *Foreign Affairs*, Vol. 85, No 4, July-August 2006 и Trenin, Dmitri. *The End of Eurasia: Russia on the Border Between Geopolitics and Globalization*, Washington (DC), Moscow: Carnegie Endowment for International Peace, 2002. Как отмечает Александр Музыкантский, «идеологическая дезориентированность элиты выступает наиболее характерной чертой российской ментальности со времени распада Советского Союза» (Muzykantsky, Alexander. "A Yardstick for Russia" in: *Russia in Global Affairs*, Vol. 3, No 3, July-September 2005).

3. См.: Kramer, Andrew E. and Myers, Steven Lee. "Worker's Paradise Is Rebranded as Kremlin, Inc." in: *New York Times*, 2006, April 24.

4. См.: Aslund, Anders. "The Hunt for Russia's Riches" in: *Foreign Policy*, January-February 2006 и Hoffman, David. *The Oligarchs: Wealth and Power in the New Russia*, New York: Public Affairs, 2003.

5. См.: Myers, Steven Lee. "In Russia, the New Year's Holiday Becomes a Long Winter's Nap" in: *International Herald Tribune*, 2007, January 8.

6. См.: Illarionov, Andrei. "A Long-Term Prospect for Russia" и Mau, Vladimir. "Lessons from the Spanish Empire" (обе статьи опубликованы в журнале *Russia in Global Affairs*, Vol. 3, No. 3. July-September 2005).

7. См.: Smith, Keith C. "Gaz Promises" in: *Georgetown Journal of International Affairs*, Winter-Spring 2007, pp. 51-58.

8. См.: Menon, Rajan and Motyl, Alexander J. "The Myth of Russian Resurgence" in: *The American Interest*, Spring 2007.

Глава 3.

1. В 1991 г., пишет Анна Рейд, «украинцы получили независимость “по умолчанию”; о ней многие мечтали, но никто ее не ожидал и никто к ней не готовился» (Reid, Anna. *Borderland. A Journey Through the History of Ukraine*, Boulder (Co.): Westview Press, 1997, p. 217).

2. Совокупность неблагоприятных стартовых условий на Украине – неконкурентоспособная тяжелая промышленность, деморализованное и разоренное крестьянство, энергетическая зависимость, раскол на западную и восточную части и некомпетентность элиты – вкпе с неэффективным правительством, непродуманными реформами, всепроникающей коррупцией и апатией населения «сформировали законченную систему, склонную к стагнации и отторгающую перемены» (Motyl, Alexander. “Ukraine, Europe and Russia: Exclusion or Dependence?” in: Lieven, Anatol and Trenin, Dmitri (eds.) *Ambivalent Neighbors: The EU, NATO, and the Price of Membership*, Washington (DC): Carnegie Endowment for International Peace, 2003, p. 19).

3. Один из исследователей определил систему Л.Кучмы как «конкурентный авторитаризм», в рамках которого неформальные институты патронажа позволяли соперникам режима скапливать капиталы и собирать сторонников – вплоть до оспаривания позиций власти (см.: Way, Lucan. “Kuchma’s Failed Authoritarianism” in: *Journal of Democracy*, Vol. 16, No. 2, April 2005).

4. См.: Kjellen, Rudolf. *Die politische Probleme des Weltkrieges*, Leipzig, 1916.

5. Как отмечает Эндрю Уилсон, русские до сих пор склонны полагать, что бывшая Древняя Русь остается единой нацией (Wilson, Andrew. *The Ukrainians: Unexpected Nation*, New Haven (Ct.): Yale Univ. Press, 2000).

6. См.: Mayer, Michael. “Ukraine: Stranded Between Two Worlds?” in: *World Policy Journal*, Spring 2005.

7. Aksyonov, Vasily. *The Island of Crimea*, New York: Vintage, 1984, p. 40.

8. Соединенные Штаты усвоили подобный же урок. Лучшие инструкторы по проведению демократических преобразований, работающие в штате Национального демократического института – это активисты из недавно переживавших демократический транзит стран, причем даже из тех, где процесс шел отнюдь не гладко или вообще остановился. Уже в 1992 г. Национальный демократический институт направлял филиппинцев в Замбию, а болгар – в Йемен и Индонезию. Его штат сегодня неправдоподобно многонационален.

9. См.: Smith, Pamela Hyde. *Moldova Matters: Why Progress Is Still Possible on Ukraine’s Southwestern Flank* (Atlantic Council Occasional Paper, March 2005).

10. Это выражение приписывают Тимоши Гартон Эшу; цит. по: Drakuli, Slavenka, *Café Europa: Life After Communism*, London: Penguin, 1996.

Глава 4.

1. Цит. по: Wood, Nicholas. “Can an Iron Fist Put Power in Bosnia’s Hands?” in: *New York Times*, 2005, November 5.

2. См.: Snyder, Jack. *From Voting to Violence: Democratization and Nationalist Conflict*, New York, W.W.Norton, 2000 и Rubin, Barnett R. and Snyder, Jack (eds.) *Post-Soviet Political Order: Conflict and State-Building*, London: Routledge, 1998.

3. См.: *The Inflexibility Trap: Frustrated Societies, Weak States, and Democracy* (UNDP Issues Paper, Bratislava, 2002).

4. Хотя экономическая ситуация и демографическая структура обществ Румынии и Польши были весьма схожими, Румыния не граничит с Германией и потому в начале 1990-х годов привлекала очень мало внимания со стороны Европейского Союза. Молодые румыны, как и жители североафриканских стран, больше всего хотели уехать за границу. Если Польша совершила полный разворот в торговле – сейчас 70% ее товарооборота приходится на страны ЕС и лишь 3% на Россию, – то румынские лидеры управляли страной административными декретами, а к выборам ударялись в демагогию по латиноамериканскому образцу, что вернуло страну к натуральному хозяйству, укрепив ее статус самого большого сельского сообщества в Европе. В то же время ранее притеснявшееся цыганское меньшинство, которое веками жило в своих таборах, в наши дни быстро интегрируется в местное общество, пользуясь возможностями, которые открывают перед ним европейские антидискриминационные законы (см.: Gallagher, Tom. “Ceausescu’s Legacy: Threats to Romania’s Internal Security” in: *The National Interest*, Summer 1999; de Menil, Georges. *History, Policy and Performance in Two Transit Economies: Poland and Romania*, Washington (DC): Carnegie Endowment for International Peace, 2002; *Nations in Transit: Romania Country Report 2005*, Freedom House, 2005; Poppidi, Alina. *The Unbearable Lightness of Democracy* (неопубликованный текст) и King, Charles. “The Europe Question in Romania and Moldova” in: Lieven, Anatol and Trenin, Dmitri (eds.) *Ambivalent Neighbors*, p. 247).

5. Тысячу лет назад Болгария соперничала с Сербией за региональное доминирование, пока обе не оказались подчинены правлению Оттоманской империи. Переметнувшись от стран «оси» на сторону союзников во Второй мировой войне, Болгария стала настолько лояльной Советскому Союзу, что выразила желание войти в его состав в 1973 г. Первое десятилетие ее независимости было отменено кризисом и застоём, вследствие чего протестное голосование вернуло к власти – уже в качестве премьер-министра – ее бывшего коороя. Будучи не в силах сохранять

прежние индустриальные достижения без советской подпитки, Болгария прошла через процесс «развития с обратным знаком», в результате которого, как иронично отметил один аналитик, «Восток» становится «Югом». Ситуация начала меняться к лучшему только после того, как Европейский Союз оказал Болгарии массивную помощь в рамках подготовки к ее вступлению в ЕС. Доходы граждан стали повышаться, а финансовая стабильность была обеспечена привязкой национальной валюты к евро. Подробнее см.: Vassilev, Rossen. “De-Development Problems in Bulgaria” in: *East European Quarterly*, 2003, September 22.

6. По мнению двух известных экспертов по балканским войнам, Контактная группа, созданная для разрешения набравшего силу конфликта, «напоминала по стилю работы политику великих держав середины XIX века. Пять держав собрались вместе, чтобы сообщить Югославии о ее будущем... Переговоры по Боснии были упражнениями в удовлетворении амбиций участников Контактной группы и позиционировании их в рамках новой политической ситуации, а не усилиями, направленными к решению насущных проблем местного населения» (Little, Allan and Silber, Laura. *Yugoslavia: Death of a Nation*, New York: Penguin, 1995, p. 336)

7. См.: Ash, Timothy Garton. “The Sultanate of Europe” in: *Los Angeles Times*, 2005, April 14.

8. См.: Andri, Ivo. *The Days of the Consuls*, Belgrade: Dereta, 2000.

9. Европе следовало бы сделать намного больше для поддержки антимилошевской оппозиции, ибо непопулярность действующих лидеров делает их отстранение от власти вполне возможным даже не обеспечивая в обществе высокой политической культуры и не дожидаясь формирования устойчивого среднего класса (см.: McFaul, Michael. “Transitions from Postcommunism” in: *Journal of Democracy*, Vol. 16, No. 3, July 2005, pp. 5-19).

10. “A Tale of Two Slavic States” in: *The Economist*, 2006, June 3, p. 53.

11. См.: Merry, E. Wayne. “Therapy’s End: Thinking Beyond NATO” in: *The National Interest*, Winter 2003-2004.

12. Состояние разочарования и растерянности привело к тому, что Третья международная комиссия по Балканам в 2005 г. объявила регион «в одинаковой мере предрасположенным и к возрождению, и к краху», добавив при этом: «...если европейское неокOLONIALное правление продолжится, оно усилит экономические неурядицы и в то же время сможет привести к дискредитации европейского интеграционного проекта, не говоря уже о том, что присутствие ЕС в регионе будет восприниматься европейскими избирателями как значительное финансовое и моральное бремя» (International Commission on the Balkans. *The Balkans in Europe’s Future*, Sofia: Centre for Liberal Strategies, 2005, pp. 7, 11).

13. См.: Pond, Elizabeth. *Endgame in the Balkans: Regime Change, European Style*, Washington (DC): Brookings Institution Press, 2006.

14. См.: *Breaking Out of the Balkan Ghetto: Why IPA Should Be Charged*, European Stability Initiative, June 2005.

15. См.: Obolensky, Dimitri. *The Byzantine Commonwealth: Eastern Europe, 500-1453*, New York: Praeger Publishers, 1971, p. 4 (карта).

Глава 5.

1. См.: Caldwell, Christopher. "The East in the West" in: *New York Times Magazine*, 2005, September 25. По прогнозам, Турция и Россия сравняются по числу жителей через тридцать лет.

2. Этот термин был впервые применен Жаком ле Гоффом (см.: Pilet, Jacques. "Geboren im Mittelalter" in: *Cicero*, November 2005, pp. 24-26)

3. Именно ЕС, а не НАТО, способствует разрешению кипрского конфликта, давя на Турцию с тем, чтобы она позволила организовать судоходное и авиационное сообщение между Республикой Кипр и турецкими городами.

4. См.: Hill, Fiona and Taspinar, Omar. "Turkey and Russia: The Axis of Excluded?" in: *Survival*, Spring 2006.

5. См.: Cagartay, Soner. *Why Are the Turks Hesitating on Iraq?* Washington (DC): Washington Institute for Near East Policy, 2003.

6. См.: Partis, Mark. "Allergic Partners: Can U.S.-Turkish Relations Be Saved?" in: *Turkish Policy Quarterly*, Vol. 5, No. 1, Spring 2005.

7. См. доклад *Islamic Calvinists: Change and Conservatism in Central Anatolia*, подготовленный Инициативой европейской стабильности в сентябре 2005 г.

8. Цит. по: Rushdie, Salman. "How Can a Country That Victimized Its Greatest Living Writer Also Join the EU?" in: *The Times*, 2005, October 14.

9. В 1970-х и 1980-х годах турецкие военные несколько раз совершали перевороты, но затем быстро восстанавливали гражданское правление, что лишь усиливало их популярность в народе (подробнее см.: Aydinly, Ersel; Ozcan, Nihat Ali and Akyaz, Dogan. "The Turkish Military's March Toward Europe" in: *Foreign Affairs*, Vol. 85, No 1, January-February 2006).

10. См.: Kinzer, Stephen. *Crescent and Star: Turkey Between Two Worlds*, New York: Farrar, Straus & Giroux, 2001. Как поясняет С.Озель, ведущие турецкие политики – от бывшего премьера (а позже президента) Т.Озала до исламиста Р.Эрдогана – называли членство в Европейском Союзе «инструментом преобразования Турции из примитивной и по многим меркам нелиберальной демократии в идеальный образец

демократического государства» (Ozel, Soli. "After the Tsunami" in: *Turkish Policy Quarterly*, Vol. 3, No. 1, Spring 2003).

11. См.: Mango, Andrew. *The Turks Today*, London: Overlook Press, 2005.

12. Как отмечает Х.Поуп, «большая часть турецких исламистов не пытается идти вразрез с консенсусным мнением, не желающим восстановления законов шариата – напротив, чем ближе их позиция оказывается к этому мнению, тем успешнее они выступают на выборах» (Pope, Hugh. *Sons of the Conquerors: The Rise of the Turkish World*, London: Overlook Press, 2005, p. 277).

13. См.: King, Charles. *The Black Sea: A History*, London: Oxford Univ. Press, 2004.

14. См.: Asmus, Roland D. and Jackson, Bruce P. "The Black Sea and the Frontiers of Freedom" in: *Policy Review*, June 2004.

Глава 6.

1. См.: Rondeli, Alexander. "Russia and Georgia: Asymmetrical Neighbors" in: Rumer, Boris and Lan Sim Yee (eds.) *Central Asia and South Caucasus Affairs*, Tokyo: Sasakawa Peace Foundation, 2003.

2. См.: Ponarin, Eduard and Kouznetsova-Morenko, Irina. "Russia's Islamic Challenge" in: *Georgetown Journal of International Affairs*, Summer-Fall 2006, pp. 21-28.

3. Международная финансовая корпорация и Европейский банк реконструкции и развития выделили большую часть из потребовавшихся для строительства трубопровода 4 миллиардов долларов. Контроль над 30%-ной долей в проекте получила British Petroleum; другими заметными участниками выступали американские Unocal и Chevron (позднее слившиеся), норвежская Statoil, итальянская Eni, турецкая ТРАО и азербайджанская SOCAR.

4. Цит. по: Murphy, Kim. "Caspian Sea Pipeline Has Its Origin in Murky Waters" in: *Los Angeles Times*, 2005, June 27.

5. См.: Hill, Fiona. *Beyond the Coloured Revolutions* (речь на 6-й ежегодной конференции Общества центральноевразийских исследований, Бостонский университет, 30 сентября 2005 г.).

6. См.: Cornell, Svante E., et al. *Regional Security in the South Caucasus: The Role of NATO*, Washington (DC): Paul H. Nitze School of Advanced International Studies, 2004.

7. В 1990-е годы армянская диаспора в США успешно пролоббировала санкции Соединенных Штатов в отношении Азербайджана, введенные в соответствии с противоречивым п. 907. Акта о санкциях в отношении Ирана и Ливии (ILSA).

8. Русско-иранские войны 1813 и 1828 гг. географически разделили азербайджанский народ. Азербайджан сегодня представляет всего лишь четверть азербайд-

жанской нации, тогда как 25 миллионов азербайджанцев живут в Северном Иране, составляя треть населения этой страны. Как отмечает А.Молави, великодушный персидский шах Сафавид, правивший в XVI веке, был азербайджанцем, а его столица Тебриз в конце XIX – начале XX века стала центром прогрессивного конституционалистского движения, приобретшего в Иране широкую популярность (см.: Molavi, Afshin. *The Soul of Iran: A Nation's Journey to Freedom*, New York: W.W. Norton, 2005, p. 211)

9. См.: Brzezinski, Zbigniew. *The Grand Chessboard. American Primacy and Its Geostrategic Imperatives*, New York: Basic Books, 1997.

10. См.: Goltz, Thomas. *Azerbaijan Diary: A Rogue Reporter's Adventures in the Oil-Rich, War-Torn, Post-Soviet Republic*, Armonk (N.Y.): M.E.Sharpe, 1998.

11. См.: *How Freedom Is Won: From Civic Resistance to Durable Democracy*, Freedom House, 2005.

Глава 7.

1. Hopkirk, Peter. *The Great Game: The Struggle for Empire in Central Asia*, London: Kodansha International, 1992, p. 466.

2. Как пишет Дж.Уизерфорд, империя Чингисхана «простиралась от снежной сибирской тундры до жарких индийских долин, от вьетнамских рисовых полей до венгерских лугов, от Корейского полуострова до Балкан... [он] открыл свободные от поборов торговые пути на пространстве, объединявшем несколько континентов... он собрал разрозненные и соперничавшие между собой торговые города, расположенные вдоль Великого шелкового пути, и объединил их в самую большую в древнем мире зону свободной торговли» (Weatherford, Jack. *Genghis Khan and the Making of the Modern World*, New York: Crown Publishing, 2004, pp. xviii-xix).

3. См.: Hopkirk, Peter. *The Great Game*, p. 231; см. также: Meyer, Karl E. and Brysac, Shareen B. *Tournament of Shadows: The Great Game and the Race for Empire in Central Asia*, New York: Counterpoint, 2000.

4. См.: Ferguson, R. James. *China and the Emerging Eurasian Agenda: From Special Interests to Strategic Cooperation* (Centre for East-West Cultural and Economic Studies Research Paper No. 8, December 2001); Oresman, Matthew. "Beyond the Battle of Talas" и "China's Reemergence in Central Asia" – обе статьи опубликованы в: Burghart, Daniel L. and Sabonis-Helf, Theresa (eds.) *In the Tracks of Tamerlan: Central Asia's Path to the Twenty-first Century*, Washington (DC): National Defense University, 2005.

5. Как отмечает Б.Джилл, «все тут вращается вокруг "мягкой силы", а также стратегических и дипломатических взаимоотношений... когда Китай вмешивается во все что можно, улаживает застарелые конфликты и посредством этого гото-

вится установить гегемонию ненасильственного типа» (цит. по: French, Howard W. "China Moves Toward Another West: Central Asia" in: *New York Times*, 2004, March 28).

6. См.: Fletcher, Joseph F. "China and Central Asia, 1368-1884" in: Fairbank, John K. *The Chinese World Order: Traditional China's Foreign Relations*, Cambridge (Ma.): Harvard Univ. Press, 1968.

Глава 8.

1. См.: Montaigne, Fen. *Reeling in Russia: An Angler's Paradise*, New York: St. Martin's Press, 1998.

2. См.: Hosking, Geoffrey. *Russia and the Russians: A History*, Cambridge (Ma.): Harvard Univ. Press, 2002.

3. См.: Hill, Fiona and Gaddy, Clifford. *The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia out in the Cold*, Washington (DC): Brookings Institutions, 2004 и de Blij, Harm. *Why Geography Matters. Three Challenges Facing America: Climate Change, the Rise of China, and Global Terrorism*, Oxford, New York: Oxford Univ. Press, 2005, p. 123.

4. Наиболее затронутыми областями в России являются Красноярская, Иркутская и Магаданская, а также Приамурье и Забайкалье (см.: Friends of the Earth. *Plundering Russia's Far Eastern Taiga: Illegal Logging, Corruption, and Trade*, July 2000).

5. О дебатах относительно присутствия китайских граждан на российском Дальнем Востоке и демографической ситуации в данном регионе см.: Olikek, Olga and Charlick-Paley, Tanya. *Assessing Russia's Decline: Trends and Implications for the United States and the U.S. Air Force*, Santa Monica (Ca.): RAND Corporation, 2002, гл. 5. В первые годы «холодной войны» Дж.Кеннан определял российско-китайские отношения как такие, в которых «великая военная держава, имеющая с Китаем общую границу длиной в 4 тысячи миль... никогда не лишится должной меры влияния на события, происходящие в соседней стране» (Kennan, George F. *American Diplomacy*, Chicago: Univ. of Chicago Press, 1985). Однако сегодня, похоже, эту фразу следует читать с диаметрально противоположных позиций.

6. См.: Schuman, Michael. "The New El Dorado" in: *Time*, 2006, August 7.

7. См.: Alexseev, Mikhail. *The Chinese Are Coming: Public Opinion and Threat Perception in the Russian Far East* (PONARS Policy Memo No. 184, January 2001).

8. См.: Andrew, Christopher and Mitrokhin, Vasili. *World Was Going Our Way: The KGB and the Battle for the Third World*, New York: Basic Books, 2006, pp. 279-280.

9. См.: Christoffersen, Gaye. "The Dilemmas of China's Energy Governance: Recentralization and Regional Cooperation" in: *China-Eurasia Forum Quarterly*, Vol. 3, No. 3, November 2005, pp. 55-80.

10. См.: Jones Luong, Pauline (ed.) *The Transformation of Central Asia: States and Societies from Soviet Rule to Independence*, Ithaca (N.Y.): Cornell Univ. Press, 2004.

11. См.: Roy, Olivier. *The New Central Asia: The Creation of Nations*, New York: New York Univ. Press, 2000.

12. См.: Gleason, Gregory. "Reform Strategies in Central Asia: Early Starters, Late Starters, and Non-Starters" in: Burghart, Daniel L. and Sabonis-Helf, Theresa (eds.) *In the Tracks of Tamerlan: Central Asia's Path to the Twenty-first Century*, Washington (DC): National Defense University, 2005.

13. См.: Olson, Mancur. "Dictatorships, Democracy, and Development" in: *American Political Science Review*, Vol. 87, No. 3, September 1993.

14. См.: Aslund, Anders. *Building Capitalism: The Transformation of the Former Soviet Bloc*, New York: Cambridge Univ. Press, 2001 и World Economic Forum. *Sustaining Growth in Uncertain Times (Eurasia Economic Summit Report 2002)*, New York: WEF, 2002.

Глава 9.

1. М.Испхани подчеркивает, что «шоссейные и железные дороги и сегодня определяют территориальное единство и физические возможности государства и обладают критически важным значением для укрепления его политического, экономического и военного могущества» (Isphani, Mahnaz Z. *Roads and Rivals: The Political Uses of Access in the Borderlands of Asia*, Ithaca (N.Y.): Cornell Univ. Press, 1989, pp. xii, 3).

2. Как подчеркивается в недавно опубликованном китайском правительством документе, «со времен Западной Ханьской династии (206 г. до н.э. – 24 г. н.э.) Синьцзян являлся неотъемлемой частью единой полиэтничной китайской нации».

3. См.: Terrill, Ross. *The New Chinese Empire and What It Means for the United States*, New York: Basic Books, 2003, p. 54.

4. См.: Mackinder, Halford. *Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction*, London: Constable, 1919 и Harkavy, Robert. "Strategic Geography and the Greater Middle East" in: *Naval War College Review*, Autumn 2001.

Глава 10.

1. Многие исследователи сегодня называют этот регион «Внутренней Азией» (см.: Legvold, Robert (ed.) *Thinking Strategically: The Major Powers, Kazakhstan, and the Central Asian Nexus*, Cambridge (Ma.): American Academy of Arts and Sciences, 2003.

2. См.: Tokaev, Kassymzhomart. *Meeting the Challenge*, Redding (Ct.): Begell House, 2004.
3. См.: Blank, Stephen. "China, Kazakh Energy, and Russia: An Unlikely Menage à Trois" in: *China-Eurasia Forum Quarterly*, Vol. 3, No. 3, November 2005, p. 101.
4. См.: LeVine, Steve. *The Oil and the Glory: The Pursuit of Empire and Fortune on the Caspian Sea*, New York: Random House, 2007.
5. См.: Ziyadov, Taleh. "Prospects of Caspian Gas and Its Potential Markets" in: *Central Asia and the Caucasus Journal*, Vol. 29, No. 5, 2004.
6. См.: Tiomkin, David and Linn, Johannes. *Economic Integration of Eurasia: Opportunities and Challenges of Global Significance*, Warsaw: Center for Social and Economic Research, 2005
7. См.: Starobin, Paul. "Sultan of the Steppes" in: *Atlantic Monthly*, December 2005.
8. Обсуждение сценариев экономического развития региона представлена в: Dowling, Malcolm and Wignarajan, Ganeshan. *Central Asia's Economy: Mapping Future Prospects to 2015* (Central Asia-Caucasus Institute Silk Road Paper, July 2006); Rousso, Alan. "Escaping the Resource Trap: Market Reform and the Political Governance of the Resource Rich Countries of Eurasia" in: *China-Eurasia Forum Quarterly*, Vol. 4, No. 3, Autumn 2006, pp. 3-14 и International Monetary Fund. *Republic of Kazakhstan: Selected Issues* (Country Report. No. 04/362, November 2004).
9. См.: Hill, Fiona. "Whither Kazakhstan?" in: *In the National Interest*, 2005, September 20.
10. См.: Nuclear Threat Initiative. *Kazakhstan: Reducing Nuclear Dangers, Increasing Global Security*, Washington (DC): Nuclear Threat Initiative, 2004 и Nazarbayev, Nursultan. *Epicenter of Peace*, Hollis (NH): Puritan Press, 2001.
11. Он получил 90% голосов по 75%-ной явке на избирательные участки.

Глава 11.

1. См.: Cooley, Alexander. *Depoliticizing Manas: The Domestic Consequences of the U.S. Military Presence in Kyrgyzstan* (PONARS Policy Memo No. 362, February 2005).

Глава 12.

1. См.: Rustemova, Assel. *National Identities of Central Asia States and Their Impact on the Prospects for Regional Integration* (неопубликованный доклад, представленный на конференции Ассоциации международных исследований [Сан-Диего, март 2006 г.]).

2. Приказы и распоряжения Н.Суфи играли значительную роль в организации националистических движений (см.: Seiple, Chris and White, Joshua. "Uzbekistan and the Central Asian Crucible of Religion and Security" in: Seiple, Chris and Hoover, Dennis (eds.) *Religion and Security: The New Nexus in International Relations*, Lanham (Md.): Rowman & Littlefield Publishers, 2004).

3. См.: Olcott, Martha. *Central Asia's Second Chance*, Washington (DC): Carnegie Endowment for International Peace, 2005, p. 207.

4. См.: International Crisis Group. *The IMU and Hizb-ut-Tahrir: Implications of the Afghanistan Campaign* (Central Asia Briefing, January 30, 2002); Baran, Zeyno. "Fighting the War of Ideas" in: *Foreign Affairs*, Vol. 84, No 6, November-December 2005, p. 68 и *Hizb-ut-Tahrir: Islam's Political Insurgency*, Washington (DC): Nixon Center, 2004.

5. См.: Olcott, Martha and Babajanov, Bakhtiar. "The Terrorist Notebooks" in: *Foreign Policy*, March-April 2003.

6. См.: Petros, Tiffany. "Islam in Central Asia: The Emergence and Growth of Radicalism in the Post-Communist Era" in: Burghart, Daniel L. and Sabonis-Helf, Theresa (eds.) *In the Tracks of Tamerlan: Central Asia's Path to the Twenty-first Century*, Washington (DC): National Defense University, 2005.

7. См.: Seiple, Chris. "Uzbekistan and the Bush Doctrine" in: *Review of Faith and International Affairs*, Vol. 3, No. 2, Fall 2005.

8. См.: Priest, Dana. *The Mission: Waging War and Keeping Peace with America's Military*, New York: W.W.Norton, 2003, p. 108.

9. См.: Babus, Sylvia W. "Democracy-Building in Central Asia Post-September 11" in: Burghart, Daniel L. and Sabonis-Helf, Theresa (eds.) *In the Tracks of Tamerlan: Central Asia's Path to the Twenty-first Century*, Washington (DC): National Defense University, 2005.

10. См.: Cooley, Alexander. "Base Politics" in: *Foreign Affairs*, Vol. 84, No 6, November-December 2005, pp. 79-92.

11. Olcott, Martha. *Central Asia's Second Chance*, p. 100.

12. См.: Sabonis-Helf, Theresa. "The Rise of the Post-Soviet Petro-States: Energy Exports and Domestic Governance in Turkmenistan and Kazakhstan" in: Burghart, Daniel L. and Sabonis-Helf, Theresa (eds.) *In the Tracks of Tamerlan: Central Asia's Path to the Twenty-first Century*, Washington (DC): National Defense University, 2005.

13. Оценка, проведенная осенью 2005 г. Азиатским банком развития, показала, что этот трубопровод является коммерчески выгодным предприятием.

14. См.: Hancock, Kathleen J. "Escaping Russia, Looking to China: Turkmenistan Pins Hopes on China's Thirst for Natural Gas" in: *China-Eurasia Forum Quarterly*, Vol. 4, No. 3, Autumn 2006, pp. 67-87.

Глава 13.

1. См.: Olikier, Olga and Shlapak, David A. U.S. Interests in Central Asia: Policy Priorities and Military Roles, Santa Monica (Ca.): RAND Corporation, 2005, p. v.

2. Цит. по: Ispahani, Mahnaz Z. *Roads and Rivals*, p. 117.

3. См.: Morajee, Rachel. "Narcotecture in Afghanistan" in: *Monocle*, No. 5, 2007.

4. См.: Rubin, Elizabeth. "In the Land of the Taliban" in: *The New York Times Magazine*, 2006, October 22.

5. Пронзив горную гряду, Каракорумский тракт «переменил географический облик региональной политики» (см.: Ispahani, Mahnaz Z. *Roads and Rivals*, pp. 151, 201). К тому же сейчас нет Советского Союза, который, будучи дипломатическим союзником Индии, мог бы воспрепятствовать нарастающему китайско-пакистанскому сотрудничеству.

6. См.: Haqqani, Husain. "Counter-Terrorism or Bounty Hunting" in: *Nation* (Pakistan), 2006, November 8 и Ijaz, Mansour. "Musharrafistan" in: *Wall Street Journal*, 2006, September 19.

7. См.: Haider, Ziad. "Sino-Pakistan Relations and Xinjiang's Uigurs: Politics, Trade, and Islam Along the Karakoram Highway" in: *Asian Survey*, July-August 2005, pp. 522-545.

8. См.: Siddiqua, Ayesha. *Military, Inc.: Inside Pakistan's Military Economy*, London: Pluto Press, 2007.

Заключение к части II.

1. См.: Starr, Frederick S. A 'Greater Central Asia Partnership' for Afghanistan and Its Neighbors (Central Asia-Caucasus Institute Silk Road Paper, March 2005).

2. См.: Mackinder, Halford. *Democratic Ideals and Reality*, p. 144.

3. См.: Gill, Bates and Oresman, Matthew. *China's New Journey to the West: China's Emergence in Central Asia and Implications for U.S. Interests*, Washington (DC): Center for Strategic and International Studies, 2003.

4. См.: Tiomkin, David and Linn, Johannes. *Economic Integration of Eurasia*, график № 17.

Глава 14.

1. Galeano, Eduardo. *Open Veins of Latin America: Five Centuries of the Pillage of a Continent*, New York: Monthly Review Press, 1973, p. 11.

2. См.: Smith, Peter H. *Talons of the Eagle: Dynamics of U.S.-Latin American Relations*, New York: Oxford Univ. Press, 1996, p. 17.

3. Новые государства образовывались из остатков Испанской империи по принципу *uti possidetis* («как владеете»), что предполагало признание границ по состоянию на момент окончания конфликта.

4. См. Williams, William Appleman. *The Tragedy of American Diplomacy*, New York: W.W.Norton, 1959, p. 50; политика «открытых дверей» Джона Хэя была нацелена на обеспечение равного доступа к иностранным рынкам, в первую очередь в Китае, – при этом без посягательств на его территориальную и административную целостность.

5. Как подчеркивает У.Э.Уильямс, идеология Вильсона основывалась на либерализме, а не на меркантилизме, поскольку она признавала гармонию интересов (см.: Williams, William Appleman. *The Tragedy of American Diplomacy*, p. 95n).

6. См.: Smith, Peter H. *Talons of the Eagle*, p. 62.

7. См.: Ibid., p. 134.

8. См.: Ibid., p. 151.

9. См.: Cardoso, Fernando Henrique. *Charting a New Course: The Politics of Globalization and Social Transformation*, Lanham (Md.), Boulder (Co.), New York: Rowman & Littlefield Publishers, 2001, p. 122.

10. См.: Naim, Moises. “The Lost Continent” in: *Foreign Policy*, February 2004.

11. См.: Galeano, Eduardo. *Open Veins of Latin America*, p. 255.

12. См.: Funakushi, Tomoe and Loser, Claudio. “China’s Rising Economic Presence in Latin America” in: *Inter-American Dialogue*, 2005, No 2, а также: “Magic, or Realism?” in: *The Economist*, 2004, December 29.

13. См.: Andrew, Christopher and Mitrokhin, Vasili. *World Was Going Our Way*, p. 27.

14. См. выступление Синтии Уотсон перед подкомитетом по делам Западного полушария комитета Палаты представителей Конгресса США по международным делам, 6 апреля 2005 г.

15. От 60 до 90% ВВП латиноамериканских стран обеспечивается экспортом природных ресурсов. Согласно последнему отчету Программы развития ООН, «доходы, получаемые от экспорта нефти и других полезных ископаемых, отрицательно влияют на экономический рост, демократию и развитие» (*Human Development Report 2005*, New York, Oxford: UN Development Programme & Oxford Univ. Press, 2005, p. 124).

16. См.: Funakushi, Tomoe and Loser, Claudio. *China’s Rising Economic Presence in Latin America*, pp. 3, 8.

17. По вопросу о концепциях и реалиях влияния Китая на Латинскую Америку см. Logan, Sam and Bain, Ben. "China's Entrance into Latin America: A Cause for Worry?" (передача по радио *IRC Americas*, 24 августа 2005 года).

18. См.: Estevadeordal, Antoni; Rodrik, Dani; Taylor, Alan M. and Velasco, Andres (eds.) *Integrating the Americas: FTAA and Beyond*, Cambridge (Ma.): Harvard Univ. Press, 2004 и Starr, Pamela K. "Pax America in Latin America: The Hegemony Behind Free Trade" in: Dominguez, Jorge I. and Kim, Byung Cook (eds.) *Between Compliance and Conflict: Between East Asia, Latin America, and the "New" Pax Americana*, New York: Routledge, 2005, pp. 85-86.

19. В отличие от ЕС, Американская зона свободной торговли не предполагает формальной связи между открытыми рынками, демократией и социальным равенством. Невзирая на устанавливаемые низкие барьеры, споры об Американской зоне свободной торговли продолжаются просто потому, что ни одна из сторон не желает выглядеть недостаточно ответственной – и продолжаются впусую из-за богатого выбора, что создало сложный лабиринт правил, а не истинно свободный рынок (см.: Dominguez, Jorge I. "Bush Administration Policy: A View Toward Latin America" in: *ReVista*, Spring-Summer 2005, p. 4).

20. В Латинской Америке реальный ВВП на душу населения в 2003 г. был почти таким же, как и в 1980-м, а бедность за этот период даже несколько выросла (см. Fay, Marianne (ed.) *The Urban Poor in Latin America (Directions in Development)*, Washington (DC): International Bank for Reconstruction and Development, World Bank, 2005 и de Ferranti, David; Perry, Guillermo; Ferreira, Francisco and Walton, Michael (eds.) *Inequality in Latin America and the Caribbean: Breaking with History*, Washington (DC): International Bank for Reconstruction and Development, World Bank, 2005).

21. См.: Birdsall, Nancy and de la Torre, Augusto. *Washington Contentious: Economic Policies for Social Equity in Latin America*, Washington (DC): Carnegie Endowment for International Peace and Inter-American Dialogue, 2001, p. 6.

22. Со времени хаотичных стабилизационных программ МВФ 1990-х годов масштабы торговли, иностранных инвестиций и социальных расходов увеличились, в то время как инфляция находится под контролем, и страны Латинской Америки активно подписывают соглашения о свободной торговле с США, ЕС, Азией и друг с другом (см.: Dominguez and Kim, ed., *Between Compliance and Conflict*, pp. 2, 11).

Глава 15.

1. Хотя доходы от туризма также увеличиваются на 1 млрд.долл. в год, выручка от продажи нефти продолжает обеспечивать до 40% поступлений в бюджет Мексики.

2. В 2003 г. 25% рынка одежды в США приходилось на товары китайского производства и 10% – мексиканского; в 2005 г. – соответственно, 56 и 3% (см.: Funakushi, Tomoe and Loser, Claudio. *China's Rising Economic Presence in Latin America*, p. 5).

3. См.: Enriques, Juan. *The United States of America: Polarization, Fracturing, and Our Future*, New York: Crown Publishers, 2005, гл. 6.

4. См.: Contreras, Joseph. "Losing the Battle" in: *Newsweek*, 2005, July 11 и McKinley Jr., James. "With Beheadings and Attacks, Drug Gangs Terrorize Mexico" in: *New York Times*, 2006, October 27.

5. См.: Jacoby, Tamar. "Immigration Nation" in: *Foreign Affairs*, Vol. 85, No 6, November-December 2006.

6. См.: *Building a North American Community* (Доклад Независимой исследовательской группы Совета по внешней политике, 2005 www.cfr.org/publication/8102/).

7. См.: Enriques, Juan. *The United States of America*, p. 154.

8. См.: "10 Questions for Pat Buchanan" in: *Time*, 2006, August 28, p. 6.

9. См.: "Applauding the CAFTA 15" in: *New York Times*, 2005, July 29.

10. См.: Cardoso, Fernando Henrique and Bell, Peter (eds.) *A Break in the Clouds: Latin America and the Caribbean in 2005*, Washington (DC): Inter-American Dialogue, 2005, p. 8.

Глава 16.

1. См.: Ricardo Hausmann. "A Case of Bad Latitude: Why Geography Causes Poverty" in: *Foreign Affairs*, Vol. 80, No 1, January-February 2001.

2. Guillemprieto, Alma. *The Heart That Bleeds: Latin America Now*, New York: Alfred A. Knopf, 1994, p. x.

3. См.: Karl, Terry Lynn. *The Paradox of Plenty: Oil Booms and Petro-States*, Berkeley (Ca.): Univ. of California Press, 1997, p. 3.

4. См.: Ibid., p. 32.

5. См.: Rowan, Michael. *Getting Over Chávez, and Poverty*, б.м., 2006 (доступна по запросу через e-mail: michael.rowan.book@gmail.com).

6. См.: Rowan, Michael. "A Strategy for Success in Venezuela" in: *VenEconomia*, 2005, December 2.

7. См.: Shapiro, Charles S. "Venezuelan Labor Struggles to Find Autonomy" in: *Georgetown Journal of International Affairs*, Winter-Spring 2007, pp. 19-26.

8. См.: "Oil, Missions, and a Chat Show" in: *The Economist*, 2005, May 14, pp. 23-25.

9. См.: Penfold-Becerra, Michael. *Social Funds, Clientelism, and Redistribution: Chavez's 'Misiones' Programs in Comparative Perspective*, Institute de Estudios Superiores de Administración (IESA) working paper, November 2005.

10. По мнению Хавьера Корралеса, Чавес «устранил противоречие между авторитарией и политической соревновательностью» (см. Corrales, Javier. "Hugo Boss" in: *Foreign Policy*, January-February 2006, pp. 32-40 и Corrales, Javier. "In Search of a Theory of Polarization: Lessons from Venezuela 1999-2005" in: *Revista Europea de Estudios Latinamericanos y del Caribe*, October 2005, p. 79).

11. См.: Baptista, Asdrúbal. "El Estado y el capitalismo rentístico" (доклад, представленный на конференции в честь Хосе Жилия Фортула в Национальной исторической Академии в Каракасе), Caracas, 2005, p. 25.

12. См.: Colomer, Josep M. and Negretto, Gabriel L. "Can Presidentialism Work Like Parliamentarism?" in: *Government and Opposition*, 2005, pp. 60-89.

13. См.: Galeano, Eduardo. *We Say No: Chronicles, 1967-1991*, New York: W.W. Norton, 1992, p. 195. Альваро Варгас Льюса более жесток, называя левацких лидеров-популистов типа Чавеса идиотами (см.: Llosa, Alvaro Vargas. "The Return of the Idiot" in: *Foreign Policy*, May-June 2007).

14. См.: Guillermprieto, Alma. "The Gambler" in: *New York Review of Books*, 2005, October 20.

15. См.: Guillermprieto, Alma. "Don't Cry for Me, Venezuela" in: *New York Review of Books*, 2005, October 6.

16. Цит. по: Gould, Jens Erik. "Plans for South American Pipeline Has Ambitions Beyond Gas" in: *New York Times*, 2006, December 2.

Глава 17.

1. См.: Toynbee, Arnold. *East to West*, pp. 1-3.

2. См.: *Colombia's Borders: The Weak Link in Uribe's Security Policy*, International Crisis Group Latin America Report No. 9, 2004, September 23 и *War and Drugs in Colombia*, International Crisis Group Latin America Report No. 11, 2005, January 27.

3. См.: *Colombia: Presidential Peace Prospects*, International Crisis Group Latin America Report No. 14, 2005, June 16, p. 12.

4. См.: *Coca, Drugs, and Social Protest in Bolivia and Peru*, International Crisis Group Latin America Report No. 12, 2005, March 3.

5. См.: Guillermprieto, Alma. *The Heart That Bleeds*, p. 19.

6. См.: Toynbee, Arnold. *East to West*, p. 3.

7. См.: Uribe's Re-election: Can the EU Help Colombia Develop a More Balanced Peace Strategy? International Crisis Group Latin America Report No. 17, 2006, June 8.

8. Широко распространено мнение, что США через МВФ и Всемирный банк намеренно поощряли выдачу кредитов на осуществление ряда узконаправленных проектов в Андах – общественная польза от них была небольшой, особенно в 1980-е годы, зато долговое бремя – огромным (см.: Castenada, Jorge. “Latin America's Left Turn” in: *Foreign Affairs*, Vol. 85, No 3, May-June 2006; Finnegan, William. “The Economics of Empire: Notes on the Washington Consensus” in: *Harper's*, May 2003; Isacson, Adam. “12 Elections in Twelve Months” at: www.democracyarsenal.org, 2006, January 12; Nellis, John; Menezes, Rachel and Lucas, Sarah. *Privatization in Latin America: The Rapid Rise, Recent Fall, and Continuing Puzzle of a Contentious Economic Policy*, Washington (DC): Center for Global Development, 2004; Perkins, John. *Confessions of an Economic Hit Man* San Francisco: Berrett Koehler, 2003 и Rieff, David. “Che’s Second Coming?” in: *New York Times Magazine*, 2005, November 20.

9. См.: “Democracy’s Ten-Year Rut” in: *The Economist*, 2005, October 29, pp. 60-62.

10. См.: Kreft, Heinrich. “The EU and Latin America Should Forge a Strategic Partnership” in: *European Perspectives*, Summer 2005.

Глава 18.

1. Положить конец португальскому владычеству Бразилию побудила американская война за независимость, а Французская Революция стала для местных революционеров тактическим руководством к действию. Еще двести лет назад в Бразилии рабство считали социальным злом, которое можно изжить, нанимая вместо рабов дополнительных рабочих и привлекая иммигрантов из Европы (см. Maxwell, Kenneth. *Naked Tropics: Essays on Empire and Other Rogues*, New York: Routledge, 2003, гл. 7-8).

2. См.: Cardoso, Fernando Henrique. *Charting a New Course*, гл. 21 и вступительную статью Маурисио Фонта.

3. См.: de Souza, Amaury. “Cardoso and the Struggle for Reform in Brazil” in: *Journal of Democracy*, Vol. 10, No. 3, July 1999, pp. 49-63.

4. См.: Baiocchi, Gianpaolo. *Radicals in Power: The Worker’s Party and Experiments in Urban Democracy in Brazil*, New York: Zed Books, 2003, p. 5 и “Taming an Urban Monster” in: *The Economist*, 2005, January 29, pp. 45-46.

5. См.: de Almeida, Paulo Roberto. *Two Foreign Policies from Cardoso to Lula* (Доклад в Международном университете Флориды 4 марта 2004 г.) и Hirst, Monica. *The United States and Brazil: A Long Road of Unmet Expectations*, New York: Routledge, 2004.

6. См.: Barbosa, Rubens Antonio. *Why the Group of 20 Was 'Suddenly' Formed* (Материалы заседания круглого стола по торговой политике в Институте Корделла Хэлла в Вашингтоне 25 ноября 2003 г.).

7. См.: Rohter, Larry. "Brazil Weighs Costs and Benefits of Alliance with China" in: *New York Times*, 2005, November 20 и Tang, Charles. *Brazil-China: A Strategic and Commercial Alliance* (Доклад, представленный на конференции «Бразилия и Азия в XXI веке: точки соприкосновения» в Бразилии 8 июня 2001 г.).

8. См.: Cardoso, Fernando Henrique and Bell, Peter (eds.) *A Break in the Clouds: Latin America and the Caribbean in 2005*, p. 11.

9. Проблемы безопасности стран бассейна Амазонки всесторонне рассмотрены в книге: Tulchin, Joseph L. and Golding, Heather A. (eds.) *Environment and Security in the Amazon Basin*, Washington (DC): Woodrow Wilson International Center for Scholars, 2002.

Глава 19.

1. См.: Naipaul, V. S. *Return of Eva Peron*, New York: Alfred A. Knopf, 1980, pp. 103, 153.

2. Falcoff, Mark. *A Culture of Its Own: Taking Latin America Seriously*, New Brunswick (N.J.): Transaction Publishers, 1998, p. 255.

3. По мнению Пола Блустайна, финансовый кризис показал, что Аргентина так же неспособна управлять крупными потоками спекулятивного капитала, как тинэйджер не может справиться с управлением гоночным автомобилем (Blustein, Paul. *And the Money Kept Rolling In (And Out): Wall Street, the IMF, and the Bankrupting of Argentina*, New York: Public Affairs, 2005).

4. См.: Herz, Monica. "Brazilian Foreign Policy Since 1990 and the Pax Americana" in: Dominguez, Jorge I. and Kim, Byung Cook (eds.) *Between Compliance and Conflict*, New York: Routledge, 2005 и Mera, Laura Gomez. "Explaining Mercosur's Survival: Strategic Sources of Argentine-Brazilian Convergence" in: *Journal of Latin American Studies*, Vol. 37 (2005), pp. 109-140.

5. См.: Erlick, June. "Chile: A Changing Country" in: *ReVista*, Spring 2004.

6. См.: Smith, Peter H. *Democracy in Latin America: Political Change in Comparative Perspective*, New York: Oxford Univ. Press, 2005, p. 231 и "Writing the Next Chapter in a Latin American Success Story" in: *The Economist*, 2005, April 2, pp. 32-33.

7. См.: Rohter, Larry. "Debating the Course of Chile's Rivers" in: *New York Times*, 2006, August 6.

8. Smith, Peter H. *Democracy in Latin America*, p. 327.

Глава 20.

1. С. Коэн определил «разорванный пояс» как «большой, стратегически расположенный регион, в котором находится определенное количество враждующих стран и который оказывается вовлеченным в борьбу интересов великих держав» (см.: Cohen, S.B. *Geography and Politics in a Divided World*, New York: Random House, 1963). См. также: Kemp, Geoffrey and Harkavy, Robert E. *Strategic Geography and the Changing Middle East*, Washington (DC): Brookings Institution Press, 1997.

2. Как утверждает Халим Баракат, арабский мир стоит рассматривать как «обособленное всеобъемлющее общество, а не ряд независимых национальных государств» (Barakat, Khalim. *The Arab World: Society, Culture and State*, Berkeley (Ca.): Univ of California Press, 1993, p. xi).

3. См. Доклад о человеческом развитии в арабских странах, подготовленный при поддержке Программы развития ООН.

4. См.: Luttwak, Edward N. "The Middle of Nowhere" in: *Prospect*, May 2007.

5. См.: Ehteshami, Anoush. *Globalization and Geopolitics in the Middle East*, London: Routledge, 2007.

6. См.: Burgat, François. French and U.S. Approaches to Understanding Islam (Лекция во Французско-Стэнфордском центре междисциплинарных исследований в сентябре 2004 г.).

7. См.: de Blij, Harm. *Why Geography Matters*, p. 123. Национальный совет по разведке США утверждает, что «политический ислам будет иметь значительное влияние во всем мире, объединяя разрозненные этнические и национальные группы и, быть может, даже приобретая авторитет, распространяющийся за пределы национальных границ» (*Global Trends 2020*, Washington (DC): U.S. National Intelligence Council, 2005).

8. См.: Esposito, John. *Unholy War: Terror in the Name of Islam*, New York, Oxford: Oxford Univ. Press, 2002; Fletcher, George. *Romantics at War: Glory and Guilt in an Age of Terrorism*, Princeton (N.J.): Princeton Univ. Press, 2002; *Islamic Extremists: How Do They Mobilize Support?* (United States Institute of Peace, Special Report No. 89, July 2002); Perkovich, George. "Giving Justice Its Due" in: *Foreign Affairs*, Vol. 84, No 4, July-August 2005, p. 83; Raz, Guy. "The War on the Word 'Jihad' " at: National Public Radio, 2006, October 31 (available at www.npr.org) и Schanzer, Jonathan. *Al-Qaeda's Armies: Middle East Affiliate Groups and the Next Generation of Terror*, Washington (DC): Washington Institute for Near East Policy, 2005. Манифест десятков ведущих исламских ученых под заголовком «Как мы можем сосуществовать» опубликован на сайте www.islamtoday.net.

9. Фрэнсис Фукуяма пишет: «Восприятие обостряющейся борьбы как глобальной войны, сравнимой с мировыми войнами или “холодной войной”, значительно преувеличивает масштаб проблемы; возникает ощущение, что мы враждем с большей частью арабского и мусульманского миров. Однако до войны в Ираке мы находились в состоянии войны с, быть может, не более чем несколькими тысячами людей во всем мире, которые приносили себя в жертву, чтобы причинить ущерб Соединенным Штатам. Масштаб проблемы возрос, поскольку мы сами подняли бурю» (Fukuyama, Francis. *America at the Crossroads: Democracy, Power, and the Neoconservative Legacy*, New Haven (Ct.): Yale Univ. Press, 2006).

Глава 21.

1. Braudel, Fernand. *The Mediterranean and the Mediterranean World of the Age of Philip II*, vol. 1, Berkeley (Ca.), Los Angeles, London: Univ. of California Press, 1995, p. 276.

2. См.: Kaplan, Robert D. *Mediterranean Winter: The Pleasures of History and Landscape in Tunisia, Sicily, Dalmatia, and Greece*, New York: Random House, 2004.

3. См.: Wittes, Tamara Cofman and Yerkes, Sarah. *The Middle East Partnership Initiative: Progress, Problems, and Prospects* (Saban Center for Middle East Policy Memo No. 5, 2004, November 29); и Yacoubian, Mona. *Promoting Middle East Democracy: European Initiatives* (United States Institute of Peace Special Report No. 127, October 2004).

4. Ожидается, что трудоспособное население региона, составляющее чуть более ста миллионов человек, вырастет в следующем десятилетии за счет молодого поколения арабского мира, где 60% жителей составляет молодежь не старше 24 лет. В Марокко, Алжире и Египте темпы роста населения также увеличиваются или, по крайней мере, не снижаются по сравнению с предыдущим периодом. Учитывая, что средний показатель безработицы в регионе составляет более 15%, экономика арабского мира должна будет расти на 7-8% в год против нынешних 3%, чтобы абсорбировать эту молодежь (см. Fuller, Graham E. *The Youth Factor: The New Demographics of the Middle East and the Implications for U.S. Policy* (Saban Center for Middle East Policy at the Brookings Institution Analysis Paper No. 3, June 2003) и *Unlocking the Employment Potential in the Middle East and North Africa: Toward a New Social Contract*, Washington (DC): World Bank, 2004).

5. Toynbee, Arnold. *East to West*, p. 155.

6. Столетие назад Америка также видела Марокко целью своей «политики открытых дверей», стремясь подтолкнуть руководство страны к созданию стабильного рынка сбыта американских товаров. Как и в Латинской Америке, данная политика в конце концов провалилась, и США ни добились благоприятных для себя реформ в этой стране, ни предотвратили неблагоприятные (см.: Williams, William

Appleman. *Tragedy of American Diplomacy*, p. 67). Обзор проблемы отношений западных стран с Марокко приведен в: Malka, Haim and Alterman, Jon B. *Arab Reform and Foreign Aid: Lessons from Morocco*, Washington (DC): Center for Strategic and International Studies, 2006.

7. См.: Gregg, Gary S. *The Middle East: A Cultural Psychology*. New York: Oxford Univ. Press, 2005 и Deegan, Heather. "Culture and Development" in: Hunter, Shireen and Malik, Huma (eds.) *Modernization, Democracy, and Islam*, Westport (Ct.): Praeger, 2005.

8. См.: Brumberg, Daniel. "Liberalization Versus Democracy" in: Carothers, Thomas and Ottaway, Marina (eds.) *Uncharted Journey: Promoting Democracy in the Middle East*, Washington (DC): Carnegie Endowment for International Peace, 2005, p. 16; Kamrava, Mehran. "Development and Democracy: The Muslim World in a Comparative Perspective" in: Hunter, Shireen and Malik, Huma (eds.) *Modernization, Democracy, and Islam*, p. 53 и Simons, Thomas W. Jr. *Islam in a Globalizing World*, Palo Alto (Ca.): Stanford Univ. Press, 2003, p. 62.

9. См.: Burgat, François. *Face fo Face with Political Islam*, London: I.B.Tauris, 2003, pp. 170-172.

10. См.: Опрос общественного мнения компании TNS Sofres, Март 2005 г. и German Marshall Fund, *Transatlantic Trends 2005*.

11. См.: Noland, Marcus and Pack, Howard. "Globalization and Economic Performance in the Middle East" in: *In the National Interest*, 2004, June 30.

12. См.: Porter, Geoff D. "Tourism Meets Terrorism in Morocco" in: *Daily Star* (Beirut), 2007, April 24.

13. Vandewalle, Dirk. *A History of Modern Libya*, Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2006, p. 1.

14. Запасы нефти в Ливии – самые большие на Африканском континенте: они оцениваются в 39 миллиардов баррелей.

15. См.: Vandewalle, Dirk. *A History of Modern Libya*, p. 1.

16. См.: Eisenman, Joshua and Kurlantzick, Joshua. "China's Africa Strategy" in: *Current History*, May 2006, pp. 219-224; Traub, James. "China's African Adventure" in: *New York Times Magazine*, 2006, November 19 и Wilson, Ernest J. China's Influence in Africa: Implications for U.S. Policy (Доклад перед подкомитетом по Африке, правам человека и международным операциям Палаты представителей Конгресса США 28 июля 2005 г.).

17. Четверть импортируемого Китаем природного газа поступает из Алжира, Анголы, Чада, Нигерии и Экваториальной Гвинеи.

18. Leggett, Karby. "China Flexes Economic Muscle Throughout Burgeoning Africa" in: *Wall Street Journal*, 2005, March 29.

19. См.: *More Than Humanitarianism: A Strategic U.S. Approach Toward Africa* (Доклад Независимой исследовательской группы Совета по внешней политике (Нью-Йорк, 2006 г.) и "No Questions Asked" in: *The Economist*, 2006, January 21, pp. 53-54.

Глава 22.

1. Египту был предоставлен привилегированный контроль над водами Нила по договору 1929 г. с Великобританией, подписанному еще до того, как восточноафриканские государства обрели независимость. «Инициатива нильского бассейна» была образована десятью странами с целью обеспечить более справедливое распределение и контроль над водами Нила.

2. См.: Anderson, Scott. "Under Egypt's Volcano" in: *Vanity Fair*, October 2006.

3. Andrew, Christopher and Mitrokhin, Vasili. *World Was Going Our Way*, p. 148.

4. См.: Batson Andrew and Oster, Shai. "Egypt Sees China Replacing U.S. as Top Trade Partner by 2012" in: *Wall Street Journal*, 2006, September 12.

5. См.: Hamdan, Gamal. *The Personality of Egypt: A Study on the Genius of Place*, Cairo: Al-Hilal, 1993.

6. См.: Berman, Paul. "The Philosopher of Islamic Terror" in: *New York Times Magazine*, 2003, March 23.

7. См.: Fuller, Graham. "Islamists and Democracy" in: Carothers, Thomas and Ottaway, Marina (eds.) *Uncharted Journey: Promoting Democracy in the Middle East* и *Islam and Democracy* (United Special Report No. 93, September 2002).

8. См.: Roy, Olivier. *Globalized Islam: The Search for a New Ummah*, New York: Columbia Univ. Press, 2004, pp. 80-81. Исламские партии разработали четыре основных подхода к противостоянию вызовам современности: фундаментализм (который отрицает демократию и вестернизацию, но использует современные технологии для продвижения авторитарного исламского халифата), традиционализм (который с подозрением относится к секуляризации и поощряет консерватизм в обществе), модернизм (пытающийся примирить исламские принципы с международными нормами) и секуляризм (стремящийся оставить религию частной сфере, как это сделано в западных либеральных демократиях). Сложно отказать исламу в плюрализме, учитывая, что сегодня в его рамках уживаются совершенно разные взгляды на такие политические и социальные проблемы, как демократия, джихад, полигамия и ношение хиджаба. Кроме того, каждый лагерь обладает мощным влиянием и сетью поддержки, поэтому ни одно из вышеперечисленных течений не может оста-

ваться без внимания. Фактически модернисты, которых предпочитают поддерживать западные лидеры, обладают лишь небольшой частью тех ресурсов, на которые опираются традиционалисты за счет сбора налогов, субсидий и пожертвований, поддержки со стороны бизнеса и фондов, мечетей и школ, радио- и телевизионных станций (см.: Bernard, Cheryl. *Civil, Democratic Islam: Partners, Resources, and Strategies*, Santa Monica (Ca.): RAND Corporation, 2003). Несколько отличная типология исламских течений содержится в: International Crisis Group. *Understanding Political Islam, Middle East-North Africa Report No. 37, March 2, 2005.*

9. См.: Salamé, Ghassan. *Democracy Without Democrats? The Renewal of Politics in the Muslim World*, London: I.B.Tauris, 1994; Burgat, François. *Face fo Face with Political Islam*, p. 180; Hamzawy, Amr. *The Key to Arab Reform: Moderate Islamists* (Carnegie Endowment for International Peace, Policy Brief No. 40, August 2005 и Barsalou, Judy. *Islamists at the Ballot Box: Findings from Egypt, Jordan, Kuwait, and Turkey* (United States Institute of Peace, Special Report No. 144, July 2005).

10. Ibrahim, Saad Eddin. "Islam Can Vote, If We Let It" in: *New York Times*, 2005, May 21.

11. См.: Groo, Lawrence and Khanna, Parag. "The Regime Change We Need" in: *The National Interest*, No. 86, Winter 2006.

12. См.: Cook, Steven A. "The Promise of Pacts" in: *Journal of Democracy*, Vol. 17, No. 1, January 2006.

13. См.: "The U.S. Project for Democracy in the Greater Middle East – Yes, but with Whom?" in: *Al-Hayat*, 2004, February 23.

14. Telhami, Shibley. "In the Middle East, the Third Way Is a Myth" in: *Washington Post*, 2006, February 17.

15. Как подчеркивает Рэй Такей, «центральная дилемма арабского политического порядка заключается не в неведении относительно процесса политического соревнования, но в нежелании политической элиты расставаться с властью» (Takeyh, Ray. "Close, but No Democracy" in: *The National Interest*, No. 78, Winter 2004-2005, p. 58).

16. См.: Gause, F. Gregory III. "Can Democracy Stop Terrorism?" in: *Foreign Affairs*, Vol. 84, No 5, September-October 2005 и Owen, John M. "Democracy, Realistically" in: *The National Interest*, No. 83, Spring 2006, p. 40.

17. Как писал Т.Е. Лоуренс, «арабская цивилизация была абстрактной по природе, нравственной и интеллектуальной, а не прикладной; и недостаток в ней социального духа сделал напрасными ее прекрасные личные качества». Он также цитирует Британскую энциклопедию 1905 г., где сказано, что в умственном плане арабы превосходят многие расы, но «отстают лишь по части прогресса из-за значитель-

ного недостатка организующей власти и неспособности к совместным действиям» (Lawrence, T.E. *Seven Pillars of Wisdom: A Triumph*, New York: Anchor Books, 1935, p. 44).

18. См.: Barakat, Khalim. *The Arab World: Society, Culture and State*, гл. 10.

19. См.: Ajami, Fouad. "The End of Pan-Arabism" in: *Foreign Affairs*, Vol. 57, No. 2, Winter 1978-1979 и Barnett, Michael. *Dialogues in Arab Politics: Negotiations in Regional Order*, New York: Columbia Univ Press, 1998. На сегодняшний день для всех арабских армий характерны нехватка личного состава, плохая подготовка, политизированное лидерство, устаревшие технологии и весьма скромный опыт ведения скоординированных боевых действий (см.: Vuman, Daniel. *The Future Security Environment and the Middle East* (Выступление на круглом столе по вопросам обороны Внутреннего комитета Вооруженных сил США в сентябре 2005 г.).

Глава 23.

1. См.: Fromkin, David. *A Peace to End All Peace: The Fall of the Ottoman Empire and the Creation of the Modern Middle East*, New York: Henry Holt, 1989.

2. См.: Fromkin, David. *A Peace to End All Peace*, pp. 24, 96.

3. См.: Kaplan, Robert D. *Eastward to Tartary: Travels in the Balkans, the Middle East, and the Caucasus*, New York: Random House, 2000.

4. Toynbee, Arnold. *East to West*, p. 214.

5. Согласно данным Национального страхового института, уровень бедности в Израиле составляет 28%; каждый третий ребенок страдает от недоедания.

6 Как верно отмечают американские ученые Дж.Миршаймер и С.Уолт, «Израиль – это помеха в войне против терроризма и попытках взаимодействия с государствами-изгоями... Слова о том, что Израиль и Америка объединены общей террористической угрозой, имеют основание: по большей части террористическая проблема США связана с тем, что Соединенные Штаты тесно союзничают с Израилем, и не наоборот» (Mearsheimer, John and Walt, Stephen. "The Israel Lobby" in: *London Review of Books*, 2006, March 23).

7. Террористические акты – это последнее звено в более длинной цепи социального унижения, лишения гражданских прав, экономического упадка, радикальных изменений. Самые известные террористы чаще всего являются высокообразованными профессионалами, использующими свои навыки и мобильность для достижения того, что, по их мнению, является благородной целью, и жертвующими в ходе таких действий другими людьми и иногда собой. Согласно заключению Майкла Мазаара, «угрозы безопасности, которым сегодня противостоят Соединенные Штаты, связаны с давлением модернити и глобализации, призрачным характером

идентичности, бременем выбора и беззащитностью отчужденных – и это еще не все, с чем им приходится иметь дело; воздействие психологических факторов происходит в контексте социально-экономических, культурных, демографических и прочих реалий; данные материальные факторы становятся наиболее актуальными и опасными тогда, когда они вдыхают жизнь в скрытые психологические переживания» (Mazaar, Michael. “The Psychological Sources of Islamic Terrorism” in: *Policy Review*, June 2004). См. также: Pape, Robert A. *Dying to Win: The Strategic Logic of Suicide Terrorism*, New York: Random House, 2005 и Sageman, Marc. *Understanding Terror Networks*, Philadelphia (Pa.): Univ. of Pennsylvania Press, 2004.

8. По мнению географа и демографа Чжан Чже Чжонга, при нынешней разделенности население Палестины эффективно использует лишь 55% территорий Западного берега [реки Иордан] из-за нестабильности доступа к нему в связи с образовавшимися израильскими поселениями. К тому же Израиль использует вплоть до 85% ресурсов водоносного пласта Западного берега и может истощить водный запас прежде, чем палестинцы получат суверенный контроль над этой территорией.

9. См.: Suisman, Doug, et al. *The Arc: A Formal Structure for a Palestinian State*, Santa Monica (Ca.): RAND Corporation, 2005, а также Aly, Abdel Monem Said and Feldman, Shai. *Ecopolitics: Changing the Regional Context of Arab-Israeli Peacemaking*, Cambridge (Ma.): Belfer Center for Science and International Affairs & John F. Kennedy School of Government, 2003 и Shikaki, Khalil. *Building a State, Building Peace: How to Make a Roadmap That Works for Palestinians and Israelis*, Washington (DC): Brookings Institution Press, 2003.

10. Иордания тратит на обучение одного студента чуть ли не больше, чем любая другая страна мира, а общие ассигнования на высшее образование превышают 100 миллионов долларов в год.

11. Magraby, Muhamad. “Some Impediments to the Rule of Law in the Middle East and Beyond” in: *Fordham International Law Journal*, Vol. 26, No. 3 (March 2003), p. 777.

12. Friedman, Thomas L. *From Beirut to Jerusalem*, New York: Farrar, Straus & Giroux, 1989, p. 214.

13. См.: Singer, P.W. *Mike Tyson and the Hornet’s Nest: Military Lessons of the Lebanon Crisis* (Доклад в Институте Брукингса в Вашингтоне 1 августа 2006 г.).

14. См.: Magraby, Muhamad. “Lebanon, a Wholly Owned Subsidiary” in: *Middle East Quarterly*, March 1998.

15. Lawrence, T.E. *Seven Pillars of Wisdom: A Triumph*, p. 131.

Глава 24.

1. См.: Kennedy, Hugh. *When Baghdad Ruled the Muslim World: The Rise and Fall of Islam's Greatest Dynasty*, New York: DaCapo Press, 2004.

2. Andrew, Christopher and Mitrokhin, Vasili. *World Was Going Our Way*, p. 193.

3. Слова американского конгрессмена Дэвида Бониора, произнесенные в эфире радио BBC (см.: "U.S. Congressmen Criticize Iraqi Sanctions" at: BBC News Online, February 17, 2000).

4. Цит. по: Fromkin, David. *A Peace to End All Peace*, p. 453.

5. На ранних этапах оккупации многие американские чиновники смотрели «Битву за Алжир» перед службой в Ираке, и тем не менее они все же воспроизвели тактику карательных мер и запугивания, которая в свое время привела Францию к позорному вытеснению из Алжира. Британский колониальный администратор Гертруда Белл еще в 1920 г. предупреждала о трудностях, ожидающихся в случае одновременной оккупации страны и установления в ней местного правительства – какова бы ни была его легитимность. Во многом, как и англичане, американцы пытались поддерживать такую «кровавую и неэффективную политику» (по словам Т.Е. Лоуренса), которая неизбежно выродилась в то, что Черчилль однажды назвал «презренной, тяжелой, спорадической войной». При наличии очень небольшого числа арабговорящих в «зеленой зоне», где расположено самое большое в мире посольство США, американские дипломаты по большей части служили центром логистики американской армии. Какой бы ни была аббревиатура стабилизации после конфликта (PCRU в Великобритании и SCRS в США), координация действий вокруг поддержания стабилизации и реконструкции была убогой – как внутри администрации, так и между ней и иракским правительством. Когда американская армия наконец разработала идеальное руководство по подавлению мятежей – его окрестили «военизированная социальная работа» – оно опиралось на британские уроки, которые должно было бы выучить намного раньше: важность охраны гражданских лиц, восстановления местных коммунальных служб, развития внутренних служб безопасности и реструктуризации национальной армии в кратчайшие сроки (подробнее см.: Feldman, Noah. *What We Owe Iraq: War and the Ethics of Nation Building*, New York: Princeton Univ. Press, 2005).

6. См.: Baram, Amatzia. *Who Are the Insurgents?* (United States Institute of Peace Special Report No. 134, April 2005); Bergen, Peter and Reynolds, Alec. "Blowback Revisited" in: *Foreign Affairs*, Vol. 84, No. 6, November-December 2005; Coolsaet, Rik and van de Voorde, Teun. *The Evolution of Terrorism in 2005: A Statistical Assessment*, Univ. of Ghent, February 2006; Krepinevich, Andrew F. Jr. "How to Win in Iraq" in: *Foreign Affairs*, Vol. 84, No. 5, September-October 2005; Nasr, Vali. *The Shia Revival: How Conflicts Within Islam Will Shape the Future*, New York: W.W. Norton, 2006 и Pollack, Kenneth. *A Switch in Time: A New Strategy for America in Iraq* (Saban Center Analysis Paper No. 7, February 15, 2006).

7. См.: Rosen, Nir. "The Exodus" in: *New York Times Magazine*, May 13, 2007. Огромное число беженцев из Ирака в соседние страны сравнимо только с числом беженцев из Палестины после создания Израиля в 1948 г.

8. См.: Kemp, Geoffrey. *Iran and Iraq. The Shia Connection, Soft Power, and the Nuclear Dilemma* (United States Institute of Peace Special Report No. 156, November 2005).

9. Как пишет бывший чиновник Госдепартамента Ричард Хаас, «ирония истории состоит в том, что первая война в Ираке – война по необходимости – отметила начало американской эры на Ближнем Востоке, а вторая иракская война – война по собственному выбору – предрешила ее конец» (см.: Haas, Richard. "The New Middle East" in: *Foreign Affairs*, Vol. 85, No. 6, November-December 2006).

10. См.: O'Leary, Brendan; McGarry, John and Salih, Khaled (eds.) *The Future of Kurdistan in Iraq*, Philadelphia (Pa.): Univ. of Pennsylvania Press, 2005.

11. Или, наоборот, старую валюту. Курды использовали свою валюту в течение 11 лет – до тех пор, пока не были введены «бремерский», а затем и иракский динар. О проблеме регионального значения курдского вопроса в Ираке см.: Barkey, Henri J. and Laipson, Ellen. "Iraqi Kurds and Iraq's Future" in: *Middle East Policy*, Vol. 12, No. 4 (Winter 2005).

Глава 25.

1. Именно Кир Великий освободил персов от владычества Вавилона, и даже вновь поселил евреев в Палестине в VI в. до н. э., стремясь создать «буферную зону» между Персией и Египтом.

2. Andrew, Christopher and Mitrokhin, Vasili. *World Was Going Our Way*, p. 169.

3. Доходы Ирана от продажи нефти выросли с менее чем 1 миллиарда долларов в 1971 г. до 18 миллиардов в 1975-м.

4. В отличие от других мусульманских обществ, модернизация, парламентский режим и традиции социалистической мысли им стали известны еще в XIX веке – в период правления династии Каджаров (см.: Hunter, Shireen. "Islam, Modernization, and Democratization: The Case of Iran" in: Hunter, Shireen and Malik, Huma (eds.) *Modernization, Democracy, and Islam*, гл. 16).

5. См.: Keddie, Nikki R. *Iran and the Muslim World: Resistance and Revolution*, New York: New York Univ. Press, 1995, pp. 13-15 и Molavi, Afshin. *The Soul of Iran*, p. 13.

6. См.: Molavi, Afshin. *The Soul of Iran*; как писал Азар Нафиси, «правда о прошлом Ирана не имела значения для тех, кто ее присвоил» (Nafisi, Azar. *Reading Lolita in Tehran: A Memoir in Books*, New York: Random House, 2003, p. 37).

7. Ash, Timothy Garton. "Soldiers of the Hidden Imam" in: *New York Review*, 2005, November 3.

8. Запасы природного газа Ирана оцениваются в 26 триллионов кубометров (уступают только российским), а запасы нефти – в 130 миллиардов баррелей (больше лишь у Саудовской Аравии и Канады). В иранской системе государственные интересы вытесняют шариат во многих сферах, и государство контролирует финансы духовенства. Однако аятолла Хаменеи, наследник духа исламской революции аятоллы Хомейни, а также верховный хранитель религии в стране, в то же время является движущей силой радикальной внешней политики и не подотчетен ни одному из других лидеров (см.: Ignatieff, Michael. "Iranian Lessons" in: *New York Times Magazine*, 2005, July 17; и Kissinger, Henry A. "Now Tehran's Choice Is Cast in Starker Terms" in: *International Herald Tribune*, 2006, August 1).

9. См.: Gordon, Philip. *America, Europe, and the Challenge of Bringing Democracy to Iran* (Доклад, представленный на конференции берлинского Аспеновского института «Иран и демократия на Большом Ближнем Востоке» в Аммане, Иордания, 23-24 мая 2005 г.) и Niblett, Robin and Mix, Derek. *Transatlantic Approaches to Sanctions: Principles and Recommendations for Action*, Washington (DC): Center for Strategic and International Studies, 2006.

10. См.: Bernier, Justin. "China's Strategic Proxies" in: *Orbis*, Fall 2003, pp. 629-643; Molavi, Afshin. "Buying Time in Tehran" in: *Foreign Affairs*, Vol. 83, No. 5, September-October 2004 и Pollack, Kenneth M. *The Persian Puzzle: The Conflict Between Iran and America*, New York: Random House, 2004.

11. См.: MacFarquhar, Neil. "Exiles in 'Tehrangeles' Are Split on How U.S. Should Sway Iran" in: *New York Times*, 2006, May 9; McFaul, Michael; Diamond, Larry and Milani, Abbas. *Beyond Incrementalism: A New Strategy for Dealing with Iran*, Washington (DC): Hoover Institution, 2005; Molavi, Afshin. "Our Allies in Iran" in: *New York Times*, 2005, November 3; Molavi, Afshin. *The Soul of Iran*, p. 175 и Sariolghalam, Mahmood. "Cutting a Deal with Tehran" in: *Newsweek*, 2006, April 24.

12. См.: Sadjadpour, Karim. "How Relevant Is the Iranian Street?" in: *Washington Quarterly*, Winter 2007.

13. См.: Cohen, Jared and Milani, Abbas. "The Passive Revolution" in: *Hoover Digest*, Winter 2005 и Sazegara, Mohsen. "Iran's Road to Democracy" at: www.opendemocracy.net, посещено 4 ноября 2005 г.

14. См.: Molavi, Afshin. *The Soul of Iran: A Nation's Journey to Freedom*, New York: W.W. Norton, 2005.

15. Toynbee, Arnold. *East to West*, p. 221.

16. См.: de Bellaigue, Christopher. *In the Rose Garden of Martyrs: A Memoir of Iran*, New York: HarperCollins, 2005.

Глава 26.

1. По прогнозам, мировой спрос на нефть к 2030 г. возрастет на 35% – до 120 млн. баррелей в день.

2. См.: de Lage, Olivier. *Saudi Arabia and the Smaller Gulf States: The Vassals Take Their Revenge* (Коллективум CERI, посвященный переменам в монархиях Персидского залива, Париж, 11-12 января 2005 г.).

3. См.: European Central Bank. *Economic Relations with Regions Neighboring the Euro Area and in the 'Euro Time Zone'*, Frankfurt/M.: ECB, 2002.

4. Товарооборот между Китаем и Саудовской Аравией превысил 14 млрд. долларов в 2005 г., а общий объем торговли Китая с арабским миром достиг 50 млрд. долларов (см. Shulong, Chu. *The Middle East in China's National Strategy* (доклад на конференции Центра стратегических и международных исследований «Главный треугольник: Китай, США и Ближний Восток», Вашингтон, 14 сентября 2006 г.) и Liangxiang, Jin. "Energy First: China and the Middle East" in: *Middle East Quarterly*, Spring 2005.

5. Самюэль Хантингтон писал, что этот союз «мог бы обрести реальность не только потому, что учения Мухаммеда и Конфуция антизападны по сути, но и потому, что эти культуры предлагают средство реализации недовольства, за которое отчасти несет ответственность Запад, чье политическое, военное, экономическое и культурное доминирование все в большей мере вызывает озлобленность в мире, где государства "чувствуют, что они больше не обязаны с этим мириться"» (Huntington, Samuel P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*, p. 239).

6. Кувейт также инвестирует 8 млрд. долларов в строительство нефтеперерабатывающего комплекса в провинции Гуанчжоу.

7. См.: Fattah, Hassan. "Avoiding Political Talk, Saudis and Chinese Build Trade" in: *New York Times*, 2006, April 23.

8. Thesiger, Wilfred. *Arabian Sands*, London: Penguin, 1959, предисловия ко второму изданию, p. 7.

9. См.: *The Military Balance*, Stockholm: International Institute for Strategic Studies, 2005.

10. См.: Bank of International Settlements, 2006.

11. См.: *Arab Human Development Report 2006*, New York: The United Nations, 2006

12. Trofimov, Yaroslav. *Faith at War: A Journey on the Frontlines of Islam, from Baghdad to Timbuktu*, New York: Henry Holt, 2005, p. 4.

13. См.: Dresch, Paul and Piscatori, James (eds.) *Monarchies and Nations: Globalization and Identity in the Arab States of the Gulf*, London: I. B. Tauris, 2005.

14. См.: Molavi, Afshin. "The Real Middle East" in: *Washington Post*, 2006, August 20 и Obaid, Nawaf and al-Rhoclan, Khhdh. *Saudi Arabia's Sustainable Capacity and Security Issues*, Washington (DC): Center for Strategic and International Studies, 2005.

15. Постоянные споры ведутся относительно масштабов нефтяных запасов Саудовской Аравии: достиг ли пика экспорт из данной страны, сколько лет осталось до полного истощения саудовской нефти и каковы мировые потребности в ней, какой объем нефти могут предоставить новые месторождения (см. Simmons, Matthew R. *Twilight in the Desert: The coming Saudi Oil Shock and the World Economy*, Hoboken (N.J.): John Wiley & Sons, 2005 и Maass, Peter. "The Breaking Point" in: *New York Times Magazine*, 2005, August 21.

16. См.: Bergen, Peter and Reynolds, Alec. "Blowback Revisited" in: *Foreign Affairs*, Vol. 84, No. 6, November-December 2005, pp. 2-6. Как отмечалось в американском Комитете по оборонной науке, «мусульмане ненавидят не наши свободы, а наши методы».

17. См.: Bradley, John. *Saudi Arabia Exposed: Inside a Kingdom in Crisis*, New York: PalgraveMacmillan, 2005 и International Crisis Group. *The Shiite Question in Saudi Arabia* (Middle East Report No. 145, September 19, 2005).

18. См.: Doran, Michael Scott. "The Saudi Paradox" *Foreign Affairs*, Vol. 83, No. 1, January-February 2004 и Simons, Thomas W. Jr. *Islam in a Globalizing World*, Palo Alto (Ca.): Stanford Univ. Press, 2003.

19. См.: *Ijtihad: Reinterpreting Islamic Principles for the Twenty-first Century* (United States Institute of Peace, Special Report No. 125, August 2004); Gregorian, Vartan. *Islam: A Mosaic, Not a Monolith*, Washington (DC): Brookings Institution Press, 2003; Ramadan, Tariq. *Western Muslims and the Future of Islam*, New York: Oxford University Press, 2004 и Roy, Olivier. *Globalized Islam: The Search for a New Ummah*, pp. 18-19.

20. Цит. по: "Verbatim" in: *Time Magazine*, 2003, May 5.

21. Toynbee, Arnold. *Civilization on Trial*, p. 205

22. См.: "A Long Walk" (Survey of Saudi Arabia) in: *The Economist*, 2006, January 7.

23. См.: "A Thwarted Civilization" in: *Wall Street Journal*, 2001, October 16.

24. См.: de Boer, Kito and Turner, John M. "Beyond Oil: Reappraising the Gulf States" in: *The McKinsey Quarterly*, 2007, Special issue.

25. Lawrence, T.E. *Seven Pillars of Wisdom*, p. 336.

26. См.: Thesiger, Wilfred. *Arabian Sands*, London: Penguin, 1959.

27. См.: *Building Towers, Cheating Workers*, Human Rights Watch, 2006.

Глава 27.

1. Дэвид Шамбо не бросает слов на ветер: «Азия меняется, и Китай – главная причина этого» (см.: Shambaugh, David. “China Engages Asia” in: *International Security*, Vol. 29, No 3, Winter 2004-2005, pp. 64-99 и Shambaugh, David. “The Rise of China and Asia’s New Dynamics” in: Shambaugh, David (ed.) *Power Shift: China and Asia’s New Dynamics*, Berkeley (Ca.): Univ. of California Press, 2005, p. 1). Восточной Азией традиционно считается зона между Японией и Бирмой, однако, как и в случае с Европой, Т.Дж.Пемпел утверждает, что «ни одна карта не является настолько верной, чтобы не допустить альтернатив; можно включить или исключить любое количество стран или зон» (см. Pempel, T.J. “Introduction” in: Pempel, T.J. (ed.) *Remapping East Asia: The Construction of a Region*, Ithaca (N.Y.): Cornell Univ. Press, 2005, p. 25); см. также: Buzan, Barry and Wæver, Ole. *Regions and Powers*, p. 98.

2. См.: Osborne, Milton. *The Paramount Power: China and Countries of South-East Asia* (Lowy Institute Paper No. 11, 2006). Как писал Самюэль Хантингтон, «история Китая, его культура, традиции, масштаб, экономическая динамика и самоощущение подталкивают занять доминирующую позицию в Восточной Азии; эта цель – естественный результат его быстрого экономического развития» (Huntington, Samuel P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*, p. 229).

3. См.: Kang, David C. “Hierarchy, Balancing, and Empirical Puzzles in Asian International Relations” in: *International Security*, Vol. 28, No. 3, Winter 2003-2004, pp. 165-180 и Kang, David C. “Hierarchy in Asian International Relations: 1300-1900” in: *Asian Security*, Vol. 1, No. 1, January 2005).

4. Этот порядок был установлен в третьем тысячелетии до н. э. в период правления династии Ся, когда интеграционный процесс и подчинение территорий расширяло империю концентрическими кругами. Модель «сбора дани» стала моделью внешней политики Китая при династии Минь с XIV по XVII вв. Внутренняя азиатская зона империи включала в себя Тибет и Центральную Азию, внешняя зона включала Юго-Восточную Азию; китайское ядро включало не плативших дань Корею, Вьетнам и часть Японии (см.: Fairbank, John King (ed.) *The Chinese World Order: Traditional China’s Foreign Relations*, Cambridge (Ma.): Harvard Univ. Press, 1974).

5. См.: Sowell, Thomas. *Migrations and Cultures: A World View*, New York: Basic Books, 1996, гл. 5.

6. «Смягчение» границ помогает избежать перенаселения внутри самой страны. В XIX в. восстание тайпинов стало следствием явной избыточности населения.

Династия Цинь позже оказалась в ловушке, поскольку территория Китая не могла вместить в себя быстро растущее население. Если очередная серия экономических проблем затронет китайскую деревню и периферию, более открытые границы позволят мигрантам перебраться в такие страны, как Бирма и Лаос, чтобы начать жизнь снова, воспроизводя прежний образец китайской демографической экспансии и контроля (см. Ash, Robert F. "China's Regional Economies and the Asian Region" in: Shambaugh, David (ed.) *Power Shift*, pp. 96-131).

7. В геополитическом контексте растущая мощь Китая и связанный с этим порядок предполагает ряд концепций, включая гегемонию, кондоминиумы, сферы влияния и полувассальную систему (см. Kang, David C. "Getting Asia Wrong" in: *International Security*, Vol. 27, No 4, Spring 2003, pp. 57-85 и Lake, David A. "Beyond Anarchy: The Importance of Security Institutions" in: *International Security*, Vol. 26, No 1, Summer 2001, pp. 129-160; и Shambaugh, David. *The Rise of China and Asia's New Dynamics*, pp. 12-17).

8. В начале «холодной войны» администрация Г.Трумэна определила свою линию обороны – от Алеутских островов через Японию к Филиппинам; Корея, затем попавшая под покровительство ООН, не представляла стратегической ценности. Распространение американской зоны безопасности на Тайвань началось при администрации Д.Эйзенхауэра и только после обстрела Китаем островов Кемой и Мацзу (см. Ross, Robert S. "The U.S.-China Peace. Great Power Politics, Spheres of Influence, and the Peace of East Asia" in: Dominguez, Jorge and Kim, Byung-Kook (eds.) *Between Compliance and Conflict: East Asia, Latin America and the "New" Pax Americana*, New York: Routledge, 2005).

9. См.: *America's Strategy in World Politics: The United States and the Balance of Power*, New York: Harcourt, Brace, 1942.

10. См.: Sutter, Robert. *China's Rise in Asia: Promises and Perils*, Boulder (Co.): Rowman & Littlefield, 2005, введение, и Goldstein, Avery. "The Diplomatic Face of China's Grand Strategy: A Rising Power's Emerging Choice" in: *China Quarterly*, Vol. 168 (2001), p. 837).

11. О различиях этих ролей см.: Buzan, Barry. *United States and the Great Powers*, pp. 178-179.

12. См.: Alagappa, Muthiah (ed.) *Asian Security Practice: Material and Ideational Influences*, Stanford (Ca.): Stanford Univ. Press, 1998, p. ix и Pempel, T.J. "Introduction" in: Pempel, T.J. (ed.) *Remapping East Asia*, p. 5. Аластэйр Иан Джонстон определяет политическую стратегическую культуру как «воображаемое окружение, ограничивающее выбор поведения» (Johnston, Alastair I. "Thinking About Strategic Culture" in: *International Security*, Vol. 19, No 4, Spring 1995, p. 45).

13. См.: Acharya, Amitav. "Regional Security Arrangements in a Multipolar World: The EU's Contribution" in: *Strategic Views on the European Union*, Chaillot Paper No. 72, November 2004, p. 94; Crossick, Stanley; Cameron, Fraser and Berkofsky, Axel. *EU-China Relations: Towards a Strategic Partnership* (European Policy Centre Working Paper, July 2005); Shambaugh, David. "China and Europe. The Emerging Axis" in: *Current History*, September 2004, pp. 243-248 и Jian, Xu. "Facing the Challenge of Unconventional Security: The Chinese Perspective" in: Fort, Bertrand (ed.) *Overcoming Vulnerability: Managing New Security Challenges in Asia and Europe*, Singapore: Marshall Cavendish Academic, 2005, pp. 30-31.

14. Проводится аналогия с «Европейским концертом», созданным в начале XIX в. такими странами, как Англия, Австрия, Россия, Пруссия и Франция (см. Acharya, Amitav. "East Asia's Arrested Multilateralism" (unpublished paper, June 2006); Friedberg, Aaron L. "Ripe for Rivalry: Prospects for Peace in Multipolar Asia" in: *International Security*, Vol. 18, No 3, Winter 1993-1994, pp. 5-33 и Khoo, Nicholas and Smith, Michael L. R. "A 'Concert of Asia'?" in: *Policy Review*, August 2001).

15. См.: Ringmar, Eric. *The Mechanics of Modernity in Europe and East Asia: The Institutional Origins of Social Change and Stagnation*, London: Routledge, 2004, p. 2.

16. Как показал историк Ангус Мэдисон, около 1500 г. на Азию приходилось 60% мировой экономики, а в начале XIX века на Китай – около трети мировой экономики. Экономический подъем Азии параллельно с США и Евросоюзом – не проявление каких-то новых тенденций, но скорее возвращение составляющих ее стран на мировую арену после длительного перерыва (см. Maddison, Angus. *The World Economy: A Millennial Perspective*, Paris: OECD Development Centre, 2001).

17. См.: Bell, Coral. "The Twilight of the Unipolar World" in: *The American Interest*, Winter 2005, p. 20 (см. также: Cress, David. *From Plato to NATO: The Idea of the West and Its Opponents*, New York: Free Press, 1998). А. Тойнби также видел этот психологический пробел: «Тот факт, что наш соперник (коммунизм) угрожает нам, демонстрируя нам наши пороки, а не подавляя силой наши добродетели, доказывает, что вызов, который он представляет, исходит не от него, но исключительно от нас самих... Ускорение передачи материальной власти от старых империй... к более молодым державам внешнего круга... Азии... необычно для Америки... Поскольку единый мир постепенно пробирается к равновесию между его различными культурами, западная составляющая постепенно будет отправлена на более скромное место – это все, что ей осталось от ее внутренней ценности по сравнению с другими культурами – выживающими и вымершими, – с которыми западное общество при помощи новейшей экспансии стало общаться и которые начали общаться друг с другом» (Toynbee, Arnold. *Civilization on Trial*, pp. 23, 129, 158).

18. Bracken, Paul. *Fire in the East: The Rise of Asian Military Power and the Second Nuclear Age*, p. 88.

19. Huntington, Samuel P. *Clash of Civilizations*, p. 69. Далее Хантингтон утверждает, что «западная вера в универсальность западной культуры заключает в себе три проблемы: она фальшива, безнравственна и неверна» (Ibid., p. 130).

20. Некоторые исследователи утверждают, что экономический рост Азии порожден мобилизацией ресурсов (точнее, решением проблем посредством людской силы и ресурсов), а не большей эффективностью производства; таким образом, следует ожидать замедления роста по мере повышения уровня жизни (см.: Krugman, Paul. "The Myth of Asia's Miracle" in: *Foreign Affairs*, Vol. 73, No 6, November-December 1994).

21. Обсуждение ответа Восточной Азии на вызовы глобализации см. в: Kim, Samuel (ed.) *East Asia and Globalization*, Lanham (Md.), Boulder (Co.), New York: Rowman & Littlefield Publishers, 2000.

22. В то время как Япония сегодня является второй по величине экономикой мира, а Китай – третьей (хотя ЕС в совокупности превосходит их всех), к 2020 г. ожидается, что Китай будет обеспечивать 20% глобального ВВП, уступая только ЕС и США. Если оценивать размер валового продукта по паритету покупательной способности, то китайская экономика превосходит японскую с 1992 г., и уже составляет почти две трети американской (см.: Fishman, Ted C. *China, Inc.: How the Rise of the Next Superpower Challenges America and the World*, New York, London: Scribner, 2005).

23. См.: Kenichi Ohmae. *The End of the Nation State: The Rise of Regional Economies*, New York, Simon & Schuster, 1996.

24. См.: Buruma, Ian and Margalit, Avishai. *Occidentalism. The West in the Eyes of Its Enemies*, New York: Penguin, 2004, p. 95.

25. См.: Bell, Daniel A. *East Meets West: Human Rights and Democracy in East Asia*, Princeton (NJ): Princeton Univ. Press, 2000, p. 111.

26. См.: Закария, Фарид. *Будущее свободы*, пер. с англ. под ред. и со вступительной статьей В.Л.Иноземцева, Москва: Логос, 2004. Ф.Закария сосредоточивается на феномене нелиберальной демократии, при котором формальная демократия (выборы, партии и т.д.) существует без либерализма, предполагающего укоренившиеся конституционные нормы и реальное разделение властей.

27. См.: Bell, Daniel A. *Beyond Liberal Democracy: Political Thinking for an East Asian Context*, Princeton (N.J.): Princeton Univ. Press, 2006, pp. 10-18.

28. См.: Bell, Daniel A. *East Meets West*, p. 96, 155.

29. См.: Sussangkarn, Chalongsob. *East Asian Financial Cooperation and Integration*, Bangkok: Thailand Development Research Institute, 2005.

Глава 28.

1. См.: Saunders, Phillip C. *China's Global Activism: Strategy, Drivers, and Tools* (Occasional Paper No. 4) Washington (DC): National Defense University, October 2006.

2. Эпоха Мейдзи и послевоенное японское «чудо» предполагали установление прочных связей сначала с Великобританией, а затем с США. Как и в случае Великобритании, залогом безопасности Японии является статус морской островной державы. Во эпоху японской модернизации начала XX в. популярным был лозунг «Оставить Азию и присоединиться к Европе». В последние десятилетия многие в Азии воспринимали Японию скорее как участника «Большой восьмерки» и ОЭСР, нежели как азиатскую державу. Существует также мнение, что упрочнение союза между США и Японией обусловлено возрастающей мощью Китая (см. Green, Michael and Szechenyi, Nicholas. "Common Values: A New Agenda for U.S.-Japan Relations" in: *Georgetown Journal of International Affairs*, Summer-Fall 2006, pp. 47-55).

3. См.: French, Howard W. and Onichi, Norimitsu. "Economic Ties Binding Japan to Rival China" in: *New York Times*, 2005, October 31.

4. См.: Mochizuki, Mike M. "China-Japan Relations" in: Shambaugh, David (ed.) *Power Shift: China and Asia's New Dynamics*, pp. 135-150 и Pei, Minxin and Swaine, Michael. *Simmering Fire in Asia: Averting Sino-Japanese Strategic Conflict* (Carnegie Endowment Policy Brief No. 44, November 2005).

5. См.: Herberg, Mikal E. The Emergence of China Throughout Asia: Security and Economic Consequences for the U.S. (выступление перед Комитетом по международным делам Сената США 7 июня 2005 г.) и Swanstrom, Niklas. "An Asian Oil and Gas Union. Problems and Prospects" in: *The China-Eurasia Forum Quarterly*, Vol. 3, No. 3, November 2005).

6. См.: Kim, Byung-Kook. "To Have a Cake and Eat It Too: The Crisis of Pax Americana in Korea" in: Dominguez, Jorge and Kim, Byung-Kook (eds.) *Between Compliance and Conflict*, New York: Routledge, 2005.

7. См.: Smith, Sheila. *Shifting Terrain: The Domestic Politics of the U.S. Military Presence in Asia* (East-West Center Special Report No. 8, March 2006).

8. См.: Paalberg, Robert. "A New Pax Americana? The U.S. Exercise of Hard Power in East Asia and Latin America" in: Dominguez, Jorge and Kim, Byung-Kook (eds.) *Between Compliance and Conflict*, New York: Routledge, 2005.

9. См.: Chung, Jae Ho. "China's Ascendancy and the Korean Peninsula" in: Shambaugh, David (ed.) *Power Shift: China and Asia's New Dynamics*, pp. 151-169.

10. См.: Kaplan, Robert D. "When North Korea Falls" in: *Atlantic Monthly*, October 2006, pp. 64-73 и Yardley, Jim. "Sanctions Don't Dent China-North Korea Trade" in: *New York Times*, 2006, October 27.

11. Проведенный в 2005 г. австралийским Институтом Лоуи опрос показал, что к Китаю положительно относятся 69% австралийцев, в то время как к США – лишь 58%.

12. Kelly, Paul. "Australian for Alliance" in: *The National Interest*, No. 71, Spring 2003, p. 90.

13. Продажа урана Китаю вызывает ряд вопросов, но, с одной стороны, у Китая достаточно материала для его ядерной программы, с другой – Китай подписал Договор о ядерном нераспространении.

14. См.: Kaplan, Robert D. "How We Would Fight China" in: *Atlantic Monthly*, June 2005.

15. Lee Kuan Yew. *The Singapore Story: Memoirs of Lee Kuan Yew*, New York: Prentice Hall, 1999, p. 23.

16. Ibid., p. 87.

17. Bell, Daniel A. *East Meets West*, p. 185. По мнению Ларри Даймонда, «Демократия становится по-настоящему прочной тогда, когда люди начинают ее ценить за эффективность не только в социально-экономической сфере, но и в политической».

18. Критерии взяты в: Bell, Daniel A. *East Meets West*, p. 186.

19. Toynbee, Arnold. *East to West*, pp. 58-59.

20. Bose, Sugata. *A Hundred Horizons: The Indian Ocean in the Age of Global Empire*, Cambridge (Ma.): Harvard Univ. Press, 2006, p. 1.

21. Цит. по: Mohan, C. Raja. "India and the Balance of Power" in: *Foreign Affairs*, Vol. 85, No. 3, July-August 2006. Объединенное командование армии США в зоне Тихого океана уже включает Индию в свою «орбиту» (см. Acharya, Amitav. "Will Asia's Past Be Its Future?" in: *International Security*, Vol. 28, No. 3, Winter 2003-2004, pp. 149-164).

22. В исследовании Национального совета по разведке США «Тренды 2020» Китай и Индия названы «честолюбивыми» странами, которые могут постоянно перестраивать и отвергать существующий международный порядок – либо и то, и другое.

23. См.: Minevich, Mark; Richter, Frank-Jürgen and Hoque, Faisal. *Six Billion Minds: Managing Outsourcing in the Global Knowledge Economy*, Boston: Aspatore Books, 2006.

24. В знаменитом секторе информационных технологий в Индии занято максимум два миллиона человек; возможно, еще семь-восемь миллионов человек по-

лучают доходы, изначально генерируемые в данной сфере. Впечатляющий экономический рост Индии на деле происходит на фоне масштабнейшей безработицы: лишь 30 миллионов человек из 420 миллионов трудоспособных имеют постоянное место работы. Как пишет Амартия Сен, «даже сотня бангалоров и хайдерабадов не решат глубочайшую проблему нищеты и неравенства в Индии» (Sen, Amartya. *The Argumentative Indian: Writings on Indian History, Culture, and Identity*, New York: Farrar, Straus & Giroux, 2005, p. 197).

Глава 29.

1. Военные режимы в регионе были организованы по-разному: Бирма и Таиланд напрямую управлялись военными; в КНДР военные составляют костяк Коммунистической партии; в Индонезии и на Филиппинах жесткое правление узаконило роль армии как преторианской гвардии соответствующего лидера.

2. См.: Choi, Young Jong. "The Rise of Regionalist Ideas in East Asia" in: Dominguez, Jorge and Kim, Byung-Kook (eds.) *Between Compliance and Conflict*, New York: Routledge, 2005; Collins, Allan. *Security in Southeast Asia: Domestic Regional and Global Issues*, Boulder (Co.): Lynne Rienner Publishers, 2003, гл. 1; Emrneron, Donald K. "Goldilocks Problem: Rethinking Security and Sovereignty in Asia" in: Simon, Sheldon W. (ed.) *The Many Faces of Asian Security*, Lanham (Md.): Rowman and Littlefield Publishers, 2001, pp. 89-111; "Integration and Illusion: ASEAN in the New Century" in: *Georgetown Southeast Asia Survey* 2002-2003, p. 34. Скептическая оценка будущего АСЕАН дана в: Khoo, Nicholas. "Rhetoric versus Reality: ASEAN's Clouded Future" in: *Georgetown Journal of International Affairs*, Summer-Fall 2004, pp. 49-56.

3. США назначили особого посла при АСЕАН и расширили сотрудничество с секретариатом организации, расположенным в Джакарте. Соединенные Штаты начали принимать более живое участие в региональном форуме АСЕАН (АРФ), который является самой широкой платформой для обсуждения проблем безопасности в регионе, включая страны Европы и Северной Америки. В рубрике «общая безопасность» ежегодный календарь АРФ помещает множество событий, касающихся обучения миротворцев и поощрения сотрудничества между чиновниками всех уровней. Движение АСЕАН в сторону взаимного вмешательства может привести и к смягчению позиции Китая по вопросу о суверенитете. Учитывая, что КНР недостает прозрачности в сфере вооруженных сил, АРФ мог бы стать для Азии механизмом сбора более четких данных о военных расходах, что могло бы послужить укреплению внутрирегионального доверия.

4. Самюэль Хантингтон утверждал, что если Китай займет доминирующую позицию в регионе, его гегемония для восточноазиатских стран будет предполагать следующее: поддержку территориальной целостности Китая, согласие с растущим

контролем КНР над Южно-Китайским морем, признание китайского военного доминирования в регионе, поддержку Китая в вопросах прав человека, экономики и торговли, снижение барьеров для китайских мигрантов, подавление в своих странах движений, направленных против Китая, воздержание от союзов против Китая, а также распространение мандаринского наречия китайского языка (см.: Huntington, Samuel P. *Clash of Civilizations*, pp. 230-231). Все эти процессы в той или иной степени уже идут. По вопросу отношений Китая и АСЕАН см.: Dillon, Dana and Tkacik, John J., Jr. "China's Quest for Asia" in: *Policy Review*, December 2005; Glosny, Michael A. "Heading Toward a Win-Win Future? Recent Developments in China's Policy Toward Southeast Asia" in: *Asian Security*, Vol. 2, No. 1 (2006), pp. 24-57; Perlez, Jane. "Asian Leaders Find China a More Cordial Neighbor" in: *New York Times*, 2003, October 18; Shenkar, Oded. *The Chinese Century: The Rising Chinese Economy and Its Impact on the Global Economy, the Balance of Power, and Your Job*, Philadelphia (Pa.): Wharton School Publishing, 2005 и Sutter, Robert. *China's Rise in Asia*, гл. 7.

5. Малайзия и Индонезия вместе возглавляют группу D-8, в которую также входят Бангладеш, Египет, Иран, Нигерия, Пакистан и Турция, которые договорились укреплять торговые отношения друг с другом (Arnold, Wayne. "Malaysia Works to Sell Islam on Trade Benefits" in: *International Herald Tribune*, 2005, June 23).

6. См.: Bell, Daniel A. *East Meets West*, p. 144.

7. См.: Naipaul, V.J. *Among the Believers: An Islamic Journey*, London: Penguin, 1982, pp. 312, 442.

8. См.: *Too High a Price: The Human Rights Cost of the Indonesian Military's Economic Activities*, London: Human Rights Watch, June 2006.

9. См.: Toynbee, Arnold. *East to West*, p. 56.

10. См.: Schwarz, Adam. *A Nation in Waiting: Indonesia's Search for Stability*, Boulder (Co.): Westview Press, 2000.

11. См.: Bubalo, Anthony and Fealy, Greg. *Between the Global and the Local: Islamism, the Middle East, and Indonesia* (Saban Center Project on U.S. Policy Towards the Islamic World, Analysis Paper No. 9, October 2005) и Sheridan, Greg. "Jihad Archipelago" in: *The National Interest*, Winter 2004-2005, pp. 73-80.

12. См.: Schwarz, Adam. "Indonesia After Suharto" in: *Foreign Affairs*, Vol. 76, No 3, July-August 1997.

13. Китайцы в Индонезии составляют то, что Эми Чуа называет «господствующим на рынке меньшинством» (Chua, Amy. *World on Fire: How Exporting Free Market Democracy Breeds Ethnic Hatred and Global Instability*, New York: Doubleday, 2003, p. 43).

14. Через Малаккский пролив проходят более 50 тысяч судов в год, и более 11 миллионов баррелей нефти в день.

15. В условиях быстрого роста потребления древесины в Китае даже стандарты ЕС на провоз древесины слабо воздействуют на стремительную вырубку лесов.

Глава 30.

1. В 2007 г. Всемирный банк, Азиатский банк развития и западные доноры в совокупности предложили Камбодже 600 млн. долларов, что близко по размеру к расходной части национального бюджета. Китай тут же предложил такой же объем помощи.

2. См.: Toynbee, Arnold. *East to West*, p. 92.

3. См.: Seagrave, Sterling. *Lords of the Rim: The Invisible Empire of Overseas Chinese*, New York: Putnam, 1995, p. 304.

4. Как отмечает Эми Чуа, «в Бирме у глобализации китайское лицо» (Chua, Amy. *World on Fire*, p. 36).

5. См.: Perlez, Jane. “In Life on the Mekong, China’s Darns Dominate” in: *New York Times*, 2005, March 19.

6. Toynbee, Arnold. *East to West*, p. 86.

7. См.: Wattanayagorn, Panitan. “Thailand: The Elite’s Shifting Conceptions of Security” in: Alagappa, Muthiah (ed.) *Asian Security Practice: Material and Ideational Influences*, Stanford (Ca.): Stanford Univ. Press, 1998.

8. См.: Chinwanno, Chulacheeb. *Thailand-China Relations: From Strategic to Economic Partnership* (IUJ Research Institute Working Paper, Asia-Pacific Series No. 6, 2007).

9. По последним оценкам, постройка канала Кра Истмус займет 10 лет, потребует 30 тыс. рабочих и будет стоить примерно 25 млрд. долларов.

10. См.: Menkhoff, Thomas and Solvay, Gerke (eds.) *Chinese Entrepreneurship and Asian Business Networks*, London: Routledge, 2002.

11. Стерлинг Сигрейв называет данный метод «умышленно непрозрачная империя конгломератов» (Seagrave, Sterling. *Lords of the Rim*, p. 2).

12. См.: Callahan, William A. “Beyond Cosmopolitanism and Nationalism: Diasporic Chinese and Neo-Nationalism in China and Thailand” in: *International Organization*, Vol. 57, Summer 2003, pp. 481-517 и Chantasawat, Busakorn. “Bourgeoning Sino-Thai Cooperation: Heightening Cooperation, Sustaining Economic Security” in: *China: An International Journal*, Vol. 4, No. 1, March 2006, pp. 86-112.

13. Цит. по: “The Bold Coast” in: *Newsweek*, 2004, January 12.

14. См.: Bradsher, Keith. “Vietnam’s Roaring Economy Is Set for World Stage” in: *New York Times*, 2006, October 25.

15. Дискуссию по поводу взглядов стран региона на укрепление китайской армии и морского флота см. в: Sokolsky, Richard; Rabasa, Angel and Neu, C.F. *The Role of Southeast Asia in U.S. Strategy Toward China*, Santa Monica (Ca.): RAND Corporation, 2000 и Swaine, Michael D. "China's Regional Military Posture" in: Shambaugh, David (ed.) *Power Shift*, pp. 266-285.

16. См.: Henderson, John and Reilly, Benjamin. "Dragon in Paradise: China's Rising Star in Oceania" in: *The National Interest*, Summer 2003, pp. 94-104.

Глава 31.

1. Росс Террил замечает, что Китай во многом остается «экономикой третьего мира, которая замужем за эго сверхдержавы» (Terril, Ross. *The New Chinese Empire and What It Means for the United States*, New York: Basic Books, 2003, p. 265).

2. См.: Kennan, George F. *American Diplomacy*, p. 21. Более скептический взгляд на политику «открытых дверей» представлен в: Williams, William Appleman. *The Tragedy of American Diplomacy*, p. 144.

3. См.: Xinbo, Wu. "China: Security Practice of a Modernizing and Ascending Power" in: Alagappa, Muthiah (ed.) *Asian Security Practice*, Stanford (Ca.): Stanford Univ. Press, 1998.

4. Pye, Lucian. *China*, New York: Harper Collins, 1990, p. 58.

5. См.: Gill, Bates and Huang, Yanzhong. "Sources and Limits of Chinese 'Soft Power'" in: *Survival*, Vol. 48, No. 2, Summer 2006, pp. 17-36.

6. См.: Viviano, Frank. "China's Great Armada" in: *National Geographic*, July 2005.

7. См.: Wade, Geoff. "The Zheng He Voyages: A Reassessment" in: *Journal of the Malaysian Branch of the Royal Asiatic Society*, Vol. 78, No. 1, June 2005, pp. 37-58 и Johnston, Alastair Ian. *Cultural Realism: Strategic Culture and Grand Strategy in Chinese History*, Princeton (N.J.): Princeton Univ. Press, 1995).

8. См.: Ramo, Joshua Cooper. *The Beijing Consensus*, London: Foreign Policy Centre, May 2004. Марк Леонард утверждает, что еще нет согласия относительно «Пекинского консенсуса», поскольку экономика страны и общество развиваются очень стремительно (см.: Leonard, Mark. "The Road Obscured" in: *Financial Times Magazine*, 2005, July 9-10).

9. См.: van Ness, Peter. "China's Response to the Bush Doctrine" in: *World Policy Journal*, Winter 2004-2005, p. 40.

10. О взглядах Китая на теорию и практику глобального правления см. в: Тую, Cai. "Global Governance: Chinese Angle of View and Practice" in: *Social Sciences in China*, 2004, pp. 57-68.

11. См.: Gries, Peter. *China's New Nationalism: Pride, Politics, and Diplomacy*, Berkeley (Ca.): Univ. of California Press, 2004 и Zhao, Suisheng. *A Nation-State by Construction: Dynamics of Modern Chinese Nationalism*, Stanford (Ca.): Stanford Univ. Press, 2004.

12. См.: Lilley, James. *China Hands: Nine Decades of Adventure, Espionage, and Diplomacy in Asia*, New York: Public Affairs, 2004.

13. Как писал влиятельный ученый Ванг Цзици, «Китай и США не могут надеяться на установление подлинно дружественных отношений» (Jisi, Wang. "China's Search for Stability with America" in: *Foreign Affairs*, Vol. 84, No. 4, September-October 2005). Об истории отношений США и Китая см.: Lampion, David. *Same Bed, Different Dreams: Managing U.S.-China Relations, 1989-2000*, (Ca.): Univ. of California Press, 2001. Теоретические перспективы будущего американо-китайских отношений см. в: Friedberg, Aaron L. "The Future of U.S.-China Relations: Is Conflict Inevitable?" in: *International Security*, Vol. 30, No. 2, Fall 2005. Как писал Генри Киссинджер, «в начале нового века отношения между Китаем и США могут вполне определить, будут ли наши дети жить среди потрясений... или увидят новый мировой порядок, совместимый с... миром и прогрессом» (Kissinger, Henry. "China: Containment Won't Work" in: *Washington Post*, 2005, June 13).

14. Как утверждает Ли Шаоцзун, «Китай не будет угрожать другому государству и не будет терпеть угроз от других государств» (Shaojun, Li. *Explaining Elements in China's Foreign Strategy*, Unpublished paper, 2006).

15. См.: Murray, William S. III and Antonellis, Robert. "China's Space Program: The Dragon Eyes the Moon (and Us)" in: *Orbis*, Fall 2003, pp. 645-652. О целях и достижениях в области космических программ Китая см. спецвыпуск *China Security* о космических амбициях КНР (Выпуск № 2 за 2006 г.).

16. В любом случае, Китай уже является ядерной державой, быстро пополняющей свой ядерный арсенал и ракетные силы, включая ракеты дальнего радиуса действия, а также подводные лодки и эсминцы, что дает ему возможность действовать как в прибрежных водах, так и вдали от пунктов базирования. Хотя Китай и далек от глобального доминирования, возможные цели, для которых ему нужны более эффективные и изощренные вооруженные силы, – захват маленьких островов, удары по американским и японским военным кораблям, борьба за контроль над территорией или водами Тайваня – не требуют средств, разбросанных по всему миру (см.: Roberts, Brad; Manning, Robert A. and Montaperto, Ronald N. "China: The Forgotten Nuclear Power" in: *Foreign Affairs*, Vol. 79, No. 3, July-August 2000, pp. 53-63 и Cody, Edward. "China Builds a Smaller, Stronger Military" in: *Washington Post*, 2005, April 12).

17. Наблюдения и анекдоты о том, в какой мере китайский язык помогает понять взгляд китайцев на мир и их культуру, см. в: Clissold, Tim. *Mr. China*, New York: HarperCollins, 2004.

18. Terril, Ross. *The New Chinese Empire*, p. 26.

19. См.: Segal, Gerald. "East Asia and the 'Constrainment' of China" in: *International Security*, Vol. 20, No. 4, Spring 1996, pp. 107-135 и Khalilzad, Zalmay. *Congage China* (RAND Issue Paper No. 187, 1999).

20. См.: Medeiros, Evan S. and Fravel, M. Taylor. "China's New Diplomacy" in: *Foreign Affairs*, Vol. 82, No. 6, November-December 2003.

21. См.: Crossick, Stanley. *The Rise of China and Its Implications for the EU* (Лекция в Государственном университете Сингапура, май 2006 г.).

22. В 1990-е годы ряд американских программ под общим названием «Правовое государство в Китае» были нацелены на увязку предоставления Китаю статуса страны с рыночной экономикой с улучшениями в сфере прав человека. Однако либерализация экономики не смогла стать Троянским конем, который привнес бы политические реформы: Китай легко установил преграды, чтобы прогресс экономического либерализма не распространился на политическую и юридическую сферы (см.: Stephenson, Matthew. *A Trojan Horse Behind Chinese Walls? Problems and Prospects of U.S.-Sponsored 'Rule of Law' Reform Projects in the People's Republic of China* (Working Paper No. 47, Center for International Development at Harvard University, May 2000). Китай рассматривает гражданское общество не как автономный «третий сектор» наряду с государственным и частным сектором, а как собрание «общественных организаций», которые часто поддерживаются правительством и находятся под его наблюдением. Китайские власти четко определяют, какие иностранные неправительственные организации могут действовать в их стране, где именно и на каких условиях. Эти организации необходимы самому Китаю; они используются в качестве консультантов во благо государства, не разрушая его. Используя юридические придирки, Китай несколько лет блокировал даже деятельность Международного комитета Красного креста, не позволяя ему открыть представительство в Пекине.

23. См.: Chang, Gordon. *The Coming Collapse of China*, New York: Random House, 2001; Gilboy, George J. "The Myth Behind China's Miracle" in: *Foreign Affairs*, Vol. 83, No. 4, July-August 2004, p. 34 и Pei, Minxin. *China's Trapped Transition: The Limits of Developmental Autocracy*, Cambridge (Ma.): Harvard Univ. Press, 2006.

24. См.: Fishman, Ted C. *China, Inc.*, p. 167; Hale, David and Hale, Lyric Hughes. "China Takes Off" in: *Foreign Affairs*, Vol. 82, No. 6, November-December 2003, p. 44 и Jones, Seth G. and Larrabee, F. Stephen. "Arming Europe" in: *The National Interest*, Winter 2005-2006, p. 68.

25. См.: Bremmer, Ian and Zakaria, Fareed. "Hedging Political Risk in China" in: *Harvard Business Review*, November 2006.

26. Pocha, Jehangir S. "One Sun in the Sky: Labor unions in the People's Republic of China" in: *Georgetown Journal of International Affairs*, Winter-Spring 2007, p. 11.

27. См.: Stevenson-Yang, Anne and DeWoskin, Ken. "China Destroys the IP Paradigm" in: *Far Eastern Economic Review*, Vol. 168, No. 3, March 2005 и Suttmeier, Richard P. "Assessing China's Technology Potential" in: *Georgetown Journal of International Affairs*, Summer-Fall 2004, pp. 97-105.

28. См.: "Red, Inc." in: *Harper's*, February 2006.

29. Однако западные фирмы могут получить значительные выгоды, если китайские компании придут на американский и европейский рынки как инвесторы, а не просто как поставщики дешевой продукции. Очевидные преимущества может иметь дальнейшая кооперация между китайскими и западными корпорациями. Так, например, покупка компанией Lenovo подразделения IBM привела к установлению лицензионной операционной системы Windows на всех компьютерах Lenovo, превратив таким образом Microsoft из жертвы в победителя в Китае, несмотря на масштаб распространения в стране пиратских программ.

30. Это замечание подразумевается и поддерживается доктриной «маленькое государство, большое общество».

31. Китайская академия общественных наук обнаруживает в стране двенадцать социальных слоев (а не три, как обычно), что, видимо, нормально для государства таких масштабов.

32. Большая часть процесса борьбы с бедностью в Китае пришлось на 1980-е годы (когда прямые иностранные инвестиции были значительно ниже) и стала результатом зарождающегося частного сектора и инвестиций в сельское хозяйство, что привело к расцвету секторов, требующих значительного количества ручного труда. Хотя 60% населения Китая все еще живет в деревне, сейчас на долю сельского хозяйства приходится менее 15% ВВП. Коэффициент Джини (отражающий степень неравенства доходов) в Китае поднялся до 0.45, поскольку богатые стали богаче, – но это не выше показателя США. «Городской» коэффициент Джини в Китае составляет 0.32, что приближается к мировому среднему уровню.

33. Ху Цзиньтао, отдавая предпочтение развитию деревни, обострил тем самым идеологический спор о достоинствах капитализма в свете расширяющейся пропасти между доходами городского и сельского населения.

34. Нефтехимические заводы вызвали серьезное загрязнение в одной трети рек в сельской местности и в 90% рек, протекающих через города, особенно в реке Сонгхуа в Харбине, где в 2005 г. выброс химического вещества нанес урон всей системе водоснабжения и без того плохо обеспеченной водой региона. Треть

территорий Китая уже находится под угрозой запустынивания, и тысячи деревень покинуты жителями из-за ослабевших притоков вод Желтой реки, выпадающих в высыхающие озера провинции Цинхай.

35. См.: Yardley, Jim. "China's Next Big Boom Could Be the Foul Air" in: *New York Times*, 2005, October 30.

36. См.: Jiang, Wenran. *Beijing's 'New Thinking' on Energy Security* (Jamestown Foundation China Brief, April 12, 2006).

37. См.: Zhang, Yongjin. *China Goes Global*, London: Foreign Policy Centre, 2005.

38. Плоти́на Трех ущелий на реке Янцзы после завершения строительства в 2010 г. будет обеспечивать 10% потребностей страны в энергии. В Тибете дамба на реке Цангпо (протекающей по территории Индии и Бангладеш под названием Брахмапутра) будет производить 38 ГВт электроэнергии на станции в Мендоке, а притоки реки будут обеспечивать водой 600 городов на севере страны. Канал длиной в 12 тысяч миль – самый длинный в мире водный путь, построенный человеком – скоро соединит шесть провинций (включая Пекин) и четыре речные системы, чтобы принести воду вглубь страны из провинции Цзянсу. Как и в государствах Персидского залива, управление ресурсами сильно политизировано. Китайские министерства угля, нефти и газа соревнуются между собой не менее, чем с государственными нефтяными компаниями, которые сами обладают статусом, приближенным к министерскому, препятствуя появлению национальной энергетической стратегии.

39. См.: Lewis, Joanna I. "Leading the Renewable Energy Revolution" in: *Georgetown Journal of International Affairs*, Summer-Fall 2006, pp. 147-154.

40. См.: Seagrave, Sterling. *Lords of the Rim*, pp. 61-63.

41. См.: Onishi, Norimitsu and French, Howard W. "Chinese Warships Remind Japan of Challenge on the Seas" in: *International Herald Tribune*, 2005, September 11.

42. См.: Lynn, Barry C. *End of the Line: The Rise and Coming Fall of the Global Corporation*, New York: Doubleday, 2005.

43. См.: Garrett, Banning; Adams, Jonathan and Kramer, Franklin. *Taiwan in Search of a Strategic Consensus* (Atlantic Council Issue Brief, March 2006).

44. См.: Bell, Daniel A. *Beyond Liberal Democracy: Political Thinking for an East Asian Context*, Princeton (NJ): Princeton Univ. Press, 2006, гл. 7.

45. ВВП на душу населения в Шэньчжэне составляет 12 тыс. долларов, а в Шанхае – 8 тыс. долларов.

46. См.: Gilley, Bruce. *China's Democratic Future: How It Will Happen and Where It Will Lead*, New York: Columbia Univ. Press, 2004.

47. См.: Lilley, James R. and Lilley, Jeffrey. *China Hands: Nine Decades of Adventure, Espionage, and Diplomacy in Asia*, New York: Public Affairs, 2005, p. 341.

48. См.: Bell, Daniel A. "Chinese Leaders Rediscover Confucianism" in: *International Herald Tribune*, 2006, November 14.

49. Политбюро и Государственный совет превратились в подобие клубных команд, более не являясь «черным ящиком» единой партии, с существенными спорами и переходами власти между фракциями и группами (см.: Li, Cheng. "The New Bipartisanship Within the Chinese Communist Party" in: *Orbis*, Summer 2005, pp. 387-400).

50. Как утверждает Мичжин Пей, «если экономический рост не остановит правление одной партии в Китае, это, вероятно, сделает коррупция» (Pei, Minxin. "The Chinese Communist Party" in: *Foreign Policy*, September-October 2005, p. 46).

51. См.: Keidel, Albert. *China's Social Unrest: The Story Behind the Stories* (Carnegie Endowment Policy Brief No. 48, September 2006).

52. Историческое повествование о предыдущих земельных реформах см. в: Chen, Tsung. *The Dragon's Village: An Autobiographical Novel of Revolutionary China*, New York, Penguin, 1981.

53. Отдел политических реформ был создан в 1980-е годы, и в его работу входили частые консультации с экспертами бизнеса и иностранными юристами (см. Pei, Minxin. *Political Reform in China: Leadership Differences and Convergence* (Доклад, представленный на конференции «Китайское лидерство, политика и методы» в Фонде Карнеги 2 ноября 2005 г.).

54. См.: Bijian, Zheng. "China's 'Peaceful Rise' to Great-Power Status" in: *Foreign Affairs*, Vol. 84, No. 5, September-October 2005.

55. Полную дискуссию о том, на что похожа демократия с китайскими чертами, см. в: Bell, Daniel A. *East Meets West*, гл. 5.

56. См.: *Speak No Evil: Mass Media Control in Contemporary China*, Washington (DC): Freedom House, February 2006 и Thompson, Clive. "Google's China Problem" (and China's Google Problem)" in: *New York Times Magazine*, 2006, April 23.

Заключение

1. Как объясняют Альберто Алесина и Энрико Сполоаоре, всякая власть – это «Левиафан», пытающийся определить свою идеальную конфигурацию, поставив на весы, с одной стороны, размер территории и масштабность ресурсов, с другой – степень разнородности данного общества и необходимости удовлетворения потребностей его членов (см.: Alesina, Alberto and Spolaore, Enrico. *The Size of Nations*, Cambridge (Ma.), London: The MIT Press, 2003, гл. 5).

2. Геополитик-реалист Джон Миршаймер пишет: «Этот цикл насилия будет еще долго продолжаться в новом тысячелетии. Надежды на мир, вероятно, не оправдаются, поскольку великие державы, определяющие международную систему, опасаются друг друга и борются за власть» (Mearsheimer, John. *The Tragedy of Great Power Politics*, New York: W.W.Norton, 2001, p. xi).

3. Джордж Кеннан знал, что это еще не все, утверждая, что американцам «оставляет удовольствие видеть себя интеллектуальными хозяевами, благодетелями и учителями народов, которые им представляются менее успешными, менее продвинутыми, чем они сами... Форма национального нарциссизма (коллективного самолюбования)... которая может только подавить глубокое подсознательное чувство беззащитности (необходимость быть уверенными в себе) – нечто, сильно контрастирующее с нашим претенциозным внешним поведением... Обиды, причиненные нами миру с тех пор, как была установлена наша независимость, проистекали, как правило, не из нашего желания нанести вред другим или подчинить их себе, но из наших попыток выдвинуть благородные лозунги и произвести впечатление в собственных же глазах» (Kennan, George F. *American Diplomacy*, pp. 158, 169). Но величие Америки не может надежно покоиться на ее богатствах, потому что, как пишет Нобелевский лауреат Роберт Солоу, «идея о том, что Америке предназначено Богом быть всегда богаче остального мира, становится с течением времени все менее и менее правдоподобной». (*New York Times*, 2003, December 14). Действительно,

чем больше американское превосходство оценивается в материальном эквиваленте, особенно что касается военной мощи, тем более вероятно, что другие политические системы будут оправдывать свои идеологии во имя достижения равенства в материальном и военном отношении. Таким образом, существует компромисс между военным превосходством Америки и ее идеологическим лидерством. Иногда забывают о том, что Советский Союз некогда также обладал относительно «мягкой» силой, которая была напрочь подорвана жестоким применением силы «твердой». В конце концов, ни та, ни другая не спасли его от коллапса.

4. Как писал Бенджамен Барбер, «Как следствие незаконной анархии, естественное состояние, по Гоббсу, прежде всего – состояние страха... Лекарство от него – не власть, которой человек обладает в естественном состоянии, но закон и договор, которых ему недостает» (Barber, Benjamin R. *Fear's Empire: War, Terrorism and Democracy*, New York: W.W.Norton, 2003, p. 70).

5. См.: Morgenthau, Hans J. *Scientific Man vs. Power Politics*, Chicago: Univ. of Chicago Press, 1965.

6. Вторая знаменитой теории А.Тойнби о вызове и ответе, Джордж Кеннан высказывал опасения относительно последствий чрезмерной опоры Америки на свои вооруженные силы: «Сила, как и состояние мира, не абстрактна; ее невозможно понять или иметь с ней дело как с концепцией вне конкретных целей и методов». Далее он предупреждает, что эволюция интересов «холодной войны» в военной сфере сочеталась с привычкой Америки искать главного внешнего врага, чтобы создать зависимость от пагубной практики ненужного вооружения: «Кажется, мы наблюдаем любопытную американскую тенденцию – во все времена искать определенный внешний центр зла, которому можно поставить в вину все наши проблемы, вместо того, чтобы признать, что могут существовать и многочисленные источники сопротивления нашим целям и начинаниям, и что эти источники могут быть относительно независимы друг от друга» (Kennan, George F. *American Diplomacy*, pp. 90, 164, 173). См. также: Vacevich, Andrew. *The New American Militarism. How Americans are Seduced by War Supremacy*, Oxford, New York: Oxford Univ. Press, 2005 и Hanson, Victor Davis. *A War Like No Other: How the Athenians and Spartans Fought the Peloponnesian War*, New York: Random House, 2005.

7. Как пишет Эммануэль Тодд, «в тот момент, когда мир открывает демократию и учится политической жизни без Соединенных Штатов, Америка начинает терять свои характерные демократические черты и обнаруживает, что не может обойтись без остального мира» (Todd, Emmanuel. *After the Empire: The Breakdown of the American Order*, New York: Columbia Univ. Press, 2002, p. 13).

8. Поскольку американцы живут, по определению Токвиля, в «государстве вечного самолюбования», они страдают от великого исторического нигилизма, почитая лишь свою сегодняшнюю роли в мире. Марк Хертсгаард определил несколько

характерных взглядов других стран на США, которые противоречат самовосприятию американцев: Америка ограничена и самоцентрична, лицемерна и властна, у нее наивные, мещанские представления о мире, она самодовольна относительно своей демократии и ищет только собственную выгоду (см.: Hertsgaard, Mark. *The Eagle's Shadow: Why America Fascinates and Infuriates the World*, New York: Farrar, Straus & Giroux, 2002, p. 21). Подробнее на эту тему см.: Sweig, Julia. *Friendly Fire: Easing Friends and Making Enemies in the Anti-American Century*, New York: Public Affairs, 2006.

9. См.: Nicolson, Harold G. *Peacemaking, 1919*, New York: Simon Publications, 2001.

10. Проблема растущей для Америки цены за заключенные ею союзы в течение XX века рассмотрена в: Lake, David A.. *Entangling Relations: American Foreign Policy in Its Century*, Princeton (NJ): Princeton Univ. Press, 1999; см. также: Smith, Julianne and Sanderson, Thomas. "Evaluating Our Partners and Allies Five Years Later" in: *Washington Post*, 2006, September 11.

11. См.: Layne, Christopher. "The Unipolar Illusion Revisited: The Coming End of the United States' Unipolar Moment" in: *International Security*, Vol. 31, No. 2, Fall 2006, pp. 7-41.

12. Kohut, Andrew and Stokes, Bruce. *America Against the World: How We Are Different and Why We Are Disliked*, New York: Times Books, 2006, p. 49.

13. См.: Toynbee, Arnold. *A Study of History*, Oxford: Oxford Univ. Press, 1956, Vol. 11.

14. См.: Fuerth, Leon. "Strategic Myopia" in: *The National Interest*, Spring 2006.

15. См.: Kilcullen, David J. "New Paradigms for 21st Century Conflict" (eJournal USA: An Electronic Journal of the U.S. Department of State, May 2007).

16. См.: Barnett, Michael and Duvall, Raymond. "Power in International Politics" in: *International Organization*, Vol. 59, Winter 2005, pp. 39-75; Nexon, Daniel H. and Wright, Thomas. "What's at Stake in the American Empire Debate" in: *American Political Science Review*, Vol. 101, No. 2 (May 2007). Готовятся к публикации серии статей, посвященных жестким и мягким формам выстраивания контрбалансов Соединенным Штатам (см.: Pape, Robert A. "Soft Balancing Against the United States"; Paul, T.V. "Soft Balancing in the Age of U.S. Primacy" и Brooks, Stephen G. and Wohlforth, William C. "Hard limes for Soft Balancing" – все они опубликованы в *International Security*, Vol. 30, No. 1, Summer 2005.

17. См.: de Mesquita, Bruce Bueno and Downs, George W. "Development and Democracy" in: *Foreign Affairs*, Vol. 84, No. 4, September-October 2005. Джин Киркпатрик, посол США в ООН в 1980-х годах, оправдала поддержку автократии, поскольку подобные режимы не ставят цели заново изобрести общество (как это делают тоталитарные системы). Kirkpatrick, Jeane. "Dictatorships and Double-Standards" in: *Commentary*, November 1979.

18. Хотя контроль над мировой валютной системой и является важным инструментом влияния, особый статус американского доллара как глобальной резервной валюты не приводит автоматически к финансовому господству США в современных условиях (см.: Cohen, Benjamin J. *The Geopolitics of Currencies and the Future of the International System* (University of California at Santa Barbara Global and International Studies Program Paper No. 10, 2003). Историю отношений между деньгами и территорией см. в: Cohen, Benjamin. *The Geography of Money*, Ithaca (N.Y.): Cornell Univ. Press, p. 18.

19. См.: Stiglitz, Joseph. "The Roaring Nineties" in: *Atlantic Monthly*, October 2002.

20. См.: Erikson, Erik H. *Childhood and Society*, New York: Vintage, 1995.

21. См.: Kapur, Ajay; Macleod, Niall and Singh, Narendra. *Plutonomy: Buying Luxury, Explaining Global Imbalances* (Citigroup Industry Note, October 2005).

22. См.: Reich, Robert B. *The Future of Success*, New York: Alfred A. Knopf, 2001. В реальном выражении размер минимальной заработной платы в 2006 г. был на 37% ниже показателя 1968 г.

23. С 1980 г. США тратили на развитие инфраструктуры менее 2% ВВП ежегодно.

24. См.: Camarota, Steven. *Immigration from Mexico: Assessing the Impact on the United States*, Washington (DC): Center for Immigration Studies, 2001.

25. См.: Rieff, David. *Los Angeles: Capital of the Third World*, New York: Touchstone Books, 1992.

26. См.: Huntington, Samuel P. *Who Are We? The Challenges to America's National Identity*, New York: Simon & Schuster, 2004.

27. См.: Alesina, Alberto F.; Glaeser, Edward L. and Sacerdote, Bruce. *Why Doesn't the U.S. Have a European-Style Welfare State?* (Harvard Institute of Economic Research Discussion Paper No. 1933, October 2001).

28. Ignatieff, Michael. "The Broken Contract" in: *New York Times Magazine*, 2005, September 24, p. 16.

29. См.: Wilkinson, Richard G. *The Impact of Inequality: How to Make Sick Societies Healthier*, London: Routledge, 2005.

30. Кристофер Лэш пишет: «Растущая очевидность широко распространенной неэффективности и коррупции, падение производительности в Америке, преследование спекулятивных целей в ущерб производственным, устаревание инфраструктуры, нищенские условия охваченных преступностью городов, тревожный и постыдный рост бедности и расширяющаяся пропасть между бедностью и богатством – эти тенденции, зловещее воздействие которых уже невозможно более не замечать и скрывать, вновь открыли исторический спор о демократии. В час

блестящей победы над коммунизмом демократия у себя дома подвергается тяжёлым испытаниям, и ее критика усилится, если деградация продолжится такими же темпами, как сейчас. Формально демократические институты не гарантируют дееспособный социальный порядок, как мы знаем из примеров Индии и Латинской Америки. Поскольку условия жизни в США начали приближаться к условиям в “третьем мире”, демократии вновь придется доказать, на что она способна» (Lasch, Christopher. *The Revolt of the Elites and the Betrayal of Democracy*, New York: W.W.Norton, 1996).

31. См.: Lind, Michael. *Made in Texas: George W. Bush and the Southern Takeover of American Politics*, New York, Basic Books, 2003.

32. Как подчеркивает Алан Вольф, «идеальная политическая система должна включать в себя консервативную партию, организованную по образцу британских тори при Бенджамене Дизраэли, и либеральную, основанную на социал-демократической идее, чей расцвет наступил в Европе в послевоенное время; Америка утратила свое величие именно потому, что ее система не содержит ни одной из этих партий» (Wolfe, Alan. *Return to Greatness: How America Lost Its Sense of Purpose and What It Needs to Do to Recover It*, Princeton (NJ): Princeton Univ. Press, 2005, p. 169).

33. См.: Galbraith, John Kenneth. *The Economics of Innocent Fraud: Truth for Our Time*, New York: Penguin, 2004.

34. См.: Gilpin, Robert. *War and Change in World Politics*, Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1983, гл. 4. Амитай Этциони утверждает, что демократия начинает деградировать, когда руководство страны оставляет без внимания потребности общества (см.: Etzioni, Amitai. “How Liberty Is Lost” in: *Society*, Vol. 40, No. 5, July-August 2003, pp. 44-51.

35. Политический реализм не диктует отсутствие правил или норм, как не предполагает он и неизбежности конфликта. Он лишь объясняет динамику в условиях анархии, в мире без единого центра силы. Хотя реализм и основан на человеческих инстинктах самосохранения, стремления к богатству и величию, его не нужно путать с чистой физической агрессией. Скорее он воодушевляет осторожный расчет, являясь смесью морали и мудрости. Хотя это и похоже на обычное представление в духе Макиавелли о том, что цели оправдывают средства, реализм и прагматизм предполагают еще учет издержек. В то время как Г.Моргентау утверждал, что «власть, какой бы ограниченной и ослабленной она ни была, является ценностью, которую международная политика признает верховной», реализм, который он предписывал (и который приняли те, кто лучше всего понимает эту доктрину сегодня), осуждает имперские авантюры, приводящие к опасным ловушкам, и сосредоточивается на устранении анархии и поддержании относительных преимуществ той или иной державы. Исповедуя этот подход, Моргентау был противником Вьет-

намской войны, а Джордж Кеннан – противником военного вмешательства в Ираке в 2003 г. Реализм в основном зиждется на психологии и потому не лишен морали, которая, правда, вызывает лишь чувство неловкости. Как пишет Роберт Джексон, «этика управления государством – это прежде всего ситуационная этика, основанная на благоразумии» (см. Jackson, Robert. *The Global Covenant: Human Conduct in a World of States*, London: Oxford Univ. Press, 2005, p. 21). См. также: Lieven, Anatol and Hulsman, John. *Ethical Realism: A Vision for America's Role in the World*, New York: Pantheon, 2006 и Niebuhr, Reinhold. *The Structure of Nations and Empires*, New York: Charles Scribner, 1959).

36. О последствиях роста влияния протестантского влияния на внешнюю политику США см.: Mead, Walter Russell. "God's Country?" in: *Foreign Affairs*, Vol. 85, No. 4, September-October 2006, pp. 24-43. Стивен Уолт комментирует: «сочетание универсалистской политической философии и сильной протестантской идеологии должно вызвать тревогу у других стран, включая некоторые дружественные демократии» (Walt, Stephen. *Taming American Power: The Global Response to U.S. Primacy*, New York: W.W. Norton, 2005).

37. См.: Phillips, Kevin. *American Theocracy: The Peril and Politics of Radical Religion, Oil, and Borrowed Money in the Twenty-first Century*, New York: Viking, 2006.

38. См.: Toynbee, Arnold. *Civilization on Trial*, London: Oxford Univ. Press, 1948.

39. См.: *American Public Opinion and Foreign Policy*, Chicago: Chicago Council on Foreign Relations, 2002.

40. Америка упорствует в следовании ложной дилемме о преимуществах частных инвестиций в национальную инфраструктуру перед государственными, поскольку государственные инвестиции, как оказалось, способны вызывать активный приток частных вложений (см.: *Realizing America's Economic Potential: A Growth Agenda for the New Abundant Economy*, Washington (DC): New America Foundation, 2006).

41. См.: Kotkin, Joel and Zimmerman, Delore. *Rebuilding America's Productive Economy: A Heartland Development Strategy*, Washington (DC): New America Foundation, 2006.

42. Дефицит во внешней торговле товарами более чем утроился в США между 1997 и 2005 гг., достигнув 662,5 млрд. долларов.

43. См.: Kulish, Nicholas. "Things Fall Apart: Fixing America's Crumbling Infrastructure" in: *New York Times*, 2006, August 23.

44. См.: Lynn, Barry C. "War, Trade, and Utopia" in: *The National Interest*, Winter 2005-2006.

45. См.: Prestowitz, Clyde. *Three Billion New Capitalists: The Great Shift of Wealth and Power to the East*, New York: Basic Books, 2005.

46. Соперничество за влияние на мировую периферию вместо стимулирования ее развития скорее всего навсегда оставит ее в «третьем мире». Логично предположить, что облегчение Соединенными Штатами и Евросоюзом долгового бремени беднейших стран и рост инвестиций и объемов торговли с Китаем будут работать на развитие «третьего мира», однако порочный имперский опыт говорит об обратном. Например, западные сельскохозяйственные субсидии остаются главным препятствием свободной торговли для стран Латинской Америки и Африки; а Китай, несмотря на то, что Запад простил им долги, начал подражать классической практике давать этим странам займы, приводящие к возникновению не менее масштабной задолженности – на этот раз перед КНР. Более того, раз китайские займы и помощь свободны от политических условий, они не вдохновляют страны «третьего мира» на обеспечение прозрачности экономики, установление демократии и повышение заработной платы. И в то время как потребительский бум в трех экономических полюсах (плюс Индия и Бразилия) породил экономический рост в некоторых странах «третьего мира», его поддержание требует дальнейшего расширения природных ресурсов этих стран, что ведет к разрушению их экологии и экологическим бедствиям. Страны же «третьего мира» бессильны помочь себе, поскольку основа их экономики – это эксплуатация природных ресурсов и наносящий вред экологии туризм; при этом выбора у них нет – они полностью зависят от инвестиций богатых стран и их технологий. Многополярность может, таким образом, стать спасением для стран «третьего мира», но их меркантильность способна все погубить. Надежда этих стран – в них самих, в глобализированной торговле «Юга» с «Югом», а также во взаимных инвестициях, которые сейчас достигают 50 млрд. долларов в год и имеют тенденцию к росту.

47. См.: Mandelbaum, Michael. *The Case for Goliath: How America Acts as the World's Government in the Twenty-first Century*, New York: Public Affairs, 2005.

48. См.: Huntington, Samuel P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*, p. 21.

49. См.: Kaplan, Robert D. *Warrior Politics: Why Leadership Demands a Pagan Ethos*, New York: Random House, 2002, p. 139. См. также: Buzan, Barry. *The United States and the Great Powers*, гл. 9. Подобное столкновение принципов по сути своей опасно, поскольку, как предупреждал Дж.Кеннан, «война, которую ведут во имя высоких нравственных принципов, кончается той или иной формой тотального господства» (Kennan, George. *American Diplomacy*, p. 101).

50. Не похоже на то, чтобы многие люди во всем мире слепо подписались под словами Вудро Вильсона, произнесенными в 1917 г.: «Это американские принципы, американская политика... И это также принципы и политика дальновидных людей всего мира, любой современной страны, любого просвещенного сообщества. Это принципы человечества, и они должны стоять на первом месте». Президент

Б.Клинтон вторил Вильсону: «Интересы Америки требуют, чтобы Соединенные Штаты возглавили усилия по построению мирового порядка на основе американских ценностей». Не будет большим преувеличением сказать, что все американцы, будь они из «красного» штата или «голубого», либералы или консерваторы, исповедуют веру в американскую исключительность. Философ Ричард Хофштадтер однажды заметил, что предназначение Америки – не иметь идеологию, но быть ею. Почти 60% американцев верят, что их культура совершеннее прочих, существующих в мире. Но еще больший процент в остальном мире думает иначе. Америку не только негативно оценивают по всей планете из-за провальной внешней политики – ее не уважают за неспособность преодолеть слабость ее собственной системы. Америку терпят только до тех пор, пока мир не предпочтет какую-либо другую державу (подробнее см.: Kohut, Andrew and Stokes, Bruce. *America Against the World*, New York: Times Books, 2006).

51. Удро Вильсон верил, что «баланс сил – это великая игра, в наше время навсегда дискредитированная; это старый порочный порядок, преобладавший до войны». Он говорил в Сенате в 1917 г., что Америка «возглавит не баланс сил, но сообщество сил; не организованных соперников, но организованный мир». Однако Лига Наций, созданная по предложенному им образцу (к которой США, правда, так и не присоединились) оказалась неспособна предотвратить агрессию стран «оси» в 1930-е годы. Как саркастически заметил Э.Г. Карр, «женевские метафизики с трудом смогли поверить, что скопление остроумных текстов, запрещающих войну, не стало преградой для войны» (Carr, Edward H. *Twenty Years' Crisis 1919-1939: An Introduction to the Study of International Relations*, New York: Harper Perennial, 1964, p. 30). В 1945 г. в Ялте президент Франклин Д. Рузвельт провозгласил конец «односторонних действий, частных союзов, сфер влияния, баланса сил и всех прочих уловок, к которым прибегали веками – и всегда терпели поражение». Вместо этого он предложил учредить ООН, которую позднее президент Эйзенхауэр превозносил как лучшую надежду на «замену поля битвы столом переговоров». В 1991 г. президент Дж.Буш провозгласил «новый мировой порядок», в котором ООН, «выйдя от тупика “холодной войны”, должна претворить в жизнь идеи своих основателей» (см.: Kennedy, Paul. *The Parliament of Man: The Past, Present, and Future of the United Nations*, New York: Random House, 2006).

52. См.: Toynbee, Arnold. *Civilization on Trial*, p. 127.

53. Ash, Timothy Garton. *Free World*, p. 3.

54. См.: Lake, David. *Hierarchy in International Relations: Authority, Sovereignty, and the New Structure of World Politics* (Неопубликованная работа, проведенная в Университете Сан-Диего, 2005 г.).

55. См.: Rusi, Alpo. *Dangerous Peace: New Rivalry in World Politics*, Boulder (Co.): Westview Press, 1998. Эти панрегионы уже составляют львиную долю мировой эконо-

мики. Поскольку природный газ становится предпочтительным топливом, энергетические рынки также развиваются по новым направлениям: США-Канада-Южная Америка, ЕС-Россия-Северная Африка, Китай-Россия-Индонезия-Австралия.

56. Война – не отдельное событие вне динамики роста и спада, а ее главный действующий фактор. Как и предыдущие мировые порядки, американская эра прошла фазы от институционализации до делегитимизации – за которой и последовала война. Нерешенная проблема отсутствия равновесия приводит к системному конфликту, который впоследствии вызывает появление нового порядка, основанного на расстановке сил по послевоенному образцу (см.: Gilpin, Robert. *War and Change in World Politics*, гл. 5).

57. Европа всегда рассматривала Америку не как достойную альтернативу ее собственной мировой гегемонии, но скорее как наименьшее из всех зол. Однако что касается Китая, не существует таких дипломатических прецедентов, чтобы встроить его в существующий мировой порядок, избежав серьезного системного конфликта. Бессмысленно говорить о «сообществе демократий», когда одна из самых могущественных держав в мире демократией не является. И в то время как демократии действительно пытаются не враждовать между собой, они чрезвычайно агрессивны по отношению к недемократическим режимам, предпочитая воевать с заведомо слабым врагом. Мировая война может оказаться особенно вероятной именно потому, что Китай может со временем демократизироваться, и в этом случае национализм более не будет сдержан, а мощь Китая окажется сравнимой с американской (см.: Desch, Michael C. “Democracy and Victory: Fair Fights or Food Fights?” in: *International Security*, Vol. 28, No. 1, 2003, pp. 180-194; Mansfield, Edward D. and Snyder, Jack. *Electing to Fight: Why Emerging Democracies Go to War*, Cambridge (Ma.): MIT Press, 2005 и Reiter, Dan and Stan, Allan C. *Democracies at War*, Princeton (NJ): Princeton Univ. Press, 2002).

58. Эти сценарии находятся в центре внимания такого геополитического направления, как теория перехода власти, основанная на трудах А.Ф.К. Органски, прежде всего на его главном труде (см.: Organsky, F.K. *World Politics*, New York: Alfred A. Knopf, 1958). Геополитические переходы власти напоминают смену фаз в физике: это весьма нестабильные периоды, в течение которых заряды притягиваются или отталкиваются в непредсказуемых направлениях при «повышении температуры». Черчилль сравнивал великие державы с планетами, которые при приближении к ним других начинают притягивать, как магнит. Как предупреждает Чарльз Купчан, международная система «непостоянна и хрупка», и потому разваливается моментально (Kurchan, Charles. *The End of the American Era: U.S. Foreign Policy and the Geopolitics of the Twenty-first Century*, New York: Alfred A. Knopf, 2002). Как объясняет Роберт Гилпин, переходы власти начинаются тогда, когда набирающие силу державы пересматривают свою готовность соглашаться с существующим порядком (Gilpin,

Robert. *War and Change in World Politics*, гл. 2, 4). Фарид Закария добавляет: «великие державы подобны дивам: они появляются и уходят со сцены с большой суматохой» (Zakaria, Fareed. "Is Realism Finished?" in: *The National Interest*, Winter 1992-93).

59. См.: Hume, David. *A Treatise on Human Nature* (1739).

60. См.: Howard, Michael. *The Invention of Peace*, New Haven (Ct.): Yale Univ. Press, 2000, гл. 5. Как пишет Роберт Купер, «не каждое непонимание ведет к войне, и не все войны вызваны непониманием.... учито не является неизбежным, и великие исторические события все еще зависят от решений и иногда от ошибок отдельных людей». (Cooper, Robert. *The Breaking of Nations: Order and Chaos in the Twenty-First Century*, New York: Atlantic Monthly Press, 2003, p. 101).

61. См.: Aron, Raymond. *Peace and War: A Theory of International Relations*, Garden City (N.Y.): Doubleday, 1966.

62. Как писал Киссинджер о создании Каслри и Меттернихом «концерта наций» после победы над Наполеоном, «их целью была стабильность, а не совершенствование, а баланс сил – это классическое выражение урока истории, что ни один порядок не будет безопасным без физической защиты от агрессии; таким образом, новый мировой порядок был создан при осознании связи между властью и моралью, безопасностью и легитимностью» (Kissinger, Henry. *A World Restored: Metternich, Castlereagh, and the Problems of Peace, 1812-1822*, Boston: Houghton Mifflin, 1973, pp. 317-318).

63. См.: Kant, Immanuel. *Idea for a Universal History with Cosmopolitan Purpose* (1784) и Cederman, Lars-Erik. "Back to Kant: Reinterpreting the Democratic Peace as a Macro-Historical Learning Process" in: *American Political Science Review*, Vol. 95, March 2001. Чтобы понять то, что Х.Ортега-и-Гассет называл «сокровищем наших ошибок», нужно постоянно увеличивать институциональную память. В конце романа Р.Брэдбери «451 градус по Фаренгейту» Грэнджер, лидер скитающихся оппозиционеров, спасающих книги, говорит их новому товарищу Фишеру: «Мы знаем все глупости, сделанные нами за тысячу и более лет. А раз мы это знаем и всё это записано и мы можем оглянуться назад и увидеть путь, который мы прошли, то есть надежда, что когда-нибудь мы перестанем сооружать эти дурацкие погребальные костры и кидаться в огонь. Каждое новое поколение оставляет нам людей, которые помнят об ошибках человечества» (Bradbury, Ray. *Fahrenheit 451*, New York: Ballantine, 1950).

64. Как писал Брайан Ино, продюсер рок-группы U2, «Не правда ли, цивилизация наступает тогда, когда люди перестают вести себя так, будто они вовлечены в безжалостную дарвинистскую борьбу, и начинают думать о сообществах и общем будущем? Быть может, слишком высоки ожидания того, что Америка будет вести себя не так, как другие империи в истории, но в этом ли заключалась изначальная

идея?» (Eno, Brian. "The US needs to Open Up to the World" in: *Time International*, 2003, January 12).

65. См.: Rasler, Karen A. and Thompson, William R. *Great Powers and Global Struggle 1490-1990*, Lexington (Ky.): The Univ. Press of Kentucky, 1995, p. 191.

66. Роберт Скидельски описывает «фундаментальное противоречие в сердце империй», а именно «то, что они обещают мир, но порождают войну» путем «постоянного конфликта на границах» (Skidelsky, Robert. "Hot, Cold, and Imperial" in: *New York Review of Books*, 2006, July 13). Конрад Аденауэр предупреждал, что «история – это сумма вещей, которых можно было бы избежать», и ставил перед лидером современного государства цель бороться с тем, что Ллойд Джордж назвал «молотом судьбы», избегать пересечения линии, за которой «военная логика превосходит дипломатический расчет» (см.: Ferguson, Niall. *1914: Why the World Went to War*, New York: Penguin, 1998, p. 27).

67. Как писал Киссинджер, с уважением отзываясь об эпохе Наполеона, если существует «неприятие рамок международного порядка», система из легитимной становится революционной. «Государства имеют склонность к забывчивости. Нечасто государства извлекают уроки из прошлого, еще реже они делают из него правильные выводы. Ибо уроки истории, как и личный опыт, зависят от обстоятельств. Они демонстрируют последствия совершения тех или иных действий, но не могут заставить признать аналогию ситуаций... Народ может знать о возможных последствиях революционной ситуации. Но его знание будет пустым без опознания революционной ситуации. В этом и разница между физическим и историческим знанием: каждому поколению позволен только один отрыв от реальности, одна попытка интерпретации и один эксперимент, ибо это его собственный сюжет. Это – вызов истории и ее трагедия; это форма, которую "судьба" допускает на земле. И ее решение, и даже опознание, быть может, является самой сложной задачей главы государства» (Kissinger, Henry. *World Restored*, pp. 1-3, 331-32).

68. И.Кант и Ж.-Ж.Руссо создали теорию международной федерации государств с целью достижения республиканского мира: И.Кант подчеркивал очевидность и растущие затраты войны, а Ж.-Ж.Руссо утверждал, что «общая воля» предотвратит конфликты государств из корыстных интересов. Сегодня появилось множество похожих заявлений о миротворческом воздействии глобализации, каждое из которых является эхом утверждения Нормана Ангела о «Великой иллюзии» и «полной экономической бесполезности завоеваний». Фрэнсис Фукуяма настаивает на завершении идеологической борьбы; Джон Мюллер замечает, что перспектива всеобщей, уничтожительной войны делает ее «иррациональной и потому невозможной»; Джонатан Шелл и Питер Зингер видят появление глобального сознания как «нравственного эквивалента войны» или «оружия цивилизации»; Роберт Райт показывает, что накопление позитивных выводов снижает мотивы к конфликтам;

Анатоль Ливен и Джон Халсман выступают за «великий капиталистический мир» (см.: Fukuyama, Francis. *The End of History and the Last Man*, New York: Avon Books, 1992; Mueller, John. *Retreat from Doomsday: The Obsolescence of Major War*, New York: Basic Books, 1989; Schell, Jonathan. *The Unconquerable World: Power, Nonviolence, and the Will of the People*, New York: Metropolitan Books, 2003; Singer, Peter. *One World: The Ethics of Globalization*, New Haven (Ct.): Yale Univ. Press, 2003; Wright, Robert. *Non-Zero: The Logic of Human Destiny*, New York: Vintage, 2000 и Lieven, Anatol and Hulsman, John. *Ethical Realism: A Vision for America's Role in the World*, New York: Pantheon, 2006).

69. Ученые давно спорят о том, какая система более стабильна – биполярная или многополярная; порождает ли большее число потенциально конфликтных пар неуверенность или же, наоборот, постоянный баланс и стабильность – в отличие от системы с одним гегемоном. Будучи уверен в том, что нет «единственного и на все времена» решения «проблемы власти», Г.Моргентау писал, что «если баланс сил – главный и стабилизирующий фактор международных отношений, то баланс сил в никогда не устанавливается окончательно, он всегда случаен и подвержен постоянным колебаниям». В состоянии квазиустойчивого трехполярного равновесия каждый действует в собственных интересах, но при этом другие члены системы принимают контрмеры, и результатом этого выступает сохранение статус-кво. Р.Джервис рассматривает эффект Лиджпарта, при котором предчувствие опасности или нестабильности вдохновляет на проведение политики, полной умеренности и компромисса (Jervis, Robert. *System Effects: Complexity in Political and Social Life*, Princeton (NJ): Princeton Univ. Press, 1998, pp. 107-112, 275-279). См. также Mearsheimer, John. *The Tragedy of Great Power Politics*, pp. 338-344 и Waltz, Kenneth N. *Theory of International Politics*, New York: McGraw Hill, 1979).

70. Б.Г. Лидделл Харт утверждал полвека назад, что «большая стратегия» должна регулировать направленные на соперничество инстинкты геополитической системы. Как утверждает Чарльз Купчан, «основной вызов будущего будет такой же, как и в прошлом – регулирование отношений между соперничающими центрами силы» (Kupchan, Charles. *The End of the American Era*, p. xviii).

71. Как писал Э.Дж.П. Тэйлор, «люди не всегда уступали вечной кадрили Баланса Сил: они часто желали, чтобы музыка остановилась и они смогли бы начать танец без постоянных оглядок друг на друга» (Taylor, A.J.P. *The Struggle for Mastery in Europe, 1848-1918*, Oxford: Clarendon Press, 1954, p. xix). А Хэдди Булл утверждал, что «справедливость надежна только в контексте порядка» (Bull, Hadley. *The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics*, New York, Columbia Univ. Press, 1977, p. 83).

72. Если бы сверхдержавы действовали как единый управленческий аппарат, то имело бы меньшее значение, кто предпринял то или иное действие, если оно отвечает общим принципам. Чарльз Купчан утверждает, что если региональные державы были бы «весьма великодушны в осуществлении власти, результатом могла

бы стать стабильная и основанная на сотрудничестве система с более децентрализованной структурой управления» (Kupchan, Charles. "After Pax Americana: Benign Power, Regional Integration, and the Sources of a Stable Multipolarity" in: *International Security*, Vol. 23, No. 2, Fall 1998, pp. 40-79). Везде он развивает эту идею: «Окончательная модель для будущего – это создание конгломерата основных держав Северной Америки, Европы и Восточной Азии. Эти великие державы совместно будут управлять развитием и регулировать отношения между и внутри соответствующих регионов. Построение таких региональных центров также способно постепенно встроить развивающиеся страны в глобальные потоки торговли и информации и систему ценностей. Сильные и энергичные региональные центры часто заинтересованы в развитии, процветании и стабильности окружающих их стран по причине территориальной и культурной близости. Так, Северная Америка может сосредоточиться на Латинской Америке; Европа – на России, Ближнем Востоке и Африке; Восточная Азия – на Южной и Юго-Восточной Азии... Сила останется неизбежной определяющей международной жизни, и задачей должно быть не отрицание ее, но направление в мирное русло. Намного мудрее и безопаснее посмотреть, что за поворотом, и прибегнуть к структурным изменениям, чем столкнуться с однополярной системой, способной развалиться на непредсказуемую многополярную» (Kupchan, Charles. "Empires and Geopolitical Competition: Gone for Good?" in: Crocker, Chester (ed.) *Turbulent Peace*, Washington (DC): United States Institute of Peace, 2001).

73. См.: Toynbee, Arnold. *Civilization on Trial*, London: Oxford Univ. Press, 1948.

74. См.: Iklé, Fred Charles. *Every War Must End*, New York: Columbia Classics, 2005. Как пишет Чарльз Купчан, «ребенок, который восстает против деспотичных родителей, обычно доставляет больше беспокойства, чем тот, который отучился от зависимости и пытается становиться ответственным и самостоятельным» (Kupchan, Charles. *The End of the American Era*, p. 264).

75. Как писал Э.Г. Карр, «Мировое правительство требует международной власти... Должно быть четкое признание игры политических сил, которая предшествует всем законам. Только тогда, когда все эти силы приходят в стабильное равновесие, закон может осуществить свою социальную функцию, не становясь инструментом в руках защитников статус-кво. Достижение этого равновесия – задача не закона, но политики» (Carr, Edward H. *Twenty Years' Crisis*, pp. 107, 192). Генри Киссинджер вторит: «Логика войны – это власть, а у власти нет природных ограничений. Логика мира – это соразмерность, а соразмерность подразумевает ограничение. Успех войны – это победа; успех мира – стабильность. Условие победы – приверженность, условие стабильности – самоограничение (Kissinger, Henry. *World Restored*, p. 138). О концепции «международной конституции» см. Ikenberry, G. John. *After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order After Major Wars*, Princeton (NJ): Princeton Univ. Press, 2000.

76. См.: Carrett, Banning. *A New Strategic Triangle? Relations Among China, Europe, and the United States in a Global Context* (Доклад, представленный на конференции «Китай, Европа и США в меняющейся международной системе» в Пекине 2-3 ноября 2006 г.). Глобализация сама по себе требует многостороннего управления, поскольку как минимум половина глобальных процессов ведет к усилению негативных и дестабилизирующих факторов, таких как распространение терроризма; незаконный оборот оружия и наркотиков, отмывание денег, торговля людьми; экологические бедствия, вызванные чрезмерной эксплуатацией ресурсов; распространение оружия массового поражения, в том числе биологического, и т.д. Преступные транснациональные силы уже заставили большую часть мира озаботиться безопасностью: все страны увеличивает свои вооруженные и полицейские силы, чтобы поставить преграду распространяющимся вместе с глобализацией порокам (см.: Naim, Moises. "The Five Wars of Globalization" in: *Foreign Policy*, September-October 2003, pp. 28-37 и Naim, Moises. *Illicit: How Smugglers, Traffickers, and Copycats Are Hijacking the Global Economy*, New York: Doubleday, 2005).

77. Моргентау высмеял идеализм Фрэнсиса Бэкона, считавшего, что «господство человека над природой приходит на смену господству человека над человеком». Сегодняшняя потеря веры в то, что глобализация излечит социальные проблемы, напомнила ему о схожей риторике XIX века о мирных возможностях, открывавшихся с развитием железных дорог и средств связи. Схожим образом он высмеял «либералов от Кобдена до Гуля, которые надеялись на свободную торговлю или вроде того как на решение международных политических проблем» (см.: Morgentau, Hans. *Scientific Man vs. Power Politics*, pp. 43, 87, 125).

78. Как писал Эдвард Луттвак, «люди редко сходят с ума – в отличие от народов» (Luttwak, Edward. "Worst Case Scenario" in: *Time*, 2002, April 8, p. 30).

79. Примерами могут считаться «Евразийская система безопасности» Збигнева Бжезинского, «Глобальный альянс за безопасность» Грэма Эллисона и «Глобальные центры управления» Амитая Этциони (см.: Brzezinski, Zbigniew. *The Grand Chessboard. American Primacy and Its Geostrategic Imperatives*, New York: Basic Books, 1997; Allison, Graham; Kaiser, Karl and Karaganov, Sergei. "The World Needs a Global Alliance for Security" in: *International Herald Tribune*, 2001, November 21 и Этциони, Амитай. *От империи к сообществу*, перевод с англ. под ред. и со вступительной статьей В.Л. Иноземцева, Москва: Ладомир, 2004).

80. Фрейд утверждал, что «пока существуют нации и империи... все в равной мере должны быть готовы к войне». В своем мастерском опровержении знаменитой доктрины Карла фон Клаузевица о том, что «война – это продолжение политики другими средствами», историк Джон Киган утверждает, что война естественна и входит в рамки культуры (имея в виду именно природу, а не воспитание), предшествуя даже созданию правительств, государств и армий. От каннибализма до

международных конфликтов, борьба – это часть человеческого существования (см.: Keegan, John. *A History of Warfare*, New York: Vintage, 1993).

81. См.: Nicolson, Harold. *Diplomacy*, Washington (DC): Institute for the Study of Diplomacy, 1988, p. 13.

УКАЗАТЕЛЬ

А

- Абашидзе, Аслан 85
- Аббасидов, халифат 230, 292, 296
- Абдулла, король Иордании 240, 283, 284
- Абдалла, король Саудовской Аравии 320
- Абдулла, король Трансиордании 272
- Абхазия 86, 88
- Абу Даби 322, 323
- Ахеменидов, империя 102, 302
- Ачесон, Дин 172
- Адамс, Джон Куинси 421
- Аддис Абеба 252
- Афганистан 100, 101, 102, 104, 137, 152-161, 292, 300, 372;
анти-советская борьба 137, 155, 233, 315;
Англичане в Афганистане 154;
отношения с Китаем 154-155, 305;
сравнение с Колумбией 199, 200;
наркотики 155, 199, 329, 382;
нестабильность 108, 145, 153-154;
отношения с Ираном 302, 303, 307;
исламский фундаментализм 143;
в МЕНА 229;
отношения с НАТО 154, 155, 156;
отношения с Пакистаном 156, 157;
дороги 117, 154, 155;
в ШОС 155, 156;
как часть Южной Азии 158;
как федерация племен 153;

- отношения с США 139, 140, 154, 306;
Ваханский коридор 116, 155.
- Африка 8, 24, 220, 236, 323, 346, 357;
сравнение с арабским миром 230-231, 313;
отношения с Китаем 251-253, 396;
роль Египта 255;
европейские репарации 246-247;
сравнение с Латинской Америкой 178;
нефть 237, 251-252;
отношения с США 251, 252.
- Ага Хан 138
- Ахмадинежад, Махмуд 304
- Аэробус 208, 443
- Аджами, Фуад 320
- Аджария 85
- Акаев, Аскар 135
- АКР (Партия справедливости и развития) 77, 241
- Аксенов, Василий 51
- Аль-Арабийя 325
- Аляска 112, 170, 173, 190
- Аль-Азхар, мечеть 262
- Албания 15, 34, 58, 66
- Альберди, Хуан Батиста 216
- Альберта, нефть 168, 174
- Алевийский ислам 77
- Александр Македонский 102, 156, 296, 301
- Александрия 254, 259
- Александрийская декларация 266
- Александрия Эсхата 102
- Алжир 236; гражданская война 241-242, 267;
ливийские мигранты 249; нефть 242, 251
- Али, Мохаммед 257, 259
- «Али и Нино» 90
- «Али Баба», компании 377
- Али Бхутто, Зульфикар 22
- Алиев, Гейдар 92-93, 289
- Алиев, Ильхам 93-96
- Аль-Джазира 71, 230, 325
- Аль-Джазира Интернэшнл 422
- Альенде, Сальвадор 221
- Алма-Ата 125, 127, 129
- Аль-Каида 36, 158, 159, 233, 237, 282, 315

- Аль-Сауд, правители 315
Амазонка 194, 206, 215, 219
Американское Тихоокеанское командование 338
Амман 231, 273, 279-282
Аморим, Селсу 180
Амр ибн эль-Асы 244
Анатолия 74, 232, 281, 301
Андижан, резня 145-149
Англо-Иранская нефтяная компания 302
Ангола, нефть 251-252
Anímus dominandi («жажда власти») 419
Анкара 76, 336
Анны Линдт институт 254
Антикоммунизм 13, 172, 257, 264, 303
Антиглобалистское движение 19
Акаба 274, 280
Аравийское море 117, 160, 312, 359
Арабизм 230-234, 267-270, 316
Арабо-Израильский конфликт 268, 273-278, 314
Арабская лига 232
Арабский союз Магриба 269
Арабы, арабский мир 83, 128, 160, 230-247, 254-291, 294, 301, 309-331, 358, 425;
 в Центральной Азии 102; отношения с Китаем 252-253;
 в Восточной Азии 365-366, 368;
 отношения с ЕС 20, 77, 440;
 в государствах Персидского залива 263, 279, 309-331;
 сравнение с Ираном 307;
 ислам как вера 373-374;
 арабы и курды 296, 298;
 как рабочая сила 237-238, 242, 243;
 недостаток единства 271;
 модернизация 240;
 в Северной Африке 235-247;
 отношения с Палестиной 277;
 возрождение цивилизации 262, 263;
 самоопределение 230;
 отношения с Турцией 70, 71;
 единство 230;
 отношения с США 36, 77, 256-260, 263, 265-267, 268, 281, 420, 421-422.
Аральское море 128, 141, 150
Аргентина 168, 177, 201, 216-220;
 долг 172-173, 217-218, 219;

- экономический рост 174;
Фолклендские острова 194, 217;
отношения с США 198, 216, 219-220
- Армения, Армяне 75, 81, 87, 89, 91
- Арон, Реймон 422
- АСЕАН 353, 362-363, 382, 388
- Азия 8, 68, 90, 177, 256;
как южноамериканский рынок 167
- Азия-Европа, форум (АСЕМ) 341
- Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС) 341
- Александрийская библиотека 254
- Ассад, Башар 285, 290
- Ассад, Хафез 285, 290
- Астана 126, 128, 133
- Асуан 244, 255, 259, 261
- Асуанская плотина 255
- Атасу-Алашанькоу, трубопровод 127
- Ататюрк (Мустафа Кемаль) 70, 73, 76, 302
- Афины 20
- Ауэзов, Мурат 128
- Августин, Св. 5
- Австралия 373, 379, 390; отношения с Китаем 336, 350, 352-353, 395;
отношения с США 339, 352, 370
- Австрия, в Крымской войне 79
- Австро-Венгерская империя 59, 70
- АВАКС, разведывательные самолеты 137
- Асади, парк Свободы 298
- Азербайджан 34, 80, 81, 86, 88-98;
трубопровод БТД 87, 88;
как часть Европы 96, 243-244; нефть 86, 87, 91-95, 125
- Африканский Рог, 237, 252

Б

- БААС 290, 298
- Баб-эль-Мандебский пролив 237
- Басевич, Эндрю 421
- Бачелет, Мишель 223
- Бадави, Абдулла 366, 368
- Багдад 230, 273, 280, 291, 292, 296, 384
- Бахрейн 315, 321;
отношения с Саудовской Аравией 309, 310, 317;

- отношения с США 310
- Бакиев, Курманбек 135
- Баку 29, 69, 87, 90-96, 125, 126
- Баку-Тбилиси-Джейхан, трубопровод 87-88, 89, 125
- Баланс сил 5, 23, 87, 169
- Бальфура декларация (1917) 273
- Бали 294, 375
- Балканы 30, 35, 53-54, 56-68, 293;
сравнение с Кавказом 88;
отношения с ЕС 33, 56-66, 238;
стабилизация региона 56, 59, 63-64, 66;
отношения с США 59-60, 63;
войны 42, 56-57, 59-64
- Балхаш, озеро 128
- Банды 186, 198, 214, 349, 431
- Белуджистан 157, 159
- Белуджей племена 301
- Бангкок 343, 362, 384, 385
- Бангладеш 359
- Банна, Хасан аль 262
- Бедность 25, 45, 145, 263, 267, 274;
в Китае 404-405;
в Восточной Азии 345, 348-349;
в Латинской Америке 222, 189, 195-196, 198, 199, 203, 212-213, 218, 222;
в Северной Африке 237;
в США 193, 428-429;
в Венесуэле 189, 195-196
- Берберские пираты 237
- Басмачи 143
- Басра 292, 295
- «Битва за Алжир» 242
- Бедуины 230, 239, 256, 269, 326, 328;
в Иордании 282, 283;
в Магрибе 240, 244, 249
- Бейрут 231, 248, 273, 285, 286, 287, 289
- Беларусь 40, 54
- Белград 59, 60, 67, 397
- Бен Али 240
- Бенгальский залив 381
- Берберы 239, 245
- Березовский, Борис 43
- Берлин 43, 69-70, 74, 247

- Берлин, Исайя 18
Бхутто, Беназир 48
Биби Хейбат, мечеть 92
Билль о правах, США 434
бен Ладен, Усама 140, 247, 316
Бинтан, остров 373
Бишкек 74, 114, 134, 135, 136
Бодрум 74
«Боинг» 208, 443
Богота 198, 200, 201, 204
Боливар, Симон 188, 193, 197, 201
Боливия 198, 205, 219, 223
Большевизм, большевики 143, 233
Борнео 372, 379
Босния, боснийцы 34, 58, 60-66, 97
Босфор, мост 68
Босфор, пролив 79
Брахмапутра 359
Брандейс, Луи 433
Бродель, Фернан 17, 235
Бразилия 24, 168, 179, 180, 187, 194, 207-216, 289, 304;
 Амазонка 194, 215, 220;
 классовые различия 212-213;
 отношения с Китаем 211;
 долг 173, 209;
 наркотики 198-199;
 экономический рост 174, 209;
 этанол 168, 215;
 неравенство доходов 74, 405;
 сравнение с Индонезией 379;
 нефть 205, 215;
 размер 207;
 сравнение с США 210, 212;
 отношения с США 177, 209-210, 211, 220, 225
Брехт, Бертольд 447
«Бритиш петролеум» 322
Большой Ближний Восток 229, 235
«Большая игра» 114, 115, 116-117, 124, 125, 134;
 и Китай 108, 116, 121, 162;
 в Киргизии 136; в Туркменистане 151-152
«большая игра» (состояние теней) 79, 101, 103, 116;
 конец 155-156

- Бруней 363
Брюссель 11, 32, 33, 50, 97, 325;
 марокканцы 237
Бжезинский, Збигнев 52, 91, 162
Буддисты, буддизм 122-123, 157, 373, 381
Буэнос-Айрес 216-217, 218
Бухара 102, 142
Болгария 30, 53, 80;
 как член ЕС 57-58, 69;
 захваченная османами 70
Бумипутра (сыновья земли) 368
Бирма 359, 363, 381-383;
 отношения с Китаем 15, 381-383, 395
Бернс, Николас 35
Буш-мл., Джордж, 140, 207, 233, 304, 420, 434
Беженцы 66, 85, 91, 142, 149, 155, 156, 272, 274, 276, 279, 280, 286, 288;
 иракские 295;
 палестинские 272, 284-285
«Блистательная Порта» 70
благосостояние 14, 31, 288, 337, 397, 400, 407
«Ближний Восток», термин, 229
«Божественное предназначение», 170
банда М-13, 186
Ближний Восток, 225-331;
 термин, 229, 271

В

- Великая Колумбия 188, 197
Великая Александрийская библиотека 254
Великая рукотворная река 249
Великое общество 436
Великая китайская стена 109
Великобритания 16, 98, 276, 309, 312-313, 439;
 в арабском мире 256, 271, 272, 279, 310, 331;
 в Центральной Азии 79, 100, 103, 154, 155, 156, 162;
 в Крымской войне 79;
 в Восточной Азии 340, 392;
 как империя 103, 155, 161;
 отношения с ЕС 73;
 Фолклендский конфликт 194, 217;
 в «большой игре» 79, 103, 116, 121;

- в Индии 103, 157, 329, 358, 360, 384;
- Ирак и 292;
- торговые корабли 237;
- отношения со Средним Востоком 229, 230;
- ядерное оружие 131;
- в Пакистане 15155-156;
- в Судане 103;
- отношения с Турцией 71;
- отношения с США 423, 441
- Византийская империя 67, 68, 69, 79;
 - в Северной Африке 235, 244
- Власть 9, 10, 11, 35-36, 199, 420;
 - глобальные войны и 17-18;
 - США против ЕС 36
- Восточная Азия 36, 312, 313, 327, 335-418, 425;
 - отношения с ЕС 339-340,
 - сравнение с Латинской Америкой 177, 178;
 - роль США 336-347, 350, 362-363, 382, 420
- Восточноазиатское сообщество 359
- Восточноазиатский саммит 341
- Восточная Европа 29, 26, 35, 96, 111, 176, 177, 223, 313, 341
- Восточная Сибирь – Тихий океан (трубопровод), 112
- Восточный Иерусалим 273, 276, 277
- Восточный Тимор 362, 376
- «От Востока до Запада» (Тойнби) 3
- выборы 23, 138, 264-265, 284, 347;
 - в Алжире 241; 92, 96;
 - в Центральной Азии 132, 160-161;
 - в Иране 303;
 - в Латинской Америке 182, 195, 201, 204, 209, 221;
 - в Палестине 276;
 - в Турции 76-77;
 - на Украине 46, 47, 48, 53;
 - в США 433
- возобновляемая энергия 43
- «Вывод Рузвельта» 170, 171
- Второй мир, страны Второго мира 5-6;
 - как принадлежащие и к Первому, и к Третьему миру 24;
 - демократия 25; зарождающиеся рынки 25-26;
 - изначальный 4, 30;
 - мыслить как 21-26;
 - как государства переходного периода 4, 22-23;

- применение термина 4;
- как зона потенциала 23;
- См. также отдельные страны
- «воры в законе» 114
- вуаль 77, 91, 283
- Венесуэла 168, 179, 186-198, 425;
 - революция Боливара 190, 192, 193, 196;
 - сравнение с Бразилией 207, 211;
 - сравнение с Чили 221, 222;
 - отношения с Китаем 15, 195, 196;
 - сравнение с Колумбией 201;
 - отношения с Колумбией 203, 204;
 - отношения с Кубой 186;
 - долги 172, 189;
 - «Европейская карта» 195, 196;
 - нефть 168, 188-192; 195, 196, 197, 204-205, 215;
 - американские затраты на Венесуэлу 195;
 - отношения с США 192, 195, 196, 207, 225
- Венеция 8, 79
- Версальский договор 392
- Вена, османская осада 68, 69
- Вьетнам 344, 362, 383, 386-389;
 - отношения с Китаем 337, 363, 386-388, 395;
 - отношения с США 384, 388
- Вьетнамская война 384
- Вике-Фрейберга, Вайра 52
- Владимир, князь 79
- Владивосток 110, 111
- Ваххаб, Мохаммед ибн аль 315
- Ваханский коридор 116, 155
- Война на Тихом океане 223, 399
- Война Тройного альянса(1864-1870) 220
- Войны : причины 22; ЕС и войны 31; образец 17-18
- Вашингтона хартия 105
- Вашингтонский консенсус 176, 196, 206, 217, 222
- Wasta (Личные контакты) 268
- Вода 128, 190, 255, 269, 281, 282, 313, 360, 380, 408, 431, 446
- Вебер, Макс 342
- Вендт, Александр 22
- Вильсон, Вудро 171, 233, 271
- Ветроэлектростанции 408
- Всемирный банк 88, 138, 229

World Restored (Kissinger) 447
Всемирная торговая организация (ВТО) 19, 210, 253, 328, 330, 403
Вторая мировая война 8, 31, 55, 57, 104, 188, 426, 430, 440; арабский мир и 231, 310; в Азии 302, 350, 352, 378, 384, 390; и Латинская Америка 171, 210, 216
Венгрия, 30, 32, 62, 152
ВИЧ\СПИД, 113, 360, 383
Внутренняя Монголия, 111
военная сила, 10, 11, 36-37, 447
война в Корее, 386

Г

«Голубой поток», газопровод 72
Гражданская война в США 103, 384
G-20, коалиция 210
Габала, радиолокационная станция 95
Гачечиладзе, Реваз (Gachechiladze, Revaz) 85
Галеано, Эдуардо 168, 192
Газа, сектор 256, 273, 277
Газа, город 277
«Газпром» 39, 40, 49, 86, 126, 151, 152
The Geographical Pivot of History (Mackinder), 103
Геополитика 3, 4, 11, 16-19, 21, 23, 399;
арабы и геополитика 256, 257, 269-270, 279;
Китай и геополитика 251-252;
определение 3, 16-17;
экономическая взаимозависимость и геополитика 20;
против глобализации 17-21;
ислам и геополитика 233;
геополитический рынок 11-16
Геополитика, введение термина 16
Грузия 80, 82, 83, 86-89
Германия 29, 39, 59, 70, 298, 302, 348, 351, 392, 402;
силы обороны 154;
от ношения с Францией 12, 43;
мусульмане 34;
нацисты 16;
объединение 83;
сравнение с США 431-432
Гласность 60, 119, 122, 149
Глобализация 3-7, 13, 186, 208, 323, 441, 442, 446;
глобализация и арабский мир 230, 231, 269-270, 316, 320-321, 325, 326, 327;

- Балканы и глобализация 57;
смешанный мир 19;
Центральная Азия и глобализация 101;
в Китае 4, 252-253, 337, 394-395, 401-404, 440;
фактор расстояния теряет значение 167;
определение 3-4;
Восточная Азия и глобализация 342-343, 345, 349, 354, 355-356, 386-387;
экономическая взаимозависимость и глобализация 20;
против геополитики 17-21;
в Латинской Америке 167, 168, 177, 181-182, 184, 205-206, 212, 217;
трубопроводы и 125;
Турция и 70-71;
Украина и 44;
США и 21, 435, 436, 439
- Глобальное потепление 110
- Гоби, пустыня 111
- Горбачев, Михаил 113, 293
- Грачев, Иван 40
- Греция 20, 57, 67, 71, 101
- Греция древняя 20, 244, 285, 307
- Гренада 185
- Грозный 86,
- ГУАМ 80
- Гуаньчжоу 405, 413
- Гватемала 186
- Гвадар 117, 160, 312
- «Государство» (Платон) 22
- Государственный департамент, США 105, 147, 392, 423
- Государственный совет по восстановлению закона и порядка 381
- Государственная нефтяная компания Азербайджанской Республики 94
- Государственный нефтяной фонд 94
- Государственный совет мира и развития 381
- Государства, психология 22
- «гармоничный мир», 396, 397, 401
- «Герой» (фильм), 415
- Gachechiladze, Revaz, “The New Georgia: Space, Society, Politics”, 85 (сноска)
- Гаага, 60, 62
- Гавел, Вацлав, 433
- газ природный, 78, 117, 140, 148, 180, 231, 351;
 болливийский, 205, 219;
 в Северной Африке, 43, 243, 248, 251-252;
 газопроводы, 104 (сноска), 126, 148, 151, 236, 248, 251-252, 359;

- индонезийский, 408;
- иранский, 304, 305;
- казахстанский, 101, 126;
- китайский, 408;
- малазийский, 365, 408;
- российский, 39-43, 49, 52, 72, 78, 86, 126, 151;
- туркменский, 101, 104
(сноска), 150-151
- Гаити, 187
- Галле, Луи, 172
- Гамильтон, А.М., 300
- Гамильтон, Александр, 169
- Гамильтона, дорога, 300
- гегемония, 167-169;
 - американская, 167, 169, 171, 188, 194, 339, 342;
 - китайская, 123, 125, 336, 396, 421
- Герат, 138, 155
- германо-советский пакт (1939 г.), 44
- героин, 199, 308
- Герцеговина, 65
- гидроэлектростанции, 138, 220, 255, 281, 383, 406
- Гималаи, 100, 158
- Гиндукуш, 100, 102, 154, 156
- Гитлер, 106
- Гюббс, Томас, 419-420
- Гонконг, 322, 331, 343, 345, 391, 411-413, 422;
 - отношения с Китаем, 337, 340, 402, 409
- Гумбольдт, Александр фон, 188
- гунны, 102

Д

- Дарендорф, Ральф 30
- Далай-Лама 123
- Дальний Восток 89, 441;
 - отношения с Дар аль-ислам 233;
 - российский Дальний Восток 108-113, 336, 379;
 - применение термина 229
- Дамаск 230, 240, 271, 273, 289, 290, 307
- «Дар аль-ислам» (дом ислама) 233
- «Дар аль-харб» (дом войны) 233
- Дарданеллы 68, 72

- Дарфур 246, 252
Дарьенский залив 203
Дарвин, Чарльз 419, 420
Дейтонские соглашения 59
Де Голль, Шарль 13-14
Деколонизация 9
Демократия 9, 25, 101-102, 209, 269;
 дефицит в арабском мире 72;
 на Балканах 56, 57;
 на Кавказе 83, 84-85, 91, 94-96;
 в Центральной Азии 115, 132, 133, 136, 137, 147, 149, 161;
 в Восточной Азии 338, 343, 344, 346, 347, 348, 355, 360, 368, 376, 386;
 в Египте 264, 265, 266, 267;
 Европейская стратегия 81;
 в Иране 302, 307;
 в Латинской Америке 173, 180, 192;
 в Машрике 273, 285;
 в Северной Африке 240-241, 245-246;
 в России 41, 42, 43;
 в Турции 69, 73, 76-77, 78;
 на Украине 46, 51;
 США как демократия 419, 433;
 американское продвижение демократии 52, 147, 420-421, 422.
 См. также «выборы»
«Демократические идеалы и реальность» (Макиндер) 162
Джейхан 87, 89, 125, 126, 299
«Дженерал моторс» 402
Доклад об арабском гуманитарном развитии 284
Дэн Сяопин 120, 136, 357, 393, 403, 415
Де Сото, Эрнандо 191
Детройт 436
Диаспора 61, 89, 201, 249, 274-275, 298, 355, 368;
 Арабская 236-237, 239;
 азербайджанская 93, 94;
 китайская 337, 367, 368, 385, 389, 392, 394-395;
 ливанская 25, 289, 324-325;
 мексиканская 26, 183;
 палестинская 272, 273, 277, 283, 286;
 турецкая 69, 74, 238
Дипломатия 10, 86, 209-210, 340;
 китайская 106-107, 128, 129, 380, 388;
 иранская 304, 305;

- российская 38-40, 49;
стили 13-14;
турецкая 70, 71;
американская 105, 125, 169-170, 175-176, 397, 423, 425
- Джибути 237
- Джинджич, Зоран 59
- «Джирга мира» 157
- Доха 314
- Доминирование 15, 198, 219, 266, 336, 341, 368
- Дубай 231, 240, 322-328, 330, 331
- Даллес, Джон Фостер 172
- Дюрана линия 156
- Дзержинский, Феликс 54
- Добрососедства политика 171
- Договор о нераспространении ядерного оружия 305-306
- Дороги 66-67, 109, 295-296, 321-322;
в Центральной Азии 117, 119, 122, 135-139, 158, 159;
в Колумбии 199-200, 201;
в Грузии 83;
Каракорумское шоссе 117, 158, 160;
качество 5;
ТЕМ автострада 69;
в Турции 69, 75-76
- Договор о дружбе и сотрудничестве 353
- Договор о братстве и сотрудничестве 289
- «Джамаат Исламия», 374
- «Джебель Али», зона свободной торговли, 322
- «Джихад констракшн», 288
- Дауд-хан, Мохаммед, 155
- Демократическая партия Курдистана, 298
- Джакарта, 370, 371, 373, 375, 377
- Джамахирия («государство масс»), 245
- Джефферсон, Томас, 169
- Джидда, 321
- джихадисты, 233, 237, 374, 375
- долина реки Иордан, 281

E

- «Еврабия» 236
- Евразия 98, 101, 103, 108, 162, 168, 232
- Евро 65, 88, 236, 311, 341, 427

- Евро-Азиатский трансконтинентальный мост 117
- Европа 68, 90, 105, 108, 127, 139, 152, 188, 276, 340, 406, 426, 431;
 приток капитала 178;
 контрабанда наркотиков 154;
 связь с Северной Африкой 235-244, 247;
 приток нефти 125;
 репарации колониям 246-247;
 роль Турции 69, 70, 77-78;
 узбекские беженцы 149
- Европейский банк реконструкции и развития 43
- Европейское объединение угля и стали 269
- Европейский союз 70
- Европейское оборонное агентство 37
- Европейская политика соседства 132
- «Европейский раджа» 63
- Европейский союз (ЕС) 5, 6021, 29-37, 39, 220, 236, 290-291, 420-421;
 отношения с Африкой 251, 252;
 Балканы и ЕС 33, 56-67, 237;
 «Барселонский процесс» 237;
 смешение 20;
 отношения с Кавказом 81, 82, 83, 85-89, 96, 237, 290-291;
 отношения с Центральной Азией 103-105, 115, 125, 131-132, 137-138, 150,
162, 163;
 как христианский клуб 118;
 как цивилизация против империи 9;
 Европейская комиссия 30, 31, 74-75, 424;
 консенсус 13-14, 423-424;
 Копенгагенский критерий 81;
 отношения с Восточной Азией 340-341, 382;
 экономическая взаимозависимость 19-20;
 экспансия 9, 11-13, 29-33, 50-54, 81, 90, 97-98;
 блок G-20 210;
 идентичность 34; отношения с Казахстаном 125, 131-132;
 отношения с Латинской Америкой 203-204, 205, 223;
 создание государств-членов 59-60;
 национальные языки 30-31;
 ближнее зарубежье 82;
 отношения с Северной Африкой 236, 237-238, 240-241, 242-243;
 подъем 11-12;
 как сверхдержава 6-7, 10, 11-12, 21, 22, 24, 32-33, 56, 77-78, 97, 104, 233-
234, 419, 425, 439-445;
 отношения вс Украиной 50-51;

- сравнение с США 437, 438;
отношения с США 32-33, 35-37, 101, 296
«Евросфера» 236
Египет, египтяне 25, 71, 245, 254-270, 272, 277, 289;
отношения с Ираком 294;
как рабочая сила 242-243, 256, 260;
в Ливии 248;
Мусульманское братство 262, 264, 283;
нефть и газ 260;
высланные радикалы 315;
объединение с Сирией 268-270;
ОТНОШЕНИЯ С США 256-260, 266, 267
Elvjs e Merilijn 62, 66
Ео, Джордж 346
евреи, 113, 144, 273, 274, 275, 369
Европейская политика добрососедства, 33

Ж

- Железные дороги 103, 297, 352, 87, 295;
в Китае 117, 119-120, 401-402
Женщины 285, 366;
арабские 318, 325;
в Азербайджане 91;
китайский импорт 337;
в Синьцзяне 120
Жвания, Зураб 84
«жители приграничной полосы», 424
железная дорога в Хиджаз, 290
железная руда, 174, 211, 353

З

- Залив свиней, вторжение 172
«Закат Европы» (Шпенглер) 17
«Здравый смысл» (Т. Пейн) 434
«Зеленая книга» (Кадафи) 246, 249, 250
золото 86, 111, 117, 140, 169, 307, 326
Закаспийская железная дорога 104
Западная Африка 236, 237
Западная Азия, термин 229
Западный берег 273, 277, 279

- Запад-Восток, трубопровод 127
Западная Европа 32, 46, 53, 56, 57, 79
Западное полушарие 168, 203;
 присутствие Китая 173;
 демографическое и культурное смещение 184-185, 236;
 испанский контроль 168-169;
 гегемония США 167, 225
 См. также отдельные страны
Зарка 282
Заркави, Абу Мусаб аль 282
Завахири, Айман аль 267
Зимбабве 15, 253
Зинни, Энтони 146
Zonghe guoli (многосторонняя национальная сила) 398
здравоохранение в США, 429
Зураб Ногаидели, 89

И

- игры теория, геополитика против глобализации 19
Исламское движение Восточного Туркестана 121
Империи, империализм 8-26, 420-421, 426, 438-448;
 сравниваемые с ним цивилизации 9;
 глобализация как новое обозначение империализма 13;
 империализм и Латинская Америка 168, 171, 175-176, 177;
 «иллюзия бессмертия» и империализм 10;
 империализм и порядок 9;
 вышедшее из моды использование термина 8.
 См. также Китай; Европейский союз; США
Испания 32, 56, 205, 245, 302, 426;
 сельское хозяйство 50, 238-239;
 в Новом свете 168-172, 188;
 в Северной Африке 235, 237-238;
 отношения с США 170-171, 195-196, 338;
 отношения с Венесуэлой 194-196
Инин 103, 121
«ислам хадхари» (цивилизационный ислам), 366
ибн Батутт, Абу Абдалла Мухаммед, 325
ибн Сауд, 271
ибн-Халдун, 239 (сноска), 240
Ибрагим, Анвар, 367
идентичность: арабизм\исламизм, 233-234;

- европейская, 34;
- ливийская, 244.
- См. также *национальная идентичность*
- Идрис, король Ливии, 245
- Иерусалим, 273, 274, 275, 276
- Израиль, 268, 273-284;
 - вторжение в Ливан, 287, 288;
 - нефть, 89 (сноска);
 - отношения с Египтом, 255, 256, 260;
 - отношения с Китаем, 275;
 - отношения с курдами, 298;
 - отношения с США, 275, 288, 303;
 - отношения с Турцией, 70-71
- Илларионов, Андрей, 41
- иммигранты: африканские, 236 (сноска);
 - мексиканские, 184, 185
- инвестиции, 20, 24, 29, 32 (сноска);
 - в Абу-Даби, 323;
 - в Азербайджане, 96;
 - в Африке, 243;
 - в Китае, 251, 290, 406, 412, 413;
 - в Восточной Азии, 345, 350, 354, 366, 374;
 - в Египте, 260;
 - в Индии, 358;
 - в Латинской Америке, 177, 182, 207, 208, 217;
 - в странах Машрика, 283-284, 290, 312, 314, 327, 328;
 - в Океании, 389-390;
 - в Центральной Азии, 131, 145, 151;
 - на Украине, 46
- Инд, 157, 219
- Индийский океан, 229, 230, 357
- Индия, 22, 151, 346, 357-361, 370, 373, 442;
 - Британская, 103, 157, 353, 358, 359, 360;
 - и Восточная Азия, 158 (сноска);
 - и Центральная Азия, 104;
 - династия Моголов, 103, 232;
 - в сравнении с Китаем, 405, 406, 413;
 - конфликт с Пакистаном, 158;
 - отношения с Китаем, 15, 336, 380; G-20, 210;
 - рабочая сила из Персидского залива, 329;
 - религиозное наследие, 373; отношения с США, 158, 370;
 - ядерное оружие, 15

- Индокитай, 340, 362, 380, 383, 384
- Индонезия, 25, 196, 218, 233, 370-379, 384, 388, 389;
мусульмане в: 374-375, 376;
отношения с ЕС, 379;
отношения с Китаем, 377-379, 389;
отношения с Малайзией, 339, 362;
отношения с США, 339, 378;
политическая нестабильность, 161, 348, 371-372
- индуизм, 373
- интернет, 144, 213, 221, 231, 326, 360, 399 (сноска), 417, 430
- Иордания, 240, 255, 260, 262, 278-284, 314;
высылка радикалов, 316;
отношения с Египтом, 259-260, 262, 269;
отношения с Ираком, 269, 300;
отношения с США, 279;
палестинцы в, 272-273, 274, 277, 278
- ИРА (Ирландская республиканская армия), 246
- Ирак, 64, 69, 262, 271, 293, 296;
вторжение в Кувейт, 268, 293, 310;
выборы, 23;
гражданская война, 280, 300;
отношения с Иорданией, 269, 278-279, 280;
отношения с Ираном, 294-295, 304;
отношения с Саудовской Аравией, 316;
отношения с США, 31, 36, 230-231, 233, 292-293, 296, 311, 422-423;
сунниты, 278, 294;
программа ООН «Нефть в обмен на продовольствие», 293;
Хусейн, 268, 279, 292-293
- иракская война, 31, 36, 72, 230-231, 233, 292-293, 296, 311, 422-423
- Иран, 69, 70, 71, 229, 255, 267, 292, 294, 301-308, 323, 357, 432;
газопроводы, 104 (сноска);
глобализация, 26;
иранская нефть, 78, 304, 357;
иранская революция, 267, 302, 303;
курды в, 296, 299, 300;
миссионеры из, 104 (сноска);
отношения с Азербайджаном, 89, 91, 95;
отношения с Венесуэлой, 193;
отношения с Египтом, 267;
отношения с ЕС, 291;
отношения с Ираком, 294-295, 304;
отношения с Китаем, 15, 155, 160, 275, 305, 312;

- отношения с Ливаном, 288;
- отношения с Пакистаном, 159, 306;
- отношения с Палестиной, 278, 304;
- отношения с Саудовской Аравией, 310;
- отношения с Сирией, 290;
- отношения с США, 294-295;
- отношения с Турцией, 70, 71, 76, 78;
- отношения со странами Средней Азии, 104 (сноска), 108, 125, 127, 138, 152;
- природный газ, 104 (сноска), 305;
- сравнение с Венесуэлой, 196;
- ядерная программа, 305-306, 439 (сноска)
- ирано-иракская война (1980-е), 302, 307
- Ирландия, 32
- ирригация, 238, 281, 324
- ислам, мусульмане, 15, 29, 232-234;
 - в Боснии, 59;
 - в Египте, 262-264;
 - в ЕС, 34, 232, 319;
 - в Индонезии, 375-376;
 - в Иране, 304;
 - в Китае, 120, 121, 395;
 - в Малайзии, 365-366, 374;
 - в Машрике, 272, 274;
 - в Саудовской Аравии, 315-320;
 - в Синьцзяне, 120;
 - в Таиланде, 374;
 - в Турции, 69, 76, 77, 161;
 - в Центральной Азии, 91, 134, 137, 142, 143-144;
 - на Кавказе, 88, 91, 102;
 - отсутствие единства, 232-233;
 - отношении я с палестинцами, 277-278;
 - распространение, 232, 244, 366;
 - см. также *шииты*, *сунниты*
- Исламабад, 158, 159, 160, 161
- исламизм, 230-234, 272, 375;
 - в Азербайджане, 88;
 - в Египте, 262-266;
 - в Пакистане, 153;
 - в Саудовской Аравии, 316, 320;
 - в Северной Африке, 241-242, 243;
 - в Турции, 77, 88;

в Узбекистане, 143-145, 149;
поддержка в Иране, 303
Исламский фронт спасения, 241
исламский халифат, 15
Исламское движение Узбекистана, 144
историческая память и национальная идентичность, 22
Италия, 66, 101, 188, 212, 235, 248

Й

Йемен 229, 237

К

Каддафи, Муамар 245-251
Каир 231, 258-263, 268, 291
Кальдерон, Фелипе 182-183
Калифорния 89, 185
Камбоджа 362, 363, 373, 380;
туризм 249
Камю, Альбер 235-236
Канада 169, 177;
отношения с Китаем 174;
отношения с Кубой 186-187;
нефть 168, 174
Канарские острова 236
Кана 288
Катар 272, 309, 310, 314, 315, 325;
отношения с США 309
Капитализм 23, 36-37, 45, 286, 344, 346, 434;
в Китае 286, 392, 400, 406, 411, 414, 416;
в Дубае 322-326;
в Латинской Америке 168, 173;
в России 41, 45
Каракас 188-194, 201
Кардозо, Фернандо Энрике 173, 208
Карибский бассейн 186, 194
Карр, Эдвард Харлет 421
Кэрролл, Льюис 16
Картахена-да-Индиас 197
Картер, Джимми 303, 311
Карфаген 235, 240
Касабланка 239

- Каспийское море 38, 81, 87, 88, 90, 105, 108, 117, 152, 229, 301, 442;
 предполагаемый канал 126;
 милитаризация 88;
 наблюдение НАТО 95-96;
 нефть 30, 78, 81-82, 89, 91, 92, 96, 124, 126, 129, 304-305
- Кастро, Фидель 172, 193
- Католики, католичество 45, 50, 168, 169
- Кавказ 30, 35, 53-54, 81-98, 152, 301, 309;
 трубопровод Баку-Тбилиси-Джейхан 87-88, 89, 125;
 сравнение со Средней Азией 141;
 отношения с ЕС 81, 82, 83, 85-90, 96, 237-238, 290-291;
 фаза «собрания земель» 85;
 отношения с Турцией 70, 78
- Китай 5, 7-21, 35, 38, 39, 87, 188, 215, 335-426, 437-446;
 отношения с Центральной Азией 100-113, 115-123, 125-129, 135-139, 145-149, 154-155, 158-159, 163;
 как цивилизация против империи 9;
 гражданская война 392, 411;
 консультативный стиль 13, 14, 423-424;
 умение справляться с противоречиями 337-338;
 сфера совместного процветания 362-379;
 Культурная революция 120, 335, 392;
 кампания «разовьем Запад» 120;
 сравнение с ЕС 336, 391, 402-403, 404, 407, 438;
 отношения с ЕС 400-401, 412;
 экспансия 9, 13, 109-113, 116-123, 127-128;
 отношения с коалицией G-20 210;
 газопровод в Китай 148, 152;
 дары и дань 336;
 «Большая игра» 108, 116, 121-122, 162;
 «Большие скачки вперед» 401;
 неравенство доходов 74, 405-406;
 отношения с Латинской Америкой 174-175, 186-187, 205-207, 218, 222;
 рост среднего класса 403;
 армия 111, 118, 119, 397-398;
- династия Минь 106, 394, 410;
 ядерное оружие 131, 308;
 нефтяные компании 126-127, 248;
 эра «Открытых дверей» 127, 392;
 «мирный подъем» 338, 396;
 загрязнение 407-408;
 династия Цинь 110, 120;

- подъем 12, 14-15, 400-403;
отношения с Юго-Западной Азией 229;
как сверхдержава 6, 10-12, 21, 23, 24, 104, 251-252, 392-401, 419, 424, 438-445;
- династия Тан 136, 391;
торговля 117, 122, 136, 137-139, 145, 173-174, 211, 251-252, 385, 399-404;
две системы 414-418;
сравнение с США 116, 117, 118, 336, 337, 391, 397, 401, 404, 407, 431, 432, 438-439;
- отношения с США 112, 347, 391-404, 412, 426, 441-442.
См. также Тибет; Синьцзян.
- Качество жизни 428, 433
- Китайская академия общественных наук 395-396
- Китайская государственная корпорация по добыче нефти на шельфе (CNOOC) 407
- Китайская национальная нефтяная компания (CNPC) 127, 128
- Клинтон, администрация 125
- Кокаин 199
- Кока, производство 198, 199, 202
- Коэн, Сол 230
- Колумбия 168, 169, 197-206;
- торговля наркотиками 183, 198-204;
 ФАРК 199, 200, 202, 203, 214, 220;
 СРАВНЕНИЕ С Ливией 250;
 военизированные отряды 200, 202;
 приватизация 199-200;
 отношения с США 198, 199, 203-204, 220, 225
- Колумб, Христофор 168, 176, 394
- Коммунистическая партия («Туде») 302
- Коммунистическая партия Китая 392, 393, 409, 411, 414-417
- Коммунистическая партия Индонезии 377
- Конт, Огюст 342
- «Конец истории» (Фукуяма) 17
- «Концерт наций» 442
- Конфуцианство 342, 349, 415
- Конфуция институт 394
- Конгресс США 159, 185, 434
- Константинополь 67, 68
- Купер, Роберт 34
- Коррупция 6, 36, 375, 416-417;
- на Кавказе 81, 83, 84-85, 93, 95;
 в Центральной Азии 130, 135, 137, 138, 148;

- в Латинской Америке 175, 180, 209, 218, 223;
- в США 433-434
- Кортес, Эрнан 169
- Крым 50, 51, 78, 79
- Крымская война 79, 103
- Куба: отношения с Китаем 15, 186;
 - отношения с США 170, 172, 186;
 - отношения с Венесуэлой 186, 193, 194
- Куритиба 215
- Кипр 30, 57, 71, 76, 229, 274
- Кирена (Шаххат) 245
- Кутб, Саид 262
- Красная пыль» (Ма Чжиань) 405
- Красное море 89, 252, 256, 261, 274
- Контрабанда 79, 83, 85, 153, 156, 157, 280;
 - на Кавказе 83, 85, 87, 93, 94;
 - наркотиков 94, 154, 184, 187;
 - в Хайберском проходе 156
- Комиссия по выяснению истины 241
- «Катрина», ураган, 431
- Кабул, 90, 120, 154, 155
- Казань, 87, 121
- Казахстан, 87, 100, 105, 115, 117, 124-133, 134, 135, 163, 182, 304, 370, 425;
 - в сравнении с Венесуэлой, 190;
 - в сравнении с Ливией, 250; в сравнении с Туркменистаном, 151, 152;
 - в сравнении с Узбекистаном, 140-141, 149;
 - железнодорожный и газопроводный коридор, 117;
 - ислам, 143;
 - нефть, 24, 49, 101, 124-128, 131, 190;
 - подчинение советской власти, 105, 115, 130;
 - отношения с США, 115, 126, 128, 131;
 - Центральный банк, 113, 131;
 - ядерное оружие, 131
- Казахстанский институт менеджмента, экономики и прогнозирования (КИМЭП), 131
- Калимантан, 379
- Калининград, 55
- Караджич, Радован, 64
- Каракалпакия, 149
- Каракорумское шоссе, 100, 117, 158, 160
- Карасу, 145
- Карачи, 161
- Карзай, Хамид, 153, 154

- Каримов, Ислам, 141-150
Карши-Ханабад («К2»), военная база, 140, 146
Касас, Бартоломео де лас, 169
Кашаганское месторождение, 125
Кашгар, 102, 103, 121, 122
Кашмир, 158, 161
КГБ, 39, 54, 111
Кейган, Роберт, 35
Кейнс, Джон Мейнард, 10, 344
Кеннан, Джордж, 9, 41, 423
Кеннеди, Джон, 59, 172
Киев, 29, 44-47, 53, 79
Килкуллен, Дэвид, 423
Кинг, Руфус, 169
Киотский протокол, 427
Киргизия, 100, 115, 122, 134-138, 142, 145;
 отношения с Китаем, 111, 117-118;
 отношения с США, 117;
 сборка автомобилей, 163;
 узбекские беженцы, 119
Кирибати, 390
Киркук, 297, 299
Киршнер, Нестор, 218
Киссинджер, Генри, 108 (сноска), 112, 221, 234, 278, 420, 447 (сноска)
Киш, остров, 323
Конья, 77, 78
корейцы, 110, 112
Корея, 223, 343, 344 (сноска), 351, 352;
 в сравнении с Китаем, 401;
 отношения с Китаем, 350-351
Косово, косовары, 42, 61, 66, 97, 276
Кра Истмус, канал, 385
Краков, 45
Куала-Лумпур, 338, 341, 343, 363-369, 378
Кувейт, 272, 277;
 вторжение Ирака, 268, 292-293, 310, 324;
 отношения с Саудовской Аравией, 308; отношения с США, 310
Кундера, Милан, 30
Кунджерабский перевал, 158
Курдская рабочая партия (КРП), 76, 300
курды, Курдистан, 281;
 Ирак, 296, 297-300;

Турция, 71, 72, 76, 97, 297-300
Кучма, Леонид, 46, 47, 50
кушанские кочевники-буддисты, 102

Л

Лига арабских государств 256, 269
Лес 86, 109, 211, 371, 380, 386, 390
«Лал Масджид» (Красная мечеть), 158, 160
«Локхид Мартин», 37
Лагос, Риккардо, 222
Лаос, 363, 380, 383, 385
Латвия, 26, 30 (сноска), 52
Латинская Америка, 11 (сноска), 20, 180, 181, 185, 167-225;
 в сравнении с Грузией, 83;
 выводы, 225;
 демократия, 172-178, 192, 202, 204, 221, 224;
 неравенство доходов, 196, 405;
 низкий уровень развития, 24, 178-179;
новые правила игры, 167-180;
 отношения с Китаем, 173-174, 175, 186, 195, 196, 206, 211, 219, 220;
 отношения с США, 167-180, 171-174, 176-178, 184, 193-194, 225, 441;
 насилие, 178;
 политика, 179, 199-200, 218-219, 225;
 природные ресурсы, 167, 168, 175, 180, 182, 186, 188-191, 194, 195, 204,
214-215, 223-224;
 торговля, 173, 174-175, 176, 193, 203, 205, 208, 210, 222, 223, 225;
 «холодная война», 171-172, 210, 221
Левант, 271, 284, 285, 287
легитимность, и эффективность, 12
Ленин, 41, 45, 49, 54, 113, 136, 189
Лептис-Магна, 244
Ли Чжаосинь, 411
Ли, Брюс, 65
Ли, Куань Ю, 353, 365, 376
Ливан, ливанцы, 26, 71, 212, 220 (сноска), 242, 273, 274, 280, 284-292, 295, 304, 324;
 вторжение Израиля, 274, 285-286, 287;
 гражданская война, 285-287, 324;
 как рабочая сила, 242;
 отношения с Ираком, 295;
 палестинцы, 274, 286
Ливия, 24, 25, 71, 159 (сноска), 237, 242, 244-253, 260, 268, 370, 425

Лига Наций, 421 (сноска), 440, 442
Лиддел Гарт, Бэзил Генри, 22, 103
Линкольн, Авраам, 384
Литва, 26, 30 (сноска), 53-54
Лодж-мл., Генри Кэбот, 95
Лондон, 8, 29, 43, 98, 298, 311, 318, 319, 324, 336, 343, 410, 422; террористические атаки, 237, 294
Лондонская фондовая биржа, 130
Лопес Мэрфи, Рикардо, 218
Лос-Анджелес, 183, 307, 410, 430
Лоуренс Аравийский, 289, 325
Лукашенко, Александр, 54
Луксор (в древности Фивы), 255, 261
Лхаса, 118, 119
Лютвак, Эдвард, 231

М

Ма Чжиань, 405
Мавритания, 236
Магриб, см. *Северная Африка*
Мадрид, террористические атаки, 237
Маина аль-, Халед, 319
Майями, Флорида, 185, 208
Макао, 413
Македония, 58, 66, 67
Макиавелли, Николо, 438
Макиндер, Хэлфорд, 16, 29;
 Центральная Азия, с его точки зрения, 103-104, 110, 123, 162, 338, 339
Маккинли, Уильям, 170, 174
Малайзия,
Малайя, 345
Малакка, Малаккский пролив, 127, 160, 305, 340, 358, 359, 363, 365, 378, 381, 394, 395, 442
Мальга, 30 (сноска), 236 (сноска)
Манас, 137
Мандалай, 381, 382
Мандаринский диалект, 118, 122
Мандела, Нельсон, 246
Манцикерт, битва при, 68 (сноска)
Мао Цзэдун, 111, 120, 122, 392, 398, 411
маоизм, 15, 349, 414
Мараканда, 102

- Марзуки, Монсеф, 266
Маркс, Карл, 92, 141, 202, 342, 389, 415
марксизм-ленинизм, 15, 344, 349, 362, 392, 411
Марокко, 71, 231, 232, 236-241, 243-244, 265, 283, 284, 313
Маслоу, Абрахам, 22
Махабадская республика, 296
Махатхир Мухаммад, 365, 366, 368, 369, 376
Махбубани, Кишор, 340
Махфуз, Нагиб, 317
Мегавати Сукарнопутри, 376
Медведев, Дмитрий, 40
Медельин, 200
медресе, 102, 142, 144, 157, 158, 159, 161
Международная морская организация, 378
Международная финансовая корпорация, 88
Международное энергетическое агентство, 446
Международный валютный фонд (МВФ), 344;
 и Аргентина, 217, 218, 219
Международный уголовный суд, 427
Мекка, 238, 289, 290, 318, 325, 374, 395
Меконг, 337, 383
Мексика, 24, 25, 26, 168-169, 173, 179, 211, 218, 221, 261;
 долги, 8, 173;
 индустриализация, 172, 182;
 миграция в США, 182, 184, 185;
 НАФТА, 181-182, 184;
 отношения с США, 8, 75, 117 (сноска), 169, 170, 172, 177-178, 182-187,
384;
 проект «Пуэбла-Панама», 185
Мексиканский залив, нефть, 168
Меланезия, 373, 390
Менем, Карлос, 198
Мерв, 150, 152
меркантилизм, 6, 257, 345, 396
Месопотамия, 229, 272, 281, 289, 292-293, 301;
 термин, 271
Мехико, 170, 182
Мечети, 65, 69, 77, 78, 86, 90, 91, 92, 120, 244, 258, 274, 295, 318, 328, 364, 374;
 в Казахстане, 143;
 разрушение, 120, 143
Медь 86, 222-223
Межамериканское соглашение о свободной торговле 173

- Мертвое море 280, 281
Мир 21, 88-89, 171, 252;
 глобализация и мир 19;
 «мир на основании закона» против «мира на основании империи» 442;
 в турецкой дипломатии 70-71
«мирный подъем» 338, 396
Милошевич, Слободан, 54, 59-60, 62
Мирафлорес, 203
Мир-и-Араб, медресе, 142
Младич, Ратко, 64
Многостороннее соглашение по текстилю, 261
моджахеды, 157, 233
Молдавия, 54, 80
Монголия, монголы, 34, 38, 79, 83, 100, 101, 102-103, 110, 111, 123, 128;
 ислам, 232
Монро, доктрина, 170, 171, 188, 225, 340
Моралес, Эво, 204-205
Моргентау, Ганс, 419, 446-447
морская пехота США, 237
морская держава 103
Министерство финансов США 218
«макиладорас» (сборочно-конвейерные предприятия), 182, 204
«Меркосур», 219
«Моссад», 302
«Муменин» («Правоверный»), 264
«Мусульманское братство», 262, 264, 265, 272, 283, 290
«Мухаммадия», 376
«Мухбарат», 283
Мосаддык, Мохаммед, 302
Москва, 39, 40, 44, 46, 53, 55, 98, 129, 135, 336
Мостар, 57, 65
Мосул, 292
Мохаммед VI, Король Марокко, 240-241
Мохаммед, Реза Пехлеви, шах Ирана, 302
Мохаммед, шейх, 327
Муавад, Рене, 285
Муази, Доминик, 35
Мубарак, Гамаль, 266
Мубарак, Хосни, 256, 263-266
Мугабе, Роберт, 253
музыка, 142, 245
Мумбай (бывший Бомбей), 359, 431

мусивара (консультативная дипломатия), 340
Мустафа Решид-Паша, 75
Мушарраф, Первез, 153-154, 159, 160, 192
Мьянма, см. Бирма
Мэдисон, Джеймс, 434
Мэхэн, Альфред Тайер, 17, 170

Н

«Нужна ли Америке внешняя политика?» (Киссинджер) 108
наркокартели 199
наркотики 138, 139, 142, 193, 205, 302, 307, 329, 381;
 контрабанда 94-95, 154, 184, 186. 299;
 использование 121, 183, 199, 202;
 войны с наркотиками 198, 204
Народно-освободительная армия Китая 119
неамериканский мир 7, 419-448;
 имперское равновесие 438-448;
 гонка наверх 419-425;
 движение из первого мира во второй 426-438
нефть 39, 86, 126, 160, 175, 182, 194, 243, 269, 279, 302, 313, 324, 331, 373, 384, 425, 446;
 трубопровод БТД 87, 88, 89;
 запасы 194-195, 315-316;
 «супертанкеры» 241
Норвегия 215;
 сравнение с Ливией 247;
 нефтяная модель 73, 94, 190
Нуэво-Ларедо 183
Нусенбаум, Лев 90
«Нар аль-Баред», лагерь, 286
«Нахдат уль-улама», 376
«Новый международный экономический порядок», 173
«Нью-Йорк таймс», 36, 186
Нагорный Карабах, 86
Назарбаев, Нурсултан, 127, 128-133, 141
Наим, Мойзес, 173
Найпол, В.С., 217, 369, 374
Наполеон I, 254
Наполеоновские войны, 18, 442
Нардаран, 91
Насер, Гамаль Абдель, 245, 255, 257

- Насер, озеро, 255
Насралла, Хасан, 288
НАТО, 13, 35, 37, 52, 88, 108, 422-423;
 Азербайджан и, 88-89;
 Афганистан и, 155, 156, 157;
 «Партнерство во имя мира», 115, 126;
 Сербия и, 41, 60;
 сопротивление расширению, 42, 52;
 сравнение с ШОС, 106-107
НАФТА, см. *Североамериканская зона свободной торговли*
национальная идентичность, 22, 26, 34;
 в Белоруссии, 54; в коммунистическом мире, 137-138;
 в Центральной Азии, 113, 137-138, 141, 144;
 палестинская, 274;
 украинская, 47
национализм, 88, 137, 144, 160, 268;
 арабский, 233-234, 245-246, 268, 271, 272;
 китайский, 118, 394-395;
 курдский, 72, 76;
 российский, 39, 43;
 сербский, 56-57, 62
Национально-демократическая партия, 266
национальные государства, 8-9, 14
Национальный совет безопасности, 76
Непал, 100, 122, 123, 249
Нибур, Райнхольд, 435
Нигер, 237, 248
Нигерия, 94, 178, 212, 252
Нидерланды, 169
Никарагуа, 185
Николай I, российский император, 79
Николай II, российский император, 112
Николсон, Гарольд, 422, 447
Никсон, Ричард, 112, 221, 335
Нил, 252, 255, 261
Ниццкий договор, 51
Ницше, Фридрих, 433
Ниязов, Сапармурат, 150-151
Новая Зеландия, 300, 336, 339, 390
Новый Орлеан, 431
НПО (неправительственные организации), 147, 408
Нью-Йорк, 40, 311, 343, 409, 410, 422, 429, 430

О

- Оахаса 183
Обрадор, Андрес Мануэль Лопес 182, 183
образование: в США 428, 437
Общесарабский парламент 270
Оджалан, Абудулла 76
Океания 389
Октябрьская («бульдозерная») революция 2000 г. 60
Олигархи 51, 198; украинские 49; российские 40
Ольмерт, Эхуд 275
Олни, Ричард 176
Олсон, Мансур 114
Оман 309
ОПЕК 189, 312, 313, 315, 384
«Открытых дверей» политика 127, 170, 172, 392
опиум 308, 415
Опиумные войны 392
Оранжевая революция 47-49, 50, 79
Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) 24, 428
Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) 86, 96, 132, 162
Организация американских государств (ОАГ) 176
Организация исламская конференция (ОИК) 232. 366
Организация освобождения Палестины 246
Органски, А. Ф. К. 337
Оруэлл, Джордж 263, 417, 441
Особые промышленные зоны 274
Ош 134, 138
«Отпор» 54, 60
Османская империя 59, 71, 68, 73, 75, 79, 88, 300;
отношения с арабами 268, 271, 272;
сравнение с современным исламом 233-234;
в Египте 256-257;
падение 262;
отношения с Ираком 292, 294;
в Северной Африке 244
Отунбаева, Роза 135
Одесса 79
Организация Договора о коллективной Безопасности (ОДКБ) 107
Опиумная продукция 199
«О духе законов» (Монтескье) 434
Омейядов династия 230
Объединенные Арабские Эмираты 309, 321, 322, 323

- Объединенная Арабская Республика 269
Организация Объединенных Наций 8, 61, 276, 297, 336, 439; Конвенция по гражданским и политическим правам 400;
 программа «нефть в обмен на продовольствие» 293;
 миротворцы 187, 252;
 Совет безопасности 425, 439, 440, 445;
 отношения с Западной Азией 229
«1984» (Оруэлл), 441
«Остров Крым» (В. Аксенов), 51
Ормузский пролив, 305, 322

П

- Пакистан 101, 102, 104, 108, 117, 152-161, 301, 315;
 отношения с Афганистаном 156-157;
 отношения с Китаем 158-159;
 рабочие в Персидском заливе 329-330;
 отношения с Ираном 159, 302, 303;
 ядерное оружие 22, 159;
 как часть Южной Азии 158;
 смертники 153, 161;
 сравнение с Украиной 47;
 отношения с США 155-156, 158, 159, 276;
 сравнение с Венесуэлой 192
Палестинская автономия 278
Палестинцы, Палестина 272-278, 291, 303;
 в Египте 256;
 отношения с ЕС 278;
 в Иордании 273, 277, 278-279, 283;
 в Ливане 274, 285, 286;
 государство 274, 277-278, 288;
 отношения с США 277
Памирские горы 100, 103, 116, 134, 137
Памук, Орхан 75
Панафриканизм 246
Панама 171
Панамский канал 171
Панамериканская автомагистраль 197
«Пан Америкэн» 247
панарабизм 234, 268, 290
Пяндж, река 139
Папуа-Новая Гвинея 372, 373, 389, 390

- Папуа (провинция) 372, 373
Парагвай 220
Париж 29, 59, 61, 217, 233, 237, 289
Парижская мирная конференция 271, 422
Парламентская ассамблея совета Европы 53
Пуштунские племена 157
Паспорта 30, 31, 86, 129, 297, 329, 378
Пастрана, Андрес 202
Патриотический акт 434
Паттен, Крис 413
Рах Americana 21
Рах Eufrorea 35
Рах Mongolica 102
Рах Sinica 336
PDVSA 191
Партия демократического выбора 132
Пекин 11, 121, 148, 350, 353, 385, 386, 391, 401, 402, 403, 404, 410;
 чистота и порядок 408;
 Запретный город 146;
 восстание на площади Тяньаньмэнь 146, 414, 416
Пекинский консенсус 396
Пентагон 13, 75, 137, 147, 199, 425;
 Южное командование (SOUTHCOM) 199
Перл-Харбор 171
Печ 61
Пенанг 363, 364, 369, 385
Перес, Альфонсо Хуан Пабло 189
Перикл 22
Перон, Хуан Доминго 217
Персия, персы 83, 153, 230, 296, 301, 308
Персидский залив 13, 309, 323;
 Китай в Персидском заливе 311-312;
 роль Ирана 304, 308;
 нефть 124, 160, 263, 309-314;
 роль США 309, 338.
 см. также Государства Персидского залива
Перу 198, 199, 220, 223
Пешавар 156, 157
Петр Великий 38
Петра 281
Петробрас 205, 214
ПетроКазахстан 128

- Петронас 205, 364, 369
«Помимо веры», В. С. Найпол 374
Первый мир, страны Первого мира 4, 5-6, 26;
 демократия 25;
 объединение со Вторым миром 30
Персидского залива государства 263, 278-279, 309-331;
 иностранный рабочая сила 328-329
Персидский залив, война 279, 310
Пиночет, Аугусто 221-224
План Колумбия 198, 199
Платон 22, 347
Польша 30, 32, 46, 53, 431;
 сравнение с Турцией 73;
 сравнение с Украиной 45, 47
Политика 276, 433;
 в арабском мире 230, 243-244, 244, 263-264, 268;
 в Египте 263-264;
 в Латинской Америке 179-180, 199, 217;
 в Ливии 250-251;
 в Машике 287, 290;
 «супертанкеры» 241;
 в США 433-434.
 См. также Демократия; Выборы
Полк, Джеймс К. 170
Поло, Марко 103, 325, 410
Полибий 435
Полинезия 390
Пора! Движение 54
Порту-Алегри 215
Порт-Саид 255, 256
Португалия 8, 32, 169, 188
Потоси 204
Прибалтийские страны 26, 30, 33;
 отношения с ЕС 52-53;
 сравнение с Грузией 82-83;
 сравнение с Россией 42;
 отношения с Россией 39, 48-49, 52-55, 309
Приватизация 45, 200
Производственно-строительный корпус (ПСК) 120
Протестантская Реформация 169
Пруссия 13
Птолемей II, король Египта 254

- Патриотический союз Курдистана 298
Путин, Владимир 39, 40, 41, 43
Путра-Джайя 363, 364
Пу И, император Китая 414
Пай, Люсьен 393
«потребительский угар» 427
Пэйн, Томас 434
«Постижение истории» (Тойнби) 3, 17
Приднестровье 54
Первая мировая война 4, 18, 70, 72, 104, 271, 392, 442, 47;
 геноцид армян 75;
 создание Ирака 292, 294
«план Маршалла», 57, 436
«Путешествие сына Фатгумы», (Н. Махфуз), 317
Партия справедливости и развития, Турция, 241, 375
похищения людей, 193, 202, 203, 209
права интеллектуальной собственности, 404
права человека, 147, 169, 208, 312, 372, 378;
 американская сфокусированность на, 175, 435, 439, 440;
 в Китае, 312, 353, 400, 407;
 в Латинской Америке, 169, 208;
 в Марокко, 241;
производство, 177, 182, 189, 274, 281, 320, 323, 344 (сноска), 350, 352, 364, 403-404, 412
Происламская Партия справедливости и развития, 241
пророк Мухаммед, 282, 311, 317

Р

- «Разрушение Индий» (де Лас Касас) 169
Революционные вооруженные силы Колумбии (ФАРК) 199, 200, 202, 203, 214, 220
Развивающиеся рынки 25
Рафах 256, 277
Рахмонов, Имомали 138
РамаIV, король Таиланда 384
Рашид, Шейх 322
Ратцель, Фридрих 16
Рейган, Роналд 174, 185, 247, 436
«Реконкиста» 184
Регистан, медресе 142
«Республика» (Платон) 347
Реза хан, шах Ирана 301

- Райс, Кондолиза 12
- Рихтхофен, барон Фердинанд фон 163
- Рига 42
- Римленд, теория 338, 339
- Рио-де-Жанейро 210, 213
- Рио Гранде 184
- Рияд 231, 315, 316, 319-321
- Рерих, Николай 104
- Римская империя 8, 34, 67, 90, 102, 258, 435;
в Северной Африке 235, 240, 244, 248, 254;
сравнение с США 185, 426
- Румыния 57, 58, 80
- Рондели, Александр 86
- Рузвельт, Франклин Д., 171
- Рузвельт, Теодор 170, 171, 335
- Розекранц, Ричард 35
- Революция роз» 83, 84
- «Роснефть» 109
- Руссо, Жан-Жак 442
- Royal Dutch Shell 355
- Руми 77, 303
- Рамсфельд, Дональд 397
- Россия 14-15, 28-29, 34, 38-44, 46-55, 81, 104-113, 211, 218, 328, 439, 441;
отношения с Прибалтийскими странами 39, 49, 52-55, 309;
интересы в Черном море 50, 71, 78-79, 80, 86, 90;
интересы в Каспийском море 89;
отношения с Кавказом 81, 82, 84-90, 94-98, 309;
отношения с Центральной Азией 78-79, 101, 104-113, 115, 125-129, 131,
135-139, 146, 147, 149, 152, 154, 163;
сравнение с Китаем 414;
отношения с Китаем 14, 105, 106, 109-113, 275-276;
отношения с ЕС 41-42, 43, 53, 73, 112;
Дальний Восток 108-112, 336, 379;
четыре целостности 38; отношения с Грузией 84, 85, 86, 89-90, 97;
отношения с Ираном 304-305, 306;
отношения с Японией 112;
сравнение с Казахстаном 132;
отношения с Казахстаном 125-129, 132;
отношения с Киргизией 135-136;
армия 109, 110;
природные ресурсы 39-43, 49, 52, 72, 78, 86, 109, 112, 128, 152, 236;
«ближнее зарубежье» 49;

- новый империализм 82;
- ядерное оружие 40, 41;
- нефть 39-40, 42-43, 52, 78, 109, 112;
- отношения с Сирией 290-291;
- отношения с Турцией 70, 71;
- отношения с Украиной 44, 47-52, 86, 126;
- отношения с США 41-42, 88, 95-96, 105, 112;
- отношения с Узбекистаном 146, 147, 149;
- венесуэльские АК-47 193. см. также Советский Союз
- Россия, царская: отношения с Центральной Азией 100, 102-103, 162;
 - в Крымской войне 79, 103;
 - т в «большой игре» 78-79, 104, 116, 121, 127-128;
 - отношения с Японией 112;
 - покупка Аляски Америкой 170;
 - в Первой мировой войне 104
- Русско-Японская война 112
- Рыжков, Владимир 52
- «Революция тюльпанов» 135
- «рыночный ленинизм», 414
- Региональная власть Курдистана, 297

С

- Саакашвили, Михаил 84-87
- Садат, Анвар 256, 263, 267
- Сефевиды 232
- Сахара, пустыня 230, 236, 237, 244
- Санкт-Петербург 38, 41
- Сахалин 112
- Салафисты 237
- Самаринда 372
- Самарканд 90, 102, 142
- Сампер, Эрнесто 202
- Сантандер, Франсиско 201
- Сан-Паулу 178, 207, 209, 211, 213, 218, 221, 410
- Сараево 63-65
- Саркози, Николя 235
- Сауд, Мохаммед ибн 315
- Сауд, принц Абдул Азиз 315
- Саудовская Аравия 24, 124, 195, 268, 278, 279, 310, 312, 314, 315, 320, 326, 370;
 - отношения с Китаем 311;
 - отношения с Египтом 269;

- иностранные рабочие 318;
 - отношения с Ираном 294, 306;
 - отношения с Ираком 294, 295, 314;
 - отношения с Иорданией 278-279;
 - Саудовские миссионеры 61, 104;
 - нравственные проступки 317-318;
 - нефть 24, 124, 196, 243, 251, 310-311, 313, 314-315, 319;
 - отношения с пакистанскими медресе 158;
 - отношения с Палестиной 277-278;
 - терроризм 266;
 - объединение 272, 278-279;
 - отношения с США 268, 303, 310, 311, 313, 315, 319, 320
- САВАК 302
- Сальвадор 185
- Свобода торговли 177, 311, 322, 436;
- в Латинской Америке 186, 193, 203-204, 210-211, 219-220, 223;
 - в Марокко 243
- Совет Европы 34, 163
- «Союз ради прогресса», 172, 225
- Северная Африка (Магриб) 232-253, 255, 269, 281, 292;
- связь с Европой 235-244, 247;
 - отношения с Францией 103, 235, 236, 237, 243;
 - исламисты 24-241, 243;
 - нехватка рабочей силы 238;
 - природный газ 42-43, 238, 243, 246
- Северная Америка 216, 311;
- торговый блок с Латинской Америкой 168
- Североамериканская зона свободной торговли (НАФТА) 181, 182, 184, 186
- Северная Корея 159, 340, 352;
- отношения с Китаем 15, 337, 439;
 - отношения с США 339, 386
- Северный Вьетнам 384
- Северо-Западная пограничная провинция 157, 160
- Сельское хозяйство 58, 120, 135, 280, 360;
- коллективизация 104, 145;
 - в Южной Америке 199, 203, 208, 211, 216, 218;
 - субсидии 50, 203, 211, 238.
- «Ситибанк» 428
- «Скотный двор», Оруэлл 263
- смертная казнь 76, 400
- «Столкновение цивилизаций» (Clash of Civilizations), (Хантингтон) 17
- Содружество независимых государств (СНГ) 82, 96, 107

- Суд Европейского союза 31
Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива 309, 310
Стражи революции 303
Сизэп 208
Севастополь 50, 79
Самоопределение 8, 172, 172-173
Сельджуки 68, 102
Сен, Амартья 343
Сеул 123, 336, 345
Сепаратизм 106, 120, 160, 271;
 Курдский 71
11 сентября, террористические атаки 19, 140, 266, 313
Сербия, сербы 58-62, 63-64, 97;
 сравнение с Грузией 83;
 октябрьская («бульдозерная») революция 60;
 захваченная османами 70-71
Сербская партия радикалов 60
Сьюард, Уильям 170, 176
Сибирь 100, 108, 112, 174
Сиенс 402
Силиконовая долина 62
Серебро 169, 205
Синайский полуостров 255
Сингапур 123, 336, 341, 353, 354-358, 363, 368, 373, 377, 378, 402, 408;
 отношения с Китаем 336, 350, 355, 356, 363, 401;
 отношения с Индонезией 374;
 исключение из Малайзии 369;
 портовые льготы 322;
 отношения с США 356-357
Синопек 109, 122, 127
Советско-китайский раскол 112, 335
Сестры ислама 366
Скобелев, генерал 103
Словакия 30, 32
Словения 30, 53, 57
Смит, Адам 23, 202
Социализм 190, 245, 289; Джамахирия 245
София 67
Солана, Хавьер 61
«Солидер» 286
Сомали 357
Сорос, Джордж 62

- The Sources of Soviet Conduct (Kennan) 41
- Советские тюркские республики 121
- Советский Союз 29, 34, 44, 53, 54, 110, 116, 141, 289, 350, 387;
в Афганистане 138-139, 154, 155, 315;
в арабском мире 256, 271, 279, 310, 331;
в Азербайджане 89-90;
покорение Центральной Азии 104, 109, 113, 150-151;
отношения с Китаем 112, 335, 399-400;
развал 8, 9, 30, 34, 38-39, 119, 131-132, 138, 335, 414;
в Грузии 83, 84;
отношения с Ираком 293;
ислам и 137, 142-143;
в Казахстане 105, 124, 132;
в Киргизии 134, 136;
мифотворчество Рейгана 174;
на Украине 49;
отношения с США 172, 440;
во Второй мировой войне 104, 302.
См. также Россия
- Соевые бобы 174, 211
- Спратли и Парасельские острова, архипелаг 388
- Спайкмен, Николас 26, 338, 339
- Сребреница 60
- Сталин, Иосиф 49, 51, 83, 92, 110, 142, 143;
отношения с Центральной Азией 113, 142-143;
в Грузии 83;
в Ялте 51
- Сталинизм 53, 66
- Сталь 261, 269, 407
- Стиглиц, Джозеф 427
- Судан 15, 103, 252, 255, 270, 313, 370, 381, 446;
англичане в Судане 103;
отношения с Китаем 15, 251-252;
нефть 251
- Суэцкий канал 103, 247, 256, 258
- Суфийский ислам 77, 303
- Сахар 19, 208, 300
- Сухарто 371, 373, 376, 377
- Смертники 144, 275, 374
- Сукарно 362, 371, 376
- Судеймания 298
- Суматра 357, 372, 373

- Сунниты 144, 262, 278, 285, 286, 294, 295, 298, 320;
конфликт с шиитами 77, 104, 234;
в «Хизб ут-Тахрир» 144
- Суннитстан 293, 295
- Сунь Цзю 398
- Сунь Ятсен 411
- «супертанкеры» 241
- «Сучжоу», индустриальный парк 401
- Сайкс-Пико, соглашение 271
- Сирия 25, 69, 262, 269, 272, 278-281, 289-291, 296, 300;
отношения с Китаем 291;
слияние с Египтом 268-270;
отношения с Ираком 284-295;
отношения с Израилем 288;
сравнение с Ливаном 284-285;
разделение 271;
отношения с Турцией 70-71, 76, 289, 290, 299;
отношения с США 289
- США 4, 8-21, 39, 97, 108, 287, 319, 349, 418-446;
как «беззлая империя» 420-421;
смещение 19-20;
приток капитала 178-179;
пренебрежение со стороны Центральной Америки и стран Карибского бассейна 186-187;
коалиционный стиль 13, 84-85, 421-422;
преступность 395-396, 432-433;
упадок среднего класса 428-429;
продвижение демократии 51-52, 146, 420-421, 423;
потребление наркотиков 183-184, 199-200, 202-203;
экономика 20, 32-33, 426, 437;
исключительность 438-439;
экспансия 10-11, 116, 118-119, 169-170, 421;
отношения с G-20 210;
глобальное военное присутствие 10-11, 12, 35, 136-137, 140, 146, 151-152,
- 154, 237, 421, 423;
мировая война с террором 103-104, 121, 146, 421;
политика добрососедства 33, 171;
гегемония 171, 336, 420, 434;
неравенство доходов 74, 396, 427-428;
как угроза безопасности 12;
разрушение международных институтов 440;
в Иракской войне 31, 36, 72-73, 84, 230, 272, 292, 293, 297, 310, 423;

идея «божественного предназначения» 170;
торговые клрабли 237;
доктрина Монро 170, 171, 188, 225, 340;
стратегия национальной безопасности 12;
в Океании 390;
нефтяные компании 196;
политика «открытых дверей» 170, 172-173, 392;
как плутономия 427-428;
религиозное возрождение 434-435;
самообновление 435-436;
из первого мира во второй 426-438;
как сверхдержавы 6-7, 11-12, 21-22, 24, 103-104, 171, 233, 399, 419, 420,
425, 438-446;
 торговля 19-20, 72-73;
 война с наркотиками 198, 204
Синьцзян 116-123, 127, 128, 138, 158, 391, 415
Сапатистская армия национального освобождения 181
Сионизм 268
Силва Лула да, Луис Инасио, 209, 214
Средиземное море, 68, 72, 237, 240, 243, 247, 249, 254, 255, 256, 276, 288, 337;
 цивилизации Средиземноморья, 235-236, 244;
 порты, 290
средние века, 79, 312-313
«Средний Восток и Северная Африка», 229 (сноска)
Стамбул, 8, 67, 68-69, 70, 71, 75, 78, 201, 213, 287, 290

Т

Тайбэй как город глобального значения 345
Тайвань 174-175, 340, 343, 349, 388;
 отношения с Китаем 336, 337, 391, 401-402, 411-414;
 отношения с США 338-339, 397, 412
Таджикистан 100, 102, 115, 117, 118, 134, 136-138, 142, 144;
 отношения с Китаем 105, 117, 136;
 ислам 137, 143-144;
 Худжандская область 146
Такази, плотина 252
Таласская битва 136
Талибан 154, 155, 157, 159, 304
Таллин 29, 42
Тальшские горы 90
Тамерлан (Тимур) 103, 141, 142, 146, 150

- Танжер 235, 238, 243, 248, 253, 287, 325
Ташкент 100, 103, 114, 117, 141, 143, 144, 146;
 как полицейский город 146;
 атаки смертников 145
Татары, Татарстан 79, 86
Тэйлор, А. Дж. П. 443
Тбилиси 29, 82, 84, 85-87, 125
Технология 10-11, 438;
 в Китае 401, 402;
 военная мощь и технология 10-11;
 взгляд Шпенглера 342-343;
 в США 428, 437, 443
Тегеран 303, 306-308
«Темасек» 323, 354, 401
ТЕМ, автострада 69
Тенгизское нефтяное месторождение 125, 127
Террор, война 104, 121, 156, 233, 369-370, 420;
 участие Узбекистана 143, 146
Терроризм, террористы 13, 140, 233, 237, 265, 362, 420, 423;
 осуждение Египтом 265-266;
 в Иране 304-305;
 в Машрике 277, 280;
 в Северной Африке 236, 237;
 государственные спонсоры 246-247;
 сионистский 276
Техас 116, 117, 170, 185
Текстиль 141, 204, 211, 261, 282, 364
Таиланд 346, 362, 363, 370, 373, 382-386;
 отношения с Китаем 384-385, 394-395;
 отношения с США 369-370, 384
Таксин Чинават 386
«Теория нравственных чувств» (Смит)
Тихоокеанская эра 335
Тезигер, Уилфред 312
«Третья универсальная теория» (Кадафи) 246
третий мир, страны 4, 5-7, 24, 25, 153;
 Кавказ и Третий мир 81, 82
«Три ущелья», гидроэлектростанция 406
Тибет (Синьцзян) 103, 116-119, 122, 391, 415
Тянь-Шань (небесные горы) 100, 134, 136
Тимбукту 236
Тимур см. Тамерлан

- Тито (Иосиф Броз) 57
Токвиль, Алексис де 433
Токаев, Касым-Жомарт 125
Токио 336, 345, 410
Толстой, Лев 86
Торрес-Гарсия, Хоаким 216
Торугартский перевал 136
Тулуза 208
Туризм 6, 72, 274, 275, 280, 291, 306, 330;
 в Крыму 50;
 в Египте 256, 261;
 фавела 213;
 в Киргизии 134;
 в Северной Африке 249, 250, 313;
 в Таиланде 384;
 в Синьцзяне 122-123
Тойнби, Арнольд 3-4, 11, 21, 26, 423, 432;
 о Бирме 381;
 о цивилизации 21, 426, 443;
 взгляд на историю 443, 444;
 об исламе 232, 319;
 об Иерусалиме 274;
 о Ла Тенасе 197;
 о жителях приграничной полосы 424;
 о срединном пути 36;
 о «иллюзии бессмертия» 10;
 о необходимости политического объединения 439; о
 Северной Африке 239;
 о Сингапуре 357;
 сравнение со Шпенглером 17;
 о Суматре 373;
 о Тегеране 307;
 о Таиланде 384
Торговля 20, 35-36, 322, 377;
 в Бразилии 208, 210-211;
 в Центральной Азии 106-107, 117, 122, 136, 137, 145;
 в Китае 117, 122, 136, 137, 145, 174, 211, 251, 385, 398-404;
 в Европе 13, 73;
 в Индии 357-358;
 в Иране 137, 304-305, 323;
 в Латинской Америке 174, 175, 176, 193-194, 203-204, 205, 208, 210-211,
 220, 222-223;

- между Ливаном и Сирией 289-290;
- в Северной Африке 243, 244;
- Североамериканский-Латиноамериканский блок 168;
- морская 255-256;
- в Турции 71, 72, 75-76, 79-80.
- см. также Свобода торговли
- Tragedy of American Diplomacy (Williams) 172
- Трансазиатская железнодорожная сеть 123
- Транскавказская федеративная модель 89
- Транснефть 112, 126
- «Трех границ», регион 220
- Триполи 244, 245, 247, 248-250, 286
- Трумэна доктрина 13
- Туареги 244
- Тунисская декларация 284
- Тунис, тунисцы 235, 236, 240, 241, 243, 246, 248, 313;
 - как рабочая сила 242-243;
 - попытки слияния с Ливией 246;
 - тунисские мигранты в Ливии 248-249
- Туркестан 116, 120, 121, 122, 143, 153
- Турция 24, 67, 68-80, 104, 290, 299, 433;
 - трубопровод БТД 87;
 - отношения с Центральной Азией 104;
 - отношения с Египтом 255;
 - отношения с ЕС 69-76, 183-184, 238, 291, 299-300, 302;
 - отношения с Грузией 87;
 - «оскорбление турецкости» как преступление 75;
 - исламистские тенденции 75-78, 91, 161, 375;
 - сравнение с Казахстаном 125;
 - курды 72, 76, 97, 295-300;
 - вооруженные силы 73, 76;
 - сравнение с Марокко 240;
 - цены на нефть 433;
 - гордость 74;
 - стратегическая роль 68-69, 78;
 - отношения с Сирией 76, 289-290, 291, 300;
 - отношения с США 70-71, 72
- Тюркские языки 113
- Тюркские племена 79
- Турецкое Национальное собрание 70
- Туркменистан 101, 104, 115, 150-152, 163
- Twenty Years' Crisis, The (Carr) 421

Тимошенко, Юлия 47, 48
Тир 285
Третья мировая война, предотвращение 18, 399
транснациональные корпорации, 4, 20, 32, 176, 402-403

У

Украина 30, 44-54, 69, 80, 97, 124;
 отношения с ЕС 50-51, 52, 238;
 отношения с Грузией 87;
 Оранжевая революция 47-50, 79;
 отношения с Россией 30, 47-52, 86, 126;
 раскол 45, 47-48;
 отношения с США 51
Unrestricted Warfare (Ling and Xiangsui) 399
Уран 85, 117, 130, 140, 159, 307, 353
Урибе, Альваро 198-202
Урумчи 120, 122
Уйгуры 118, 120, 122, 123
Узбекистан 15, 80, 115, 117, 120, 134, 136-138, 140-152, 163, 289, 381, 446;
 закрытие границ 145;
 отношения с Китаем 14-15, 117, 146, 148;
 исламские группы 142-144, 149;
 отношения с Киргизией 135;
 как полицейское государство 145-146;
 отношения с Россией 146, 147, 148;
 отношения с США 140, 146-147, 149, 151-152
Узбеки в Афганистане 153, 154
Уол-Март 403, 428, 443
Уайльд, Оскар 399
Уильямс, Уильям Эшплмен 172
Уилсон, Арнольд 293, 296

Ф

Фейсал, Эмир 271, 272
Фолклендские острова 194, 217
Фанские горы 138
ФАРК см. Революционные вооруженные силы Колумбии
ФАГХ 278
Фатх аль-Ислам 286
«Федералист», № 10 434

- Федеральная территория зоны племен Пакистана 158
Федерация Малайзия, 353
Ферганская долина 122, 134, 141, 142, 154
Фергосон, Найэлл 420
Фес 232, 239,
«Файнэншл таймс» 36
Филиппины 338, 363, 373, 388, 389;
 отношения с Китаем 363, 389;
 отношения с США 171, 338, 356
«Философия революции» (Насер) 245
финикийцы 244
«Форин афферс» 171
Франция 8, 77, 79, 169, 235, 271, 439;
 сельское хозяйство 50;
 в Крымской войне 79;
 как империя 8; отношения с Германией 12, 42-43;
 мусульмане 43, 77;
 в Новом свете 169;
 в Северной Африке 103, 235, 236, 237, 243;
 ядерное оружие 131;
 сравнение с Россией 42-43;
 ношение платка 77
Франко, Итамар 214
Франц Фердинанд, эрцгерцог Австро-Венгрии 64
Фрейд, Зигмунд 260
фрейдизм, геополитика против глобализации 19
Фридман, Мильтон 222
Фридман, Томас 21
Фукуяма, Фрэнсис 17
Фундаментализм 18;
 исламский 298, 320, 367, 370, 376
Фукидид 22
Фольксваген 32, 163, 245, 402

Х

- Херсонес 78
Хлопок 19, 96, 103, 104, 141, 163, 261, 387
«Холодная война» 13, 35, 110, 112, 158, 303, 399, 426, 439;
 ... и арабский мир 230, 271, 279, 310;
 в Азии 339, 342, 358, 362;
 в латинской Америке 171, 172, 210, 221, 225;

- роль Турции 68-69, 73
- Хорватия, хорваты 58, 59
- Христианство, христиане 29, 61, 232, 234, 274, 373, 415, 435;
связь с Европой 34, 118;
в Грузии 89; 285;
православие 29, 45, 79, 274
- «Хамас», 276, 278
- «Хезболлах», 220
- «Хизб ут-Тахрир» (Партия освобождения), 144
- «Хонда», 437
- Хабиби, Б.Ю., 376
- Хабур, мост через реку, 299
- хавала (доверие), метод денежных переводов, 267, 268
- Хаджи-Мурат (Л.Н. Толстой), 86
- Хайберский проход, 156, 157
- Хайнань, 413
- Хайфа, 274, 288
- Хамдан, Гамаль, 258
- Хан, Абдул Гадир, 159
- Ханой, 388
- Хантингтон, Самюэль, 17, 89, 319, 430
- ханьцы, 118
- Хардинг, Уоррен, 345
- Харири, Рафик, 285, 286, 287
- Харири, Саад, 285
- Хартум, 252
- Хасан II, король Марокко, 241
- Хаусхофер, Карл, 16
- Хикел, Уолтер, 112
- Хо Ши Мин, 388
- Хокинг, Стивен, 446
- Хомейни, аятолла, 302, 303, 308
- Хотан, 121
- Ху Цзиньтао, 395, 396
- Худжанд, 102, 138, 146
- Хулагу-хан, 296
- Хусейн, король Иордании, 283
- Хусейн, Саддам, 268, 279, 280, 292-297, 303, 306, 324

Ц

Центральное командование США 158, 310

- Центральная Америка 175; порты 174; как угроза безопасности 185-186
ЦАФТА 186
Центральная Азия 8, 13, 15, 38, 71, 78, 79, 100-163, 292, 358;
 заключение 162-163;
 имперский переворот 101-102;
 сравнение с латинской Америкой 203-205;
 взгляд Макиндера 103, 110, 123, 162, 338, 339;
 статус зоны, свободной от ядерного оружия 131;
 нефть 24, 49, 81, 101, 121, 124-129, 131, 148, 151;
 османы 68;
 сравнение с Украиной 46;
 отношения с США 104-105, 115, 125, 128, 131, 135, 137, 139, 144, 146-147,
149, 151-152, 154, 156, 158, 159, 160, 162
Центральная Европа 29, 30, 33
«Цивилизация перед судом истории» (Civilization on trial) (Тойнби) 11, 232
ЦРУ 140, 221, 302

Ч

- Чавес, Уго 189-198, 205, 209, 219, 221, 222, 365;
 планируемый им трубопровод 195, 205, 219
Чан Кайши 411
Чад 205, 237, 246, 248
Челлен, Рудольф, 16, 29, 48
Чеменземенли, Юсиф Везир 90
Чехия 30, 32, 62
Черное море 30, 38, 68, 69, 78-80, 81, 89;
 пляжи 58;
 предлагаемый канал 126;
 Российские интересы 50-51, 72, 78-79, 80, 86, 89
Черчилль, Уинстон 38
Четвертый мир 24
Чечня, чеченцы 86, 91
Чили 25, 177, 187, 207, 208, 216, 220-224, 242
Чингисхан 101, 102, 103, 124, 296
Чонгкин 406
Чень Биджань 338
Чжэн Хэ 394, 395, 397
Чжоу Гао-чи 394
«Человек и сверхчеловек» (Дж. Б. Шоу), 97
«Человек и техника» (О.Шпенглер), 342

Ш

- Шанхай 118, 119, 159, 328, 343, 350, 402, 406, 409, 410;
 как глобализированный город 345;
 присутствие японцев 351;
 транспорт 117, 342-343, 401
- Шанхайский «Автомотив» 402
- Шестидневная война (1967) 268, 273
- Ширак, Жак
- ШОС (Шанхайская организация сотрудничества) 105-108, 111, 115, 139, 156, 163, 421;
 участие Афганистана 154, 155;
 сравнение с НАТО 106-107;
 участие Пакистана 155, 160
- «Шанхайская пятерка» 105-106
- шариат 114, 317, 319, 323, 366, 367, 375, 376
- Шарм-эль-Шейх 256, 261
- Шагт аль-Араб 294
- Шоу, Джордж Бернард 97
- Шеварднадзе, Эдуард 83, 84
- Шииты 77, 91, 95, 234, 285, 294;
 в Ливане 285, 286, 287;
 конфликт с суннитами 77, 104, 234
- Шиитстан 293, 295
- «шоковая терапия» 252
- Шуры, советы 320
- Шелк 142
- Шелковый путь 116, 124, 141, 154, 162, 312, 339;
 в арабском мире 231;
 новый 124, 134-138, 141, 154, 155, 162, 163, 289, 300;
 пульсация и масштаб 142
- Шпенглер, Освальд 17, 342
- Штрук, Петер 154

Э

- Экология 19, 36;
 кризисы и экология 288, 379;
 загрязнение 255, 282, 338, 407, 413;
 охрана 208, 214-215, 222-223, 379
- «Экономические последствия мира» (Кейнс) 10
- экономическая интеграция 13, 309
- экономическая власть 10

Эквадор 199, 204, 206, 207
Экваториальная Гвинея 253
ERASMUS, поколение 34
Электричество 295, 223, 383, 405, 432
Эльчибей, Абульфаз 92
Экстремизм 106, 146, 265, 273, 320
Эрбакан, Неджметтин 76
Эрдоган, Реджеп Тайип 69, 78
Эриксон, Эрик 427
Эритрея 237, 252
Эскондида, рудник 223
Эстония 26, 30
Этанол в Бразилии 168, 215
Эфиопия 254, 255
Эш, Тимоти Гартон 440
Эшдаун, лорд Пэдди 56
Эчен 120

Ю

Южная Америка 3, 15, 26, 36, 163, 169, 180, 197, 203, 206, 215, 220;
 последствия политической нестабильности 189;
 природные ресурсы 167, 169;
 единство 188, 195, 196, 197
 См. также Отдельные страны
Южноамериканское сообщество наций 180
Южная Азия 3, 24, 105, 157, 208, 219, 229, 231, 340, 358;
 сравнение с арабским миром 230-231
Южноазиатская ассоциация регионального сотрудничества 359
Южно-Китайское море 340, 388
Юго-Восточная Азия 26, 101, 106, 114, 233, 240, 344, 346, 362, 383, 386, 395;
 отношения с Китаем 336, 340;
 модернизация 240
Южная Корея 337, 339, 343, 358, 369, 370;
 отношения с Китаем 351-352, 370;
 отношения с США 338, 351, 370
Южная Осетия 86, 88
Юго-Западная Азия (Машрик) 255, 271-292, 295;
 использование термина 229
Юе 411, 413
Югославия 56, 57, 59, 62, 66
Юм, Давид, 441

Юньнань, провинция 368, 382
«южная провинция Юньнань» 382
Ющенко, Виктор 46-49

Я

Ядерная держава 51-52, 130, 193, 220, 353
Ядерное оружие 22, 112, 159, 193, 219, 247, 305, 306, 351, 439, 443
Ялта 51
Янов, полковник 100, 104, 128
Янукович, Виктор 46, 48, 52
Янгхасбенд, Фрэнсис 100, 104
Ява, 373, 377, 395
Ямайка, 194
Япония, 15, 64, 212, 223, 324, 336, 412;
 демократия в, 343-344 (сноска);
 в сравнении с Китаем, 401;
 в сравнении с США, 432, 437;
 во Второй мировой войне, 350, 371, 378, 390;
 отношения с Китаем, 336, 337, 345, 350-351;
 отношения с США, 339, 350, 351, 423, 426

Научное издание

Параг Ханна

**ВТОРОЙ
МИР**

Художник

А. Семенов

Компьютерная верстка

М. Долгова

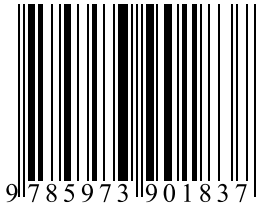
АНО «Центр исследований постиндустриального общества»
101000, Москва, Милютинский переулок, д. 2

Издательство «Европа»

Подписано в печать с оригинал-макета 15.07.2010 г.

Тираж 5000 экз.

ISBN 978-5-9739-0195-0

9 785973 1901837